

Салават ИСХАКОВ

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

И МУСУЛЬМАНЕ
Российской империи

Участники II Всероссийского мусульманского съезда. Петербург. 13-23 января 1906 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ,
ДВИЖЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ

С.М. Исхаков

ПЕРВАЯ РУССКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
И МУСУЛЬМАНЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Москва

Издательство «Социально-политическая Мысль»

2007

УДК 93.94
ББК 63.3(2)
И91

Исхаков С.М.

И91 Первая русская революция и мусульмане Российской империи.

— М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2007. — 400 с.

Данное исследование посвящается первой русской революции и ее воздействию на мусульманские народы. В книге раскрывается роль общемусульманского движения в период столкновений революционных и реформаторских идей и определяется его место среди других народных движений, охвативших многочисленные этносы Российской империи в начале XX века.

© Исхаков С.М., 2007.

© Институт российской истории РАН, 2007.

© Издательство «СП МЫСЛЬ», 2007.

ISBN 978-5-91579-001-7

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. Мусульмане начала XX века в отечественной и зарубежной историографии	7
ГЛАВА 2. Религиозно-политическое «брожение» мусульман на рубеже XIX–XX веков.....	63
ГЛАВА 3. Нарастание общемусульманского движения	103
ГЛАВА 4. Межэтнические и межконфессиональные отношения и конфликты с участием мусульман в 1905 году	145
ГЛАВА 5. I Всеобщий (Всероссийский) мусульманский съезд	162
ГЛАВА 6. Политическая жизнь мусульман в конце 1905 года.....	173
ГЛАВА 7. II Всеобщий (Всероссийский) мусульманский съезд	203
ГЛАВА 8. Участие в выборной кампании мусульман и их депутаты в I Государственной думе	218
ГЛАВА 9. Особенности поведения мусульман во второй половине 1906 года	233
ГЛАВА 10. III Всеобщий (Всероссийский) мусульманский съезд.....	253
ГЛАВА 11. Мусульманская фракция во II Думе и IV Всероссийский мусульманский съезд	264
ГЛАВА 12. Мусульманская фракция в III Думе и послереволюционная партийная жизнь Союза российских мусульман.....	287
ГЛАВА 13. Влияние революции на мусульман.....	303
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	318
ПРИЛОЖЕНИЕ	323
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Резолюция I Всероссийского мусульманского съезда	323
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Резолюция II Всероссийского мусульманского съезда	326
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Сравнительная таблица переводов программы Союза российских мусульман из 72 пунктов.....	327
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Сравнительная таблица программ Мусульманской партии и мусульманской фракции Государственной думы	344
Список сокращений	386
Именной указатель.....	387

Одной из актуальных проблем мировой историографии продолжает оставаться изучение общих тенденций первой русской революции и ее особенностей, которая была обусловлена глубоким кризисом в общественном развитии, приведшим к небывалому столкновению различных сил и массовых движений, охвативших многочисленные народы, входивших в состав Российской империи. Страна кипела, как в котле: она проделывала свою первую революцию. Народные массы охватило напряжение и беспокойство, так же как и самые верхи общества, не сумевшие эффективно управлять. В условиях масштабного кризиса, резкой поляризации русского общества, социальных и политических конфликтов мусульмане империи, однако, не подпали под революционную эйфорию, а двинулись по пути сплочения своих рядов, к чему политизированная часть остального общества отнеслась с тревогой. Это движение мусульманской части общества являлось для него во многом непонятным и чуждым. На самом же деле мусульмане имели чувство ответственности за судьбу своей родины и будущих поколений, и потому они не воспринимали любые проявления социального экспериментирования, политического проектирования, не захотели влиться в тот бурный и мутный поток разнообразного экстремизма и терроризма, который распространялся тогда по стране. Позиция мусульман демонстрировала строгое самоограничение, разумную осмотрительность, взвешенность принимаемых решений во всех областях жизни, в том числе политической. Данный факт вызывает до сих пор непонимание и в академической науке, не говоря уже о массовой литературе. Особенное недовольство при этом возникает в отношении общего движения мусульманских народов империи в начале XX в., которое, несмотря на очевидность этого явления, отрицается на том основании, что нельзя, дескать, «валить в одну кучу» азербайджанских рабочих, казахских пастухов, кавказских чабанов, татарских торговцев и др.

Во время первой русской революции впервые возник такой важный фактор общественно-политического развития, как мусульманское движение, которое сыграло большую, но малоосвещенную роль в истории Российской империи начала XX в. Это движение покоилось на реформаторской почве, уходящей корнями в прошлое, опиралось на важные перемены, происходившие в оценке роли ислама на протяжении XVIII–XIX вв. в общественной мысли. В интеллектуальной среде происходили существенные перемены в оценках исламской цивилизации. Отношение к ней, как правило, было предвзятым. Многие ученые, предвзято интерпретируя или даже фальсифицируя факты, даже утверждали, что религиозный фанатизм якобы являлся доминантой мусульманской психологии,

пытались доказать не только исконную враждебность мусульманских народов христианской Европе, но и их врожденную склонность к джихаду.

На самом деле фанатизм не был характерен для массовой психологии мусульман империи, у которых на рубеже XIX–XX вв. происходили глубинные перемены, связанные с происходившей «реформацией» в их среде, чего не могли не знать эксперты-исламоведы, сознательно искажавшие ситуацию. Их пренебрежительные в отношении ислама суждения вызывали законное возмущение среди мусульманских интеллектуалов. В частности, в 1901 г. А. Агаев писал, что «большая публицистика, обыкновенно во всем резкая, прямолинейная, не разбирающаяся между следствиями и причинами и зачастую принимающая одно за другую, как на Западе, так и особенно у нас в России, держится того мнения, что будто бы во всем, что творится на мусульманской земле, виноват один ислам и что не будь этого учения, там, на этой земле, все пошло бы иначе. Для последователей этого взгляда мусульмане, пока они останутся мусульманами, не будут способны ни к какому нравственному или социальному прогрессу. Находя все зло в самом исламе, они видят единственное спасение для них в искоренении самой религии. Мнение это — остаток предрассудков прошлого — является отражением продолжающих жить в народном сознании Запада воспоминаний о долгой борьбе между Западом и Востоком, противопоставления христианства и ислама, кажущихся для простого, не привыкшего к вдумчивости, человека двумя непримиримыми крайностями, и, наконец, влияния долго господствовавших между народами Запада византийской и латинской антимусульманской литературы... Научное востоковедение совершенно перевернуло существовавшие дотоле взгляды на... Магомета и его учение. Магомет является уже не в образе... Антихриста... а великого реформатора, потрясавшего мир своими оригинальными, новыми и местами весьма возвышенными идеями... Ни Коран, ни шариат сами по себе не противны прогрессу; только их носители — шейхи и улемы — постарались, в личных выгодах, придать характер непримиримости с цивилизацией... Мусульманская религия по существу своему жизнерадостная, прогрессивная. Учение о фатализме в ней является не в виде мрачного гнетущего давления какой-то роковой, неумолимой силы над человеческой судьбой, а в виде подкрепляющего и ободряющего примирения *post factum* со случившимся. Ведь сам мусульманский пророк не раз повторял: «Доверь верблюда своего Богу, но предварительно свяжи ему колена»¹. Агаев, не измышляя, просто и доходчиво объяснил суть дела, разоблачая предвзятые суждения разного рода «экспертов»-востоковедов и «специалистов»-исламоведов относительно ислама и мусульман в Российской империи.

* Ахмед (Ахмедбек) Агаоглу (Агаев) (1869–1939) — азербайджанец, выпускник Сорбонны, ученый-исламовед, журналист, общественный деятель.

¹ Агаев А. Женщина по исламу и в исламе. Тифлис, 1901. С. 4–5, 9–10, 59.

Но тезис о том, что мусульмане были якобы склонны к религиозному фанатизму, постоянно муссировался не только некоторыми обозревателями начала XX в. Это заблуждение имеет своих многочисленных современных сторонников и в научной среде, намеренно представляющих мусульман как иррациональных и агрессивных приверженцев религии, страдающих к тому же непредсказуемостью своего социального поведения, что в глазах как европейцев, так и русских граждан было большой опасностью для цивилизованного (согласно христианской морали) поведения и общения народов.

В действительности же мусульмане Российской империи — историческая религиозно-культурная этнотерриториальная социальная группа (российское мусульманство, мусульмане в России, мусульманский мир России, мусульманская Россия и т. п.). Это понятие означает прежде всего сообщество людей, для которых одной из главных проблем было место их религии в российском обществе и ее функционирование¹. После русского «ядра» мусульмане империи, как считалось среди мусульманских интеллектуалов начала XX в., составляли тогда самую значительную часть населения страны, и вся эта масса составляла не только одну религиозную общину, но также и один этнический «организм», так как все они, за малым исключением, принадлежали к тюркским народам, являясь в то же время, по свидетельству современников, государством в государстве, поскольку жили своей особой жизнью². Мусульмане, стремясь к процветанию общего государства, прежде всего требовали демократизации религиозного и гражданского управления и свободы совести, что, однако, находило и находит у исследователей разную интерпретацию.

¹ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004. С. 5.

² Каспий. 1905. 30 марта.

ГЛАВА 1

МУСУЛЬМАНЕ НАЧАЛА XX ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Первые попытки анализа отношения мусульманского населения к происходившим в России революционным событиям начала XX в. предпринимались в газетных и журнальных статьях, как правило, востоковедами и исламоведами, в том числе работавшими в мусульманской среде. Но каких-то заметных успехов не было достигнуто в понимании сложившейся ситуации. Так, директор Казанской учительской семинарии Н.А. Бобровников весной 1905 г. признавал: «...мы не знаем и того, что магометане думают и говорят, так сказать, совершенно публично. Ни русская публика, ни печать, по-видимому, даже не интересуются знать, о чем пишут магометане...»¹ Это было прямым результатом все более и более усилившегося в предреволюционные годы отчуждения мусульман, испытывавших сильное миссионерское воздействие, от жизни русского общества и государства. Тот же Бобровников, к примеру, при поддержке Британского и иностранного библейского общества подготовил и опубликовал в Казани в 1902 г. перевод Нового Завета на башкирский язык. Но такие попытки разрушить неприкосновенность религиозного уклада мусульман были бесполезны не только в отношении башкир. «Татары составляют в России отдельный национальный мир», ведущий «совершенно обособленное существование в религиозном, образовательном и бытовых отношениях...» — отмечалось летом 1905 г. Их просвещение относится к числу очень трудных и сложных задач². Педагог Н.П. Остроумов, работавший в Туркестане, в начале 1906 г. также признавал, что русские все еще очень мало осведомлены относительно столь важного фактора в духовной жизни мусульман и довольствуются «неверным, односторонним представлением, что в школах мусульман учат только Коран и толкования на него». Совершенно верно далее отмечалось, что «вопрос о школьной реформе считается прогрессивными представителями русских мусульман одним из важнейших и назревших вопросов жизни и едва ли не самым главным из них»³. Общее недовольство

¹ Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905. С. 316.

² А-в Д.А. Вопрос о просвещении татар // Русская школа. 1905. № 7–8. С. 237–238, 248. Вероятно, Аристов Николай Александрович (1847–после 1916) — историк, тюрколог, этнограф, помощник военного губернатора Семиреченской области (1881–1889); в начале XX в. житель Петербурга.

³ Остроумов Н.П. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. № 2. С. 114.

во поволжских татар вызывало состояние системы образования мусульманских детей. Во время революции школьный вопрос постоянно обсуждался мусульманскими общественными и политическими деятелями, которые предлагали проекты реорганизации учебного процесса, детальные программы преподавания предметов и пр.¹ Вот таким был один из животрепещущих вопросов жизни мусульман империи, которые постепенно отказывались от архаичных норм, стремились обновить народное образование, боролись за культуру подрастающего поколения, развивали мусульманское культурное сознание в целом.

Процесс преобразования мусульманской жизни был также очевиден для православных деятелей, вызывая у них крайнее раздражение. В миссионерских публикациях все сводилось к религиозному фанатизму, представляющим собой, по откровенному признанию одного исламофобствующего автора, «бессмысленное предубеждение против всего христианского». Пробуждение мусульман в России, помимо всего сказанного, было ответной реакцией на очередную волну насаждения православия, между тем признавал ректор Казанской духовной академии епископ Алексей³. В антимусульманской пропаганде все большее место занимало утверждение, что мусульмане и христиане в принципе не могли якобы составить органичного целого в рамках единого государства, поскольку в соответствии с подобными представлениями ислам, психология мусульман и исторический опыт взаимоотношения их с христианами «решительно говорят против возможности такого слияния». Мусульман постоянно и безосновательно обвиняли в том, что, оставаясь верными своей религии, они никогда не станут законопослушными членами государственного организма, якобы потому, что во главе его стоит немусульманин, что у них отечество будто только там, где господствует ислам⁴. «По крайней мере в течение более чем 300-летнего совместного существования мусульман с русским населением они мало, чтобы не сказать более, сблизились между собою»⁵, — писал, к примеру, миссионер Я.Д. Коблов в Казани в 1907 г. О том, что думали мусульмане, сталкиваясь с такой позицией, вспоминал А.З. Валидов*, находившийся в те годы в этом городе: «...многочисленные русские миссионеры в Казани

¹ Русова Н. К национализации школы у вотяков, якутов и татар // Русская школа. 1907. № 12. С. 34.

² Напр., см.: Доронкин В. О касимовских татарах // Православный благовестник. 1910. № 24. С. 534.

³ См.: Алексий, епископ. Современное движение в среде русских мусульман. Казань, 1910. С. 4–9.

⁴ Комаров Г. Могут ли христиане и мусульмане какой-либо страны слиться в один государственный организм с сохранением разности религий? // Оренбургские епархиальные ведомости. 1911. № 13–14. С. 328–331, 338.

⁵ Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. Казань, 1998. С. 23.

* Ахмет-Заки Валидов (Валиди) (1890–1970) — историк, востоковед, один из башкирских лидеров в 1917–1920 гг.

были фанатиками и занимались пустой пропагандой»¹. За несколько веков русская власть не смогла добиться каких-либо ощутимых результатов в преодолении преданности мусульман своей вере, иначе говоря, в стирании их исторической памяти.

Русские военные специалисты, в отличие от миссионеров, смогли гораздо больше вникнуть в особенности психологии мусульманского населения, и в их работах можно встретить весьма верные рассуждения. Так, известный военный востоковед А.Е. Снесарев, служивший в Туркестане в начале XX в., в своем исследовании откровенно признавал, что трудно сказать, каково политическое настроение памирских таджиков, «желают ли они по-прежнему пребывать во власти Бухары, тянутся ли на сторону русских или, наконец, быть может, помышляют и об афганском эмире?.. Скорее всего, их политическое настроение отличается каким-то безразличием...»². В книге военного психолога А.К. Разгонова, также служившего в Туркестане, отмечалось, что таджики-исмаилиты Памира «очень веротерпимы и совсем не фанатичны, русских они за неверных не считают и охотно с ними сходятся...»³. По глубокому убеждению И.И. Зарубина, выпускника Петроградского университета, в течение трех лет изучавшего Памир и его население, девять десятых которого принадлежало к исмаилитам, оно «чрезвычайно лояльно и вовсе не фанатично, очень восприимчиво к европейской культуре... с охотой отдает детей в русско-туземную школу, учится мастерствам...»⁴, как писал он в 1917 г. о представителях одного из течений шиитского ислама. Эти оценки свидетельствуют о весьма благоприятных переменах, не имеющих ничего общего с панисламизмом, которые произошли за сравнительно небольшой срок в психологии даже столь отдаленной группы мусульман, формально не являющихся подданными Российской империи, но близко соприкасавшимися с новыми веяниями в жизни мусульман.

В отличие от многих авторов, упирающих на невежество мусульман империи, некоторые специалисты верно полагали, что уровень культуры у разных мусульманских народов отличался. В частности, известный российский исламовед А.Е. Крымский писал, что к самому началу XX в. на Кавказе «мусульмане наиболее из всех российских мусульман имеют европейское образование и значительно превосходят в этом отношении не только крымских, поволжских и сибирских татар, но даже тюрок среднеазиатских»⁵. Бобровников отмечал в 1905 г., что согласно данным

¹ Тоган А.З.В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру / Пер. с тур. М., 1997. С. 65.

² Снесарев А.Е. Восточная Бухара. СПб., 1906. С. 41.

³ Разгонов А.К. По Восточной Бухаре и Памиру. Ташкент, 1910. С. 102.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 4616. Л. 92.

⁵ Крымский А.Е. Школа, образование и литература у российских мусульман // Этнографическое обозрение. 1904. № 4. С. 16.

1898 и 1900 гг. в Казанской губернии в русском населении один учащийся приходится на 14 человек мужского населения и одна учащаяся — на 55 женского; у мусульман же один учащийся — на 9 мусульман и одна учащаяся — на 12 мусульманок, то есть мусульманские девочки учились больше, чем русские мальчики. «Эти цифры бесспорно свидетельствуют о сильнейшем самобытном религиозно-национальном движении среди мусульман»¹, — признавал Бобровников, который был противником их системы образования. Мусульманский мир Поволжья являлся, по свидетельству петербургского востоковеда С.В. Чичериной, сестры Г.В. Чичерина, не только организованным, но и по-своему просвещенным, причем местные «мусульмане по образованию стоят выше русских»². Имея в виду поволжских татар, она, внимательно их изучив, написала, что по характеру своему они «народ живой, деятельный... а по образованию... более развиты», чем русские крестьяне. Причина этого превосходства состояла в том, что в каждом татарском ауле имелись мечеть и мулла, который учил писать, читать и давал подрастающему поколению религиозные представления. В этой работе Чичерина вновь повторила: «Мусульмане по образованию стоят выше русских». Последние же по недоразумению считали мусульман невежественной косной массой³. О сравнительно высоком уровне мусульманской грамотности и общей культуры татарских масс Чичерина, отказываясь от различных измышлений и понимая объективность происходившего на ее глазах, писала и в книге, опубликованной в 1910 г.: «...татары-мусульмане образованнее русского сельского населения, культурнее его...»⁴.

Такие существенные перемены были результатом реформаторского движения, идеологи которого предложили пути обновления жизни своих народов, чтобы не отстать в своем культурном развитии от мировой цивилизации. Провозвестником реформ, «пионером» мусульманской свободной мысли считается богослов А.-Н. Курсави (1771–1812). В числе его последователей-реформаторов были также Ш. Марджани (1828–1889) и К. Насыри (1825–1902). Марджани доказывал, что ислам нуждается в развитии наук и что возрожденные с их помощью ценности могут стать прочной основой современного мусульманского общества. Большинство исследователей его творчества выделяет в его учении шесть основных требований: иджитihad (независимое суждение в исламе) — каждый имеет право искать в Коране ответ на любой вопрос; отказ от слепого подчинения традиционным авторитетам; изъятие из медресе схоластических философских трактатов; введение в школах для мусуль-

¹ Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. С. 315.

² Чичерина С.В. О поволжских инородцах и современном значении системы Н.И. Ильминского. СПб., 1906. С. 24, 26.

³ Чичерина С.В. Как началось дело просвещения восточных инородцев. СПб., 1907. С. 5, 10, 12.

⁴ Чичерина С. О языке преподавания в школах для восточных инородцев. СПб., 1910. С. 13.

ман преподавания Корана, хадисов и истории ислама; допущение преподавания в медресе светских наук и русского языка; возвращение к возрожденным основам раннего ислама. Еще дальше в деле отстаивания сочетания ислама со светским образованием пошел Насыри. И. Гаспринский*, со своей стороны, отстаивал право мусульманина заниматься самостоятельным поиском ответов и на социальные вопросы. Подобно большинству мусульманских реформаторов Востока рубежа XX в., он выступал за свободу воли человека.

Во второй половине XIX в., когда в русской общественной мысли XIX в. принято было считать, что «народы, принявшие ислам, закосневают в нем»¹, татарские ученые, просветители выступили с идеей реформировать учебно-воспитательный процесс в мусульманских учебных заведениях (мектебах и медресе) в соответствии с запросами жизни и прогресса. В основе этого культурно-реформаторского движения российских мусульман конца XIX в. — начала XX в. лежало обновленческое течение мусульманской мысли, получившее наименование джадидизм (от арабского слова «джадид» — новый). В 1881 г. в работе «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина» Гаспринский заявил: «Мне кажется, что в будущем, быть может, недалеком, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения, как великой христианской державы»². Несмотря на подобные высказывания, деятельность Гаспринского до недавнего времени воспринималась обществоведами как панисламистская и антигосударственная. На деле его «панисламизм» носил чисто культурную направленность, не затрагивая политику и тем более геополитическую сферу.

В результате активной деятельности джадидов, мусульманских просветителей в сфере культуры и образования, в жизни мусульман империи произошли определенные сдвиги, которые зафиксировала не только Чичерина в отношении поволжских татар. Происходило, по словам другого стороннего наблюдателя, «пробуждение сознания», в частности крымских татар-учителей, а с ними и «культурно-национальное пробуждение» их народа³. Начавшаяся интеллектуально-культурная кампания была в конечном счете направлена на то, чтобы изменить отношение мусульманских масс к окружающему миру.

В Европе это стремление мусульман в Российской империи к переменам также привлекло внимание. О этом свидетельствует, в частности,

* Исмаил бей Гаспринский (Гаспралы) (1851–1914) — классик крымско-татарской литературы, просветитель, историк, публицист, реформатор мусульманской школы, идеолог национально-культурного возрождения мусульман Российской империи.

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 315.

² Гаспринский И. Россия и восток. Русское мусульманство. Русско-восточное соглашение. Казань, 1993. С. 18.

³ Чехов Н. О школах для крымских татар // Русская школа. 1907. № 10. С. 52.

статья в парижском журнале «Мусульманский мир» под названием «Русские мусульмане», автором которой являлся известный французский исламовед А. Ле Шателье¹, возглавивший созданную в 1902 г. в одном из старейших научно-исследовательских и учебных учреждений Франции парижском Коллеж де Франс кафедру по социологии и социологии мусульман. Известный тюрколог и этнограф венгерского происхождения А. Вамбери, придерживавшийся проанглийских позиций, в январе 1905 г. написал статью «Пробуждение татар», которая была опубликована в лондонском журнале². «Культурное пробуждение татар неизбежно привело их к политическому пробуждению», — писал он в этой статье. В качестве доказательства существования у татар мечты о политической свободе и свободе совести он приводил петицию, направленную в 1904 г. от имени всех мусульман, живущих в России, турецкому султану, царю, правительствам ведущих европейских держав. В петиции было сказано, что мусульмане раньше были свободны в отправлении своих религиозных обрядов и пользовались равными правами с русскими. Если бы эти права были должным образом защищены и соблюдены, татары относились бы с полным повиновением к правительству. Вамбери уверял, что какой бы ни была причина, западные идеи быстро и глубоко внедрялись в сознание татар, турок и кавказцев. Подобно русским нигилистам, они со всей страстью ухватились за них³. Обоснованность последнего суждения вызывает сомнение. Вообще статья поражает скороспелостью заключений, поспешностью и носит, в сущности, подстрекательский характер.

Вамбери во время завоевания русскими войсками Средней Азии совершил в 1863 г. поездку в этот регион и в следующем году опубликовал книгу об увиденном, которая вскоре была переведена почти на все европейские языки. В книге излагалась следующая концепция: Османская империя может основать из тюркских элементов, с которыми она связана языком, религией и историей, «от побережья Адриатики вплоть до Китая империю более могущественную, чем та, которую сумел силой и хитростью сколотить из гетерогенных элементов великий Романов. Анатолийцы, азербайджанцы, туркмены, узбеки, киргизы и татары — вот те отдельные части, из которых мог бы возникнуть великий тюркский колосс, который, конечно, померился бы силами со своим северным противником (т. е. с Россией. — С.И.) куда лучше, чем сегодняшняя

¹ Le Chatelier A. Les Musulmans Russes // Revue du Monde Musulman. 1906. Vol. I. № 2. P. 145–168.

² Vambery A. The Awakening of the Tartars // The Nineteenth Century and After. 1905. February. № 336. P. 217–227.

³ Вамбери А. Пробуждение татар // Татарстан. 1996. № 11. С. 26, 30. В книге, посвященной сравнению методов управления британцев и русских на Среднем Востоке, Вамбери еще определеннее писал, что «даже среди мусульман, находящихся под протекторатом России... мы распознаем этот дух прогресса, идущий от Запада, и передаваемый им через русские источники» (Vambery A. Western Culture in Eastern Lands: a comparison of the methods adopted by England and Russia in the Middle East. L., 1906. P. 272).

Турция»⁴. Вамбери, как недавно установлено, состоял на службе у британского правительства, был, проще говоря, английским разведчиком⁵. Его до сих пор популярные у некоторых современных авторов «образцовые» сочинения, имевшие нескрываемую антироссийскую направленность, заложили основу таких «научных» направлений, как «пантюркистика» и «панисламистика», нацеленных, в сущности, на поиск среди мусульманских народов Российской империи признаков, подтверждающих распространение у них этих доктрин, имевших антигосударственный потенциал.

В 1882 г. другой венгерский исламовед, И. Гольдциер (1850–1919), утверждал, что под идеей панисламизма понималось «духовное слияние политически дезорганизованного ислама в великий союз». Эта идея, поддерживал он позицию Вамбери, была возрождена в мусульманском мире из-за трудных обстоятельств, в которых мусульманство оказалось в большинстве своих регионов, и в том числе в Средней Азии, где русская власть, по его выражению, выдавливала ислам из его прежде мощных центров⁶. Европейские авторы вслед за Вамбери и Гольдциером предпочитали все сводить к панисламизму и пантюркизму, изображая их как угрозу европейской цивилизации и пытаясь в очередной раз «доказать» полную несовместимость христианской и мусульманской цивилизаций и в то же время использовать мусульман в интересах своей геополитики, в качестве одного из важнейших факторов по внутренней дестабилизации Российской империи.

Поэтому социальное поведение мусульманского, в особенности татарского, населения в условиях резкого обострения внутренней ситуации в России вызывало пристальный интерес в Европе вовсе не случайно. Так, летом 1905 г. в Крым приехал барон де Бай*, который изучал настроения местных татар. До революции он, интересуясь жизнью мусульман империи, побывал в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Кавказе, был уже хорошо знаком с абхазами, азербайджанцами, башкирами, поволжскими и сибирскими татарами, о которых писал и читал лекции в Париже⁷. В частности, в 1896 г. он попал в Уфу, откуда отправился к станции Чишмы, в окрестностях которой посетил мавзолей Хусейн-бека, умершего в сере-

⁴ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии / Пер. с нем. М., 2003. С. 300. На самом деле Вамбери плохо знал Коран (Подробнее см.: Conrad L.I. The Dervish's Disciple: on the Personality and Intellectual Milieu of the Young Ignaz Goldziher // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland. 1990. № 2. P. 250–251).

⁵ Пяковский А.В. Сионизм в дореволюционной России // История СССР. 1973. № 5. С. 41; Paksoy H.B. Nationality or Religion? Views of Central Asian Islam // International Journal of Central Asian Studies. 1998. Vol. 3. P. 31.

⁶ Goldziher I. Muhammadan Public Opinion // Journal of Semitic Studies. 1993. Spring. Vol. 38. № 1. P. 97.

⁷ Бай Жозеф де (1853–1931) — французский путешественник, этнограф, археолог.

⁸ Baye J. Du Volga à l'Irtisch. Paris, 1896; Baye J. Chez les tatars der Derbent à Élisabethopol. Paris, 1901; Baye J. En Abkhasie. Paris, 1904; Baye J. Chez les tatars de Crimée. Paris, 1906; Baye J. En Crimée. Paris, 1907.

дине XIV в. Ученый убедился, что гробница этого пришедшего из Туркестана в Башкирию проповедника ислама по-прежнему привлекает к себе много паломников¹. В Баку во время армяно-азербайджанских массовых столкновений в 1905 г. находился британский журналист Дж. Генри, который в том же году опубликовал свои впечатления². Европейцы, совершая такие вояжи по стране, пытались понять, какой протестный потенциал имелся у мусульман Российской империи к началу XX в., как поведут себя отдельные народы и мусульманское сообщество империи в целом в условиях каких-либо социальных катаклизмов.

Этнодемографическая ситуация при этом анализе представлена была разными исследователями очень противоречиво. Исходя из данных переписи 1897 г. обычно указывалось, что к 1905 г. мусульман в империи было 15,4 млн человек (почти 11 % от численности ее населения), в том числе в европейской части страны — 5 млн, на Кавказе — 2 млн, в Средней Азии — 8 млн³. «После православных, — отмечала весной 1905 г. газета Гаспринского, — самую многочисленную часть... жителей России составляют мусульмане. Число их, включая... Бухару и Хиву, достигает ныне 18 миллионов человек...»⁴. По другим оценкам, численность мусульман была гораздо большей. А.М.-б. Топчибаев* в своей газете «Каспий» (Баку) писал, что мусульманское население в империи насчитывает 30 млн человек⁵. Петербургская газета «Право» 8 мая 1905 г. опубликовала обращение к центральной власти азербайджанских представителей, которые указывали, что мусульмане считали, что они составляют около шестой части всего населения империи и что занимают по количеству населения первое место после русского народа. «Терджиман» 12 августа 1905 г. перепечатал сообщение другой издаваемой Топчибаевым бакинской газеты — «Гайят» («Жизнь»), выходившей на азербайджанском языке, о том, что только в пределах империи численность мусульманского населения доходит до 25 млн человек. Уведомляя 15 октября 1905 г. об этой заметке директора Первого департамента МИДа Н.Г. Гартвига, дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе А.Д. Калмыков, имевший публикации в области туркестановедения, возмущался тем, что кавказские цензоры не должны были пропустить удвоенную против официальной статистики цифру количества мусульман⁶. Мусульмане, писал в Москве в 1907 г. Д. Александрович, литовский татарин, составляют шес-

¹ Барон де Бай. От Волги до Иртыша. Тобольск, 1898. С. 35.

² Henry J.D. Baku: an Eventful History. L., 1905.

³ Ежегодник России. 1904 г. СПб., 1905. С. 89, 90, 92, 97; Ежегодник России. 1905 г. СПб., 1906. С. 7.

⁴ Переводчик—Терджиман. 1905. 15 марта.

* Али-Мардан-бек Топчибаев (1862–1934) — выпускник юридического факультета Петербургского университета, публицист, издатель, депутат I Государственной думы, азербайджанский общественный деятель.

⁵ Каспий. 1905. 23 января.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147. Оп. 485. Д. 1256. Л. 55.

тую часть населения империи¹. Чичерина объясняла европейскому читателю, что хотя после переписи 1897 г. прошло 13 лет, но точных сведений не имеется ни относительно количества жителей Российской империи, ни числа мусульман. Она приводила данные ежегодного отчета Министерства финансов за 1908 г., в котором указывалось, что к этому времени численность мусульман в России, так же как и численность населения всей империи, выросла на 22% и, следовательно, доходит до 17 млн. Если учесть мусульман Хивинского и Бухарского ханств, то общее количество их составляло около 20 млн². Ректор Казанской духовной академии считал, что к 1910 г. в государстве было 30 млн мусульман³. В таком официозном издании, как газета «Россия», 9 июля 1910 г. было указано, что в империи имеется 30-миллионное мусульманское население. Зарубежные аналитики также заметили большое расхождение между официальными данными и неофициальными подсчетами. Так, Вамбери ссылаясь при этом на 5-й номер (за март 1906 г.) оренбургской газеты «Вакт» («Время»), в котором отмечалось: «Мы, двадцать пять миллионов мусульман (русская официальная перепись 1897 г. говорит только о 13,8 млн человек) России...»⁴. Причина столь существенных расхождений с официальными данными заключается в том, что сведения переписи 1897 г., на основе которых производились последующие подсчеты с некоторыми коррективами, не внушали особого доверия многим специалистам, представлялись им заниженными.

У зарубежных аналитиков, вроде Вамбери, возникла иллюзия, что мусульмане в Российской империи, учитывая их относительно большую численность и почти повсеместный характер расселения, вполне сгодятся на роль самого мощного внутреннего тарана против существовавшего строя, надо было только суметь подтолкнуть их к этому. Весной 1906 г. Вамбери писал, что до сих пор внутренние трудности России состояли в поляках, финнах, армянах и грузинах (умолчав о евреях), но в ближайшем будущем к ним якобы добавятся татары, которые увеличат число революционеров, и «беспокойство, которое они смогут причинить России, не будет слабым»⁵, продвигая вперед свое понимание потенциала «неблагонадежных» народов. Социальное поведение татарского населения становилось для Европы своеобразным индикатором православно-мусульманской напряженности в Российском государстве. Прогноз Вам-

¹ Первый Мусульманский сборник. М., 1907. С. 3.

² Bobrovnikoff S. Moslems in Russia // The Moslem world. 1911. Vol. 1. P. 26. В конце статьи указывалось, что ее автором является С. Чичерина, которая в данном случае подписала как С. Бобровникофф, поскольку вышла замуж за упоминавшегося казанского востоковеда и исламоведа Н.А. Бобровникова.

³ Колокол. 1910. 14 февраля.

⁴ Vambery A. Constitutional Tartars // The Nineteenth Century and After. 1906. June. N 352. P. 908–909.

⁵ Ibid. P. 912–913.

бери оказался далеким от последовавших событий. Совсем иные социальные императивы имелись у мусульман империи.

К анализу социально-психологических явлений среди мусульман, естественно, обращались вышедшие из их рядов политики и публицисты революционного времени. В первых работах, представляющих возникшую мусульманскую историографию, ставились главным образом проблемы, касающиеся религиозной и образовательной сфер, не упуская при этом текущих политических событий, непосредственно затрагивавших мусульманское население. В частности, в 1904 г. в Казани была издана книга М.-Г. Исхаки* под названием «Через 200 лет — вымирание»**, которая по его определению имела характер «рассказа-фантазии». В данном произведении впервые в татарской литературе прогнозировалась угроза этнического исчезновения всего татарского народа с исторической арены по причине деградации его общественной и духовной жизни. Как отмечал в 1917 г. известный татарский историк Г. Губайдуллин, с выходом в свет этого произведения сомнения по поводу дальнейшей жизни татар вновь усилились. Любая негативная черта в их развитии вселяла боязнь: «Исчезаем!»¹ Книга, прозвучавшая своеобразным реквиемом не только по казанским татарам, выйдя в свет, быстро разошлась, вызвав заметный резонанс в мусульманской среде.

Этот рассказ, по оценке московского филолога В.Х. Ганиева, произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Во-первых, впервые в татарской литературе автор выступил как писатель-фантаст, решивший представить читателю будущую жизнь татар на протяжении двух грядущих столетий. Во-вторых, вместо счастливых картин благоденствия читатели получили мрачный прогноз. Татары как нация, предсказывал автор, исчезнут, если не изменят ход своей истории, не преобразуют свое общество, не справятся с теми силами, которые могут стать виновниками потенциальной трагедии (в особенности с клерикалами). Такой сценарий, сделанный по всем правилам жанра антиутопии, был сигналом-предупреждением о грозящей опасности, как в ряде западных романов-антиутопий. Но Исхаки зашел так далеко в своих пессимистических прогнозах, что изобразил исчезновение целого народа. Таким образом он стремился помочь ему в ускорении прогресса², в выборе спасительного пути развития.

* Мухамед-Гаяз Исхаки (Исхаков) (1878–1954) — уроженец Казанской губернии, сын муллы, писатель, драматург, публицист, один из организаторов партии татарских эсеров; неоднократно арестовывался, отбывал тюремное заключение и ссылку. Во время гражданской войны уехал в Европу.

** Такой перевод названия дан писателем. В современной татарстанской литературе название данной книги переводится по-другому — «Исчезновение, спустя двести лет» (См., например: Саханов М.Ж. Золотая эпоха татарского ренессанса. Казань, 2004. С. 40). Авторский перевод, конечно же, предпочтителен.

¹ Газис Губайдуллин: Научно-биографический сборник. Казань, 2002. С. 82.

² Ганиев В.Х. Две эмиграции Гаяза Исхаки // Литературное зарубежье: национальная литература — две или одна? Вып. 2. М., 2002. С. 231–232.

Были и другие издания, которые производили резонанс в татарском обществе. Так, в конце 1906 г. в Казани была издана на татарском языке (в переводе Р. Ракиби* двухтысячным тиражом небольшая брошюра, посвященная Великой французской революции 1789–1894 гг. Призыв к уральским мусульманам отказаться от устаревших форм бытия и воспользоваться данными первой русской революцией возможностями, чтобы встать на путь просвещения и прогресса и зажить по-человечески, как и предназначено Аллахом, содержался, к примеру, в сочинении А. Мурзакаева под названием «Разъяснение», опубликованном на старотатарском языке в Оренбурге в 1907 г.¹

Большой успех среди мусульман империи получило также сочинение турецкого ученого и политика М. Ариф-бея (1845–1886) под названием «Бин бир хадиси шариф» («Разъяснение тысячи одного святого хадиса»). Она была переведена с османского на старотатарский язык и опубликована в 1906 г. в Петербурге и в Казани. В книге были собраны хадисы (изречения пророка Мухаммеда), посвященные нравственности и достойному поведению мусульман, и даны толкования. Переводчиком, комментатором и издателем петербургского издания выступил А. Ибрагимов**, один из лидеров мусульманского движения в Российской империи в 1904–1907 гг. Появление этой книги в условиях русской революции было не случайным, чтобы для широких масс слова пророка были, как

* Ракиб Ракиби (1887–1963) — татарский журналист, публицист, общественный деятель.

¹ Булгаков Р.М. Каталог арабграфических книг Национального музея Республики Башкортостана. Уфа, 2001. С. 62.

Абдрахед (именно так, согласно архивным материалам, он в то время писал по-русски свое имя, в историографии же даются другие, по-разному транскрибированные и относящиеся к более поздним периодам его жизни и творчества, когда он уже жил вне России, варианты его полного имени — Абдуррашид, Габдерашит и краткого — Рашид, Рашиит и др.) Ибрагимов (1857–1944) — бухарец (сибирский татарин), уроженец Тобольской губернии, учился в медресе в Казанской губернии, работал учителем, в 1877 г. приехал в Стамбул, затем отправился в Мекку и Медину, где в течение четырех лет изучал ислам. В середине 1880-х гг. вернулся в Россию. В 1885 г. стал муллой в своем родном городе Таре и преподавателем в местном медресе. В 1892–1893 гг. являлся членом Оренбургского магометанского духовного собрания (Оренбургского муфтията), затем совершил поездку в Египет, Алжир, Турцию и другие страны. В 1895 г. в Стамбуле была издана его книга «Чо-бан юлдузы» («Планета Венера») и затем она нелегально распространялась в России. Такое название было сделано, видимо, под впечатлением популярных литературных и общественно-политических сборников «Полярная звезда», издаваемых А.И. Герценом в Европе во второй половине XIX в., в которых критиковался самодержавный строй в России. Книга Ибрагимова посвящалась истории татар, при этом автор характеризовал их положение под русской властью как униженное, рабственное, акцентировал внимание на насильственном обращении мусульман в христианство, происходившем при содействии правительства, подвергал критике русификаторскую политику царизма по отношению к мусульманскому населению, остро критиковал главу Оренбургского муфтията, под руководством которого работал два года, за бездельность, корыстолюбие, называя его агентом царизма, и не только из-за того, что все муфтии назначались министром внутренних дел. Эта книга произвела сильный общественный резонанс во всем мусульманском мире, в том числе среди мусульман Российской империи.

сказано в хадисе, «лучше философии Лукмана»; под последним имелся в виду знаменитый в мусульманском мире мудрец, который упоминается в Коране. Другими словами, цель подобных изданий состояла в том, чтобы препятствовать влиянию каких-либо популярных в русском обществе теорий, философских учений, чуждых по своему духу исламу.

Охватив всю страну, революция все же вносила некоторые коррективы в социально-политические искания мусульманских политиков. В первой половине 1907 г. тот же Ибрагимов опубликовал в Петербурге трехтысячным тиражом брошюру на татарском языке «Автономия яки идараи мухтариат»¹ («Автономия или самоуправление»), в которой ставил цель доказать, что автономное устройство входящих в состав Российской империи народов является одним из путей разрешения национального вопроса. Работа была написана под влиянием различных публикаций, в которых проектировалась будущность и мусульманских народов. К примеру, предлагалось распределить всю территорию России на части с областным самоуправлением, пользуясь этническим принципом. В итоге создавались «края» или «штаты», в том числе «Татарско-Башкирский», включавший Казанскую, Уфимскую, Оренбургскую, Самарскую и часть Симбирской губернии, с населением свыше 9 млн человек². Книга Ибрагимова разъясняла мусульманским народам империи политические задачи, стоящие перед ними, и ставила вопрос об организации их автономий и создании федерации этих автономий. Он призывал мусульман страны добиваться предоставления им религиозно-культурной автономии, оставить межнациональные споры и общими усилиями отстаивать свои интересы в возникшей к тому времени Государственной думе, а наиболее актуальной задачей, по мнению Ибрагимова, являлась организация мусульманами собственной политической партии. Подобные публикации вызывали сильное недовольство консервативных кругов, в осо-

¹ Список книг, вышедших в России с 1 января по 30 июня 1907 года. СПб., 1908. С. 576. По мнению Н.М. Калмантаева, эта брошюра появилась якобы еще до этой революции (Калмантаев Н.М. Башкортостан в условиях Российской революции 1905–1907 гг. Уфа, 2000. С. 65–66). Ф.Ф. Галимуллин же полагает, что книга была издана в 1905 г., и дает такой перевод ее названия — «Автономия или независимое управление» (Галимуллин Ф.Ф. Публицистические произведения Г.Р. Ибрагимова как источники для изучения татарского общественно-политического движения. Начало XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003. С. 12). Вторую часть заголовка, исходя из содержания книги, неверно переводить как «независимое управление». Д.М. Усманова также ошибается, считая, что эта публикация появилась в 1905 г. (Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005. С. 35).

² Фортунатов К. Национальные области России. (Опыт статистического исследования по данным Всеобщей переписи 1897 г.). СПб., 1906. С. 15, 16. Проект Татаро-Башкирского штата стал воплощаться в конце 1917 г., сначала под названием Идель-Уральского (Волжско-Уральского) штата, а затем при большевиках уже как Татаро-Башкирская Советская Республика, согласно документу, подписанному в Москве 22 марта 1918 г. Но затем Москва отказалась от этого проекта, создав отдельную Башкирскую (в 1919 г.) и Татарскую АССР (в 1920 г.).

бенности мусульско-клерикальных представителей. В их изданиях, направленных на поддержку самодержавия, утверждалось, что другие формы правления якобы противоречат Корану и шариату. Такие мусульские авторы являлись, по меткому определению одного автора, «присяжным мусульманским духовенством»¹, которое сознательно игнорировало известный в мусульманской истории факт, что у первых приверженцев ислама демократия возникла сразу, поскольку она составляет сущность Корана, который гласит: «Истинно, верующие — братья друг другу: потому примиряйте между собой братьев ваших»².

Для истории общественной жизни России, характеризовал сложившуюся к 1907 г. ситуацию Александрович, характерно «полное незнакомство русского общества с жизнью мусульманских народов, населяющих наше отечество. Этим народностям... всегда не везло, даже тогда, когда, против обыкновения, в русской литературе отводилось им место». Мало кто представлял «внутреннюю психологию мусульманина», его обычаи и особенности. Автор с сожалением констатировал, что «взаимное непонимание привело к отчужденности между широкими слоями русского и мусульманского общества: для большинства русской публики мусульмане — это сфинкс, за которым скрывается темная таинственная сила, способная, подобно вулкану, в один момент воспламениться чувством ненависти и разрушения». На русском языке очень мало писалось о жизни российских мусульман. Мусульманская литература была известна только небольшой группе специалистов-востоковедов³, которые отнюдь не всегда, как отмечалось, соблюдали элементарную корректность не только в описании мусульманской психологии.

В частности, в 1908 г. известный немецкий арабист, тюрколог и исламовед профессор Берлинского университета М. Хартман опубликовал книгу⁴, в которой выдвинул идею создания на границе России и Китая независимого от них государства с населением примерно 10 млн казахов и киргизов, с проевропейским правителем во главе. По мнению Хартмана, эти народы ненавидели Россию, равно как и Китай, и при первой же дестабилизации внутренней ситуации в этих странах они обязательно восстанут⁵. Ничего подобного, однако, не произошло во время революции 1905–1907 гг. в России, но эти реалии не смутили побывавшего тогда в Туркестане Хартмана, пытавшегося, в сущности, представить здешних мусульман как потенциальных сепаратистов. Показательно также, что в 1910 г. он издал книгу, в которой описал свои впечатления после встречи в Турции в 1909 г. с популярным мусульманским писателем Исхаки, и

¹ Байгушев А. Очерки мусульманского раскола. Саратов, 1908. С. 13.

² Коран / Пер. с араб. Г.С. Саблукова. Казань, 1907. 49:10.

³ Первый Мусульманский сборник. С. 3.

⁴ Hartmann M. Chinesisch Turkestan. Geschichte, Verwaltung, Geistesleben und Wirtschaft. Frankfurt a. M., 1908.

⁵ Левитов И.С. Киргизистан // Голос России. 1916. № 25. С. 5.

сделал вывод, что тот «не друг русских»¹. Прочитав эту фразу, известная русская писательница А.В. Тыркова, член ЦК кадетской партии, которая приехала осенью 1911 г. в Турцию и здесь познакомилась с знаменитым татарским писателем, решительно не согласилась с наблюдением немецкого профессора². Ее супруг, корреспондент ряда британских газет, лингвист, этнограф Г. Вильямс, изучив статью Хартмана, опубликованную в 1910 г. в новом немецком журнале «Der Islam», сделал вывод, что, с одной стороны, отношение этого профессора к мусульманской культуре в ее теперешнем виде вообще резко отрицательное, с другой, — заметны агрессивные нотки, отклики все растущей веры во всемирные задачи европейской культуры³.

На примере исследования другого известного германского ученого, историка-россиеведа, профессора Берлинского университета О. Гётча (Хетча), «Русский Туркестан и тенденции современной русской колониальной политики» (1913 г.), которую конспектировал В.И. Ленин, находясь в 1916 г. в Цюрихе, видно, каким образом панисламистические веяния проникали из Запада в русскую мысль. В конспекте этой работы Ленин сделал такие пометки на полях:

«Связь с мусульманским населением Туркестана создается при этом сама собой; и действительно, с севера к ним уже вносится панисламистская смута. Русское правительство боится этого проникновения татарских приверженцев Ислама и по возможности не пускает их в Туркестан»⁴.

В действительности русское правительство обоснованно не придавало мусульманскому вопросу такого значения, как польскому, финскому или еврейскому, поскольку не видело в нем угрозы самодержавному строю. Именно поэтому в революционизации мусульман страны были заинтересованы радикальные российские политики, вознамеривавшиеся использовать их, чтобы добиться власти. Одним из них был меньшевик А. Цаликов*, который во время первой русской революции заинтересовался

¹ Hartmann M. Der Islamische Orient. Bd. 3. Leipzig, 1910. S. 133.

² Мухамед-Гаяз Исхаки: из политической биографии писателя // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 5.

³ Вильямс Г. Ислам и его изучение // Русская мысль. 1910. № 11. С. 189.

⁴ Ленинский сборник. Т. XXVIII. С. 311.

* Ахмед Цаликов (1882–1928) — осетин-мусульманин, юрист, член социал-демократического комитета, который образовался во Владикавказе летом 1904 г., затем лидер меньшевиков в Осетии; один из наиболее известных в российской политике мусульманский представитель, критиковал Ленина в меньшевистской прессе, в частности в сборнике «О рабочем съезде», изданном московскими меньшевиками в 1907 г., в сборнике «Всероссийский рабочий съезд» (М., 1907). Публиковался в других меньшевистских изданиях: еженедельнике «Наше дело» (1906 г.), журнале «Возрождение» (1908–1909 гг.) и др.

мотивацией поведения горцев-мусульман¹. Критикуя официальную историографию, он писал, что «не религиозный фанатизм, о котором так любят распространяться официальные кавказские историки, а экономическое и социально-политическое порабощение горцев питало в их сердцах теплые чувства к соседней Турции». Далее он делает принципиально важное наблюдение, которое, как правило, игнорируется до сих пор. «В своих надеждах, в своих теплых чувствах горцы, несомненно, ошиблись, но им нужна была манящая иллюзия, так как слишком сурова и неприглядна была действительность»², — достаточно осторожно обрисовал Цаликов те социальные, культурные и экономические проблемы, которые не решались русской властью в отношении горского населения. В 1914 г. Ленин, проявляя внимание к мусульманам, отметил, что после 1905 г. сильно проявилось «пробуждение» угнетенных наций, о чем свидетельствовал, в частности, «рост... мусульманского движения», а затем в «Докладе о революции 1905 года», прочитанном по-немецки в январе 1917 г. на собрании рабочей молодежи в Цюрихе, обрисовал ситуацию таким образом: «Среди угнетенных народов России вспыхнуло освободительное национальное движение. В России больше половины... населения подвергается национальному угнетению, они не пользуются даже свободой родного языка, их насильственно русифицируют. Например, мусульмане, составляющие десятки миллионов населения России, с изумительной быстротой организовали... мусульманский союз»³. Поэтому никакой связи «панисламистской смуты», о которой писали европейцы, с появлением в ходе первой русской революции упомянутого Мусульманского союза (или Союза российских мусульман), явившегося на самом деле результатом мусульманского движения, Ленин совершенно верно не усмотрел.

На фоне многочисленных инсинуаций вокруг пантюркизма/панисламизма в русской печати изредка появлялись вполне научные статьи, написанные мусульманскими публицистами. Так, в 1906 г. в столичной правительственной газете была перепечатана посвященная панисламизму статья из крымскотатарской газеты «Ватан Хадеми» («Слуга отечества»), которую в Карасубазаре издавал Р. Медиев*. В статье объяснялось, что данное слово толкуется совершенно превратно, его смысл издревле был понятен мусульманам, суть истолкована Кораном и хадисами, но в продолжение нескольких веков первоначальное значение этого понятия исказилось в Западной Европе, откуда распространялось представление, что в XX в. мусульмане, подобно крестоносцам, стремятся во имя рели-

¹ См., например: Ца[лик]ов А. В горах Кавказа. Революционное движение в северной Осетии // Итоги и перспективы. Сб. статей. М., 1906. С. 94–114.

² Ца[лик]ов А. К инородческому вопросу на Кавказе // Возрождение. 1908. № 1. С. 56.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 319; Т. 30. С. 323.

* Решид (Абдуррешид) Медиев (1880–1912) — крымский татарин, учитель, примыкал к эсерам, в 1906 г. заместитель председателя городской думы Карасубазара, депутат II Государственной думы.

гии завоевать мир. На самом деле, делался в статье корректный вывод, панисламизм означал интеграцию всех мусульман лишь в интересах религии, а не для образования одного государства¹.

В ходе полемики с исламофобствующими публицистами мусульманские авторы порой вынуждены были скрывать свое имя, опасаясь преследования властей. Так, после подавления первой русской революции некто Г. Алисов разоблачал всякого рода надуманные обвинения мусульман империи в панисламизме². Некий М. Аминов в статье, посвященной прогрессу в образовании среди российских мусульман, опубликованной во французском журнале, писал, что идеи и принципы национального развития они позаимствовали прежде всего от русских и отчасти от западноевропейцев, с которыми они все больше соприкасались. Автор делал совершенно правильный вывод, что огромная мусульманская масса в Восточной России стремится упрочить свое культурное будущее³, что вызывало обычно непонимание со стороны русских ученых.

Оценивая характер перемен в культурно-образовательной сфере мусульман в империи, например, та же Чичерина под влиянием разворачивавшейся в русском обществе после революции антимусульманской кампании уверяла, что в России якобы развилось «значительное пантюрокское движение, не отвечающее ни интересам государства, ни здраво понятым интересам самих мусульман. Пантюрокское движение выразилось, с одной стороны, созданием объединительного пантюрокского литературного языка, а с другой — введением преподаванием турецкого языка в мектебах и медресах. Таким образом, в этих школах молодое поколение мусульман России воспитывается в идеях «единой мусульманской нации»... Русское мусульманство... ныне пробуждается, охватывается новыми течениями и внутренне объединяется... Весьма скоро России придется

¹ Россия. 1906. 28 сентября.

² Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // Русская мысль. 1909. № 7. С. 28–61.

³ Aminoff M. Les Progrès de l'Instruction chez les Musulmans Russes // Revue du Monde Musulman. 1909. Vol. IX. P. 257, 263. Статья подписана именем Moulla, то есть Мулла, что может быть частью имени человека или указанием на род занятий у мусульман. Этот же автор написал статью о мусульманах в Карской области и в Карачае (Aminoff M. Les Musulmans du district de Kars // Revue du Monde Musulman. 1909. Vol. VIII. P. 243–246; Aminoff M. Le Groupe musulman de Karatchai // Revue du Monde Musulman. 1910. Vol. XI. P. 94–96). Публициста с такой фамилией не было, это был псевдоним, возможно, Гаспринского, который в юности несколько лет прожил во Франции и хорошо владел французским языком. Одно из своих ранних произведений он подписал «Молодой мулла». В 1910 г. вышеуказанный парижский журнал внес предложение о присуждении Гаспринскому Нобелевской премии мира. Что касается самого псевдонима, то следует пояснить, что такая фамилия была тогда достаточно известной в Западной Европе благодаря роду Аминовых, которые жили в Финляндии и Швеции. Среди них были, например: российский военный востоковед генерал-лейтенант барон Густав Александрович Аминов (умер в 1898 г.); финский педагог и публицист Карл Густав Аминов (1874–1918); барон Борн (Бьерн) Александрович Аминов (1850–1924), почетный мировой судья в Томске (до 1912 г.); известный шведский писатель Иван Тоннес Эдвард Аминов (1868–1928) и др.

иметь в своих пределах не отдельные, исповедывающие ислам инородческие племена, а 20-миллионную «турецко-мусульманскую нацию» (как русские мусульмане уже теперь иногда себя называют), мыслящую себя солидарной со всем мусульманским миром¹, фактически запугивала Чичерина русских читателей мифической угрозой со стороны сограждан-мусульман. Причем одновременно англоязычному читателю она объясняла, что единство мусульман в России (или, как она писала в другом месте, российского мусульманского мира) имело место в значительной степени из-за действий самого же русского правительства, проявившись прежде всего в создании Екатериной II Оренбургского магометанского духовного собрания². То есть получается, что с тех пор русская власть чуть ли не намеренно содействовала сближению мусульманских народов империи между собой. Такой исходный тезис вместе с тем означает: Чичерина признавала, что возникновение мусульманского движения в России не было инспирировано извне, а коренилось во внутренней политике правительства, которое, конечно, всячески боролось против какой-либо внутренней интеграции подданных-мусульман, не говоря уже об укреплении их связей с зарубежными единоверцами.

Словно отвечая Чичериной и другим ученым, спекулировавшим на данной теме, Ибрагимов, вынужденный в 1907 г. уехать из России, констатировал в 1910 г. в стамбульском журнале «Тааруфуль-Муслимин» («Взаимное знакомство мусульман друг с другом»), что в европейской печати получило распространение слово «панисламизм», но на самом деле ничего подобного нет³. Появление этого понятия — изобретения европейских аналитиков — на страницах российской печати было не случайным. Цель мусульмановских публикаций состояла в том, чтобы представить мусульманское движение в России как один из потоков всемирного панисламизма, якобы нацеленного на разрушение европейской цивилизации и потому представляющего угрозу российской государственности. Далеко не все исследователи разделяли подобные псевдонаучные измышления, ведь общеизвестно, что исламская цивилизация добила неоспоримых успехов в первое тысячелетие своего существования и внесла большой вклад в достижения человечества, в то время как Западная Европа только приходила в себя от мрачного средневековья.

Совершенно верно отмечалось, что у некоторых народностей, в том числе у татар, замечалась «интенсивная тенденция сближения с родственными им народами вне России, что подало повод говорить о... панисламизме и т. д., но сближение имело в виду интересы чисто духовные, и,

* Термин «инородцы» применялся в правовой сфере к нескольким категориям нерусского населения, но в начале XX в. в националистической трактовке стал обозначением всех нерусских.

¹ Чичерина С. О языке преподавания в школах... С. 16.

² Bobrovnikoff S. Op. cit. P. 13, 14.

³ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1256. Л. 326 об.

что замечательнее всего, в центре сближения опять-таки стояла Россия, правда, свободная Россия»¹. Соглашаясь с мнением, что панисламизм как доктрина не был присущ массам, оппозиционная печать вслед за Вамбери старалась в то же время представить их как имевшую сильный антиправительственный настрой часть населения.

«В приволжском крае, населенном наиболее культурной частью татарского народа... население особенно чутко к проявлениям национального и религиозного гнета, — писал, к примеру, литовский социал-демократ К. Залевский (С. Трусявичюс). — ...Но и религия, и язык татарский подвергаются постоянным преследованиям со стороны русских властей. Процентная норма в школах, в органах самоуправления, вмешательство властей во внутренние дела магометанской церкви, беспрестанные столкновения татар с миссионерами — все это заставило их тесно сплотиться под знаменем имамизма»², то есть панисламизма. Этот жупел все чаще и чаще под разными названиями стал появляться не только на страницах прессы, но и в научных изданиях, а его проявление стали видеть чуть ли не во всех действиях мусульманского населения. Центр тяжести мусульманской проблемы, в частности на Кавказе, как справедливо отметил князь З.Д. Авалов (Авалишвили), лежит вовсе не в национальном вопросе. Эта проблема «вращается в пределах более общей темы об отношении России к миру Ислама — в пределах империи и за ее границами»³.

Внутри же страны наблюдался процесс, который один из инициаторов борьбы с мифическим панисламизмом среди российских мусульман епископ Уфимский и Мензелинский Андрей вынужден был охарактеризовать так: российское мусульманство «и внутренне, и внешне совершенно не походило на прежнее», а молодежь жила обновленным исламом, который оценивался «при свете современной европейской науки»⁴. Такая

¹ Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. СПб., 1910. С. 566.

² Залевский К. Национальные движения // Общественное движение в России в начале XX-го века. СПб., 1911. Кн. седьмая. Т. 4. Ч. 2. С. 232–233.

³ Авалов З.Д. Письма о национальностях и областях. Национальный вопрос на Кавказе // Русская мысль. 1911. № 12. С. 87.

⁴ Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама. Казань, 1912. С. 313–314. В категорию инородцев составителями книги епископом Андреем и известным этнологом Н.В. Никольским были включены башкиры, марийцы, татары, чувашы, — все они формально к данной группе не относились. Несмотря на такой серьезный изъян, рецензент, как часто бывает, уверял, что это — «обстоятельный труд», «отлично составленная книга», которая имеет цель указать число и название селений, где крещенные инородцы «подвержены опасности исламизации и вместе с тем татаризации...» (К-ский П. [Рец. на:] Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама. Казань, 1912 // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 7. С. 83, 86, 93). Под этими надуманными предлогами проходила очередная кампания по дискредитации мусульманской религии и ее последователей в России.

оценка одного из православных иерархов о чуждом образе жизни означала, что неясные, непонятные многим процессы в мусульманской среде, которые сначала представлялись совсем не такими, какими они были на самом деле, со временем на практике доказали, что ислам и прогресс вполне совместимые понятия, приносившие поразительные результаты, как это было не раз во всемирной истории, а также в прошлом народов, волею исторического процесса оказавшихся в составе Российского государства. Так, крымские татары, в которых, по впечатлениям известного русского писателя С.Я. Елпатьевского, «так много европейского и так мало азиатского», «деликатные, с чудесными восточными манерами... Воспитанные давней мусульманской культурой, тем совершенно особым чувством собственного достоинства, которое воспитало старое, искони демократическое мусульманство»¹. Такие оценки были редким явлением в общем потоке предвзятых характеристик мусульман империи, когда их стремлению к демократизации религиозного и гражданского управления приписывался угрожающий характер.

К примеру, некий специалист, скрывшийся под псевдонимом, писал в солидном петербургском журнале, что идея панисламизма первоначально стала популярной якобы среди мусульман Европейской России. «Здесь она проявилась в требовании таких мер, которые могли бы послужить основой для оживления и укрепления ислама... Сущность их сводится к установлению широкого и полного самоуправления в делах вероисповедных и народного просвещения, а также независимой юрисдикции в области семейного, брачного и наследственного права... Панисламизм ищет себе опору в мусульманской самобытности. Пантюркизм ставит себе несколько иную задачу: он стремится обновить мусульманский мир путем слияния культурно-правовых начал передовых наций с лучшими и наиболее жизненными элементами мусульманства. ...Теперь можно с уверенностью утверждать, что мусульманский мир пробудился и в судьбах человечества отныне будет играть новую, более значительную роль»²; с последним прогнозом, как показал исторический опыт, трудно не согласиться. Панисламистика все больше и больше проникала на страницы научных работ, авторы которых упорно не замечали несовместимости ее с российскими реалиями, попросту игнорировали научно-психологическое, социально-культурное изучение соотечественников-мусульман, перемены, которые происходили в их среде в условиях революции.

Что же касается обвинений в пресловутом панисламизме и пантюркизме, то известный петербургский публицист И. Шагиахметов*, словно

¹ Елпатьевский С. Крымские очерки. М., 1913. С. 78, 81.

² Милаца. О мусульманском движении // Вестник Европы. 1912. № 8. С. 365, 367.

* Ислам Шагиахметов — татарин, уроженец Ташкента, выпускник Петербургского университета, публицист; в 1917 г. депутат Всероссийского Учредительного собрания, один из лидеров туркестанских мусульман.

отвечая анонимному автору, в своей большой статье опровергал их, объясняя русскому читателю, что мусульмане империи стремятся к овладению русским языком, европейской культурой, сохраняя при этом свои самобытность, культуру и традиции¹. «Теперь мы, — писал другой мусульманский публицист, З. Кадыри*, — составляем особую нацию, ибо у нас есть передовые общественные деятели, религиозные реформаторы, историки, литераторы, писатели, поэты, учителя и учительницы; есть своя литература, наука и просвещение. Мы уже открыли тысячами мектебы и медресе, сотнями — различные общества и издаем около пятидесяти газет и журналов». Кадыри, как и другие мусульманские интеллектуалы, отрицал существование панисламизма в России. По его мнению, эта политическая доктрина являлась вымыслом, придуманным врагами мусульман, чтобы затормозить начавшееся национально-культурное движение их. «Если отречение от политики, приглашение мусульман жить согласно Корану и хадисам, проповедь необходимости изучения наук и просвещения, вообще западной культуры, наконец, приглашение мусульман к дружбе с иностранцами считать за панисламическое движение, как часто утверждает русская и западно-европейская печать, то таковое у нас есть везде. Рассуждая так, мы должны причислить всех мусульман, кроме реакционеров, к панисламистам. Вот эту религиозную реформу, приглашение мусульман к науке и просвещению и общее стремление мусульман к культуре русские и европейские газеты и журналы называют панисламическим движением. Если во всем мусульманском мире 5–10 человек помешанных (дураков) пытаются распространить панисламические идеи, то это движение нельзя назвать панисламическим»², — заявлял Кадыри. Его недовольство объясняется тем, что мусульманские интеллектуалы ясно представляли, что нагнетание давления на мусульман вновь приведет к обострению межрелигиозных и межэтнических отношений внутри страны, к большим и малым конфликтам между народами, что и показали события недавней революции, которая доказала большую значимость мусульманского фактора.

«Для будущего историка России мусульманское движение, начавшееся в 1905 году, будет представлять очень большой интерес... Работы по данному вопросу могли бы составить целую диссертацию на ученую степень»³, — прозорливо писал в 1913 г. известный востоковед Д.М. Позднеев на страницах петербургского академического журнала. Действительно,

¹ Шагиахметов И. Политика и мусульмане. (Письмо в редакцию) // Современный мир. 1913. № 6. С. 251–258.

* Закир Кадыри (1878–1954) — татарский богослов, общественно-политический деятель, журналист.

² Цит. по: Зорин Б. Вопрос о панисламизме и национальном движении в мусульманской печати // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914 год. Научный отдел. 1914. № 4. С. 185–186, 187, 190.

³ Мир Ислама. 1913. Т. 2. Вып. 5. С. 326.

мусульманское движение приобретает в это время характер заметного социального явления, охватившего мусульманские регионы всей империи. Появились, в частности, первые работы, посвященные анализу деятельности депутатов-мусульман в созданной в ходе первой революции Государственной думе¹. В 1912 г. в Баку вышел сборник статей, написанных на основании стенографических отчетов заседаний Думы, в которых участвовали депутаты, в том числе мусульмане Кавказа². Ф. Туктаров* весьма скептически оценил результаты работы мусульман в I–III Думах³.

В научном мире высказывалось справедливое мнение, что «одной из наименее известных областей русского мира ислама представляется сфера мусульманского мировоззрения на права и обязанности мусульман как граждан». Этот вопрос, чрезвычайно обширный, «обуславливается и степенью развития мусульманской массы, и ее внутренней сплоченностью, и ее взглядами на отношение к России и русским, и многими другими условиями. Для правильной оценки положения дел в этом отношении необходимо, — как верно отмечалось далее, — самое серьезное изучение реальной жизни русского мусульманского мира и постоянное критическое отношение к тем утверждениям, которые часто высказываются различными деятелями и авторами»⁴. В другом авторитетном столичном издании в специальной статье, посвященной одному из мусульманских реформаторов, М. Бигиеву**, отмечалось, что, по его мнению, мусульманские теологи «религиозное смирение толковали, как слабость, и этим повели мусульман по пути несчастья, бедности, рабства. Инерт-

¹ Максудов С.-З. Первая Государственная дума. СПб., 1906 (на татарск. яз.); Отчет члена комиссии по вероисповедным вопросам Государственной думы II и III созыва Мухамет-Шакира Харисова Тукаева, депутата от Уфимской губернии. Уфа, 1912; Тукаев М.-Ш. Отчет о деятельности мусульманской фракции 3-й Государственной думы. Оренбург, 1912 (на татарск. яз.).

² Кавказские депутаты в 3-й Государственной думе. Баку, 1912.

* Фуад Туктар (Туктаров) (1880–1938) — адвокат, журналист, татарский эсер, член Всероссийского Учредительного собрания (1917 г.).

³ Усал М.-Ф. Мусульманские депутаты и их работа в I, II и III Думе. Казань, 1909 (на татарск. яз.).

⁴ Мир Ислама. 1913. Т. 2. Вып. 2. С. 101.

** Муса Бигиев (Муса Джаруллах) (1873 или 1875–1949) — татарский богослов, общественный деятель, философ, публицист. Он призывал к очищению исламской религии от всего наносного, полагая, что существующие религии в одинаковой степени угодны Богу, что нет такой религии, которая была бы у Бога в немилости или в почете. Иначе говоря, он доказывал, что рай может стать достоянием всякого, и мусульманина, и гяура (иноверца), лишь бы они были достойны этого. В сознании мусульманина, привыкшего смотреть на гяуров как на «окончательно погибших людей», все это должно было произвести целую революцию. В другом своем сочинении Бигиев доказывал допустимость неисполнения догмата мусульманской религии о посте. Это тоже произвело своего рода фурор, так как до того муллы абсолютно отвергали такую возможность. Таким образом Бигиев вызвал в мусульманской печати в 1909 г. спор, послуживший предметом продолжительной полемики. На этом основании некоторые консервативные муллы даже решили принять против религиозного новатора Бигиева меры, вплоть до предания его «анафеме».

ность они украсили выражениями вроде «подчинения Божьим решениям» и указали на нее, как на основу веры. Свободу мысли и даже самую мысль они назвали безверием». Автор статьи характеризовал Бигиева «убежденным рационалистом», который исходил из того, что Коран не запрещает правоверным идти по пути прогресса, присоединиться к достижениям европейцев в области наук и искусств¹.

Что касается зарубежных аналитиков, то среди них все же были такие, которые высказывали оценки, отличавшиеся от расхожих штампов и стереотипов в отношении уровня культуры мусульманских народов в России к началу XX в. К примеру, Вильямс, владевший, в частности, татарским и турецким языками, верно писал на страницах лондонского журнала в 1912 г., что в Российской империи существует мусульманская цивилизация, обладающая своими ценностями, что татарское движение являлось образовательным и литературным, хотя не полностью лишенным политической окраски². В другой статье, специально посвященной российским мусульманам, он утверждал, что тюркский народ в России, по его выражению, «через русские каналы» вовлечен в процесс «естественной зависимости» от западной цивилизации, которая вместе с тем стимулировала те или иные движения за сохранение национальной индивидуальности. Поднявшееся среди тюрок в России национальное движение, представлявшее собой часть общего пробуждения Востока, находилось еще в самом начале, но представляло интерес, поскольку явилось, по Вильямсу, результатом влияния вестернизма. В отличие от Вамбери, он правильно отмечал, что национальное движение главным образом было сосредоточено на вопросах образования и чрезвычайно трудной задаче модернизации всего умственного кругозора мусульман. «Ислам защищен национальным движением не просто как религия, но как специфическая форма культуры, которая резко отличает ее приверженцев от их соседей. Ислам до этого был главным прикрытием тюрок против быстрой ассимиляции, а национальное движение, которое стремится утвердить индивидуальность этих народов, естественно, заботится о защите ислама», — верно полагал Вильямс. Эффект расширения кругозора, вызванного модернизационными тенденциями недавнего времени, наиболее был заметен в изменении отношения части татар к доктринам ислама и устройству религиозного управления. Русское влияние и растущие контакты с западным миром усилили среди мулл стремление к реформам, и вполне возможно, что реформаторское движение было, по мнению Вильямса, сильнее в России, чем в любой другой части мусульманского мира. Работы таких реформаторов, как Бигиев, оценивались очень высоко. Появились книги, которые защищали исторические и доктринальные основы очищения ислама от чуждых элементов, которыми он

¹ Федотов Н.Д. Мусульманский Лютер // Исторический вестник. 1914. № 8. С. 533.

² Williams H.W. The Russian National Problem // The Russian Review. 1912. Vol. 1. № 1. P. 38–40.

обрастал в течение веков. Что касается панисламистского жупела, то, как иронично писал Вильямс, он, «согласно реакционной прессе, делает большой прогресс среди российских мусульман»¹. Чтобы сделать такие точные наблюдения, особенно в отношении роли части агрессивно настроенной прессы, усердно раздувавшей в России панисламистский мыльный пузырь, у Вильямса было достаточно времени и познаний. Прожив до 1917 г. в России около пятнадцати лет, он, как считали отечественные исследователи, не имел равных среди русских ученых в такой области знания, как этнография Российской империи. Именно он в августе 1916 г. читал лекцию в Кембридже, посвященную «национальностям России», т. е. нерусским народам империи, в которой резюмировал свои наблюдения: российские тюрки пробуждаются к новой национальной жизни².

Другой известный британский журналист, М. Прайс, после очередной поездки по России опубликовал в Лондоне книгу «Сибирь», в которой писал, что хотя русский и татарин жили рядом, пережитки старых различий, основанных на религии, остались, она все же не является барьером в повседневной жизни татар и русских, между ними не было никакого религиозного предубеждения и никакого фанатизма. Православный русский и мусульманин-татарин взаимно уважали веру друг друга и социально общались. Как подданные царя они пользовались одинаковыми привилегиями и несли одинаковые общественные тяготы³. Опять же, никаких признаков панисламизма не было замечено и этим наблюдательным специалистом, который, как и де Бай, объездил почти все мусульманские территории империи.

В начале 1917 г. Л. Стоддарт (США), автор ряда крупных работ по религиозным и расовым проблемам, верно заметил, что эксперты по восточным проблемам, имея в виду, конечно же, Вамбери, распространялись в течение многих лет относительно «панисламизма» и якобы нависшем над европейцами джихаде (священной войне), но даже когда Турция в начале первой мировой войны призвала к нему всех мусульман, этого не произошло⁴. Данный бесспорный исторический факт не нравится и современным искателям панисламистской угрозы в событиях, происходивших в Российской империи в начале XX в.

Таким образом, до Февральской революции 1917 г. в поле зрения близких к мусульманству авторов, по свежим впечатлениям исследовавших мусульманское движение 1905–1907 гг., находился довольно широкий круг вопросов, причем отечественные аналитики, хотя и были зачастую сторонниками различных общественно-политических взглядов, порой неожиданно сходи-

¹ Williams H. The Russian Mohammedans // The Russian Review. 1914. Vol. 3. № 1. P. 104, 105–106, 110, 117.

² Williams H. The Nationalities of Russia // Russian Realities and Problems. Cambridge, 1917. P. 152.

³ Price M.P. Siberia. L., 1912. P. 80–81.

⁴ Stoddard L.T. Pan-Turanism // The American Political Science Review. 1917. Vol. XI. № 1. P. 14.

лись или диаметрально расходились в оценке мусульманского фактора в условиях революционного движения в стране. Среди западных авторов, пристально наблюдавших за поведением мусульманских масс, также имелись большие расхождения в оценке роли мусульман в первой революции¹.

После падения самодержавия в 1917 г. в условиях царившей до октябрьского большевистского переворота демократии появились публикации, которые проливали свет на многие неизвестные до того широкой общественности факты из проводимой прежней властью политики в отношении мусульманских подданных. Наиболее значительным историографическим событием этого кратковременного периода стал прежде всего сборник документов по истории общественно-политического движения мусульман Российской империи начала XX в. под названием «Ислахат асаслары» («Основы реформ»), в который вошли собранные Бигиевым петиции, проекты, протоколы основных мероприятий татарской, тюркской и мусульманской общественности с 1904 по 1915 г. Книга была издана в 1915 г. в Петрограде, но не прошла цензуру, и только после обрушения монархии удалось выпустить ее в свет. Также ценным является изданный в 1917 г. сборник материалов из мусульманских изданий, необходимых, как представлялось его составителю, эксперту по мусульманским проблемам С.Г. Рыбакову², для понимания религиозных требований российских мусульман в условиях постфевральской демократии. Осенью 1917 г. в Петрограде была издана первая библиографическая работа по истории литовских татар (под этим именем в исторической литературе обозначаются татары Польши, Литвы, Беларуси и Украины), составленная Л.К. Кричинским, выходцем из этой среды. В ней содержатся редкие материалы по их истории периода первой русской революции. В предисловии составитель отмечал: «Ни широкое гостеприимство Литвы, ни щедрые привилегии гуманной Польши, ни жестокая монархическая политика самодержавной России, преследовавшая обрусение инородцев, не могли затупить у литовских татар светоча исламской цивилизации». Эти «мусульмане Запада», по его выражению, были крепко спаяны единством веры и исторического прошлого³.

Во время гражданской войны на территории просуществовавшей в 1918–1920 гг. Азербайджанской республики появились еще два сборника

¹ С мнением же современного исследователя В.О. Бобровникова о том, что мусульмане империи мало интересовали историков и даже востоковедов в России и за ее пределами (Бобровников В.О. Два исторических этюда о мусульманах империи // Сборник русского исторического общества. Т. 7. М., 2003. С. 310), нельзя согласиться, точнее и вернее сказать: эти мусульмане очень интересовали небольшую группу различных исследователей из разных стран, в особенности из Англии, Франции и Германии.

² Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Пг., 1917.

³ Кричинский Л.К. Библиографические материалы о татарах Польши, Литвы, Белоруссии и Украины (история, геральдика и генеалогия, право, статистика, этнография и беллетристика). Пг., 1917. С. 1.

документов, которые частично касались периода первой русской революции, характеризовали поведение мусульман, освещали работу их съездов и т. д.¹ Перипетии 1917–1920 гг., вопреки распространенным прогнозам и мифам, отчетливо показали непредвзятым аналитикам, что дореволюционные суждения о сепаратизме, панисламизме мусульман империи лишены каких-либо серьезных оснований. К примеру, американец Стоддарт отметил, что во время первой русской революции мусульмане были политически лояльны к Российской империи².

Такого рода оценки принципиально расходились с советской историографией, в которой вместо изучения такого специфического социального движения, как мусульманское (общемусульманское) движение, внедрялось «национально-освободительное» движение мусульманских народов как часть революционного «потока» 1905–1907 гг. В частности, получивший мировую известность татарский большевик М. Султан-Галиев, естественно, характеризовал первый период истории «революционного» движения татар как период «националистический», начавшийся с 1905 г. По его мнению, лейтмотивом всей общественно-политической мысли этой эпохи была идея «национального возрождения» татар. Революционные представители молодежи, такие как сам Султан-Галиев, «спасение» татарской нации видели в решительной ломке всего старого и обветшавшего. Революция 1905 г. глубоко затронула основы общественно-политической и культурно-бытовой жизни татар, дав «сильный толчок к разрушению их и без того пошатнувшейся патриархальности и подготовили тем самым почву к восприятию ими идей социальной революции в дальнейшем»³, — писал спустя годы этот типичный мусульманский революционер, безуспешно пытавшийся связать национальную идею с революционным мессианством.

20-летие революции 1905 г. в СССР было отмечено рядом публикаций, в которых затрагивалось отчасти поведение во время нее мусульманских масс и их лидеров. Основной работой фактически стала книга известного татарского писателя и историка Г. Ибрагимова⁴, принадлежавшего, как и Султан-Галиев, к небольшой группе революционеров-мусульман. Автором был собран значительный фактический материал, освещающий многие важные события в жизни мусульман империи, в особенности процесс возникновения у них политических партий. Ибрагимов подходил к ана-

¹ Кричинский А. Очерки русской политики на окраинах. Ч. 1. К истории религиозных притеснений крымских татар. Приложение: секретные документы. Баку, 1919; этот же автор в 1920 г. издал вторую часть своей работы: Найман-Мурза-Олешкевич-Кричинский А. Очерки политики русского царизма на окраинах. Ч. 2. К истории борьбы с просвещением и культурой крымских татар (с приложением секретных документов). Баку, 1920.

² Stoddard L. The new world of Islam. New York, 1923. P. 196. Первое издание этой книги появилось в США в 1921 г. Она была также переведена и издана на французском языке в Париже в 1923 г.

³ Султан-Галиев М. Избранные труды. Казань, 1998. С. 356.

⁴ Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года / Пер. с татарск. Казань, 1926.

лизу недавней истории с классовых позиций, стремился показать роль мусульманского пролетариата и крестьянства, пытался доказать, что эти нерусские народы активно участвовали в революционной борьбе, но документальная основа для подобных построений была явно недостаточной. В таком же примерно духе выдержаны работы, посвященные влиянию революционных событий на горцев Северного Кавказа и Дагестана¹. При этом документальных публикаций выходило мало, редким исключением является сборник о событиях революционного времени в Закавказье, состоящий в основном из материалов периодической печати².

К 25-летию революции ситуация заметно не изменилась: статья одного из помощников И.В. Сталина в сфере управления межнациональными отношениями С.М. Диманштейна, опубликованная в специальном марксистском журнале³, является типичной для юбилейной литературы этого времени, наглядно характеризует классовый подход к анализу роли «национальностей» (т. е. нерусских народов) в революции 1905–1907 гг., которым, по определению Сталина, было отведено место резерва революции. Другой помощник Сталина по мусульманским проблемам, как теоретическим, так и практическим, Г.И. Бройдо писал, что пантюркистское движение создала турецкая буржуазия, чтобы объединить все народы тюркского происхождения, и это движение якобы продолжает встречать сочувствие у тюркских народов, входящих в состав СССР, и что оно «окрашивается иногда в религиозную окраску, и тогда оно превращается в движение панисламистское...»⁴. Влияние дореволюционной панисламистки и пантюркистики налицо.

На таком методологическом базисе была сделана, к примеру, книга А. Аршаруни и Х. Габидуллина⁵, которая, несмотря на очевидную устарелость, до сих пор пользуется популярностью среди части исследователей, а для многих из них стала даже почти классической и хрестоматийной. Между тем уже вскоре после ее выхода в свет она вызвала справедливую критику, о которой, видимо, многие не подозревают. Рецензент книги верно отметил, что на самом деле татарская торговая буржуазия была заинтересована в сохранении единства и целостности Российской империи и вместе с тем подчеркнул, что в дореволюционных программах, по его выражению, «русских панисламистов» совершенно отсутствуют требования национально-политического характера, которые

¹ См., например: Федоров Е.К. 1905 год и коренное население Туркестана // Новый Восток. 1925. № 10–11. С. 15–45; Анухин В. Революционное движение в 1905 г. среди горцев Северного Кавказа // Новый Восток. 1926. № 13–14. С. 158–178; Мартirosian Г.К. Терская область в революции 1905 года. Владикавказ, 1929; и др.

² Революция 1905 года в Закавказье (хроника событий, документы и материалы). Тифлис, 1926.

³ Диманштейн С. Национальности в революции 1905 г. // Революция и национальности. 1930. № 8–9. С. 8–24; 1931. № 1. С. 69–81.

⁴ Бройдо Г.И. Национальный и колониальный вопрос. М., 1924. С. 39.

⁵ Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Л., 1931.

покушались бы на государственное единство России, например требование национальной автономии или федерации и т. д. Он отмечал, что этому способствовали «исламизация и татаризация», тесно связанные между собой, ибо ислам проникал и укреплялся, в частности в Башкирии и Казахстане, на татарской основе¹.

В книге исламоведа Л.И. Климовича², несмотря на классовый подход и другие изъяны, содержится достоверная фактология из жизни мусульман в период революции 1905–1907 гг. Почти одновременно, к ее 30-летию, вышел в свет ценный документальный сборник о «революционном движении» в 1905 г. некоторых нерусских народов, в том числе населявших Поволжье. Его составитель подчеркивал, что «до невозможности трудно выделить в национальных районах национальное движение от массового и крестьянского движения», а также делал вывод, что «революционное движение широких масс народов тогдашней России более всего выступает в националистической окраске не в момент обостренной классовой борьбы под гегемонией пролетариата, а накануне революции и после поражения вооруженных восстаний рабочих в Москве и в целом ряде других городов в конце 1905 г. и в начале 1906 г.»³. Насколько это верно в отношении мусульманских народов, при этом не уточняется. Так, в книге Р.М. Раимова о том, как происходила эта революция в Приуралье⁴, где значительную долю населения составляли такие мусульманские народы, как башкиры и татары, автор прежде всего стремился найти убедительное подтверждение тому, как башкирское население участвовало в национально-освободительном движении, втягивалось в крестьянско-аграрное движение. Однако, как удалось установить Д.А. Сафонову, приводимая Раимовым статистика крестьянских, в том числе башкирских, выступлений по Оренбургской и Уфимской губерниям в значительной мере нерепрезентативна⁵. В целом же исследование Раимова, выполненное на основе анализа многих впервые введенных в научный оборот важных источников, в особенности сведений из мусульманской печати, является гораздо более качественным, чем работа Аршаруни и Габидуллина.

Таким образом, если история первой русской революции стала одной из ведущих тем советской историографии уже в годы ее становления, то значительным недостатком при этом было отсутствие изданий о нацио-

¹ Jol [Рец. на:] Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Л., 1931 // Революция и национальности. 1931. № 4. С. 141–142. Кто скрывался за этим необычным псевдонимом, установить не удалось.

² Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. М., 1936.

³ Национальные движения в период первой революции в России (сборник документов из архива быв. Департамента полиции). Чебоксары, 1935. С. 4, 13.

⁴ Раимов Р.М. 1905 год в Башкирии. (Революционное движение в 1905–1907 гг.) М.-Л., 1941. Уроженец Башкирии Р.М. Раимов (1904–1953) в 1937–1941 гг. работал в Институте истории АН СССР.

⁵ См.: Сафонов Д.А. Очерки историографии оренбургской истории. Оренбург, 2005. С. 235–236.

нально-освободительном движении народов России. Этот, по выражению советских историков, «национальный нигилизм» историографии 20–30-х годов не позволял увидеть значение национально-освободительной борьбы в революции¹. Тем более мало что было достоверно известно о мусульманах и их общем движении.

За рубежом среди мусульманских эмигрантов, очевидцев и участников первой русской революции, появились публикации, в которых основное внимание уделялось позиции как отдельных представителей, так и тех или иных групп мусульманского населения. В частности, в 1933 г. в Берлине и в Париже на татарском, русском и французском, в 1934 г. в Токио на японском, в 1938 г. в Варшаве на польском языках была издана научно-публицистическая книга «Идель*-Урал» Исхаки, в которой объяснены некоторые особенности социальной психологии татарского народа в 1905–1907 гг., даны сведения о зарождении татарских политических партий и т. д. Касаясь вопроса о численности мусульман, Исхаки считал, что как перепись 1897 г., так и советская перепись 1926 г. тенденциозны и не соответствуют действительности: во-первых, в них количество «инородцев» сильно преуменьшено, а количество русских, наоборот, сильно преувеличено. Во-вторых, эти переписи несовершенно и по той причине, что турки уклонялись от регистрации и никогда не давали точных сведений о своем количестве. По переписи 1897 г. количество тюрок считалось, кроме Хивы и Бухары, 13 млн, а по переписи 1926 г., по прошествии 30 лет, турки всего СССР, уже включая и Хиву и Бухару, составляли всего около 19 млн. Где же здесь, резонно резюмировал Исхаки, прирост населения за 30 лет, не говоря уже о тюрках Хивы и Бухары?²

В конце 40-х — начале 50-х годов XX в. советская историческая наука обратилась к более глубокому изучению национально-освободительного движения в первой русской революции. Историки стремились показать, как в ходе ее складывалось интернациональное единство народов страны в борьбе против царизма, как национально-освободительное движение трудящихся народов России сплачивалось вокруг русского пролетариата. Но и в этих работах сказывалось преувеличенное представление о масштабах втягивания масс в национально-освободительную борьбу, воздействия на нее социал-демократии, недооценивались факты значительного влияния на окраинах буржуазных и мелкобуржуазных партий, не исследовались позиции национальной буржуазии, история «националистических» партий³, в том числе Мусульманского союза, появление которого так поразило Ленина.

К 50-летию юбилею революции было приурочено наибольшее количество публикаций, в которых национально-освободительная борьба уг-

¹ Волобуев О.В., Муравьев В.А. Ленинская концепция революции 1905–1907 годов в России и советская историография. М., 1982. С. 146, 237.

* Волга.

² Мухамед-Гаяз Исхаки... 2004. № 9. С. 10.

³ Волобуев О.В., Муравьев В.А. Указ. соч. С. 189–190.

нетенных народов, в том числе мусульманских, описывалась как составная, неотъемлемая часть общероссийского революционного движения. Издавались книги, в которых частично отражались проблемы мусульманской жизни, но выводы страдали предвзятостью и односторонностью, а источники порой подвергались намеренной урезке. К примеру, чтобы показать «реакционность» мусульманских туркестанских лидеров, Л.М. Ланда использовал следующую цитату из статьи авторитетного джадидского лидера М. Бехбуди, опубликованной 9 июля 1906 г. в ташкентской газете «Тараккы» («Прогресс»): «Слава Богу, вместе с Россией и в будущем мы будем поддерживать существование русского правительства». Согласно А.В. Пясковскому, Бехбуди заявил якобы следующее: «Слава Богу, в настоящее время мы помогаем и в будущем поможем русскому правительству»⁴. Бехбуди на самом деле писал: «Слава Богу, придерживаемся одинаковой с Россией позиции и в будущем мы готовы сотрудничать с русским правительством». В этой статье, которая была посвящена проблемам образования у мусульман, речь шла о том, что, во-первых, джадиды и представители России, под которыми имелись в виду татарские просветители, имели общие взгляды по вопросу о преобразовании мусульманского образования, во-вторых, Бехбуди отмечал, что туркестанские джадиды были согласны способствовать власти в борьбе против схоластики, чтобы идти в ногу со временем, с прогрессом. Никакого политического значения, на которое указывали Ланда и Пясковский, эти намерения не имели.

Касаясь такого важнейшего и спорного вопроса, как численность мусульманского населения Российской империи, известный советский историк А.Ф. Якунин вслед за некоторыми дореволюционными учеными и эмигрантскими авторами считал, что она достигала 30 млн человек, что составляло более 1/5 всего населения страны⁵. Такая оценка сильно расходилась как с дореволюционной статистикой, так и с советской историографией, почти вдвое занижавшими численность мусульман в империи. Не удивительно, что при втором издании этого коллективного труда (в 1955 г.), приуроченного к 50-летию первой революции, этот фрагмент из статьи Якунина был изъят⁶. Цель подобного редактирования состояла прежде всего в том, чтобы снизить социальное значение мусульманского фактора в революции, создать неверное представление о мусульманском движении как о малозначительном, второстепенном явлении.

⁴ Цит. по: Ланда Л.М. Панисламистская и пантюркистская агентура в Туркестане (конец XIX в. — 1917 год). Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1953. С. 178.

⁵ Пясковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. М., 1958. С. 552–553.

⁶ Якунин А.Ф. Революция 1905–1907 гг. в Казахстане // Революция 1905–1907 годов в национальных районах России. Сб. статей. М., 1949. С. 644.

⁷ Надо полагать, была учтена критика, прозвучавшая в рецензии на данную статью. Ее авторы считали, что Якунин «непропорционально мало места уделил освещению рабочего и крестьянского движений» (Гейфтер М., Деренковский Г. [Рец. на:] Революция 1905–1907 годов в национальных районах России. Сборник статей. М., 1949 // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1949. Т. 6. № 6. С. 567).

Полувековой юбилей революции активизировал и публикацию документов. В частности, в 1955–1956 гг. была издана 18-томная «Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы», в которых встречаются различного рода сведения о мусульманских народах, не потерявшие своей научной значимости и ныне, но вместе с тем многие важные события, к примеру, три всероссийских мусульманских съезда, состоявшиеся в Петербурге и Нижнем Новгороде в 1905–1906 гг., вовсе не упомянуты, хотя они имели общественный резонанс, получили заметные отклики в прессе, как в столичной, так и в губернской.

После XX съезда КПСС в обретшей некоторую свободу мысли советской историографии наблюдались новые веяния, необычные для предшествующей литературы моменты, которые указывали на очевидные противоречия, нестыковки, не вписывавшиеся в бытовавшую схему развития революционного процесса. Если в одних работах, посвященных мусульманским регионам, в частности Туркестану, еще делался вывод о том, что местные мусульмане (казахи, туркмены, узбеки и др.), оказывается, по Пясковскому, «глубоко» симпатизировали революционному движению, возглавляемому русским пролетариатом, а власти и официальная пресса стремились изобразить отношение этого населения в диаметрально противоположном свете¹, то в других — народы Средней Азии, утверждала, к примеру, Т.Ю. Бурмистрова, в тот период не были «втянуты в революционное движение»², что соответствовало историческим реалиям, подвергая тем самым сомнению то, что излагалось в работах, «показывающих» революционизирование мусульманских масс. В своей новой книге, подготовленной под влиянием хрущевской «оттепели», Пясковский уже сумел устранить некоторые натяжки в освещении мусульманского движения и в значительной мере использовал материал, в частности, о деятельности мусульманских организаций и партий³.

В насыщенной фактическим материалом монографии Х.Х. Хасанова⁴ справедливой критике подвергалась точка зрения такого «классика» татарской историографии революции, как Г. Ибрагимов, упоминавшаяся книга которого в научном отношении во многом устарела, став своеобразным символом своей эпохи, но не более того. Но и в книге Хасанова, как и во многих других, специфика восприятия революционных явлений татарским населением не отражалась, поведение масс по инерции объяснялось исключительно социально-экономическими причинами, а действия мусульманских лидеров по-прежнему не изучались.

В общем же труде, посвященном 70-летию революции, один из авторов, Н.А. Иванова, по инерции утверждала, что в 1905 г. в Средней Азии,

¹ Пясковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Узбекистане. Ташкент, 1957. С. 133.

² Бурмистрова Т.Ю. Ленинская политика пролетарского интернационализма в период образования РСДРП (1890–1903 гг.). М., 1962. С. 5.

³ Пясковский А.В. Революция 1905–1907 гг. в России. М., 1966.

⁴ Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. М., 1965. С. 9.

Казахстане, Азербайджане, среди татар Поволжья и Крыма якобы усилилось распространение идей панисламизма и пантюркизма, «проповедовавших создание единого мусульманского или тюркского государства под главенством Турции». Эти идеи были направлены к тому, чтобы «под флагом объединения всех мусульман оторвать народы Востока от влияния революционного пролетариата России»¹. Этот историографический анахронизм по-прежнему сильно влиял на многих обществоведов, которые не учитывали даже выходявшие в 60-е годы публикации востоковедов, содержащие совсем отличные от бытовавших среди историков оценки. Так, В.А. Гордлевский в 1915 г. писал, что «жизнь мусульман действительно опутана сетью ограничений... Признание правительством за мусульманами прав на самоопределение составляет главную мечту их; между тем законодательство определенно проводит противоположную точку зрения, урезывая во всем мусульман... Но эти мечты так скромны, что, казалось бы, они не должны встречать на своем пути преград; ведь мусульмане только просят, чтобы были отменены ограничения, установленные для них»². Мусульмане, несмотря на то что многие важные их проблемы так и не были разрешены властью, были в большинстве своем среди наиболее лояльных подданных вплоть до обрушения самодержавия в 1917 г.

Данный феномен, не вписывающийся в привычные догмы и стереотипы, никак не укладывался в схему изучения формирования ленинской программы по национальному вопросу, которая в многочисленных работах, выходявших в 70–80-е годы XX в. в центре, изображалась как отвечающая интересам народных, в том числе мусульманских, масс. В региональных же исследованиях обычно объектом изучения являлась политика, проводимая в национальной сфере, которая характеризовалась как грабительско-колониальная, русификаторская, но при этом почти не затрагивалась политика в религиозно-духовной сфере жизни мусульман, не освещались определенные уступки со стороны властей, которые делались им во время революции. К примеру, мусульмане Северного Кавказа, продолжали писать советские историки-кавказоведы, не оставались в стороне от революции 1905–1907 гг.³, мотивируя тем, что революционное движение происходило у горцев главным образом на аграрной почве. Как и прежде, утверждалось, что огромным историческим преимуществом для народов Северного Кавказа, Поволжья и Урала, в том числе му-

¹ Революция 1905–1907 годов в России. М., 1976. С. 226.

² Гордлевский В. Мечта мусульман // Избранные сочинения. Т. 4. М., 1968. С. 178. Впервые эта статья была опубликована в московской газете «Русские ведомости» (18 декабря 1915 г.). При переиздании без каких-либо археографических пояснений была взята только половина этой статьи, что еще раз свидетельствует о том, что когда было нужно отереть из исторической памяти все противоречащее панисламистической догме, то урезке подвергалось и научное наследие этого выдающегося отечественного тюрколога.

³ См., например: Магомедов М.А. Северный Кавказ в Октябрьской революции: реальность и вымыслы // Революция и народы России: полемика с западными историками. Сб. статей. М., 1989. С. 210.

мусульманских, явилась возможность опереться на революционный союз с русским пролетариатом в 1905–1907 гг.¹ На самом деле у мусульманского населения этих и других регионов были иные социальные ориентиры и политические союзники.

К 80-летию революции в советской историографии делался общий вывод, что революционные настроения проникли и в широкие слои населения «национальных районов» страны, а национально-освободительное движение, набирая силы, приобретало новые черты. Народные массы, в том числе якобы мусульманские, встали на путь открытой борьбы с самодержавием и его политикой национального гнета². С этих позиций освещались и проблемы мусульманского населения в отдельных регионах, но специфика их движения в масштабах всей страны не анализировалась.

Между тем на Западе в 50–80-е годы XX в. значительно выросло внимание к роли ислама, панисламизма и пантюркизма в истории России. Под этим углом зрения было опубликовано немало исследований, которые затрагивали события начала XX в. Кроме того, был издан ценный по тем временам сборник документов³, который вплоть до сегодняшнего дня пользуется большим спросом у исследователей, поскольку содержит довольно редкие материалы, которые отсутствовали в советских публикациях. Западные ученые, в отличие от советских, уже тогда обоснованно применяли существовавшее до 1917 г. понятие «русские/российские мусульмане», которое до недавнего времени с трудом воспринималось отечественными историками.

При этом одни западные историки правильно полагали, что мусульманские народы не подходили под марксистскую схему классовой борьбы, но в то же время пытались доказать, что до 1917 г. у них не было якобы никакого особого социального движения, за исключением отдельных выступлений небольшой группы интеллигентов, стремившихся преодолеть некоторые консервативные черты мусульманской религии и приспособить ее к новым веяниям. Другие исследователи (Р. Пайпс, С. Зеньковский, А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже и другие) считали, что у российских мусульман будто бы происходил процесс зарождения панисламистского и пантюркистского движений, при этом верно рассматривая данные народы как единое мусульманское сообщество, но в то же время ошибочно отрицая существование отдельных этносов. Общая черта за-

¹ Хасбулатов А.И., Бекузаров Х.Х. Освещение революционного движения 1905–1907 гг. на Северном Кавказе в исторической литературе (на материалах Терской и Дагестанской областей) // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 1. Грозный, 1978. С. 67–68; Абдуллин М.И. Критика антимарксистского освещения победы Советской власти в Поволжье и на Урале // Революция и народы России... С. 227.

² Исторический опыт трех российских революций. Генеральная репетиция Великого Октября. Первая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1985. С. 129.

³ Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции. Оксфорд, 1987. Данная работа, в которой перепечатан ряд программных документов СРМ, содержит немало принципиальных текстуальных ошибок, некоторые из них показаны по ходу изложения.

рубежной, в том числе турецкой¹, литературы — изображение в самых мрачных тонах картины русско-мусульманских отношений в прошлом, перед развалом Российской империи. Этот подход связан с тем, что на Западе в то время была популярна идея о том, что мусульманский вопрос сыграл едва ли не решающую роль в распаде СССР. Прогноз, как известно, оказался далек от действительности.

Аналізу зарубежных исследований, вышедших на английском и французском языках в 1983–1990 гг., посвящена содержательная статья востоковеда М.И. Чемерисской. Здесь, в частности, затронута первая революция, которая, по справедливому ее мнению, дала дополнительный толчок реформационному движению среди мусульман страны и которое вплоть до 1917 г. носило характер чисто культурный², а не панисламистский.

В период «перестроечной» и постсоветской историографии (со второй половины 1980-х годов) в СССР/России преимущественное внимание обращалось на использование работ зарубежных авторов, особенно таких, например, как известный чеченский публицист А. Авторханов. Он писал, что ко времени первой русской революции в недрах народов России, исповедующих ислам, окончательно созрело и оформилось понятие о мусульманских народах как о национально-социальной общности. Речь шла о новом национально-политическом мировоззрении, согласно которому российские мусульманские народы принадлежат к собственному и особому миру единства — по религии, культуре, истории, традиции, языку и даже территории. Здесь присутствовали все элементы образования нации, кроме важнейшего — наличия независимости. Добиться именно этой цели, полагал Авторханов, старалось сначала панисламистское, потом пантюркистское движение, возникшее на рубеже XIX–XX вв. одновременно в мусульманских районах России и Турции. Русское правительство рассматривало это движение как оружие турецкой политики и поэтому преследовало его. Но это было и остается самой примитивной попыткой дискредитировать идеалы национально-освободительного движения российских мусульманских народов ссылкой на излюбленное алиби царских и советских колонизаторов — на мнимые происки Турции³. В этой отнюдь не новой трактовке звучат прежние анахронизмы и догмы о панисламизме и пантюркизме, национально-освободительном движении и т. д., ничего новаторского не дается в объяснении причин общемусульманского движения в России.

¹ Основным трудом в турецкой историографии считается книга Н. Девлета, посвященная истории национальной борьбы российских тюрков в 1905–1917 гг.: *Devlet N. Rusya Türklerinin Milli Mücadele Tarihi* (1905–1917). Ankara, 1985. S. 76–119. В главе «Революция 1905 г. и тюрки» рассматривается их политическая активность в данный период.

² Чемерисская М.И. Современная зарубежная литература о мусульманских народах СССР // Восток. 1991. № 1. С. 192. На этом фоне утверждение В.О. Бобровникова, что в советский период все, связанное с российским исламом, стало совсем уж закрытой темой для зарубежных коллег (Бобровников В.О. Указ. соч. С. 310), звучит неубедительно.

Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С. 97.

Гораздо ценнее в научном плане небольшая работа азербайджанского исследователя Д.Б. Сеидзаде¹, в которой впервые подробно была показана не только деятельность азербайджанских депутатов в Государственной думе, но и в целом мусульманской фракции, созданной в ней. В книге, основанной на большой источниковой базе, приводятся важные сведения, которые прежде не использовались в историографии, относительно деятельности СРМ, его лидеров. Обращаясь все больше к массовой психологии, исследователи стали выявлять особенности поведения мусульманского населения. События русской революции 1905 г., в частности, в Абхазии местное абхазское крестьянство восприняло, полагает абхазский исследователь С. Лакоба, как «грузинскую революцию». Лишь небольшое количество абхазов участвовало совместно с грузинским населением в революционных «схватках с царизмом». Неучастие большинства абхазов в этой борьбе Лакоба объясняет тем, что народ пережил трагедию мухаджирства², перенес кровопролитные восстания 1866 и 1877 гг., а также непониманием населения политических задач и целей революции³. Автор при этом избегает анализировать влияние исламской религии и роль духовных лиц, сыгравших существенную роль в удерживании местных мусульман от антиправительственных выступлений, количество местных мусульман. Как и раньше, вопрос о численности мусульман в империи вовсе не был однозначным для некоторых ученых. Так, Ю.В. Анисин отмечал: ряд исследователей полагали в начале XX в., что официальная статистика шла на некоторое преувеличение удельного веса русских в населении страны⁴; это искажение приводило к занижению численности, в частности мусульманских жителей.

С обрушением СССР в постсоветской историографии, кардинально пересмотревшей прежние концепции революций, среди обществоведов стало популярным мнение о том, что вообще революции якобы не оказали заметного влияния на исторический процесс в XX в., что в России они являлись случайными, выпадающими из общего мирового развития эпизодами, социальными «спазмами», историческими «аномалиями», отклонениями от «нормального» развития, нарушениями общественного равновесия, очередными русскими смутами, «псевдореволюционаристскими» явлениями. Тем самым под понятие революции «антинормалисты» фактически подводили социально-психологические сдвиги самого различного характера и снимали проблему социальной революции, раз-

¹ Сеидзаде Д.Б. Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. Баку, 1991.

² Мухаджирами называли мусульман, переселившихся из Мекки в Медину из-за преследований со стороны многобожников в VII в. Мухаджирство как социальное явление в российской истории означает вынужденное переселение из России мусульман вследствие проводимой властями антимусульманской политики. Особенно сильным это движение было после покорения Кавказа с середины XIX в. вплоть до 20-х годов XX в.

³ История Абхазии. Сухуми, 1991. С. 225–226.

⁴ Анисин Ю.В. Национальные проблемы России в программах и тактике партий революционно-демократического лагеря. М., 1991. С. 55.

решавшей в России, как и в других странах, накопившиеся противоречия, которые власть по тем или иным причинам не была в состоянии за-благовременно и эффективно преодолеть с помощью соответствующих реформ. В современной России отчетливо заметно идеологическое давление «контрреволюционного», революциофобского характера — если не вычеркнуть полностью из истории память о русских революциях, то по крайней мере представить в обществе эти исторические явления лишь как один из трагических этапов на пути падения страны в историческую пропасть якобы из-за недомыслия народа, поддавшегося влиянию различных амбициозных политических авантюристов, заговорщиков и других «темных сил», как внутренних, так и внешних.

Революции возникали, согласно другой распространенной среди историков точке зрения, при модернизации и связаны с кризисами, происходившими при экономическом росте. На рубеже XIX–XX вв. перед Россией, как и перед другими странами, стояла, по мнению историков-«модернизаторов», задача перейти от традиционного общества к индустриальному, преодолеть социокультурную отсталость, либерализовать политический режим. С одной стороны, статистические данные свидетельствуют об экономическом подъеме в России перед первой революцией, с другой — многочисленные факты указывают на неспособность власти поднять уровень жизни и культуры народных масс, который особенно заметно упал в связи с промышленным кризисом 1900–1903 гг. и начавшейся в 1904 г. войной с Японией.

Обрушение СССР вызвало повышенное внимание исследователей также к национальному вопросу в Российской империи, в том числе его значению в период революции 1905–1907 гг. В 1995 г. впервые в историографии был сделан вывод, что мусульмане в Российской империи почти не участвовали в революционных событиях 1905–1907 гг.¹ Однако для исторической литературы 90-х годов XX в. наиболее характерны прежние оценки: когда в 1905 г. была создана политическая партия «Союз мусульман», в нее вступили будто и панисламисты, ратовавшие за разрыв с Россией²; одна часть Мусульманского союза выступала якобы за полный разрыв с Россией, другая — за автономию внутри нее³; все усилия, направленные на разрешение общих задач, послужили-де основой пантюркистского движения, возникшего в недрах российского тюрко-исламского мира⁴; главной формой выражения по-

¹ Исхаков С.М. Революция 1905–1907 гг. и российские мусульмане // 1905 год — начало революционных потрясений в России XX века. Материалы международной конференции. М., 1996. С. 207.

² Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. С. 147.

³ Идрисов У.Ю., Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Из истории нижегородских мусульманских общин в XIX — 30-х годах XX века. Нижний Новгород, 1997. С. 114.

⁴ Горюшков Н., Червоная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории и историографии // Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире. М., 1998. С. 73–75.

литического сознания мусульман стало общественное движение, протекавшее якобы под лозунгами панисламизма и пантюркизма¹, и т. п.

Как справедливо отметил тюрколог Ганиев, тюркизм — общественно-литературное течение, возникшее в конце XIX в. — начале XX в. в среде образованных татарских писателей, историков и лингвистов и распространившееся среди других тюрков России, — ставил цель восстановления древней тюркской культуры доисламского периода, создание благоприятных условий для развития тюркских языков на их собственной основе, широкое культурное сотрудничество всех тюркских народов, народностей и племен. Мощным стимулом для развития подобного течения было открытие орхоно-енисейских памятников рунического письма, ключ к расшифровке которого нашел в 1893 г. выдающийся датский тюрколог В. Томсен. Ганиев правильно полагал, что тюркизм, возникший из стремления интеллигенции к культурному единению тюркских народов, с течением времени стал пониматься и оцениваться окружающим миром как течение политическое (пантюркизм)², что вовсе не является однозначным подтверждением геополитического характера намерений сторонников сплочения мусульман в целях противостояния тем или иным вызовам и угрозам.

Вопрос об отделении мусульман от России во время первой русской революции вообще не стоял; панисламистов, принимаемых за сепаратистов, не существовало тем более. Р.А. Циунчук (Казань) совершенно справедливо разделяет позицию одного из мусульманских депутатов Думы, отметившего, что вокруг этого мифического пантюркизма и панисламизма российских мусульман столько «народу кормится и как ловко многие выслуживаются»³. И эта тенденция сохраняет живучесть, нередко ее приверженцы выказывают резкое недовольство, когда кто-либо высказывает критику в их адрес. Так, Р.Г. Ланда пишет, что отрицание всякого влияния панисламизма в России у С.М. Исакова представляет собой продуманную концепцию, с которой он, Ланда, категорически не согласен, поскольку для панисламизма в России «существовала определенная почва», поскольку есть, по Ланде, «давно доказанная истина о наличии среди мусульман России влияния панисламизма», но ему, восторгается Ланда, «не дали развернуться» до 1917 г.⁴ Ланда в корне неправильно

¹ Полонская Л.Р., Полонская Л.Р. Восток. XX век. Взгляд из России // Ислам в СНГ. М., 1998. С. 76–77, 79.

² Ганиев В.Х. Эмиграция — диаспора — писательские судьбы (на материале тюркских литератур) // Литературное зарубежье: проблемы национальной идентичности. Вып. 1. М., 2000. С. 205.

³ Циунчук Р.А. Государственная Дума имперской России: проявление этноконфессиональных интересов и формирование новых национальных политических элит // Исторические записки. 2001. № 4. С. 246.

⁴ Ланда Р.Г. Письмо в редакцию. По поводу книги С.М. Исакова «Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.)» // Восток. 2005. № 2. С. 216, 217. Некоторые фрагменты этого письма носят совершенно недостойный для такого авторитетного академического журнала оскорбительный характер, когда Ланда, которого настолько вывела из себя критика (а без нее, как

оценивает значение в их истории такого фактора, как панисламизм, выдвигая его вслед за Вамбери в качестве религиозно-политической угрозы для существования Российского государства, что, однако, не находит в его истории начала XX в. никаких убедительных конкретно-исторических подтверждений. Поэтому, к примеру, в Оренбургской и Уфимской губерниях было сосредоточено, как верно полагает известный уральский историк И.В. Нарский, политически лояльное мусульманское население¹. Не удивительно, что в современной отечественной историографии до сих пор нет ни одной исследовательской работы, специально посвященной теме «панисламизм и российские мусульмане», не считая, разумеется, всякого рода ненаучные публикации спекулирующих на этой проблеме авторов.

В работах современных исследователей проявлен нарастающий интерес к деятельности мусульманских депутатов в Государственной думе, к процессу формирования национальной, в том числе мусульманской, политики, к причинам обострения национального вопроса, к проблемам межэтнических и межконфессиональных отношений². Особенно ценной в отношении освещения национальной политики в Российской империи является публикация В.Я. Дякина, основанная на материалах Российского государственного исторического архива³. При этом, естественно, возникали разного рода спорные моменты, не обошлось и без псевдорезцензий, имеющих в большей степени рекламный характер, нежели оценочный. Так, в рецензии на уфимский сборник документов (составитель Л.А. Ямаева), посвященный такой малоизученной теме, как деятельность мусульманских депутатов Государственной думы⁴, Р.И. Якупов (Уфа) пишет: «Рецензируемая книга — одна из первых работ новой объек-

известно, нет науки) в его адрес, что он, в частности, заявил, что «побудительные мотивы у С.М. Исакова вряд ли можно совместить и с научной, и с общечеловеческой моралью» (с. 220). Отвечать на такой необоснованный выпад считаю для себя невозможным. К сожалению, такого рода нападки, выходящие за научные рамки, часто испытывают и другие историки, посмевшие критиковать некоторых своего рода «неприкасаемых» авторов, которые вместо аргументированной полемики демонстрируют элементарное неприличие по отношению к коллегам. На другие же конкретно-исторические замечания Ланды даны соответствующие комментарии по ходу дальнейшего изложения.

¹ Нарский И.В. Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг. (Материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994. С. 40.

² Национальная политика России: история и современность. М., 1997; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998; Магомедсултанов И. История парламентаризма в России: возникновение, становление и развитие. Махачкала, 2000; Гамзаева А.Б. Деятельность депутатов от Северного Кавказа в I–IV Государственных думах по решению аграрного вопроса (1906–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2002; Сидоренко Н.С. С мечтой о великой России: уральские консерваторы и либералы в Государственной думе (1906–1917 гг.). М., 2005; и др.

³ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). СПб., 1998.

⁴ Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов. Уфа, 1998.

тивной (если можно так выразиться) волны в российской историографии¹. В действительности эта публикация носит фрагментарный характер, далека от объективности, содержит ошибки. Ее составитель почему-то ни разу не указала, что в I Государственную думу было избрано 25 депутатов-мусульман. В результате некоторые из них даже не попали в общий список парламентариев-мусульман, который приведен в сборнике, получивший, несмотря на все эти серьезные просчеты, исключительно позитивную оценку во многих публикациях. В том же 1998 г. в Уфе вышел еще один сборник документов, подготовленный группой историков под руководством А.Б. Юнусовой, в котором сделана попытка представить политику русского и советского государства в отношении исламской религии, в том числе периода первой русской революции². Но после царского указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и до 1909 г. никаких документов в сборнике не приводится, что является существенным изъяном данной работы.

Социальная психология мусульманского населения империи во время первой русской революции лишь недавно стала предметом специального изучения³, что сопровождалось появлением разных гипотез. Так, в Татарстане активно распространялось, особенно этнополитологом Д.М. Исаковым, представление о том, что в 1905–1907 гг. татары стремились получить культурно-национальную автономию⁴ или культурно-религиозную автономию⁵; что татары, начиная со второй половины XIX в., последовательно стремились к автономии. К началу XX в. для них наиболее приемлемой оказалась идея национально-культурной автономии в духе австро-венгерских социал-демократов⁶. На самом деле корректнее вести речь

¹ Вестник Евразии. 2000. № 1(8). С. 146.

² Ислам в законодательстве России. 1554–1929 гг. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России. Уфа, 1998.

³ См., например: Исаков С.М. Общероссийская партия мусульман // История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. М., 1996. С. 214–239; Он же. Мусульмане России: особенности социального поведения в начале XX века // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 12–19; Багирова И.С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века (1900–1917). Баку, 1997; Исаков Ф.Б. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917). Ташкент, 1997; Исаков С.М. Мусульманский либерализм в России в начале XX века // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 391–404; Калмантаев Н.М. Указ. соч.; Исаков С.М. Мусульманский либеральный консерватизм в России в начале XX века // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. С. 362–370; и др.

⁴ Исаков Д. Об основных этапах становления татарской нации // Панорама-форум. 1997. Весна (№ 11). С. 75.

⁵ Исаков Д.М. Национальное движение волго-уральских татар «первой волны» и его особенности // Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-Камский регион начала XX в. Сб. докладов. Ижевск, 2000. С. 134.

⁶ Исаков Д.М. Идея национально-культурной автономии у татар в XX веке: прошлое и настоящее // VI World Congress for Central and East European Studies. Abstracts. 29 July — 3 August 2000. Tampere, Finland. P. 172.

только о распространении среди определенной небольшой группы татарских, в том числе казанских, интеллектуалов идеи такой автономии, но вовсе не о стремлении народных масс к чему-либо подобному, если, конечно, излагать исторически данный вопрос.

Заметно также, что некоторые казанские историки весьма недовольны, когда высказывается иной взгляд на события начала XX в., в которых участвовали татары. В результате Д.М. Усманова, в частности, пишет, что «достаточно объемистая статья московского историка С. Исакова, посвященная истории «Иттифак эль-муслимин» («Союзу мусульман». — С.И.), содержит также информацию (местами противоречивую и ошибочную) о парламентской стороне деятельности мусульманского союза¹. Примеры такого стиля «научной» критики, которым пользуются и другие исследователи, не содержащей при этом ни одного аргумента, даются по ходу изложения настоящей работы. В отличие от Усмановой, другой казанский историк, А.А. Литвин, подробно и позитивно охарактеризовал данную статью².

В этой книге Усмановой, имеющей несомненные научные достоинства, встречаются и серьезные промахи³. Главный вывод этой работы состоит в следующем: «Ни один из определявших судьбу российских мусульман религиозных проектов, обсуждавшихся в Думе, так и не стал законом. Поэтому все надежды и чаяния мусульманского населения, связанные с деятельностью парламента в этой области, оказались тщетными⁴. Первая часть этого заключительного рассуждения неверна, так как за время работы Думы благодаря принятому закону от воинской службы освобождались и мусульманские духовные лица. В начале февраля 1912 г. татарская пресса сообщила радостную для мусульман новость о том, что

¹ Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). Казань, 1999. С. 19. Касаясь современных исследований, которые стали серьезно заниматься историей мусульманской фракции, Усманова относит к ним следующих представителей Волго-Уральского региона, располагая их в такой не требующей комментариев последовательности: М.К. Мухарямов, А.Ю. Хабутдинов, Р.А. Цунчук, Л.А. Ямаева и С.М. Исаков (Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 357–358; Она же. Мусульманские депутаты в Государственной думе Российской империи. 1906–1917. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Казань, 2004. С. 15). На каком основании Усманова отнесла меня к волго-уральским авторам, не понятно. Позже она исправилась, вновь определив меня как московского историка (Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 59).

² См. подробнее: Литвин А.А. Общественно-политическое движение в Поволжье. Конец XIX — начало XX в. Российская историография. Казань, 2003. С. 201–202.

³ К примеру, она пишет, что во II Думе мусульманская фракция составляла 28 депутатов (в апреле), к концу работы Думы их число превысило 30 (с. 38), но в приложениях ею приводится список депутатов-мусульман с указанием членов этой фракции (табл. 4), которых, если подсчитать, оказывается всего 26. Именно эта неточная цифра из данной работы, к сожалению, попала в обобщающий труд по истории первой революции (См.: Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 520).

⁴ Усманова Д.М. Мусульманская фракция... С. 126.

законопроект об освобождении от воинской обязанности мулл, улемов и муэззинов был принят Думой. Мусульмане ждали этого решения несколько лет. Об этом факте можно найти упоминание и в современных изданиях, — в частности в книге Сеидзаде¹, а также в переизданных официальных материалах². Для мусульманского населения данный закон имел огромное значение, так как он в значительной мере выравнивал статус их духовных лиц, демонстрировал определенную уступку власти в отношении к их вере. Отсюда следует, что и вторая часть обобщающего вывода Усмановой в принципе ошибочна.

Касаясь личности такого несомненного знатока проблем российских мусульман, имевшего псевдоним Г. Алисов, Усманова в другой своей работе справедливо пишет о том, что упомянутая статья его отличалась осведомленностью о внутренних мусульманских делах. В ней, кроме анализа истоков и характера нарождающегося мусульманского движения, достаточно большое внимание уделено обзору мусульманской прессы и культурной и общественно-политической деятельности мусульман. Она также высказала предположение, что это был псевдоним или автор был не слишком известной фигурой в российских литературно-общественных кругах³. Позднее она предположила, что автором был Цаликов, и пыталась это доказать на основе косвенных данных⁴, которые не убедительны.

Дело в том, что в конце 1917 г. Цаликов в петроградской газете «Известия Всероссийского мусульманского совета», редактором которой он являлся, опубликовал серию статей под схожим названием «Мусульманский вопрос в России. Очерки Ахмеда Цаликова»; в газете сообщалось, что готовится к печати отдельное издание этой брошюры. В номере от 15 декабря 1917 г. он отмечал, что считает уместным привести взгляд на этот вопрос, по его выражению, «культурного европейца», указывая на упомянутую статью Алисова. Цаликов, в частности, писал: «Не в пример другим российским интеллигентам Г. Алисов великолепно понимает, какую огромную проблему представляет для России судьба ее многочисленного мусульманского населения». Из дальнейших рассуждений Цаликова совершенно определенно следует, что Алисов вовсе не являлся Цаликовым: Алисов «при всей своей добросовестности не понял *сущности* панисламистского движения... В нашу задачу не входит сейчас полемика с Г. Алисовым на тему о сущности панисламизма, а потому мы ограничимся констатированием его взглядов». Далее Цаликов излагал и цитировал статью Алисова⁵. Под этим

¹ Сеидзаде Д.Б. Указ. соч. С. 94–95.

² Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 279.

³ Усманова Д. О статье Г. Алисова «Мусульманский вопрос в России» // Гасырлар авазы — Эхо веков. 1999. № 1/2. С. 248–249.

⁴ Усманова Д. К истории одного псевдонима. Версия об авторстве статьи «Мусульманский вопрос в России» // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2000. № 3/4. С. 132–133.

⁵ Известия Всероссийского мусульманского совета. 1917. 1, 8, 15, 29 декабря.

псевдонимом, на наш взгляд, скрывался Гаспринский, который, как отмечалось, в 1910 г. был выдвинут французами кандидатом на получение престижной Нобелевской премии мира, и в связи с чем появилась в «Русской мысли» эта статья, которая сходна с тем, что написал М. Аминиф в парижском журнале в 1909 г.

В 2002 г. появилась монография Усмановой, в которой она подробно охарактеризовала биографии нескольких политических деятелей-мусульман (С.-Г. Алкин, А. Ахтямов, Ибн. Ахтямов, Ибр. Ахтямов, З. Байбурун и др.), активных участников событий первой русской революции¹. Данная небольшая работа, написанная без каких-либо серьезных изъянов, вносит существенный вклад в расширение представления об их роли в мусульманском движении, развернувшимся в ходе революции.

Несмотря на некоторые изменения в постсоветской историографии, над большинством исследователей, опубликовавших результаты своей работы в самом начале XXI в., довлеют прежние догмы. Так, отмечается, что власть в начале XX в. заняла «политически близорукую позицию: никаких, даже самых ограниченных реформ, подталкивая тем самым многомиллионные тюрко-мусульманские массы в лагерь противников режима»²; первая русская революция подняла на борьбу народные массы всей России, в том числе и татар³; революционные события 1905 г. будто вовлекли в «свою орбиту сотни, тысячи татар», которые «выступали» вместе с сознательными русскими рабочими, под их руководством⁴; революция вызвала «новый подъем сопротивления мусульманского населения политике самодержавия»⁵; революция была «активно поддержана народными массами» Туркестана, «революционный лагерь» объединял рабочих, «национальное» крестьянство и ремесленников и др.⁶; события 1905–1907 гг. «привели в революционное движение мусульманские народы» империи⁷ и т. п. Подобные суждения, заимствованные из арсенала советской историографии, не соответствуют историческим фактам, прямолинейно, с одной стороны, трактуя действия царя и его правительства, с другой — искажая мотивы поведения мусульманских масс.

Вместе с тем появились и такие новации, которые являются просто неисторичными. Особенно странными выглядят рассуждения татарстан-

¹ Усманова Д.М. Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России, 1906–1917. Биографические очерки. Казань, 2002. С. 62–69, 70–77, 84–85 и др.

² Фархитов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.). Уфа, 2000. С. 109.

³ Юсупов М.Х. Галимджан Баруди. Казань, 2003. С. 17.

⁴ Рашитов Ф.А. История татарского народа: С древнейших времен до наших дней. Саратов, 2001. С. 180.

⁵ Карпенкова Т.В. Самодержавие и российские мусульмане (вторая половина XIX в. — февраль 1917 г.). М., 2003. С. 275.

⁶ Куделя-Одабашьян М.Л. Туркестан в составе Советской России: проблемы социально-экономического и политического развития (октябрь 1917 г. — октябрь 1924 г.). М., 2003. С. 70, 71.

⁷ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Уфа, 2006. С. 67.

ского академика И.Р. Тагирова о том, что с 1905 г. идея государственности якобы все больше проникала в массы, что идея республики (!) становилась популярной среди татар Поволжья и Крыма¹. Никаких доказательств в пользу этой «гипотезы», естественно, не приводится, поскольку их просто не существует. Другим поразительным примером отсутствия какой-либо исследовательской тщательности и интеллектуальной отрешенности является монография Ямаевой из Башкортостана, посвященная генезису и становлению мусульманского либерализма начала XX в. в Уфимской и Оренбургской губерниях. Автором, нельзя не признать, был собран значительный материал, который отразил, к сожалению очень хаотично, и социальную психологию мусульманских масс, а также их лидеров в условиях русской революции. А главное, Ямаева ошибочно полагает, что само понятие «мусульманский либерализм» появилось в отечественной историографии лишь в конце 90-х годов XX в. О мусульманских либералах в действительности писали уже в период первой революции и вплоть до 30-х годов. Основной же вывод данной работы состоит в том, что «недолговечность» и «социальная не востребо-ванность» мусульманского либерализма были якобы предопределены прежде всего тем, что башкиры, казахи и другие народы были против, по ее выражению, «татарского ассимиляторства под лозунгом тюркизма»².

Впрочем, следует отметить, что примеры современных историографических манипуляций некоторых авторов, в том числе татарстанских, невольно воспроизводят подобные впечатления. Достаточно привести такой небольшой, но характерный ляпсус. Вопреки всем досоветским справочным изданиям о депутатском корпусе Государственной думы, Усманова именует депутата I Думы башкира Ямалетдина Хурамшина, представителя Уфимской губернии, не иначе как Джамалетдин и идентифицирует татарин³. Это пример начавшейся во время «перестройки» «национализации» истории, когда некоторые исследователи стали под- правлять этническое происхождение не только тех или иных историче- ских деятелей, но и целых групп мусульманского населения⁴. Еще один

¹ Тагиров И. Российские революции и пробуждение татар // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2005. № 2. С. 104.

² Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа, 2002. С. 17, 258. По верному замечанию Усмановой, факт существования мусульманских либералов еще не дает оснований говорить о «мусульманском либерализме» как о доктрине и идеологии, имеющей почву для широкого распространения среди мусульманского населения страны (Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 229). Мусульманский либерализм, о котором пишет Ямаева, на самом деле не был массовым движением, а охватывал небольшую часть мусульманской общественности.

³ Усманова Д. Мусульманская фракция... Табл. 2; Она же. Мусульманские представители... С. 567; Государственная дума Российской империи. Т. 1. 1906–1917. М., 2006. С. 687.

⁴ К примеру, литовские татары стали для современных минских авторов белорусскими. См.: Канапакі І.Б., Смолік А.І. Гісторыя і культура беларускіх татар. Мінск, 2000. Между тем, как верно полагают литовские исследователи, в XIX в. за этой группой татар закреп-

выразительный фрагмент: «Татарское национальное движение, возникшее в ходе российской революции 1905–1907 годов, под покровительством богачей в целом больше ставило, — пишут известные в Башкортостане историк С.Ф. Касимов и философ А.М. Юлдашбаев, — проблем судьбы религии, культуры, языка, всячески подчеркивая единство мусульман»¹. Как указано в издании правительства Республики Башкортостан, в начале XX в. якобы разворачивается национально-освободительное движение башкир, которое в 1919 г. завершается созданием Башкирской автономной республики², имея в виду Башкирскую АССР. При этом утверждается, что башкирское национальное движение начала XX в., являясь определенной частью мусульманского движения, имело специфические черты, обусловленные земельным вопросом, который стоял в центре всей национально-политической жизни башкирского народа³. Написанные под влиянием этнократической идеологии, в частности в Башкортостане и Татарстане, многие исследования, за редким исключением⁴, крайне субъективны и далеки от самостоятельных научных взглядов, подкрепленных соответствующей достоверной источниковой базой. Тенденция конформизма осталась живучей и, по сути, откровенно демонстрируется некоторыми авторами в своих исследованиях, фактически бросая тень на репутацию тех научных и учебных учреждений, под грифом которых их издавали.

В то же время проявилась и другая тенденция. Ее ярким представителем явилась Е.И. Воробьева (ныне Е. Кэмпбелл, США), которая заявила, что после революции 1905–1907 гг. власти обнаружили, что именно «невежество» мусульман, связанное с их приверженностью своей религии, было причиной лояльности основной массы мусульман в период революции. В оппозиции же оказались как раз те мусульмане, которые, восприняв русское просвещение, не «слились» с русскими, а противопоставили им свое просвещение⁵. Причины особого социального поведения мусульман и появления их политической партии во время этой революции, конечно же, не зависели от их «невежества», то есть незнания русского языка и русской культуры. Но власти, а вслед за ними Кэмпбелл не

лось название «литовские» (Мишкинене Г. Очерк истории и культуры литовских татар // Диалог. 2005. № 2. С. 59–60).

¹ А.А. Валидов — организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917–1920). Сборник документов и материалов. Ч. 1. Уфа, 2005. С. 11.

² Панорама Башкортостана. 2007. № 3 (5). С. 7.

³ История Башкортостана с древнейших времен... Т. 2. С. 68.

⁴ К их числу в первую очередь следует отнести монографию казанского исследователя Р.А. Циунчука «Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерение» (Казань, 2004). В книге, в частности, приведены дополнительные сведения о мусульманских депутатах Думы, малоизвестных сторонах деятельности мусульманской фракции в Думе и др.

⁵ Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия: вторая половина XIX века — 1917 г. Дис. ... канд. ист. наук. СПб, 1999. С. 126–127. Она же. Мусульманский вопрос в России: история обсуждения проблемы // Исторические записки. 2001. № 4. С. 146.

указывают на то, что думали при этом мусульмане. Вот что, к примеру, известный русский писатель С.Г. Минцлов, повстречавший в Уфимской губернии после революции самого обычного сельского муллу, записал в своем дневнике: «Боже мой, каким круглым невеждой оказался “ученый” мулла!.. Самые простые вещи его поражали... И вместе с тем он пользуется большим почетом и авторитетом среди татар; мне говорили, что он прекрасно знает арабский и турецкий языки и много читал на них. Вот и толкуй после такой встречи о ценности учености, говоря вообще! И не кажемся ли, в свою очередь, и мы такими же дураками... и другим народностям чуждых нам культур?»¹ К сожалению, в некоторых научных трудах, не говоря уже о массовой литературе², словно намеренно игнорируется безусловная истина, что та или иная культура не может быть лучше или хуже, что все культуры равноценны и уникальны. Поэтому тезис о «невежестве» мусульманских народов Российской империи, представителей исламской цивилизации, в принципе неверен.

И в этот период в историографии продолжались безуспешные поиски панисламистской угрозы. С.М. Червонная упирает на то, что уже до революции 1905 г. в мусульманском мире России проявились центробежные силы³. Воробьева считает, что правительство обратило серьезное внимание на мусульманский вопрос только в начале XX в., поскольку эта проблема тогда якобы приобрела национально-политический оттенок и превратилась в «татаро-мусульманский (или татарский) вопрос». Правительство, пишет она, беспокоила политизация татарско-мусульманского движения, а также опасность распространения татарской культуры на соседние мусульманские и языческие народы. Решение татаро-мусульманского вопроса представлялось как борьба с «татарским засильем»⁴. Д.Ю. Арапов (Москва) полагает, что «пробуждение» мусульманского мира в начале XX в., «рост» влияния идей панисламизма в среде российских мусульман вызвали якобы «глубокую озабоченность» в правительственных кругах⁵, что «все большее беспокойство» властей вы-

¹ Минцлов С.Г. Уфа. Из кн. «Дебри жизни». Уфа, 1992. С. 36.

² Точка зрения, что мусульманское население было в большинстве своем якобы неграмотным (См., например: Карпенкова Т.В. Мусульмане в России. Политика в области образования (конец XIX — начало XX в.) // Труд и социальные отношения. 2004. № 2. С. 141) продолжает существовать чуть ли не в качестве аксиомы.

³ Каппелер А., Червонная С. Мусульманские народы России: историческое введение // Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червонная С.М. Ислам в Евразии: современные этические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. М., 2001. С. 105.

⁴ Воробьева Е. Русские или татары: имперский взгляд на проблему культурного доминирования в Волжско-Камском регионе // VI World Congress for Central and East European Studies... Р. 462.

⁵ Арапов Д.Ю. Ислам в оценке российских государственных деятелей начала XX в. // Российская государственность XX века. Материалы межвузовской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина. 16 декабря 2000 г. М., 2001. С. 180.

навало и нарастание мусульманского движения в стране, что духовные и политические процессы, происходившие среди российских мусульман, вызывали «серьезную обеспокоенность» в «верхах»¹. По словам другого московского исследователя, Т.В. Котюковой, Россия боялась усиления влияния панисламистских и пантюркистских идей среди миллионов мусульман, проживавших на ее территории, и всячески противодействовала их консолидации². Московский этнолог Н.С. Гончарова пишет, что татары в начале XX в. якобы стремились «к независимости и сепаратизму». Остроту этой ситуации, по ее мнению, «придавала сложная внешнеполитическая ситуация, в частности противостояние России с Турцией, которая долгое время поддерживала татар»³. А это уже яркий пример слабой осведомленности и во внешнеполитических событиях того времени. Петербург, действительно имея план захвата Константинополя и черноморских проливов, заменил в 1897 г. весьма агрессивно настроенного посла в Турции А.И. Нелидова на толерантного И.А. Зиновьева и перешел от конфронтации к стабилизации отношений со Стамбулом, что было главной тенденцией в русско-турецких дипломатических отношениях вплоть до первой мировой войны; этот период был одним из самых благоприятных за всю историю отношений двух империй. Разумеется, неверно считать, что официальный Стамбул оказывал какую-то негласную помощь татарам в России с целью дестабилизации внутреннего ее положения. Как верно отмечает С.М. Иванов в коллективной монографии петербургских востоковедов, в конце XIX — начале XX в. между Россией и Турцией намечается тенденция к расширению торгового обмена, модернизации его структуры и, что главное, вырабатываются новые, соответствующие требованиям эпохи, формы торгово-экономических связей двух государств⁴.

Переосмысливая роль одного из идеологов мусульманского движения, Гаспринского, которого в советской историографии бесосновательно характеризовали основоположником пантюркизма, С. Эбубекиров (Крым), к примеру, считает, что он являлся общепризнанным лидером реформирования культурной жизни мусульман империи, успехи в которой положили начало появлению татар, в частности, на политической арене страны в ходе революции⁵. По мнению В. Ганкевича, Гаспринский был сторонником интеграции тюрко-мусульман со славяно-христианской Россией, примыкая к ряду мыслителей Востока, пропагандировавших

¹ Арапов Д.Ю. Управление духовными делами мусульман Кавказа в Российской империи // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных и экономических наук. Вып. 1. М., 2002. С. 288; Он же. П.А. Столыпин о «мусульманском вопросе» в России // Там же. С. 289.

² Котюкова Т. Из истории борьбы за представительство Туркестана в Государственной думе Российской империи // O'zbekiston tarihi. 2002. № 3. С. 41.

³ Гончарова Н.С. Татары в Москве (опыт историко-статистического исследования). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 16.

⁴ Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996. С. 149.

⁵ Эбубекиров С. Исмаил Гаспринский — реформатор и просветитель мусульманских народов // Japanese Slavic and East European Studies. 2002. Vol. 23. С. 111, 112.

реформирование исламского общества, основанное на синтезе мусульманства и современной науки и техники¹. М.Н. Губогло также привлекает то, что Гаспринский в своих сочинениях развивал идею геополитического единения славянского, православного и тюркского мусульманского мира, настаивая на необходимости — в интересах прежде всего самой России — максимального внимания и толерантного отношения к ее гражданам — тюркоязычным мусульманам². Гаспринский на самом деле выдвинул идею не интеграции или единения, что в условиях той России неизбежно вело к ассимиляции, а равного союза мусульман с русскими, их сотрудничества на основе гражданского согласия, взаимной ответственности, осознания национальных прав и их взаимоуважения³.

Логика рассуждений тех исследователей, кто до сих пор акцентирует внимание на «мусульманской угрозе» и намеренно забывает, что мусульмане жили на своих территориях задолго до появления здесь русских, очевидна: убедить читателя в том, что мусульманское движение возникло в России якобы в результате влияния панисламизма. К примеру, на международной конференции «Ислам в России: история, политика и культура» (Вашингтон, 2003 г.) Арапов и Котюкова выступили с совместным докладом о мусульманском движении в начале XX в., который, по свидетельству другого участника, Р. Шукурова, познакомил присутствовавших с новым и малоисследованным источником по истории российского джадидизма, а именно с секретными досье царского МВД на наиболее заметных исламских интеллектуалов страны. Шукуров подчеркнул, что «наше знание» об истории джадидизма «будет неполным без учета этой чрезвычайно точной и обширной информации», биографии многих джадидских деятелей возможно восстановить только на основании этих досье⁴. Начинается доклад с тезиса о том, что политические и духовные явления, происходившие в многомиллионной общине мусульман России, вызвали якобы серьезную обеспокоенность в ее правящих верхах. Далее авторы, объясняя свою цель, пишут так: «Нам показалось целесообразным более подробно охарактеризовать организацию разработки мусульманского движения центральными и местными органами царского МВД...» В связи с этим сообщается, как происходил сбор материала о мусульманском движении, в каких структурах он накапливался, в частности, в Департаменте полиции и т. д. А в итоге делается вывод о том, что материалы МВД остаются «важнейшим, во многом незаменимым

¹ Ганкевич В. На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк Исмала Гаспринского (1851–1914). Симферополь, 2000. С. 53, 61.

² Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 276.

³ Исхаков С.М. Гаспринский И. // Общественная мысль России XVIII — начала XX века. Энциклопедия. М., 2005. С. 97–98.

⁴ Шукуров Р. Феномен исламского реформизма в России // Вестник Института Кеннана в России. 2004. № 5. С. 91, 92.

сводом информации по истории мусульман и мусульманского движения. Освоение комплексов этих архивных документов, — призывают Арапов и Котюкова, — является первостепенной задачей тех исследователей, которые хотят изучать жизнь «мусульманского мира в России»¹.

В действительности этот крайне тенденциозно-ведомственный источник давно известен в исторической науке, его сведениями исследователи пользовались многие десятилетия, никакого секрета для специалистов он давно не представляет, ничего уникального не содержит, а всего лишь свидетельствует о стремлении чинов охранки, готовивших эти характеристики, представить всех мусульманских деятелей (характеризовать их джадидскими к началу XX в. неверно) как опасных для государства врагов, особенно после подавления первой русской революции, когда началась масштабная антимусульманская кампания, вызванная совсем другими причинами, о которых сказано в данном исследовании. В период же революции активность мусульман вообще и их политичность не вызывала особой тревоги в правительственных кабинетах.

В подготовленном Араповым сборнике документов и материалов под весьма многообещающим названием², как справедливо заметила Усманова в своей рецензии на данную публикацию, однако, не вполне обоснованно сделана подборка правовых норм, есть пробелы, особенно относящиеся к 1904–1908 гг.³ Добавим: нет никаких документов периода с 17 апреля 1905 г. по 1907 г., что искажает политику власти в отношении мусульманского населения того времени. Этот пробел лишь частично был восполнен в другом сборнике материалов, составленном Араповым, где, в частности, переиздана его статья, посвященная подготовке и принятию в 1906–1908 гг. законодательного акта о порядке духовно-религиозной жизни мусульман, служивших в русской армии⁴.

Касаясь вопроса о численности мусульман в Российской империи, Д.Ю. Арапов и Е.И. Ларина, соглашаясь с тем, что достоверной статистики мусульман не было, тем не менее предпочитают оперировать только цифрой в 13,8 млн⁵. С. Червонная и Н. Горошков уверяют, что в начале XX в. востоковеды якобы оперировали только цифрой в 10–12 млн человек, составляющих тюркско-мусульманское население России⁶.

¹ Арапов Д., Котюкова Т. Архивные материалы Министерства внутренних дел Российской империи о мусульманском движении начала XX века // Вестник Института Кеннана в России. 2004. № 6. С. 57, 71.

² Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001.

³ См. подр.: Неприкосновенный запас. 2002. № 6. С. 135.

⁴ Арапов Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII — начало XX в.). М., 2006. С. 271–284.

⁵ Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004. С. 263–264.

⁶ Горошков Н., Червонная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории и историографии // Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червонная С.М. Ислам в Евразии: современные типические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. М., 2001. С. 94.

Современные этнологи, в отличие от историков-демографов, справедливо указывают, что перепись 1897 г. далеко не полна и не точна и содержит ряд существенных недостатков, а порой фактических ошибок в отношении народов Средней Азии и Казахстана¹. Тщательно сопоставив различные статистические показатели в отношении населения, в частности Ферганской долины, С.Н. Абашин справедливо указывает, что выявленные расхождения показывают, что статистические данные были объектом манипуляций со стороны разного рода органов и институтов². К 1905 г. в Российской империи насчитывалось, по другим оценкам, от 15 до 30 млн мусульман³.

К столетнему юбилею первой русской революции появились публикации, специально посвященные изучению роли мусульманского фактора⁴. Значительными историографическими событиями стали исследования Усмановой о мусульманских депутатах Государственной думы начала XX в. и О.Н. Сенюткиной о тюркском движении в России⁵. При этом Усмановой все же были допущены перекосы, ошибки, противоречия, которые приведены по ходу изложения и подвергнуты критике. С точки зрения Сенюткиной, поскольку «мусульманское» движение в России ни в 1905 г., ни позднее не пользовалось вниманием высоких исламских властей, имея в виду духовные управления мусульман, то это якобы есть основание сомневаться в смысловой сущности самого его названия. Лишенное поддержки «сверху», «мусульманское движение» почти никем будто не было поддержано «снизу»⁶. Другие ее брошюры, приуроченные,

¹ Подробнее см.: Бушков В.И., Толстова Л.С. Население Средней Азии и Казахстана. (Очерк этнической истории) // Расы и народы. М., 2001. Вып. 27. С. 141–142; Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 191.

² Абашин С.Н. Население Ферганской долины (к становлению этнографической номенклатуры в конце XIX — начале XX века) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М., 2004. С. 66.

³ Первая революция в России: взгляд через столетие. С. 119; Тютюкин С.В. Первая революция в России: взгляд через столетие // Отечественная история. 2004. № 6. С. 136.

⁴ См., например: Исхаков С.М. Первая русская революция и Союз российских мусульман // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 210–239; Он же. Первая российская революция и мусульманское движение // Отечественная история. 2005. № 5. С. 63–78; Он же. Первая русская революция и мусульмане: историографический обзор // Революционаризм в России: символы и цвета революции. 100-летию первой русской революции посвящается. Сб. статей. М., 2005. Он же. Первая русская революция и мусульмане // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 6. С. 105–113; и др.

⁵ Усманова Д.М. Мусульманские представители... См. также: Она же. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. Казань, 2006. Эта книга, выпущенная уже на следующий год после «Мусульманских представителей...», фактически представляет собой публикацию материалов о немусульманских депутатах от данной губернии, которые не могли быть включены в предыдущую монографию; Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Нижний Новгород, 2007.

⁶ Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России (к 100-летию проведения). Нижний Новгород, 2005. С. 34.

как ни странно, к 100-летней годовщине всероссийских мусульманских съездов, также показывают, что автор, вопреки всем общеизвестным фактам, категорически отрицает сам факт существования подобного движения. Другие авторы, А.Ю. Хабутдинов и Д.В. Мухетдинов, напротив, полагают, что мусульманское политическое движение во время революции выходит за рамки движения, обеспечивающего защиту потребностей мусульманской общины и превращается в общероссийское политическое движение, ориентированное на реформу государственного строя путем голосования в Государственной думе. Нежелание правительства провести какие-либо реформы в статусе мусульманской общины страны вынудили ее к радикализации и к ориентации на замену самодержавия на конституционное государство¹. Никакого перехода мусульманского движения к радикализму и антиправительственной направленности в действительности не наблюдалось, о чем подробно сказано в данном исследовании. Нельзя в то же время согласиться с распространенной ныне точкой зрения, которую поддерживает, к примеру, Арапов, о том, что вплоть до падения самодержавия в 1917 г. в России существовала в целом удовлетворяющая основные религиозные потребности мусульман система организации их духовной жизни². А религиовед Р. Силантьев, идеализируя государственно-исламские отношения, уверяет, что конец XIX — начало XX в. часто называют «золотым веком» (?) российского ислама³. Чем же тогда были сильно недовольны мусульманские жители? Как неоднократно подчеркивалось, большинство мусульман выступало за демократизацию религиозного и гражданского управления, а этого не происходило в принципиальных вопросах.

Таким образом, в 1905 г. в пределах Российской империи численность мусульман вместе с бухарскими и хивинскими мусульманами могла быть гораздо большей, чем было указано в статистических и в официальных изданиях. Как бы то ни было, мусульманская общественность исходила из своих представлений о численности жителей-мусульман, к примеру при определении количества своих представителей на общие съезды. Такая самоидентификация в определенном смысле влияла и на социальную активность мусульманского населения в целом.

При ее характеристике внимание большинства современных исследователей, как правило, по-прежнему сосредотачивается преимущественно на панисламизме и пантюркизме. Фактически ученые шли и идут на поводу у односторонних и тенденциозных источников — комплекса отложившихся в архивах документов, исходящих от определенных государственных или миссионерских структур, где пытались затушевать безрезультатность своей

¹ Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. Нижний Новгород, 2005. С. 26.

² Арапов Д.Ю. Императорская Россия... С. 11.

³ Силантьев В. Новейшая история ислама в России. М., 2007. С. 20.

работы явно недобросовестной интерпретацией происходивших в мусульманской жизни обновленческих процессов. Один из ведущих специалистов по истории первой русской революции, С.В. Тютюкин, давая общую оценку поведению российских мусульман во время нее, пишет, что они остались верными своей отчизне в условиях нараставшего в государстве сепаратизма со стороны некоторых национальных движений; такая позиция значительно разрядила этноконфессиональную ситуацию в стране в целом¹. Это принципиально важное и верное наблюдение относительно значения и места мусульманского фактора первой русской революции, его специфики, его отличия от других народных движений. Как справедливо отмечается А.К. Соколовым, в современной социальной истории большое значение уделяется проблемам религиозных, расовых, этнических различий в различных группах общества².

Этим разработкам уделялось большое внимание в зарубежной историографии, в которой в постсоветское время повышенное внимание привлекал вопрос о влиянии революции на формирование национальных движений в тех или иных регионах Российской империи и воздействие подобных течений на русскую власть, ее прочность³. Дело в том, что в общих исследованиях, посвященных причинам русской революции, национальные факторы, как правило, остаются на втором плане; внимание по-прежнему, как отмечает А. Каппелер (Вена), концентрируется на социальных проблемах царской империи, аграрном вопросе, рабочем движении и оппозиционной интеллигенции, которые рассматриваются как главные движущие силы революции. На взгляд Каппелера, который много занимался изучением национальных проблем в России/СССР, не следует придавать слишком большую важность тезису о значении национального фактора для русской революции и представлять национальный вопрос центральной проблемой Российской империи. Скорее всего, национальный фактор действовал в сложном переплетении со многими другими определяющими факторами и мог выйти на поверхность в зависимости от ситуации. Характер смещения социальных и национальных факторов, их масштаб и взаимодействие были от случая к случаю различны, так же как и размах и формы национальных движений от поляков до белорусов, от латышей до мусульман, от русских до якутов. Касаясь мусульман империи, Каппелер, с одной стороны, утверждает, что они якобы никоим образом не представляли собой единства, с другой — он пишет о мусульманском национализме, о таком «религиозном» типе на-

¹ Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 136.

² Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. С. 691.

³ См. подробнее: Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей. М., 2004; Новая имперская история постсоветского пространства. Сб. статей. Казань, 2004; Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005; Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire. Sapporo, 2007.

ционального движения империи, как мусульманском, о мусульманском национальном движении. Национальные движения отдельных мусульманских групп, с точки зрения Каппелера, в результате конфронтации с царской автократией, ее интеграционной политикой и «цивилизаторской миссией» получили важные импульсы, причем мусульмане страны лишь отчасти были охвачены процессом модернизации по европейскому образцу и оставались гражданами второго класса. Таким образом, национальные движения мусульман, с одной стороны, были попыткой ответить на вызов европейской действительности и, с другой стороны, антиколониальной реакцией на давление «цивилизаторской миссии», такой соответствующей реакцией, которая обращалась к исламским традициям старого времени и конструировала антиевропейский национализм¹.

Согласно каппелеровской типологии национальных движений в Российской империи, среди исламских «старых» (народы с собственной элитой, высокой культурой и живой традицией государственности) народов России, прежде всего азербайджанцев и крымских татар, национальное движение долго сохраняло ориентацию на культуру, при этом одно направление имело исламскую, другое — этническую окраску. Только кровавые столкновения с армянами в 1905 г. дали толчок к политизации азербайджанского движения. Почти никаких признаков национального движения не было заметно среди оседлых мусульман Средней Азии². Действительно, тяга к культурно-национальной автономии все больше охватывала мусульманскую элиту, но прямой зависимости политизации, в частности, азербайджанского движения от столкновений с армянами все же не было. Так же нельзя согласиться с тем, что тогда не было признаков национального движения среди оседлых мусульман Средней Азии, чему также уделено место в данной книге.

С началом русской революции 1905 г. мусульманский (азербайджанский) пролетариат оказался, по мнению американского азербайджановеда Т. Светоховского, восприимчивым к лозунгам социализма в большей мере потому, что нападки на самодержавие и капитализм могли восприниматься как борьба с неверными. Ко времени кульминации русской революции взрыв насилия на национальной почве, переплетавшийся с социальным недовольством, затмил социалистическую агитацию³. Такая интерпретация, в сущности, представляющая азербайджанских рабочих

¹ Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 397, 402, 408, 417–419, 421, 427–428.

² Каппелер А. Национальные движения и национальная политика в Российской империи: опыт систематизации (XIX век — 1917 год) // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 102.

³ Светоховский Т. Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане // Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001. С. 18.

в качестве воинов священной войны в защиту веры, ведущих борьбу в революционной обстановке, в принципе не соответствует историческим реалиям.

Большая работа К. Ноака (Германия), ученика Каппелера, специально посвящена «мусульманскому национализму» в Российской империи в пореформенный период, изученному на основе процессов «национального строительства и национального движения» у татар и башкир¹. В книге имеется раздел о 1905–1907 гг., освещающий влияние радикализации общественного недовольства на эти народы, политизацию движения, мусульманские съезды и др. Автор критикует мнение о конкуренции мусульманской и этнической (тюрко-татарской) идентичности и выдвигает последнюю на первый план во второй половине XIX в., считая, что исламский компонент доминировал. Имея в виду, в частности, эту работу, Каппелер полагает, что в последние годы целый ряд молодых немецких историков и исламоведов представили, по его оценке, достойные внимания, методологически качественные результаты. Важным связующим звеном этих новых работ является то, что взгляд историка не направлен больше из русского центра на периферию, что в трактовке образования мусульманских наций не только отмечается перенимание европейских образцов или влияние модернизации, но даются ссылки на автохтонные культурные корни, на эндогенные перемены и специфические формы антиколониального сопротивления, а также то, что национальности периферии понимаются теперь не как объекты, а как субъекты своей истории². Вывод о том, что немецкими и французскими историками достигнуты успехи в изучении разных сторон жизни мусульман Российской империи³, все же требует дополнительных размышлений.

Следует, например, отметить, что исходная посылка Каппелера–Ноака о «мусульманском национализме», однако, вовсе не оригинальна, как может показаться. Еще в дореволюционной русской прессе муслимизировали тезис о «мусульманском национализме», из которого авторы подобных ненаучных публикаций создавали враждебный христианству «панисламизм», а мусульман характеризовали «врагами свободы вообще», что вызывало сожаление в их прессе⁴. Известный советский историк Б.Х. Юлдашбаев (Уфа), в свое время много написавший о том, как формировалась башкирская нация, также, но со своих позиций, резко критиковал «мусульманский национализм», который, по его словам, «опирался в проблеме нации на исламистскую идеологию Корана», согласно которому, у народов

¹ Noack Ch. Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich. Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861–1917. Stuttgart, 2000.

² Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи. С. 416–417, 420.

³ Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 535.

⁴ Известия Комитета бакинских мусульманских общественных организаций. 1917. 11 июня.

мусульманской веры «не только язык особенный, но и “душа” иная, склонности и, отсюда, пути исторического развития иные, чем у европейцев; они составляют “особый” — мусульманский мир, живущий по законам ислама, которые-де определяют национальный характер. При этом ислам растворяет каждый из народов, его исповедующих, в “единой” панисламистской общности, якобы лишенной национальных различий»¹. Несмотря на то что возражения башкирского ученого неубедительны, поскольку по Корану, как следует из исламоведческой литературы, религиозность не отрицает этничности, ясно, что избранный Каппелером и Ноаком подход, нацеленный фактически на то, чтобы показать антиевропеизм российских мусульман, крайне уязвим с разных точек зрения и противоречит многочисленным фактам, свидетельствующим о процессе европеизации отдельных сторон жизни мусульман в России.

Таким образом, на Западе до сих пор обычно считается, что национализм и исламизм являлись нераздельными элементами идеологии российских мусульман. Старая точка зрения, обретая новое звучание, присутствует в западной историографии, не считаясь с тем, что не этничность, не национализм, а исламская религиозная и культурная жизнь обеспечивала основания для политических требований мусульман империи.

Еще одной работой, получившей на Западе большую известность, является книга британского исследователя Г.М. Емельяновой. Она полагает, что в целом буржуазно-демократическая революция 1905 г. усилила позиции исламских реформаторов и расширила географические границы алаидского движения, что революция создала более благоприятные условия для социополитической и интеллектуальной активности мусульман в России. В то время как сельское мусульманское большинство оставалось вне революции, мусульманская элита определяла его позицию в ее отношении². Никакие новаторские обобщения в этом плане, однако, не просматриваются. Причем Емельянова избегает даже упоминания о Союзе российских мусульман, в котором была представлена та самая разнообразная элита, о которой она пишет, вынося на первый план только радикальные мусульманские организации, которые были крайне малочисленны, а главное, маловлиятельны в массах. Между тем Союз российских мусульман являлся их самой крупной политической партией начала XX в. Уместно заметить, что об этой партии было немало написано в западной историографии, в частности в книге американского исследователя Зеньковского «Пантюркизм и ислам в России», изданной еще в 1960 г.³ Книге Емельяновой присуще, с одной стороны, явное умолчание

¹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т. 1. Уфа, 2002. С. 39.

² Emetlanova G.M. Russia and Islam: A historical survey. Basingstoke, 2002. P. 87, 90.

³ Данная работа, по мнению современного германского исследователя Й. Баберовски, является до сих пор непревзойденным трудом на эту тему (Баберовски Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828–1914 гг. // Новая имперская история постсовет-

о мусульманском либерализме, с другой — намеренное преувеличение мусульманского радикализма, что является не чем иным, как фальсификацией истории российских мусульман начала XX в.

Ноак и Емельянова выступали в январе 2004 г. в Ноттингеме (Великобритания), где состоялась крупная международная научная конференция, посвященная 100-летию первой русской революции. В 2005 г. часть докладов ее участников, включая Ноака, составила сборник статей под названием «Русская революция 1905 года. Столетние перспективы»¹. Комментируя доклады участников этой конференции, в частности мое выступление о роли мусульман во время этой революции, известный американский историк А. Ашер, автор большого исследования о первой русской революции, согласился с моим главным тезисом о том, что во время революционного периода мусульмане избегали радикальных мер, — позиция, которая, по его оценке, являла собой еще один вызов марксистской теории о классовой борьбе как движущей силе истории. По причинам преимущественно религиозного характера большинство мусульман в России в 1905 г. не выступило против властей с оружием в руках и тем самым, по сути, отвергло саму идею революции. Участие в беспорядках и противодействие властям рассматривалось как нарушение принципов ислама. В итоге Ашер пишет о том, что на смену социальной истории приходит интерес к национальному вопросу², в том числе к мусульманской проблематике начала XX в. Таким образом, научная позиция Ноака и Емельяновой была, в сущности, подвергнута самой серьезной критике со стороны Ашера, являющегося сегодня главным западным экспертом по истории первой русской революции.

В 2006 г. была опубликована книга американского исследователя Р. Круза под характерным названием «За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии», которая существенным образом отличается в своих оценках целого ряда принципиальных вопросов истории мусульман в России в начале XX в. В этом исследовании отсутствуют многие привычные для западной и российской историографии стереотипы, прежде всего миф о панисламизме как главном векторе социального поведения мусульманских масс в Российском государстве. Автор, основываясь на изучении материалов из архивов Казани, Москвы, Петербурга, Ташкента, Уфы и др., на разнообразных опубликованных источниках, а также на новейших исследованиях, верно полагает, что лояльность мусульман к империи не означала их отказа от надежд на возможность достижения полноправного гражданства в преобразованной России

ского пространства. С. 328), что, конечно, неудачная гипербола, поскольку теоретическая сторона данной работы во многом устарела, а многие важные факты не приводятся.

¹ The Russian Revolution of 1905. Centenary perspectives. L., 2005.

² Asher A. Introduction // The Russian Revolution of 1905... P. 7; Ашер А. От генеральной репетиции — к случайности, от социальной истории — к истории национализма. Историография революции 1905 года // Неприкосновенный запас. 2005. № 44. С. 25.

Мусульмане при этом возражали против таких перемен в уголовном и гражданском законодательстве, которые противоречили их политическим требованиям. В 1905–1906 гг. мусульманская политическая активность значительно расширилась. Мусульманская элита, как мужчины, так и женщины, подобно другим образованным людям, создавали газеты и журналы, основывали гражданские организации для образовательных и благотворительных целей. На мусульманских съездах выдвигались требования конституционной монархии и равенства с христианами и другими подданными. Мусульмане требовали уважения к их религиозным праздникам, поддержки обществом их школ и «духовенства», стремились к реорганизации официальной исламской иерархии и пр.¹ Исследование Круза является крупным событием в современной историографии мусульманской проблематики начала XX в.

Таким образом, в течение почти ста лет историки не воссоздали достоверную историю мусульман Российской империи во время первой русской революции. Многие десятилетия этому мешали разные обстоятельства, которые набрасывали тень на изучение соотношения конфессиональности, этничности, социальности и политичности мусульман, приведшие к появлению своеобразного движения мусульманского населения Российской империи незадолго до ее обрушения в 1917 г. В целом в изучении проблемы, каким было взаимодействие первой русской революции и общего движения мусульманского населения сделаны только первые шаги в сфере исследовательских поисков, очевиден заметный разрыв между изучением конкретно-исторических проблем и попытками осмысления роли мусульманского фактора в период данной революции. Необходимо научное объяснение, насколько позволяет современный уровень знаний, особенностей протекания мусульманского движения в ходе ее. В данной работе поставлена задача соотнести накопившийся в историографии и выявленный самостоятельно конкретный материал, результаты различных исследований с современными представлениями о путях и типе социально-политического развития мусульманских народов в условиях революции, общественного кризиса, социального взрыва начала XX в. в Российской империи. Рассмотрение всех этих вопросов в масштабе всего государства потребовало охвата многообразной религиозно-культурной и этносоциальной проблематики.

Документальной основой книги явились малоизвестные и недостаточно использованные в научном обороте материалы центральных исторических архивов, в которых отражена позиция различных государственных структур в отношении мусульманского населения страны, неофициальные оценки, которые высказывали различные политические и общественные деятели в отношении принимаемых государством мер

¹ Crews R.D. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, 1996. P. 343, 348.

по управлению мусульманским населением, документы мусульманских организаций, решения мусульманских съездов и пр. Из опубликованных документов особое значение имели законодательные акты, представленные в «Полном собрании законов Российской империи», а также решения правительства, указанные в «Особых журналах Совета министров царской России» за 1906–1907 гг. Кроме того, использованы различные сборники документов и материалов. Ценным источником послужили периодические издания, в том числе мусульманская пресса. В работе, кроме того, использованы опубликованные и неопубликованные сочинения различных мусульманских общественных деятелей, их переписка, а также обширная литература, вышедшая в последние годы, в том числе энциклопедии, справочные издания, сборники и др. Значительную часть источниковой базы исследования составили воспоминания непосредственных участников событий, в особенности мемуары Г. Исхаки, которые хранятся в Библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета (США) в виде рукописного текста на русском языке¹. Ксерокопию этого ценного источника, не известного отечественным историкам, любезно прислала Тania Чеботарев, сотрудница этой библиотеки, за что автор выражает ей свою искреннюю благодарность, равно как всем, кто содействовал появлению этой книги.

ГЛАВА 2

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ «БРОЖЕНИЕ» МУСУЛЬМАН НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Рождение ислама происходило по всему миру во второй половине XIX в. Тогда возник вопрос о пригодности мусульманской культуры для дальнейшего развития народов, исповедующих ислам. На этот счет имелись самые разные суждения.

К. Маркс, как известно, настаивал, что ислам провоцирует состояние перманентной вражды между мусульманами и христианами. В 1853 г. он писал, что «воинства... православия и мусульманства... стоят теперь друг против друга... что соответствует тому и другому вероучению, поскольку православная церковь отвергает догмат о предопределении, тогда как стержень мусульманства составляет фатализм». Ф. Энгельс полагая, что у мусульман «фатализм... ведет к равнодушию и бездействию верхов, порождает упорное сопротивление в массах». Позже он писал о религиозных восстаниях мусульманского мира», направленных на то, чтобы покарать изменников веры, восстановить уважение к обрядам и к истинной вере..., осуществляя время от времени «новое очищение веры». В действительности, как отмечал петербургский интеллектуал Девлет-Кильдеев, «учение о фатализме или предопределении никогда не было возведено Магометом в догмат веры... устанавливая свободную волю человека идти направо или налево, делать добро или зло, Магомет тем самым допускал полную самостоятельность, подчиненную в известной мере воле Божией, как все в мире». Он поддерживал точку зрения, что «никогда воле Всевышнего не исключает свободной воли человека, его самостоятельности»².

Идея «рационализации» ислама имела давнюю традицию. Одним из источников богословского обоснования обновленческих идей российских мусульман явилось учение мутазилитов (или обособившихся), которые в VII–IX вв. сыграли значительную роль в духовной жизни Дамаскского и Багдадского халифатов. Мутазилиты полагали, что божественная справедливость предполагает свободу человеческой воли. Они в свое время побывали и в роли одной из оппозиционных религиозно-политических партий, затем стали правящей партией, наконец, вновь подверглись го-

¹ Исхаки А. Дни моей жизни // Columbia University, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, General Manuscript Collection Ayaz Ishaki Memoirs. Здесь имя мемуариста Гаяз или Мухамед-Гаяз передано как Аяз.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 427; Т. 11. С. 611–612; Т. 22. С. 468.

² Девлет-Кильдеев. Магомет как пророк. СПб., 1881. С. 22–23. На книге не указано имя автора. Им явился Абдул-Азис Бекбулатович Девлет-Кильдеев — касимовский татарин, юрист, литератор, исламовед.

нениям. Для мутазилизма характерна идея превосходства разума над верой, отрицание слепого следования авторитетам. Мутазилиды выступали за светский характер власти. Правителя, по их мнению, следовало избирать из мусульманской среды независимо от социальной и этнической принадлежности; долг мусульман отстранять от власти (если надо, и силой) несправедливого правителя. В новое и новейшее время мутазилизм вновь вдохновил многих мыслителей¹. Неомутазилиды подчеркивали, что ислам — это религия, «основанная на признании мощи человеческого разума». Более того, они заявляли: «Коран запрещает нам слепую веру», а ислам «осуждает рабское следование авторитетам». По их мнению, человек располагает свободой воли в рамках божественного предопределения². Такой подход к вопросам веры подкреплял стремление интеллектуалов к усвоению некоторых принципов европейского либерализма.

Основоположник панисламизма афганский теолог Дж. аль-Афгани (1839–1897) выдвинул идею «религиозно-политического союза мусульманских народов». Этот союз должен был носить чисто духовный характер. Мыслитель в исламском богословии отдавал приоритет свободному толкованию Корана. Это допускало включение достижений европейской науки и общественной мысли в мусульманскую систему ценностей, и эти идеи оказали серьезное влияние и на российских мусульман, тем более, что он сам некоторое время жил в Петербурге. Но никаких представлений о такой доктрине, как панисламизм, массы мусульман в России, разумеется, и понятия не имели. Русское мусульманство, говорил Гаспринский писателю С. Филиппову, — разговор происходил в Бахчисарае в конце XIX в., — во многом отличается от своих восточных и западных единоверцев, а незнание русской речи изолировало его от русской мысли и литературы. «Русское мусульманство живет в сфере своих старых понятий и предрассудков, оторванное от всего остального человечества, не имея иной заботы, кроме заботы о куске хлеба»³. В этих словах Гаспринского можно уловить беспокойство о том, сумеют ли российские мусульмане в целом установить какую-то преемственность между старой и новой культурой и, сохраняя духовную суть ислама, встать на путь усвоения достижений прогресса.

Дело в том, что «невежество фанатичного духовенства долгое время отчуждало мусульманские народы от общего движения вперед человеческой мысли», — совершенно верно полагал Девлет-Кильдеев. Впрочем, религиозный фанатизм, указывал он, был присущ мусульманскому «духовенству» не более, чем священнослужителям всех религий на определенной исторической стадии жизни народов¹. Рассуждения Девлет-Кильдеева, Гаспринского и других мусульманских интеллектуалов вызвали пристальный интерес русских востоковедов. В частности, Остроумов полагал, что они «при всех своих очевидных недостатках и внутренних противоречиях заслуживают полного внимания... потому что они служат выразителями современных нам желаний и стремлений наших соотечественников-мусульман... Очень интересны с чисто литературной точки зрения, как первые опыты литературных трудов наших мусульман, в которых они... стараются доказать русскому читающему миру, что ислам, Коран и Магомет до сих пор трактовались односторонне, неправильно...»², что, по Остроумову, не могло быть в принципе.

Между тем именно на основе религиозной «реформации», которая, в частности, включала в себя доказательство того, что ислам и прогресс совместимы, среди мусульманских народов с 60-х годов XIX в. стало развиваться джадидское (народническое)* движение, идеологи которого выдвинули конкретные пути обновления жизни своих народов с тем, чтобы не отстать в своем культурном развитии от достижений мировой цивилизации. По мнению Ноака, успех джадидизма до 1905 г., о котором пишется, является в значительной степени мифом, который возник при ретроспективном взгляде некоторых исследователей³. Действительно, вряд ли можно полагать, что есть основания оценивать сделанное джадидами в предреволюционный период как большой успех. Но все же нельзя отрицать, что в результате активной и многогранной деятельности мусульманских просветителей в сфере культуры и образования в жизни

¹ Девлет-Кильдеев. Указ. соч. С. 6, 35.

² Остроумов Н. Что такое коран? По поводу статей гг. Гаспринского, Девлет-Кильдеева и Мурта-Алима. Ташкент, 1883. С. 39.

³ По этому поводу Ланда пишет: «Еще один пункт серьезных расхождений С.М. Исхакова с подавляющим большинством историков ислама в России, — это вопрос о джадидах. Он считает джадидское движение «народническим», хотя что было общего у Желябова, Перовской и других деятелей «Народной воли» и даже «Черного передела» с Исмаилом Гаспринским (Гаспралы), либералом из мусульман-дворян, или выходцами из буржуазии И. Акчуринным, А. Агаевым и другими, не имевшими никакого отношения ни к террору, ни даже к активному противоборству с царскими властями, сказать трудно...» (Ланда Р.Г. Письмо в редакцию... С. 218). Если бы рецензент внимательнее ознакомился с самым началом моей книги, то такого замечания не возникло бы, поскольку здесь сказано, что, в отличие от революционных народников 80-х годов XIX в., призывавших к бунту, мусульманские народники были верноподданными гражданами (Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция... С. 10).

⁴ Noack Ch. Retrospectively revolting. Kazan Tatar 'conspiracies' during the 1905 Revolution // The Russian Revolution of 1905... P. 132.

¹ Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 175–176. Ссылка на это фундаментальное академическое издание, которая имеется в моей монографии, вызвала московского востоковеда Р.Г. Ланды почему-то недоверчивую реакцию: «...любому востоковеду или исламоведу, тем более историка, не может не удивить новость о роли якобы сыгранной мутазилидами в Дамасском халифате, да еще в «VII–IX вв.», в то время как они появились только в Багдадском халифате и только в IX в.» (Ланда Р.Г. Письмо в редакцию... С. 216). Ланда ошибся адресатом своей критики, которую следовало направить коллективу известных отечественных востоковедов, подготовивших этот словарь.

² См.: Мусаев М.М. Мутазилиды. М., 1997. С. 88.

³ Филиппов С. По Крыму. Отражения. М., 1889. С. 74.

мусульман происходили позитивные сдвиги, и это культурно-просветительское движение все больше распространялось по всей империи, отличаясь достаточной гибкостью и высокой адаптивностью к условиям того или иного региона.

Значительную роль в просвещении мусульман сыграли появившаяся в 1875 г. в Баку первая в империи тюрко-мусульманская газета на азербайджанском языке под названием «Экинджи» («Пахарь») (вскоре она была закрыта властями), и особенно издававшаяся Гаспринским с 1883 г. в Бахчисарае литературно-политическая и научная газета «Терджиман» («Переводчик»), которая оставалась единственной тюркоязычной мусульманской газетой до 1905 г.* В 1883 г. в Крыму по инициативе Гаспринского появилась первая реформированная школа, в которой был введен новый метод обучения арабскому алфавиту, а также ряд светских предметов (история, алгебра и др.). Вскоре новометодные учебные заведения стали открываться по всей империи. Джадиды выступали за обновление общественной жизни, требовали преобразований в социально-экономической, семейно-бытовой, культурной областях, ратовали за расширение сети культурно-просветительных учреждений, издание книг, журналов, газет на языках мусульманских народов, реорганизацию деятельности их духовных учреждений, развитие их искусства, литературы и т. д. Они таким образом предприняли свое «хождение в народ», оставаясь верноподданными гражданами, и работу по культурному возрождению мусульман страны осуществляли почти незаметно при весьма неблагоприятных условиях.

Взятый властью в 1880-х гг. курс на жесткую русификацию стал одной из главных причин возникновения в начале 1900-х годов большого количества конфликтных ситуаций на «национальных окраинах» Российского государства, привел к обострению социально-политической обстановки в таких регионах, вызвал подъем недовольства среди нерусских народов, в том числе среди мусульманских. Когда власть, следуя, по существу, антимусульманской политике Александра III, вновь стала ущемлять права данной части подданных, то эти обрусительные намерения вызвали протест у простых людей. К примеру, 4 января 1893 г. на базаре при Камбарском заводе (рабочий поселок с церковью и несколькими, в том числе металлургическими, предприятиями в Осинском уезде Пермской губ.) башкир д. Кичикирово Байгузинской волости Бирского уезда Уфимской губернии 28-летний Х. Фарвазетдинов купил маленький календарь, сорвал с него обложку с изображением Александра III и бросил на землю, объяснив стоявшему рядом пораженному русскому человеку: «Нам такой

* Для сравнения укажем, что в Австро-Венгрии, которая была известна своей религиозной терпимостью, первая газета боснийских мусульман стала выходить на турецком языке с 1884 г. под характерным названием «Ватан» («Родина») (*Donia R.J. Islam under the Double Eagle: the Muslims of Bosnia and Herzegovina, 1878–1914. N.Y., 1981. P. 52*), имея в виду Габсбургскую империю.

картинка не надо: наш закон свой (т. е. шариат. — С.И.) и государь не такой, и ваш закон не признаем»¹. Возмущение людей вызывалось вторжением в их религиозно-духовную сферу несправедливо-неправедных, на их взгляд, порядков и мер. Первые признаки возросшего самосознания, в частности, среди татар появились в том же 1895 г., и с этого времени их движение росло с удивительной, по выражению Стоддарда, быстротой². Причина подобного социального динамизма заключалась именно в действиях властных структур и миссионерском давлении православной церкви, никаких признаков панисламистского фактора не имелось.

Сильные волнения охватили в 1894–1896 гг. мусульманское население Казанской, Уфимской и других поволжских губерний, которое фактически поднялось на восстание против власти в связи с тем, что при подготовке переписи 1897 г. циркулировали слухи, что она производится в целях крещения. Слух об этом возник из-за распоряжения министра просвещения об изъятии из мектебов и медресе рукописных книг и книг, изданных за границей. Так, житель Оренбургской губернии И. Сеитов незадолго до переписи говорил: «Ваш государь хочет крестить магометан, посягая такие слухи, и если государь так сделает, то скандала будет много, что солдаты ваши будут стоять у Бухары, а магометане будут воевать с русскими... если так сделает государь, будем кончать и государя»³. Полнения сельского мусульманского населения Самарской губернии были также обусловлены прежде всего попытками установления властью контроля над содержанием религиозного образования⁴. О накале страстей вокруг переписи свидетельствуют многочисленные факты в других частях страны.

Во время проведения данного обследования во многих аулах мулл даже беспощадно избивали, заподозрив их в сговоре с начальством, — отмечал в 1907 г. Коблов, — крестить всех мусульман». В Чистопольском уезде Казанской губернии, например, «одного муллу раздели, посадили в подпол и сверху в щели поливали кипятком, а все из-за того, что он уверял мусульман не противиться переписи»⁵. На Волге, как отмечает Ж. Кадю (Франция), перепись привела к рабочим восстаниям, которые были жестоко подавлены⁶. В Казани рабочие-мусульмане Порохового завода в своем обращении к местной власти высказали опасение, что после

¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 14. Д. 439. Л. 9.

² Stoddard T.L. Pan-Turanism. P. 18; Он же. The new world of Islam. P. 195.

³ Подробнее см.: Сафонов Д.А. Слухи в жизни крестьянства Южного Урала в XIX — начале XX в. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 1998. № 2. С. 84–85.

⁴ Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. С. 26.

⁵ Коблов Я.Д. Указ. соч. С. 20.

⁶ Кадю Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национально-стей в Российской империи и в Советском Союзе (1887–1939 гг.) // Ab imperio. 2002. № 2. С. 181–182.

статистического обследования она примется крестить мусульман. Факт бойкотирования татарами переписных работ имел место, полиция выявляла подстрекателей к волнениям, проводила обыски, изъяла несколько прокламаций на татарском языке, призывавшие не допустить это мероприятие¹. Чиновниками, по преимуществу миссионерами, намеренно «выставлялись в меньшем количестве мусульмане», особенно татары и башкиры, отмечал Султан-Галиев в 1919 г., касаясь статистики мусульманского населения в царской России, потому что в первое время, когда объявлялась перепись, власти сами пускали провокационный слух среди этого населения, что она предпринята с целью насильственного крещения татар. И потому они старались избегать ее². В Буинском и Симбирском уездах Симбирской губернии в некоторых селах крещеные чуваш, принявшие ислам, решительно выступали против переписи, даже выгоняли счетчиков³. Опираясь на метрические записи, Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС), сферой которого была территория Европейской России и Сибири, полагало, что чуваш и крещеные татары, в переписи 1897 г. зачисленные в православные, составляли не менее 1,5 млн человек⁴. В разных губерниях официально признанных чувашей-мусульман было более 2 тыс. человек, а скрытых свыше 10 тыс. Статистика по другим народностям Поволжья привела к почти таким же итогам⁵. Этот крупный очаг социального протеста, подавленный силой оружия, свидетельствовал о том, что власть своими необдуманными действиями по претворению в жизнь политики русификации, с откровенно националистической риторикой, фактически намеренно вторгалась в сакральную сферу мусульманской жизни, что, естественно, воздействовало на мусульман, усиливая их конфессиональную идентификацию и трансформируя межсоциетальные конфликты в открытую конфронтацию.

После подавления восстания наиболее радикальным ответом местных мусульман на русское правление стала эмиграция, которая превращалась в массовое явление. Уезжали представители всех групп и слоев, поскольку главная причина заключалась в религиозной дискриминации. Почти все мухаджире направлялись в Османскую империю. Несомненно, что другой причиной мухаджирства были обиды на бюрократов и военных, что позволяет считать эту причину отчасти политической. Какие-либо подсчеты общего числа эмигрантов-мусульман в конце XIX — начале XX в. в научной литературе отсутствуют, но даже фрагментарные данные по отдельным регионам указывают, что много тысяч мусульман вынуж-

дены были покинуть свою родину по религиозно-политическим мотивам. Мусульмане Оренбургской, Уфимской, Саратовской, Самарской, Казанской губерний стали проявлять стремление уехать в Турцию. Так, в 1895 г. из Бугульминского уезда Самарской губернии готовился отъезд более 900 семейств из шести татарских деревень. В прошении уполномоченного нескольких селений Мензелинского и Бугульминского уездов III Юсупова было сказано, что уехать в Турцию местные мусульмане хотят для того, чтобы обрести возможность «для поклонения... пророку Магомету». Власти пытались воспрепятствовать отъезду запретительными мерами, но безуспешно. Так, в 1898 г. уполномоченные от 350 семейств Чистопольского уезда Казанской губернии направились в Турцию, чтобы подготовить их переселение. В 1898 г. в Ростов-на-Дону приехали 780 мусульманских семей из Уфимской и Самарской губерний, чтобы далее направиться в Турцию¹. Вынужденная эмиграция все отчетливее превращалась из способа выражения религиозного недовольства мусульман в форму политического протеста. Не случайно подобные явления директор Департамента полиции характеризовал в 1895 г. как «религиозно-политическое брожение» и «религиозное брожение» среди мусульманского населения страны, в частности Уфимской губернии². Последствия мухаджирства самым серьезным образом отразились на численности мусульманского населения в России³. Власть совершила очередной серьезный просчет в управлении мусульманскими подданными, полагая, что они, опасаясь репрессий, не посмеют каким-либо образом протестовать против оскорбления их религиозных чувств.

Наиболее драматической формой мусульманского сопротивления русскому управлению в самом конце XIX в. было крупное восстание мусульман в Ферганской области в 1898 г., сразу после всеобщей переписи населения. В ночь на 18 мая 1898 г. группа мюридов под предводительством накшбандийского шейха Мадали* напала на лагерь 20-го Туркестанского линейно-кадрового батальона, размещавшегося на окраине г. Андижана (около 47 тыс. жителей-мусульман), где имелся небольшой русский городок. Нападение восставших было быстро отбито, при этом погибло 20 мятежников и 18 (по другим данным 20) солдат. По сведениям направленного царем для расследования трагических событий в Фер-

¹ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 5026. Д. 2409. Л. 6, 7, 12 об., 72, 84, 89, 106, 107.

² ГАРФ. Ф. 124. Оп. 4. Д. 238. Л. 3, 3 об.

³ Количество мухаджиров из Северного Кавказа в результате составило к 1912 г. около 400 тыс. человек, причем численность чеченского населения сократилась с конца XIX в. почти в 4 раза к 1917 г. (Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2003. С. 154, 155).

⁴ Мадали (сокращенное Мухаммад-Али), Мухаммад-Али Сабыр-Суфиев (1853?–1898) — уроженец кишлака Мин-тюбе Маргеланского уезда Ферганской области, веретенщик, мюрид накшбандийского шейха Султан-хана-тюря (умер в начале 80-х годов XIX в.), назначенный им хальфой (духовным преемником). Став ишаном, Мадали продолжал заниматься выделкой веретен, отчего получил прозвище «Дукчи-ишан» (ишан-веретенщик).

¹ Загидуллин И. Проведение Первой всеобщей переписи 1897 г. в Казани // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2005. № 1. С. 235.

² Султан-Галиев М. Указ. соч. С. 243, 244.

³ Браславский Л.Ю. Ислам в Чувашии: исторические и культурологические аспекты. Чебоксары, 1997. С. 37.

⁴ Исхаки Г. Идель-Урал. Казань, 1991. С. 55; Мухамед-Гаяз Исхаки... 2004. № 9. С. 7.

⁵ Окраины России. 1911. 26 ноября.

гане генерал-лейтенанта Н.И. Королькова, Мадали объявил священную войну мусульман в защиту своей веры, о чем он, схваченный и доставленный в Андижан 20 мая, заявил на допросе. Ишан объяснил, что его тревожило сильное падение нравов в народе, выразившееся в развитии разврата, пьянства и азартных играх, в ослаблении семейных начал и вообще в разнообразных отступлениях от требований шариата. К тому же русская власть лишила доходов вакуфные учреждения, запретила в 1897 г. мусульманам совершать хадж (паломничество) и др. Корольков, который несколько лет прослужил генерал-губернатором Ферганской области и знал реальную ситуацию, писал в своем отчете, что можно безошибочно установить, что главнейшая причина восстания заключалась в недовольстве, имевшем религиозный характер — только в нападении на лагерь участвовало около 2 000 мюридов этого шейха. Как отмечалось в отчетах других официальных лиц, это восстание, зародившись в кишлаке Мин-Тюбе (в 35 верстах от Андижана), началось 17 мая, когда ишан выступил со знаменем из Таджик-кишлака, в кишлаке Ахчи совершил в мечети моление, а затем по меньшей мере 400–500 его мюридов прошли через кишлак Хакент, двигаясь в направлении Андижана. Восстание из Маргеланского уезда перекинулось на другие местности Ферганы, всего более проявилось в Ошском и Андижанском уездах¹.

На суде Мадали повторил, что он поднял восстание потому, что русские развращают народ, что под их владычеством верующие забывают Аллаха, становятся ворами, развратниками, пьяницами, их семьи распадаются и что в будущем введение русского закона грозит полным развалом мусульманского общества. Этот шейх, далее вспоминал бывший участковый пристав А.И. Термен, сказал «сухую правду, его устами говорили лучшие люди и хотя пути, которыми он приобрел свое влияние на народ, зачастую походили на шарлатанство, тем не менее народная душа признавала правоту его слов и присутствовавшие на суде представители от той же русской администрации вынуждены были, опустив глаза под маской возмущенного властелина, внутренне прошептать: «Да, он прав»². Суду было предано всего 419 человек, из них 32 были оправданы, остальные 387 понесли наказание, как сказано в приговорах военного суда, за участие в «вооруженном восстании», нацеленном на «ниспровержение русского владычества в крае»: свыше 300 были отправлены на каторгу, 9 руководителей, в том числе Мадали, были повешены 12 июня. Кроме того, три кишлака (Мин-тюбе, Кашгар и Таджик), откуда началось восстание, были вскоре уничтожены (а на их население была наложена контрибуция в 300 тыс. руб.), на их месте появились русские поселения³.

¹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 276. Л. 1 об.; АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1266.

² Термен А.И. Воспоминания администратора. Опыт исследования принципов управления инородцев. На правах рукописи. Пг., 1914. С. 4.

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 269. Л. 6 об.–7; Д. 270. Л. 3 об.–4; Д. 271. Л. 3–3 об.; и др.; Ф. 1779. Оп. 1. Д. 276. Л. 2; АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1266. Л. 54–54 об.

Это восстание стало первой серьезной угрозой русской власти в Туркестане со времен его завоевания в середине 1860-х гг.¹, вызвав сильную тревогу в Петербурге, где пытались списать собственные просчеты во внутренней политике на действия панисламистских агитаторов, прибывших извне. Пропагандистский, в сущности, миф о панисламизме стал выгоден не только в Европе, но и определенным кругам в России, которые стали запугивать русское общество призраком «всемирной исламской угрозы». После Андижанского восстания известный русский востоковед В.П. Наливкин подготовил, как считают исследователи его творчества, специальный доклад для нового генерал-губернатора Туркестана С.М. Духовского «Ислам в Туркестане» (1899 г.), в котором настаивал на том, что в последнее время происходит якобы широкое распространение «среди наших мусульман идей панисламизма», причем наиболее вредной, по его мнению, являлась деятельность тех татарских авторов, которые всеми способами старались доказать правительству и обществу, что «представление о нетерпимости ислама к иноверцам, о непримиримости этого учения с идеями общечеловеческого прогресса и т. п. — суть не более, как заблуждения на почве незнакомства русских с шариатом и с истинным, якобы, духом мусульманского вероучения»². Здесь ученый, много лет проживший в Туркестане, где большинство населения составляли мусульмане, отошел от беспристрастности. Его критика ислама носила не только ненаучный, но явно неуважительный характер.

После поездки в Туркестан в 1902 г. даже такой крупный авторитет в отечественном востоковедении, как В.В. Бартольд, высказал сомнения в том, что мусульмане поддержат русских и Российскую империю, если ей будет грозить опасность распада³. Прогноз Бартольда относительно сепаратизма, в котором он фактически обвинил местных мусульман, однако, не подтвердился ни во время революции 1905–1907 гг., ни даже в 1917–1920 гг.

«Доказательством обособленности мусульманского мира и нашего, — говорил в 1905 г. Бобровников в Петербурге, — незнания того, что совершается в интимных глубинах мусульманской массы служит недавнее Андижанское восстание. О подготовке к этому восстанию, как ныне официально известно, говорилось на всех мусульманских базарах Средней Азии, а до русских сведений об этом не доходило, так как туземцы, энточенные исламом, естественно, нам, русским, о том не сообщали...»⁴ Местные мусульмане выступили не против власти как таковой, а про-

¹ См.: Сальков В.П. Андижанское восстание в 1898 г. Казань, 1901; Komatsu H. The Andijan Uprising Reconsidered // Proceedings. Reports, abstracts and round table introductions. 19th International Congress of Historical Sciences. 6–13 August, 2000. Oslo, 2000. P. 184.

² Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004. С. 250.

³ Жалменова О.П. В.В. Бартольд: ученый и власть (политический мир научной интеллигенции) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов. Материалы Международного научного colloквиума. СПб., 2003. С. 45.

⁴ Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. С. 315–316.

тив ее вторжения в интимно-сакральную сферу их религиозного мировоззрения, однако это очевидное, но неприятное для высших инстанций обстоятельство вскоре получило иную, более утешительную для них, интерпретацию. «Пресловутый призрак... священной войны... — более тщательно поддерживаемый христианской антагонистской литературой, чем мусульманской действительностью, — тогда усиленно витал в воздухе, раздувая Андиганское восстание в какое-то общемусульманское движение»¹, — верно констатировал отставной подполковник Термен, в отличие от близких к власти экспертов-исламоведов. С тех пор восстание описано в довольно обширной научной литературе на разных языках, в которой существует множество оценок. По мнению Б.М. Бабаджанова, основные цели Дукчи-ишана состояли в том, чтобы отстоять шариат². Андиганское восстание следует, на наш взгляд, отнести к ряду, по выражению П. Сорокина, «революций Ислама», начатых «революцией самого Магомета»³. Восстание в Андигане показало, какой мощный протестный потенциал из-за недовольства внутренней политикой русской власти был накоплен во всем мусульманском сообществе Российской империи.

Не только в Средней Азии, но и в других мусульманских местностях империи получило распространение дервишество, которое, как писал в конце XIX в. исламовед П. Позднев, имело множество последователей и среди татар, башкир, казахов. Эти суфийские проповедники, среди которых были особенно популярны представители того же накшбандийского ордена, фактически властвовали над простым народом⁴. По свидетельству Г. Ибрагимова, в частности, среди башкир суфийские шейхи имели неограниченную власть, их воля исполнялась в точности. Хотя «дух времени» открыл башкирам немного глаза, а число шейхов с течением времени значительно уменьшилось, но «остатки сохранились и донныне»⁵, — писал татарский писатель спустя несколько лет после революции. К началу XX в., что бросилось в глаза даже такому далекому от мусульманских проблем политик, одному из лидеров партии народных социалистов А.В. Пешехонову, у ингушей и чеченцев существовал целый ряд суфийских сект⁶. Это была неподконтрольная властям и мусульманскому «духовенству» сила, которая, как и прежде, могла, при определенных условиях, легко поднять людей на борьбу под теми или иными лозунгами.

¹ Термен А.И. Указ. соч. С. 16.

² См. подробнее: Бабаджанов Б.М. Дукчи-ишан // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. М., 1999. С. 35–36; Он же. Дукчи-ишан и Андиганское восстание 1898 г. // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С. 252–254, 265.

³ Сорокин П. Социология революции. М., 2005. С. 160.

⁴ Позднев П. Дервиши в мусульманском мире. Оренбург, 1886. С. 76, 326–327.

⁵ Ибрагимов А. Башкиры-мусульмане // Иностранное обозрение. 1914. Кн. 8. С. 539–541. Необходимо пояснить, что его имя Галимджан здесь передано как Алимджан.

⁶ Пешехонов А. На очередные темы. Культурная драма // Русское богатство. 1911. № 7. С. 130.

«Наблюдения над жизнью мусульман, рассеянных в различных местностях нашего огромного государства, показали мне, — писал один мусульманский публицист на страницах петербургского журнала, — что дела наши обстоят не совсем благополучно». Касаясь роли Казани, которая тогда считалась «центром» мусульманского населения Европейской России, казанцы, по его оценке, в действительности занимали среди своих единоверцев далеко не первое место. Здешние татары, по его свидетельству, «еще не дошли до сознания, что нужно поскорее стряхнуть с себя обильную пыль невежества, серьезно призадуматься над своим жалким положением среди прочих просвещенных народов, поскорее рассеять густой туман обскурантизма»¹, что косвенным образом подтверждает, насколько сильно было и здесь влияние суфийских орденов и их представителей.

Опасаясь новых вспышек мусульманского сопротивления своему правлению, Петербург пошел на серьезную уступку, разрешив в 1901 г., после пятилетнего запрета², совершать хадж в Мекку, чем фактически признал ошибочность прежнего курса устрашения мусульманских подданных. Министр внутренних дел Д.С. Сипягин писал в секретном письме министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу 31 декабря 1900 г., что сторонники новых идей, прогресса и культуры призывают мусульман страны «к образованию, приобретению практических познаний как в области ремесел и промышленности, так и в изучении иностранных языков», «указывают на необходимость осмыслить свою веру, очистить ее от суеверий и невежественных толкований мулл и укрепить свою народность, расширяя область применения родного языка в литературной, научной и религиозной сферах, и вообще хлопочут о прогрессе на почве ислама и тюркской народности»³. Министру верно доложили, что джадиды-реформаторы направляли в политическую плоскость, в русло политического движения стихийную мобилизацию в защиту веры, происшедшую из-за сильно возросшего беспокойства мусульманских жителей относительно выживания их в окружающем мире, обеспокоенности будущим их веры, оказавшейся под ударами, с их точки зрения, очередного крестового похода. Имея когда-то свою блестящую цивилизацию, мусульмане вынужденно подчинялись русской власти, но не могли смириться с тем, как каждодневно и повсеместно дискриминировалась их вера, которая в течение веков помогала им сохранить свою этническую самобытность. Когда же им приходилось сталкиваться с

¹ Султанов Х.-С.-Г. Наблюдения над жизнью казанских татар // Наблюдатель. 1901. № 6. С. 27–28.

² В.А. Матвеев, касаясь незнакомой ему темы, ошибочно полагает, что запрета на хадж не появилось в России даже в период первой революции (Матвеев В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы. Армавир — Ростов-на-Дону, 2004. С. 21).

³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4222. Л. 40, 40 об. — 41.

многочисленными фактами прямого глумления над их религией, то это и вызывало сильнейшее возмущение властью. Проблема защиты веры в конце XIX в. вновь стала ключевой для мусульман, и они стали сосредотачиваться на религиозной и культурной интеграции в резко ухудшившихся для них условиях русского правления.

Поэтому одной из главных особенностей неуклонно созревавшего в Российской империи общемусульманского движения было то, что оно с самого начала ставило перед собой не экономические и политические, а религиозно-культурные цели, причем по вопросу о роли шариата в обновлении мусульманского мира мнения расходились. Наблюдалось два отчетливо сформировавшихся направления: консерваторы (традиционалисты, «почвенники») и либералы-реформаторы. Последние считали, что шариат уже давно выработал те же «правила игры», которые помогли западному либерализму утвердиться в экономике и социальных отношениях, и мог послужить делу воспитания правовой личности, поскольку проповедовал умеренность. Они считали, что мудрость, заключенная в Коране, позволяла мусульманам идти в ногу со временем, и более того, способствовала их культурному развитию. Реформаторы призывали к раскрепощению ислама, а с ним и всей жизни мусульман, что создавало обстановку, благоприятную для их возрождения, ставило их наравне с другими народами страны. Суть процесса состояла в том, что просвещенные мусульмане поняли, что дальнейшее пребывание их народов в тогдашнем культурном и социальном положении угрожает им растворением среди других народов и культур. Не отрываясь от сущности своей религии, либералы искали новые формы жизни. Освобождение от догматики и схоластики, к чему, собственно говоря, призывали реформаторы, могло, по их логике, помочь соотечественникам совершить переход от отсталости к современным достижениям, сохраняя свою самобытность. «Не подлежит сомнению, — отмечал в 1881 г. Девлет-Кильдеев, — что если бы мусульмане в точности исполняли постановления их священной книги... то они были бы в гораздо лучшем положении умственном и нравственном, чем то, в котором они находятся теперь... Очень мало мусульман понимают действительный смысл Корана»¹. Эта мысль заслуживает глубокого внимания, чтобы понимать их психологию и объяснять

¹ Девлет-Кильдеев. Указ. соч. С. 6. Для многих современных исследователей характерно неприятие того факта, что ислам не противоречит прогрессу. Так, М.Н. Губогло прямо пишет, что «...когда все законы изданы Кораном, сама эта догматика превращается в тормоз для инноваций и для развития социума. Для того чтобы подул свежий ветер модернизаций или хотя бы частичного реформирования, надо пробить стену устоявшейся системы ценностей. Но ценности прочно вплетены в ткань традиционной культуры, особенно в ткань духовного ядра этой культуры. Разрушение этого ядра неизбежно порождает идентификационный кризис» (Губогло М.Н. Указ. соч. С. 284). Что касается мусульманства Российской империи рубежа XIX–XX в., то подобного кризиса при модернизации их жизни в общем и целом не произошло, за исключением некоторых издержек, сопровождавших процесс европеизации.

адекватным образом их поведение в период революционных потрясений начала XX в. в России.

Весьма скромное стремление либералов к обновлению жизни мусульманских народов страны наталкивалось на серьезные препятствия. Прежде всего в лице тех мулл, которые были настроены враждебно к их действиям, оставаясь на позициях сохранения незыблемости прежних представлений, в том числе разного рода суеверий. Именно эта часть мулльского слоя являлась, в сущности, одной из главных причин застоя в мусульманской среде. Противодействие мулл культурному движению прежде всего объясняется их зависимостью от правительства. Высшие руководители — муфтии — мусульманских духовных учреждений (муфтиятов) в Уфе, в Крыму и на Кавказе назначались царем. Их положение сводилось к положению высокопоставленных чиновников. Назначались на такие должности не те, кто пользовался доверием мусульманской общности, а те, кто был способен служить послушным исполнителем воли правящих кругов. Тот дух, который царил в муфтиятах, проникал и вниз; подчиненность всех мусульманских религиозных учреждений чиновникам постоянно чувствовалась мусульманской средой. Вследствие этого мусульманство империи находилось в сильной зависимости от бюрократии. Поэтому мусульманские реформаторы не могли действовать через муфтиев, а только самостоятельно, организуя культурные действия, чтобы осторожно продвигать новые социальные ценности и стимулировать преобразования в отношениях мусульманских общностей между собой, создавая, в частности, разнообразные мусульманские общества, которые поначалу были очень немногочисленными, но со временем стали важным элементом в налаживании связей между различными частями мусульманского сообщества. Примером может служить первое в империи Мусульманское благотворительное общество, которое было учреждено в Тифлисе в начале 1880-х годов, а в условиях начавшейся революции стало активно действовать¹. Устав подобного общества в Петербурге был утвержден 19 января 1898 г. В нем, в частности, было записано, что целью общества является «вспомоществование и призрение беднейших из мусульман», а также содействие беднейшим ученикам мусульманам в поступлении или завершении образования в средних и высших учебных заведениях². Количество таких обществ было до 1905 г. все же незначительным, они не могли серьезным образом отстаивать насущные интересы мусульман, противодействовать тому, что мусульмане в повседневной жизни видели, что буквально каждый шаг миссионера носил не только религиозный, но и административно-полицейский характер.

О том, что же происходило тогда в умах и душах мусульман, блестяще описал татарский писатель Исхаки (Исхаков) в своей 29-страничной ав-

¹ Переводчик — Терджиман. 1905. 15 марта.

² Устав Мусульманского благотворительного общества в Санкт-Петербурге. СПб., 1898. С. 3.

тобиографии «Дни моей жизни», написанной в эмиграции. Он вспоминал, что к 16-летнему возрасту (к 1893 г.), получив представление о величии исламского мира и высоком развитии его культуры в прошлом, стал, как и многие другие образованные мусульмане, задумываться о причинах его упадка и культурного отставания. «Много раз я открывал те страницы книг, в коих мне казалось, что я должен был бы находить ответы на мучившие мою юную душу вопросы...» Немало было прочтено и книг, но удовлетворяющих мою критическую любознательность ответов в книгах не было! Лишь несколько лет позже у меня стало складываться собственное мнение, что причины упадка культуры в некоторых государствах и народностях исламского мира лежат: во-первых, в отсутствии необходимой смелости и чувства ответственности у исследователей истории этого мира из собственных ученых. В угоду власти имущим и дворцовой знати они избегали замечать «острые углы», о которые натыкались и гибли культурные деятели ислама. Во-вторых, властители этого мира, замыкаясь внутри стен своих дворцов от народных масс, предавались излишествам; под давлением интригующих сил извне морально разлагались и отходили от выполнения требований священной книги, Корана [...]». Чтобы удалять народные взоры [...], воздвигались прочные стены деспотизма, а это и противоречило законам шариата»¹.

Исхаков, который некоторое время был муллой в своем ауле в Казанской губернии, свидетельствует, что он, как и многие другие, выступал тогда за мусульманскую «реформацию», за религиозно-культурную интеграцию, указывал, что мусульманская идентичность была главной и для татар. Примечателен пассаж о высокой ответственности перед обществом «собственных» историков, которую, на взгляд Исхаки, они должны были по настоящему нести, но не справлялись с тем, чтобы извлечь уроки из прошлого, боялись критиковать те или иные ошибки власти. Упрек, уместно заметить, очень актуален даже судя по тем примерам, которые уже приводились в историографическом обзоре и которые изложены дальше.

О том, как далее происходила его собственная духовная эволюция, писатель пишет так: «XIX век заканчивал счет своих дней... Я был к этому времени национальным писателем, в возрасте 22 лет! Приближались загадочные годы XX века... Может быть, под влиянием частых мыслений о «пограничном камне» этих двух веков, а может быть, и по иным причинам, но юную душу мою начало давить какое-то необъяснимое чувство гнетущего беспокойства... Погружаясь в тяжелые думы, я искал причины этого духовного напряжения: порой казалось, что это и есть чувство неудовлетворенности и что его причины находятся в отсутствии какой-либо серьезной борьбы за облегчение тяжелой участи нашего народа...

А иной раз мне казалось, что борьба-то, собственно, ведется... но внутри-то борющихся сил имеются целый ряд противоречий, лишаящих эту вековую борьбу заслуженных ее борцами эффектов! И вот, под воздействием нарождающихся этих изыскательских мыслей [...] я начал писать свой новый рассказ-фантазию: «Ики юз елдан сонг — Инкираз»!.. («Через 200 лет — вымирание»!). И по своему содержанию и по стилю этот фантастический консорциум* различных предположений очень резко отличался от предыдущих моих произведений. [...] Все сильнее и яснее становилось для меня, что деспотические оковы этого полицейского режима сковывали мои юные стремления к расширению поля деятельности и к более глубокому проникновению в толщу народных масс... Как естественное реагирование моей души и моего «я», у меня вспыхнула злоба на всех пассивных и активных защитников режима двуглавого орла. У меня стало крепнуть желание: подобрать друзей и немедленно же начать психологическую пока подготовку активистов борьбы против режима... Нужно было вначале установить болезни и пороки, которые русские органы власти старались насаждать через свою пропаганду в семью нашего народа.

В эти дни пробуждения [...] я, уже владея и русским языком, стал расширять круг своих знакомых вне пределов Идель**-Урала. Организовал идеологический контакт с кругами студенчества из родственных народов Крыма, Кавказа, Идель-Урала и Туркестана. За вдохновением пришел порыв и решительность... За порывом и решительностью появилась и наша нелегальная деятельность! Мы основали нелегальный кружок «Шакирдлик» («Ученичество»)^{***}. Наметили пока весьма скромную программу: обзор состояния национальной культуры в сравнении с европейской; обзор правовых ограничений для нашего народа в сравнении с правами народов в свободных странах; организационная форма этого кружка состояла: еженедельные собрания членов в виде дружеских встреч за чайным столом в [...] чайхане. Финансы кружка образовывались из членских взносов — кто сколько сможет дать!.. Обязанности по общему руководству были возложены на меня; казначеем кружка был [...]

* Содружество. Прим. М.-Г. Исхаки. От латинского consortium — соучастие, смешение.

** Подразумевается территория Поволжья.

*** Тайное общество «Шакирдлик» (другой перевод, который дается самим же Исхаки, «Молодежь») организовалось в Казани в 1901 г., и в очень короткое время членами этого общества, писал Исхаки в 30-х годах, стала не только вся активная часть молодежи Поволжья и Сибири, но и Крыма. Программа общества была довольно туманная, но она была направлена против самодержавия и стремилась к единению нации для борьбы за свою самостоятельность. Организация эта имела, утверждал впоследствии Исхаки, очень большое влияние и вынуждалась в разрешении всех вопросов вплоть до открытия какой-нибудь школы в захолустной татарской деревне. Три года это общество действовало, подвергаясь преследованиям властей (Исхаков С.М. Вопросы истории тюркских народов первой половины XX века в неопубликованных трудах Мухаммеда Гаяза Исхаки // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2000. № 3/4. С. 12; Мухамед-Гаяз Исхаки... 2004. № 8. С. 22; № 9. С. 4; Исхаки Г. Указ. соч. С. 42–43).

¹ Здесь и далее многоточие источника.

² Незначительные сокращения здесь и далее указаны отточиями в скобках.

³ Исхаки А. Дни моей жизни. Л. 2, 3.

драматург Гали-Асгар Кемаль*. Хранение служебных бумаг и не разрешенных цензурой книг распределялись между способными членами!

С течением времени появилась необходимость начать и пропагандную часть деятельности. Один из членов кружка, Махмуд Алмай бей**, был отправлен в Германию, где он научился основным приемам печатного дела, привез примитивные пока детали печатного станка... Мы стали выпускать нелегальную газету «Таракки» («Прогресс»)¹. Такое название не случайно, в этом эпизоде отражался процесс русской европеизации, постепенно проникавшей в мусульманскую среду и достигавшей далекого Туркестана. К примеру, тайная организация «Тараккий парвар» («Общество прогрессистов») была создана в Андижане в 1905 г.² Вероятно, именно ее имел в виду Исхаки, когда писал о контактах с туркестанским студенчеством. По мере распространения в обществе мысли, что ислам вовсе не противоречит европейской культуре, возникал интерес к ней, пробуждались общественные запросы, отчасти подсказанные знакомством с жизнью Европы, куда все чаще ездили мусульмане из России по самым разным причинам.

Задача членов общества «Шакирдлик» состояла в том, чтобы «устыдить», по выражению Исхаки, «переходные к руссизму психологические типы», которые являлись «для русских специалистов по ассимиляции... опорными точками», и вернуть большую часть их в «национальное лоно». Первые два номера этой газеты, вспоминал далее Исхаки, «перевернули вверх дном» всю общественность Казани. «Вспыхнувшие дискуссии вокруг затронутых на страницах нашей газеты вопросов напоминали муравейник, в который кто-то всунул палку... Одни защищали и приветствовали нас... другие же, наоборот, ругали всеми доступными словами! [...] Поднявшийся шум, по-видимому, был гораздо сильнее, чем мы предполагали... ибо один из экземпляров нашей газеты попал и в руки [...] полиции. Директор русской учительской школы***, на последнем курсе каковой я заканчивал свое учение, получив от жандармского управления какой-то запрос обо мне, предупредил: чтобы я не занимался неприличными делами... Таким образом, в 1902 году впервые я попадаю в учетное дело русской полиции»³, — вспоминал Исхаки дни своей молодости, ко-

* Галиаскар Камаль (Камалетдинов) (1879–1933) — татарский драматург, театральный и общественный деятель.

** Махмут (Махмуд) Алмаев (1874–1907) — татарский поэт, журналист, печатник, изучал полиграфическое дело в Германии, работал в татарских типографиях Казани и Оренбурга.

¹ Исхаки А. Указ. соч. Л. 6, 7.

² Шамсутдинов Р. Т. Русские демократы и туркестанские джадиды: их совместная борьба // История: проблемы объективности и нравственности (материалы научной конференции). Ташкент, 2003. С. 220.

*** Речь идет о упоминавшемся Н. А. Бобровникове, который руководил Казанской татарской учительской школой.

³ Исхаки А. Указ. соч. Л. 8.

гда он находился некоторое время под впечатлением многочисленных террористических актов партии эсеров, но никакого участия в них, судя по данным правоохранительных органов, не принимал.

В том же 1902 г. в Баку М. Э. Расул-заде* организовал Мусульманское молодежное общество¹, члены которого также были настроены весьма решительно. «Среди революционной молодежи России той эпохи все еще господствовало убеждение, что единственно действительным методом привлечения внимания общества к преступности и пагубности для человечества деспотического режима России являются кровавые акты индивидуального террора против наиболее бездушных чиновников... Надо полагать, и под влиянием господствующей этой идеологии у меня оформился наконец следующий драматический план: [...] я, — вспоминал Исхаки, — еду в Петербург... Лично начинаю объясняться с цензором Смирновым** [...] если он не поймет мои доводы, то подтвердить свою повесть выстрелами из револьвера! В результате — арест... адвокаты... и судебный процесс — я со своими друзьями будем использовать как трибуну по разоблачению тайных акций чиновников двуглавого орла! Приняв такой план, я успокоился и стал ожидать наиболее выгодных дней для его выполнения».

Исхаки испытывал тогда, как он сам пишет далее, «сильное переутомление» и после летнего отдыха «в объятиях приуральской природы» полностью восстановил здоровье и восполнил энергию. А вскоре он получил от Смирнова разрешение на публикацию своего произведения — «Через 200 лет — вымирание», изданного в 1904 г. Писатель вспоминал: «Но с какой дикостью и безудержной ненавистью были перечеркнуты и урезаны мысли на его страницах! Цензор удалил из текста наиболее характерные эпизоды и задуманные мной экстракты мыслей, так необходимые для обострения кризисов суждений... Цензор явно задался целью превратить это произведение в бесцветную брошюрку [...]. Во всяком случае в данном болезненном эпизоде с моими драматическими планами общественного шума цензор Смирнов все же выполнил свой служебный долг! Он прислал ответ! Этим своим формальным актом сохранил себе жизнь... а я был освобожден от выполнения своего трагического плана самопожертвования во имя протеста!»²

* Мамед Эмин Расул-заде (1884–1955) — азербайджанец, политик, писатель и журналист, депутат Всероссийского Учредительного собрания (1917 г.), председатель парламента Азербайджанской республики (1918–1920 гг.).

¹ Azerdaycan tarixi. Bakı. 2005. S. 198.

² Смирнов Василий Дмитриевич (1846–1922) — тюрколог, профессор Петербургского университета, одновременно цензор мусульманских изданий; по свидетельству В. А. Гордлевского, ему был присущ «исключительный национализм», а иноверы (мусульмане) и инородцы (татары) — «все нерусское для него был элемент, разрушающий национальное русское единство, и, естественно, с этой точки зрения рассматривал он культурную жизнь татар» (Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. 4. М., 1968. С. 413–414). Его фамилия стала символом вражды русского правительства к мусульманам.

³ Исхаки А. Указ. соч. Л. 10, 11.

Данный эпизод воспоминаний маститого драматурга показывает, насколько остро даже полвека спустя переживал он за свое сочинение, и какую роль в его жизни сыграл петербургский цензор, типичный представитель той самой бюрократической системы, с которой по разным поводам каждодневно сталкивались подданные-мусульмане. Писатель, в сущности, выразил чувства самого обычного человека, натерпевшегося от подобного вмешательства чиновников только из-за того, что он воспринимался как представитель чужого, мусульманского, вероучения. Таким образом возникало недовольство, которое приводило в конечном счете к социальному брожению мусульманских масс¹. Что касается замысла о том, чтобы применить оружие, то он очень похож на такой литературный прием, как гипербола, чем Исхаки как писатель, судя по его произведениям, владел прекрасно.

Вмешательство охраны, вспоминал Исхаки, «в наши внутренние национальные дела свидетельствовало, что правительство желает действительного вымирания нашего народа; все ограничения, чинимые русскими в области культуры и национальных обычаев, являются частностями общего плана геноцида, рассчитанного на десятилетия»². Таким ужасным было впечатление от той русификаторской и миссионерской политики, проводимой властью в отношении мусульманского, в том числе татарского, населения до революции 1905 г., хотя с фактической стороны утверждение мемуариста о подобном плане не находит подтверждения в научной литературе. Но в этом обвинении царизму есть своя правда, поскольку многие факты из жизни татар-мусульман, как думал Исхаки, прекрасно знавший настроения своего народа, свидетельствовали, что такое по крайней мере возможно. Что касается отношений между татарами и русскими в повседневной жизни, то выступая в Париже в январе 1921 г. на совещании членов Всероссийского Учредительного собрания в качестве представителя российских мусульман, Исхаки сказал: «Недоразумений с русскими у нас 150 лет нет: разрешаем скорее за чаем»³. Но притеснения, чинимые русской властью, оставляли неизгладимый след в душах людей. В результате «сознательные татарские учащиеся», свидетельствует Исхаки, создали в Казани нелегальные кружки, которые вплоть до 1905 г. печатали на гектографе листовки на татарском языке с резкой критикой политики русского правительства. Эти прокламации производили на татарское общество, вспоминал он, огромное впечатление⁴.

¹ В современной татарской литературе доминирует гипертрофированная точка зрения, что именно эта антиутопия сыграла «огромную роль не только в воспитании национального самосознания татар, их политического мышления», но и послужила якобы «серьезным толчком, ускорившим вспыхнувшее в Российской империи в начале XX столетия национально-освободительное движение» (Саханов М.Ж. Указ. соч. С. 82), в которое на самом деле татарский народ не включился, а поддержал общемусульманское движение народов империи.

² Исхаки А. Указ. соч. Л. 9.

³ Дневник П.Н. Миллюкова. 1918–1921. М., 2004. С. 588.

⁴ Мухамед-Гаяз Исхаки... 2004. № 9. С. 12–13.

На то, какие настроения охватили в эти предреволюционные годы часть татарской молодежи, также проливает дополнительный свет письмо Ибрагима Ахтямова своему старшему брату Ибниамину*, отправленное из Уфы 7 марта 1901 г. в Петербург: «Тебе должно быть известно уже, какая судьба постигла меня, т. е. что меня за участие в якобы “беспорядках” исключили без права поступления в Казанский университет и выслали в Уфу. Хуже всего, конечно, в моем положении то, что приходится жить в ненавистной для меня Уфе, да еще жить без определенных занятий...».

Прося брата решить вопрос о своем будущем, Ибрагим далее предлагал: «Было бы, конечно, очень хорошо, если бы Рашид-эфенди** пригласил почву, свел некоторые знакомства и, объявляя, конечно, меня своим родным племянником, закинул кой-куда словечко. Если он там (т. е. в Петербурге. — С.И.) останется, то при ходатайстве нужно будет встать на почву очень близких родственных отношений между мной и им, напирая

* Ибрагим Ахтямов (1880–1931) — татарин, уроженец Уфы, дворянин, в 1899 г. поступил в Петербургский университет, в 1900 г. перевелся в Казанский университет, член РСДРП с 1901 г. В 1901 г. исключен за участие в студенческих волнениях; один из организаторов и руководителей Казанского комитета РСДРП (1902 г.), весной 1903 г. арестован за политическую деятельность и выслан в Сибирь, откуда бежал в 1904 г.; скрывался в Швейцарии, затем нелегально жил в Харькове, где состоял в большевистской организации и боевой дружке. В 1905 г. арестован, вскоре освобожден. Член Уфимского комитета РСДРП, меньшевик, жил в Уфе. В 1906 г. восстановился в Петербургском университете, после окончания которого работал присяжным поверенным в Уфе.

** Ибниамин Ахтямов (1877–1941) — татарин, уроженец Уфы, дворянин, с 1898 г. учился в Петербургском университете, в 1899 г. исключен за участие в студенческих волнениях. В 1901 г. арестован в столице по делу «Комитета рабочей организации», после трехмесячного тюремного заключения выслан в Уфу, где вновь арестован за хранение нелегальной литературы, с 1903 г. эсер. После революции окончил Петербургский университет, работал помощником присяжного поверенного. Депутат IV Государственной думы от Уфимской губернии.

** Имеется в виду Абдрашад Ибрагимов, который, в 1900 г. вернувшись из длительного пребывания в мусульманских странах, решил все же обосноваться в Петербурге, где с этого года, когда заместителем министра внутренних дел стал известный либерал князь Н.Д. Святополк-Мирский, получил разрешение издавать альманах «Зеркало», а также стал выпускать книги и брошюры по мусульманской тематике. Некоторые современные авторы, в частности Л. Усманова, полагают, что в 1902–1903 гг. этот мulla, приезжая в Японию, был втянут в антироссийскую пропаганду, за что по требованию российского консула был выслан в 1904 г. в Стамбул, где был арестован и депортирован в Россию (Усманова Л. Первые мечети в Японии // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2005. № 2. С. 118; Она же. В поисках национальной идентичности (тюрко-татарская диаспора в Северо-Восточной Азии // Диаспоры. 2005. № 2. С. 16). Его биограф Галимуллин пишет, что из Японии он вернулся прямо в Петербург и продолжал выпускать свой альманах. Весной 1904 г. Ибрагимов попал в Стамбул, где 8 августа 1904 г. по просьбе российского правительства был арестован, 12 августа препровожден в Одессу, а 22-го выпущен из тюрьмы (Галимуллин Ф.Ф. Указ. соч. С. 41). Факты между тем свидетельствуют о том, что после возвращения из Японии бывший мulla получил 25 сентября 1903 г. заграничный паспорт, выданный петербургским градоначальником, и спокойно уехал в Турцию, откуда в августе 1904 г. действительно при довольно странных обстоятельствах вернулся в Петербург, на чем, однако, остановимся чуть ниже. Получение этого документа означает, что он был для властей политически благонадежен, эта характеристика основывалась на соответствующих справках из Департамента полиции, которым заведовал Святополк-Мирский.

на то, что только благодаря отсутствию нравственной поддержки я увлекся пагубным примером товарищей и т. д.

Я во всяком случае решил на лето приехать в Питер, если, конечно, можно будет получить какую-либо работу. Вместе с этим письмом пишу Раулю Исмаиловичу*, который еще с осени говорил о возможности найти работу... Кроме того, я просил бы тебя сходить к Рашиду-эфенди и поговорить с ним об этом. Я почему-то слишком верю во всемогущество его и мне думается, он при желании может найти что-либо подходящее. Попроси его об этом от моего имени. В Питер я направился бы в первых числах мая, заехал бы к тете, запасаюсь бы рекомендацией Евг[ения] Никол[аевича]** к Нератовым и в путь. К этому меня побуждает, кроме необходимости начать зондировать почву относительно приема в университет вообще и Петербургский в частности, также и желание заниматься и заниматься серьезно и систематично, что при отсутствии книг в уфимской библиотеке, с одной стороны, и при прелестях летней деревенской природы, с другой, почти невозможно. К тому же хочется пожить в Питере на тот случай, если не удастся там остаться в университете».

Завершая это письмо, которое не только раскрывает душевное состояние бывшего студента, но объясняет, какие на самом деле близкие отношения имелись между такими будущими политиками-мусульманами, как братья Ахтямовы и А. Ибрагимов, и какие связи были у последнего в столичных инстанциях, Ибрагим размышлял о недавнем прошлом и будущем страны: «Мне кажется... последние три года едва ли пройдут бесследно для государственной жизни России, ибо правительствен[ные] репрессии, простирающиеся на все сферы обществен[ного] самоуправления, захватывающие в очень большой степени академическую жизнь, а также и печатать — эти репрессии начали находить отпор в довольно сильном обществен[ном] движении, с одной стороны, в виде хронических студенческих волнений и сочувствия к ним общества (демонстрации в Москве и Казани), с другой — все более и более демонстративного способа действия рабочего населения... и наконец, с третьей — в виде петиций... со стороны либераль[ной] части общества...»¹. Ибр. Ахтямов не ошибся в своих прогнозах.

Смог ли он поехать в Петербург, установить не удалось, но зато известно, что в сентябре 1901 г. он приехал из Уфы, где безуспешно пытался вести антиправительственную пропаганду среди татар, в Казань, где продолжил революционную агитацию, выбрав для этого объектом исключительно рабочих из немусульман. Летом 1902 г., согласно данным

* Рауль Исмаилович Курамшин — секретарь Мусульманского благотворительного общества в Петербурге, чиновник Государственного контроля — центрального ведомства финансового контроля.

** О ком идет речь, установить не удалось.

¹ ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 3. Д. 329. Л. 1, 2, 3–5 об.

властей, среди заводского и фабричного населения Казани образовалось несколько тайных кружков, нацеленных на достижение «политической свободы». В числе руководителей этого движения значился и Ибр. Ахтямов, о котором, по данным следствия, было известно, что в августе 1902 г., познакомившись с несколькими рабочими завода братьев Крестовниковых, он организовал из них небольшой кружок и начал социал-демократическую пропаганду, снабжал рабочих соответствующими нелегальными изданиями, устраивал сходки, являлся одним из авторов антиправительственных воззваний и листовок. В ночь с 23 на 24 марта 1903 г. у членов кружка были проведены обыски, но ничего запрещенного у Ибрагима, в частности, не было обнаружено. Тем не менее вместе с другими революционерами его отправили в тюрьму, в которой он содержался до 16 сентября, а затем выслали в Иркутск под гласный надзор полиции. По данным казанской охранки, дело Ахтямова было единственным случаем участия мусульманина в подобной деятельности в губернии¹.

Другой уфимец, М. Кутлубаев*, за участие в студенческой демонстрации, 9 февраля 1902 г. в Москве, был тоже арестован и отправлен в тюрьму, где отбыл месяц. После освобождения он был вновь арестован 29 апреля, на этот раз за хранение двух рукописных стихотворений революционного содержания. В июне 1902 г. его выпустили на поруки под залог, и он вернулся в Уфу, где находился под негласным наблюдением полиции², но ничем революционным он, в отличие от Ибрагима, больше себя не проявил, проделав путь, которым прошли и другие молодые образованные мусульмане, увлекшись на какое-то время революционной эйфорией.

Также 9 февраля 1902 г. за участие в многочисленной студенческой сходке в актовом зале Московского университета был арестован Цаликов, учившийся на юридическом факультете с 1900 г. Затем он был исключен из университета и получил наказание в виде шестимесячного тюремного заключения³. В самом начале XX в., по свидетельству этого меньшевика,

¹ Там же. Ф. 124. Оп. 43. Д. 111. Л. 1 об., 7, 8, 10 об., 13 об., 33, 39, 61, 63, 63 об., 64 об., 70, Ф. ДПО. 1898 г. Д. 5. Ч. 23 В. Л. 73 об.—74.

² Муртаза Кутлубаев (1873–?) — башкир, потомственный дворянин, в 1895 г. окончил уфимскую гимназию и в том же году поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1899 г., затем жил в Бирском уезде и в Москве, где готовился к государственным экзаменам в Юридической испытательной комиссии при этом университете, чтобы получить диплом, но осуществить это намерение здесь ему не удалось. После революции он, по-видимому, получил диплом в другом университете и стал служить в системе юстиции, поднявшись до судебного следователя Белебеевского уезда Уфимской губернии, который по своему положению имел право проверять, дополнять и изменять действия полиции в ходе дознания.

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1836. Л. 7, 13, 13 об.; ДП-7. 1902 г. Д. 760. Ч. 1. Л. 1 а об.—4, 15.

⁴ Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 514. Д. 57. Л. 37, 48. В отличие от Кутлубаева, Цаликову удалось, получив в январе 1906 г. разрешение Министерства народного просвещения, сдать государственные экзамены в Юридической испытательной комиссии в конце 1906 г. — начале 1907 г., и весной 1907 г. он был удостоен диплома Московского университета (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 77. Д. 5006. Л. 1, 3, 7).

появились мусульманские социал-демократы, когда только закладывались основания умеренных и радикальных мусульманских партий¹. Первые попытки приобщения закавказских мусульман к идеям социализма ограничивались усилиями отдельных азербайджанцев, состоявших в РСДРП². Хотя социал-демократов из мусульман было очень мало, тем не менее их нельзя не учитывать как свидетельство увлечения революционной борьбой представителей мусульманской молодежи, притом из дворянской среды и состоятельных слоев.

Мусульманское движение, конечно же, не было результатом работы каких-либо революционеров, борцов с властью, годами испытывавших незатухающую враждебность к русскому правлению. Социалистические идеи не были популярными в мусульманской элите, отдельные представители ее первое время с интересом отнеслись к ним совсем по другой причине. Дело в том, что татарским революционерам в большой мере импонировало тюркское происхождение Г.В. Плеханова. Было также известно, что пропагандист марксизма в России М.И. Туган-Барановский был выходцем из крымских татар, переселившихся в Литву в XIV в. «Этот проповедник классовой борьбы, — писала Тыркова, — ...твердил марксистские истины с послушным упорством мусульманина, проповедующего Коран»³. Для такого сильного сравнения наверняка должны были быть основания, которые возникли у Тырковой после общения с Туган-Барановским.

Как верно подметил Стоддарт, в сущности, пуританские начала мусульманского возрождения вскоре расширились по более конструктивным направлениям, некоторые из них продемонстрировали налет неоспоримого либерализма⁴, — все это имело прямое отношение к мусульманам Российской империи начала XX в. С 1903 г. начался период практического выхода мусульманского либерализма на общественно-политическую сцену. Часть мусульман к тому времени, по оценке чинов из Департамента полиции, оказалась уже подготовленной для присоединения к всеобщему движению, добиваясь равенства мусульман в правах с русским населением⁵. По инициативе Гаспринского два татарских студента С. Максудов* и Ю. Акчурина** взялись за подготовку торжества по

¹ [Цаликов А. Среди мусульман // Возрождение. 1909. № 1–2. С. 80.

² Светоховский Т. Русский Азербайджан. 1905–1920 // Хазар. 1990. № 1. С. 104.

³ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 35–36, 38, 40. После Февральской революции М.И. Туган-Барановский контактировал с Всероссийским мусульманским советом, находившимся в Петрограде, летом 1917 г. уехал на Украину, где в конце 1917 г. — начале 1918 г. занимал пост министра финансов Центральной рады. Один из основателей Украинской академии наук, академик (1919).

⁴ Stoddard L. The new world of Islam. P. 32.

⁵ Исхаков С.М. Революция 1905–1907 гг. и российские мусульмане. С. 199.

* Садри Максудов (1878–1957) — в то время учился в Париже, затем юрист, член ЦК кадетской партии, депутат II–III Государственных дум от Казанской губернии.

** Юсуф Акчурина (Акчура) (1876–1935) — в то время учился в Париже, затем юрист, экономист, социолог, философ, историк, журналист, член ЦК кадетской партии.

случаю 20-летия газеты «Терджиман», пригласив в Бахчисарай сто самых видных и авторитетных мусульманских деятелей со всей империи¹. Выбор места проведения был не случаен. Во-первых, «Бахчисарай не только «палладиум бранной славы» татар, но и национальный центр татарского Крыма...»². Во-вторых, условия для встречи в этом городе оказались довольно благоприятными. Дело в том, что в сентябре 1902 г. город посетил Николай II, которого на вокзале встретили хлебом-солью на медном блюде, покрытом, как сообщалось, «татарской чадрой», а городской голова М.-м. Давидович, крымский татарин, выступил с приветствием от жителей города, большинство которого составляли крымские татары. Царь с супругой в сопровождении свиты посетил Ханский дворец, где к нему по-татарски обратился имам местной мечети Э. Аджи. Его речь сразу же переводилась редактором «Терджиман» Гаспринским. Затем царь посетил мечеть, где в его присутствии имам совершил моление³. Состоявшиеся в Бахчисарае 4 мая 1903 г. торжества по случаю 20-летнего юбилея этой газеты, которые были открыты, что характерно, тем же самым муллой, превратились в большое событие в общественной жизни мусульман всей империи. Среди многочисленных гостей, прибывших в этот город со всей страны, был и А. Ибрагимов, что было особо отмечено прессой⁴. Прошедшее здесь собрание мусульманских представителей приняло, в сущности, характер второго неформального съезда (первый состоялся в связи с 10-летним юбилеем этой газеты в Бахчисарае в мае 1893 г.) мусульман империи, на котором обсуждались вопросы развития национальной культуры и меры по противодействию политике русификации. Гаспринский и его единомышленники, сознавая нарастание сильных протестных настроений среди мусульман страны, взяли за организацию общественного движения, что и привело к первому общему собранию их представителей.

Столь необычное событие не осталось без пристрастных оценок. Во время этого юбилея «впервые обнаружилось панисламистское культурное национально-тюркское движение, которого до сих пор мы, — писал в статье на немецком языке Вамбери после революции, — нигде не замечали среди кочевнических народов»⁵. Очередное «открытие» Вамбери, смешавшего для правдоподобности панисламистские и пантюркистские домыслы с ре-

¹ Айда А. Садри Максуди Арсал / Пер. с тур. М., 1996. С. 37–39.

² Филиппов С. Указ. соч. С. 97–98.

³ Крымский вестник. 1902. 20, 21 сентября; Крымский курьер. 1902. 21 сентября; Южный курьер. 1902. 22 сентября; и др.

⁴ Переводчик. 1903. 11 мая.

⁵ Ваку. 1910. 21 мая. В 1912 г. в Петербурге появился еще один перевод этой статьи Вамбери, в котором данный фрагмент передан таким образом: «Тут проявилось в первый раз панисламистское, но культурно-панисламистское и в то же время национально-тюркское движение, которого до сих пор мы не видели нигде среди народов ислама» (Переводчик И. Лекции об исламе. Приложена статья Г. Вамбери «Культурное движение среди русских татар»). Перевод с немецкого А.Н. Черновой. СПб., 1912. С. 282).

альными культурными успехами мусульман империи, усиленно тиражировалось в европейской печати. А крымские историки В.Г. Зарубин и В.И. Королев вводят в заблуждение уже современных читателей, утверждая, что по инициативе городского головы Давидовича в Бахчисарае якобы зарождалось панисламистское (пантюкистское) движение¹. Следуя данной логике, получается, что под присмотром русской власти, при содействии бахчисарайского градоначальника собрались мусульманские общественные деятели, чтобы под влиянием панисламистских лозунгов строить планы по крушению империи — явная фальсификация, обман общественного мнения, который продолжается и в современной научной литературе.

Призывы «Терджиман» к знанию, к современным формам жизни и к оставлению старого ортодоксального мировоззрения, далее отмечал Вамбери, находили благодарных слушателей только якобы среди молодого поколения. Старики и главным образом муллы, как представители «упорнейшего консерватизма и старо-мусульманской ортодоксальности, занимали по отношению ко всякой перемене резко враждебное положение». «Поволжские татары, бывшие издавна апостолами мусульманской веры и принципов ислама... теперь взяли на себя роль реформаторов... и проповедывали те нововведения, которые теперь ислам должен заимствовать с Запада»², — утверждал Вамбери. Следует уточнить, что мусульманские реформаторы предложили использовать достижения европейцев только в научно-технической сфере, но не более.

«Терджиман», вспоминал один из таких поволжских сторонников прогресса, Исхаки, сыграл «громадную роль в европеизации татарской жизни...». Газета ставила своей целью воспитание всех тюркских народов в духе единства, без различия рода, племени и территории; и благодаря чему, полагал Исхаки, вся поволжская и крымская татарская интеллигенция пропитывалась идеей единства, этот же дух проникал и на Кавказ, и в Туркестан³. Никакого отношения к пресловутому панисламизму эти намерения не имели, о чем прекрасно были осведомлены непредвзятые специалисты. В частности, Крымский указывал, что поволжские, сибирские и крымские татары вследствие своего долгого пребывания под властью России «сделались смирными и спокойными и никуда уже не могут политически отложиться от нее», в этих «мусульманских местностях

России... нечего бояться инородческого сепаратизма». «Иное дело Туркестан и Кавказ: здесь... народ еще не забыл своей недавней самостоятельности»⁴. Но революционные события показали, что Крымский, как и Бартольд, не смог правильно понять психологию ни туркестанских, ни кавказских мусульман, которые также не проявили каких-либо серьезных признаков сепаратизма. Тезис о непатриотичности мусульман империи усиленно муссировался также правоохранительными органами и миссионерами, а позднее был подхвачен советской историографией. Сепаратистские устремления мусульман империи ничем не доказываются, несмотря на тщетные заверения и некоторых особо рьяных современных авторов⁵.

Мусульмане Поволжья, с точки зрения «Терджиман», были гораздо более религиозны, чем их единоверцы в Крыму и на Кавказе, о чем свидетельствует то, что мечетей, мектебов, учащихся, мюридов в Поволжье было в несколько раз больше. Эти, по выражению газеты, «северные мусульмане» ко всем «мерам» и «предложениям» администрации относились с опаской и подозрением, а у крымцев и кавказцев между тем ничто подобного не замечалось. Еще одним доказательством разницы «северных» и «южных» мусульман служило, по мнению газеты, то, что в высших учебных заведениях страны учились в то время более ста представителей мусульман, из которых 85% составляли «южане», 10% — кавказцы и только 5% — «северные». Это «яркий, бьющий в глаза результат различных административных систем, применявшихся к мусульманам в Российской империи и ее южных окраинах...». Такими были результаты образовательной политики среди «северных» мусульман, которая в Поволжье привела к отчуждению от русской культуры. Между тем на Кавказе и в Крыму наблюдалось заметное приобщение к ней⁶. «Ассимиляционная политика русской империи своими тяжелыми колесами старалась давить всякие свежие всходы нашей культуры... Хозяева двуглавого орла лишали нас возможности получать дипломное, высшее национальное образование... Мы, — вспоминал Исхаки, — имели возможности усовершенствовать себя только путями автодидактизма. А пути эти требуют от человека личных самоограничений... усидчивости... силы воли и духовной выносливости. Многие из нас терпеливо несли этот груз во имя будущности своего народа!»⁷, тем самым подтверждая тот факт, что мусульмане не были бунтарями по любому поводу. Мусульмане империи представляли собой, отмечал в 1905 г. «Терджиман», «население совсем иной культуры, с былой... государственностью, историей и литературой... Не сожалея о прошедшем, ...мусульмане ждут будущего...». Мусульмане,

¹ Зарубин В.Г. Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. — 1921 г.) // Историческое наследие Крыма. 2003. № 1. С. 54.

² Баку. 1910. 21 мая. Совсем иначе этот фрагмент передан в петербургском переводе, в котором уже нет неудачного сравнения татар с апостолами, а сказано, что татары «взяли на себя роль реформаторов и провозвестников новшеств, проникавших с запада на восток» (Гольдцигер И. Указ. соч. С. 284). Эти примеры еще раз демонстрируют, насколько сильно подчас искажались при переводе на русский язык сюжеты, касающиеся тех или иных сторон истории и положения мусульман в империи в начале XX в.

³ Мухамед-Гаяз Исхаки... 2004. № 8. С. 22.

⁴ Крымский А.Е. Школа, образование и литература у российских мусульман. С. 2, 3, 6.

⁵ К примеру, Куделя-Одабашьян пишет, что панисламизм и пантюкизм якобы распространились в Туркестане с конца XIX в. — начала XX в. и сыграли «реакционную роль» (Куделя-Одабашьян М.Л. Указ. соч. С. 78).

⁶ Переводчик — Терджиман. 1905. 25 марта.

⁷ Исхаки А. Указ. соч. Л. 6.

как не раз констатировал «Терджиман», считали, что «обрусители под благовидным предлогом объединения» русских и мусульман, фактически вели к тому, чтобы отколоть мусульман от России. «Нет лучшего средства для создания серьезного и сложного “мусульманского вопроса” в России, как дальнейшее развитие и применение системы, рекомендованной различными «просветителями» мусульман. Эти «обрусители», по сути, работали над созданием мусульманского вопроса, «отравив существование и доверие громадного населения... Принято думать, что “невежественное мусульманское население” ничего не видит, не знает и не понимает. Но это грубая ошибка». Мусульмане понимали гораздо больше, чем считалось¹ в русском обществе, но выразить открыто свое недовольство печатным образом они опасались по понятным причинам. Уже в эмиграции критикуя такую власть, Исхаки мог позволить себе подобные слова: «Царствующий дом Романовых — этот ералаш из метисов, вобравший в себя обруселых чужаков и управляющий тюрьмой народов при опоре на элиту из русских шовинистов, разве мог проявить уважение к культуре плененных им народов? Нет, конечно! Ибо члены этого царствующего дома считали, что закон и штык есть сильнее всякого духа [...]»².

При этом правящие круги делали время от времени небольшие уступки мусульманским подданным в связи с какими-либо крупными событиями. Так, в 1813 г. в память доблестного участия татаро-башкирских полков в Отечественной войне 1812 г. московские мусульмане получили разрешение на открытие молитвенного дома в Татарской слободе. В 1821 г. им было дозволено строительство каменного здания. В 1881 г. молельный дом был перестроен: возведены минарет и купол, после этой реконструкции здание обрело законченный вид мусульманского культового сооружения. В конце XIX в. с резким ростом торговли в Москве число татар здесь стало стремительно увеличиваться. Единственная в городе мечеть не могла вместить всех верующих, особенно в дни праздников. В 1894 г. представители татарской общины Москвы просили разрешить постройку новой мечети. В 1903 г. после ходатайств московского купца С. Бакирова и касимовского купца Х. Акбулатова, председателя Касимовского мусульманского благотворительного общества, прошение было удовлетворено. В мае 1904 г. в строительное отделение Московского губернского правления поступило прошение муллы Б. Алимова и купца С. Ерзина о разрешении построить мечеть в Выползовом переулке. Финансирование строительства взял на себя Ерзин. Он выделил также из собственных средств сумму на содержание мечети. В начале июня 1904 г. проект постройки был утвержден и 25 июня началось строительство. В сентябре закончили каменную кладку, в октябре выполнили внутренние работы. 27 ноября 1904 г. мулла Алимов, который стал первым имам-хатыбом

¹ Переводчик—Терджиман. 1905. 15 марта, 5 апреля.

² Исхаки А. Указ. соч. Л. 6.

новой мечети, и попечитель второго прихода М. Вагапов подали прошение о разрешении совершить богослужение. В акте о приемке здания было указано, что «препятствием допущению молящихся на богослужение служат главным образом сырость внутри здания и ее последствия. Здание без специальной просушки совершенно непригодно в зимнее время для богослужения. От сырости может произойти сопревание деревянного потолка и падение с него штукатурки». Спустя несколько месяцев, после того как здание было просушено, мечеть стала функционировать¹. 27 ноября 1904 г. в мечети состоялось первое богослужение. Появление второй мечети в Москве стало возможно благодаря благосклонному отношению к просьбе московских мусульман со стороны генерал-губернатора Москвы, великого князя Сергея Александровича, дяди Николая II².

Появление здесь мечети имело большое значение для религиозной жизни правоверных не только этого города. Для мусульман всей империи эта уступка власти означала начало либерализации отношения к их запросам, что несомненно было связано с начавшейся в январе 1904 г. русско-японской войной. Между тем татары, по свидетельству Чичериной, считали неудачи русских в войне с Японией божьей карой за незаконные, по их мнению, действия миссионеров против мусульман³. Известный бухарский историк М.А. Сами в своем сочинении, написанном в 1906–1907 гг., прямо писал, что Николай II перестал соблюдать справедливость в отношении к народу, и потому на государство обрушился божий гнев и в стране вспыхнула революция. Русское государство, подчеркивал этот историк-мусульманин, стремилось «только к разрушению и уничтожению ислама и к установлению своих порядков и веры»⁴. Такова была оценка предреволюционной ситуации в Российской империи с мусульманской точки зрения. Правящие круги беспокоило, что в этой войне Япония вызывает симпатии среди восточных нерусских народов, а также мусульман, поскольку они считали, что хуже, чем при русской власти, не будет, а лучше — может быть⁵. Не случайно популярный татарский писатель и журналист Ш. Мухаммадов в своей повести «Японская война, или доброволец Батыргали-агай», вышедшей в Оренбурге в июне 1905 г., дал его сатирический образ. Отчуждение мусульман от русской власти и русско-татарского общества продолжало усиливаться.

Прояпонские настроения возникали, по мнению Сафонова, не оттого, что, к примеру, у башкирских крестьян были какие-либо конкретные интересы или симпатии, а просто потому, что эта сила выступала против русской администрации. Подобные оппозиционные взгляды среди башкир не были

¹ Строители России. XX век. М., 2001. С. 91.

² Асадуллин Ф. Москва мусульманская. М., 2004. С. 83.

³ Чичерина С.В. О приволжских инородцах... С. 26.

⁴ Мирза Абдалазим Сами. Та'рих-и салātūn-и мангūtīya (История мангьтских государей). М., 1962. С. 120, 121, 122.

⁵ Диманштейн С. Указ. соч. № 1. С. 75.

редкостью — налицо имелось уже массовое недовольство властью. Вот типичная, с точки зрения Сафонова, ситуация: К. Куватов* в башкирском ауле Утягулово Орского уезда Оренбургской губернии в августе 1904 г. в разговоре об этой войне заявил: «Я давно молюсь богу за Японию и ихнего царя, чтобы они победили наших. Нашему государю... все земли мало». Башкиры, заключает Сафонов, искали себе защитника, союзника, на чей авторитет и мощь можно было бы опереться¹. Главной причиной недовольства башкир властями было расхищение их земель. Башкиры по сравнению с остальными крестьянством Уфимской и Оренбургской губерний имели значительно больший средний надел земли. В 1898 г. был издан закон о размежевании башкирских земель между аульными общинами, нацеленный на то, чтобы башкиры продавали свои «свободные» земли, оставшиеся после наделения вотчинников 15-десятиной пропорцией душевого надела.

На этой почве происходили волнения, охватившие практически все волости и уезды Уфимской и Оренбургской губерний. Поэтому размежевание башкирских земель затянулось надолго — вплоть до 1915 г. Летом 1904 г. такие факты имели место, в частности, в Белебеевском уезде. Здесь тысячи башкир встали на пути землемеров, намеревавшихся провести здесь межевание, и выгнали из своих селений не только землемеров, но и полицию. Когда уфимский губернатор генерал-майор И.Н. Соколовский вместе с солдатами прибыл в один большой башкирский аул, его встретила сильно возбужденная толпа башкир в несколько тысяч человек. Губернатор, повернувшись к ним спиной, принял рапорт от командира полувзвода и поздоровался с военными. «Здравия желаем, ваше превосходительство», — ответили солдаты. Башкиры, услышав приветствие, тоже крикнули: «Здорово жалан». «Молчать! — обернулся к ним генерал. Разбойники, бунтовщики, молчать!» — крикнул генерал. Затем он арестовал главных зачинщиков, землемеры закончили свою работу. Наиболее упорным и длительным было сопротивление размежеванию в Булекей-Кудейской волости Уфимского уезда. Во всех аулах жители заявляли: «Межевания не хотим... делаем с нами что угодно. У царя власть велика, бунта делать мы не намерены как верноподданные, но согласия своего не даем». Когда власти приступили к межеванию, новокулевцы ответили на это вооруженным сопротивлением, и межевые работы были приостановлены. Через несколько дней во главе роты солдат в село прибыл уфимский губернатор, одно появление которого, по отзывам очевидцев, подвергло жителей «страшной панике». Но и после прибытия солдат вотчинники оставались непреклонными². Сокращение земельных владений

* Вероятнее всего, он имел отношение к башкирскому дворянскому роду Куватовых, поскольку представители его жили и в этом ауле.

¹ См.: Сафонов Д.А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855–1922, Хроника и историография. Оренбург, 1998. С. 65–66.

² Государственная измена. СПб., 1906. С. 10; История Башкортостана с древнейших времен... Т. 2. С. 46–47.

ний башкир постепенно сужало условия функционирования их традиционного хозяйства и быта, что не могло не вызвать недовольства последних³. Тем не менее в русско-японскую войну «едва ли какая-нибудь из народностей России выражала такой сильный патриотизм, как башкиры: среди них ничего противозаконного не случилось, никакая агитация на них не подействовала, они остались верными присяге»⁴, — писал Г. Ибрагимов. Вряд ли можно заподозрить известного татарского писателя и политика, отличавшегося независимостью суждений, в склонности к искажению фактов в пользу казенного патриотизма.

Что касается японофильских настроений среди мусульман страны, то существует иное, достоверное, объяснение: распространился слух, что среди японцев все больше становится приверженцев ислама. Слух этот был пущен в Берлине, чему поверили даже некоторые английские газеты⁵. Вскоре эта дезинформация достигла самых разных мест России. К примеру, в декабре 1904 г. во время проводов мобилизованных на войну башкир и татар на ст. Раевка указный мулла* д. Сипашево Альшеевской волости Белебеевского уезда Т. Тутушев, напутствуя рядовых Г. Баймухаметова и К. Акбулатова (крестьян этой волости), сказал им следующее: «Вы идете на войну против японцев, они такие же мусульмане, как и вы, поэтому в них не стреляйте, а стреляйте вверх»⁶. Возникла дилемма — религиозный или воинский долг, которая ставила мобилизованных мусульман перед трудным испытанием, к тому же у призванных воевать с японцами мусульман, как оказалось, не хватало мулл, могущих убедить их в том, что этот слух не имеет никакой реальной почвы. Соответствующее ходатайство мусульман было передано Николаю II великим князем Михаилом Александровичем, его братом. Император, как сообщалось, ответил, что позаботится самолично, чтобы «мои мусульманские воякаты» получили мулл⁷. В октябре–ноябре 1904 г. появились штатные военные муллы: при штабе 1-й Маньчжурской армии (мулла Г. Абызгильдин из Стерлитамакского уезда Уфимской губернии), при штабе 2-й Маньчжурской армии (мулла И. Мултангалиев), при штабе 3-й Маньчжурской армии (ахун Г. Расюлев), в Приамурском военном округе (имам Г. Рахматуллин из Уфимского уезда)⁸. В связи с этим решением в газете

³ Акманов А.И. Аграрная политика правительства и землевание башкирских общин во второй половине XVI — начале XX в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2002. С. 39.

⁴ Ибрагимов А. Башкиры и русско-башкирские школы // Иногородское обозрение. Кн. 9. 1914. С. 603. Необходимо повторить, что его имя Галимджан здесь передано как Алимджан.

⁵ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 493. Д. 1348. Л. 5.

⁶ Указный мулла — мулла, назначавшийся администрацией при участии Оренбургского матавтанского духовного собрания. Хотя этот термин не был предусмотрен в законе, но практически он употреблялся в вышеуказанном смысле. Согласно современному написанию — указной.

⁷ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 3298. Л. 1.

⁸ Jambery A. Constitutional Tartars. P. 908.

⁹ Залидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006. С. 39.

«Терджиман» появилась заметка под названием «Имамы на театре войны». В ней сообщалось о назначении нескольких имамов при штабах армий, воевавших против японцев, — Г. Сафарова, И. Султангалиева*, Г. Расюлева (Расулова)¹. Всего же в части, сражавшиеся с японцами, попало до 300 мулл², некоторые из них особенно отличились на полях сражений. Так, в июле 1905 г. мулла 3-й Маньчжурской армии, ахун башкирского аула Яничулово (Троицкий уезд Оренбургской губернии) Расюлев за «отличную усердную службу под огнем противника» был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, с мечами³. Несомненно, что для подъема морального духа солдат-мусульман (их там было 50–60 тыс., несколько тысяч из них погибло героями⁴) было важно не только присутствие мулл, объяснявших им, что они воюют не с братьями по вере, но и наличие офицеров-мусульман, среди которых особенно много было представителей литовских татар, некоторые из них занимали высокие командные должности — командир бригады, начштаба дивизии и т. д. К примеру, командиром 72-й пехотной дивизии в 1904–1905 гг. являлся генерал-лейтенант А. Д. Туган Мирза Барановский⁵. Из моряков-мусульман наиболее известным стал лейтенант И. Ислямов⁶, который служил старшим штурманом на броненосце «Севастополь», участвовавший в обороне Порт-Артура⁷. 5 июля 1904 г. он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, во второй половине 1904 г. его назначили флагманским штурманом — офицером штаба начальника эскадры Тихого океана. В ночь на 3 декабря 1904 г. при стоянке в бухте «Севастополь» подвергся атаке 9 японских миноносцев и, получив попадания трех торпед, во избежание гибели приткнулся к берегу, где лег на грунт. 20 декабря 1904 г. броненосец был взорван экипажем по приказу командования крепости Порт-Артур⁸. Всего же было награждено: офицеров-мусульман орденами — 194, нижних чинов Георгиевскими крестами и медалями — 2390⁹.

* У Загидуллина фамилия этого человека — Мултангалиев.

¹ Переводчик—Терджиман. 1905. 18 января.

² Новости и биржевая газета. 1905. 17 апреля.

³ Уфимские губернские ведомости. 1906. 5 января.

⁴ Переводчик—Терджиман. 1905. 15 апреля; Государственная дума. Третий созыв. Статистические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. С. 473. В 1904 г. перед войной в русской армии насчитывалось около 30 тыс. военнослужащих-мусульман (Арапов Д. Ю. Императорская Россия... С. 276).

⁵ Туган Мирза Барановский Александр Давыдович (1847–?) — дворянин, православный, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал-лейтенант (с 1904 г.), награжден несколькими орденами и золотым оружием. В 1906 г. вышел в отставку по состоянию здоровья (РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Д. 593. Л. 4, 5, 21, 23, 24, 26, 32).

⁶ Исхак Ислямов (1865–1923) — из казанских татар, родился в Кронштадте, окончил Морскую академию; во время русско-японской войны был контужен; участник первой мировой войны, генерал-майор флота.

⁷ Переводчик—Терджиман. 1905. 29 июля.

⁸ Ахметшин Ш. К., Насеров Ш. А. Татары на службе отечеству. Страницы истории Военно-морского флота России. СПб., 2005. С. 78–79.

⁹ Арапов Д. Ю. Императорская Россия... С. 439.

Поскольку в начале 1905 г. численность русских войск, воевавших против японцев, не превышала 300 тыс. человек, мусульмане-военнослужащие, преимущественно татары и башкиры, составляли, таким образом, 20% этого воинского контингента. Татарам и башкирам, попавшим в японский плен, уделялось особое внимание: им выделялись отдельные казармы, строились мечети, печатались мусульманские газеты и пр. М. Фейзуллин (служил в 25-м Восточно-Сибирском стрелковом полку, участвовавшем в обороне Порт-Артура, после капитуляции крепости в январе 1905 г. попал в плен и был отправлен в Японию) в своем письме в газету «Терджиман», отправленном из г. Осаки, писал, что мусульман отделили от других пленных и дали устроиться и жить согласно правилам шариата. «Теперь я и здесь занялся прежним своим трудом, основывая в январе 1905 года в своем бараче школу русской грамоты для обучения в ней соотечественников своих — магометан. Охотников оказалось очень много, до 60 мусульман-солдат. Вообще мусульман в плену около 1000 человек, из коих около 600 на одном со мной дворе, но в разных бараках. Среди них есть очень хорошо грамотные по-мусульмански, одного из коих мы избрали себе имамом для отправления пятикратного намаза и других наших треб. Пленные, почти все без исключения, занялись изучением своей родной грамоты, почему многие уже научились читать и писать... Все они, будучи заняты то чтением, то письмом, и вообще подтянувшись, сделались замечательно чистоплотными и бросили все свои дурные привычки. Безграмотные раньше солдаты приедут домой совершенно другими людьми. Скромная, трудолюбивая жизнь японцев произвела на всех нас очень хорошее впечатление, как наглядное назидание»¹.

В августе 1905 г. был подписан мирный договор между Россией и Японией, который свидетельствовал не только о крупной военной неудаче самодержавия. Поражение это, с мусульманской точки зрения, было, по свидетельству бухарского историка Сами, верным признаком успеха правоверных, поскольку сам микадо со всеми своими приближенными встал на путь истинной веры, якобы приняв ислам, за что Аллах и даровал им победу над русскими². Война сильно повлияла не только на психологию воевавших мусульман, но и на тех, кто оставался в глубоком тылу. Так, в конце апреля 1905 г. в казахском ауле Карабукат Иргизского уезда Тургайской области казахский просветитель А. Балгимбаев, заведующий двухклассным училищем, собрав молодых казахов, окончивших учебу, указал им на необходимость иметь оружие, чтобы быть готовыми, пока длится война с Японией, к восстанию³. Призывы к вооруженному сопротивлению русской власти не получили во время войны поддержки мусульман.

¹ Переводчик—Терджиман. 1905. 7 ноября.

² Мирза Абдалазим Сами. Указ. соч. С. 27.

³ АРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 3372. Л. 5.

Вовлеченность их в политику носила качественно иной характер сравнительно с другими народами империи. Способом разрешения своих проблем в условиях Российской империи они предпочли борьбу, направленную на то, чтобы преодолеть сложные внутренние расхождения и составить общий фронт из разрозненных организаций, обществ, отдельных активистов. Столкнувшись с охранкой, «мы, — вспоминал Исхаки, — создали хорошо конспирированную политическую организацию — «Хуррият» («Свобода»). Таким образом мы [...] начали и борьбу вне сфер нации, т. е. борьбу против русского деспотизма. Среди учащейся молодежи в городах и аулах Идель-Урала начали возникать [...] такие же тайные кружки. Идейно и организационно мы старались собирать их под руководство нашего центра»¹. Созданная в 1904 г. эта политическая партия имела программу, включала в себя много представителей татарской интеллигенции, издавала газету «Хуррият», принимала деятельное участие во всех областях тогдашней жизни татар².

Члены этой организации начали с распространения своих листовок и прокламаций с разъяснениями своих тактических задач и стратегических целей, пропагандируя следующие шесть программных лозунгов: 1. Приближаются дни освобождения национальных сил от деспотизма царской элиты и демократизации общественных отношений. 2. Предоставление национального равноправия всем нерусским народам и наша борьба за это являются необходимыми условиями этой демократизации. 3. Создание только выборного правительства путем тайной подачи голосов за кандидатов, выдвигаемых народными общинами, смогут обеспечить прочность этой демократизации. 4. Мы хотим гарантий по неприкосновенности нашего бытия: религиозной и культурной автономии с формированием органов собственного национального управления*. 5. Мы требовали от правительства тем татарам, которые были когда-то насильственно превращены в ортодоксов**, но тайно от властей продолжали исповедовать ислам, предоставили бы права или вернуться в ислам, или же перейти в христианство по их личному желанию без всяких каких-либо давлений. 6. Мы разъясняли, что демократизм означает гарантию свобо-

ды совести, свободу печати, свободу организаций политических и национальных корпораций.

Этой пропагандой через распространение листовок и прокламаций мы желали достигнуть следующей цели — возбуждение интереса во всех слоях нашего народа к вопросам национально-политического бытия, задушенных и парализованных повседневными мелкими бытовыми заботами [...]»¹. Вопреки этому достоверному факту, в современной татарстанской историографии, как отмечалось, делаются необоснованные рассуждения о том, что татарские массы требовали автономии еще до 1905 г. Предложенная хурриятистами программа, в сущности, означала стремление, с одной стороны, быть самим собой, сохранить свою самобытность, свою идентичность, с другой — добиться общедемократических прав и свобод, не прибегая к каким-либо радикальным средствам. Влияние хурриятистов достигало даже такого захолустья, каким, например, был уездный город Капал в Семиреченской области. В здешнем медресе учащимся нравилась песня «Хуррият»², исполнение которой вызвало протестные настроения среди местной молодежи.

В апреле 1904 г. группа мусульман провела в Казани нелегальное собрание, участники которого составили обращение, призывавшее европейские державы воздействовать на русское правительство, которое сильно ущемляло права мусульманского населения. Эта петиция была направлена в Европу³. Цель акции состояла в том, чтобы привлечь внимание европейских держав к положению мусульман в России с тем, чтобы они повлияли на царя. Никаких последствий на официальном уровне эта беспрецедентная акция мусульман в Европе, разумеется, не вызвала, но факт этот свидетельствует о тревоге мусульманской элиты, пытавшейся регулировать отношения с русской властью, прибегая к поддержке европейских. Тем не менее обращение мусульманских подданных к западной общественности вызвало обеспокоенность в Петербурге, что подтверждается тем, что произошло в Стамбуле весной–летом 1904 г.

В августе 1904 г. находившегося здесь А. Ибрагимова вызвали в канцелярию Российского генерального консульства, где был проведен обыск найденных при обыске в его доме 45 книг на русском и 13 книг на «иностранных» языках, в которых, как утверждалось, содержалась критика христианского вероучения, и под этим предлогом он был задержан. Еще

¹ Исхаки А. Указ. соч. Л. 8.

² Мухамед-Гаяз Исхаки... 2004. № 8. С. 22.

* Комментируя этот пункт, Исхаки, в частности, писал, что на территории Поволжья и Урала имелось тогда около 800 махалля (религиозных общин с мечетями). Каждая община состояла в среднем из 200–250 дворов (семейств), а на семью приходилось в среднем 6 человек (взрослых и детей). Чтобы получить разрешение на духовного руководителя общины (указного муллы), правительство требовало от претендента знания русского языка и политической благонадежности. Проведение экзамена на получение такого статуса производилось в ОМДС его главой (муфтием) и членами (кадиями), которые назначались МВД. Хурриятисты «требовали, чтобы русское правительство отняло свои руки от наших религиозных учреждений и общин, чтобы муфтий и кадии выбирались на съезде нашего духовенства!» (Исхаки А. Указ. соч. Л. 12а).

** От турецкого *ortodoks* — православный.

¹ Исхаки А. Указ. соч. Л. 12, 12а.

² Кармышева Г.Ш. кызы. К истории татарской интеллигенции (1890–1930-е годы). Методы / Пер. с татарского. М., 2004. С. 466. Эту песню называли турецкой «Марсельезой».

³ Петиция была написана по-турецки, и ее перевод на английский язык был сделан Vambery в упомянутой статье (Vambery [A]. The Awakening of the Tartars // The Nineteenth Century and After. 1905. February. № 336. P. 223–227). Перевод на русский язык см.: Vambery [A]. Пробуждение татар // Татарстан. 1996. № 11. С. 27–30. Французский оригинал был опубликован израильским исследователем Я.М. Ландау (Landau J.M. An Early Appeal by Russian Muslims for International Support // Journal of the Institute of Muslim Minorities Affairs. Vol. 11. № 2. July 1990. P. 234–242).

в конце апреля 1904 г. в посольство поступил донос одного татарского коммерсанта о том, что Ибрагимов, прибывший сюда 4–5 месяцев назад, возглавил созданный здесь кружок татар-эмигрантов, которые распространяют сведения о тех, как сказано в источнике, «стеснениях и жестоко-стях», которым подвергаются мусульмане в России со стороны русского правительства. Члены кружка, по преимуществу татары из г. Чистополя, задались целью добиться от него изменения отношения к подданным мусульманам. Свои требования мусульмане изложили в 33 пунктах, суть которых сводилась к тому, чтобы власть прекратила, по их выражению, «глумиться» над их верой, вернула им их права и свободу совести, не мешала исполнять «заповеди божественного закона». Это обращение было направлено в британское и германское посольства в Стамбуле. После допроса Ибрагимова русский консул в Константинополе П.Е. Панафидин выслал его в Россию на следующий день — 10 августа. Когда 12 августа он попал в Одессу, ни начальник губернского жандармского управления, ни прокурор окружного суда не нашли оснований для возбуждения против Ибрагимова какого-либо обвинения, и уже 20 августа он был на свободе¹.

Скорее всего, быстрому освобождению Ибрагимова и появлению в Петербурге содействовал известный своей гибкостью в сфере национальных отношений заместитель министра внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский, возглавивший в августе 1904 г. это ведомство. Понимая, что обращения мусульманских подданных к европейцам дискредитируют русскую власть, он, видимо, рассчитывал на большую популярность в мусульманской среде этого муллы, авторитет которого еще больше усилился в результате всех этих перипетий с возвращением в Россию, выглядевшим почти как экстрадиция государственного преступника. Дело в том, что, как писал русский дипломат В.А. Майков из Стамбула в Петербург еще в 1901 г., джадидское движение «заслуживает не только внимания, но и содействия со стороны правительства, так как этим путем русское мусульманство может быть отторгнуто от мусульманства старозаветного и от... влияния турецкого, так как европейское образование, получаемое нашими мусульманами, будет все более отрывать их от идеологии общемусульманства». Затем дипломат подчеркнул, что от действий правительства, конечно, зависит, «чтобы это новое направление в мусульманской нашей среде не приняло характера противогосударственного, причем никакого турецкого влияния оно не испытывает². То есть джадидское движение рассматривалось как альтернатива внутреннему консерватизму и одновременно внешнему панисламизму. С такой точки зрения Ибрагимов был очень подходящей фигурой для правительства. И видимо не случайно в самом начале 1905 г. он, весьма стесненный в средствах

¹ ГАРФ. Ф. ДПОО. 1898 г. Д. 11. Ч. 3. Л. 165–165 об., 166–167 об.; 1904 г. Д. 8. Л. 58–59 об.; 1905 г. Д. 10. Л. 183–183 об.; 1906 г. Д. 11. Л. 183–183 об.; 1907 г. Д. 12. Л. 183–183 об.; 1908 г. Д. 13. Л. 183–183 об.; 1909 г. Д. 14. Л. 183–183 об.; 1910 г. Д. 15. Л. 183–183 об.; 1911 г. Д. 16. Л. 183–183 об.; 1912 г. Д. 17. Л. 183–183 об.; 1913 г. Д. 18. Л. 183–183 об.; 1914 г. Д. 19. Л. 183–183 об.; 1915 г. Д. 20. Л. 183–183 об.; 1916 г. Д. 21. Л. 183–183 об.; 1917 г. Д. 22. Л. 183–183 об.; 1918 г. Д. 23. Л. 183–183 об.; 1919 г. Д. 24. Л. 183–183 об.; 1920 г. Д. 25. Л. 183–183 об.; 1921 г. Д. 26. Л. 183–183 об.; 1922 г. Д. 27. Л. 183–183 об.; 1923 г. Д. 28. Л. 183–183 об.; 1924 г. Д. 29. Л. 183–183 об.; 1925 г. Д. 30. Л. 183–183 об.; 1926 г. Д. 31. Л. 183–183 об.; 1927 г. Д. 32. Л. 183–183 об.; 1928 г. Д. 33. Л. 183–183 об.; 1929 г. Д. 34. Л. 183–183 об.; 1930 г. Д. 35. Л. 183–183 об.; 1931 г. Д. 36. Л. 183–183 об.; 1932 г. Д. 37. Л. 183–183 об.; 1933 г. Д. 38. Л. 183–183 об.; 1934 г. Д. 39. Л. 183–183 об.; 1935 г. Д. 40. Л. 183–183 об.; 1936 г. Д. 41. Л. 183–183 об.; 1937 г. Д. 42. Л. 183–183 об.; 1938 г. Д. 43. Л. 183–183 об.; 1939 г. Д. 44. Л. 183–183 об.; 1940 г. Д. 45. Л. 183–183 об.; 1941 г. Д. 46. Л. 183–183 об.; 1942 г. Д. 47. Л. 183–183 об.; 1943 г. Д. 48. Л. 183–183 об.; 1944 г. Д. 49. Л. 183–183 об.; 1945 г. Д. 50. Л. 183–183 об.; 1946 г. Д. 51. Л. 183–183 об.; 1947 г. Д. 52. Л. 183–183 об.; 1948 г. Д. 53. Л. 183–183 об.; 1949 г. Д. 54. Л. 183–183 об.; 1950 г. Д. 55. Л. 183–183 об.; 1951 г. Д. 56. Л. 183–183 об.; 1952 г. Д. 57. Л. 183–183 об.; 1953 г. Д. 58. Л. 183–183 об.; 1954 г. Д. 59. Л. 183–183 об.; 1955 г. Д. 60. Л. 183–183 об.; 1956 г. Д. 61. Л. 183–183 об.; 1957 г. Д. 62. Л. 183–183 об.; 1958 г. Д. 63. Л. 183–183 об.; 1959 г. Д. 64. Л. 183–183 об.; 1960 г. Д. 65. Л. 183–183 об.; 1961 г. Д. 66. Л. 183–183 об.; 1962 г. Д. 67. Л. 183–183 об.; 1963 г. Д. 68. Л. 183–183 об.; 1964 г. Д. 69. Л. 183–183 об.; 1965 г. Д. 70. Л. 183–183 об.; 1966 г. Д. 71. Л. 183–183 об.; 1967 г. Д. 72. Л. 183–183 об.; 1968 г. Д. 73. Л. 183–183 об.; 1969 г. Д. 74. Л. 183–183 об.; 1970 г. Д. 75. Л. 183–183 об.; 1971 г. Д. 76. Л. 183–183 об.; 1972 г. Д. 77. Л. 183–183 об.; 1973 г. Д. 78. Л. 183–183 об.; 1974 г. Д. 79. Л. 183–183 об.; 1975 г. Д. 80. Л. 183–183 об.; 1976 г. Д. 81. Л. 183–183 об.; 1977 г. Д. 82. Л. 183–183 об.; 1978 г. Д. 83. Л. 183–183 об.; 1979 г. Д. 84. Л. 183–183 об.; 1980 г. Д. 85. Л. 183–183 об.; 1981 г. Д. 86. Л. 183–183 об.; 1982 г. Д. 87. Л. 183–183 об.; 1983 г. Д. 88. Л. 183–183 об.; 1984 г. Д. 89. Л. 183–183 об.; 1985 г. Д. 90. Л. 183–183 об.; 1986 г. Д. 91. Л. 183–183 об.; 1987 г. Д. 92. Л. 183–183 об.; 1988 г. Д. 93. Л. 183–183 об.; 1989 г. Д. 94. Л. 183–183 об.; 1990 г. Д. 95. Л. 183–183 об.; 1991 г. Д. 96. Л. 183–183 об.; 1992 г. Д. 97. Л. 183–183 об.; 1993 г. Д. 98. Л. 183–183 об.; 1994 г. Д. 99. Л. 183–183 об.; 1995 г. Д. 100. Л. 183–183 об.; 1996 г. Д. 101. Л. 183–183 об.; 1997 г. Д. 102. Л. 183–183 об.; 1998 г. Д. 103. Л. 183–183 об.; 1999 г. Д. 104. Л. 183–183 об.; 2000 г. Д. 105. Л. 183–183 об.; 2001 г. Д. 106. Л. 183–183 об.; 2002 г. Д. 107. Л. 183–183 об.; 2003 г. Д. 108. Л. 183–183 об.; 2004 г. Д. 109. Л. 183–183 об.; 2005 г. Д. 110. Л. 183–183 об.; 2006 г. Д. 111. Л. 183–183 об.; 2007 г. Д. 112. Л. 183–183 об.; 2008 г. Д. 113. Л. 183–183 об.; 2009 г. Д. 114. Л. 183–183 об.; 2010 г. Д. 115. Л. 183–183 об.; 2011 г. Д. 116. Л. 183–183 об.; 2012 г. Д. 117. Л. 183–183 об.; 2013 г. Д. 118. Л. 183–183 об.; 2014 г. Д. 119. Л. 183–183 об.; 2015 г. Д. 120. Л. 183–183 об.; 2016 г. Д. 121. Л. 183–183 об.; 2017 г. Д. 122. Л. 183–183 об.; 2018 г. Д. 123. Л. 183–183 об.; 2019 г. Д. 124. Л. 183–183 об.; 2020 г. Д. 125. Л. 183–183 об.; 2021 г. Д. 126. Л. 183–183 об.; 2022 г. Д. 127. Л. 183–183 об.; 2023 г. Д. 128. Л. 183–183 об.; 2024 г. Д. 129. Л. 183–183 об.; 2025 г. Д. 130. Л. 183–183 об.; 2026 г. Д. 131. Л. 183–183 об.; 2027 г. Д. 132. Л. 183–183 об.; 2028 г. Д. 133. Л. 183–183 об.; 2029 г. Д. 134. Л. 183–183 об.; 2030 г. Д. 135. Л. 183–183 об.; 2031 г. Д. 136. Л. 183–183 об.; 2032 г. Д. 137. Л. 183–183 об.; 2033 г. Д. 138. Л. 183–183 об.; 2034 г. Д. 139. Л. 183–183 об.; 2035 г. Д. 140. Л. 183–183 об.; 2036 г. Д. 141. Л. 183–183 об.; 2037 г. Д. 142. Л. 183–183 об.; 2038 г. Д. 143. Л. 183–183 об.; 2039 г. Д. 144. Л. 183–183 об.; 2040 г. Д. 145. Л. 183–183 об.; 2041 г. Д. 146. Л. 183–183 об.; 2042 г. Д. 147. Л. 183–183 об.; 2043 г. Д. 148. Л. 183–183 об.; 2044 г. Д. 149. Л. 183–183 об.; 2045 г. Д. 150. Л. 183–183 об.; 2046 г. Д. 151. Л. 183–183 об.; 2047 г. Д. 152. Л. 183–183 об.; 2048 г. Д. 153. Л. 183–183 об.; 2049 г. Д. 154. Л. 183–183 об.; 2050 г. Д. 155. Л. 183–183 об.; 2051 г. Д. 156. Л. 183–183 об.; 2052 г. Д. 157. Л. 183–183 об.; 2053 г. Д. 158. Л. 183–183 об.; 2054 г. Д. 159. Л. 183–183 об.; 2055 г. Д. 160. Л. 183–183 об.; 2056 г. Д. 161. Л. 183–183 об.; 2057 г. Д. 162. Л. 183–183 об.; 2058 г. Д. 163. Л. 183–183 об.; 2059 г. Д. 164. Л. 183–183 об.; 2060 г. Д. 165. Л. 183–183 об.; 2061 г. Д. 166. Л. 183–183 об.; 2062 г. Д. 167. Л. 183–183 об.; 2063 г. Д. 168. Л. 183–183 об.; 2064 г. Д. 169. Л. 183–183 об.; 2065 г. Д. 170. Л. 183–183 об.; 2066 г. Д. 171. Л. 183–183 об.; 2067 г. Д. 172. Л. 183–183 об.; 2068 г. Д. 173. Л. 183–183 об.; 2069 г. Д. 174. Л. 183–183 об.; 2070 г. Д. 175. Л. 183–183 об.; 2071 г. Д. 176. Л. 183–183 об.; 2072 г. Д. 177. Л. 183–183 об.; 2073 г. Д. 178. Л. 183–183 об.; 2074 г. Д. 179. Л. 183–183 об.; 2075 г. Д. 180. Л. 183–183 об.; 2076 г. Д. 181. Л. 183–183 об.; 2077 г. Д. 182. Л. 183–183 об.; 2078 г. Д. 183. Л. 183–183 об.; 2079 г. Д. 184. Л. 183–183 об.; 2080 г. Д. 185. Л. 183–183 об.; 2081 г. Д. 186. Л. 183–183 об.; 2082 г. Д. 187. Л. 183–183 об.; 2083 г. Д. 188. Л. 183–183 об.; 2084 г. Д. 189. Л. 183–183 об.; 2085 г. Д. 190. Л. 183–183 об.; 2086 г. Д. 191. Л. 183–183 об.; 2087 г. Д. 192. Л. 183–183 об.; 2088 г. Д. 193. Л. 183–183 об.; 2089 г. Д. 194. Л. 183–183 об.; 2090 г. Д. 195. Л. 183–183 об.; 2091 г. Д. 196. Л. 183–183 об.; 2092 г. Д. 197. Л. 183–183 об.; 2093 г. Д. 198. Л. 183–183 об.; 2094 г. Д. 199. Л. 183–183 об.; 2095 г. Д. 200. Л. 183–183 об.; 2096 г. Д. 201. Л. 183–183 об.; 2097 г. Д. 202. Л. 183–183 об.; 2098 г. Д. 203. Л. 183–183 об.; 2099 г. Д. 204. Л. 183–183 об.; 2100 г. Д. 205. Л. 183–183 об.; 2101 г. Д. 206. Л. 183–183 об.; 2102 г. Д. 207. Л. 183–183 об.; 2103 г. Д. 208. Л. 183–183 об.; 2104 г. Д. 209. Л. 183–183 об.; 2105 г. Д. 210. Л. 183–183 об.; 2106 г. Д. 211. Л. 183–183 об.; 2107 г. Д. 212. Л. 183–183 об.; 2108 г. Д. 213. Л. 183–183 об.; 2109 г. Д. 214. Л. 183–183 об.; 2110 г. Д. 215. Л. 183–183 об.; 2111 г. Д. 216. Л. 183–183 об.; 2112 г. Д. 217. Л. 183–183 об.; 2113 г. Д. 218. Л. 183–183 об.; 2114 г. Д. 219. Л. 183–183 об.; 2115 г. Д. 220. Л. 183–183 об.; 2116 г. Д. 221. Л. 183–183 об.; 2117 г. Д. 222. Л. 183–183 об.; 2118 г. Д. 223. Л. 183–183 об.; 2119 г. Д. 224. Л. 183–183 об.; 2120 г. Д. 225. Л. 183–183 об.; 2121 г. Д. 226. Л. 183–183 об.; 2122 г. Д. 227. Л. 183–183 об.; 2123 г. Д. 228. Л. 183–183 об.; 2124 г. Д. 229. Л. 183–183 об.; 2125 г. Д. 230. Л. 183–183 об.; 2126 г. Д. 231. Л. 183–183 об.; 2127 г. Д. 232. Л. 183–183 об.; 2128 г. Д. 233. Л. 183–183 об.; 2129 г. Д. 234. Л. 183–183 об.; 2130 г. Д. 235. Л. 183–183 об.; 2131 г. Д. 236. Л. 183–183 об.; 2132 г. Д. 237. Л. 183–183 об.; 2133 г. Д. 238. Л. 183–183 об.; 2134 г. Д. 239. Л. 183–183 об.; 2135 г. Д. 240. Л. 183–183 об.; 2136 г. Д. 241. Л. 183–183 об.; 2137 г. Д. 242. Л. 183–183 об.; 2138 г. Д. 243. Л. 183–183 об.; 2139 г. Д. 244. Л. 183–183 об.; 2140 г. Д. 245. Л. 183–183 об.; 2141 г. Д. 246. Л. 183–183 об.; 2142 г. Д. 247. Л. 183–183 об.; 2143 г. Д. 248. Л. 183–183 об.; 2144 г. Д. 249. Л. 183–183 об.; 2145 г. Д. 250. Л. 183–183 об.; 2146 г. Д. 251. Л. 183–183 об.; 2147 г. Д. 252. Л. 183–183 об.; 2148 г. Д. 253. Л. 183–183 об.; 2149 г. Д. 254. Л. 183–183 об.; 2150 г. Д. 255. Л. 183–183 об.; 2151 г. Д. 256. Л. 183–183 об.; 2152 г. Д. 257. Л. 183–183 об.; 2153 г. Д. 258. Л. 183–183 об.; 2154 г. Д. 259. Л. 183–183 об.; 2155 г. Д. 260. Л. 183–183 об.; 2156 г. Д. 261. Л. 183–183 об.; 2157 г. Д. 262. Л. 183–183 об.; 2158 г. Д. 263. Л. 183–183 об.; 2159 г. Д. 264. Л. 183–183 об.; 2160 г. Д. 265. Л. 183–183 об.; 2161 г. Д. 266. Л. 183–183 об.; 2162 г. Д. 267. Л. 183–183 об.; 2163 г. Д. 268. Л. 183–183 об.; 2164 г. Д. 269. Л. 183–183 об.; 2165 г. Д. 270. Л. 183–183 об.; 2166 г. Д. 271. Л. 183–183 об.; 2167 г. Д. 272. Л. 183–183 об.; 2168 г. Д. 273. Л. 183–183 об.; 2169 г. Д. 274. Л. 183–183 об.; 2170 г. Д. 275. Л. 183–183 об.; 2171 г. Д. 276. Л. 183–183 об.; 2172 г. Д. 277. Л. 183–183 об.; 2173 г. Д. 278. Л. 183–183 об.; 2174 г. Д. 279. Л. 183–183 об.; 2175 г. Д. 280. Л. 183–183 об.; 2176 г. Д. 281. Л. 183–183 об.; 2177 г. Д. 282. Л. 183–183 об.; 2178 г. Д. 283. Л. 183–183 об.; 2179 г. Д. 284. Л. 183–183 об.; 2180 г. Д. 285. Л. 183–183 об.; 2181 г. Д. 286. Л. 183–183 об.; 2182 г. Д. 287. Л. 183–183 об.; 2183 г. Д. 288. Л. 183–183 об.; 2184 г. Д. 289. Л. 183–183 об.; 2185 г. Д. 290. Л. 183–183 об.; 2186 г. Д. 291. Л. 183–183 об.; 2187 г. Д. 292. Л. 183–183 об.; 2188 г. Д. 293. Л. 183–183 об.; 2189 г. Д. 294. Л. 183–183 об.; 2190 г. Д. 295. Л. 183–183 об.; 2191 г. Д. 296. Л. 183–183 об.; 2192 г. Д. 297. Л. 183–183 об.; 2193 г. Д. 298. Л. 183–183 об.; 2194 г. Д. 299. Л. 183–183 об.; 2195 г. Д. 300. Л. 183–183 об.; 2196 г. Д. 301. Л. 183–183 об.; 2197 г. Д. 302. Л. 183–183 об.; 2198 г. Д. 303. Л. 183–183 об.; 2199 г. Д. 304. Л. 183–183 об.; 2200 г. Д. 305. Л. 183–183 об.; 2201 г. Д. 306. Л. 183–183 об.; 2202 г. Д. 307. Л. 183–183 об.; 2203 г. Д. 308. Л. 183–183 об.; 2204 г. Д. 309. Л. 183–183 об.; 2205 г. Д. 310. Л. 183–183 об.; 2206 г. Д. 311. Л. 183–183 об.; 2207 г. Д. 312. Л. 183–183 об.; 2208 г. Д. 313. Л. 183–183 об.; 2209 г. Д. 314. Л. 183–183 об.; 2210 г. Д. 315. Л. 183–183 об.; 2211 г. Д. 316. Л. 183–183 об.; 2212 г. Д. 317. Л. 183–183 об.; 2213 г. Д. 318. Л. 183–183 об.; 2214 г. Д. 319. Л. 183–183 об.; 2215 г. Д. 320. Л. 183–183 об.; 2216 г. Д. 321. Л. 183–183 об.; 2217 г. Д. 322. Л. 183–183 об.; 2218 г. Д. 323. Л. 183–183 об.; 2219 г. Д. 324. Л. 183–183 об.; 2220 г. Д. 325. Л. 183–183 об.; 2221 г. Д. 326. Л. 183–183 об.; 2222 г. Д. 327. Л. 183–183 об.; 2223 г. Д. 328. Л. 183–183 об.; 2224 г. Д. 329. Л. 183–183 об.; 2225 г. Д. 330. Л. 183–183 об.; 2226 г. Д. 331. Л. 183–183 об.; 2227 г. Д. 332. Л. 183–183 об.; 2228 г. Д. 333. Л. 183–183 об.; 2229 г. Д. 334. Л. 183–183 об.; 2230 г. Д. 335. Л. 183–183 об.; 2231 г. Д. 336. Л. 183–183 об.; 2232 г. Д. 337. Л. 183–183 об.; 2233 г. Д. 338. Л. 183–183 об.; 2234 г. Д. 339. Л. 183–183 об.; 2235 г. Д. 340. Л. 183–183 об.; 2236 г. Д. 341. Л. 183–183 об.; 2237 г. Д. 342. Л. 183–183 об.; 2238 г. Д. 343. Л. 183–183 об.; 2239 г. Д. 344. Л. 183–183 об.; 2240 г. Д. 345. Л. 183–183 об.; 2241 г. Д. 346. Л. 183–183 об.; 2242 г. Д. 347. Л. 183–183 об.; 2243 г. Д. 348. Л. 183–183 об.; 2244 г. Д. 349. Л. 183–183 об.; 2245 г. Д. 350. Л. 183–183 об.; 2246 г. Д. 351. Л. 183–183 об.; 2247 г. Д. 352. Л. 183–183 об.; 2248 г. Д. 353. Л. 183–183 об.; 2249 г. Д. 354. Л. 183–183 об.; 2250 г. Д. 355. Л. 183–183 об.; 2251 г. Д. 356. Л. 183–183 об.; 2252 г. Д. 357. Л. 183–183 об.; 2253 г. Д. 358. Л. 183–183 об.; 2254 г. Д. 359. Л. 183–183 об.; 2255 г. Д. 360. Л. 183–183 об.; 2256 г. Д. 361. Л. 183–183 об.; 2257 г. Д. 362. Л. 183–183 об.; 2258 г. Д. 363. Л. 183–183 об.; 2259 г. Д. 364. Л. 183–183 об.; 2260 г. Д. 365. Л. 183–183 об.; 2261 г. Д. 366. Л. 183–183 об.; 2262 г. Д. 367. Л. 183–183 об.; 2263 г. Д. 368. Л. 183–183 об.; 2264 г. Д. 369. Л. 183–183 об.; 2265 г. Д. 370. Л. 183–183 об.; 2266 г. Д. 371. Л. 183–183 об.; 2267 г. Д. 372. Л. 183–183 об.; 2268 г. Д. 373. Л. 183–183 об.; 2269 г. Д. 374. Л. 183–183 об.; 2270 г. Д. 375. Л. 183–183 об.; 2271 г. Д. 376. Л. 183–183 об.; 2272 г. Д. 377. Л. 183–183 об.; 2273 г. Д. 378. Л. 183–183 об.; 2274 г. Д. 379. Л. 183–183 об.; 2275 г. Д. 380. Л. 183–183 об.; 2276 г. Д. 381. Л. 183–183 об.; 2277 г. Д. 382. Л. 183–183 об.; 2278 г. Д. 383. Л. 183–183 об.; 2279 г. Д. 384. Л. 183–183 об.; 2280 г. Д. 385. Л. 183–183 об.; 2281 г. Д. 386. Л. 183–183 об.; 2282 г. Д. 387. Л. 183–183 об.; 2283 г. Д. 388. Л. 183–183 об.; 2284 г. Д. 389. Л. 183–183 об.; 2285 г. Д. 390. Л. 183–183 об.; 2286 г. Д. 391. Л. 183–183 об.; 2287 г. Д. 392. Л. 183–183 об.; 2288 г. Д. 393. Л. 183–183 об.; 2289 г. Д. 394. Л. 183–183 об.; 2290 г. Д. 395. Л. 183–183 об.; 2291 г. Д. 396. Л. 183–183 об.; 2292 г. Д. 397. Л. 183–183 об.; 2293 г. Д. 398. Л. 183–183 об.; 2294 г. Д. 399. Л. 183–183 об.; 2295 г. Д. 400. Л. 183–183 об.; 2296 г. Д. 401. Л. 183–183 об.; 2297 г. Д. 402. Л. 183–183 об.; 2298 г. Д. 403. Л. 183–183 об.; 2299 г. Д. 404. Л. 183–183 об.; 2300 г. Д. 405. Л. 183–183 об.; 2301 г. Д. 406. Л. 183–183 об.; 2302 г. Д. 407. Л. 183–183 об.; 2303 г. Д. 408. Л. 183–183 об.; 2304 г. Д. 409. Л. 183–183 об.; 2305 г. Д. 410. Л. 183–183 об.; 2306 г. Д. 411. Л. 183–183 об.; 2307 г. Д. 412. Л. 183–183 об.; 2308 г. Д. 413. Л. 183–183 об.; 2309 г. Д. 414. Л. 183–183 об.; 2310 г. Д. 415. Л. 183–183 об.; 2311 г. Д. 416. Л. 183–183 об.; 2312 г. Д. 417. Л. 183–183 об.; 2313 г. Д. 418. Л. 183–183 об.; 2314 г. Д. 419. Л. 183–183 об.; 2315 г. Д. 420. Л. 183–183 об.; 2316 г. Д. 421. Л. 183–183 об.; 2317 г. Д. 422. Л. 183–183 об.; 2318 г. Д. 423. Л. 183–183 об.; 2319 г. Д. 424. Л. 183–183 об.; 2320 г. Д. 425. Л. 183–183 об.; 2321 г. Д. 426. Л. 183–183 об.; 2322 г. Д. 427. Л. 183–183 об.; 2323 г. Д. 428. Л. 183–183 об.; 2324 г. Д. 429. Л. 183–183 об.; 2325 г. Д. 430. Л. 183–183 об.; 2326 г. Д. 431. Л. 183–183 об.; 2327 г. Д. 432. Л. 183–183 об.; 2328 г. Д. 433. Л. 183–183 об.; 2329 г. Д. 434. Л. 183–183 об.; 2330 г. Д. 435. Л. 183–183 об.; 2331 г. Д. 436. Л. 183–183 об.; 2332 г. Д. 437. Л. 183–183 об.; 2333 г. Д. 438. Л. 183–183 об.; 2334 г. Д. 439. Л. 183–183 об.; 2335 г. Д. 440. Л. 183–183 об.; 2336 г. Д. 441. Л. 183–183 об.; 2337 г. Д. 442. Л. 183–183 об.; 2338 г. Д. 443. Л. 183–183 об.; 2339 г. Д. 444. Л. 183–183 об.; 2340 г. Д. 445. Л. 183–183 об.; 2341 г. Д. 446. Л. 183–183 об.; 2342 г. Д. 447. Л. 183–183 об.; 2343 г. Д. 448. Л. 183–183 об.; 2344 г. Д. 449. Л. 183–183 об.; 2345 г. Д. 450. Л. 183–183 об.; 2346 г. Д.

вить устремления трудящихся в русло «законной» борьбы. Мусульманская организация, по такой же схеме, поведет за собой оппозицию в нужном для правительства русле. Мусульманское движение осенью 1904 г. получило, в сущности, поддержку как на правительственном уровне, так и в либеральном лагере.

Вскоре Ибрагимов, не менее харизматическая личность, чем священник Гапон, предпринял длительную поездку по стране, в ходе которой встречался с видными представителями мусульманской общественности, чутко улавливая ее умонастроения и вовлекая региональных лидеров в общее движение⁷. Сначала Ибрагимов отправился в Казань, где встретился с молодыми татарскими литераторами, обсуждая тот же вопрос о всеобщем движении мусульман страны, затем прибыл в Вятку, чтобы поговорить с местными лидерами. К примеру, в д. Иж-Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии он встретился с знаменитыми в мусульманской среде братьями: педагогом Губ. и богословом Габ. Буби (Бобинскими). Отсюда он отправился в Троицк (Оренбургская губ.), где говорил с лидерами местных мусульман. Повсюду он заметил, как позднее писал Бигиев, «жизненность, готовность ко всякого рода движению ради пользы исламу». Затем Ибрагимов поехал в Уфу. В конце концов возник замысел устроить собрание во время ярмарки в Мензелинске (Уфимская губ.). Чтобы распространить эту идею, Ибрагимов в ноябре 1904 г. написал подробные письма группе активистов, после чего сам отправился в Сибирь. В Петропавловске он устроил несколько встреч с местными общественными деятелями⁸. Мусульмане организовывали собрания своих представителей, чтобы выработать политическую платформу, приемлемую для различных социальных групп и регионов.

Затем началась относительно систематическая и регулярная агитация, чтобы расширить ряды своих сторонников. Мусульманских либералов настораживало то, что среди молодежи стали действовать профессиональные революционеры, вербуя своих приверженцев. В октябре 1904 г. при Бакинском комитете РСДРП возникла первая в Закавказье Мусульманская социал-демократическая организация «Гуммет» («Энергия») в качестве филиала для работы с мусульманскими массами, не имевшая самостоятельного статуса, как считалось в советской историографии. Иного мнения придерживаются зарубежные специалисты, считая «Гуммет» своеобразным феноменом в российской социал-демократии, со-

⁷ Активность Ибрагимова привела к тому, что о нем стали писать, что в сентябре 1904 г. он стал основателем политического движения всех мусульман России (*Хабутдинов А. Татарский социализм. Рождение массового национального движения* // Казань. 1999. № 1–2. С. 49), основной объединяющей фигурой всероссийского мусульманского политического движения в 1904–1906 гг. (*Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Общественное движение мусульман-татар: итоги и перспективы. Нижний Новгород, 2005. С. 87*), — все эти оценки сильно преувеличивают его роль.

⁸ ГАРФ. Ф. 9599. Оп. 1. Д. 10. Л. 29 об.

имевшим в себе марксизм с тюркским национализмом и панисламизмом и существующим независимо от РСДРП. По мнению И.С. Багировой, обе эти точки зрения излишне категоричны и не отражают довольно неоднозначную роль первой в мусульманском мире социал-демократической организации в политической жизни азербайджанского общества начала XX в., гумметисты почти не имели никаких контактов с бакинскими социал-демократами, не вели никакой революционной деятельности¹. Недавно была высказана точка зрения, что несмотря на то, что в состав бакинского комитета РСДРП входили руководители «Гуммет», сама эта организация фактически не принадлежала социал-демократам. Гумметисты изменили программу большевиков в своих целях, они отказались от антирелигиозной пропаганды и при обращении к мусульманским рабочим пользовались исламской риторикой. То, что звучало в речах этих ораторов, по содержанию практически не отличалось от выступлений мусульманских либералов². Сначала свои прокламации гумметисты издавали от имени Бакинского мусульманского социалистического комитета³. Показательно, что одна из первых статей Расул-заде, который являлся одним из организаторов «Гуммет», на страницах газеты «Гуммет» была озаглавлена изречением Али ибн Аби Талиба, двоюродного брата пророка Мухаммеда, четвертого и последнего из праведных халифов, который для азербайджанцев-шиитов является прямым наследником его власти: «Объединенные усилия мужей сдвигают горы». Эти строки стали девизом «Гуммет». В статье Расул-заде выражал недовольство тем, что среди мусульман образуются различные группировки, которые по-разному видят пути к достижению прогресса народа, и призывал всех их объединиться под общим знаменем ислама, которое, с его точки зрения, не противоречит ни идеям социализма, ни демократии⁴.

Политическое пробуждение мусульман коснулось и учащихся некоторых медресе. В Казани в конце 1904 г. в стенах знаменитого в мусульманском мире медресе «Мухаммадия» (официально — Галеевское — по имени его основателя Г. Галеева (позднее известного как Баруди) училище, а по сути, университет) его студентами (шакирдами), которых ежегодно обучалось до 300–400, была создана нелегальная организация «Нелах» («Реформа»), выступившая за преобразование системы обучения в медресе, за демократизацию школьного образования. Активность А. Ибрагимова, разъезжавшего по стране, характерным образом отзываясь и на молодежь, обучавшейся в медресе. Один из тех, кто учился в «Мухаммадия», Г. Ибрагимов, вспоминал, что в самом начале революции этот бывший кадий (или кади, т. е. судья из муфтията), «беспринципный старик», по его ироничной оценке, предстал перед татарскими шакирда-

¹ Багирова И.С. Указ. соч. С. 30, 31.

² Баировски Й. Указ. соч. С. 340.

³ Право. 1906. 5 марта.

⁴ Багирова И.С. Указ. соч. С. 37.

ми как смелый революционер¹ во время его посещения Казани. Другой представитель татарской молодежи, Исхаки, так вспоминал начало политической деятельности прибывшего из Петербурга бухарца: «... появился еще один, не особенно выдержанный тип: теолог Рашид-кади...»² Первому очевидцу-однофамильцу запомнился конформизм бывшего неблагонадежного муллы, выступившего перед казанской молодежью в образе борца с теми или иными пороками в управлении мусульманской жизнью, другому современнику — его довольно резкий нрав в отношении своих оппонентов из мусульманской же среды.

По словам Усмановой, по мере того как радикальные политические лозунги охватывали все более широкие слои населения, происходила трансформация ислахистского движения в политизированное революционно-демократическое движение³. Никаких доказательств проникновения в «широкие массы» социалистических идей при этом не приводится, как будто речь идет о самоочевидном явлении. Чуть ниже на этой же странице она пишет, что деятельность татарских эсеров была непродолжительной, а влияние на татарскую общественность оставалось, с чем нельзя не согласиться, ограниченным. Это — одно из бросающихся в глаза противоречий данной работы, когда ее автор делает либо обобщение исторических фактов, либо проводит теоретическое осмысление изложенного материала, либо проводит сравнительный анализ. Так, она пишет, что более значительным, чем среди татарского населения, было влияние социалистических идей на мусульманское население Кавказа. Прежде всего, среди мусульманского населения Закавказья довольно широкое распространение получила партия «Гуммет»⁴, которая, как отмечалось, была популярна среди азербайджанцев-шиитов совсем по иной причине — прежде всего из-за обращения к авторитету основателя шиизма, что еще раз свидетельствует о приоритетности религиозного фактора над идеологическим в мусульманской среде. Именно это имел в виду Топчибашев, когда писал, что азербайджанцы — народ «далекий от крайних социалистических тенденций». На его взгляд, налицо было большое «несоответствие мировоззрения, социального и политического», между ними и русскими⁵.

Размаху массового мусульманского движения фактически способствовал указ от 12 декабря 1904 г., который, в частности, поставил цель пересмотреть «узаконения о правах... лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям», и независимо от этого принять «меры к устраниению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного стеснения»⁶. Хотя указ только в общих чертах указывал направления в на-

циональном и вероисповедном вопросах, но он сильно обнадежил мусульманское население. Мусульмане достаточно хорошо понимают значение данного указа¹, отмечал «Терджиман», основываясь на большом потоке писем от своих читателей, поступавших со всех концов империи. В частности, на состоявшемся 28 января 1905 г. сходе в д. Тойгузино Елабужского уезда Вятской губернии, в котором приняли участие 138 человек, более 2/3 жителей этого татарского аула, было решено обратиться к царю с прошением. В источнике сказано, что местные мусульмане с радостью восприняли этот указ и решили обратить внимание на наиболее важные для них нужды: освобождение мулл от воинской повинности, «как не соответствующей их положению в обществе», передачу избрания муфтия мусульманским духовным лицам, предоставление им права решать брачные вопросы, не подчиняя их общим гражданским вопросам, и др.²

Такие цели мусульманского населения не устраивали различных партийцев, стремящихся вовлечь мусульман в борьбу с властью. Как верно отмечает германский исследователь Й. Баберовски, мусульманские рабочие в Закавказье обычно отказывались принимать участие в каких бы то ни было акциях борьбы за свои права; порой они проявляли крайнюю враждебность к зачинщикам забастовок или помогали казакам в усмирении бунтов³. Первый же факт массового выступления мусульман был связан с начавшейся 13 декабря 1904 г. всеобщей стачкой бакинских рабочих, в том числе нефтяников (среди которых азербайджанцев, казанских татар и персов было свыше 40%), организованной под руководством социал-демократов. Властям пришлось пойти на уступки: заключить первый в истории рабочего движения России договор между пролетариями и предпринимателями, ввести 9-часовой рабочий день и почти на 20% повысить зарплату⁴. В выпущенной в первый же день стачки листовке «Гуммет» рабочим азербайджанцам доходчиво объяснялось, кто такие социал-демократы и за что они борются⁵, что ясно показывает, кто поднял мусульманских рабочих на борьбу, кто именно хотел радикализовать требования мусульманского населения в целом. Но у этих пролетариев оказались весьма существенные особенности: среди выдвинутых требований, в частности, было указано, что в пятницу — священный для мусульман день — работа для них не должна продолжаться свыше двух часов дня⁶. Мусульмане, вовлекаясь в политику, испытывали сильное влияние установок своей религии.

Таким образом, мусульманское население Российской империи в конце XIX в. столкнулось с очередной авантюрной попыткой со стороны

¹ Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 190, 211.

² Исхаки А. Указ. соч. Л. 16.

³ Усманова Д. М. Мусульманские представители... С. 126.

⁴ Там же. С. 126–127.

⁵ Топчибашев А. А. Дипломатические беседы в Стамбуле (1918–1919 гг.). Баку, 1994. С. 95, 96.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. 24. 1904. СПб., 1907. С. 119.

¹ Переводчик — Терджиман. 1905. 15 апреля.

² АРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 880. Л. 2 об., 4.

³ Баберовски Й. Указ. соч. С. 337.

⁴ Подробнее см.: Бакинская стачка 1904 года. Сб. документов. М., 1940.

⁵ Назирова И. С. Указ. соч. С. 33.

⁶ Бакинская стачка в декабре 1904 г. Женева, б. г. С. 19.

власти стереть его этноконфессиональную идентичность, мусульмане были брошены в глубокий психологический кризис, а муфтиятские «иерархии» не могли существенным образом скорректировать правительственную политику. В результате протестное движение отдельных лиц и различных групп, подпольные издания и кружки, публикации за границей, критикующие пороки царской бюрократии, — все эти явления все чаще встречались в жизни мусульманских народов к началу XX в. Перед народами и их элитами встала проблема, какой выбрать главный способ разрешения своих проблем?

В самом начале XX в. стало зарождаться общемусульманское движение. Его генезис протекал на фоне самых разных течений — от джадидского до рабочего, от социалистического до либерального. Роль основателей общедвижения, прежде всего И. Гаспринского и А. Ибрагимова, состояла в том, чтобы объединить элиты, представляющие интересы различных региональных общин, в которых происходила незатухающая внутренняя борьба. Это удалось, и в результате в Бахчисарае в мае 1903 г. стала создаваться прочная опора для формирования общеимперской организации, тем самым подготовливались условия для политического участия мусульман в жизни российского общества в последующие годы, совпавшие с мощным революционным взрывом, потрясшим все государство.

ГЛАВА 3

НАРАСТАНИЕ ОБЩЕМУСУЛЬМАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

§ 1. Начало революции и отношение к ней мусульман

Политическая мобилизация мусульман в Российской империи не происходила в вакууме. Трагические события «кровавого воскресенья», 9 января 1905 г., в Петербурге воспринимались в мусульманской среде обычно как антиправительственная акция. Так, популярный татарский писатель Мухаммадов, который встретил начало революции в Оренбурге, в письме своему другу отмечал: «9 января в Петербурге произошел очень большой бунт». Бухарский историк Сами в своей рукописи также писал о «внутреннем враге, поднявшем мятеж в дни победы Японии...»², имея в виду капитуляцию Порт-Артурской крепости в начале января 1905 г. Расстрел мирного шествия народных масс в Петербурге не мог оставить равнодушными мусульманских политиков. «Мы, мусульмане в России, являемся, собственно говоря, мертвым балластом. Мы, — отмечал в середине января 1905 г. Агаев, — не живем, а прозябаем. Жить — это значит мыслить и действовать. Где наша мысль, где наши действия?»³ Наиболее активные мусульмане-интеллектуалы задавались, иначе говоря, вопросом: способны ли были мусульмане хотя бы немного влиять на политику правительства?

В это время Ибрагимов направился из столицы вновь в Казань. Здесь 23 января на собрании мусульманских общественных деятелей под его председательством было решено начать петиционную кампанию, целью которой было выяснение нужд мусульман и избрание депутатов для поездки в Петербург. 29 января в Казани состоялось второе собрание, в котором участвовало более 200 человек*. Оно приняло развернутую петицию: в частности, были выставлены требования об отмене законов,

* Цит. по: Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. 2-е изд., Казань, 1983. С. 193.

* Цит. по: Раджабов З. Туркестан на страницах большевистских газет периода первой русской революции (1905–1907 гг.). Душанбе, 1970. С. 86.

* Каспий. 1905. 18 января.

* В коллективной работе нижегородских исламоведов указана иная цифра — 2000 (Идриш У.Ю., Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Совет улемов. Нижний Новгород, 2005, с. 12), которая является ошибочной.

ограничивающих возможности участия татар при назначении на службы в государственные учреждения, в выборе различных свободных профессий (адвокатура, издательское, врачебное дело и др.). Содержались и пункты об отмене запрета татарам жить в местностях, населенных казахами, приобретать недвижимость в Туркестанском крае и других местах, торговать книгами на татарском языке и т. д.¹ Вот как вспоминал о подготовке и выработке этой петиции Исхаки: «Темы, затронутые в наших прокламациях, становились предметами горячих дискуссий [...] Ясно, что капитулянты перед русским шовинизмом и религиозные фанатики ругали нас: "Бунтари!"... Нарушители общественного покоя... старались оправдывать свой консерватизм формулой: "Против пушек — трудно идти!"...» Но те, кто уже получил «светское образование и привыкли читать романы, рассказы и посещали театры (хотя бы пока русские!), очень горячо и с жизненными примерами защищали наши лозунги... разъясняли конкретное их существо! И вот, эта активизация политической и национальной зрелости стали вызывать к деятельности и людей с пассивным характером [...] Сторонники религиозной замкнутости и общественного покоя по инициативе Ахмаджана Сайдашева обратились к губернатору Казанской губернии с просьбой — дать разрешение на проведение собрания по выбору делегатов в Петербург... Получив таковое, это собрание общественных деятелей татарских общин города Казани проводилось в доме этого А. Сайдашева... Я с группой своих друзей тоже присутствовал на этом довольно-таки многолюдном собрании. Из взаимоотношений Сайдашева со своими сторонниками явствовало, что хозяину собрания хочется попасть в Петербург в качестве главы миссии от казанских татар! Они читали собранию текст своей петиции русскому правительству... собственно говоря, в петиции не было никаких требований... Длинный текст состоял из отвлеченных формул "верноподданничества" и "общественного покоя"... Члены "Хуррията" стали излагать нашу программу в духе вышеперечисленных шести наших лозунгов, и мы настаивали составить петицию с определенными требованиями к правительству...» Главой посылаемой миссии хурриятисты предложили С.-Г. Алкина*. «Ясно, что на собрании вспыхнула горячая и весьма шумливая дискуссия носителей двух различных умозрений. Мы приобрели солидное количество сторонников нашей программы национал-радикализма». Собрание затянулось и приняло решение продолжать свою работу в один из ближайших дней в доме А. Хусаинова**. «На втором собрании мы добились утверждения программы более революционных действий»².

¹ Хасанов Х.Х. Указ. соч. С. 81.

* Саид-Гирей Алкин (1867–1919) — потомственный дворянин, присяжный поверенный, издатель, депутат I Государственной думы.

** Ахмад Хусаинов (1837–1906) — оренбургский купец, общественный деятель.

² Исхаки А. Указ. соч. Л. 13.

Тогда же была избрана комиссия в составе: потомственный почетный гражданин Ю. Акчурин, присяжный поверенный С.-Г. Алкин, указный мулла Г. Апанаев, купец А. Сайдашев. Она составила текст докладной записки на 12 страницах, которую в конце января отправили председателю Комитета министров С.Ю. Витте, а сами уполномоченные от Казанского мусульманского общества отправились в столицу неделей позже¹. Депутация казанских татар была принята сначала премьер-министром, а затем директором Публичной библиотеки, член-корреспондентом Российской академии наук Д.Ф. Кобеко, который возглавил образованное 21 января 1905 г. Особое совещание для пересмотра действовавших постановлений о печати и цензуре и для составления нового устава о печати. Делегаты ходатайствовали о передаче заведования духовными делами мусульманской общины в ОМДС, муллах, мектебах, медресе, вакуфах, татарских газетах и др.² Местные лидеры стали организовывать коллективные действия типа депутатий, чтобы таким путем обеспечить свой доступ к принятию политических решений.

Совсем иначе развивалась ситуация в Закавказье, где с самого начала революции она неожиданно обернулась для мусульман большими осложнениями в отношениях с армянами. Еще в 1903 г. в Баку стали появляться прокламации с призывами к мусульманам принять участие в революционном движении. В мае 1903 г., изучив листовку под названием «Братья-мусульмане», начальник Бакинского губернского жандармского управления докладывал в Петербург, что она, судя по оборотам речи, написана сначала по-армянски, а затем переведена на азербайджанский язык. Согласно данным местной охранки, революционной пропагандой занималось главным образом армянское население, а азербайджанцы были ей «совершенно чужды». Чтобы спровоцировать их на антиправительственные акции, дашнаки в 1904 г. попытались использовать в своих целях мусульманские праздники. По данным полиции, 15 марта 1904 г., когда азербайджанцы собирались отметить свой религиозный праздник в Баку, армяне здесь планировали бросить бомбу в толпу азербайджанцев и распустить слух о том, что эта акция подстроена охранкой. Представители власти предупредили об этом замысле местных мусульманских лидеров. В результате 13 марта в городе появилось воззвание к армянам от имени некоего Мусульманского общества³. Схожая прокламация на русском и азербайджанском языках распространялась здесь же в апреле 1904 г. В ней от имени данного общества было сказано, что мусульмане не желают принимать участия ни в каких антиправительственных демонстрациях, а если их к тому спровоцируют армяне, то они открыто станут

¹ Мухамметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов; Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ 70-е гг. XIX в. — 90-е гг. XX в.). Казань, 1996. С. 74.

² Переводчик — Терджиман. 1905. 11 марта, 5 апреля; Каспий. 1905. 11 марта.

³ ГАРФ. Ф. ДПОО. 1898 г. Д. 5. Ч. 63. Чт. 5. Л. 16 б.; 1904 г. Д. 9. Ч. 34. Л. 10–10 об., 11 а.

на сторону власти. Мусульмане подчеркнули, что они, не имея оснований быть недовольными властью, ни в какой антиправительственной смуте участвовать не будут. В случае же, если армяне позволят себе какие-либо посягательства на мусульман, они пригрозили степь* превратить в кладбище армянских тел¹.

Предвестниками надвигавшейся трагедии стали убийство дашнаками 2 февраля 1905 г. азербайджанца по имени Агарза, а чуть позже убийство конвойными солдатами-армянами арестанта-азербайджанца. До открытых межэтнических столкновений тогда все же не дошло, но мусульманская общественность не зря была встревожена. Действительно, ситуация вскоре резко изменилась. Когда 6 февраля, в воскресный день, азербайджанец по имени А.-Р. Бабаев, рабочий-нефтяник, вместе со своим дядей шел мимо армянской церкви в самом центре Баку, возле которой находилась толпа армян, то раздался выстрел, и они моментально бросились на Бабаева, обвиняя его в этом. Тот достал свой револьвер и, показав его толпе, ответил, что стрелял не он и что все патроны его револьвера на месте (как было установлено следствием позднее, это было правдой). Подоспевшие городовые забрали револьвер, посадили Бабаева на фаэтон, чтобы отвезти в участок, однако из толпы стали стрелять по фаэтону, и городовые и родственник Бабаева побежали, сам же Бабаев был убит двумя пулями. Но толпа не успокоилась на этом, а стащила тело с фаэтона, нанесла еще несколько ударов ножом, и затем потащила умершего по улице, глумясь над ним. Как только об этом стало известно многочисленным родственникам погибшего, они поднялись против армян. Вечером этого «кровавого воскресенья» на улицах Баку началась резня, повергнувшая горожан в состояние панического ужаса. Насилия, убийства и грабежи продолжались в городе и его окрестностях пять дней, с 6 по 10 февраля. Город был залит кровью, улицы запружены трупами².

То, что произошло в Баку в первой половине февраля 1905 г., показало непрочность армяно-азербайджанских отношений, несмотря на, казалось, длительную практику межэтнических отношений между этими народами. Эти эксцессы свидетельствуют о том, что в местном обществе происходили резкие сдвиги от рационального к эмоциональному и стихийному. Однако обращает внимание то, что начало конфликта было явной провокацией, организованной на знании этнокультурных установок,

* В «мусульманской низине» Елизаветпольской губернии азербайджанцы составляли около 2/3 населения.

¹ Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1905 году, по высочайшему повелению, сенатором Кузьминским ревизии города Баку и Бакинской губернии. Б.м., б.г. С. 6–7; Право. 1906. 5 марта.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 22 апреля; Революция 1905 года в Закавказье... С. 13, 14; Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало первой русской революции. Январь–март 1905 года. М., 1955. С. 712; Azerbaijan tarixi. S. 188; Smith J. The First Oil Bloom: Baku in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // The Dynamics of Energy in the Eurasian Context. Helsinki, 2007. P. 74

поведенческих стереотипов азербайджанского населения. Дело в том, что в конце января 1905 г., согласно мусульманскому календарю, начался месяц зу-л-хиджа, во время которого мусульмане совершали хадж в Мекку. На десятый день этого месяца, то есть 31 января³, в Азербайджане начался главный мусульманский праздник — Ид аль-идха (Курбанбайрам у тюркских народов), во время которого в течение трех дней азербайджанцам, как остальным правоверным, положено было совершать жертвоприношение животных. Кроме того, 5 февраля азербайджанцы-шииты праздновали еще один религиозный праздник¹. На таком фоне то, что произошло 2, а затем 6 февраля, не могло быть случайным, поскольку зачинщики конфликта не могли не представлять, какую бурю возмущения у мусульман всей страны вызовет подобный акт насилия. Понятно, что ответная реакция азербайджанцев-шиитов, у которых на 8 февраля пришелся еще один их важный религиозный праздник, была не просто мстью, а приобретала в такой атмосфере сакральный характер. Данная подоплека событий не могла быть секретом для ученых, но до сих пор эта сермяжная правда о бакинском «кровавом воскресеньи» обходится стороной².

В научной и мемуарной литературе по-прежнему превалирует устаревшая точка зрения, что данный конфликт был выгоден властям, поскольку отвлекал людей от революции. К примеру, бакинский кадет Б.Л. Байков, который был свидетелем этих столкновений, спустя годы вспоминал: «Могу сказать с полной уверенностью, что они были инспирированы русской правительственной властью, воспользовавшейся существовавшим втайне антагонизмом этих двух народностей, хотя и не проявлявшимся до того внешним образом... Баку и его район в 1905 году, во время первой русской революции, представлял серьезный политический очаг, и русское правительство созданием этой национальной междоусобной распри ликвидировало нарастающее политическое движение, запугав население призраком гражданской войны»³. Байков, как и многие другие, умалчивал о роли различных революционеров в разжигании армяно-азербайджанского

¹ В европейской части России, Сибири и Туркестане этот праздник отмечали 2–4 февраля (Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1905 год. Уфа, 1904. С. 14; Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1905 год. Верный, 1905. С. 89). Налицо было небольшое расхождение (в два дня) в определении некоторых религиозных праздников, имевшее место в то время среди мусульманского населения империи.

² Кавказский календарь на 1905 год. Тифлис, 1904. С. 45.

³ Так, известный французский исследователь Э. Каррер д'Анкокс настаивает на том, что в Баку конфликт начался с погрома, жертвами которого стали армяне (Каррер д'Анкокс Э. Евразийская империя / Пер. с фр. М., 2007. С. 122). Московский кавказовед В.О. Бобровников также полагает, что в Баку, а затем и в других городах Закавказья со смешанным христианско-мусульманским населением имели место кровавые погромы и резня армян (Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 290).

⁴ Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье // Архив русской революции. Т. 9–10. М., 1991. С. 116.

конфликта и обвинял в нем имперский Петербург. В современной азербайджанской историографии также считается, что провоцирование межнациональных столкновений в Баку, в Азербайджане и вообще в Закавказье являлось одной из форм борьбы самодержавия с народным движением. Для разжигания страстей власти использовали опеределенные противоречия между азербайджанской и армянской буржуазией¹.

К каким потерям привели эти трагические события? За время этих февральских «беспорядков» в Баку, по данным директора Департамента полиции А.А. Лопухина, было убито 135 и ранено более 100 армян, пострадавших азербайджанцев насчитывалось до 250 человек², т.е. всего почти 500 жертв с обеих сторон конфликтовавших. По другим официальным данным погибло 262 человека³, значит, азербайджанцев погибло почти столько же, сколько армян, то есть соотношение было почти 1:1. А по данным одной местной газеты, которая комментировала эти события с антиазербайджанских позиций, у армян имелось 205 убитых и 221 раненый, у азербайджанцев соответственно 111 и 128⁴, т.е. количество убитых азербайджанцев и армян составляло соотношение почти 1:2. Но эти пропорции были искажены, на что не обратил внимание А.А. Иголкин, как, впрочем, и другие исследователи. По данным самих армянских источников, подтвержденных азербайджанской стороной, всего пострадавших оказалось округленно 700, в том числе 300 убитых (170 армян и 130 азербайджанцев) и 400 раненых⁵, т.е. примерно на 200 пострадавших больше, чем считалось на официальном уровне, а соотношение убитых азербайджанцев и армян составляло 1:1,4. Таким образом, наиболее реальным является соотношение жертв в пределах от 1:1 до 1:1,4.

Что же предприняла мусульманская общественность в эти драматические дни? На четвертый день конфликта, когда мусульмане увидели, что он приобретает все более и более ужасающие размеры, они послали своих представителей к губернатору, а от него по их просьбе были посланы солдаты, чтобы под их охраной доставить к нему мусульманских духовных лиц и влиятельных представителей армянской церкви. После того как все они собрались у губернатора, первым на улицу с Кораном в руках вышел казий (член) Бакинского губернского меджлиса Закавказского шиитского духовного правления ахунд М.-М.К. Джафар-заде, его примеру последовали остальные участники этого сбора. Необычная процессия произвела ошеломляющий эффект и оказалась действительно миротвор-

¹ История Азербайджана с древнейших времен до начала XX века. Баку, 1995. С. 329.

² Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало первой русской революции... С. 730.

³ Багирова И.С. Указ. соч. С. 219.

⁴ Иголкин А.А. Бакинские поджоги 1905 г.: революционаризм или организованный терроризм? // Революционаризм в России: символы и цвета революции. Сб. статей. М., 2005. С. 215.

⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 22 апреля.

ческой для конфликтовавших сторон¹. Так был найден путь к диалогу местных духовных лиц, что несколько ослабило нараставшее чувство тревожности и агрессии в людских массах, которые продолжали поиски виновных в трагедии.

Утром 11 февраля, в пятницу — священный для мусульман день, специально прибывший из Тифлиса Закавказский шейх-уль-ислам, председатель правления Закавказского шиитского духовного правления А.А. Ахунд-заде в главной мечети города при огромном стечении молящихся произнес проповедь, в завершение которой сказал: «У мусульман не было и нет основания враждовать с армянами»². Но чтобы выйти из ситуации межэтнической трагедии, погасить вражду между мусульманами и армянами, потушить искры ненависти и не дать раздуть их затем в масштабный христианско-мусульманский пожар, уже требовалось немало усилий. Но этому фактически мешала сильная пристрастность разгоряченной части прессы, в которой превалировали такие сообщения, которые, как отмечалось в газете «Каспий» 15 февраля 1905 г., заставляли думать, что данный конфликт был якобы вызван мусульманами и их национальной и религиозной нетерпимостью.

В современной науке отмечается, что межэтническая напряженность и конфликты порождаются не самим фактом существования этносов, а политическими, социально-экономическими и историческими условиями, в которых они живут и развиваются. Одной из главных причин этнических конфликтов является территориальная проблема. Главной заинтересованной стороной в межэтнической и межконфессиональной войне являлась армянская революционная партия «Дашнакцутюн», которая, как общеизвестно, ставила цель воссоздания самостоятельного армянского государства, территория которого была разделена и входила, с одной стороны, в состав Российского государства, а с другой — Османской империи, где она уже организовала нечто подобное, спровоцировав кровопролитные столкновения между турецкими армянами и турками. Состоявшийся в феврале 1904 г. в Софии третий съезд этой партии постановил в отношении Кавказа принять тактику пропаганды, террора, митингов и вооруженного сопротивления. На следующем съезде в Вене (1907 г.) было уже открыто заявлено, что целью партии является борьба за права армян как в Турции, так и в Закавказье³.

Очень скоро в Петербурге стало понятно, кто на самом деле был инициатором февральских столкновений. В докладе царю министр внутренних дел А.Г. Булыгин 18 февраля 1905 г. сообщал, что армяне «вооружа-

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 22 апреля.

² Каспий. 1905. 12 февраля.

³ Киракосян Н.Б. Создание и деятельность партии «Дашнакцутюн» (1890–1907 гг.) // История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. М., 1996. С. 176, 177; Она же. История партии «Дашнакцутюн» с 1890 г. по 1907 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 21.

ются и организуют избиение татар (азербайджанцев. — *С.И.*); подпольные революционные кружки возмущают население распространением ложных слухов о том, что миновавшие кровавые события были подготовлены правительственными властями, некоторые местные газеты тенденциозно поддерживают это преступное измышление»¹. Речь шла о том, что оппозиционная печать в Закавказье стремилась использовать бакинские «кровавые» дни для того, чтобы переложить на власть всю ответственность за трагические события, за ходом которых очень внимательно наблюдали мусульмане в других частях империи.

Также 18 февраля временным губернатором отдельных территорий Кутаисской губернии и Батумской области был назначен мусульманин генерал-майор М. Алиханов, чтобы навести правопорядок в революционной Гурии, что он и сделал в кратчайшие сроки и бескровно². Его назначением власть дала ясно понять, что надеется на поддержку мусульманского населения Закавказья.

Разобравшись со временем в перипетиях всех других армяно-азербайджанских конфликтов, наместник на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков отметил, что «террористические акты армян против лиц администрации... и явное сочувствие этим актам со стороны вообще армянского населения возбудили против последнего всю местную администрацию... Это настроение не могло пройти незамеченным представителями других кавказских народностей, никогда особенно не симпатизировавших армянам... а особенно — местными мусульманами, которые не могли при этом случае не вспомнить исторической вражды своих предков с армянской народностью. Только совокупностью этих враждебных настроений против армян и возможно объяснить себе, — писал он в феврале 1907 г. в Петербург, — происходившую в феврале 1905 г. в г. Баку в течение нескольких дней резню... при почти полном бездействии местных властей, лишь отчасти оправдываемом растерянностью ввиду неожиданности событий...».

По сведениям наместника, эти события были связаны с деятельностью партии «Дашнакцутюн», которая призывала свой народ бороться «против якобы грядущего панисламистского движения» и почти открыто проводила сбор средств на приобретение оружия, появление которого в руках простого сельского армянского населения не могло, по словам Воронцова-Дашкова, не смущать в свою очередь и мусульман. В результате последовало и вооружение азербайджанского населения, хотя и не в таких масштабах, как у армян. В таких условиях, как верно отмечал на-

¹ Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало первой русской революции... С. 580.

² *Иванов Р.И.* Генерал Максуд Алиханов: триумф и трагедия. Документальное повествование. Махачкала, 2003. С. 497, 553, 706. Этот военачальник и администратор родился в 1846 г. в Аварском округе Дагестанской области. Его успехи в разрешении сложнейших ситуаций в Закавказье во время революции сделали генерала одним из главных врагов дашнаков, которые устроили за ним настоящую охоту и в в конце концов убили его в 1907 г.

местник, достаточно было малейшего повода, чтобы произошло столкновение армян и азербайджанцев. Позднее выяснилось, что для армянского населения не было тайной, что дашнаки сыграли, по выражению наместника, «выдающееся значение» в этой расправе, нередко прибегая к «чисто провокаторским действиям, вроде якобы тактических нападений банд... из армян-беженцев из Турции... на соседнее татарское (азербайджанское. — *С.И.*) население, конечно, не оставшееся в свою очередь в долгу перед армянами»¹.

Ряд ученых высказывались в том же духе. Так, известный русский этнограф А.Е. Алекторов отмечал, что «февральская резня» на Кавказе была вызвана столкновениями армян с азербайджанцами, «которые не пожелали видеть себя подданными “Великой Армении”». Другой известный эксперт по национальным отношениям А.С. Будилович, член-корреспондент Российской академии наук, указывал, что «главными деятелями смуты на Кавказе... были армяне», которым «удалось развить такой террор» в Тифлисе, Елизаветполе, Баку, «какого там никогда еще не было за все столетие русского господства в Закавказье». Во главе армянского движения, отмечал в мае 1906 г. этот информированный эксперт, стояли дашнаки, которые преследовали как в Турции, так и в России «политические цели: ...армянская смута истекшего года направлена была к восстановлению “Великой Армении” в ее старых границах». Будилович верно полагал, что «пламя этой смуты еще дальше разлилось бы по Кавказу, если бы армяне не встретили энергичного отпора» со стороны азербайджанцев². «Каждый русский, преданный интересам своей родины и своего народа, не может не ценить и не уважать... сравнительной сдержанности мусульман Кавказа во время настоящей смуты, охватившей весь край. Не подлежит сомнению, что, присоединись к ней в мятеже туземный мусульманский элемент, — русской власти на Кавказе, — констатировал граф Н.Н. Симонич весной 1905 г., — грозили бы разные осложнения. Но кавказские мусульмане хранят спокойствие...»³ Именно это не устраивало дашнаков, использовавших в своей информационной войне многие периодические издания, в том числе европейские.

Как писал вскоре после бакинских событий «Терджиман», частью печати передается быстро распространившийся слух, что страшная драма разыгралась на почве национальной вражды и религиозного фанатизма⁴. Дошло до того, что «агитация, организованная вокруг бакинской резни, превзошла все ожидания, — отмечал в апреле 1905 г. Агаев. — Не только... российская печать, но и заграничная ежедневно наводняется корреспонденциями, сообщениями, “освещениями” и “пояснениями” самого тенденциозного, самого дикого и небывалого характера. Смерть и стра-

¹ Революция 1905 года в Закавказье... С. 195–197.

² *Алекторов А.Е.* Инородцы в России. Современные вопросы. СПб., 1906. С. 61, 131.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 13 мая.

⁴ Переводчик—Терджиман. 1905. 25 февраля.

дания нескольких сот несчастных жертв кровавых бакинских дней эксплуатируются на всевозможные лады... В чем же эта цель? Она двойная. Первая — взвалить всю вину за ход несчастных событий на местную администрацию, а вторая — представить местных мусульман-татар (азербайджанцев. — С.И.) в роли шайки головорезов и грабителей, готовых по первому же призыву полиции бросаться на ни в чем невинных людей, резать их, грабить и поджигать их дома». Далее Агаев резонно отметил, что такая массированная кампания была поднята именно в тот момент, «когда со всех уголков мусульманского населения империи сыплются петиции о правах, о предоставлении им русской гражданской ответственности!». А что эта агитация на русскую публику производит и произведет весьма прискорбное для мусульман впечатление, — в этом не может быть никакого сомнения...» — сожалел он¹. Русский офицер, военный юрист А.-О. Сыртланов* в интервью корреспонденту петербургской газеты объяснял, что объединение мусульман ни на религиозной, ни на этнической почве невозможно. Панисламизм — это «фантазия, и служит она лишь для того, чтобы ввести в заблуждение тех, кто незнаком досконально с вопросом. Это просто желание показать, что мусульманский мир... желает поглотить всех христиан, а армян первых». Именно в таком духе часто высказывалась заграничная и русская печать, попав под армянское влияние. Никакого подобного движения против христиан, отвечал Сыртланов, не было, напротив реально существует программа деятельности по созданию армянского государства, карта которого даже была издана за рубежом², как наглядное доказательство армянского сепаратизма.

Таким образом, «кровавое воскресенье» в Петербурге было воспринято с точки зрения подданных-мусульман как бунт против власти, который особенно их не касается. Но «кровавое воскресенье» в Баку привело, с по-

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 21 апреля.

* Али-Оскар Сыртланов (1875–1912) — уроженец Уфимской губернии, дворянин, землевладелец, окончил Александровскую военно-юридическую академию (1903 г.), служил в Главном военно-судебном управлении Военного министерства, был адвокатом в Петербургском военном суде. В 1906 г. вышел в отставку в чине подполковника и вступил в ряды петербургской адвокатуры. Участвовал в крупнейших политических и военных процессах, в том числе по делу адмирала З.П. Рожественского, адмирала Н.И. Небогатова и генерал-лейтенанта А.М. Стесселя, обвиненных в поражении армии и флота в русско-японской войне. Будучи депутатом III Государственной думы, являлся заместителем секретаря Комитета по государственной обороне. Определяя этническую принадлежность этого организатора общемусульманского движения в Российской империи, Усманова в одном случае пишет так: «татарин (по матери; по отцу башкир)» (Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 564). С таким же успехом, уместно возразить, можно написать наоборот — башкир (по отцу), татарин (по матери). В другой своей работе она назвала его почему-то уфимским татарин (Усманова Д. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. С. 195), несмотря на то, что он жил в Петербурге в начале XX в. Затем она дала ему такую характеристику: «Башкир (по официальным документам; татарин — по материнской линии и по родному языку)» (Государственная дума Российской империи. Т. 1. 1906–1917. С. 620). Данный вариант вряд ли уместен для энциклопедического издания.

² Слово. 1905. 20 сентября.

дачи дашнаков, к оголтелой антимусульманской кампании в прессе, которая стала беспочвенно обвинять все мусульманское население в панисламизме, угрожающем как Российскому государству, так и его православному населению, что было чревато вползанием всей страны в православно-мусульманский конфликт, а в неотдаленной перспективе — в религиозную войну. Именно к такому опасному сценарию неизбежно вела происходившая в Закавказье эскалация христианско-мусульманской напряженности.

§ 2. Особенности петиционной кампании мусульман

За несколько дней до бакинского «кровавого воскресенья» Комитет министров в конце января 1905 г. приступил к обсуждению мер по введению начал веротерпимости. Для участия в его работе был приглашен петербургский митрополит Антоний, который, несмотря на то, что среди православного духовенства имелась сильная оппозиция введению веротерпимости, не стал выступать против этих начинаний¹. Этот митрополит выделялся не только образованностью, умом и дипломатическими способностями, но и толерантностью к чужим мнениям.

В условиях нараставшей русской революции и разгоравшегося армяно-азербайджанского конфликта первым впечатляющим шагом Николая II навстречу запросам мусульманам империи, пожалуй, можно считать его указ от 5 февраля 1905 г., согласно которому те новобранцы из крымских татар, которые остались сверх пополнения Крымского дивизиона, зачислялись в воинские части, расквартированные только в пределах Таврической губернии. Эта мера вызвала большой одобрительный отклик среди крымских татар².

Затем, 11 февраля, Николай II утвердил положение Комитета министров, которым министру внутренних дел предписывалось отменить стесняющие свободу исповедания веры и не основанные прямо на законе административные распоряжения; принять меры к тому, чтобы никакими административными учреждениями и лицами впредь не устанавливалось каких-либо стеснений в области религии, в законе не установленных; немедленно прекратить дальнейшее действие всех принятых по делам религиозного свойства в административном порядке; и др.³ Уже 18 фев-

¹ Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 393.

² Переводчик—Терджиман. 1905. 18 марта, 12 апреля; Каспий. 1905. 7 апреля.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. 1905. Т. 25. СПб., 1908. С. 113.

раля, к примеру, над помещением мечети в Кронштадте с разрешения Кронштадтского военного губернатора при стечении местных мусульман-татар был поставлен минарет с полумесяцем. Торжества были завершены чтением Корана и коллективным молением с пожеланием здоровья и многолетия Николаю II¹.

Указ царя от 18 февраля, по которому население впервые получило право довести до верховной власти свои предложения, «касающиеся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», другими словами, разрешалось подавать в высшие инстанции петиции с выражением своих нужд, а стремление к реформам расценивалось как похвальное «радение об общей пользе и нуждах государственных», очень обнадежил мусульман страны. Они достаточно хорошо понимали значение этого указа, со знанием писал «Терджиман»².

19 февраля министрами внутренних дел и юстиции были разосланы на места циркуляры, которые предписывали губернаторам незамедлительно принять меры к устранению административных «стеснений» в сфере религии³. На заседаниях правительства 22 февраля и 1 марта были сделаны заключения по всем мусульманским вопросам*. Принятые решения, в общем, имели благоприятный для мусульман характер, но касались главным образом населения Закавказья, Северного Кавказа и Туркестана, а также казахов. Так, МВД под руководством Святополк-Мирского, с декабря 1904 г. энергично продвигавшее в правительстве идею создания Туркестанского муфтията, добились, чтобы Комитет министров на этих заседаниях высказался за учреждение в Туркестанском крае Особого управления по делам веры. В то же время казахи были изъяты из ведения ОМДС. Однако мусульманское население Поволжья и Крыма в решениях правительства было забыто, что вызвало у казанских татар чувство некоторого недоумения⁴.

Они, как отмечал один петербургский публицист, были первыми из мусульман, откликнувшихся на указ от 12 декабря 1904 г., — они первые послали в столицу депутацию для подачи петиции. Но «какую ерунду, — писал этот анонимный критик, — они нагородили в своей петиции», — с другой стороны, и получили соответствующий результат. На прозвучавшую критику вскоре последовал ответ из Казани от одного из членов де-

¹ Теляшов Р. Татарская община Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 99.

² Переводчик—Терджиман. 1905. 15 апреля.

³ Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. С. 253–254.

* См.: Извлечение из Особого журнала Комитета министров 22 февраля и 1 марта 1905 г. о порядке выполнения пункта шестого указа от 12 декабря 1904 г. по вопросам, касающимся инославных и иноверных исповеданий (Каспий. 1905. 23 апреля).

⁴ Каспий. 1905. 11 марта, 6 августа; Переводчик—Терджиман. 1905. 26 апреля; Бахтурин А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 296–297.

легации, А. Сайдашева, который ссылался на то, что Комитет министров нашел петицию Казанского мусульманского общества «основательной и поднимающей важные вопросы, религиозные и общественные, правильно их освещающей и разрешающей, и многое, что там было высказано, принято к исполнению»¹. Что же содержалось в петиции?

В ней татарские либералы просили царя, чтобы их представители участвовали в разработке законопроектов, касающихся религиозного и общественного быта. В петиции, во-первых, выдвигались требования о реорганизации духовных учреждений мусульман и расширении их прав. Так, считалось необходимым, чтобы Оренбургский муфтий и члены этого духовного собрания избирались всеми мусульманами России; семейные (бракоразводные) и наследственные дела передавались в ОМДС с предоставлением ему также права разрешения постройки мечетей, открытия мектебов и медресе, назначения учителей и контроля над вакуфами. Во-вторых, речь шла об отмене всех ограничений по отношению к мусульманскому «духовенству» и уравнивания его в правах с православным духовенством (имелось в виду освобождение мулл от исполнения воинской повинности и сдачи экзаменов по русскому языку при назначении на должность). В-третьих, требовалось предоставить мусульманам свободу слова и печати в религиозной сфере с целью защиты ислама от нападок и т. д. Значительное место в петиции отводилось также проблемам, связанным с культурным развитием: предлагалось освободить все мектебы и медресе от надзора властей, разрешить татарам открывать культурно-просветительные учреждения (читальни, библиотеки и театры), общеобразовательные и профессиональные школы с преподаванием в них на татарском языке, издавать газеты и журналы². Не слишком надеясь на то, что исполнительная власть неукоснительно последует принятым в Петербурге решениям в отношении мусульман, их представители, продолжая действовать согласованно, не прекращали проводить в городах и сельской местности свои собрания, чтобы коллективными усилиями разработать предложения с целью смягчить отношение к ним со стороны русского государства.

Так, 8 марта состоялось собрание Московского мусульманского общества, на котором были обсуждены духовно-религиозные и гражданские проблемы. В итоге его участниками была составлена петиция и были выбраны уполномоченные — ахунд г. Москвы Б. Алимов, купец Х. Байбеков и З. Шамиль*. В прошении московских мусульман отмечалось, в частности, что в мусульманской среде, которая «отличается консервативным характером и сильно предана Корану и шариату», есть много «лю-

¹ Каспий. 1905. 25 июня, 5 августа.

² Хасанов Х.Х. Указ. соч. С. 82.

* Захид (Загид) Шамиль (1868–1920) — внук имама Шамиля, сын генерала, до Москвы жил в Казани, где служил чиновником по особым поручениям при казанском губернаторе; журналист, общественный деятель.

дей темных и невежественных, но все они весьма благочестивы и твердо придерживаются правил своей религии и обычая, цель которых достижение спокойной и счастливой жизни»¹. 9 марта депутация москвичей приехала в Петербург и была принята Витте, министром внутренних дел Булыгиным и Кобеко. Везде делегация встретила, как сообщалось, внимательное отношение к ее записке по духовно-религиозным и гражданским вопросам². Вопреки подобным фактам, Арапов пишет, что важнейший принцип государственной политики этого времени заключался в том, что правительственные круги не хотели вступать ни в какой конструктивный диалог с представителями мусульманской общности, видя в них лишь «радикалов» и «ниспровергателей основ»³.

9 марта прошло собрание мусульман Чистополя (около 100 человек), которое избрало депутатов для поездки в Петербург в таком составе: купец Г. Бадамшин, мулла 1-й соборной мечети города И. Камалов⁴ и мулла-писатель из д. Кутлушкино Исхаков — упомянутый выше мемурист Исхаки. Эта депутация обратилась с петицией к Витте и Булыгину⁴. В этой «докладной записке» от татар-мусульман было сказано, что «целый ряд административных постановлений и распоряжений, в корне подрывающих силу Основных законов, глубоко задевающих национальные чувства татар и оскорбляющих их достоинство, уничтожает всякую возможность удовлетворения самых насущных нужд татарского народа.

Учесть отрицательные результаты этих административных стеснений нет возможности. Стеснения эти подточили всякую самостоятельность татар в деле просвещения, литературы и развития национальных духовных сил. Народ татарский, не имея возможности развивать свои духовные силы на, почве веками выработанных национальных устоев, страшно отстал в культурном отношении, одичал, поражает своим невежеством. Все эти ограничительные в отношении татар постановления, хотя и издавались якобы во имя общегосударственной пользы, на самом деле не дали ничего положительного в этом смысле и шли несомненно во вред делу прогресса империи. Этими постановлениями татары как бы отлучались от общей культуры и осуждались на влечение жалкого существования каких-то отщепенцев права, париев культурного общества.

Такое положение татар (по смыслу Основных законов — полноправных граждан Российской империи) не может быть оправдано ни с точки зрения государственных, ни с точки зрения народных интересов.

¹ Каспий. 1905. 29 марта.

² Переводчик — Терджиман. 1905. 22 марта.

³ Арапов Д. Ю. Императорская Россия... С. 11.

⁴ Гариф Бадамшин (1865–1939) — татарский общественный и политический деятель, в то время владелец галантерейного магазина в г. Чистополе.

⁵ Ибрагим Камалов — сын основателя медресе «Камалия» в г. Чистополе, который являлся одним из представителей накшбандийского братства в Поволжье.

⁶ Хасанов Х. Х. Указ. соч. С. 82–83.

Ввиду всего вышеизложенного и опираясь на авторитет Высочайшего указа 12 декабря 1904 г., в котором об уничтожении ограничительных по отношению к инородцам постановлений высказана такая мысль: «чтобы из числа сих постановлений впредь сохранились были лишь те, которые вызываются насущными интересами государства и явною пользою русского народа», — мы представляем на благовоззрение Комитета министров нижеследующие ходатайства:

1) Уничтожение всех постановлений и узаконений, урезающих права татарского народа и стесняющих его в смысле свободы совести, свободы слова и печати (на татарском и русском языках), свободы союзов и собраний.

2) Распространение на татарское население всех мероприятий и узаконений, предусматривающих гарантию законности в управлении, неприкосновенность личности и жилища, а также и тех, которые имеют целью улучшение быта сельского и городского рабочего населения.

В частности, мы должны указать на ряд условий, наличие которых может обеспечить татарскому народу как правильное культурное развитие, так и нормальное правовое положение в империи.

1) Современное положение дела школьного образования у татар крайне ненормально. Существующие татарские школы (мектебы и медресе), как школы конфессионального характера и благодаря своему полулегальному положению, не могут достаточно широко обслуживать нужды народа в отношении образования даже первоначального. Открывать же светские школы до сих пор не было никакой возможности, благодаря различного рода ограничениям и стеснениям.

Поэтому система школьного образования татар требует коренной реорганизации в том смысле, чтобы: а) было введено всеобщее даровое народное образование на татарском и русском языках; б) были предоставлены широкие права частной инициативе по открытию народных школ татарской грамоты для детей обоего пола и открытию прочих общеобразовательных и профессиональных учебных заведений с преподаванием в них предметов курса на татарском языке (учительских институтов, коммерческих, ремесленных училищ и пр.).

2) Необходимо устранение из постановки дела русского народного образования среди татар действующей ныне системы обрусения. Система эта вызывает если не враждебное, то недоверчивое отношение татар к русским учебным заведениям, в особенности к русским классам и русско-татарским школам и татарским учительским школам, каковые должны быть преобразованы применительно к национальным и духовным особенностям татар.

3) Полное отсутствие организации внешкольного образования является следствием общего бесправного положения татарского народа. Объясняется же оно той ограничительной политикой, которая до крайности затрудняет дело основания и развития различного рода просветительных учреждений для народа.

Как выход из этого ненормального положения, может быть указано лишь полное устранение мелочной регламентации и опеки в деле организации внешкольного образования среди татар и предоставление широкой свободы: а) в открытии народных читален и общественных библиотек; б) в деле устройства различного рода разумных народных развлечений (театры, лекции и пр.) и в) в развитии дела учреждения различных союзов и обществ, преследующих просветительные цели (благотворительные общества, педагогические кружки, издательские общества, союзы учителей и пр.).

4) До сего времени татарская печать находилась в крайне ненормальных условиях юридического и фактического существования.

Подчинение татарских печатных произведений особой цензуре и силе разных циркуляров, противоречащих как государственным, так и народным интересам, в полном смысле убивало татарское печатное слово, обезличивая его.

Издание газет и журналов на татарском языке абсолютно не разрешалось, неперіодические татарские издания переделывались цензорами по их личному усмотрению. Между тем татары особенно нуждаются в свободной печати на родном языке, т. к. только путем печатного слова можно возместить дефекты в культурном развитии татарского народа. Поэтому является настоятельно необходимым: а) полное освобождение татарской печати от разных специальных ограничений и б) подчинение татарских печатных произведений (периодических и неперіодических) тем же условиям, в смысле разрешения издавать газеты, журналы, а также в смысле цензуры, каким подчинены русские печатные издания.

5) Административной практикой установлены различного рода правовые ограничения татар, которые затрудняют им доступ на государственную и общественную службы. Ограничения эти, не находя никаких оправданий с точки зрения государственной пользы, сильно стесняют татар. В отмене этих ограничительных постановлений ощущается настоятельная необходимость, особенно в таких центрах средоточия татарского населения, как Казань, где, например, в состав городской думы гласные из татар могут попасть в количестве не более 1/5 общего числа гласных.

Необходима также отмена ограничений прав лиц татарского происхождения при выборе различных свободных профессий (адвокатура, врачебное дело, издательство и пр.).

6) На некоторых окраинах империи лица татарского происхождения различными административными постановлениями ограничены в правах в отношении свободного проживания (в местностях, населенных киргизами*), приобретения недвижимой собственности (в Туркестанском крае) и свободы торговли некоторыми предметами (книгами на татарском языке). Таковые ограничения, как не вызванные насущными интересами государства, должны быть отменены¹.

* Казахи.

¹ Право. 1905. 10 апреля.

Сравним этот документ с тем, что пишут современные историки. Так, в вузовском учебнике «Новейшая история Отечества. XX век» (М., 1998), подготовленном группой московских историков под редакцией А.Ф. Киселева и Э.М. Щагина, указывалось, что «в России не было никаких ограничений для мусульман», но в то же время в начале XX в. в Баку, Казани, Крыму возникли «националистические организации». Обоснованно возникает вопрос, зачем они были нужны, если никаких ограничений не существовало?¹ С точки же зрения одного из ведущих методологов татарской истории Р. Хакима, революция 1905 г. сняла многие правовые ограничения для мусульман². Другой татарстанский автор, Д.М. Усманова, пишет: «Правовые ограничения, касавшиеся мусульман, основывались на конфессиональном принципе. Однако за счет оговорок и примечаний острие их было направлено против мусульман европейской части России, особенно татар. В отношении окраинного мусульманского населения ограничения имели не столько правовой, сколько подзаконный характер и реализовывались за счет фактического неравенства возможностей русских и «инородцев». Многочисленные правовые ограничения и ущемления на религиозной основе вызвали протестные настроения мусульманского населения, недовольство существующим положением и страстное желание почувствовать себя равноправными гражданами страны»³.

Прежде всего следует подчеркнуть, что формально большинство мусульман, в отличие, например, от евреев, не были, как сказано в вышеупомянутой петиции, ограничены в основных гражданских правах. Как верно отмечается в современной историографии, сам термин «инородцы» имел весьма ограниченное законодательное употребление и никогда не относился ко всему нерусскому населению империи. Речь шла только о сибирских инородцах, самоедах Архангельской губернии, кочевых инородцах Ставропольской губернии, калмыках, кочующих в Астраханской и Ставропольской губерниях, казахах Внутренней орды, инородцах областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, инородческом населении Закаспийской области и евреях. Все другие нерусские народы считались природными русскими подданными и пользовались правами таковых⁴. Законодательство относилось к «инородцам» лишь население, не подчинявшееся общим законам, жившее по своим правилам и обычаям и имевшее свое управление. Евреи

¹ Полунов А. «Национальный мир» или «тюрьма народов»? Современные учебники о межнациональных отношениях в Российской империи на рубеже XIX–XX веков // Вестник Института Кеннана в Москве. 2004. Вып. 4. С. 53.

² Хаким Р. История татар и Татарстана: методологические и теоретические проблемы. Казань, 1999. С. 16.

³ Усманова Д.М. Мусульманские депутаты... С. 49–50.

⁴ Дзидзоев Р.М. Образование и развитие конституционного строя в России. Владикавказ, 1996. С. 114.

были включены в сословие «инородцев» прежде всего как «иноверцы», т. е. с учетом их особой религии — иудаизма¹. Совет министров, к примеру, в сентябре 1906 г. отмечал, что «одинаковыми правами в отношении государственной службы пользуются все российские подданные, за исключением инородцев, к числу коих по действующему закону... относятся некоторые, стоящие на самой низкой ступени гражданского развития народности (сибирские инородцы, самоеды Архангельской губернии, кочевые инородцы Ставропольской губернии, калмыки, кочующие в Астраханской и Ставропольской губерниях, киргизы Внутренней орды, инородцы областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и инородческое население Закаспийской области), и также евреи...»². К инородцам, таким образом, относилась лишь часть мусульманского населения империи — различные туркестанские этносы.

Самое существенное из ограничений властей, по мнению многих историков, к примеру П.П. Литвинова, заключалось в запрещении татарам приобретать недвижимое имущество в Туркестанском крае — земли, дома, лавки и т. п.³ Однако упускается из виду, что подобное ограничение, во-первых, касалось не только татар, но и вообще всех нехристиан, поселившихся здесь после завоевания этого края русскими. «Пахотные земли были у русских переселенцев и казахов, а татары, поселившиеся в Туркестанском крае после русского завоевания, не имели права, как и евреи, приобретать землю и вообще недвижимость. Поэтому отец наш землю арендовал у священника...» — вспоминала Ф. Мухамедиева, дочь этого татарского муллы⁴. Во-вторых, татары, жившие здесь до прихода русской власти, были признаны ею коренными жителями и никаким ограничениям по приобретению такого рода имущества не подвергались⁵. В-третьих, на практике это ограничение довольно легко обходилось. После падения самодержавия в 1917 г. представители татарского общества г. Казалинска Сыр-Дарьинской области, выходцы из поволжских губерний, обратились с просьбой предоставить им право участвовать в выборах гласных в местную городскую думу. В своем ходатайстве властям они объясняли, что

¹ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX века. М., 2004. С. 191–192.

² Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. П. М., 1982. С. 336. По какому-то недоразумению американский исследователь Дж. Слокум причислил к инородцам горцев Кавказа (Слокум Дж. У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 513). Другой типичный пример: уфимский историк К.В. Максимов считает допустимым в научном исследовании писать, что в Уфимской губернии «преобладали инородцы мусульманского вероисповедания» (Максимов К.В. Монархическое движение в России: 1905–1917 гг. На материалах Уфимской губернии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 64).

³ Подробнее см.: Литвинов П.П. Антитатарская политика царизма в Средней Азии и Казахстане // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 378–387.

⁴ Кармышева Г.Ш. кызы. Указ. соч. С. 484.

⁵ Переводчик — Терджиман. 1905. 30 августа.

большинство из них местные старожилы и фактически владели недвижимостью, которую они довольно просто приобретали в обход закона¹.

Чистопольская петиция — одно из свидетельств того, что у мусульман, в особенности у татар, все сильнее происходило осознание того, что они полноправные граждане, но испытывавшие разного рода социальные «стеснения», вызванные изъятиями в повседневной административно-управленческой практике. Такие петиции носили больше характер гражданского протеста, а не банального верноподданнического прошения. «В марте 1905 года мы, — вспоминал Исхаки о поездке чистопольских представителей, — выехали в Петербург. Это была первая моя поездка в столицу русской империи. Здесь мы были встречены очень тепло [...]. Во главе встречающих нас были: внук северокавказского льва — шейха Шамиля, Загид Шамиль бей, был и духовный глава мусульман столицы, Лутфи Исхаки бей², затем был и известный наш юрист — Ибниамин Ахтямов [...]. Прибыл еще один делегат от Казанской губернии и присоединился к нашей миссии — он был от насильственно крещеных татар.

Ознакомившись с революционной ситуацией, которая еще не имела шансов на разрушение монархического режима, мы решили составить свою петицию [...], составление которой «поручили знатоку российских законов» Ибн. Ахтямову.

Комментируя появление в столице различных мусульманских делегаций в качестве выборных народных представителей, писатель отмечал, что они внесли большое оживление в жизнь мусульманской общины города. В это время представители Крыма, Кавказа, Поволжья, Урала, Туркестана и Сибири знакомились друг с другом, устраивали легальные и нелегальные совместные собрания и совещания, на которых обсуждали проблемы этих территорий. «Революционизирующее брожение в общинах различных народов России серьезно беспокоило царскую элиту», и правительству было поручено «провести прием делегаций и заслушать их петиции». На приеме у Витте, «вручая свою петицию, мы, — вспоминал Исхаки, — изложили желания общественных кругов нашего народа: что в первую очередь мы ждем от правительства уравнивания нас в правах с русским народом... Граф обещал, что он со вниманием изучит все пункты нашей петиции и что будет защитником нашим перед правительством!»³ Региональные лидеры начали с переговоров о том, что правительство удовлетворит по крайней мере некоторые из основных требований мусульманской общественности.

«Всюду мы, — свидетельствовал Исхаки, — встречали очень вежливый прием и получали обещание о готовности устранить все недостатки!

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4616. Л. 27, 28.

² Лутфулла Исхаки — уроженец Оренбургской губернии, учился в Египте и Каире, мулла Иркутска, затем мулла в Петербурге, где открыл мусульманскую школу; просветитель.

³ Исхаки А. Указ. соч. Л. 14.

Но мы хорошо знали цену всем этим обещаниям, ибо знали и причины смягчения душ у этих сухих бюрократов деспотического режима... Мы верили только в силу народных масс! А потому поспешили отпечатать все содержимое нашей петиции на страницах популярного тогда журнала «Право» [...]». Когда же петиция была напечатана, чистопольские делегаты закупили большое количество экземпляров этого номера и стали распространять его в Поволжье, на Урале, в Крыму, на Кавказе, в Туркестане и в Сибири. Основная польза от посещения столицы, на взгляд Исхаки, заключалась в том, что прибывшие из разных мест общественные деятели, перезнакомившись между собой, «заложили полезный фундамент для образования единого фронта борьбы в будущем». В организации этих встреч исключительную роль сыграл Шамиль. За время пребывания в Петербурге «мы также узнали, что русские социал-демократы и социалисты-революционеры проявляют энергичную деятельность среди студенчества столицы. Это обстоятельство дало нам возможности установить связи с центральными руководителями этих русских партий. С великой надеждой на грядущие изменения в [...] русской империи я вернулся в город Казань!» — вспоминал Исхаки. Вместе со своими соратниками он по возвращении занимался практической политической работой. В частности, «ввиду расширения сети социально-политических кружков наш примитивный печатный станок [...] уже не мог удовлетворить наши увеличивающиеся запросы... Мы стали добывать средства для приобретения нужной машины и создавать нелегальные типографии в различных опорных пунктах в Идель-Урале»¹.

15 марта в Баку состоялось совещание представителей азербайджанской буржуазии и интеллигенции, на котором обсуждался вопрос о необходимости проведения реформ в Кавказском крае и о подаче правительству петиции. Было признано целесообразным для ее вручения в Петербург отправить депутацию от мусульман всего Кавказа, составивших почти две трети населения этого края. Под петицией, составленной Топчибашевым и направленной в апреле 1905 г. представителями мусульманского населения Закавказья в Комитет министров, стояли подписи А. Агаева, Ш. Асадуллаева, М. Векилова, А. Зиятханова, Г. Зюльгадарова, Р. Ширванского и др. В петиции прежде всего излагались следующие ограничения прав мусульман в общественной и хозяйственной жизни: число гласных-мусульман в органах городского самоуправления края не могло превышать половины всего состава; высшие должности во всех учреждениях гражданского и военного ведомства были им недоступны; мусульмане как со средним, так и с высшим образованием ограничивались в выборе занятий свободными профессиями, устранялись от педагогической деятельности, студенты-мусульмане не могли пользоваться казенными стипендиями, их не принимали в ряд высших учебных

¹ Исхаки А. Указ. соч. Л. 11, 15.

заведений; в некоторых местностях мусульмане не могли приобретать недвижимую собственность, заниматься торговлей и др. В петиции поднимался вопрос о представительстве мусульман во всех учреждениях представительного характера, о праве занятия ими без ограничений должностей на государственной службе и общественном поприще. Значительное место занимало в петиции обоснование необходимости введения на Кавказе земских учреждений на началах полного самоуправления и без вмешательства административной власти, участия мусульман в земстве и городском самоуправлении без всяких ограничений. Петиция содержала ряд демократических требований — распространение на мусульман свободы совести, слова и печати (на русском и родном языках), свободы собраний и союзов, неприкосновенности личности и жилища и т. д.¹ Петиция, в общем, выступала за уравнивание общегражданских имущественных прав мусульман с правами русского населения, за разрешение азербайджанцам занимать общественные и государственные должности².

В том же марте башкиры трех волостей Асяновской, Ельдякской и Московской Бирского уезда Уфимской губернии* собрали сельские сходы, чтобы выбрать представителей, которые затем подали на имя губернатора прошения разрешить провести губернское совещание представителей мусульман и обсудить вопросы, касающиеся их нужд и веры, и представить царю соответствующее ходатайство³. «Мы не желаем собираться тайно, — говорилось в этом прошении, — и совещание наше не будет иметь ничего подобного с самовольными собраниями врагов любимого государя нашего и его правительства, и потому мы просим разрешить нам выборы доверенных от селений... и губернского совещания представителей мусульман губернии...»⁴ О том, чего именно добивались башкиры, свидетельствует, к примеру, записка, представленная Витте уполномоченными башкир Орского уезда Оренбургской губернии. Здесь прежде всего было высказано пожелание о предоставлении «полного ра-

¹ Сеидзаде Д.Б. Указ. соч. С. 12–14.

² Кавказский край. 1905. 3 апреля.

* В Уфимской губернии между башкирами и татарами «нет никакой коренной разницы», — пояснял здешний публицист читателям бакинской газеты «Каспий» 26 января 1905 г. «Сознание татаро-башкир, — я, — писал Султан-Галиев, уроженец этой губернии, — называю их так, потому что, например, в Уфимской губернии... рядом с татарским селом — башкирское, башкиры там ассимилировались с татарами...» (Султан-Галиев М. Указ. соч. С. 229–230). «Башкиры ассимилируются с татарской народностью, забывая даже свое прежнее имя. “Мы не башкиры, а татары”, — говорят они. Два могущественных фактора — религия и язык — сильно способствуют этому процессу», — отмечал известный этнограф В.И. Филоненко (Филоненко В. Башкиры // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914 год. Научный отдел. 1914. № 8. С. 308). Именно в такой среде вырос, к примеру А.-О. Сыртланов, этническое происхождение которого, как отмечалось, пыталась на свой лад проанализировать Д.М. Усманова.

³ Кийков А. 1905 год на Южном Урале и в Приуралье (б. Уфимской губернии) // 1905. Революционные события 1905 г. в г. Уфе и Уральских заводах (Башрепублика). Уфа, 1925. С. 51.

⁴ Раимов Р.М. Революция 1905–1907 гг. в Среднем Поволжье и Приуралье // Революция 1905–1907 годов в национальных районах России. Сб. статей. М., 1949. С. 677, 678.

венства в политических и гражданских правах башкирского народа с коренным русским населением» и свободы вероисповедания, отправления богослужения и устройства мечетей¹. За последним требованием скрывалось сильное недовольство тем, что чиновники установили контроль над исламскими делами, назначая муфтия и членов ОМДС, которые несли ответственность перед правительством, но не перед мусульманским сообществом. В этих условиях Витте вызвал из Уфы муфтия М. Султанова, которого принял 10 марта и предписал ему провести совещание мусульманских духовных лиц, чтобы обсудить религиозные нужды мусульман и сообщить их ему². Совсем иначе пытаются представить роль муфтия некоторые современные татарские историки, в частности, Хабутдинов и Мухетдинов пишут, что он выступил в 1905 г. якобы одним из инициаторов общественного движения российских мусульман³. Наоборот, впечатляющие перемены в характере и организации общемусульманского движения произошли вопреки противодействию уфимского муфтия и других мусульманских «иерархов».

Подобную тормозящую роль сыграл и исправляющий должность главы Таврического магометанского духовного правления (ТМДП) — муфтий А.-Г.-м. Карашайский. 24 марта крымские татары съехались в Симферополь на собрание, на котором под его председательством обсуждалась петиция, и была выбрана делегация для поездки в Петербург. В состав этой делегации из 9 человек (Карашайский, который не пользовался популярностью и поддержкой верующих, в последний момент покинул ее ряды) вошли: бахчисарайский имам Э. Аджи, редактор-издатель газеты «Терджиман» Гаспринский, отставной полковник И.-м. Муфтизаде (председатель Крымского мусульманского благотворительного общества; Симферополь), бахчисарайский городской голова М.-м. Давидович, председатель симферопольской земской управы М.-м. Кипчакский, помощник присяжного поверенного М. Бекиров и С. Аджи. Витте принял эту делегацию и заявил, что мусульманский вопрос, по выражению автора газетной заметки Медиева, «окончен рассмотрением» в Комитете министров и что часть принятых решений опубликована, а остальная часть скоро появится, что связано с работой Особого совещания, которому передадут все петиции мусульман. Затем делегация побывала у министра внутренних дел Булыгина, который объяснил, что в совещание по мусульманскому вопросу могут быть допущены мусульманские представители и что в представительном собрании примут участие и представители от мусульманского населения страны. Военный министр генерал В.В. Сахаров также обнадежил делегацию, указав, что он не видит препятствий для удовлетворения просьбы делегации об отведении, в силу специфики питания мусульман, отдельных котлов и назначении мулл в те части войск, где имелось достаточное количество крымских татар, которые в

силу указа от 5 февраля 1905 г. оставались для несения воинской службы в пределах Таврической губернии. Кобеко после длительной беседы с делегацией заявил, что вопрос о предоставлении полной свободы мусульманской печати намерен к рассмотрению в сентябре и что, возможно, ей предоставят такое право с некоторыми несущественными ограничениями. Делегация также побывала у графа А.П. Игнатьева, который возглавил Особое совещание о веротерпимости. Он подтвердил, что находит возможным допустить в это совещание и представителей мусульман. Затем делегация была принята министром народного просвещения генерал-лейтенантом В.Г. Глазовым. Кроме того, Гаспринский посетил Александро-Невскую лавру, где встречался с петербургским митрополитом Антонием¹. Несмотря на множество обещаний и оптимистические речи членов правительства, дальнейшие события показали, что все это была лишь определенная тактика, нацеленная на формирование у мусульманских лидеров и у народов иллюзии, что высокопоставленные русские чиновники искренне желали перемен к лучшему в жизни сограждан-мусульман, а в действительности делался расчет на то, что массовый энтузиазм со временем угаснет и правительство отделается мелкими уступками.

Главным результатом начавшейся петиционной кампании среди мусульманского населения стало то, что прибывшие из разных мест империи в Петербург делегаты тех или иных общин наладили между собой связи, обсудили общие и частные проблемы мусульманского движения.

§ 3. Перемены в мусульманской психологии и тактика власти

Как и в других странах с мусульманским населением, в Российской империи общины, объединенные вокруг мечети, являлись устойчивыми элементами, из которых в течение длительного времени складывалось макророссийское мусульманское сообщество. На вопрос, кто он, представитель того или иного этноса, как правило, отвечал: «Я — мусульманин». Эту религиозную общность интеллектуалы в XIX — начале XX в. обозначали термином «миллят», который был заимствован из турецкого языка (миллет), в который он в свою очередь пришел из арабского языка — миллат (религиозная община). По Корану, между понятиями «народ» и «религиозная община» отсутствует разница. Мусульманство Российской империи представляло собой единую общность, несущую общую историческую, культурную и религиозную традицию. Мусульманская ре-

¹ Фархитов М.Н. Указ. соч. С. 161–162.

² Переводчик — Терджиман. 1905. 18 марта; Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 173.

³ Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Общественное движение мусульман-татар... С. 31.

¹ Переводчик — Терджиман. 1905. 29 марта, 27 мая; Каспий. 1905. 7 апреля, 12 июня.

лигия посредством «ухода в себя» в условиях длительного русско-православного господства помогла десяткам народов сохранить свою человеческую самобытность. Возникшая на такой основе теория милитаризма, под которой понималось, что все мусульманские народы империи представляли собой единое религиозное сообщество, послужила главной идейной основой общеимперского исламско-национально-культурного движения. Эта не была искусственно привнесенная доктрина, а отражение мировоззрения мусульман, которые, разумеется, сохраняли при этом свои региональные этнокультурные особенности восприятия внешнего мира, по-разному отражавшегося в их умах. Так, обращаясь к членам Государственной думы, депутат от Уфимской губернии Ибн. Ахтямов отметил, что «мы, мусульмане... представляем из себя особую национальность», что они полагают «невозможным и ненужным затушевывать свою национальную самобытность в области осуществления культурно-просветительских задач»¹. Здесь указаны такие новые элементы психологии этого сообщества, как гражданское равноправие и этничность, которые достаточно отчетливо проявились в ходе революции.

Между тем в начале 1905 г. в результате начавшегося диалога мусульман с властью посредством персональных и групповых контактов с высокопоставленными бюрократами выяснилось, что в Петербурге, оказывается, сложилось твердое убеждение, что у этих подданных особых проблем не имелось. Поэтому, вернувшись из столицы, Агаев весной 1905 г. констатировал, что там мусульманским представителям всюду отвечали, что в этом виноваты мусульмане сами, поскольку не давали о себе знать, не проявляли себя и «верхам» казалось, что им «очень и очень хорошо, так хорошо», что ничего лучшего они и не желают. Соглашаясь с этим упреком, Агаев писал: «Но что поделаешь? Мы, мусульмане тюрко-татары, так созданы... Ни в одном народе молчание так высоко не ценится, как у нас». Мусульмане привыкли думать, что ничего не надо делать, ибо «небо все-таки озаботится» и устроит их дела как нельзя лучше. При этом люди привыкли думать, что обеспечение национальной и религиозной свободы находится в зависимости от степени политического самоустраниения. На самом деле такое отношение, полагал Агаев, как и некоторые другие мыслители, противоречит Корану, ставящему всю судьбу, всю участь человека в зависимость от его энергии и труда (Лэйса лиль инсани иллама са'а)², из чего Агаев делал вывод: только в труде человек обретет свое счастье³. Такой поистине новаторский подход свидетельствовал, что мусульманское сообщество не было

чем-то застывшим, в нем во время революции происходили глубокие внутренние перемены, которые особенно не бросались в глаза даже экспертам из различных ведомств.

«Только труд в соединении со знанием и честностью могут обеспечить жизнь и развитие как людских единиц, так и их общин, не исключая самых больших. Жизнь и право на жизнь вытекают из "труда". Так сказал Бог*, так показывает жизнь, так учит история народов»¹, объяснял своим многочисленным читателям «Терджиман», воодушевляя следовать по такому пути. Иногда подобные статьи имели подпись — И. Леманов². Как и Агаев, он призывал прежде всего мулл изменить отношение к жизни. Вот что он писал летом 1905 г.: «Суть и смысл ислама и его возвышенных принципов остаются все теми же, чем они были при первых мусульманах, но изменилось понимание религии и установились ложные отношения к ней. Получилось это от того, что мы сами качественно пересоздались: утратили энергию и серьезное отношение к жизни и ее задачам. В нашем регрессивном шествии, постепенно умаляя значение жизни и человека, дошли почти до полного отрицания значения ума, энергии и знаний человека в его житейской судьбе. Мы, обезличив себя, все сдали Небу и напрасно, теперь наш усталый взор молит себе отсюда блага и ждет чудес, которые сделают его счастливым. В Коране сказано: "Бог никому зла не причиняет, но люди сами себе вредят"³. Еще: "Пока люди сами себя не исправят, Бог от себя ничего в данном их положении не изменит"⁴. Этими стихами ясно дано нам понять, что манны небесной ждать нечего, что наше то или иное положение находится в прямой зависимости от наших личных качеств и стараний. Мы бы хотели, чтобы на-

* Здесь речь идет о земной (ближайшей) жизни и праве на будущую жизнь, которую, согласно Корану, тот, кто уверовал в Аллаха, должен достичь религиозным усердием («трудом»). Возможно, имелся в виду следующий коранический текст: «... после того, как будешь свободен, будь деятелен» (Коран / Пер. с араб. Г.С. Саблукова. 94:7). К этому толкованию понятия «труда» можно дополнить еще два таких хадиса: «Аллах смотрит с отвращением на того из своих слуг, кто ни на что не годен», «Аллах любит видеть, что его раб зарабатывает в поте лица своего то, что законно». Таким образом, понятие «труд» трактовалось авторами этой публикации как усердие (иджтихад), религиозное и необходимое как для отдельного человека, так и для любого сообщества (общины, народа, нации и пр.).

¹ Переводчик — Терджиман. 1905. 22 февраля.

² Исмаил Леманов (1871–1942) — крымский татарин, публицист, общественный деятель, востоковед, тюрколог, арабист.

³ Ср.: «...Бог не делает никакой несправедливости людям; но люди сами себе делают несправедливость» (Коран / Пер. с араб. Г.С. Саблукова. 10:45); «...Аллах ни в чем не проявляет несправедливости к людям, но люди сами несправедливы к себе!» (Коран / Пер. с араб. У.З. Шарипова и Р.М. Шариповой. 10:44).

⁴ Ср.: «Бог не переменяет того, что есть в людях, покуда сами они не переменяют того, что есть в них: когда Бог захочет сделать зло каким-либо людям, то Ему нет препоны...» (Коран / Пер. с араб. Г.С. Саблукова. 13:12); «...Аллах не меняет того, что происходит с людьми, пока они сами не изменяются. А когда Аллаху угодно причинить людям зло, то нет возможности отвести это...» (Коран / Пер. с араб. У.З. Шарипова и Р.М. Шариповой. 13:11).

¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1913. Стлб. 372.

² Речь идет о кораническом аяте, который, по Саблукову, можно также перевести так: «Для человека будет только то, что он старался сделать» (Коран / Пер. с араб. Г.С. Саблукова. 53:40). Или так: «Что человеку будет даровано только то, ради чего он усердствовал» (Коран / Пер. с араб. У.З. Шарипова и Р.М. Шариповой. М., 2006. 53:39).

³ Каспий. 1905. 20 мая.

ши почтенные улемы серьезно подумали над смыслом этих стихов Корана и в проповедях своих поведали народу это жизненное повеление Бога».

Обращаясь к своим читателям, Леманов под влиянием происходивших революционных событий и перемен в русском обществе говорил о большой ответственности мусульманской элиты: «...Мы вступаем в новый прогрессивный период государственной и общественной жизни нашей родины. В новом положении произойдет переоценка вещей. В жизни главное значение приобретут личные качества и достоинства народа и составляющих его единиц: если мы не позаботимся о личном и общественном нашем самосовершенствовании, то в борьбе за осмысленное существование мы, естественно, принуждены будем уступить более сильным и лучше подготовленным нашим соотечественникам»¹. Борьба за достойное место мусульманских народов в изменявшемся российском обществе зависела не только от их собственных усилий в культурной состязательности с другими народами страны, а от условий этого соперничества, определявшихся государством.

Положение, в котором оказались мусульмане в империи, произошло, как отмечал Агаев весной 1905 г., от того, что ни мусульмане не давали о себе знать, ни русское общество не хотело их знать, но после того как они стали так мощно вовлекаться в общую жизнь, им предстояло, с одной стороны, «хлопотать о том... чем пользуются все остальные, а с другой — примкнуть к тому, к чему стремятся все...». Касаясь социально-психологических причин размаха петиционной активности мусульман, Агаев писал в марте 1905 г., что «безропотная покорность судьбе... вера в фаталистический *кисмат* (фатум)... бессмысленная надежда на авось, на то, что и нас не забудут, и нам выпадут крохи из общего блага, — все это донельзя устарело». Поэтому и происходило, по его наблюдениям, «небывалое, невиданное зрелище: со всех уголков мусульманского населения России снаряжаются депутации», которые едут в Петербург, чтобы говорить о своих нуждах и проблемах, «просить для себя права быть русским гражданином, приобщиться к русскому обществу, поделиться с ним всеми горестями и счастьем, всеми правами и обязанностями»². В петициях выражался осознанный интерес мусульманской элиты к тому, чтобы добиться соответствующих изменений в правительственной политике, получить какую-либо помощь государства, особенно в реформировании деятельности духовных управлений.

Дело в том, что муллы не были «на высоте своего призвания и далеко не соответствовали своему назначению, в противном случае... мы, — отмечал, к примеру, Ф. Кочарлинский*, — так не отстали бы от всего образованного человечества». Чтобы «пробудить» верующих от «спячки»,

¹ Переводчик—Терджиман. 1905. 16 августа.

² Каспий. 1905. 30 марта, 1 апреля.

* Фиридун Кочарлинский (1863–1920) — азербайджанец, историк литературы, педагог, публицист.

вывести из «мрака сомнения и невежества», обновить их жизнь, вызвать их к культурной деятельности, необходимо было, по мысли этих реформаторов, прежде всего просвещать самих мулл¹. Ислам, подчеркивал Топчибашев, «демократическая религия, и крайне простая, ясная, если ее понимать хорошо»², что зависело во многом от мулл.

Такое свободное выступление представителей мусульман страны против устоявшихся взглядов, такое смелое толкование священных положений Корана и сунны, по оценке Вамбери, являлось в мусульманском мире беспримерным. «Окаменелый консерватизм» мулл при этом объявлялся главной причиной упадка мусульманских стран и победы над ними христианских государств³. Из этого урока истории следовали вполне практические выводы применительно к российским условиям революционного времени. Немало примеров свидетельствовали об изменении вообще отношения мусульман империи к политической реальности. Представители местных элит осознали необходимость создания организации, которая более всесторонне и объективно, чем, по сути, беспомощные, слабые муфтияты, представляла интересы всех мусульман перед властью.

В результате в Петербурге после многосторонних консультаций представителей различных мусульманских народов страны, происходивших на квартире А. Ибрагимова 8 апреля 1905 г., было решено созвать всеобщий съезд мусульман империи в Нижнем Новгороде⁴. Тем самым было достигнуто необходимое сплочение региональных позиций, после чего последовала непосредственная организаторская подготовка первого в истории мусульман империи съезда. Таким был первый итог начавшегося в мае 1903 г. в Бахчисарае политического движения мусульман империи — прежде всего в форме совещательных собраний в разных городах и селах страны. Встречаясь в разных местах, участники этих собраний продвигались к общей программе действий и созданию формального механизма, чтобы обеспечить длительное сотрудничество регионов империи. В этой системе попытались найти свое место мусульманские «иерархи».

10–15 апреля в Уфе состоялся, согласно вышеупомянутому указанию Витте, съезд представителей мусульманского «духовенства» (прибыло около 30 религиозных деятелей) Оренбургского муфтията, где обсуждались вопросы относительно реорганизации этого учреждения. Муллами при участии нескольких приглашенных активистов (И. и Ю. Акчурины, С.-Г. Алкин, А. Ахтямов, Ю. Дибердеев, З. Рамеев, М. Хусаинов) был разработан проект изменений управления духовно-религиозными делами этого муфтията. Проект (46 пунктов), представляющий довольно объемистую брошюру, был отпечатан и вместе с объяснительной запиской

¹ Кавказский край. 1905. 1 мая.

² Топчибашев А.А. Указ. соч. С. 99.

³ Баку. 1910. 21 мая.

⁴ ГАРФ. Ф. 9599. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.

представлен от имени муфтия в Особое совещание о веротерпимости. Важнейшим предложением было создание в империи одного муфтията (его глава, муфтий, должен был избираться мусульманами пожизненно и утверждаться царем) для управления не только религиозными делами, но и делами просвещения, вакуфами и благотворительностью. Уфа же как центр, где имелись мусульманские «иерархи» и духовное управление, должна была задавать тон и руководить движением мусульман на территории Оренбургского муфтията¹. Главным камнем преткновения было по-прежнему то, что ОМДС, с точки зрения многих критически настроенных мусульман, являлось «отделом» МВД, а не собственным российскими мусульман вероисповедно-национальным учреждением, от которого трудно было ожидать каких-либо реальных перемен к лучшему в жизни мусульманской общины. Вслед за советскими историками В.А. Матвеев верно полагает, что в Российской империи официальные муллы являлись частью административного аппарата и рассматривались в качестве важнейшей опоры власти в мусульманской среде². Инертность мулльских «иерархов», их полная зависимость от власти и чрезмерный конформизм вызывали в людях разочарование в способности не только Оренбургского, но и Таврического муфтиев решить какие-либо насущные проблемы мусульман огромной империи. Неспособность муфтиятов эффективно руководить процессом обновления общественной жизни была очевидна. Этот инструмент власти не смог в новых условиях более соответствовать требованиям жизни, в которой происходили большие перемены, затронувшие и религиозную сферу.

Последовавший 17 апреля (в пасхальное воскресенье) царский указ об укреплении начал веротерпимости декларировал отказ от политики правовых ограничений по религиозному принципу, предоставлял свободу вероисповедания всем конфессиям. Было, в частности, признано необходимым пересмотреть «законоположения, касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания». Особому совещанию о веротерпимости поручалось разработать, в частности, законопроекты: о порядке избрания и назначения должностных лиц мусульманского духовенства, приходских и высших (в числе последних подразумевались муфтий и казии); об освобождении от призыва на действительную военную службу из запаса некоторых лиц мусульманского духовенства; о порядке открытия мусульманских духовных школ — мектебов и медресе; об учреждении особых духовных управлений для казахов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а равно для му-

¹ Кастий. 1905. 2 июля; *Ибрагимов Г.* Указ. соч. С. 173, 174, 175; *Юсупов М.* Указ. соч. С. 62.

² *Матвеев В.А.* Указ. соч. С. 27.

сультанских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области¹.

Указ произвел «глубочайшее впечатление на весь русско-мусульманский мир...», «убедил всех мусульман в том, что им не о чем больше думать, как о развитии своих духовных и материальных сил...». Мусульманское население получило право выбора муфтиев, казиев и приходских духовных лиц, право устраивать свои учебные заведения, свободно изучать и исповедовать свое вероучение². Так, в апреле 1905 г. Крымское мусульманское благотворительное общество, находившееся в Симферополе, обратилось к властям с просьбой разрешить постройку мусульманского среднего учебного заведения (мектеба-рушдие)*. Вскоре пришел положительный ответ из Петербурга, после чего началось строительство и обустройство этого учебного заведения. 25 сентября 1905 г. состоялось торжественное открытие Симферопольской татарской учительской семинарии, на котором присутствовали и представители властей³. Вдохновленное таким успешным претворением в жизнь одного из положений указа, это общество намеревалось в сентябре 1905 г. открыть в Бахчисарае женский мектеб, первое в Крыму подобное учебное заведение⁴.

После этого указа перед МВД ставилась задача создания новых муфтиятов. Между тем, опасаясь утраты своих позиций в Средней Азии, Военное министерство в мае 1905 г. предписало туркестанскому генерал-губернатору Н.Н. Тевяшову подготовить для правительства документ с обоснованием «вредности» создания муфтията в этом крае. Вскоре в Петербург было направлено соответствующее представление, и муфтият не был создан⁵, что было результатом межведомственного соперничества. Впрочем, и другие меры, о которых было сказано в указе, не получили, за исключением некоторых случаев, практического воплощения, поскольку встретили сильное торможение и даже противодействие со стороны различных учреждений, исходивших из своих административно-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. 1905. Т. 25. СПб., 1908. С. 258, 262.

² Переводчик—Терджиман. 1905. 29 апреля. На этом фоне рассуждение исламоведа Р. Силантьева о том, что принятый закон о веротерпимости мало сказался на жизни мусульман, которые и без него пользовались большой свободой (*Силантьев Р.* Указ. соч. С. 21), не имеет никаких оснований.

* На существовавшую Симферопольскую татарскую учительскую школу (открыта в 1872 г.), где в первом полугодии 1905 г. обучался 81 татарин, несмотря на то что им преподавались татарский язык и мусульманское вероучение, крымские татары смотрели как на обрусительную, поскольку в ней обучение велось на русском языке. В подобные учебные заведения мусульманское население неохотно посылало своих детей (*Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 118. Оп. 1. Д. 397. Л. 1 об.*; *Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. С. 287*).

³ *Ганкевич В.* Указ. соч. С. 30.

⁴ Переводчик—Терджиман. 1905. 16 августа; *Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. С. 288*.

⁵ *Бахтурин А.Ю.* Указ. соч. С. 297.

ведомственных интересов, что в конечном итоге все больше усиливало отчуждение между властью и мусульманским населением.

Чиновники по-прежнему пытались направить мусульманскую активность в удобные для себя каналы, но помешать массовому движению уже не были в состоянии, что особенно было заметно, когда на основании этого указа насильно крещенные стали отказываться от православия. Комментируя начавшуюся повсеместно реисламизацию, Чичерина писала: «Манифест 17 апреля, усиленно разъясняемый фанатичной частью мусульман, как царское указание переходить в ислам, не произвел среди крещеных инородцев большого массового отступнического движения. Этим манифестом воспользовались лишь отдельные группы инородцев, официально числившиеся православными, но в огромном большинстве фактически отпавшие уже в 60-х годах XIX века. Общее число этих отпавших не превосходит 50 тысяч»¹. Почти одновременно в статье, опубликованной в лондонском журнале, Чичерина (Бобровникофф) объясняла европейцам, что указ, на ее взгляд, вызвал очередную волну мусульманской пропаганды, согласно которой этим своим повелением царь выразил свое желание, чтобы все крещенные и язычники принимали ислам. В результате около 40 тыс. человек* были официально признаны как мусульмане. Что касается перешедших в ислам из христианства или язычества, то их количество после указа колебалось от 5 до 10 тыс., 110 тыс. крещеных татар и большое число чувашей остались в христианской вере², то есть реисламизация составляла свыше 30%.

Только в Поволжье до 49 тыс. мусульман**, числившихся на бумаге православными, перешли обратно в ислам, что дало повод некоторым настроенным в антимусульманском духе органам печати «кричать о мусульманском прозелитизме и ратовать за отпор мусульманам». В других местах, на Урале, например, «самый культурный способ миссионерской деятельности — проповедь печатным словом — превратился... в сплошное неприличное издевательство над чужой религией, религией двух де-

¹ Чичерина С. О языке преподавания в школах... С. 12.

* Речь идет о 36 тыс. человек в 14 поволжских, приуральских и западносибирских губерниях, преимущественно крещенных татар и башкир, которые, по данным Святейшего Синода, с 17 апреля 1905 г. по декабрь 1907 г. вернулись в ислам (Русское православие... С. 398; Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. 2005. № 5. С. 52). По другим сведениям, 38,9 тыс. человек в 1905–1908 гг. «отпали» из православия в ислам в одной только Казанской губернии (Алексеев И.Е. Чёрная сотня в Казанской губернии. Казань, 2001. С. 38).

² Bobrovnikoff S. Op. cit. P. 10–11.

** За период с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1910 г. в Казанской, Симбирской и Уфимской губерниях «отпало» от православия в ислам 48 730 человек, а всего по России — 50 133 человека (Ларина Е.И. Епископ Андрей и доктрина Министерства внутренних дел Российской империи в «мусульманском вопросе» // Сборник русского исторического общества. Т. 7. М., 2003. С. 213). По данным Д.М. Исхакова, около 40% крещенных татар перешли тогда в ислам (Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1998. С. 265).

сятков миллионов религиозных русских граждан»¹, — возмущался Шагиахметов, защищая соотечественников-мусульман.

На другой день после вызвавшего столь значительный общественный резонанс указа, 18 апреля 1905 г., в столице было объявлено о созыве Особого вневедомственного совещания, которому поручалось подробная разработка изменений в действующих законах по укреплению веротерпимости. Его председателем царь назначил графа Игнатьева, убежденно-го консерватора. Часть намеченных к обсуждению на совещании вопросов близко касалась мусульман². Как справедливо отмечалось в мусульманской прессе, Комитет министров не вынес в отношении мусульман ничего положительного в конечном счете, кроме решения передать их духовно-религиозные вопросы на рассмотрение данного совещания³. Эту точку зрения поддерживал Дякин, отметив, что весной 1905 г. Комитет министров уклонился от решения назревших проблем мусульманской политики, предпочтя дожидаться рекомендаций Особого совещания по веротерпимости. Совещание же сосредоточило главное внимание на опасности, исходившей якобы от стремления поволжских татар «отатарить весь русско-мусульманский мир». Для борьбы с этой мифической угрозой оно обсуждало вопрос, не окажется ли лучше раздробить Оренбургский муфтият, заменив его несколькими не связанными между собой окружными правлениями. Говорилось также об опасности единого духовного управления для казахов*, поскольку это «могло бы сблизить их в смысле национальном». Совещание не приняло каких-либо решений, посчитав это делом ведомств, но высказалось за преподавание в конфессиональных школах для башкир и казахов на родном языке, чтобы пресечь распространение там татарского⁴. По мнению Арапова, курс правительственной политики в отношении мусульман страны согласовывали такого рода междуведомственные обсуждения предложений по регулированию отношений между ними и властью⁵. На самом же деле правительство, приступавшее к практическому осуществлению провозглашенного либерального курса, стремилось с помощью подобного совещания затянуть процесс преобразования. Характер обсуждения и итоги совещания в значительной мере зависели от его главы прежде всего, а такие бюрократы, как Игнатьев, стояли на пути любых прогрессивных перемен среди мусульман, игнорировали их элементарные духовные и культурно-экономические потребности, оценивая их как непозволительные вольности.

¹ Шагиахметов И. Указ соч. С. 252–253.

² Фархиятов М.Н. Указ. соч. С. 42–44.

³ Каспий. 1905. 5 мая.

⁴ Записка с проектом создания отдельного казахского муфтията была подана министру внутренних дел П.Н. Дурново в 1904 г. (Санкт-Петербургские ведомости. 1907. 13 октября).

⁵ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 42–43.

⁶ Арапов Д.Ю. Россия и мусульманский мир // Сборник русского исторического общества. Т. 7. М., 2003. С. 11.

Что касается участников этого совещания, то по данным М.Н. Фархшатова, представители мусульман, как, впрочем, и представители других конфессий, на совещание не были приглашены¹. По свидетельству петербургского публициста-мусульманина, представленные Оренбургским муфтием Султановым несколько экспертов из среды мусульман были приглашены к 15 июля, к началу работы совещания². Так или иначе, но оно ничего не решило, придя к поразительному выводу, что петиции результат не проявления общего желания российских мусульман, а подстрекательской деятельности агитаторов из их среды³, имея в виду часть обращений, на которых особенно чувствовалось влияние демократических и либеральных веяний. К примеру, в одной петиции отмечалось, что «русские мусульмане, — это в полном смысле слова — пасынки Российской империи и, как таковые, не причисляются к семье русских граждан: они — «иностранцы», они только последователи религии Ислама — магометане, мусульмане — и в лучшем случае, — они — русско-подданные, обязанные, тем не менее, наравне со всем остальным населением империи нести и отбывать все подати, повинности и налоги... Но только нести и отбывать, быть обязанными, ибо «иностранцы» и последователи религии Ислама, мусульмане, как чуждый элемент, не должны иметь общих для всех русских людей прав, они везде и во всем должны быть ограничены. И такой взгляд установился на всех мусульманских подданных... империи...»⁴. Не случайно в советской историографии обращалось внимание на такие пункты петиций, как уравнивание мусульман с русскими в правах государственного и общественного управления, в избрании желательного занятия во всех местностях государства, в праве без ограничения приобретать земли, строения и другое имущество во всех местностях Российского государства и др.⁵ В обращениях подчеркивалось, что мусульмане, глубоко верующие в шариат, который учит подчинению единой самодержавной власти, просят удовлетворить главным образом вопросы, связанные с религией и образованием⁶.

В петициях, писал «Терджиман» летом 1905 г., «правленцы» из ОМДС и ТМДП — муфтии и ближайшее к ним «духовенство» — «хлопочут об интересах касты... думая, что народ все еще остается и должен оставаться быдлом и дойной коровой... Наши некоторые чалмоносцы, забыв, что они только пастыри, лезут в роль плохого урядника и якобы, что-то предупреждая и пресекая, желают обделывать узкокастовое дело». Что касает-

ся Закавказского муфтия и Закавказского шейх-уль-ислама, то они повели себя иначе, поскольку «поняли, что народное дело — дело народа и его интеллигенции»¹. Острая критика была адресована не только муфтиям Султанову и Карашайскому, но и другим приближенным к власти муллам, в особенности столичным.

Вывод игнатьевского совещания, вопреки всем ожиданиям мусульманской общественности, оказался крайне предвзятым. Единственным позитивным результатом совещания являлся проведенный им анализ поступивших от мусульман петиций — свыше 500* (без учета Туркестана и Закавказья). Выяснилось, что большинство ходатайств посвящалось необходимости устранения религиозных «стеснений» и реорганизации духовного управления. После изучения петиций аналитиками «Терджиман» были определены общие проблемы, систематизированные в 32 позиции, из которых четыре наиболее важных пункта были признаны к удовлетворению, а именно: предоставление свободы в деле открытия мечетей; установление выборного порядка для духовных лиц; освобождение мусульманского «духовенства» от обязательства знать русский язык; сосредоточение в руках «духовенства» всех дел, касающихся брачных, семейных и наследственных отношений².

Усманова, проведя сравнительный анализ данных прошений, считает, что для населения одних регионов главной проблемой было создание органов духовного управления (Туркестан, Степной край и Северный Кавказ), для других — кардинальное реформирование с расширением самостоятельности и укреплением финансового благополучия (Крым и Волго-Уральский регион), для третьих — ликвидация ограничений и мелочной опеки властей (татары в Среднеазиатском регионе, казахское население, духовенство Закавказья)³. Однако ряд фактов противоречит предложенной ею схеме.

В конце апреля 1905 г. петиция казахов Семиречья и Туркестанского края была послана в Комитет министров. В ней казахи действительно просили учредить для них духовное правление⁴. 16 июля депутация от казахов Уральской и Тургайской областей прибыла в Петербург. Во главе духовных лиц были ишан Габдулла-махзум Достанов, Д. Ирбатыров и ишан Мухамед-казы Мендикулов; светские участники были представле-

¹ Переводчик—Терджиман. 1905. 29 июля.

* Указанное количество петиций вполне достаточно, чтобы представлять основные тенденции мусульманской петиционной кампании. Для сравнения укажем, что в специальной работе, посвященной анализу обращений крестьян Центральной России, было использовано свыше 600 аналогичных документов, а ее составитель справедливо полагает, что это вполне содержательный комплекс документации такого движения крестьян данного региона, что в свою очередь свидетельствует о его достаточной репрезентативности (Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. Сб. документов. М., 2000. С. 127).

² Переводчик—Терджиман. 1905. 9 сентября.

³ Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 387–388.

⁴ Переводчик—Терджиман. 1905. 23 ноября.

¹ Фархшатов М.Н. Указ. соч. С. 42–44.

² Каспий. 1905. 2 июля.

³ Машанов М. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим иностранцам. Казань, 1910. С. 68.

⁴ Право. 1905. 8 мая.

⁵ Касымов Г. Пантюкистская контрреволюция и ее агентура — султангалиевщина. Казань, 1931. С. 16.

⁶ См.: Раимов Р.М. 1905 год в Башкирии... С. 96–98.

ны Д. Беркимбаевым, С. Кийкиным, Б. Каратаевым* и др. 1 августа делегация была принята Игнатьевым, которому вручила свои ходатайства, включавшие, в частности, просьбу об учреждении духовного управления для казахов. 5 августа светская часть делегации была на приеме у Булыгина¹. Были однако казахи, которые подали петицию, выдвинувшую требование подчинить «мусульман-киргизов» в религиозном отношении Оренбургскому муфтияту². Иначе говоря, далеко не все казахи стремились тогда к созданию собственного духовного управления.

На Северном Кавказе 17 мая представители кабардинцев, осетин, ингушей и чеченцев подали петицию о предоставлении им общественных прав наравне с казачьим населением³. 20 июня во Владикавказе на собрании представителей горцев местной власти была предъявлена докладная записка, содержащая требования ингушского народа: отменить все ограничения для ингушей и уравнивать их в правах политических, гражданских и религиозных с русским населением; выделить ингушей в отдельный округ; учредить духовное правление для мусульман Северного Кавказа и др.⁴ В августе власти решили выделить ингушей в особый округ — Назрановский, который как относительно самостоятельная административно-территориальная единица в составе Терской области был официально утвержден 25 ноября 1905 г.⁵ Начальником вновь сформированного ингушского Назрановского округа, сообщила владикавказская газета «Казбек» 24 августа 1905 г., был назначен Я.Е. Митник**. Таким образом довольно быстро была создана ингушская автономия во главе с русским офицером. Местная администрация стремилась погасить активность местных мусульман, для которых главным приоритетом было не создание собственного духовного управления, а достижение хотя бы такого же уровня самоуправления, какое имели здешние казаки.

В Закавказье протестные настроения мусульманского населения всплеснулись 30 апреля, когда на бакинских нефтяных промыслах все ра-

бочис-мусульмане прекратили работу. Они, несмотря на то, что за одну и ту же работу получали значительно меньше, чем другие, предъявили в первую очередь следующие требования: построить на промыслах мечеть, народный дом с библиотекой, читальней и сценой, отдельные бараки при промысловой больнице с медицинским персоналом, баню; открыть несколько ремесленных училищ с преподаванием на родном языке; отвести место для мусульманского кладбища и др. Таким образом, рабочие требовали удовлетворения прежде всего духовно-нравственных, жилищных и медицинских нужд. К ним 14 мая поехала группа мусульманских религиозных деятелей во главе с казием Джафар-заде. Они, собрав рабочих, предложили им высказать свои требования и приступить к работе. На следующий день забастовщики вернулись на работу. Главной особенностью этой стачки было то, что она протекала совершенно мирно, без какого-либо насилия¹. Но обещания не были выполнены, положение рабочих-мусульман на нефтяных промыслах не улучшилось. Факт массового участия азербайджанцев в этой стачке вызвал серьезное беспокойство среди их элиты.

Когда 10 июня наместник на Кавказе Воронцов-Дашков принял в Тифлисе М.-б. Абашидзе (землевладелец), М.Р.-б. Векилова (врач), А.х. Зиятханова (присяжный поверенный), А.-б. Селимханова (прапорщик), А.М. Топчибашева (присяжный поверенный), князя С.-б. Шервашидзе, Р. х. Ширванского (землевладелец) и других представителей от мусульманского населения Елизаветпольской, Бакинской губерний и Борчалинского уезда Тифлисской губернии, а также Дагестанской и Батумской областей, то он, признав пожелания, изложенные в их петиции (в ней указывалось, что представители мусульман были устранены от какого бы то ни было участия в управлении Кавказским краем, мусульмане с высшим образованием были отстранены от педагогической деятельности в средних учебных заведениях, число мусульман-гласных городских дум и членов городских управ было ограничено и пр.), вполне справедливыми, пообещал обратить особое внимание на открытие школ на родном языке, на создание женского учебного заведения и мусульманского духовного учебного заведения. Пообещав также оказать содействие изданию газет и журналов, книг на родном языке, наместник счел в принципе возможным ослабление цензуры². Таким образом, главными приоритетами для мусульман Закавказья было повышение уровня своего участия, во-первых, в управлении краем и, во-вторых, в учебном процессе.

В бюрократическом аппарате повсеместно господствовали диаметрально противоположные взгляды. Правительство в своем заседании 10 мая отметило, что полученные им от мусульманских представителей ходатайства свидетельствуют, что мусульмане зачастую сталкиваются с от-

* Бахитджан Каратаев (1861–1834) — из семьи казахского султана, в 1890 г. окончил юридический факультет Петербургского университета, затем работал судебным следователем, член кадетской партии, депутат II Государственной думы.

¹ Переводчик—Терджиман. 1905. 13, 16 сентября.

² Якунин А.Ф. Революция 1905–1907 гг. в Казахстане // Революция 1905–1907 годов в национальных районах России. Сб. статей. М., 1955. С. 686–687. После Февральской революции именно так и произошло. На съезде казахов Семиреченской области в апреле 1917 г., в частности, было решено до образования собственного духовного собрания присоединиться к Оренбургскому муфтияту (Исхаков С.И. Российские мусульмане и революция... С. 158).

³ Революция 1905 года на Северном Кавказе. Сб. материалов и документов. Ростов-Дон — Краснодар, 1926. С. 201.

⁴ Революция 1905–1907 годов на Тереке. Документы и материалы. Орджоникидзе, 1980. Т. 1. 1905 год. С. 94–95.

⁵ Угурчиева Х.Х. Назрановский (Ингушский) округ: этапы образования, становления и развития (1905–1921 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 17.

** Митник Яков Елифанович (1857–1905) — из потомственных почетных граждан Воронежской губернии, офицер, старший помощник атамана Сунженского отдела Терской области; был убит.

¹ Переводчик—Терджиман. 1905. 21 июня; Каспий. 1905. 27 июля; Право. 1906. 26 февраля.

² Каспий. 1905. 19 июня; Революция 1905 года в Закавказье... С. 49; Сеидзаде Д.Б. Указ. соч. С. 15.

рицательным отношением местного учебного начальства к их прошениям о назначении стипендий и пособий на время учебы в средних и высших учебных заведениях, а также при получении работы преподавателей и т. д. Поэтому министру народного просвещения было поручено подготовить для внесения в Государственный совет проект закона, отменяющего административные положения, ограничивающие мусульман в этих правах. Кроме того, правительство считало, что следует рассмотреть следующие вопросы: о предоставлении духовным лицам мусульман звания личного почетного гражданина; о разрешении дел, вытекающих из семейных и наследственных отношений мусульман, в ОМДС и ТМДП, в отступлении от действовавших постановлений, на основании которых подобные дела решались этими учреждениями лишь в случае согласия на это заинтересованных мусульман; о преподавании ислама на родном языке учащихся (применительно к порядку, принятому в «инородческих» учительских школах в Казани, Оренбурге и Симферополе); о пересмотре порядка исполнения мусульманами религиозных требований во время отбывания ими воинской повинности; о пересмотре цензурных правил в отношении повременных изданий и книг, издаваемых мусульманами¹. С целью обновления «инородческой» школы с 10 мая по 3 июня 1905 г. в Петербурге прошло созданное по указанию царя Особое совещание по вопросам образования инородцев под руководством члена совета министра народного просвещения известного ученого-слависта Будиловича, ревнителя православия, монархиста, ставшего позднее октябристом. Собранные здесь эксперты по российским мусульманам вынуждены были признать «важность конечной цели совместного жития русских и мусульман» и «сближения национальностей»². Но их риторика относительно межэтнической интеграции не вызывала особого доверия в мусульманской среде, которая обоснованно подозревала, что за этим скрывается очередная попытка ассимиляции.

Что касается мусульман Волго-Уральского региона, для которых, по мнению Усмановой, главная цель состояла в расширении региональной самостоятельности и финансового благополучия, то обратимся к следующим фактам. В мае 1905 г. в уездном городе Чистополе Казанской губернии собралось до 500 человек. Поводом для встречи послужили свадебные торжества. Они были превращены в общественное собрание, причем была даже вынесена особая резолюция: поддерживая идею конституционной монархии, участники высказывались за осуществление религиозных и политических свобод, народное представительство при всеобщем и равном избирательном праве³. По свидетельству участника тех событий, в Чистополе в течение трех дней, 20–22 мая, состоялось со-

брание мусульман, на которое съехались представители Поволжья, Урала и Сибири. Этот съезд, имевший чисто частный характер, тем не менее, на его взгляд, дал «много интересного для характеристики настроения мусульман». На первом же заседании (20 мая) выяснилось, по выражению очевидца, «недоверчивое и даже отрицательное отношение» большинства участников к игнатьевскому совещанию. В принятой тогда резолюции было указано: «Мы, мусульмане Приволжья, Урала и Сибири... обсуждая свое политическое, гражданское и правовое положение, нашли его крайне ненормальным. Полумеры, предпринимаемые правительством к улучшению этого положения, при современных условиях государственного строя не приведут к определенным и желательным результатам. Мы полагаем, что без осуществления коренной реформы государственного строя наше положение не изменится к лучшему. Мы считаем необходимым теперь же добиваться осуществления следующих принципов: 1) Полной свободы совести и религии. 2) Организации государственного правления на началах народного представительства при всеобщем и равном для всех избирательном праве, при прямой и тайной подаче голосов. Для осуществления 2-го пункта этой резолюции необходимо провести в жизнь следующее: 1) Свободу слова и печати. 2) Свободу союзов и собраний. 3) Неприкосновенность личности и жилища»¹.

Второе заседание съезда 21 мая было посвящено обсуждению общих вопросов о степени культурности татар, о состоянии их общественного самосознания, о способности к восприятию различных идей и т. п. Было отмечено, что несмотря на то, что среди татар очень много грамотных, они в целом в культурном отношении занимают чуть не последнее место среди «инородцев» России. Главной и коренной причиной культурной отсталости, по мнению большинства участников, являлось отсутствие среди татар организованной деятельности культурно-просветительского характера посредством создания народных библиотек, читален и пр., что объяснялось, с одной стороны, отсутствием частной инициативы, с другой — неблагоприятными общественно-правовыми условиями. На этом заседании было решено официально ходатайствовать о разрешении учредить общество народно-просветительного характера. На последнем заседании подробно выяснялось положение татарской печати, отмечалось крайне придирчивое отношение цензоров к непериодическим татарским изданиям и было решено послать министру внутренних дел телеграмму с просьбой оказать содействие в разрешении татарских газет². На съезде было окончательно решено, что всероссийский мусульманский съезд со-

¹ По просьбе участников съезда, обратившихся к редактору петербургской газеты «Наша жизнь» профессору Л.В. Ходскому, эта резолюция была помещена в номере от 1 июня 1905 г., что показывает стремление мусульман к тому, чтобы русская общественность больше знала об их подлинных устремлениях, которые отнюдь не соответствовали множеству различных инсинуаций, заполонивших столичную прессу.

² Каспий. 1905. 28 июня.

¹ Право. 1905. 3 июля; Каспий. 1905. 5 июля.

² Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. С. 86, 87.

³ Сеидзаде Д.Б. Указ. соч. С. 30.

стоится в Нижнем Новгороде¹. Таким образом, мусульмане Волго-Уральского региона приняли решения, которые свидетельствовали вовсе не о стремлении к региональной обособленности, а демонстрировали широкий политический кругозор и заинтересованность в решении прежде всего общегосударственных проблем.

Петиции мусульман, хотя едва ли могли называться прообразом формальной идеологии, были основами возникавшей общей программы, включавшей тактические и стратегические цели мусульманской политичности. Их петиции подтверждают распространенное в либеральных кругах мнение, что указ от 17 апреля 1905 г. был еще далек от действительного признания свободы совести, которая была лишь декларирована. В прессе писалось, что о полной свободе вероисповедания можно говорить лишь тогда, когда уравниваются в правах все конфессии и ни одной из них не дается преимуществ перед другими². На практике мусульманское население по-прежнему ощущало дискриминацию, но это, в отличие от других схожих ситуаций, не послужило причиной их революционности, а стимулировало ускоренное, но в то же время организованное развитие общемусульманского движения, которому было присуще взаимодействие и поиск компромисса между всеми интересами входивших в него локально-региональных этнотерриториальных общин, все отчетливее сознающих, что в правительстве замечается тяга как можно дольше затянуть конкретное решение их проблем, надеясь, что протестное настроение масс постепенно угаснет. Местные элиты пришли к выводу о необходимости создания формального механизма с тем, чтобы в итоге заменить неофициальные индивидуальные контакты с чиновниками и петиционные депутации к членам правительства.

Для правительства же было крайне важно понять, насколько остро переживали мусульманские массы свой «комплекс неполноценности» и как это могло отразиться на их поведении в условиях все сильнее разгоравшейся русской революции. Глубоко аналитический ответ на эту кардинальную проблему был дан в статье «Мусульманство и общественное движение в России», опубликованной в столичной газете. Среди «лихорадочного возбуждения», которое переживала почти вся Россия, выделялось, как верно отмечал в статье Симонич, относительно спокойное поведение мусульман, несмотря на то, что и у них были насущные нужды, удовлетворения которых они хотели бы добиться. Мусульман удерживало от участия в народных волнениях «железная дисциплина религии, трудолюбие, довольство малым, покорность судьбе, свойственный всем восточным народам консерватизм в убеждениях и глубокое уважение к переданным предками обычаям и образу жизни». Автор статьи призывал власть прекратить в отношении российских мусульман политику недо-

¹ ГАРФ. Ф. 9599. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.

² Федоров В.А. Указ. соч. С. 255, 256.

рия и подозрительности, разрешить им издавать собственные газеты на родных языках, беспрепятственно открывать школы и мечети, уравнивать их в гражданских правах с русским населением, — все это они заслужили «своим настоящим поведением». Симонич подчеркивал, что не следует бояться развития политических или сепаратистских устремлений среди мусульманских народов, поскольку они сумели сохранить верность и преданность России в тяжелые времена и «будут ей преданными и верными в периоды ее процветания и могущества»¹. Судя по тому, что 18 июня 1905 г. Николай II утвердил положения относительно просьб мусульманского населения, рассмотренных правительством, как отмечалось в мае², император именно так оценил уровень лояльности подданных-мусульман. Не зная подобных важнейших решений, Арапов ошибочно утверждает, что с 1905 г. практически ни одно серьезное предложение по изменению системы государственного регулирования ислама в России так и не было реализовано, причем это касалось как мусульманских проектов, так и предложений самих царских администраторов³. Несомненно, что принятое царем решение еще сильнее вдохновило мусульманских либералов, шедших во главе общемусульманского движения, развертывавшегося повсеместно.

В частности, в Уфе 22, 23 и 25 июня состоялось намеченное еще весной совещание представителей башкирских волостей Уфимской губернии. 150 делегатов разработали и представили правительству, как признавалось даже монархистским публицистом, вполне «разумную программу реформ, свободную от каких-либо враждебных... нововведений злейших врагов России»⁴, под которыми понимались поляки и финны, стремившихся к территориальной автономии. «Мусульманин... не питает... тенденций, напоминающих польские или финляндские. Таков факт, и с ним надо считаться и правительству, и мусульманской интеллигенции...», — писал «Терджиман» весной 1905 г.⁵ Предложенный уфимским совещанием проект, по мнению нижегородских исламоведов, означал создание единой религиозной автономии мусульман России во главе с избираемым муфтием, имевшим право доклада императору. Высшим органом ее предполагался съезд мусульманских «иерархов». Идея такой религиозной автономии была наиболее близка и понятна большинству татарского населения и выражала чаяния всей российской уммы (религиозной общины)⁶.

У мусульманских граждан действительно были проблемы, связанные с «совместным житьем» с русскими. С начала XX в. в ОМДС поступало большое количество прошений мусульман с просьбой ходатайствовать о

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 13 мая. Эта публикация вызвала интерес в местной прессе, о чем свидетельствует, например, ее перепечатка в симферопольской газете «Салгир» 20 мая 1905 г.

² Право. 1905. 3 июля.

³ Арапов Д.Ю. Императорская Россия... С. 11.

⁴ Государственная измена. С. 26.

⁵ Переводчик—Терджиман. 1905. 18 марта.

⁶ Идрисов У.Ю., Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Указ. соч. С. 13–14.

закрытии винных лавок в мусульманских селениях¹. По свидетельству современника, побывавшим в Казани и в Нижнем Новгороде во время ежегодной Макарьевской ярмарки бросается в глаза тяга части татар к разврату, пьянству: «...редкий татарин откажется от спиртных напитков, а количество публичных домов терпимости и число тайных проституток скоро, — писал очевидец в 1901 г., — превысит в Нижнем половину существующих во всей Казани, а Казань очень богата этими “милыми, но погибшими созданиями”». С этими пороками татары не борются². Представители башкирского населения Уфимской губернии были особенно недовольны, во-первых, тем, что в их селениях из-за появившихся винных и пивных лавок к 1905 г. сильно развилось пьянство, которое препятствовало культурному развитию жителей, во-вторых, тем, что из-за открывшихся домов терпимости усиливалась безнравственность³. По свидетельству очевидца, в Кси-Табынской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии мусульмане выпивали почище русских, но только не публично, а у близких знакомых или у себя дома⁴. Из д. Мансурово Тептяро-Учалинской волости Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии сообщали, что в этой волости, включавшей 12 башкирских аулов, «большинство крестьян богатые», но заняты они исключительно пьянством; «нет дома, где бы не пьянствовали, а многие даже ночуют в кабаках...»⁵. В самом Оренбурге, выступая перед мусульманской публикой, один мулла с горечью констатировал факт сильного распространения употребления алкоголя у местных мусульман⁶. Мусульмане Андижана весной 1906 г. жаловались властям, что различные питейные заведения, число которых увеличивалось в русской части города, оказывали развращающее действие на местных жителей, особенно молодое поколение, которое прожигало в них «средства и сбережения своих отцов», причиняя себе и семьям как нравственный, так и материальный вред⁷. Во время революции происходило распространение алкоголизации и среди мусульман, с тревогой писала мусульманская пресса. Не меньшее внимание общественности привлекала проблема проституции, о чем немало писалось татарскими писателями в начале XX в.

Одной из острых проблем сосуществования мусульман и православных также являлась проблема праздников. Первыми проявили свое недовольство русские торговцы в Казани, которые, отдыхая по воскресеньям, закрыв при этом свои магазины, были недовольны бойко торговавшими рядом лавками мусульман, для которых обязательным днем отдыха, со-

гласно их религии, являлась пятница. Казанская городская дума не могла остаться в стороне от назревавшего конфликта, и в результате долгих споров 11 апреля 1905 г. было принято решение, которое ограничивало торговлю в воскресные дни (в день отдыха православных представители других конфессий во всех частях города, кроме Новотатарской слободы, могли торговать лишь полчаса в течение всего дня)¹. Тогда татарские приказчики в Казани выступили против того, чтобы их выходные дни совпадали с христианскими праздниками². К лету 1905 г. не только в Казани, но и в самых разных местах империи мусульмане высказывались в том же духе относительно праздничного отдыха³. Но их протесты не учитывались, за редким исключением.

Когда уфимским губернатором стал Б.П. Цехановецкий*, который прибыл в Уфу 16 июля 1905 г., то он, с точки зрения представителей Союза русского народа (СРН), воспользовался своей властью якобы для того, чтобы возможно шире и глубже «разлить яд вражды в мусульманском населении к российской государственности». Он «с чисто иезуитской ловкостью наталкивал дремавший мусульманский мир на якобы право его требовать предпочтения своей религии, своему языку и своим обычаям против православной религии, русского языка и русских обычаев»⁴. Политика губернатора, настаивал автор этого пасквиля, якобы клонила всецело к тому, чтобы раздуть национальные и религиозные инстинкты. В частности, он открыто поддерживал мусульман-торговцев⁵, чтобы ввиду преобладания мусульман в губернии христианами соблюдались мусульманские праздники и торговля прекращалась в эти дни, а не в православные праздники. Чтобы дискредитировать перед Петербургом толерантного губернатора, анонимный автор брошюры даже обвинил его в подрыве целостности государства, заявив, что именно им была брошена в мусульманскую среду «коварная мысль о возможности для мусульман образовать отдельное автономное государство» из Уфимской и час-

¹ Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX — начала XX в. Казань, 2000. С. 46–47.

² Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. Казань, 2004. С. 64; Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 199.

³ Переводчик—Терджиман. 1905. 14 июня.

* Цехановецкий Болеслав Павлович (1857–?) — потомственный дворянин, юрист, 27 июня 1905 г. назначен уфимским губернатором; являлся почетным членом правления Попечительства о бедных мусульманах г. Уфы.

** Автор этого издания СРН тем самым противоречил своей собственной программе, в которой было сказано, что «Союз русского народа торжественно заявляет, что все нерусские народности, имеющие исконную племенную оседлость в коренной России и живущие извечно среди русского народа, он признает равными себе... причем из иноверцев выражает свое благорасположение содержащим Магометанов закон» (Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX в. М., 1995. С. 445).

*** Губернатор к тому же разрешил с 16 ноября 1905 г. отдыхать четыре дня чиновникам-мусульманам во время большого мусульманского праздника, связанного с окончанием месяца рамазан (Уфимские губернские ведомости. 1905. 17 ноября).

¹ Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 374.

² Султанов Х.-С.-Г. Указ. соч. С. 34.

³ Уфимские губернские ведомости. 1905. 9 июля.

⁴ Минцлов С.Р. Указ. соч. С. 57.

⁵ Каспий. 1907. 29 июня.

⁶ Окраины России. 1910. 1 мая.

⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. I. Д. 3390. Л. 16.

тей Казанской и Оренбургской губерний и населенных казаками западно-сибирских областей, где мусульмане могли осуществить панисламистские идеи. Цехановецкий, как писал его антагонист из СРН, «бередил смутно мелькавшие в умах некоторых передовых мусульман болезненные племенные и религиозные идеи с исключительной целью вызвать сочувствие к Польше, ослабить силу России ее расчленением...»¹. То, что губернатор пошел навстречу мусульманским жителям, контактировал с их представителями, обсуждая самые острые проблемы, в том числе такие темы, как пантюркизм и панисламизм, вызывало у уфимских ультраправых деятелей и их покровителей в столице негодование и яростное сопротивление. Враги губернатора добились, чтобы его уже в конце 1905 г. Петербург отстранил от должности. Как справедливо отмечал Цаликов, «всесильная бюрократия... всегда стояла на пути всяких прогрессивных начал среди мусульман, всегда игнорировала его элементарные культурно-экономические потребности»². Но курс на стирание их религиозной и культурной самобытности был нереалистичен, он лишь усиливал отчуждение между населявшими этот край мусульманами и православными.

Мусульманские активисты стали понимать, что надеяться на какие-либо преобразования с помощью правительства, отдельных губернаторов и мусульманских «иерархов» было крайне затруднительно и ненадежно, и в дальнейшем ходе общемусульманского движения стали наблюдаться принципиальные сдвиги, связанные с одной стороны, с вовлечением масс в политическую деятельность: собранные вместе петиции, касавшиеся не только исламских религиозных, но и культурных проблем, представляли собой значительный прогресс по сравнению с предыдущими жалобами и прошениями — отражали интенсивную и тщательную подготовку, скрыто выражали протест не только против проводимой политики правительства и действий местных бюрократов, но и недовольство тем, что часть ответственности за религиозный упадок лежала на созданных властями духовных правлениях (муфтиятах), поскольку те вовсе не так боролись за интересы верующих, как хотелось народным массам; с другой — с подготовкой съезда мусульман всей империи, имевшего цель сплотить региональные элитные группы, которые порознь попытались было влиять на правительственную политику, но без особого успеха. Отсюда возникла потребность в настоящей организации, чтобы с ее помощью выражать интересы мусульман перед властью. С такими итогами 18 июня 1905 г., когда монарх поддержал часть требований мусульманской общественности, завершился первый этап общемусульманского движения.

¹ Государственная измена. С. 24–25, 27. На данной брошюре не указана фамилия автора. По мнению современного исследователя, им являлся служивший в уфимской губернской администрации чиновник Н.Н. Жеденов (Жеденев), который осенью 1905 г. перевелся в канцелярию петербургского градоначальника и вскоре стал известным монархистским публицистом и деятелем СРН (Максимов К.В. Монархическое движение в России... С. 25).

² [Цаликов] А. Среди мусульман. С. 79.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ С УЧАСТИЕМ МУСУЛЬМАН В 1905 ГОДУ

Весной и летом 1905 г. по всей Российской империи, как считалось в советской историографии, продолжало шириться национально-освободительное движение, завязавшееся после январских революционных забастовок рабочих. В борьбу вступали все новые и новые «отряды трудящихся» Польши, Прибалтики, Финляндии, Украины, Белоруссии, Поволжья, Кавказа. Население этих районов громило местные правительственные учреждения, явочным порядком вводило свой родной язык в качестве государственного языка в органах местного управления, школах, общественных учреждениях. На первом плане в требованиях масс стояли в основном социально-экономические и политические требования. С каждым новым этапом революции национально-освободительное движение росло и крепло и становилось все более значимым слагаемым общенародной борьбы против самодержавного строя в России. Насколько все это применимо в отношении мусульманского населения, в особенности в горячих точках?

Во многих местностях Кавказа, как считает Багирова, революция приобрела форму межнациональных, в основном, армяно-азербайджанских столкновений. Причину этих кровавых событий в советской историографии с легкой подачи дашнаков и армянских историков принято было видеть только в имперской политике царизма, следующего принципу «разделяй и властвуй» и пытавшегося с его помощью подавить массовые революционные выступления на Кавказе. Не отрицая определенной доли истины, которая есть в этом утверждении, пишет далее Багирова, нельзя не видеть той роковой роли, которую сыграли в этих событиях армянские революционные организации, и прежде всего «Дашнакцутюн»¹.

Нельзя не видеть также и той роли, которую сыграли в предвзятой интерпретации этих событий многие газеты. Встречаясь 10 июня 1905 г. с наместником на Кавказе Воронцовым-Дашковым, представители мусульман Кавказа обратили особое внимание на то, что ежедневно в столичной и местной печати появлялись явно тенденциозные сообщения о том, что везде и всюду нападали, убивали, грабили одни только мусульмане, которые делали это якобы в связи со священной войной во имя

¹ Багирова И.С. Указ. соч. С. 217.

панисламистских идей¹, а на самом деле азербайджанцы, подвергшись спланированным и многочисленным нападениям, заняли самооборону.

Более того, дашнаками делались попытки разжечь конфликт между грузинами-христианами и грузинами-мусульманами*. Известный грузинский журналист и политик Г.Г. Вешапели приводил сведения о том, что численность грузин-мусульман только в Батумской области доходила до 100 тыс.² Из двух миллионов грузин, по его данным, треть была исламизирована, а такие территории, как Аджария, Шавшети, Лазистан и Чорхский край, к началу XX в. были, по его выражению, «омусульманившиеся»³. Власти Батумской области незадолго до революции признавали, что «коренное население области составляют грузины-мусульмане, люди, фанатически преданные своей вере... Тщательно оберегая свою веру и обычаи... аджарцы представляют из себя общества сознательно замкнутые от постороннего влияния...»⁴. Не случайно в мусульманских частях Грузии — в Аджарии, Кобулетах и в других местах Батумской области — большое распространение получил изданный в Тифлисе в 1906 г. перевод Корана на грузинский язык, выполненный П.Г. Мирианишвили⁵.

¹ Каспий. 1905. 19 июня; Революция 1905 года в Закавказье... С. 49. Продолжая в том же духе, Каррер д'Анкокс пишет, что «ставшие жертвой ненависти мусульман армяне вооружались» (Каррер д'Анкокс Э. Указ. соч. С. 122).

* К числу грузин-мусульман относились ингилойцы (сунниты-шафииты; этноним «ингилой» производят от турецких слов «ени» — новый и «иол» — путь; такое название связывают с принятием в конце XVII—XVIII вв. грузиноязычным населением края ислама) в Закатальском округе, аджарцы-сунниты, лазы (Батумская область (Аджария) и Кутаисская губерния) и абхазы-сунниты (Гудаутский и Кодорский участки Сухумского округа — Бзыбская Абхазия). В Ахалцхском, Ахалкалакском и Борчалинском уездах Тифлисской губернии — в восточной части Грузии — в начале XX в. жили грузины-мусульмане, обозначавшиеся специальным конфессионимом — «татари» (Кавказский край. 1905. 3 апреля). В Ахалцхском и Ахалкалакском уездах Тифлисской губернии в конце XIX в. проживало 20,7 тыс. грузин-мусульман (Мамулия Г. Концепция государственной политики Грузии в отношении депортированных и репатриированных в Грузию мекхов. История и современность // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 1(2). С. 154). Затем их численность достигла 43,3 тыс., что составило 31% населения этих уездов, а к 1916 г. здесь проживало примерно 59 тыс. мусульман (34%) (Юнусов А. Ахыскинские (месхетинские) турки: дважды депортированный народ // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 1(2). С. 169). К 1918 г., по одним данным, в Ахалцхском уезде из 100-тысячного населения мусульмане составляли 26 тыс. человек (Ментешашивили А. Распад Российской империи и Закавказье // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 249), по другим — к 1918 г. их было 52 тыс., а в Ахалкалакском уезде — 7 тыс. (Дарчиашвили Д. Южная Грузия: вызовы и задачи безопасности // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 1(7). С. 179).

² Русские ведомости. 1914. 31 декабря.

³ Вешапели Г. Грузия // Национальные проблемы. 1915. № 1. С. 14, 15.

⁴ Обзор Батумской области за 1903 год. Батум, 1904. С. 40.

⁵ Каспий. 1907. 11 ноября. Мирианишвили Петр Григорьевич (1860–1940) — окончил Петербургский университет и Сорбонну; историк, просветитель, педагог, публицист, переводчик. В рецензии на этот перевод отмечалось, что «давно чувствовалась необходимость дать грузинам-мусульманам их священную книгу на родном языке... Перевод исполнен хорошим, выразительным языком, соответствующим трактуемой материи... Жаль, что переводчик, по каким-то соображениям, скрыл от читателя, пользовался ли он оригиналом Ко-

Только в Батуме* в течение нескольких первых месяцев 1905 г. было убито 19 грузин-мусульман. Когда 15 мая погиб 80-летний казий Хаджи Мамед-эфенди (Хаджи Мемед Исмаил оглы)**, который пользовался большой популярностью в Аджарии, толпы аджарцев направились в Батум, чтобы выразить свое возмущение¹. Убийство этого религиозного деятеля было очевидной провокацией, чтобы поднять местных мусульман на спонтанные акции протеста как против властей, так и против христианского населения, но этого не произошло, поскольку власть не поддавалась на провокацию, а представителям местной элиты удалось сдержать народный гнев.

Один из них, литератор и преподаватель М.-б. Абашидзе, выступая в Тифлисе 10 июня на собрании грузин и мусульман Закавказья, объяснил, что «и в Батуме попытались сеять рознь между грузинами-христианами и грузинами-магометанами, но этого, к счастью нашему, не достигли»². К чести властей, убийцы казия были быстро пойманы, и согласно сообщению «Терджиман» от 10 октября 1905 г., были осуждены военным судом к повешению. Кроме того, чтобы поскорее успокоить мусульманских жителей, местная власть пошла на существенные уступки. После того как их представители 10 июня встретились с наместником на Кавказе, в ходе которой ходатайствовали о разрешении построить первую мечеть в Гудаутах (абхазы-мусульмане, составлявшие значительную часть населения Гудаутского участка Сухумского округа***, не имели ни мечети, ни указных мулл), такое согласие им было дано уже 25 июня 1905 г. В июле Абашидзе обратился к властям с ходатайством об издании в Батуме газеты под названием «Тулу» («Восход») на грузинском и турецком

рана, или европейскими переводами» (Х-в А. Куран Мухамеда. Грузинский перевод. Первое издание. Тифлис, 1906 // Исторический вестник. 1907. № 3. С. 1065). Как позднее выяснилось, Мирианишвили использовал французский перевод Корана.

* Согласно официальным данным, в Батуме в 1903 г. проживало 29 545 человек, в том числе 171 мусульман-суннитов, 1 042 мусульман-шиитов, 349 картвельцев-мусульман, 178 горцев-мусульман (Обзор Батумской области за 1903 год. Батум, 1904. Ведомость № 2). Таким образом, мусульмане этого города составляли 9,3% всех его жителей.

** Вероятно, Гаджи-Сеид-эфенди Исмаил-эфенди оглы — казий Бакинского губернского медреса Закавказского суннитского духовного управления в конце XIX в.

¹ Каспий. 1905. 24 мая; Переводчик—Терджиман. 1905. 24, 31 мая.

² Каспий. 1905. 21 июня.

*** В Сухумском округе, по одним оценкам, к 1916 г. абхазов-мусульман было 17,6 тыс., абхазов-христиан — 60,4 тыс. (Воробьев Н. О неосновательности притязаний грузин на Сухумский округ (Абхазию). Ростов-на-Дону, 1919. С. 8–9); первые составляли 46%, а вторые — 54% (Смирн Г.В. Религиозные верования абхазов (историческая эволюция и особенности). Гагра, 1994. С. 13). Однако в секретных докладах военного ведомства (за 1914–1915 гг.) отмечалось, что, наоборот, большинство абхазов исповедовало ислам, христиане же составляли меньшинство (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 3406. Л. 11, 11об.; Известия Всероссийского мусульманского совета. 1917. 20 октября). Такое соотношение, надо полагать, имело место и в период революции 1905–1907 гг. Таким образом, историки, в отличие от военных экспертов, существенным образом преуменьшили численность местных мусульман и одновременно завысили количество христиан.

языках¹. Определяющую роль в успешном погашении этой горячей точки сыграл известный и очень популярный среди мусульман генерал-майор Алиханов, который оказался умелым администратором. Поэтому его назначили на новую должность — бакинским губернатором, о чем 10 июня 1905 г. радостно сообщил «Терджиман». Обстановка в этой губернии была напряженной, с чем и было связано направление сюда Алиханова.

18 и 20 августа азербайджанцами-шиитами отмечались религиозные праздники, и эта ситуация была омрачена намерением дашнаков вновь использовать подобные торжества в качестве горючего материала для того, чтобы зажечь массовое недовольство у мусульман, создав таким способом в Бакинской губернии мощный асоциальный и антиправительственный взрыв. В качестве «запала» дашнаками решено было использовать то обстоятельство, что в нефтяной отрасли Азербайджана работали более 80% всех мусульманских рабочих, а из всех рабочих-нефтяников (около 40 тыс. человек) почти половину составляли мусульмане: 10% из них были местного происхождения, 20% — тюркоязычные выходцы из Северной Персии². В результате провокаций 20–25 августа в Баку и на нефтяных промыслах Бакинского уезда произошли столкновения армян с азербайджанцами, сопровождавшимися убийствами, грабежами и поджогами. С 20 августа по 7 сентября в самом городе, согласно данным властей, было убито 53 армян, 40 азербайджанцев, 5 русских и др., ранено было 49 армян, 48 азербайджанцев, 9 русских и др.

Между тем по империи мусульманобствующая пресса продолжала распространять самую недостоверную информацию о действительной роли азербайджанцев. В результате под влиянием прессы некоторые чиновники, находясь далеко от места событий, в своих донесениях в Петербург характеризовали недавние конфликты в Закавказье как «вооруженное восстание мусульман на Кавказе», о чем 15 октября 1905 г. писал из Ташкента дипломат Калмыков⁴. Примерно также рассуждали в либеральных и революционных кругах. В частности, социал-демократы твердили, что во всем виноваты только азербайджанцы. В листовке Костромского комитета РСДРП, выпущенной в сентябре 1905 г. под громким названием «Гражданская война в Баку», было сказано, что в Шуше, Баку,

¹ Каспий. 1905. 30 июня, 14 августа. Судя по научной литературе, эта газета не печаталась, поскольку разрешение не было получено. Более того, в 1905 г. властями был арестован и выслан Аслан-бек Абашидзе, семья которого пользовалась среди местного населения большим влиянием. А в 1908 г., спасаясь от преследования властей, бежали в Турцию остальные ее члены — Зия-бек, Мамед-бек, Риза-бек и Фейзли-бек (ГАРФ. 124. Оп. 57. Д. 248. Л. 1, 5, 5 об. См. также: Абашидзе А.Х. Аджария. История, дипломатия, международное право. М., 1998. С. 236–239, 241).

² Баберовски Й. Указ. соч. С. 333, 337.

³ Революция 1905 года в Закавказье... С. 63, 70. В источнике не сообщается, на чьей стороне действовали русские горожане. Далее изложены материалы, которые указывают, что они выступили на стороне мусульман.

⁴ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1256. Л. 55.

Тифлисе, Елизаветполе, Кутаиси азербайджанцы «нападают на армян», а те «восстают против властей», причем мусульмане «сначала действуют по указаниям властей, потом накидываются на них сами». Далее в листовке сказано было, что бакинские азербайджанцы «всегда стояли на дороге у других рабочих», когда те начинали стачку, «всегда ругали армянских социалистов бунтовщиками и политиками», готовы были мириться с какой угодно долей и т. д. В итоге делался вывод: разгорелась невиданная в мире война между двумя частями рабочих, между армянами и азербайджанцами¹, тем самым переводя межэтнический и межконфессиональный конфликт, спровоцированный дашнаками, в социальную плоскость. В подобных пропагандистских текстах многие важные обстоятельства, в особенности о роли армянских революционеров, были намеренно скрыты.

В современной историографии по-прежнему заметно влияние разного рода пристрастных источников и домыслов, которые сплели настоящие ловушки для исследователей, затрагивающих подобные сюжеты. К примеру, Иголкин пишет, что в советской историографии было принято всю вину за августовские погромы возлагать на власти и «черносотенные элементы». Бесспорно, пишет он далее, что власти были виновны в попустительстве погромщикам, но одно дело — попустительство, и совсем другое дело — прямая организация поджогов. Документы свидетельствуют, что в начале лета 1905 г. в Баку появились многие десятки недоучившихся мулл из Персии, вроде современных талибов. Их приезд в Баку и пропаганда мусульманского фанатизма на промыслах среди рабочих-персов были использованы. Иголкин пишет, что хотя доступные ему документы, которые он при этом почему-то никак не характеризует, не позволяют ответить на вопрос, кто же их организовал, он тем не менее предполагает, что поджоги были организованы теми, кому это было выгодно — по тем или иным причинам, политическим или экономическим: они были выгодны некоторым азербайджанским предпринимателям, но они не были способны организовать такую сложную операцию; они были выгодны американской нефтяной компании, позиции которой после событий 1905 г. значительно укрепились; они были выгодны тем теневым центрам политической игры, которые раздували пожар первой русской революции, преследуя свои собственные цели². Эта гипотеза не подтверждена достоверной источниковой базой, а стиль изложения ясно показывает, что делается попытка свалить вину за эту акцию на каких-то мифических мусульманских экстремистов, прибывших из-за рубежа, чтобы дестабилизировать внутреннюю ситуацию в Закавказье.

Многие современники этих событий, как уже отмечалось, сходились во мнении о пагубной роли партии «Дашнакцутюн» в этих событиях: ее

¹ Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 1. М., 1955. С. 119–121.

² Иголкин А.А. Указ. соч. С. 217–219.

члены разжигали национальную рознь между народами Закавказья¹. Свиетоховский, тщательно изучавший азербайджанскую историю начала XX в., полагает, что нет убедительных доказательств, что массовое насилие сознательно провоцировалось властями; враждебность достигла такой степени, когда для возникновения взрыва не нужно было никакого подстрекательства извне. Понятие азербайджанско-армянская «резня» достаточно точно передает природу межобщинного насилия, начавшегося в феврале 1905 г. Все имеющиеся данные указывают на то, что мусульмане понесли большие потери по сравнению с армянами. И больше, чем любые другие события революционного времени, удары со стороны армянских вооруженных отрядов стали импульсом к консолидации мусульманской общины Закавказья, стимулировав ее единение². Эти конфликты стали причиной этнической мобилизации азербайджанцев, оказавшихся перед реальной угрозой массированных террористических атак, сопровождавшихся масштабной информационной войной, нацеленной на дискредитацию не только азербайджанцев, но и всех мусульманских подданных в глазах русского общественного мнения.

В ходе столкновений, вызванных дашнаками, всего с февраля по август 1905 г. погибло более 1000 мусульман. Главной причиной конфликтов являлось то, что произошел экономический захват армянами всего Закавказья. При этом наиболее обездоленными оказались шииты-азербайджанцы, и их-то старались показать, как отмечал «Терджиман», «бунтующими против русских, против России», для чего стал использоваться жуел панисламизма, «истасканный и засаленный давно по разным другим случаям». Таким образом, в основе конфликта лежал «экономический антагонизм населения», которым ради преследуемых ими политических целей воспользовались не только дашнаки, но и эсеры с большевиками³. Э. Каррер д'Анкосс признает этот факт, отмечая, что здешние мусульмане мечтали, чтобы экономическое развитие региона благоприятствовало им⁴.

Узнав об августовских столкновениях, Николай II дал наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову указание о «неотлагательном принятии всеми от него зависящими средствами мер к прекращению этого бедствия и восстановления порядка»⁵. Одновременно царь поручил сенатору А.М. Кузьминскому изучить в связи с армяно-азербайджанским конфликтом ситуацию в Бакинской губернии. В отчете сенатора также отмечалось, что азербайджанцы были не против армян, а выступили против их стремления к исключительному обладанию ресурсами этого края,

равно как духовного и материального «порабощения мусульман»¹. Поэтому азербайджанцы были непреклонны против надвигающейся угрозы их выживанию как этноса. «На все русское мусульманство особенно тягостное впечатление произвело тенденциозное объяснение событий армянской и армянофильствующей печатью. Печать эта силилась доказать, что движение среди татар (азербайджанцев. — С.И.) антиправительственное, на почве пресловутого панисламизма... Зная очень хорошо, — свидетельствовал «Терджиман», — что среди мусульман не существует какого-либо антиправительственного движения... народ глубоко возмущен клеветой тенденциозной печати»². Современные исследователи, как правило, продолжают впадать в очевидную односторонность и предвзятость. Так, констатируя, что осенью 1905 г. в Баку, Тифлисе, Елизаветполе (Гяндже), на станциях Закавказской и Карсской железных дорог все время происходили столкновения азербайджанцев и армян, И.М. Пушкарева приводит один, но, на ее взгляд, характерный эпизод, из которого неосведомленному читателю легко понять, кто нападал и кто защищался: толпа в тысячу азербайджанцев напала на армянский город Казах, где два дня продолжались грабежи населения, возникли сильные пожары, число жертв достигло нескольких сотен³. О других, не менее характерных, эпизодах армянской агрессии современные российские историки обычно умалчивают.

Наиболее существенным отличием от февральских стычек было то, что на стороне азербайджанцев с августа 1905 г. стали выступать русские жители, о чем, в частности, свидетельствуют приведенные выше данные, что они составили почти 5% пострадавших в августовских событиях. Как конкретно происходило одно из таких столкновений между азербайджанцами и русскими, с одной стороны, и армянами, с другой, свидетельствуют факты, изложенные в записке, направленной царю Воронцовым-Дашковым. В Баку, где мусульмане составляли около 40% горожан, 21 октября 1905 г. толпой манифестантов, состоящей из азербайджанцев и русских, было сожжено 11 армянских домов, из которых по ним велась стрельба, а брошенной бомбой были ранены несколько человек. В тот же день состоялась еще одна азербайджанско-русская манифестация, участники которой также были обстреляны из армянского дома, который вследствие этого был подожжен манифестантами. 23 октября несколько тысяч азербайджанско-русских манифестантов с национальными флагами и портретом царя продвигались через армянскую часть города, где встретили вывешенный красный флаг, который демонстранты потребовали убрать. Но в ответ прозвучали выстрелы из армянских домов, которые вскоре демонстрантами были преданы огню⁴. Русские монархисты

¹ См.: Аханчи П.А. Этнорелигиозные группы нефтепромышленных рабочих г. Баку и их взаимоотношения в конце XIX — начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 143.

² Свиетоховский Т. Русское правление, модернизаторские элиты... С. 19.

³ Переводчик—Терджиман. 1905. 2 сентября.

⁴ Каррер д'Анкосс Э. Указ. соч. С. 123.

⁵ Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. I. М., 1982. С. 26.

¹ Всеподданнейшая записка... С. 4–5.

² Переводчик—Терджиман. 1905. 20 сентября.

³ Первая революция в России: взгляд через столетие. С. 321.

⁴ Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 2. М.-Л., 1955. С. 266, 273.

не только помогли мусульманам вооружиться, но и сами боролись против армянских боевиков и нередко гибли, попадая в группу «русских».

В Тифлисе, где армяне и азербайджанцы составляли примерно равное количество — по 20% от общей численности населения, перестрелка между ними началась 22 ноября в азербайджанской части города и продолжалась 23, 27 и 28 ноября; 23 ноября в больницу были доставлены 15 убитых — 13 азербайджанцев и 2 армян, 28 ноября — около 70 раненых-азербайджанцев. 29 ноября на небольшую группу азербайджанцев напала толпа армян, которые стреляли по убегавшим людям, в результате двое были убиты. В местной прессе отмечалось, что в столкновениях приняли участие боевики партии «Дашнакцутюн». Конфликт был остановлен 1 декабря, когда в зале заседаний городской думы состоялось совещание представителей мусульманского и армянского населения, на котором были приняты условия мира, предложенные мусульманской стороной¹, которая вновь, как и во время февральских столкновений в Баку, выступила инициатором прекращения кровопролития.

Описание этого конфликта существенно дополняют и разъясняют данные, сообщенные в Петербург прокурором Тифлисской судебной палаты К.К. Александровым-Дольником. 26 ноября в столице была получена его телеграмма, в которой отмечалось: перестрелка армян и азербайджанцев стихала, настроение горожан было тревожным, все магазины были закрыты, были обнаружены пять убитых азербайджанцев. Когда 27 ноября перестрелка в Тифлисе возобновилась, то оказалось, что стрелять начали из армянской части города по азербайджанской. «При личном объезде обстреливаемых частей города, — телеграфировал он 29 ноября министру юстиции, — вынес убеждение, что нападают армяне. Розданное ранее рабочей партии оружие отобрано; сделано распоряжение изолировать татарскую (азербайджанскую. — С.И.) часть города от армянской войсками и артиллерией. За эти дни раненых около двадцати человек».

В другой телеграмме прокурор сообщал, что в большинстве случаев нападающей стороной явились армяне, пострадавших за три дня стычек насчитывалось: 55 раненых (в том числе 30 азербайджанцев, 18 армян), 34 убитых (в том числе 24 азербайджанца, 8 армян). 28 ноября перестрелка прекратилась, охрана города была передана грузинским меньшевикам (т. е. вышеупомянутой рабочей партии), которым распоряжением наместника на Кавказе выдано было 500 берданок. Прокурор предупреждал, что среди населения «растет возбуждение, враждебное власти, вооружившей революционную часть населения; патриоты и войска, возмущенные тем же, собираются на митинги, требуя немедленного обезоружения революционных элементов и грозя телеграммой государю. Полиция, окончательно деморализованная, бездействует». Николай II,

¹ 1905 год в Тифлисе. Фактические материалы по данным музея и архива Тифлисского совета Р.К. и К.Д. и газетных хроник. Тифлис, 1926. С. 122–126.

ознакомившись с этими сообщениями, поставил 1 декабря вопрос: «Как начались беспорядки?»¹

Выполняя указания царя, прокурор, выяснив все обстоятельства, сообщил в секретном письме, датированном 28 декабря 1905 г., следующие сведения, которые приведем без каких-либо существенных сокращений: «Уже при первой вести о вспыхнувшей в феврале... расправе между армянами и татарами* в г. Баку, среди населения Тифлиса пробудилось тревожное опасение, как бы прискорбные бакинские события не повторились и здесь. По мере того, как кровавая волна этих событий все шире и шире захватывала местности Закавказья, населенные враждующими между собой армянами и азербайджанцами, росло и это опасение. При этом преимущественно волновались армяне, несмотря на то, что в Тифлисе все выгоды, сравнительно с татарами, на их стороне, как по численности (в Тифлисе и Тифлисском уезде по последней переписи считается армяно-григориан свыше 65 000 человек, а мусульман — около 20 000 человек), так и по территориальным условиям, ибо татарская часть города, занимающая низкую полосу по правому берегу реки Куры, с обеих сторон окаймлена нагорными армянскими частями... Тем не менее по городу все чаще распространялись слухи, что татары готовят резню армянской части населения, для чего отмечают армянские дома; указывались даже сроки, на которые резня эта назначена, и к этим срокам армянские семьи выезжали из постоянных своих жилищ, переселяясь во временные квартиры. Такое нервное настроение породило среди армянского населения стремление организовать самообрану, которую, по общему мнению, и приняло на себя армянское революционное общество «Дашнакцутюн». Создалось положение, при котором ничтожный повод мог оказаться достаточным для того, чтобы вызвать между армянами и татарами враждебные действия.

Повод этот явился к вечеру 22 ноября, когда неизвестный, проезжавший на фазтоне по Воронцовской улице, пролежавшей вдоль всей татарской части города, произвел из револьвера пять выстрелов и скрылся. Вслед за этим, как по сигналу, поднялась перестрелка в татарской части города и прилегающих к ней армянских частях... Перестрелка эта прекратилась только к утру, причем уже вечером 22-го в двух различных сторонах города произведено было ограбление персидской лавки и покушение на ограбление дома, занимаемого персами. 23 ноября около 9 часов утра стрельба возобновилась и продолжалась с особой силой. В этот же день толпой армян разграблены в караван-сарайе Хосроева по большей части мусульманские магазины, а также в разных частях города семь лавок, принадлежащих также мусульманам. К ночи начались разгромы и армянских лавок в татарской части города.

¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 3044. Л. 1–1 об., 2–2 об., 3, 4–4 об.

* Здесь и далее в этом документе под татарами имеются в виду азербайджанцы.

Которая именно из враждующих сторон начала стрельбу, с точностью установить невозможно. Судя же по тому, что после перестрелки 22-го оказалось всего двое раненых армян, мусульман же ранено шестеро и пятеро убито, следует предположить, что татары застигнуты были врасплох. В пользу того же вывода служит и то обстоятельство, что как в этот вечер, так и в последующие дни армяне были несомненно стороной нападающей. Хотя всех потерпевших во время беспорядков зарегистрировать не удалось, так как армяне и особенно татары прятали своих раненых и убитых, а армяне, кроме того, многих раненых и убитых ими татар бросали в Куру, тем не менее и собранные данные с достаточной ясностью указывают, что татары были стороной страдающей. Так, из этих данных видно, что из 109 потерпевших за 22, 23, 24 ноября оказались убитыми: татар — 29, армян — 4, остальных — 2 и ранено: татар — 39, армян — 19, остальных — 16. Помимо этого есть указания на ряд случаев нападения армян толпой на отдельных безоружных татар, которых они и убивали, нанося им одновременно по несколько поранений огнестрельным и холодным оружием.

Около 5 часов 23 ноября социал-демократической рабочей партией в целях умиротворения междоусобицы собран был митинг, члены которого пытались увещать враждующих прекратить распрю. Сначала эта мера имела как будто успех, ибо стрельба затихла, но к вечеру опять возобновилась с прежней силой и весь следующий день, причем из мирной части города можно было наблюдать, как члены партии «Дашнакцутюн» обстреливали татарскую часть с господствующей над этой частью Ботанической горы.

Не удовлетворившись, однако, этой мерой, социал-демократическая рабочая организация возбудила перед высшим кавказским начальством ходатайство предоставить ей охрану города и выдать для этого оружие. Ходатайство это признано было заслуживающим уважения; рабочая организация получила из казенных складов 500 винтовок, а вслед за тем в городе всюду стали появляться вооруженные лица, принадлежащие уже не только к социал-демократам, но и ко всем революционным партиям. Лица эти в большинстве случаев со знаками, указывающими на принадлежность их к той или другой организации, демонстративно нося оружие, присваивали себе функции полиции, которая была снята с постов и более не появлялась. Такое заполнение города революционными элементами поселило в большинстве населения вполне естественную тревогу. Особенно сильное возбуждение проявилось среди войск и патриотической партии, которая, собравшись на митинг, встретила явившихся на этот митинг тифлиских губернатора и полицмейстера криками: «Изменники». В то же время в штабе округа состоялась сходка офицеров, постановивших просить наместника о разоружении населения.

Между тем к ночи на 25 ноября перестрелка прекратилась и все стихло. Настроение, однако, оставалось крайне напряженным... Так продол-

жалось до 27 ноября. В этот день... в татарскую часть проникло человек 200 конных татар из окрестных селений... Приезд этот и вызвал возобновление со стороны армян враждебных действий. После этого перестрелка продолжалась до вечера 29-го числа, причем я лично, проезжая по Воронцовской улице, успел убедиться, что главная стрельба велась с высот... армянами, осыпавшими татарскую часть перекрестным огнем. 29 ноября утром началось разоружение социал-демократической дружины. В тот же день татарскую часть города посетил помощник наместника по воинской части генерал-лейтенант Малама, а вслед за тем на место происшествия приведены были войска, по прибытии коих перестрелка прекратилась. За три последних дня армяно-татарских беспорядков всего насчитывается 45 потерпевших. Из них убитыми: татар — 2, армян — 1, остальных — 2 и ранеными: татар — 22, армян — 11, остальных — 7». По сведениям прокурора, беспорядки в Тифлисе окончательно прекратились 2 декабря¹.

Межэтнический и межрелигиозный конфликт между армянами и азербайджанцами стал, естественно, важнейшей для азербайджанского общества проблемой. К примирению призывали не только мุลлы, но и политики. Большую роль в успокоении азербайджанского населения и прекращении погромов сыграл «Гуммет»². Свою лепту вносила и интеллигенция. Так, в брошюре «История бакинских событий» (издана на азербайджанском языке в Тифлисе в ноябре 1905 г.), написанной в стихах, автор, выступивший под псевдонимом, призывал обе стороны к примирению³. Видные представители азербайджанской культуры Н. Везиров, Уз. Гаджибеков, Г. Зардаби, Ф. Кочарлинский и другие рассматривали эти события как великое бедствие, своими выступлениями в печати всячески стремились положить конец этой жестокой расправе⁴. В более общем виде в этом конфликте, как отмечал Агаев, «цивилизованный мир, пропитанный, как-никак, унаследованными от предков и истории предрассудками и суевериями против магометан, видит в нас изуверов-фанатиков, кровожадных дикарей, наслаждающихся христианской кровью. Сопоставление двух якобы непримиримых начал — магометанства и христианства — давно эксплуатировалось и учитывалось против нас»⁵, — с горечью писал этот интеллектуал. Никаких геополитических проектов у азербайджанских лидеров не было.

Между тем в российской историографии спустя столетие по-прежнему доминируют явные анахронизмы на сей счет. Осенью 1905 г. в Закавказье, пишет, к примеру, Пушкарева, «оживилась и панисламистски настроенная национальная интеллигенция... призывавшая к объединению всех мусульман под эгидой Турции». Вместе с тем местные мусульман-

¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 3044. Л. 7, 9–12.

² Багирова И.С. Указ. соч. С. 33.

³ Переводчик — Терджиман. 1905. 21 ноября.

⁴ История Азербайджана с древнейших времен... С. 329.

⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 11 мая.

ские организации якобы «выступали против конституционного строя в России, считая, что он для “мусульман будет более невыгодным, чем самодержавный строй”». Пушкарева также ошибочно полагает, что лишь к концу 1905 г. в Армении радикализировалась партия «Дашнакцутюн», которая была сторонницей сугубо самостоятельных выступлений армян¹. Целью дашнаков, как уже отмечалось, было, напротив, установление армянского государства, что означало отделение от Российской империи части территории. В Петербурге прекрасно знали, кто на самом деле представлял действительно реальную и опасную угрозу единству государству. В результате судебного процесса над 159 дашнаками в 1912 г. им был вынесен приговор, в котором указывалось, что во время революции они участвовали в партии, которая поставила цель насильственного свержения существовавшего в Российской империи образа правления и замену его федеративной демократической республикой, в которую Кавказ входил как союзная часть с самостоятельным правлением².

Что касается мусульман, то, как недовольно заявил на проходившем в апреле 1905 г. в Лондоне III съезде РСДРП делегат кавказских большевиков П.А. Джапаридзе, азербайджанцы, участвовавшие в конфликте с армянами, сыграли роль вандейцев. В этой связи он предлагал развернуть агитационно-пропагандистскую литературу на азербайджанском языке, а также заметил, что в подобных изданиях нуждается Казань и Крым. Делегат уральских большевиков В.Ю. Фридолин откровенно сказал, что «реакционную роль Вандей может сыграть забитый мусульманский пролетариат» и в Уфе. Он совсем не случайно поднял вопрос об издании легальной газеты на татарском языке, обосновывая это наличием «массы солдат на Урале из татар и башкир», а также начинавшимся, на его взгляд, «аграрным башкирским движением»³. Съезд поручил ЦК и местным комитетам партии установить отношения с национальными социал-демократическими организациями, чтобы обеспечить согласованность действий на местах. Выполняя решение партийного съезда, при Казанском комитете РСДРП для работы среди татар летом 1905 г. была создана татарская группа во главе с Х. Ямашевым⁴. Проблемами в межконфессиональных отношениях решили воспользоваться революционеры и в других частях империи, в том числе в самой европейской части России. Внимание революционеров-практиков стали притягивать регионы, где проживало также много мусульман — татар и башкир.

В этническом отношении территория Урала и Поволжья была неоднородна. Здесь имелись районы с преимущественно русским населением

(города, горнозаводские и рабочие поселки); с татарским (крупные торгово-ремесленные поселения, районы сплошного или плотного расселения татарских крестьян); с башкирским, чувашским, мордовским, марийским и др.¹ Проживая в составе Российского государства уже в течение многих веков, мусульманское население этих территорий, как указывал Комитет министров, исполняло всегда долг свой перед государством наравне с его русскими подданными и «не доставляло правительству каких-либо особых забот в отношении политическом», оставаясь при этом «весьма твердым» в соблюдении своего вероучения. Мусульмане эти «сроднились» с Россией и вполне ей дружелюбны, констатировалось в заседании правительства 1 марта 1905 г.² Тем не менее у них имелись те или иные противоречия с русской властью и ее представителями.

В таких условиях цель революционеров состояла в том, чтобы дестабилизировать обстановку в крае, используя самые разные средства, в особенности недовольство военнослужащих-мусульман, а также стремление башкир к возврату их земель, оказавшихся, по существу, захваченными. Что касается армейской среды, то было хорошо известно, что между мусульманами и православными существовали определенные трения, порой переходившие в стычки и серьезные конфликты. К примеру, в августе 1905 г. произошли волнения в запасном полку, состоявшем главным образом из башкир, по пути его следования из уездного города Троицка (Оренбургская губ.) в Челябинск: в поселке Карсинском (в 21 версте от Троицка) полицейский урядник обругал солдата-башкира собакой. Среди солдат-мусульман началось волнение, урядника тут же избили. «Запасные держали себя крайне дерзко и смело», — отмечалось в отчете об этом происшествии. Солдаты не подчинялись офицерам, даже угрожали им, но в конце концов солдаты все же успокоились³, но то была не слабость, а мужество смирения. Перед призывом новобранцев в 1906 г. Уфимский комитет РСДРП предпринял широкую кампанию, чтобы сорвать набор рекрутов. В одной из прокламаций к ним, выпущенной на русском и татарском языках, говорилось: «Правительство через армию расстреливает и поработает народ, ни одного солдата в армию». Подобная агитация приносила свои плоды. Пристав Оренбургского уезда общал, например, что среди башкир 1-й и 2-й Каракипчакских волостей «глухо ходит молва, что в случае новой мобилизации они откажутся дать своих солдат, а в случае принуждения окажут сопротивление». Нередко башкиры и сами агитировали новобранцев отказаться от военной службы. 5 января 1906 г. в Бугуруслане Самарской губернии на площади большевистский агитатор М. Садыков, выступая перед новобранцами, призвал их отказаться от службы. «Нехорошие слова против государя... и

¹ Первая революция в России: взгляд через столетие. С. 341–342.

² Кулиев Ф.М. Политическая борьба на Северном Кавказе в 1917 году (февраль–октябрь). Пятигорск, 2004. С. 46.

³ Третий съезд РСДРП. Апрель–май 1905 года. Протоколы. М., 1959. С. 396, 397.

⁴ Хасанов Х.Х. Революционер-интернационалист. Жизнь и деятельность большевика Хусаина Ямашева. Казань, 1981. С. 56.

¹ Подробнее см.: Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

² Право. 1905. 1 мая.

³ Раилов Р.М. Революция 1905–1907 гг. в Среднем Поволжье и Приуралье. С. 680.

чтобы солдат призыву не давать» были записаны, по словам башкир д. Термень-Ешной Стерлитамакского уезда, в прокламации на татарском языке, которая была прочитана на сходе этого аула 8 ноября 1906 г.¹ Отношение в русской армии к татарам и башкирам — единственным мусульманским народам, обязанным исполнять воинскую повинность, было предвзятым, пренебрежительным, коротко говоря, как к «басурманам», а это было чревато межэтническими катаклизмами и в этой части страны, когда демобилизованные возвращались в свои аулы.

Хотя, по выражению Хасанова, «слабо» участвовали в революционном движении Казанской губернии государственные крестьяне — в большинстве своем татары, поскольку они были несколько лучше обеспечены землей, чем бывшие помещичьи крестьяне, тем не менее в отдельных уездах Татарии волнения татар переросли в открытые восстания против помещиков и властей. Такой характер носило, в частности, выступление крестьян татарского аула Малая Цильна в Буинском уезде. В августе 1905 г. крестьяне-татары во главе с демобилизованными солдатами самовольно запахали и засеяли спорное поле, приехавшие представители властей были встречены ими враждебно. Вскоре сюда были направлены две роты солдат. Несмотря на угрозы, крестьяне отказались выдать организаторов выступления, заявив, что запаханная земля принадлежит им и что они не откажутся от нее никогда. Тогда власти послали в село и казаков, которые взяли под свой жесткий контроль ситуацию здесь². В целом, как верно полагает Ноак, мусульманское крестьянство в Среднем Поволжье оставалось в целом относительно пассивным во время революции³.

Совсем иные масштабы и характер носило противостояние мусульман и немусульман в Туркестане, где самовольные захваты земель у коренного населения и многочисленные кровавые столкновения носили, по данным Пяковского, почти повсеместный характер, создавали национальную рознь между русскими крестьянами-переселенцами и местным мусульманским крестьянством⁴. Но местным администраторам, которые помогали переселенцам, причина недовольства мусульман виделась совсем в ином. К примеру, по мнению генерала от кавалерии В.И. Покотило, военного губернатора Ферганской области в 1904 г. и Семиреченской области в 1907 г., всю революционную смуту затеяли якобы татары и потому их, предлагал этот пристрастный управленец, надо основательно поприжать⁵. Пяковский совершенно верно предупреждал исследователей, что с особой осторожностью следует относиться к материалам, исходящим от таких чиновников, как Покотило, который был известен

своим особенно вольным обращением с фактами — преувеличением того, что было выгодно для его дальнейшей карьеры, и преуменьшением и затушевыванием фактов, невыгодных для него¹. Но дело в том, что «весь Туркестан управляется военными, мало подготовленными к административной деятельности вообще, а в Средней Азии в особенности», — открывничал российский политический агент в Бухаре Я.Я. Лютш в частном письме, направленном из Новой Бухары 17 октября 1905 г. в Петербург вице-директору Первого департамента МИДа Д.К. Сементовскому-Курило². Будучи востоковедом, Лютш со знанием обстановки писал в августе 1905 г. в Петербург, что мусульмане Туркестана «не чуждаются русских по каким-либо религиозным предубеждениям. Многочисленные примеры киргиз (казахов. — С.И.) и сартов*, получивших русское образование, с достаточной убедительностью подтверждают это положение»³. Обострение межэтнических отношений здесь было связано прежде всего с неэффективными и неумелыми действиями, а зачастую с полным бездействием чиновников при процессе переселения русских крестьян, который в результате приобрел колониальный характер со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями⁴.

Особенностью межэтнической ситуации в Северной Осетии, как отмечал Цаликов, было то, что все помещики исповедовали ислам, в то время как большинство населения остальной Осетии были христиане, и потому неминуемо в борьбу за землю стали бы вноситься «религиозные мотивы», а это при наличии армяно-азербайджанского конфликта и при «возбужденности мусульманского мира» могло, писал он в 1906 г., повести к межконфессиональным осложнениям и на Северном Кавказе в целом⁵. При первых же попытках осетин ограбить помещиков-мусульман живущие во Владикавказе алдары (осетинские помещики) на своем совещании в марте 1905 г. решили довести до сведения нападавших, что если грабежи их усадеб продолжатся, то они поднимут мусульман и из

¹ Пяковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. С. 9. Судя по целому ряду современных осуществленных в Москве публикаций архивных источников о мусульманском движении в Туркестане, их публикаторы пренебрегают советом Пяковского.

² АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1280. Л. 24, 25 об.

³ О сартах см. подробнее: Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция... С. 146–147. В нескольких словах, речь идет в основном о таджиках и узбеках.

⁴ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1280. Л. 12 об.–13.

⁵ Эта неутешительная ситуация не устраивает некоторых современных исследователей, которые пытаются оспорить ее, идеализируя итоги русского правления к 1917 г. Так, Д.Б. Васильев (Москва) призывает: «Следует признать, что именно под влиянием России Средняя Азия вступила в новую полосу своей истории — в полосу расцвета национальной культуры, экономики и зарождения устоев гражданственности» (Васильев Д.Б. О политике царского правительства в Русском Туркестане (к вопросу о «русификации») // Сборник русского исторического общества. 2002. № 5. С. 69). Главным итогом русского управления этим краем на самом деле стало мощное восстание местных мусульман летом 1916 г., которое, несмотря на поражение, показало провал всей туркестанской политики Петербурга.

⁶ Цаликов А. В горах Кавказа... С. 105.

¹ История Башкортостана с древнейших времен... Т. 2. С. 57–58.

² Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. С. 242, 243, 244, 325.

³ Noack Ch. Retrospectively revolting... P. 134–135.

⁴ Пяковский А.В. Революция 1905–1907 гг. в Туркестане // Революция 1905–1907 годов в национальных районах России. Сб. статей. М., 1949. С. 532, 534.

⁵ Литвинов П.П. Указ. соч. С. 386–387.

Чечни и Кабарды и разгромят осетин-христиан. Между тем жители многих сел самой Чечни и Ингушетии подверглись массовым репрессиям за то, что они поддерживали абреческое движение, отказывались выдавать властям их участников¹.

Горские мусульмане, сообщал в Петербург начальник Терского областного жандармского управления Р.К. Шпицбарт 20 сентября 1905 г., питают в отношении русских аристократов «затаенную вражду как к завоевателям края, посягнувшим на их самобытность и вольности»². Этот протест означал перманентную борьбу горцев против русской администрации, вне зависимости от революционного движения в стране, а репрессии против них оказались в принципе бесполезными. Характерный пример: 10 октября 1905 г., около 11 часов утра, городской пристав А. Погорелов получил сообщение, что на базаре г. Грозного возникла драка между чеченцами и русскими, что тысячная, по официальным данным, толпа русских, во главе которых встали мобилизованные запасные нижние чины из эшелона, проходившего через город, бросились громить чеченские лавки. Прибыв на место происшествия, пристав увидел, что толпа русских чернорабочих вместе с солдатами двигалась в магазин чеченца, а оттуда раздавались предупредительные выстрелы в воздух, чтобы только остановить натиск буйствовавших погромщиков. Попытка пристава воздействовать на толпу словами успеха также не имела. Из нее в ответ раздавались угрожающие возгласы: «Бей полицию, бей чеченцев». Тогда пристав доложил о происхождении начальству и были вызваны подразделения из 82-го пехотного Дагестанского полка, Кизляро-Гребенского и Горско-Моздокского казачьих полков. Прибывшие солдаты, создав плотную цепь, быстро стали отодвигать разросшуюся до пяти тысяч человек толпу от чеченских лавок. Никакие увещания разойтись на толпу не действовали, и погромщики неистово кричали, чтобы им выданы были из лавок все чеченцы. Солдаты не смогли более сдерживать натиск разбушевавшейся толпы, цепь была прорвана и люди с кольями начали разбивать лавку чеченца, из других лавок вновь раздались предупредительные выстрелы в воздух. Тогда пристав обратился к командиру Дагестанского полка полковнику А.А. Полозову принять меры к усмирению погромщиков силой оружия, но тот почему-то приказал стрелять по магазинам. Толпа же, воспользовавшись ситуацией, принялась громить другие чеченские магазины, проникая в них с задней стороны, и расхищать товары довольно долго, до тех пор пока солдаты не прекратили грабеж³.

Этот чеченский погром получил разное описание в советской и российской историографии. К примеру, утверждалось, что 130 запасных, самовольно оставив прибывший на ст. Грозный эшелон, отправились в

город на базар и после пребывания в винных складах стали стрелять по чеченцам: всего было убито и ранено 27 человек⁴. По данным А.К. Джанаева, этот погром устроили несколько сот запасных совместно с черносотенцами и уголовниками. Подоспевшие войска открыли огонь по чеченцам, расстреливая прятавшихся людей, разыскивая их на чердаках и в подвалах. Полозов не принял никаких мер к тому, чтобы рассеять погромщиков. По данным полиции, во время этого погрома было убито 14 и ранено 4 чеченца, разграблены магазины и постоялый двор чеченских торговцев. В отместку в ночь на 16 октября чеченцы напали у разъезда Кадияюрт на шедший в Баку пассажирский поезд, убили 12 и ранили 6 пассажиров². В.О. Бобровников пишет, что на базаре в Грозном 17 чеченцев были расстреляны солдатами 84-го пехотного Ширванского полка, и потому неизвестный чеченский абрек З. Гушмазукаев, житель Веденского округа, со своими людьми остановил поезд 17 октября возле этого разъезда и расстрелял 17 русских пассажиров³. Как бы то ни было, 24 октября Чечня, как и многие другие регионы страны, была объявлена на военном положении, что означало применение карательных отрядов против мирного населения, проведение массовых арестов и обысков и пр.

Изложенные факты создают представление о наиболее характерных конфликтах между немусульманами и мусульманами, происходивших в условиях начавшейся русской революции на территории Российской империи, особенно в Закавказье, Туркестане и на Северном Кавказе, когда возникли самые разные по масштабам очаги сложных межэтнических и межконфессиональных конфликтов, доходивших порой до вооруженного сопротивления, противоборства и применения армии. В статье под символическим названием «Конец века» (1905 г.) Л.Н. Толстой точно выразил суть сложившейся тогда в империи ситуации, задавшись вопросом: «Что такое Россия?.. Кавказ со всеми своими народами? Казанские татары? Ферганская область? ... Всё... это чужие народы, желающие освобождения от того соединения, которое называется Россией... соединение это держится только той властью, которая распространяется на эти народы»⁴. Однако с властью как таковой мусульмане с оружием в руках не боролись, за исключением отдельных вспышек в ответ на погромы, но было очевидно, что терпение мусульманских масс, безразличных к революционной и национально-освободительной борьбе, не безгранично. Отчуждение между ними и имперским Петербургом усиливалось, что не могло не сказаться на ходе общемусульманского движения, ставя перед его лидерами новые сложные вопросы, требовавшие неотложного решения.

¹ 1905, 1906, 1907 годы в Грозном. Грозный, 1925. С. 71.

² Джанаев А.К. Указ. соч. С. 187.

³ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002. С. 82.

⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.-Л., 1936. Т. 36. С. 255.

¹ Джанаев А.К. Народы Терека в российской революции 1905–1907 гг. Орджоникидзе, 1988. С. 162, 181–182.

² Революция 1905–1907 годов на Тереке. С. 133.

³ Весь Грозный и его окрестности. Владикавказ, 1914. С. 22–24.

ГЛАВА 5

I ВСЕОБЩИЙ (ВСЕРОССИЙСКИЙ) МУСУЛЬМАНСКИЙ СЪЕЗД

Второй этап в развитии общемусульманского движения был связан с решениями I Всеобщего (Всероссийского) мусульманского съезда, о котором написано немало в исторической литературе, но ряд принципиальных моментов не был раскрыт.

Летом 1905 г. главным делом мусульманской общественности была подготовка общего съезда мусульман империи. 5 июля 1905 г. «Терджиман» известил, что организуется партия мусульманских прогрессистов. Это «новое... отрадное и интересное явление современной жизни наших мусульман. Ядром этой партии служат интеллигентные мусульмане». К осени, прогнозировала газета далее, эта партия будет более или менее создана. 19 июля газета информировала, что в Нижнем Новгороде мусульмане-прогрессисты устраивают первое совещание мусульманской прогрессивной партии. На этом собрании намечалось обсудить такие вопросы, как определение задач и организации партии, меры и средства к поднятию уровня народного образования и культуры мусульман, составление записки о правовых и экономических нуждах мусульман, представление мусульман в Государственной думе. 6 августа был издан манифест о ее созыве в начале 1906 г. в качестве совещательного органа при монархе, который по-прежнему сохранял всю полноту власти, и одновременно был отменен указ 18 февраля 1905 г.

Поскольку в русском обществе почти не обращали внимания на мусульман империи, а те, в свою очередь, мало привлекали к себе внимания, редко выступали в общероссийской прессе, не вели агитацию в пользу своих интересов, то решение провести 15 августа первый в империи всеобщий мусульманский съезд — беспрецедентное явление в мусульманском мире — в Нижнем Новгороде во время имевшей общегосударственный размах ежегодной Макарьевской ярмарки*, куда обычно

* Эту ярмарку, которая начиналась в Макарьев день, татары называли, по Исхаки, «Мякреджя». Он вспоминал, что, несмотря на умышленное отдаление места ярмарки от мусульманских центров Поволжья и Урала, мусульмане снова превратили ее «в очаг своего экономического и культурного бытия», который ежегодно притягивал к себе коммерсантов и общественных деятелей. Посещение ярмарки стало их традицией. Сборщики сибирских мехов встречались здесь с их закупщиками — европейским купечеством, а владельцы оптовых складов бакалейных товаров из мусульман Поволжья и Урала — с продавцами фруктов и пряностей из Турции, Ирана, Кавказа и Крыма. Особым почетом пользовались туркестанцы со своими коврами. С началом XX в. эта «ярмарка превратилась и в транзит-

съезжалось до трех тысяч мусульман, конечно, по словам Вамбери, изумило русские власти, которым не могло прийти в голову, что мусульмане, в особенности татары, «известные до сих пор, как спокойные, миролюбивые, скромные верноподданные, будут увлечены потоком либерального движения и самовластия»¹. В действительности в Петербурге, как отмечалось, были в курсе развивавшегося под контролем МВД движения по созданию мусульманской организации. Когда 15 августа, во время съезда, Николай II принял депутацию от казахского населения, которая высказалась по религиозному и земельному вопросам, а также о необходимости участия казахских представителей в Государственной думе², то при этом казахи, надо полагать, не скрыли от императора то, что представители его подданных-мусульман, в том числе казахов, собрались в это время в Нижнем Новгороде вместе, чтобы обсудить свои проблемы.

Между тем у нижегородской администрации этот съезд вызвал повышенную нервозность. Организаторы съезда, как утверждает Сенюткина, получили 8 августа от губернатора генерал-лейтенанта П.Ф. Унтерберге-ра отказ на проведение съезда во время ярмарки. Тем не менее первое собрание прибывших на съезд участников все же состоялось 13 августа в номерах ярмарочной гостиницы «Германия» во время банкета, на котором присутствовали 30 делегатов, в том числе А. Ибрагимов, Топчиба-шев. На этом собрании было решено вновь обратиться к губернатору. Но он повторно отказал на основании того, что в городе действует военное положение и поэтому никакие собрания недопустимы³. Он докладывал в Петербург, что 14 августа к нему явилась мусульманская депутация

ный очаг национальной культуры нашего народа», писал Исхаки, «все яснее и яснее становилась также и пунктом встречи работодателей и работников по интеллектуальному труду: учителя, бухгалтера, счетоводы, врачи и строители [...] предлагали свою службу, через своих поручителей, а общественные деятели и коммерсанты Туркестана, Сибири и Китайского Туркестана принимали их на службу! В 1905 году на ярмарку собрались как бы на культурную выставку корпорации татарских писателей, музыкантов, певцов, юристов, врачей и строителей; поэтому было вполне естественно, что лидеры общественных и национальных деятелей стали проводить конференции и совещания, популяризируя свои программы! Впечатление, получаемое от атмосферы делового единства племен тюркских народов, получалось очень внушительное!» (Исхаки А. Указ. соч. Л. 166, 16с). Вопреки такой высокой и обоснованной оценке, которую сыграл Нижний Новгород в процессе становления общемусульманского движения, современные татарские исследователи пытаются возвысить значение Казани до уровня главного центра возрождения, символа и духовной опоры татарского народа в начале XX в. Таких центров помимо Казани и Нижнего Новгорода на самом деле было несколько — Астрахань, Бахчисарай, Москва, Оренбург, Петербург, Симферополь, Троицк и Уфа.

¹ Вамбери Г. Культурное движение среди русских татар // Гольдцигер И. Указ. соч. С. 290. Согласно другому переводу этой же статьи, данное решение «естественно, удивило русские власти. Никто не мог представить себе, чтобы татары, известные своей скромностью, покорностью, миролюбием и спокойствием, были увлечены потоком либерального движения и вошли в ряды масс, ведущих борьбу против абсолютизма и автократии» (Баку. 1910. 4 июня).

² Переводчик — Терджиман. 1905. 16 сентября.

³ Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России... С. 50.

во главе с А. Ахтямовым, которая просила разрешить совещание прибывших на ярмарку татар для обсуждения их вероисповедных и общеправовых вопросов. Получив вновь отказ, организаторы решили провести съезд на пароходе во время прогулки по р. Оке, не вступая тем самым в конфликт с властями. Хотя и было предположение, что местные чиновники, писал позднее один из делегатов, Бигиев, не допустят этого съезда, однако к середине августа со всех концов империи в Нижний Новгород стали съезжаться мусульмане¹.

Съезд положил начало организации имперского мусульманства как самостоятельной политической силы со своей организацией, которая, на взгляд советских историков, ставила целью объединить всех мусульман страны якобы под флагом пантюркизма и панисламизма². По мнению С.Б. Сенюткина, организаторы съезда якобы оказались достаточно хорошо и профессионально подготовленными конспираторами и что в отечественной историографии, по его впечатлениям, нет однозначного мнения о смысле и характере этого мероприятия. По его представлениям, дальнейшие события показали, что руководство созданной на съезде организации в своей деятельности весьма часто шло якобы вразрез с российским законодательством, в том числе и по линии, будто «грозившей внешней безопасности государства». Объяснить происхождение и ход этой удивительной аргументации автор все же прямо не стал. Впрочем, в других местах своей книги он неоднократно пишет о «панисламистских» деятелях, о «панисламизме»³, тем самым, в сущности, отвечая, что он все же имел в виду под подобной угрозой. Такие рассуждения «подкрепляются» безответственными разглагольствованиями, которые часто встречаются и у татарских авторов. Так, М.Ж. Сахапов, типичный представитель татарстанской историографии, просто огорошил: эта мусульманская организация призвала объединиться якобы для борьбы «за построение независимого государства»⁴. В массовой исторической литературе по-прежнему бесосновательно и вне конкретно-исторического контекста пишется о мифическом панисламизме и пантюркизме, якобы определявшим идеологию и практическую деятельность мусульман Российской

¹ ГАРФ. Ф. ДПОО. 1906 г. Д. 609. Л. 3; Ф. 9599. Оп. 1. Д. 10. Л. 29–30.

² Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. С. 121.

³ Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Нижний Новгород, 2001. С. 311–312. Московский исламовед З.И. Левин пишет, что взгляды одного из них, Бигиева, были фундаменталистского толка, а затем противоречит себе, отмечая, что Бигиев считал, что современному верующему надлежит толковать священные тексты с поправкой на время, прибегая к иджтихаду. Он якобы не был реформатором (Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт системного и социокультурного исследования. М., 2005. С. 194). Дискредитация мусульманских лидеров этого времени, особенно идеологов, как показывает этот сюжет, продолжается в научной литературе, с использованием таких определений, как фундаменталистский, сепаратистский и т. п.

⁴ Сахапов М.Ж. Указ. соч. С. 85.

империи. Как верно отмечается, ведущей тенденцией общественно-политического развития, в частности нижегородских мусульман, в этот период стал поступательный процесс этнической консолидации всего татарского общества. Дальнейшее развитие и совершенствование материальной и духовной культуры мусульман стало фундаментом роста национального самосознания мусульман и их консолидации. В качестве объединяющего мотива мусульмане использовали все ту же религию. Главными же воодушевляющими, организующими, сплачивающими и цементирующими факторами стали реорганизация, в соответствии с запросом времени, форм мусульманского религиозного и светского образования, строительство мечетей, приспособление к новым капиталистическим условиям мусульманского богословия и т. п.¹ Усманова пишет, что доминирующей в мусульманском общественном сознании, и это более всего проявляется в прессе того времени, была идея прогресса и реформ², с чем нельзя не согласиться. Мусульманская пресса действительно неистощимый источник для изучения социальных и политических устремлений мусульманской общественности, но все же надо ясно представлять, что ничего принципиально нового в ней не содержится, поскольку все важнейшие решения мусульманские лидеры обязательно излагали и на русском языке, чтобы ознакомить с ними и власть, и русское общество.

На самом деле правительство дало разрешение на созыв этого съезда, но когда началась «ожесточенная борьба между правыми и левыми, которые в своей критике политики правительства и в своих требованиях были радикальными, съезд был закрыт» и закончился нелегально на пароходе, отплывшем от города без надзора властей³, вспоминал другой участник съезда — Г. Исхаки. Его свидетельство является еще одним принципиально важным аргументом для пересмотра устоявшихся, но поверхностных взглядов на отношение правительства к общемусульманской организации.

Кого называл Сенюткин подпольщиками, взявшими на себя подготовку данного съезда? Ими были влиятельные и популярные в мусульманской среде петербургские мусульмане: А. Ибрагимов (издатель), Л. Исхаков (мулла) и М. Максотов (купец), — всех их к революционерам никоим образом причислить нельзя. «Среди прибывших общественно-национальных деятелей еще господствовали весьма скромные идеи мирных частичных лишь реформ... Члены же нашей организации “Хуррият”, — вспоминал Г. Исхаки, — были сторонниками более решительных нажимов на режим и стремились отхватить более радикальных уступок; в случае появления в воздухе запаха порохового мы готовились вступить в борьбу и за осуществление своих шести лозунгов! Но подчиняться тре-

¹ Общественно-политические процессы, партии и движения в Нижегородской губернии в конце XIX — начале XX вв. Т. 1. Нижний Новгород, 2001. С. 80.

² Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 234.

³ Мухамед-Гаяз Исхаки... 2004. № 9. С. 13.

бованиям тактики, вытекающим из уровня общей ситуации, мы также считали первым своим правилом. Естественно, несмотря на различие наших взглядов, все наши собрания и совещания проводились совместно [...] На стороне наших идейных противников были купцы 1-й гильдии старческого возраста, некоторая часть духовенства и часть служащих из русских учреждений». Сторонниками же хурриятистов были более многочисленные представители из молодого купечества, интеллигенции свободных профессий, учащейся и крестьянской молодежи¹.

Принимая очень деятельное участие в этом съезде, хурриятисты, по словам Исхаки, стремились «толкнуть съезд на революционный путь»². Он очень живо и подробно описал, какие страсти кипели на съезде, на который прибыли, как неопределенно указывается в научной литературе, свыше 100 делегатов от мусульман всей империи.

Нанятый для продолжения съезда пароход должен был отчалить от пристани в 8 часов утра. «Со своими друзьями в 7.30 я, — вспоминал Исхаки, — уже был на пристани... Но парохода уже мы не застали там... Он отошел в 7.00! На пристани собралось еще человек 30 наших единомышленников... В чем же дело? Расследовав обстоятельства, мы выяснили, что [...] наш идеологический противник — Рашид-кади* тайно от нас оповестил своих единомышленников, что-де пароход отойдет в 7.00, и об этом условился с капитаном парохода... Он считал, что конференция будет проведена без нашего участия и никто не обратит на это надлежащего внимания... Со 170** человеками участников “увеселительной поездки” капитан увел свой пароход вверх по реке Оке!

Поступок этого теолога Рашида, конечно, был из категории неприличных актов. Мы были уверены, что интеллигентная часть наших противников обстоятельства нашего опоздания не знает. Развернувшись по побережью р. Ока цепью разведывательных дозоров, мы стали искать средство движения, способное догнать наш пароход... Вскоре же найдя таковое в лице объемистой моторной лодки, быстро договорились с машинистом и все 35 человек пустились в погоню! Наша “бригада” благодаря любезной старательности машиниста сумела догнать пароход и, договорившись с капитаном по существу происшествия, взяла пароход абордажем! Наш молодецкий штурм очень понравился матросам и капитану [...].

Лидеры нашей противоположной стороны были заняты какими-то папками бумаг в занятых ими каютах парохода... Получалось впечатление, что канцелярия нелегального конгресса работает полным ходом. Мы разбрелись по всем уголкам парохода, включая и буфеты, в ожидании начала деловой части поездки!

¹ Исхаки А. Указ. соч. Л. 16.

² Мухамед-Газиз Исхаки... 2004. № 8. С. 22–23.

* То есть А. Ибрагимов.

** По данным другого участника съезда, Бигиева, на пароходе было 120 участников съезда (Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 149).

Вскоре меня пригласили в каюту Исмаил бея Гаспринского. Войдя к нему, мы по-дружески поздоровались и начали свои деловые беседы. Он чувствовал себя как некий адвокат, который затрундится и сам, как и судья, находить оправдывающие начала в поступке подзащитного субъекта! Он начал весьма длинную речь, стараясь как можно убедительнее защитить платформу своих сторонников. Я слушал не перебивая. Заканчивая свои либеральные тезисы, он сказал: “Я полагаю, мы сможем добиться от властей очень многого, если создадим объединенную политическую организацию всех мусульман России. Поэтому мы сегодня хотим здесь образовать партию “Иттифак” (Союз мусульман России)!...” Я отвечал ему: “Мы тоже поддерживаем эту же идею создания единого фронта требований и борьбы... и название выбрано подходящее — “Иттифак”! Но сущность вопроса заключается в том, на основе какой программной деятельности мы будем создавать этот союз?”...

Исмаил бей: “Ныне Россия входит в стадию политических реформ. В своей деятельности выступая от имени мусульман, мы будем требовать тоже ряд религиозных прав. Мы являемся сторонниками спокойных и вполне мирных реформ в сотрудничестве с правительством”.

Я продолжал: “Вот именно с такой расплывчатой-то программой деятельности мы будем вводить лишь в заблуждение наши народы, создавая ложное впечатление: дескать, и мы что-то делаем! Вместо желаемого покоя и единства мы лишь обострим внутринациональную борьбу... ибо при сохранении существующего режима русской империи вряд ли смягчатся ассимиляционные законы русского шовинизма. Поэтому мы предлагаем создать такой “Иттифак”, деятельность которого будет направлена на последовательное образование культурного единства тюрко-татар Крыма, Кавказа, Идель-Урала, Туркестана и Сибири! [...]” А “все политические вопросы мы должны оставить вне программы деятельности этого нашего “Иттифака”!...”

Исмаил бей Гаспринский, слушая меня, переживал сильное внутреннее волнение... Чувствовалось, что он успел уже связать себя кое-какими обещаниями партийности и дисциплины. Я продолжал: “Среди мусульманских народов России, так же как и среди христианских народов, уже образовались различные социальные элементы; эти элементы находятся в состоянии антагонизма друг к другу. Подружить помещика России с его подчиненными ему крестьянами уже становится все труднее и труднее... Требуются неотложные социальные реформы. Эти социально-политические проблемы у наших племен имеют различные оттенки. Поэтому-то нашу политическую борьбу мы должны оставить вне программы “Иттифака”. Если же культурный уровень наших племен через систему модернизированного образования мы поднимем до уровня народов Западной Европы, то и социальные реформы будут проходить безболезненно. Школы, печать и театр — вот чего мы должны добиваться!”...

Исмаил бей: «Но мы уже решили создать "Иттифак" по разработанной нами программе... Наше собрание — нелегальное... поэтому прошу вас, дайте нам возможности провести его без шума!»...

Я обещал: «Ясно, что будем вести себя согласно уже намеченному вам распорядку дня. Но мы считаем своим долгом разъяснить собранию и нашу точку зрения...»

Когда я вышел из каюты Исмаил бей, наша группа уже собралась в одном из уголков парохода и ожидала меня. Оказалось, что еще кое-кто из моих друзей были приглашены в каюты... В частности, мой друг Фуад Тухтар* бей был вызван в каюту не совсем выдержанного купца из города Троицка (Оренбургской губернии), к Ахмарову**... Тот встретил моего друга с грубостями и возопил: «Вы пришли срывать наше собрание? При первой же попытке вашей к разговорчикам я вас выброшу за борт парохода!»... Но ответ нашего весьма воинственного революционера Тухтара тоже был не менее грубым, вроде: «Кто вы такой? Ваше место — за прилавком магазина и продавать только то, что приказывают хозяева, осел!»... и, захлопнув дверь, вышел!»

После некоторой паузы около 200 участников, в том числе около 40 хурриятистов, были приглашены в большой салон парохода. Заседание было открыто Топчибашевым. После выступления Ю. Акчурина, огласившего проект программы СРМ, выступил Исхаки. Он вспоминал: «Половина прочтенной здесь нашему вниманию программы "Иттифака" взята из программы русской партии кадетов [...] Этот простой перевод их программы для нас совершенно неприемлем... ибо лидерам и организатором этой русской партии является известный всем Милюков... Этот человек является ненавистнейшим врагом всего мусульманства и особую нетерпимость проявляет к народам тюркским. Приняв переводную программу этого человека, создаваемый нами "Иттифак" будет пристроен к хвосту русских шовинистов. Такая ошибка для нас очень опасна... Нам следует составить собственную программу с основной задачей: образовать культурный союз наших народов и племен! Политические же стороны нашей борьбы мы должны оставить вне строк этой программы... ибо политическая борьба имеет свою динамическую тактику: если в эпоху прочности государственного аппарата приходится выжидать, то в эпоху социальных потрясений, когда политические требования вырываются в пороховом дыму, всякие компромиссы с врагом лишь ослабляют наши позиции!»...

Выступление мое с конкретными формулами на аудиторию произвело весьма сильное впечатление. Топчибашев был хороший психолог. Взяв слово, он говорил долго... Он стремился смягчить впечатление от моих формул... говорил: «Если мы уже создадим свой политический "Иттифак" мусульман России, то будьте уверены: предлагаемый здесь нам

* Т. е. Тухтаров.

** Габдрахман Ахмаров — просветитель и организатор мусульманских школ.

культурный союз автоматически будет возникать, как частность нашего движения!»... В итоге была принята программа Топчибашева. По словам Исхаки, с созданием СРМ «наше национальное движение втягивалось в болотистые и тернистые пути раскола».

Когда к вечеру пароход причалил к пристани, то никаких полицейских засад участники съезда не обнаружили. Исхаки объяснил позицию местных властей так: «Власти, хотя и получали, по-видимому, свои донесения, но решили пока не устраивать никаких скандалов!..¹», что также свидетельствует о том, что Петербург фактически позволил провести этот съезд.

Более того, 17 августа кавказские мусульмане, участвовавшие в этом съезде, без каких-либо затруднений со стороны губернатора дали в честь других мусульманских представителей большой обед, на котором было до 300 человек, а 18 августа последовал еще один банкет (до 200 человек), устроенный в ответ мусульманами европейских и восточных губерний страны. Во время этих мероприятий продолжалось обсуждение проблем мусульманской жизни². Фактически съезд не закончился 15 августа, как принято считать в историографии, а продолжался 17 и 18 августа³.

Какие же решения принял этот съезд, начавшийся 13 августа и проходивший столь необычным образом, а затем совершенно открыто проводивший свои неформальные заседания? На съезде, председателем которого был избран такой авторитетный мусульманский деятель, как Гаспринский, обсуждались главные политические, религиозные и светские проблемы мусульман страны. Один из руководителей съезда после него обратился в редакции нескольких «прогрессивных» петербургских газет с просьбой поместить принятую короткую резолюцию мусульман. Но ни одна из редакций не исполнила эту просьбу, за исключением газеты «Право», которую издавал известный юрист член ЦК кадетской партии В.М. Гессен³. Опубликованная здесь резолюция — первоисточник, который заметно отличается от последующих вариантов, приведенных в разных изданиях (см. приложение 1). Оценивая ее, Сенюткина пишет, что в документе была высказана «неудачно по форме, но вполне ясно по содержанию мысль, что мусульманам не следует упускать возможности

¹ Исхаки А. Указ. соч. Л. 17–21. Бигиев вспоминал, что когда около 23 часов пароход приближался к пристани, у всех участников съезда появилось чувство страха, что на берегу их ждет полиция. Но когда пароход остановился, полиции не было (Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 149).

² Переводчик — Терджиман. 1905. 26 августа.

³ С.М. Червонная пишет, что съезд состоялся будто 15–28 августа (Червонная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 159), ничем при этом, как обычно, не аргументируя такую «новацию», которая на самом деле еще один характерный ляпсус, показывающий поразительную неосведомленность этого искусствоведа в мусульманской тематике начала XX в., в которой она почему-то считается специалистом.

⁴ См.: Право. 1905. 18 декабря.

обозначить и реализовать свои интересы в условиях революции»; принятые решения «носили весьма невинный характер и не имели четко выраженных политических признаков... По сути, резолюция съезда — это декларация общего характера»¹. На взгляд других нижегородских авторов, была принята резолюция, где «несмотря на корректность формулировок, мусульманская политическая элита четко ставила вопрос о необходимости политической революции в России по либеральному варианту»². Что же означала данная резолюция?

В центре развернувшихся на съезде дебатов, о которых так эмоционально повествовал Исхаки, лежала форма организации общемусульманского движения. В конце концов съезд решил вместо политической партии учредить Союз российских мусульман (Русиянын мусулман иттифаки — сокращенно «Иттифак», т. е. «Союз»). Сообщая своим многочисленным читателям об этом съезде по горячим следам, «Терджиман» писал, что собравшиеся там мусульмане, являвшиеся влиятельными представителями разных групп и областей, пришли к таким решениям, «которые можно бы назвать и мусульманской революцией» 1905 года»³. Мусульманские элиты, которые испытывали недостаток в сформулированной идеологии и имели очень мало подготовленных политиков, впервые создали представительную организацию, которая четко изложила наиболее важные запросы, нацеленным на достижение религиозной и культурной автономии. «Мы, мусульмане... — вспоминал Топчибашев, — собрали... все свои желания и составили общий политический, социальный и вероисповедный проект... Эти наши постановления подкреплялись и мнениями великих богословов мира. При обсуждении и составлении упомянутых постановлений присутствовали представители наших собратьев-мусульман, живущих по всем сторонам. Хотя с самого начала были лица, которые, с точки зрения политики, не соглашались на отдельные пункты общих постановлений, однако впоследствии и они согласились; словом сказать, попирая ногами единодушные желания всех мусульман не позволят никому ни его совесть или религия, ни национальные его чувства»⁴. Представители азербайджанской либеральной интеллигенции во главе с Топчибашевым стремились к установлению тесных контактов с мусульманским населением остальных частей империи, надеясь созданием единой партии добиться больших результатов в борьбе за свои цели⁵. Ясно, что организаторы съезда надеялись, что съезд произведет сплав или по крайней мере приведет к взаимной под-

держке между прибывшими лидерами, рассчитывая одновременно на появление новых союзников и соратников, сохраняя при этом корректные отношения с Петербургом.

22 августа* делегаты направили прошение на имя царя, где, в частности, указывали, что свободно избранные представители 25-миллионного мусульманского населения империи, составляющие шестую часть ее населения, стремятся не к отчуждению от русского населения, а к «единению с ним на всех путях по праву полноправных ныне русских граждан...»¹. Давая общую оценку значения съезда, «Терджиман» писал, что принятой резолюцией было решено «в политико-общественных делах следовать вместе с русскими, работать вместе с либеральной и лучшей частью народа»². При этом, в отличие от кадетов, были выдвинуты лишь умеренные требования национально-культурного и гражданско-правового характера. Такой финал съезда был ответом на напрасные опасения не только нижегородского губернатора Унтербергерера, которого, уместно заметить, в ноябре 1905 г. отправили отсюда служить на Дальний Восток, но и уроком для других управленцев, не понимающих психологии мусульманского населения той или иной территории.

Представители разных мусульманских народов разъезжались с такого съезда, охваченные большой надеждой и верой в лучшее будущее. Извещая мусульманскую общественность о результатах работы съезда, «Терджиман» подчеркнул, что было решено образовать областные организационные бюро СРМ с тем, чтобы подготовить второй съезд, а его своевременный созыв был поручен Топчибашеву³. Процесс интеграции различных мусульманских общин в единую организацию было решено продолжать, вовлекая новых участников. Нижегородский съезд послужил твердым основанием для консолидации имперского мусульманства в качестве самостоятельной политической силы со своей организацией.

Пытаясь дискредитировать значение съезда, некоторые органы печати сообщали, что политическое движение мусульман находилось якобы не только под сильным влиянием младотурок, но и под «русской агитацией социал-демократического лагеря, охотно воспользовавшейся уже готовым очагом для раздувания революционного пожара. Плодом этого мятежного течения» будто и был данный съезд⁴. Не случайный тот факт, что создание Союза российских мусульман или Союза мусульман России получило поддержку мусульманских народов, поначалу признавался в советской историографии под характерным для нее углом зрения⁵.

¹ Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России... С. 58; Она же. Первый Всероссийский съезд мусульман и его итоги // Первая русская революция в Поволжье: вопросы истории, историографии и источниковедения. Материалы Всероссийской научной конференции 21 октября 2005 года. Нижний Новгород, 2006. С. 88.

² Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Всероссийские мусульманские съезды... С. 24.

³ В источнике — резолюцией, что, судя по контексту, опечатка.

⁴ Переводчик — Терджиман. 1905. 26 августа.

⁵ Иногородское обозрение. Кн. 6. 1914. С. 455–456.

⁶ Багирова И.С. Указ. соч. С. 141.

* На этот день приходился важный мусульманский праздник — Ночь предопределения.

¹ Национальные движения... С. 220; Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законодательства. М., 1999. С. 72.

² Терджиман. 1906. 3 мая.

³ Там же. 1905. 19 декабря.

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 20 января.

⁵ Сафаров Г. Национальный вопрос и пролетариат. Пг., 1922. С. 164.

Но вовлеченность мусульман в политику, как отмечалось, носила качественно иной характер сравнительно с другими народами империи. Способом разрешения своих национальных проблем в условиях Российской империи, охваченной революцией, они выбрали реформы.

Таким образом, СРМ с самого начала представлял собой народную, массовую организацию и не имел явного лидера, а группу авторитетных столичных и региональных политиков. Несмотря на то что союз не был партией в строгом смысле этого слова, он стал играть большую роль в политическом просвещении и сплочении мусульман всей страны. Результаты работы первого съезда мусульман Российской империи показывают, что революционная тенденция не возобладала, наибольшим влиянием пользовались мусульманские либералы, которые взяли на себя ответственность за дальнейшее развитие общемусульманского движения. С этого съезда началась новая эпоха в общественной жизни мусульман Российской империи — их вступление в большую политику с тем, чтобы разрешать прежде всего противоречия в отношениях с властью. Представители мусульман всей страны действовали сообща и уже вполне по-политически, но не по-революционному. Процесс трансформации СРМ в политическую партию занял определенное время, необходимое для усвоения значения новой организации в мусульманских массах.

ГЛАВА 6

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ МУСУЛЬМАН В КОНЦЕ 1905 ГОДА

§ 1. Особенности понимания мусульманами отношений с властью

«Теперь, слава Богу, манифестами государя императора народ, — имея в виду мусульманство страны, отмечал 9 сентября 1905 г. «Терджиман», — успокоен, т. е. прочно сближен с Россией, а удовлетворение высказанных им в своих петициях желаний... еще более сближает его с родиной и его задачами. И это единственный путь, который может дать благие результаты». Но возвратившиеся из Нижнего Новгорода делегаты съезда в своих регионах, как правило, сталкивались с непониманием и равнодушием со стороны местных чиновников, когда речь шла о тех или иных насущных проблемах мусульманской жизни. На этом фоне нетипичным управленцем был уфимский губернатор Цехановецкий, который, ссылаясь на свои связи в Петербурге, на личное знакомство с премьер-министром Витте и министром внутренних дел Булыгиным, сразу же, вступив в свою должность, уделил повышенное внимание мусульманским духовным лицам, высказывая им свои симпатии к народившемуся среди мусульман общему движению и сочувственно относясь к просьбам о переходе из православной религии в мусульманскую¹. 29 сентября 1905 г. в «Уфимских губернских ведомостях» был опубликован циркуляр ОМДС, в котором объяснялся утвержденный 25 июня царем порядок перехода из православия в ислам. С этого момента начался процесс реисламизации.

В Петербурге были заинтересованы в том, чтобы при этом максимизировать роль своих ставленников в мусульманской среде и одновременно минимизировать значение усилий самостоятельных мусульманских политиков. Этим объясняется то, что в сентябре 1905 г. в Петербурге появилась первая в империи тюрко-татарская литературная и общественно-политическая газета — «Нур» («Свет»), что должно было подчеркнуть

¹ Государственная измена. С. 25, 27. Судя по тому, что уже 30 ноября 1905 г. царю был представлен новый уфимский губернатор А.С. Ключарев, который прибыл в Уфу 27 декабря и стал исполнять соответствующие обязанности (Уфимские губернские ведомости. 1905. 16, 29 декабря), в Петербурге пошла навстречу давлению со стороны руководства СРМ, требовавшего незамедлительной отставки Цехановецкого, проявившего подобную толерантность в отношении местных мусульман.

особую благосклонность правительства к таким мусульманским «иерархам», как военный ахун Петербургского гарнизона, имам А. Баязитов (из касимовских татар), который не попал в число руководителей набравшего размах и темпы общемусульманского движения. На него в правительстве сделали, как показали дальнейшие события, большую ставку, так же как и на А. Ибрагимова. «Нур» пропагандировал вслед за бахчисарайским «Терджиман» мысль, что ислам не противоречит европейской культуре, прогрессу и потребностям времени. Немалое внимание в газете обращалось также на то, чтобы убедить широкие круги в значимости самого Баязитова как политика, отстаивающего народные интересы. Так, в сентябре 1905 г. в баязитовской газете было напечатано письмо Оренбургского муфтия Султанова к Витте, в котором указывалось, что призыв мулл в ряды армии, воевавшей с японцами, обернулся тем, что многие мусульманские приходы остались без священнослужителей, что вызвало у населения крайнее недовольство¹. Даже такие высокопоставленные мусульманские бюрократы, оказавшиеся заложниками власти, вынуждены были в условиях революции чем-то проявить себя в глазах прихожан, показывая себя защитниками их интересов.

Обращаясь к верующим, муллы, в том числе Баязитов, неустанно предостерегали их от происходившей в государстве «смуты»: участие в ней есть деяние против ислама, а измена присяге, данной на верность государю, не допускалась, на что указывал Коран: «Не нарушайте клятв подарю, не допускалась, на что указывал Коран: «Не нарушайте клятв после того, как вы утвердили их»; не слушать и не повиноваться, если велит совершить грех; Аллах дарует власть, кому пожелает, а человек, стоящий во главе государства, есть его избранный»; царь прислан Аллахом, «и он является отцом всех подданных... по шариату нельзя сопро-

¹ Нур. 1905. 25 сентября. Чтобы подтвердить необходимость иметь в каждом мусульманском селении муллу, в этом же номере приводится объяснение кадия Г. Капкаева (члена ОМДС) следующего коранического текста: «Вы — народ превосходнейший из всех, какой когда-либо появлялся между людей, вы приказываете то, что благо, и запрещаете то, что дурно, и веруете в Бога» (Ср.: «Они веруют в Бога... повелевают доброе, запрещают худое, и один перед другим ревностны в благодеяниях. Они в числе добродетельных». Коран / Пер. с араб. Г.С. Сабдукова. 3:110; «Вы были лучшей общиной, созданной для людей. Вы повелеваете претворять одобряемое и удерживать от неодобряемого, а также веруете в Аллаха». Коран / Пер. с араб. У.З. Шарипова и Р.М. Шариповой. 3:110). Каждое мусульманское селение, во исполнение этой заповеди, должно иметь духовное лицо, проповедующее религиозные установления, иначе жители его останутся в грехе, отмечал Капкаев.

* Фитна (по-арабски); это слово означает одновременно искушение, бегство от которого является, по исламу, признаком приверженности к вере. Согласно религиозным представлениям, бунт (фитна) против официальных властей и участие в нем мусульман наказывались адскими муками (Вагабов М.В., Вагабов Н.М. Ислам: история и современность. Махачкала, 2002. С. 248). По мнению германского исламоведца М. Кемпера, в классической исламской литературе это понятие обычно означает «гражданскую войну» или «дьявольский соблазн», под которым подразумевается междоусобная борьба внутри мусульманского общества (Кемпер М. К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С. 301).

** Коран / Пер. с араб. Г.С. Сабдукова. 2:248; 16:93.

тивляться старшим, а тем более такому великому царю, как Николай II...»¹. Как писал один из авторитетных мусульманских богословов начала XX в. Р. Фахретдинов, государственный порядок священен, и перед ним равны царь и рабочий, богач и бедняк, начальник и подчиненный, судья и подсудимый, мужчина и женщина и т. д. Всякий, кто честно исполняет свой долг, будет вознагражден Аллахом, в противном случае его ждет кара Всевышнего². Фахретдинов был убежден, что ислам времен пророка Мухаммеда больше соответствовал интересам простого люда, и именно в отходе от этого демократического ислама он, как и некоторые другие интеллектуалы, видел одну из основных причин стагнации мусульманского мира. Идеи первоначального, «чистого» ислама о социальной справедливости и равенстве обладали огромной притягательной силой для подавляющего большинства верующих. С другой стороны, такие реформаторы, как Фахретдинов, ратовали за отмену и изменение тех положений, предписаний и традиций ислама, которые вступили в противоречие с историческим процессом, тормозили развитие новых, капиталистических отношений³.

Антицаристский характер социальной революции был для мусульман империи неприемлем. Они имели «прочное понятие о правах и обязанностях», зная, что «гражданин обязан повиноваться законам, правительству», «должен быть верен отечеству», должен любить его, ибо «любовь к отечеству равносильна вере в Аллаха», как сказано пророком Мухаммедом. Вместе с тем верующие знали, что государство, с точки зрения их религии, не имеет права вмешиваться в их духовную, бытовую жизнь. «Они вольны верить, учиться, жить и говорить по-своему. Так приказал Аллах»⁴. Молодой чиновник-татарин А.-С. Терегулов* объяснял русским сослуживцам: «С малых лет в школах учат нас муллы любить государя. В мечетях после священного имени Магомета упоминается тотчас также

¹ Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 226; Тунеев Ш. Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930. С. 115–116; Людмила А.С. Контрреволюция в рясах и чалмах в 1905 г. в Казанской губернии. Казань, 1931. С. 37; Национальные движения... С. 246; Климович Л. Указ. соч. С. 48; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа, 1959. С. 356; История Азербайджана. Т. 2. Баку, 1966. С. 584; Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Общественное движение мусульман-татар... С. 33; и др.

² Башиев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. Уфа, 1996. С. 87, 92–93.

³ Башиев Ф.Н. Взгляды Ризы Фахретдинова на проблемы науки и религии // Башкирский край. Вып. 1. Уфа, 1991. С. 49.

⁴ Переводчик—Терджиман. 1905. 5 апреля. В этой связи укажем на такой известнейший хадис: «Слушайте и повинуйтесь, даже если вашим правителем сделают эфиопа, голова которого подобна изюмине»; «Повинуйтесь (своему правителю), даже если поставят над вами эфиопского раба, голова которого подобна изюмине». Отсюда вытекало, что мусульманам следовало повиноваться правителю, пока он не потребует от человека ослушаться Аллаха (аль-Бухари. Сахих. М., 2003. С. 169, 826). Согласно другому хадису, «любовь к родине лучше владений Соломона».

* Ахмет-Султан Терегулов (1880–1952) — дворянин, в 1905 г. помощник управляющего канцелярией уфимского губернатора, губернский секретарь.

священное имя царя»¹. Патриархальный строй жизни мусульман покоился на религиозных основах, «не колеблемых современными теориями социальных наук», резонно писал Остроумов в 1906 г. Уже в начальной школе, по наблюдениям этого педагога, дети мусульман не заражались такого рода взглядами на условия и цели жизни и на взаимные отношения, поскольку по Корану, все мусульмане — братья, без различия имущества и образовательного ценза, и должны дружить только между собой. «С современными социальными теориями мусульманская народная масса не знакома, а ее представители с предубеждением и удивлением относятся к формам народного участия в социалистических движениях и оберегают своих детей от влияния толпы, мешающей детям учиться, как это в последние два года почти повсеместно наблюдается...»², имея в виду революционные волнения в империи. Как отмечалось также сенатором Кузьминским, причина уклонения мусульман от всякого рода движений состоит в укоренившемся в них твердом сознании верноподданнического долга, не вызывающем никакого сомнения в том, что такое отношение составляет для правоверных догмат исповедуемой ими религии³. Религиозное воспитание населения в патриотическом, законопослушном, верноподданническом духе, начинавшееся еще в мектебах и медресе, было важнейшей причиной неучастия мусульманских масс в антиправительственных действиях без веских, с их точки зрения, причин.

Конечно, нельзя представлять мулл какой-то однородной массой, находившейся во главе со своими «иерархами» под полным контролем властей. И среди них были исключения, яркие индивидуальности, вроде Г. Исхаки (Исхакова), который из муллы стал на некоторое время даже татарским эсером. «Когда же я, — вспоминал он о 1905 г., — окупился в сентябрьскую жизнь города Казани, то обнаружил весьма интересные процессы революционизирования народных масс: в клубах, в театрах и во внутри емких зданий учебных заведений, вздрагивая бурными аплодисментами, толпы слушателей из студентов, гимназистов, рабочих и даже солдат вспенивались, как кипящая масса в котле! Это — то там, то здесь вышедшие из подполья революционеры проводили свои митинги! Они страстно разъясняли свои программы... Они вскрывали страшные факты деспотизма царской элиты, вытаскивая скрытые в деревенских халупах и в подвальных жилищах рабочих кварталов примеры нищеты и нравственных обид... а слушатели, вспыхивая блесками злобы на глазах, пытливно смотрели на оратора, как бы спрашивая: "А возможна ли другая жизнь?"... Ясно, что оставлять татарское население города в стороне от этих серьезных процессов, как этого хотели иттифаковцы, мы не могли. Беседы фанатика религиозной замкнутости на темы, вроде "Можно ли

¹ Государственная измена. С. 54.

² Остроумов Н.П. Мусульманские мактабы... С. 141.

³ Право. 1906. 5 марта.

мусульманину съесть в русском ресторане кусочек котлеты русского мясника?", толщу нашего народа не смогли уже удовлетворять... Наши собрания и митинги в стенах медресе своей многолюдностью аудитории свидетельствовали нам правоту нашу; молодая интеллигенция, приказчики и мастеровые и учащаяся молодежь предпочитала дружбу с нами!» — то есть с хурриятстами. В этой ситуации манифест 17 октября, признавал вместе с тем этот бывший мулла, «оказался хорошим разрядником сгустков социальных туч»⁴, которые не могли не задеть мусульманское, в том числе татарское, население. В этом фрагменте, с одной стороны, отчетливо проступают особенности самобытной личности знаменитого уже в мусульманском мире татарского писателя, отчасти увлекавшегося гиперболизацией влияния его собственной организации на общественную мысль Казани, с другой — ясно и образно объясняется, как в народных массах, консервативных по преимуществу, происходили перемены в условиях общего кризиса в государстве, в том числе в такой сложной сфере, как управление многочисленными нерусскими народами.

§ 2. Участие мусульман в съезде представителей народов Российской империи

В самом начале XX в. в стране продолжалось усиление централизаторских тенденций в государственно-административном устройстве, когда ограничивалась самостоятельность местных органов власти и возрастали карательные функции правительственного аппарата². Система управления «национальными регионами» и «национальными окраинами» вызывала сильное недовольство и у мусульманского населения. Комментируя ситуацию, сложившуюся, в частности, в Закавказье, Топчибаев подчеркивал, что этот край «доведен до настоящего своего плачевного положения» из-за административного режима и «неподдающегося определению административного усмотрения кавказской бюрократии. Это такая система "управления", при которой как управляющие, так и управляемые теряют всякое представление о законности», когда «администраторы» руководствовались не законами, а исходили из того, что не администрация существует для населения, а оно для нее³. В такой типичной и для других мест ситуации среди элитных групп многих народов империи, в

¹ Исхаки А. Указ. соч. Л. 21, 22, 23.

² Национальные окраины Российской империи... С. 359.

³ Каспий. 1905. 24 ноября.

том числе мусульманских, стала популярна идея культурной и религиозной автономии, чтобы посредством ее противостоять централизаторской и обрусительной политике бюрократического правительства, поставившего себе задачей слить неоднородное этнографическое многообразие воедино преимущественно при помощи принудительных мер. Эта стратегия не принесла каких-либо успехов, но, напротив, усиливала межэтническое разобщение. Русский национализм, говорил в 1906 г., выступая с лекцией в Петербурге один из кадетских лидеров и затем Партии мирного обновления князь Е.Н. Трубецкой, «восстановил инородцев против великороссов, окраины — против центра...»¹. «Гонение национальностей повело к противоположным результатам: оно не только укрепило эти национальности, но вместе с тем насадило между ними отвратительную болезнь шовинизма и наступательного и задорного «патриотизма»»², — писал в 1907 г. известный ученый и общественный деятель И.А. Бодуэн де Куртене.

Ответные действия со стороны представителей нерусских народов, в том числе мусульманских, последовали довольно скоро. Так, летом 1905 г. в Елизаветполе сформировалась Партия азербайджанских социал-федералистов, названная «Гейрат»³. Возглавляли партию видный общественный деятель юрист А. Рафибеков, помещик, присяжный поверенный А. Хасмамедов и бывший помощник пристава А. Кулиев. Программа партии, схожая с программой грузинских социал-федералистов, провозгласила своей задачей содействие осуществлению федеративного устройства Кавказа и достижение территориальной автономии Азербайджана⁴ в составе Российского государства.

Съезд представителей 12 народов⁵ империи, добивавшихся автономии, собранный для учреждения Союза автономистов и федералистов, заседал в Петербурге 19, 20 и 21 ноября 1905 г. Состоялось пять заседаний, в которых участвовали 115 представителей азербайджанского, армянского, белорусского, грузинского, еврейского, казахского, латышского, литовского, польского, татарского, украинского и эстонского народов. Одним из главных вопросов стал вопрос о «федерализации государства в связи с вопросами о равноправности и автономии народностей России». На последнем заседании была принята резолюция, в которой, в частно-

¹ Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 117–118.

² Бодуэн де Куртене И. Национальный и территориальный признак в автономии. СПб., 1913. С. 62.

³ Багирова не дает перевод названия этой партии. М.А. Исмаилов переводит его как «честь» (История Азербайджана с древнейших времен... С. 330). Возможен и другой перевод — энергия. Возможно, основатели этой партии при выборе названия руководствовались тем, что оно было синонимом слова «гуммет», которое было названием популярной в массах организации.

⁴ Багирова И.С. Указ. соч. С. 164, 166, 167, 325.

⁵ По данным Р.А. Циунчука, в работе съезда участвовали представители 13 народов (Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи... С. 317).

сти, отмечалось, что «освободительное движение, постепенно расширяющее почву для переустройства государства на демократических началах, есть общее дело всех народностей России... Съезд признает несостоятельность и недопустимость централизации законодательства и управления в государстве столь обширном, столь разнообразном и сложном в экономическом, религиозном национальном отношениях, как Россия... Съезд считает необходимым создание Союза народностей в целях взаимной поддержки в борьбе за национальные права». С принятием этой резолюции съезд считал Союз автономистов-федералистов основным и избрал из своей среды ЦК для созыва первого делегатского съезда от всех принимающих идеи автономии демократических партий народов, входящих в состав союза¹. Обращает внимание, что в работе съезда участвовали и армянские, и азербайджанские представители, несмотря на недавние междоусобные кровавые столкновения.

Среди руководителей съезда был А. Ибрагимов, а всего от татар, по одним сведениям, присутствовали 15 человек². По другим сведениям, в заседании 19 ноября участвовали трое татар, на следующем заседании — восемь мусульманских представителей³. В ЦК Союза вошли три мусульманина: А. Ибрагимов, А. Сафикюрдский⁴, М. Тынышпаев⁵.

В декабре 1905 г. в Петербурге А. Ибрагимов, благодаря своим связям в высших сферах, стал издавать политическую и научную газету «Ульфят» («Дружба»), имевшую броский подзаголовок — «Братское слово русским мусульманам». Ее тираж доходил до 8 тыс. экземпляров, что по тем временам было немало. Ибрагимов подчеркивал, что газета является сторонницей шакирдов, бедняков и социалистов, а также служительницей ислама, но одновременно при этом газета фактически была органом пропаганды среди мусульманского населения идей в духе столичной либерально-буржуазной газеты «Молва».

Под автономией народов империи А. Ибрагимов понимал равноправие с русскими, наличие отдельных земских управ, создание мусульманского военного корпуса, ассигнования на религиозные дела мусульман и др. Как верно пишет сибирский историк-этнограф Ф.Т. Валеев, он призывал мусульман страны добиваться предоставления им культурной автономии⁶, а вовсе не территориальной. По мнению Л.М. Айнутдиновой, для татарского движения периода революции характерен тот факт, что чисто национальные проблемы (вопросы отделения от России или авто-

¹ Новая жизнь. 1905. 20 ноября; Новое время. 1905. 8 декабря.

² Тагиров И.Р. Дорогой свободы и братства. Казань, 1987. С. 135.

³ Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 130.

⁴ Аслан-бек Сафикюрдский (1880–1937) — азербайджанец, юрист, житель г. Елизаветполь.

⁵ Мухамеджан Тынышпаев (1880–1937) — казах, инженер, депутат II Государственной думы.

⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1330. Л. 2 об.

⁷ Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань, 1993. С. 197–200.

номии в составе Российского государства, развитие языков и культур и т. п.) отступали на второй план по сравнению с проблемами социальными и общеполитическими. Среди татарских лидеров, пишет она, ссылаясь на газету «Казанский телеграф» от 7 октября 1905 г., преобладали настроения в пользу сохранения единого Российского государства при условии его демократизации и введения территориальной или культурно-национальной автономии. Национальный сепаратизм среди российских мусульман не был распространен. Мечтой для лидеров татарского либерального движения были: национальная школа, субсидируемая правительством, но без его надзора, независимость в духовном управлении и т. п.¹ Религиозно-культурная автономия никакого подрывного характера не носила, а отражала суть многочисленных ходатайств, прошений, петиций, в которых отражалось стремление людей изменить свою жизнь к лучшему.

26 ноября 1905 г. консервативная газета «Новое время» опубликовала статью, приуроченную к завершению работы съезда автономистов, назвав его «первым съездом по разделу России». Это не так. В Уставе Союза автономистов-федералистов сказано, что он «стремится к фактическому осуществлению равноправия национальностей, входящих в состав Российского государства, и к обеспечению всех культурно-автономных прав национального меньшинства, как в пределах всего государства, так и в пределах всех его автономных частей» (§ 1), что он «стремится к осуществлению в России принципа самой широкой децентрализации в форме автономии отдельных областей на демократических началах» (§ 2), что «самоуправление и областная автономия составляют ближайшую цель Союза. Его конечная цель — переустройство всего Российского государства на федеративных началах, как единственно возможных на столь обширной территории» (§ 3)².

Отвергая обвинения монархистов, один из лидеров автономистов Бодуэн де Куртенэ в начале 1907 г. писал, что автономисты признают «общегосударственную и общеобластную обязательность в сфере одних только земных, реальных интересов, по части же национальных, вероисповедных и прочих культурных стремлений предоставляем каждому полную свободу выбору... Настоящие автономисты и федералисты желают содействовать сбережению государственной и общественной энергии, растратываемой на денационализацию, на насильственную вероисповедную пропаганду и прочие т. п. зловредные и позорные мероприятия, дабы всецело направлять эту энергию в сторону решения вопросов общеполитических и экономических»³. Ясно, что такой подход находил понимание и у мусульманского населения, среди которого влияние автономистов в одних случаях укреплялось, о чем свидетельствует, в частности, митинг грузин-мусульман (участвовало около 1,5 тыс. человек — большей частью пред-

ставители от разных селений Аджарии и Батумского округа), который состоялся 27 ноября в с. Чаква. После сравнения выступлений ораторов от социал-демократов и социал-федералистов собравшиеся постановили руководствоваться программой грузинских социал-федералистов⁴.

Гаспринский, комментируя новость о съезде автономистов, заявил, что представители поляков, финнов, кавказцев и казанских татар выступили за автономию. На его же взгляд, крымские татары были еще плохо подготовлены к такой форме устройства, поэтому требовать автономию было опасно, нужно было для этого поработать, чтобы воспитать народ, в особенности молодежь⁵. Критикуя статьи, наподобие той, которая появилась в «Новом времени», где, по выражению «Терджиман», делался поклеп на мусульман империи, используя для этого тему «панисламизма» и «фанатизма», газета писала, что мусульмане империи в действительности являлись «просвещенными и серьезными русскими гражданами, тюркского происхождения и мусульманского исповедания»⁶. Иначе говоря, религиозная, этническая и гражданская идентичности составляли основу общности мусульманства империи.

Никакая пропаганда революционных идей на самом деле не приносила такой успех, как действия некоторых министров и публичные выступления некоторых высокопоставленных русских политиков, которые, по словам одного крымского татарина, «каждый раз отравленными кинжалами пронизывали и мозг, и сердце мусульман, нанося незаживающие раны их религиозным и национальным чувствам...»⁷. Как верно отмечает И.Н. Вельможко, процесс кристаллизации политического самосознания мусульман выражался в повышении интереса к возможным направлениям реформирования культурной среды и отождествлялся властями с оппозиционностью. По мере радикализации мусульманской интеллигенции усиливались притеснения со стороны государства⁸. Но тем не менее мусульманские народы не поддержали с самого начала революцию, и это имело значение для хода борьбы противоборствующих сил.

§ 3. Восприятие мусульманами манифеста 17 октября 1905 года

К середине октября 1905 г. всеобщая стачка вступила в такую фазу, когда в стране установилось своеобразное равновесие сил между революцией

¹ Айнутдинова Л.М. Либеральное движение в Казанской губернии (1900–1917 гг.). Казань, 2003. С. 117, 118.

² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1330. Л. 1.

³ Бодуэн де Куртенэ И. Указ. соч. С. 63.

⁴ Каспий. 1905. 10 декабря.

⁵ Кричинский А. Указ. соч. С. 163, 164.

⁶ Терджиман. 1906. 3 мая.

⁷ Голос татар. 1917. 21 октября.

⁸ Вельможко И.Н. Национальный вопрос в деятельности III и IV Государственных дум. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 159.

и властью. Царизм не в силах был подавить революционное движение, а революции не хватало сил, чтобы свергнуть старую власть. Но всякое промедление грозило самодержавию опасностью. В этой обстановке у Николая II сработало чувство самосохранения и здравого смысла, и он понимал, что с неограниченной властью ему придется расстаться, подписав 17 октября манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», который спас монархию от краха¹.

Манифест 17 октября, а в этот день для большинства мусульман империи начался священный месяц рамазан (пост), был встречен их обществённостью с ликованием не только из-за знаменательного для приверженцев ислама совпадения и провозглашенных гражданских и политических свобод, но и потому, что появление Государственной думы, которой гарантировались законодательные права, и возникавшая модель конституционной парламентской монархии, с мусульманской точки зрения, вполне соответствовала Корану, гласящему: «Советуйся с ними о делах»². Всевышний «всегда может по своему желанию заменить все им данное лучшим» — этот хадис, писал Девлет-Кильдеев, дал основание толкователям ислама допускать всякие изменения в гражданском быту мусульман, вызванные временем и необходимостью, так как само общество — лучший судья в этом деле, определил законность всяких гражданских реформ, лишь бы они были согласны с основными религиозными догматами³.

Для людей манифест означал прежде всего *гарантию* свободы вероисповедания. К примеру, в прошении одной мусульманки из Челябинска, в частности, отмечалось, что манифестом было разрешено каждому подданному веровать так, как подсказывает ему собственное чувство⁴. «Сам монарх с высоты престола призывает к гражданскому единению, дарует своим верноподданным свободу совести...» — отмечалось в петербургской газете, редактором которой являлся близкий к высшим властным сферам Баязитов. Поздравляя своих читателей с этой «либеральной реформой», его газета вместе с тем позволила себе даже критику в адрес правительства: «Пора разрушить официальное подогревание фанатизма, много лет мешавшего единению на почве религиозной свободы и прогресса!.. Стыдно и смешно... в такой век, как тот, что мы переживаем, — век либеральный и прогрессивный, — повторять... “басурман”. Это излюбленная когда-то лубочная литература... Настала пора бросить эту вражду, столь любимую... миссионерами»⁵. Горечь от подобного отноше-

ния к мусульманским согражданам была очевидной и усиливала стихийную оппозиционность далеких от политики людей, что неминуемо углубляло раскол общества.

«Нашим читателям, — выражался еще более определенно “Терджиман”, — хорошо известно, что очень много гадостей было писано в газетах про мусульман разными “просветителями”, чтобы дискредитировать это смиренное, но стойкое население в глазах русского общества и... правительства. О фанатизме мусульман, о вреде их мектебов, об антигосударственности их книг и т. п. жарились на патриотическом масле длинные статьи и доклады... Жизнь и выдержка самих мусульман вполне подтвердили их лояльность и добропорядочность»¹. Именно их неоспоримых успехов в самых разных сферах жизни общества опасались те, кто на словах выступали за единение, интеграцию, сплочение, взаимопонимание народов, а на деле всячески тормозили культурное развитие сограждан-мусульман, самым жестким образом противодействуя им, в особенности, когда ситуация была каким-то образом связана с их религией. Как верно заметил американский исследователь Ч. Стейнвелд, после выхода манифеста роль ислама возросла, как и количество его приверженцев, духовных лиц и новых мечетей; мусульманское сообщество, по мнению чиновников, было способно бросить вызов православию². Между тем «программа наша, — объяснял, словно отпечывая на таком надуманном обвинении, Гаспринский, — заключалась и заключается в следующем: на почве единства с Россией, сохраняя свою национальность, стремиться к восприятию высшей культуры... Мы надеемся, что огромное большинство многих тысяч наших читателей вполне согласны с нами»³. Критикуя беспрестанные и необоснованные нападки на соотечественников-мусульман, их интеллектуалы занимались неустанной разъяснительной работой и среди единомышленников.

С появлением манифеста, «каждый из нас, — объяснял своим многочисленным читателям “Терджиман”, — может говорить, писать и печатать

¹ Переводчик—Терджиман. 1905. 29 апреля.

² Стейнвелд Ч. Племя, сословие или национальность? Изменения в характере башкирской обособленности в контексте Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства. С. 493.

³ Переводчик—Терджиман. 1905. 2 ноября. Червонная, ссылаясь на то, что именно Гаспринскому действительно принадлежит формулировка «Единство в языке, вере и делах», пишет, что она якобы определила программу пантюркизма, его лозунг и кредо, нравственный императив, обращенный к народам тюрко-мусульманского мира (Червонная С. Указ. соч. С. 155), тем самым намеренно искажает сущность программы Гаспринского. Не менее поразительными выглядят рассуждения татарского филолога А.М. Ахунова о Гаспринском, которого он пренебрежительно характеризует «недоучившимся просветителем», воспитанным в русской среде, просто не понимавшим менталитета казанских татар, отношение которых к нему «всегда оставалось прохладным, граничащим с подозрительностью» (Ахунов А. Исмаил бей Гаспринский: Судьба «инородца» в Российской империи // Татарстан. 2003. № 4. С. 44, 47). Видимо, здесь намекается на какие-то особые связи Гаспринского с представителями власти, несмотря на то, что в исторической литературе отсутствуют какие-либо даже косвенные доказательства их сомнительности.

¹ Первая революция в России... С. 310, 315–317.

² Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1905 год. С. 14. На Кавказе начало рамазана датировалось 15 октября 1905 г. (Кавказский календарь на 1905 год. Тифлис, 1904. С. 46).

³ Коран / Пер. с араб. Г.С. Саблукова. 3:153.

⁴ Девлет-Кильдеев. Указ. соч. С. 25, 26.

⁵ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 48. Д. 650. Л. 2.

⁶ Нур. 1905. 3 ноября.

тять без разрешения или одобрения все, что находит нужным и полезным, но под тем неперменным условием, чтобы... не призывать людей к разрушению существующего порядка управления... Дано право свободно говорить, обсуждать и писать обо всем... Нам необходимо доказать... русскому народу, что мы его товарищи и истинные соотечественники, готовые идти с ним рука об руку». Теперь у мусульман империи «такие права, которые выше прав мусульман английских и недостижимы для мусульман — подданных Франции, Голландии и других держав. Мусульмане Персии и Турции должны завидовать нам, они в угнетении властей; английские мусульмане хотя и имеют свободу печати, но лишены права участия в управлении. Мы же имеем участие в законодательном собрании и можем служить отечеству, начиная с скромного поста волостного (старшины. — С.И.) до министерского портфеля. Словом, мы полноправные русские граждане...»¹. Здесь высказано верное наблюдение о резко изменившемся с формальной точки зрения статусе мусульман империи, хотя с реальным воплощением полученных возможностей оказалось далеко не все так просто, как обнадеживал Гаспринский, о чем свидетельствовала ситуация в самых разных частях страны.

Когда 18 октября в Ташкенте был обнародован манифест, по улицам города прошла многотысячная демонстрация, которая направилась к городской тюрьме, где потребовала освобождения политических арестантов, но получила отказ властей². За толпой следовало, по свидетельству очевидца, много мусульман, но прямого участия в действиях манифестантов они не принимали³. Такие факты в советской историографии обычно приводились как доказательство втягивания мусульманских масс в революцию, в борьбу против самодержавия, что далеко от истинных мотивов их присутствия на таких мероприятиях. Все волнения в Туркестане, верно писал в частном письме из Бухары в Петербург в октябре 1905 г. русский дипломат Лютш, вызваны были прежде всего неосведомленностью русских администраторов с положением дел в крае и их незнакомством с местными мусульманами, их языками, бытом и религией⁴. Как обоснованно заметил Диманштейн, в Средней Азии революция и ее лозунги не были понятны широким мусульманским массам, для них это была в основном внутренняя распря между разными русскими группами⁵, иначе говоря, русская гражданская война. В такой социальной ситуации мусульмане не собирались бросаться не только в Туркестане.

В Бахчисарае 19 октября с вечера до полуночи почти все татары, которые составляли около 4/5 всех горожан, провели на базарах и кофейнях,

обсуждая манифест и поздравляя друг друга, как сказано в газетной заметке, «с великими правами». 26 октября в здании городской думы Гаспринский собрал первый съезд крымских татар Таврической губернии (около 100 делегатов), на котором изложил в общих чертах программы разных партий. Известие о создании СРМ было поддержано участниками съезда: «Придерживаясь решения Нижегородского мусульманского съезда, примкнуть принципиально к русской либеральной партии, на почве единства России». Что касается происходивших в стране многочисленных беспорядков, сопровождавших объявление этого манифеста, участники бахчисарайского съезда выразили «глубокое порицание всем виновникам кровавых дней, омрачивших радостные дни народившейся свободы»¹. Уже первая неделя после манифеста ознаменовалась протестными демонстрациями, которым противостоял невиданный прежде разгул черносотенцев, начались их схватки с недовольными соотечественниками.

20 октября в Баку черносотенцы вместе с группой мусульман во главе с гласным Бакинской городской думы судовладельцем Г.-А. Ашуровым напали на демонстрацию революционно настроенных горожан². В многотысячных «патриотических», по определению разных авторов, манифестациях, имевших место, в частности, 21–22 октября в Казани, приняла участие и процессия татар, которые несли национальные флаги и пели по-татарски «Боже царя храни». 22 октября несколько тысяч татар, совершив на Сенной площади торжественное моление о здравии и благодеянии царя, в сопровождении группы мулл во главе с Баруди, также прибыли к кафедральному собору и просили губернатора передать монарху благодарность за дарование основ гражданской свободы и готовность мусульман-горожан всеми силами и средствами содействовать укреплению начал законности, порядка и спокойствия. После того как это обращение было передано императору, он начертал: «Прочел с удовольствием»³. Казанские татары тогда приняли активное участие, по оценке Е.М. Михайловой, в черносотенной демонстрации, а Баруди поддержал правых монархистов. Когда 23 октября в Уфе большая толпа «патриотических» манифестантов дошла до дома Оренбургского муфтия Султанова, который также являлся, по мнению Михайловой, одним из лидеров черносотенцев-мусульман, тот вышел к ним и произнес речь в духе добрых отношений между русскими и башкирами. Татары в ответ из толпы крича-

¹ Переводчик—Терджиман. 1905. 2 ноября.

² Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч. 2. С. 305.

³ Пясковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. С. 432.

⁴ АВГРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1280. Л. 26, 27 об.

⁵ Диманштейн С. Указ. соч. № 1. С. 71.

¹ Переводчик—Терджиман. 1905. 17, 21, 31 октября.

² Сеидзаде Д.Б. Царский манифест 17 октября 1905 г. и Азербайджан // Вопросы истории Азербайджана. Баку, 1966. С. 114.

³ Торжественное всенародное шествие (патриотическая манифестация) 22 октября 1905 года в Казани. Казань, 1906; Лосяцкий Н.М. Казанская революция // Исторический вестник. 1914. Т. СХХХV. С. 171, 175; Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 226; Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. С. 142; Алексеев И.Е. Указ. соч. С. 87–90; ГАРФ. Ф. ДП-7. 1906 г. Д. 2. Ч. 18. Л. 65.

ли: «Стадо без пастуха не бывает*, и мы без царя не можем. Да здравствует царь!»¹ Поведение мусульманских демонстрантов, таким образом, оценивается в историографии по-разному — как патриотическое, как монархическое и т. д.

Получая сведения о том, каким было поведение мусульман во время подобных шествий в разных городах страны, «Терджиман» имел основания дать следующую характеристику: «Манифест о свободе встречен мусульманами с большой радостью и с полным достоинством и выдержкой. В Крыму, на Кавказе, в Казани мусульмане стояли под государственным флагом, уклоняясь как от красного флага, так и от черносотенных безобразий... Мусульмане Казани, Бахчисарая, Ялты были готовы к защите... и евреев от диких избиений и грабежа. В Симферополе много евреев нашли приют и охрану в домах мусульман»². Действия погромщиков вызвали неприятие у большинства мусульман. Так, татары Керчи были возмущены участием нескольких молодых татар в еврейском погроме. Их заставили извиниться перед хозяевами еврейских лавок, поскольку эти революционно настроенные молодые татары бросали тень на безукоризненную до сих пор репутацию татарского населения Крыма, никогда не участвовавшего ни в каких насилиях и грабежах³. Когда в стране происходили демонстрации под красным флагом, мусульмане отвели на манифест молитвой за царя — подвел итоги того, что происходило по всей империи, заместитель секретаря думского Комитета по государственной обороне Сыртланов⁴. Даже Вамбери вынужден был признать, что манифест произвел на скромных, тихих, покорных, трезвых и трудолюбивых мусульман совершенно необыкновенное действие — народ воздержался от всяких неразумных проявлений радости и сохранил полное спокойствие и серьезность⁵. Действительность революционного времени существенно способствовала тому, чтобы мусульмане, которые вообще были противниками какой-либо анархии, еще больше склонялись на путь достижения преобразований в государстве путем реформ, что стало одной из главных тем новых мусульманских газет.

29 октября в Казани стала выходить газета «Казан мухбире» («Казанский вестник»), которую выпускал адвокат Алкин, но фактическим руководителем был Ю. Акчурин, который был одним из лидеров СРМ. Эта

* Вероятно, имелся в виду известный хадис: «Какого бы пророка Аллах ни направлял (к людям), он обязательно пас овец».

¹ Михайлова Е.М. Черносотенные организации Среднего Поволжья в 1905–1917 гг. Чебоксары, 2000. С. 55, 112; Максимов К.В. Патриотическое общество мастеровых и рабочих Уфимских железнодорожных мастерских (1905–1917 гг.). Уфа, 2003. С. 17, 18, 19.

² Переводчик — Терджиман. 1905. 4 ноября.

³ Королев В.И. Бунт на коленах. (Политические партии в Таврической губернии. 1905–1907 гг.). Симферополь, 1993. С. 44.

⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. С. 472.

⁵ Баку. 1910. 4 июня.

либеральная газета, выражая одобрение манифеста, 10 ноября писала: «Величайший по своему значению новый закон 17 октября совершенно переменяет наш государственный строй»¹. Мусульмане страны, оказавшись в трудных условиях масштабного социально-экономического и политического кризиса, пытались понять суть происходивших вокруг них событий не только с помощью своей немногочисленной прессы, но и на митингах, организованных для них.

Так, в Тифлисе 21 октября состоялся митинг азербайджанцев, на котором оратор-мусульманин разъяснял собравшимся значение царского манифеста². В Елизаветполе 27 октября мулла, обращаясь к собравшимся в мечети, заявил: «Свобода хорошая вещь, и по Корану все должны быть свободны»³. Подобные рассуждения были понятнее людям, чем какая-либо политическая агитация, поскольку мусульмане повсеместно ориентировались на Коран, учитывая при этом европейский пример и в сфере прав личности. Их интеллигенция, разъясняя верующим значение манифеста, говорила о всеобщем равенстве и даже народовластии и особо подчеркивала актуальность ислама в связи с тем, что происходило в стране. Ислам «предоставляет свободу человеку, окрыляет его высокими идеями, открывает широкий простор умственным и душевным способностям»⁴, — писал, к примеру, Кочарлинский. В такой общественной атмосфере появление манифеста приветствовали и члены «Иттифаг» («Союз») — Мусульманской организации партии социалистов-революционеров, появившейся в Баку в октябре 1905 г. под влиянием эсеров С.Ш. Раецкого и В.В. Ризеля. Лидерами азербайджанских эсеров были Р. Шарифзаде, М. Джуварлинский, Р. Меликов*. По основным программным и тактическим вопросам иттифагисты разделяли взгляды бакинских эсеров, хотя на первый план выдвигали национальный вопрос. Лидеры «Иттифаг» заявляли на страницах бакинской прессы, что главной их целью является просвещение масс и свобода для народа. Влияние

¹ Цит. по: Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. С. 133. Несколько иной перевод этой же фразы дает современный татарстанский исследователь Р. Мухаметшин, который, обрезав ее начало, пишет, что «закон от 17 октября радикально изменит структуру нашего государства». Здесь, по его мнению, имелось в виду, что «признание России родиной предполагало обретение татарами равных со всеми народами, проживающими на ее территории, политических и других прав» (Мухаметшин Р. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, 2005. С. 104). Такой комментарий не вытекает из данной урезанной цитаты, смысл которой заключается в высокой оценке значения данного решения Николая II. Что касается прав татар, то они, согласно законам Российской империи, не относились, как не раз отмечалось, к категории инородцев со всеми отсюда вытекающими последствиями.

² Революция 1905 года в Закавказье... С. 84.

³ Цит. по: Гусейнов Р. Очерки революционного движения в Азербайджане. Баку, 1926. С. 52.

⁴ Каспий. 1906. 4 января.

* Рахим Меликов — учитель, племянник экономиста, публициста, драматурга, основателя азербайджанского театра Г. Меликова-Зардаби (1837–1907).

этой организации на массы было довольно слабым¹, как, впрочем, и татарских эсеров в Поволжье.

В середине ноября, после окончания рамазана, политическая жизнь мусульман заметно оживилась. Так, либерал Агаев, 18 ноября открывая в Баку первый политический митинг местных мусульман, использовал цитаты из Корана, чтобы доказать необходимость «свободы вообще, свободы религии и совести в частности»; на втором подобном митинге (собралось свыше 500 человек — в основном представители интеллигенции и купечества) 27 ноября он говорил, что провозглашенные манифестом свободы гармонируют с Кораном и каждый мусульманин должен требовать их практического осуществления. При этом он отмечал, что в обществе за последнее время сложилось мнение о мусульманах, что будто их религия не терпит свобод; наоборот, политические и гражданские свободы не противны духу ислама, они являются ее основой. В принятом митингом постановлении его участники приветствовали манифест и требовали осуществления обещанных свобод². В опубликованном в бакинских газетах проекте программы необходимых, по мнению Агаева, преобразований в жизни мусульман требовалось: прекратить в их отношении политический, религиозный и общественный гнет; предоставить им свободу вероисповедания; свободно устраивать школы и молитвенные дома; развивать свой родной язык; вернуть отнятое властями вакуфное имущество; свободно употреблять свой язык в судах и других правительственных учреждениях и др. Этот проект как свидетельство политизации общественной жизни азербайджанцев был перепечатан ташкентской газетой³.

Другой либерал, Топчибашев, в своей газете «Каспий» 8 ноября 1905 г. заявил, что освободительное движение в России вызвало к жизни политические партии, образование которых он рассматривал как закономерное в принципе явление, отражающее политические идеалы разных общественных групп. Однако в конкретных условиях России того времени он считал необходимым объединение всех партий вокруг требования фактического осуществления манифеста 17 октября. Он высказался за создание в тех условиях лишь одной партии «гражданской и политической свободы». Другими словами, он выступал за то, чтобы СРМ трансформировался в партию такого типа, став главной для мусульманского населения. Такой союзник представлял большую ценность для партий, стремившихся продвинуть в ходе избирательной кампании в будущую Думу как можно больше своих кандидатов.

В борьбу за влияние на мусульманских избирателей первыми включились кадеты. Так, на заседании ЦК их партии 18 октября 1905 г. обсуж-

дался вопрос о том, чтобы направить своего представителя в Северный Дагестан и Кабарду, где, как сообщалось, имелись оппозиционно настроенные мусульмане⁴. Кадеты старались прежде всего привлечь к себе наиболее влиятельных представителей мусульманского сообщества империи. К примеру, казахский лидер А. Букейханов участвовал в работе совещаний, организованных ЦК кадетской партии с 12 по 14 ноября 1905 г. в Москве. Здесь обсуждались, в частности, вопросы о пропаганде кадетских идей и распространении соответствующей программе партии литературы⁵. 12 ноября он, выступая на VI съезде земских и городских деятелей, в частности, сказал, что является представителем казахского народа, делегаты которого после указа 18 февраля подготовили свою петицию, требуя прежде всего свободу в употреблении родного языка⁶. То есть проблема создания отдельного духовного управления не была главной для казахского населения, на чем, как отмечалось, настаивает Усманова.

По свидетельству Букейханова, особенное впечатление на казахов произвело обещание неприкосновенности личности и свободы совести, поскольку они «подвергались постоянным ударам грубых агентов обрусительной политики — та же политика постоянно давила религиозную совесть... закрывая мечети, медресе, конфискуя библиотеки». Что касается свободы слова и собраний, то благодаря бытовым особенностям жизни казахов, отсутствию фактического надзора и незнанию представителями власти их языка, они, когда в этом была надобность, беспрепятственно осуществляли свободу слова и собраний⁷. На появление манифеста уполномоченные от 21 казахской волости Каркалинского и других уездов Семипалатинской области 27 ноября отреагировали так: «Политическая свобода нам, киргизам (казахам. — С.И.), и другим объявлена, но она пока для нас только пустой звук — потому что гнет власти еще не снят, действуют по-прежнему крестьянские начальники. Чтобы мы могли реально почувствовать наступление времени свободы, должны быть удалены причины нашего гнета — существующие крестьянские начальники, так как киргизы (казахи. — С.И.) только с удалением крестьянских начальников могут чувствовать себя гражданами, ничего не проигрывая в сфере управления родной степью»⁸. Об этой же проблеме сказано в прошении, направленном от имени 1020 казахов Лепсинского уезда Семиреченской области в июле 1905 г.: «...с течением времени законы Российской империи заменились в наших глазах административным произволом... не-

¹ Протоколы ЦК конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. Т. 1. М., 1994. С. 32.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 512–513.

³ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 499–500; Право. 1905. 20 ноября.

⁴ Букейхан А. Избранное. Алматы, 1995. С. 400.

⁵ Цит. по: Якунин А. Ф. Революция 1905–1907 гг. в Казахстане // Революция 1905–1907 годов в национальных районах России. Сб. статей. М., 1949. С. 637.

¹ Багирова И. С. Указ. соч. С. 80, 81, 82.

² Каспий. 1905. 29 ноября; Сеидзаде Д. Б. Из истории азербайджанской буржуазии в начале XX века. Баку, 1978. С. 121, 122; Багирова И. С. Указ. соч. С. 38.

³ Русский Туркестан. 1906. 5 февраля.

обходимо уничтожить всякий произвол и беззаконие, царящие в наших степях, и ввести принципы справедливости и законности»¹.

Тяга казахов к участию в управлении означала и возможность применения родного языка, — все это воспринималось местными чиновниками совсем под другим углом зрения. Так, в середине ноября в уездном городе Каркаралы (Семипалатинская обл.) состоялся митинг, на который собрались почти все горожане. Ораторами выступили судья, следователь, учитель, священник и бывший мировой судья-казах Я. Акпаев. Все они критиковали старый режим, разъяряли, что такое конституционный строй. Импровизированной трибуной служила кобыла (половину публики составляли казахи на лошадях). Был момент, когда на ней сидело одновременно двое: священник и Акпаев. Один говорил, другой ждал очереди. После митинга в Омск была отправлена телеграмма о предполагаемом походе вооруженных кочевников-казахов на город и об угрожающей русским жителям опасности. Это была, по свидетельству Букейханова, «наглая лож», сочиненная теми, кто мстил ораторам, посмеявшимся критиковать их деятельность как представителей власти². Букейханов имел в виду тот факт, что 23 ноября каркаралинский уездный начальник телеграфировал омскому начальству: «Положение серьезное, среди киргизов (казахов. — С.И.), при таких условиях, национальное движение возможно, степь возбуждена до крайности»³. Эта дезинформация быстро распространялась. 26 ноября политический агент России в Бухаре Лютиш сообщал военному губернатору Самаркандской области, что распространился слух о том, будто бы в Киргизской (Казахской) степи объявлен газават и что вследствие этого железнодорожные станции и сама дорога могут стать объектами этого религиозного движения. К январю 1906 г., однако, выяснилось, что слух о «брожении» среди казахов Перовского уезда Сыр-Дарьинской области на религиозной почве, появившийся в конце ноября, был маловероятным⁴. Они на самом деле продолжали слать петиции в Петербург. В частности, в прошении казахского и киргизского населения Аулиеатинского уезда Сыр-Дарьинской области от 1 января 1906 г. выражалась просьба получить в собственность земли, находившиеся в их пользовании, прекратить отвод переселенцам земельных участков и др.⁵ Представители 16 казахских волостей Зайсанского уезда на своем собрании 16 февраля 1906 г. в Зайсане решили направить премьер-министру телеграмму, в которой было сказано:

«Всякие насилия, бесчинства и другие вредные проявления дорогому нам отечеству всегда чужды нам...»¹

После того как администрация Тургайской области разрешила распространить по всей степи переведенный на казахский язык манифест, казахи долго обсуждали, насколько подходил этот документ к ним, и, наконец, сделали вывод, поразивший многих своей неожиданностью. Они рассудили, что всеми свободами, даруемыми манифестом, они пользовались испокон веков. Никогда, никто не посягал на то, чтобы лишить их этих свобод, и потому подобные документы не имеют к ним отношения, а касаются только русского населения. На этом Казахская степь успокоилась, выжидая развития событий. Всеобщая политическая стачка, которая охватила всю Россию, оценивалась казахами как «абсурд». Расстрелы, погромы и прочие действия властей по подавлению беспорядков среди населения тотчас же привели к сравнению, как пользовались полученными в результате манифеста гражданскими и политическими свободами русские граждане и как казахи. Выводы, как отмечал петербургский обозреватель М. Аристов², получались для русских далеко не лестные и не в их пользу. Престиж русских быстро упал в глазах казахов³.

Одновременно представители последних предприняли попытку организовать. В декабре 1905 г. в Уральске состоялся первый съезд делегатов казахского населения (фактически только казахской интеллигенции) пяти областей, на котором была создана Киргизская (Казахская) конституционно-демократическая партия. Но уже в январе 1906 г. ее лидер Букейханов был арестован⁴. Его задержали на пути следования из Омска в Семипалатинск и по решению начальника Омского жандармского управления от 10 января 1906 г. поместили в павлодарскую тюрьму за то, что он, как сказано в документе, «стоит во главе революционной партии»⁵, которая, конечно, не имела такого характера. Букейханов вспоминал, что его арестовали 8 января на небольшой железнодорожной станции по распоряжению министра внутренних дел. При обыске нашли телеграмму, в которой было сказано, что съезд «партии КаДэ» назначен на 4 января в Москве. Павлодарский уездный начальник, производивший дознание, заподозрил в буквах КаДэ шифр. Из этой тюрьмы Букейханова затем перевели в омскую тюрьму, откуда 30 апреля выпустили, когда стало известно, что его избрали выборщиком в Государственную думу⁶. Бу-

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3497. Л. 6, 7, 8 об.-9.

² Букейхан А. Указ. соч. С. 400–401.

³ Революция 1905–1907 годов в Казахстане. (Сборник документальных материалов.) Алма-Ата, 1949. С. 91.

⁴ Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь–декабрь 1905 г. Ч. 3. Кн. 2. М., 1956. С. 998, 1003, 1004.

⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3497. Л. 2, 5.

¹ Семипалатинские ведомости. 1906. 5 марта.

² Вероятно, востоковед Н.А. Аристов.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1908. 16 декабря.

⁴ Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана (1861–1917 гг.). Алма-Ата, 1984. С. 132; Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 48. Букейханов с 1908 г. стал масоном (Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 147, 1144.

⁵ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 4028. Л. 4.

⁶ Букейхан А. Указ. соч. С. 401–402.

кейханова арестовали по приказу из Петербурга для того, чтобы напугать не только его, но и других самостоятельных мусульманских лидеров. Каких-либо веских доказательств нарастания революционной или панисламистской активности, о чем много писалось в столицу чинами охраны и бюрократами, среди казахов и их элитных групп не наблюдалось.

В Крыму, где у местных татар также было немало претензий к власти*, влияние революции было заметнее на них. Так, 13 ноября жители д. Уркуста (в 58 верстах от Ялты) и некоторых других соседних татарских аулов приступили к самовольной вырубке леса, поскольку считали его своим. Когда вице-губернатор Таврической губернии Н.Л. Муравьев прибыл на сход в Уркусту и пытался уладить конфликт, для этого ему пришлось встретиться с местным муллой и после продолжительного и, видимо, неудачного разговора высокопоставленный чиновник снова вышел к сходу и сказал, что если татары не подчинятся, то он вызовет войска. Из Уркусты он вернулся в татарскую деревню Байдары, где находилось волостное правление. Здесь был собран волостной сход, участники которого продолжали настаивать на своем праве рубить лес. Тогда вице-губернатор вновь пригрозил направить солдат, и это вынудило татар дать обещание самовольно не рубить лес. Через день ему доложили, что рубка не возобновляется, поскольку крестьяне намерены мирным путем прийти к справедливому соглашению¹. Мулле, надо полагать, удалось убедить сельчан не оказывать вооруженного сопротивления представителям власти.

Местная элита быстро отреагировала на этот инцидент. 19 ноября в Симферополе в помещении земской управы под председательством присяжного поверенного А. Муфтизаде состоялось собрание крымских татар, которым молодые интеллигенты объясняли значение прав, данных манифестом, и текущую политическую ситуацию в стране, а 20 и 23 ноября Гаспринский провел в здании дворянского собрания второй губернский съезд крымских татар (714 делегатов). Цель съезда состояла прежде всего в том, чтобы выяснить, каким путем и какими мерами можно было достигнуть проведения давно назревших реформ в сфере духовной и экономической жизни мусульман Крыма. Было решено добиваться, чтобы безземельные татары были поселены: на свободных вакуфных землях с умеренной арендой в пользу вакуфа, на свободные казенные земли и на наделах из частновладельческих земель с правом их выкупа. Кроме того, участники обратились к губернатору с просьбой в кратчайшие сроки удалить с должностей муфтия и казиев ТМДП, чтобы крымские татары могли избрать на их места других мулл, действительно заслуживающих доверия людей. Прибывший по просьбе участников и.д. губернатора В.В. Новицкий

заявил, что готов идти им навстречу, содействовать обеспечению безземельных татар, выяснить в Петербурге вопрос о выборах нового муфтия. Съезд поддержал образование СРМ как средство достижения культурно-правовых целей и выразил согласие на открытие его Крымского отделения (председатель Гаспринский, члены: А.С. Айвазов*, студент Р. б. Ахундов (Феодосия), А. Булгаков (Евпатория), мулла Г. Ибраим, М. Кипчакский, мулла А. Корбек, С. Крымтаев, Р. Медиев (Карасубазар), А. Мемет оглу, А. Муфтизаде (Симферополь), И. Муфтизаде**, мулла А. Тарпиев. Делегаты решили воздержаться от присоединения к какой-либо политической партии, оставаясь на почве манифеста 17 октября¹. Через несколько дней после съезда Феодосийское уездное земское собрание возбудило ходатайство, во-первых, о том, чтобы в русско-татарских школах, с согласия местного татарского населения, татары были назначены на должности учителей, во-вторых, о возвращении вакуфных капиталов для просветительных целей среди татар и о возвращении резерва вакуфных земель для поселения безземельных татар². Эти и другие вопросы не решались Петербургом, что вызывало протесты со стороны крымских татар. На митинге народных учителей-татар Крыма была принята резолюция, в которой, в частности, было выражено сожаление, что власть не учитывает их нравы, обычаи и веру. «Мы словно не такие же русские подданные, мы словно покоренные враги»³. Разобщенность крымских татар и остального населения полуострова, вызванная главным образом действиями власти или бездействием ее представителей, усиливалась.

Сложившейся ситуацией пытались воспользоваться местные революционеры и вовлечь крымских татар в крестьянские выступления. В начале декабря член Ялтинской организации РСДРП З. Садыков***, занимавшийся агитацией среди татарского населения, созвал в д. Дерекой (в двух верстах от Ялты) сход и призвал мусульман с оружием в руках захватывать земли русских помещиков. В ответ местные татары решили даже учинить самосуд над этим татарским большевиком, и ему пришлось скрыться. Однако 18 декабря он вновь появился в том же уезде с двумя своими соратниками и продолжил свою пропаганду уже несколько в ином ключе. 21 декабря на сходе в том же ауле Садыков говорил, что татарам надо объединиться, чтобы рубить помещичий лес и отобрать у русских все земли, принадлежавшие прежде татарам, призывал их во-

* Асан Сабри Айвазов (1878–1938) — учитель, писатель, публицист.

** Измаил Муфтизаде (1841–?) — дворянин, землевладелец, отставной полковник; активист, депутат III Государственной думы.

¹ Переводчик — Терджиман. 1905. 23, 25, 28, 30 ноября; 2 декабря; Королев В.И. Указ. соч. С. 43; Ганкевич В. Указ. соч. С. 30.

² Голос Тавриды. 1905. 30 ноября.

³ Каспий. 1905. 31 декабря.

*** Зариф Садыков (1883–1912) — уроженец татарского аула Малый Кульбаш Казанского уезда Казанской губернии, сын крестьянина, мелкий торговец, приказчик, член РСДРП с 1904 г.; в Ялте в 1905 г. работал кассиром в лавке.

* К примеру, татарам почему-то запрещалось даже разводить коз в горной части Крыма.
¹ Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь–декабрь 1905 г. Ч. 3. Кн. 1. М., 1956. С. 670–672.

ружаться, чтобы 9 января 1906 г., в годовщину «кровавого воскресенья», восстать. Его речи ни к чему не привели, и он уехал в Ялту. 28 декабря 1905 г. Ялтинская организация РСДРП была разгромлена, многие ее члены были арестованы, в том числе Садыков, который, пока шло расследование, находился под негласным надзором полиции, но в апреле 1906 г. исчез из ее поля зрения¹. Призывы к насилию, таким образом, не встретили поддержки и среди крымских татар, за редким исключением, что тем не менее вызывало тревогу у лидеров СРМ.

В ноябре 1905 г. «Казан мухбире», который был печатным органом СРМ, констатировал: «Волна борьбы крестьян за землю, надвигающаяся со всех сторон, нас очень пугает. Обширная Россия может оказаться потопленной в море крови и разрушенной, подобно тому как вышедшее из берегов море топит все на пути»². Перспектива оказаться в зоне этого «стихийного бедствия» не устраивала мусульман и их элиты. 26 ноября в Казани состоялось собрание, на котором присутствовало более 500 татар. Ю. Акчурин представил собравшимся анализ политических платформ партий кадетов и октябристов и предложил поддержать кадетов, поскольку в их программе большое внимание уделялось религиозным свободам и правам народов. Значительная часть участников поддержала его предложение. Кроме того, здесь же было принято решение поддержать создание партии под названием Союз российских мусульман. 3 декабря состоялось собрание, принявшее решение провести консультации с представителями мусульман других частей страны по вопросу о создании собственной партии. Для этого было предложено связаться с Топчибашевым (Баку), Гаспринским (Бахчисарай), А. Ибрагимовым (Петербург), Ф. Каримовым* (Оренбург) и др.³ В Оренбурге 2 декабря до ста мусульман приняли участие в собрании, чтобы решить — присоединяться ли к какой-либо существующей партии или же создавать свою самостоятельную. В итоге была создана комиссия для более детального изучения программы октябристов⁴.

В Казани сторонники октябристов в середине декабря приняли программу «Казанской партии Манифеста 17 октября». Не желая во всем слепо следовать за столичными октябристами, мало учитывающими ме-

стные особенности, казанские октябристы подключили к разработке этой программы и нескольких правых татарских деятелей во главе с купцом А. Сайдашевым. В результате в программе появился специальный пункт, посвященный религиозному вопросу. В нем, в частности, было сказано, что необходимо: устранение всех законоположений, ограничивающих то или иное вероисповедание; восстановление всех погранных религиозных прав, в том числе на собственность; предоставление каждому вероисповеданию свободы отправления богослужений и духовного самоуправления на основах религиозных норм каждого вероучения. Этот документ был издан трехтысячным тиражом в Казани в начале 1906 г. на русском и татарском языках. Столичные октябристы предприняли попытку создания своих организаций и среди мусульман, но, как оказалось, без успеха. Сами умеренные монархисты признавали, что «Союзу 17 октября» не удалось привлечь мусульман к себе, несмотря на все старание, как отмечала казанская газета «Обновление» 15 марта 1906 г. В марте 1906 г. в Казани даже бесплатно распространялся татарский перевод программы «Союза 17 октября». Скорее всего, он был подготовлен и напечатан при помощи С. Аитова*, единственного татарина в составе Казанского губернского комитета партии октябристов в 1905 г., но и он в 1906 г. вышел из их рядов¹, перейдя в состав умеренно-монархического Казанского комитета защиты правового порядка. Сайдашев являлся одним из шести татар-мусульман (около 0,5% от общего числа его членов) Казанского комитета умеренно-монархической Торгово-промышленной партии², возникшей в Казанской губернии в конце 1905 г. За исключением сотрудничества с большевистской и кадетской партиями, развитие отношений мусульман с другими партиями почти не изучалось до недавнего времени, что не позволяет дать более подробную картину здесь, но изложенные факты все же достаточно ясно показывают, что мусульманские политики вступали в политический диалог осторожно, изучая программы своих политических партнеров, а главное, их реальную политику, и обычно расставались с ними по мере укрепления позиций СРМ.

У Топчибашева и других азербайджанских либеральных политиков, занимавшихся построением СРМ, появились тем временем конкуренты, которые оказывали серьезное влияние на местных рабочих. 4 декабря на нефтяном промысле в Балаханах, основном нефтепромысловом районе Бакинской губернии, состоялся первый политический митинг мусуль-

¹ ГАРФ. Ф. ДП-7. 1905 г. Д. 4147. Ч. 1. Л. 4 об.; Д. 7555. Л. 39, 39 об.; 68; Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь–декабрь 1905 г. Ч. 3. Кн. 1. С. 681; Королев В.И. Указ. соч. С. 44. В 1907 г. Садыков был арестован и выслан в Сибирь под надзор полиции, но вновь бежал. В 1908 г. он приехал в Уфу, где стал членом Уфимского комитета РСДРП, занимался организацией работы татарской типографии, но был арестован вместе с другими уфимскими большевиками и заключен в тюрьму. После освобождения умер от туберкулеза.

² Цит. по: Раимов Р.М. 1905 год в Башкирии... С. 153.

* Фатих Каримов (1870–1937) — татарский писатель, издатель, общественный деятель, главный редактор оренбургской газеты «Вакт».

³ Айнутдинова Л.М. Указ. соч. С. 52.

⁴ Сафонов Д.А. Пробуждение. Революция 1905–1907 гг. и Оренбуржье. Оренбург, 1996. С. 43–44.

* Сулейман Аитов (1862–1922) — казанский купец, предприниматель, общественный деятель, действительный член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете; финансировал деятельность СРМ.

¹ Алексеев И.Е. Указ. соч. С. 118, 202–203; Он же. Под сенью царского манифеста (умеренно-монархические организации Казанской губернии в начале XX века). Казань, 2002. С. 45, 97, 126, 255; С. Айнутдинова Л.М. Указ. соч. С. 48, 195.

² Алексеев И.Е. Участие татар в монархических организациях Казанской губернии в начале XX века // История государственности Республики Татарстан и современность. Материалы Республиканской научной конференции 8–9 декабря 1998 г. Казань, 2000. С. 44.

манских рабочих. Первым на митинге выступил один из лидеров азербайджанской либерально-демократической партии «Дифаи» («Оборона») Агаев, приведя цитаты из Корана в пользу народного самоуправления. Он также кратко изложил историю освободительного движения и роль пролетариата в нем. Как первую победу пролетариата он преподнес обнародование манифеста 17 октября, разобрал весь манифест по пунктам и призвал мусульманских пролетариев к объединению. Выступали и другие ораторы, которые говорили о манифесте, о положении мусульманских рабочих на нефтяных промыслах. В итоге была принята резолюция: «Мы, рабочие-мусульмане, подвергнув осуждению манифест 17 октября и выразив благодарность всем борцам за свободу, постановили: 1) требовать немедленного осуществления всех свобод, обещанных в манифесте, 2) организовать всем промысловым рабочим для борьбы за улучшение своего экономического положения»¹. Критика манифеста была сделана под влиянием агитаторов из рядов социалистов-мусульман.

В Баку в пятницу, 16 декабря, состоялся общий мусульманский митинг, на котором обсуждался, в частности, вопрос об отношении к всеобщей политической стачке. Принята была резолюция, в которой было сказано: «Мы, мусульмане, собравшись на митинге, постановили: 1) Требовать осуществления свобод, возмещенных манифестом 17 октября. 2) Не примыкать ко всеобщей политической забастовке, но в то же время не препятствовать тем партиям мусульман и других национальностей, которые стоят за забастовку. 3) Не платить заработной платы рабочим за забастовочное время на тех заводах и фабриках, принадлежащих мусульманам, которые уже примкнули к забастовке». Здесь, в отличие от предыдущей резолюции, отсутствует критика манифеста и призыв к участию во всеобщей стачке, в чем сказалось влияние уже либеральных политиков.

На митинге же мусульманских рабочих 18 декабря много говорилось об их угнетенном положении, о значении провозглашенных свобод и пр. В итоге была принята резолюция: «Мы, граждане-мусульмане, обсудив наше отношение к политической забастовке... объявляем, что мы 1) выражаем благодарность всем борцам за свободу, 2) не будем иметь никаких препятствий к дальнейшей их борьбе и 3) сами также являемся поклонниками той светлой идеи, которую они проповедуют». 20 декабря состоялся митинг всех промысловых рабочих-мусульман в Балаханах, на котором после обсуждения вопроса об отношении к всеобщей политической забастовке было решено для успешной борьбы объявить на всех промыслах забастовку², тем самым пролетарии-мусульмане высказали свою солидарность и решили по примеру всеобщей стачки организовать общепромысловую забастовку. Как верно отмечалось, подъем политических настроений захватывает значительные части доселе аполитичного

тюркского населения¹, имея в виду прежде всего нефтяников-азербайджанцев. Надо учитывать, что подобные резолюции формулировались эсерами. В январе 1906 г. с помощью эсера Раецкого образовалась еще одна азербайджанская эсеровская группа под названием «Эш-шэмс» («Солнце»). Группа была малочисленна, состояла главным образом из учеников-азербайджанцев старших классов средних учебных заведений². Но попытка управлять мусульманскими массами через группу радикалов-мусульман и здесь не принесла сколь-нибудь ощутимого успеха.

Манифест 17 октября открыл, писал Исхаки, перед татарской общественностью широкое поле деятельности и в области политической. Возникли политические партии — СРМ, «Танчи»* (во главе с самим мемуаристом, Туктаровым и Ш. Мухамедьяровым**), с народнической программой, и татарская социал-демократическая партия, под которой мемуарист подразумевал группу во главе с Х. Ямашевым и Г. Тергуловым***. Все эти три организации работали, отмечал Исхаки, во всероссийском масштабе, выпуская свои газеты, журналы и брошюры, принимая деятельное участие в избирательных кампаниях, организуя крестьян и рабочих, причем вели свою работу, по его словам, «совершенно автономно от сродственных русских партий». В то же время «соперничающие друг с другом эти партии имеют единый фронт против народной косности, против примирения с самодержавием; они даже не позволяют организоваться правой партии, хоть бы с программой октябристов», подтверждая тем самым неудачную попытку создания в Казани партии татарских октябристов. Все эти партии в области национальной политики вели одну и ту же линию, а именно: сохранения самобытности татар с автономным управлением во всех областях³. Но насколько популярна среди казанских татар была идея подобной автономии?

Татарское население Казани, отмечал казанский губернатор, резко разделилось на два политических лагеря: «старо-мусульманский» (консервативный) и «младомусульманский», стремившийся к крупным переменам во внутреннем укладе жизни мусульман. После манифеста «прогрессисты» стали проводить в Казани митинги и нелегальные собрания,

¹ Львов А. 1905 год в Баку. (Краткий обзор событий) // Новый Восток. 1926. № 13–14. С. 155.

² Багирова И.С. Указ. соч. С. 83.

* От турецкого *tan* — заря, *tançı* (танчи) — тот, кто пробуждает к новой жизни. Так в эмиграции Исхаки называл организацию татарских эсеров, которые в современной татарской литературе именуются «танчылар» («тангисты»). Их печатным органом являлась газета «Тан юлдузы» («Утренняя звезда»).

** Шакир Мухамедьяров (Мухамедиаров) (1883–1967) — мещанин г. Орска, окончил Казанскую татарскую учительскую школу, публицист, член Оренбургской группы эсеровской партии. В 1909 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1913 г.; в 1915 г., сдав государственные экзамены в Московском университете, получил диплом.

*** Гумер Тергулов (1883–1938) — уроженец Уфимской губернии, дворянин, учитель, юрист, земский деятель, меньшевик, литератор, в 1913–1915 гг. учился в Лондоне. После Февральской революции член Всероссийского Учредительного собрания.

³ Мухамед-Гаяз Исхаки... 2004. № 8. С. 23; № 9. С. 4.

¹ Каспий. 1905. 10 декабря; Багирова И.С. Указ. соч. С. 34.

² Каспий. 1905. 30 декабря.

которые поддерживали требование об автономии¹. За период с ноября по декабрь 1905 г. казанские либералы провели восемь общегородских собраний, обсуждавших программы существующих партий и проект программы Мусульманской партии². Среди противников консерваторов, в особенности между либералами и социалистами существовали напряженные отношения. Так, один из татарских либералов, Каримов, на страницах своей оренбургской газеты «Вакт» иронично писал, что «эти пять-шесть невежественных мальчишек», имея в виду прежде всего лидеров татарских эсеров Исакова, Туктарова и Мухамедьярова, используют социалистическое учение в «корыстных целях», они «вовсе не социалисты». Их затея пропагандировать социализм среди мусульман империи «смешна и позорна и служит неоспоримым доказательством тому, что эти люди абсолютно далеки от понимания религии ислама и психологии российских мусульман...»³. Ясно, что Исаков сразу отреагировал и вступил с Каримовым в бурную полемику насчет социализма и ислама⁴. Имея в виду этот разгоревшийся диспут, перешедший во взаимные упреки, «Терджиман» писал в июне 1906 г.: «Можно, конечно, спорить против своевременности появления татарского социализма...»⁵, у которого действительно отсутствовала сколько-нибудь прочная поддержка в народе.

В условиях революции немногие интеллектуалы из мусульман, как отмечалось, проявили интерес к социалистическим теориям. Среди представителей молодежи, по данным властей, встречались в период революции единичные последователи «вредных противоправительственных учений, примыкающих по своим воззрениям к левым партиям», влияние же этих людей на окружающих мусульман было «ничтожно». Вообще же немногочисленные революционные элементы из мусульман (по словам казанского жандармского начальника, «появляются, конечно, среди вчерашних националистов и социалисты-революционеры и социал-демократы, но они представляют каплю в море»⁶) могли проявить свою радикальность, как правило, в рядах общероссийских партий. За 1902–1905 гг., в частности, в Бакинской губернии по делу об участии в противоправительственной демонстрации был обвинен лишь один мусульманин, но и его за полным отсутствием улик освободили от уголовного преследования. За весь этот период здесь же возникло только одно дело, связанное с причастностью другого мусульманина — М.Г. Мовсумова* к местным социал-демократам⁷.

¹ Национальные движения... С. 239, 257–258.

² Салихов Р.Р. Указ. соч. С. 32–33.

³ Цит. по: Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 217; Гайнуллин М. Указ. соч. С. 41.

⁴ Саханов М.Дж. Исаки и татарская литература XX века. Казань, 2003. С. 148.

⁵ Терджиман. 1906. 3 мая.

⁶ Национальные движения... С. 258, 273.

* Мир Гасан Мовсумов — азербайджанец, член РСДРП, один из основателей «Гуммет».

⁷ Всеподданнейшая записка... С. 11; Право. 1906. 5 марта.

Некоторые современные татарстанские исследователи представляют А. Ибрагимова даже в роли родоначальника исламского социализма — радикального общественно-политического движения, сочетающего мусульманские и социалистические ценности, — у татар, утверждая, что именно он заложил такие его принципы, как территориальная автономия, создание отдельных органов самоуправления, формирование мусульманского военного корпуса, использование достижений современной цивилизации для прогресса мусульман, политическое единство исламской уммы¹. Такие рассуждения отражают стремление сильно преувеличить значение этого политика, необоснованно превратить его в теоретика мусульманской национально-территориальной, в том числе и прежде всего татарской, автономии. Политические взгляды Ибрагимова были эклектичны, не отличались постоянством. Он был типичным мулльским представителем и стремился, с одной стороны, не раздражать «верхи», с другой — пользоваться влиянием в народной среде.

Политическая стачка, начавшаяся в октябре 1905 г. и охватившая почти всю Россию, не вызвала понимания у мусульманского населения. Во время декабрьского вооруженного восстания московского пролетариата, поддержанного во многих городах Центральной России, Украины, Северного Кавказа, Закавказья, Урала, Сибири, Прибалтики, мусульманское население, предпочитая решать свои проблемы с властью не с помощью террора и не на баррикадах, продолжало сохранять спокойствие, не поддавалось на призывы к свержению самодержавия, занималось другими проблемами. К примеру, на II Всероссийском съезде союза учителей и деятелей по народному образованию, который прошел 26–29 декабря 1905 г. в Выборге, участвовали два крымских татарина от Таврической губернии; один из них сообщил, что местный учительский союз существует с мая 1905 г., и в него входят как русские, так и татарские учителя. На обсуждение участников съезда был предложен проект резолюции, в котором, в частности, было сказано: «При... национальном разнообразии России ее процветание стоит в прямой зависимости от свободного развития национальных особенностей и применения широкого начала местного самоуправления... Первое неотложное применение начала освобождения наций — это возвращение школы населению каждой данной обособленной местности и вытекающие из этого преподавание на родном языке, введение в школу книг и учебников на родном языке». Обсудив проект, представители различных народов, входивших в комиссию по национальной школе, предложили такую резолюцию: «При... национальном разнообразии России просвещение живущих в ней народов находится в прямой зависимости от свободного развития национальных особенностей всех входящих в состав ее народностей и широкого применения начала национальной автономии и местного самоуправления».

¹ Ислам на европейском Востоке. С. 108, 140.

Естественно, было отмечено, что следует «проводить в школах всех отдельных местностей России свободу преподавания на родном языке населения...»¹. Формы политической активности мусульман, о чем свидетельствуют эти факты, были разнообразны.

Разумеется, были исключения из общего правила. Когда 12 декабря 1905 г. полиция в Казани перешла к активным действиям, вспоминал Исхаки, и начались обыски, облавы, аресты, несмотря на внезапность появления полицейских в этот день в одном из медресе, где проходило собрание лидеров хурриятистов, они успели ускользнуть. «Однако одновременно с событиями в медресе полиция накрыла и мою квартиру... Сделав безобразнейший обыск, она захватила кое-какие вещественные доказательства. С этого дня, в возрасте 28 лет, я начал жить конспиративной жизнью, ведя борьбу за национальное бытие народа, над которым повис тяжелый, но тупой топор ассимиляции...»² — в этом заключался основной мотив увлечения этого нетипичного татарского муллы революционной деятельностью, но уже через несколько лет он, как и другие его товарищи, отошел от нее.

Власть высоко оценила вклад мулл в деле удержания масс от антиправительственной борьбы. В декабре 1905 г. Николай II наградил группу духовных лиц: звание почетного гражданина получили старший ахун мечети г. Москвы Х. Агеев и ахун мечети г. Пензы Ш. Потеев; звание личного почетного гражданина — члены ОМДС ахуны Г.-м. Капкаев и Р. Фахретдинов; золотую медаль с надписью «за усердие» — ахун 1-й мечети г. Троицка Оренбургской губернии А. Рахманкулов, ахун Ханской соборной мечети г. Касимова Рязанской губернии М. Давликамов и мулла соборной мечети г. Казани Х. Габдулгафаров; серебряную медаль с надписью «за усердие» — ахун 1-й соборной мечети г. Орска Оренбургской губернии М. Искаков, ахун 2-й соборной мечети г. Верхнеуральска Оренбургской губернии М. Билялов и др.³

Отстраненность мусульманских масс от революции вовсе не была проявлением аполитичности, слабости, неуверенности в своих силах, о чем наглядно свидетельствовали события в соседней Персии. Как показали массовые антишахские выступления, начавшиеся в Тегеране также в декабре 1905 г. и нашедшие отклик в других городах этой страны, верующие могли организованно и мощно выступить с оружием в руках против любого носителя власти, будь то шах или царь, ведь по исламу, как отмечалось, правоверные вправе свергнуть всякого правителя, который, на их взгляд, допускает вмешательство в сакральную сферу или ведет антирелигиозную политику, и вовсе не обязаны прощать власть имущим подобные их прегрешения. К примеру, до завоевания Россией Средней Азии всякий местный властитель, как отмечал во время рево-

люции дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе А.А. Половцов в своем отчете в Петербург, «знал, что, если он возбудит против себя сильное недовольство своих подданных, ему едва ли удастся спастись от насильственной смерти...»¹. Пришедшие к управлению русские чиновники не вызвали какой-либо заметной поддержки среди мусульманских масс не только в Туркестане.

Как отмечал в начале января 1906 г. В.-Г. Джабагиев*, «грубой русификаторской политикой, своим беззаконием, отрицанием личности и даже целых народностей бюрократия пробудила только национального сознание и национальные инстинкты на окраинах», и потому, если революционерам удастся увлечь и Дагестан, и Чечню, «эти некогда грозные оплоты власти Шамиля... не придется ли тогда завоевывать вторично Кавказ?» Слово в ответ некий автор под псевдонимом Traveller (Путешественник) через две недели на страницах этой же газеты заявил, что Кавказ всецело обязан своей теперешней смутой якобы мусульманским сепаратистам, действовавшим под влиянием младотурок².

Даже Вамбери был поражен поведением татар и сделал вывод, что имеющиеся факты убеждают, что они, прежде тихие, законопослушные и, по-видимому, безобидные потомки некогда воинственных и могущественных предков, хорошо подготовлены к конституционным правам, предложенным царским манифестом³. В начале декабря 1905 г. Гаспринский напечатал в своей газете заметку, в которой предложил созвать мусульманский съезд в Москве в конце марта 1906 г., чтобы выработать устав СРМ, определить для сотрудничества одну из общероссийских политических партий, обсудить вопрос об увеличении числа представителей мусульманского населения в Государственной думе и др.⁴ В ходе подготовки съезда по всей стране было создано 12 отделений Главного бюро, находящегося в Баку⁵. Роль низовых партийных организаций, которые возникали в мусульманских регионах, в местах компактного проживания мусульман, фактически взяли на себя их благотворительные и культурно-просветительные общества, которые существовали легально и почти повсеместно. В ноябре 1905 г. «Терджиман» сообщил, что за последние два-три года были разрешены 9 мусульманских благотворитель-

¹ АВГРИ. Ф. 340. Оп. 584. Д. 62. Л. 7 об.

* Вассан-Гирей Джабагиев (1882–1961) — ингуш, выпускник Дерптского политехнического института и Йенского университета, после возвращения в Россию работал в Департаменте земледелия Министерства земледелия, где перед 1917 г. дослужился до должности вице-директора департамента.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 6, 20 января. Возможно, автором являлся упоминавшийся Мирианшвили, который имел такой псевдоним.

³ Yamberry A. Constitutional Tartars. P. 911.

⁴ Терджиман. 1905. 19 декабря.

⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 26 января.

¹ Протоколы Второго делегатского съезда Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. 26–29 декабря 1905 года. СПб., 1906. С. 13, 63, 64, 68.

² Исхаки А. Указ. соч. Л. 23.

³ Уфимские губернские ведомости. 1906. 5 января.

ных обществ¹. А во время революции такие общества стали появляться все чаще и чаще как результат возросшей мусульманской активности. «В 1905 году [...] рекордными оказались и количества наших, — вспоминал Исхаки, — политических и национальных совещаний, собраний и дискуссий!»² Довольно быстро после манифеста 17 октября стало развиваться, как полагает М.А. Волхонский, общероссийское движение мусульман³, которое точнее все же характеризовать как общеимперское мусульманское народное движение.

Таким образом, ни властям, ни революционерам не удалось в 1905 г. добиться от мусульман сколько-нибудь ожидаемых результатов, применяя в их отношении насилие или призывая к бунту. Мусульманская общественность, продолжая проявлять умеренную в целом политичность, готовилась к своему очередному съезду, призванному определить общую позицию всех общин, регионов и групп в условиях все более и более разгоравшейся русской революции.

ГЛАВА 7.

II ВСЕОБЩИЙ (ВСЕРОССИЙСКИЙ) МУСУЛЬМАНСКИЙ СЪЕЗД

Как известно, большинство национально-либеральных партий в Литве, Украине, Эстонии, Латвии и на других «национальных окраинах» возникло осенью 1905 г. в условиях нарастающего подъема революции. Их основное требование сводилось в основном к требованию буржуазно-демократических свобод, культурного самоопределения и национального равноправия. По своим взглядам все эти партии, как правило, примыкали к кадетской партии, программа которой вскоре стала известна и мусульманской общественности.

Одной из главных причин, возбуждившей у нее симпатию к кадетам, был пункт их программы, требовавший равноправия всем народам. В частности, на заседании Кокандского отделения кадетской партии 11 декабря 1905 г. было заслушано заявление четырех представителей местных мусульман, которые просили скорейшего перевода на местные языки программных документов партии. Они заявили, что собрали около двух тысяч подписей о присоединении к ней и что в скором времени ожидается увеличение числа кадетов-мусульман до 4–5 тысяч¹. В декабре 1905 г. кадетская программа была издана в Казани на татарском языке пятитысячным тиражом. Идеалы европейской демократии вызывали интерес в мусульманской среде, о чем свидетельствует, к примеру, тот факт, что в январе 1906 г. в Казани была издана тем же тиражом Декларация прав человека и гражданина, переведенная на татарский язык.

Поэтому в ходе подготовки второго общемусульманского съезда его организаторы пригласили кадетских лидеров П.Н. Милокова, Ф.И. Родичева, П.Б. Струве, а также некоторых представителей консервативных партий на свое собрание, состоявшееся 9 декабря 1905 г. в Петербурге. Затем представители мусульман участвовали в работе 2-го кадетского съезда, проходившего здесь же в начале января 1906 г. Один из делегатов профессор Казанского университета Г.Ф. Шершеневич в ходе этого мероприятия заявил: «Татары — это элемент, на который наша партия может сильно опереться. Нужно только, чтобы наша программа была переведена на татарский язык, точно так же, как и те брошюры, которые мы находим нужным распространять. Если татары примкнут к нашей пар-

¹ Переводчик—Терджиман. 1905. 7 ноября.

² Исхаки А. Указ. соч. Л. 16.

³ Первая революция в России: взгляд через столетие. С. 487.

¹ Котюкова Т.В. Проблемы Туркестана в центральных законодательных органах власти Российской империи, 1905–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2001. С. 90.

тии, то мы приобретем тринадцать* миллионов сочленов. Но это будет зависеть от вопроса толкований нашей программы»¹. Его предложение было поддержано, и уже в январе 1906 г. перевод, сделанный казанскими кадетами-татарами, был напечатан в Казани двухтысячным тиражом. Причем к переводу были даны примечания, в которых особое внимание уделялось равноправию нерусских народов, свободе вероисповедания, религиозной автономии и особенностям национальной системы образования². Так началось практическое сближение кадетов и мусульманских либералов, что вызвало недовольство со стороны правых аналитиков. Одному из них во всем этом виделся «...все более и более охватывающий наших мусульман дух сепаратизма под сенью представителей крайней левой»³. Понятно, что речь шла об обычной компрометации своих политических оппонентов, используя патриотическую риторику в духе защиты единства России.

Казанскую делегацию на кадетском съезде возглавлял Ю. Акчурин. Член ЦК кадетской партии Тыркова так описала появление мусульманских представителей: «Некоторые из них были в ярких халатах, в расшитых золотом тюбетейках... Их разыскал и привел Шаховской (член кадетского ЦК. — С.И.)»⁴. Выступая в дискуссии 8 января, Акчурин сказал, в частности, по-французски, что «в первый раз мы присутствуем на собрании свободной России»⁵. 10 января на вечернем заседании съезда Акчурин выступил с заявлением, в котором, как описывал позднее Г. Ибрагимов, отмечалось, что хотя распространение идей кадетской партии среди мусульман было поставлено не особенно удовлетворительно, основные моменты ее программы могли иметь успех среди них, и СРМ мог присоединиться к этой партии, предложив вместе с тем исключить некоторые неподходящие для них пункты, а также внести ряд дополнений. Кадетский съезд единогласно признал, что дополнения мусульман (об автономии мусульманского «духовенства», уважении национальных обычаев и т. п.) соответствуют духу кадетской программы, все их поправки, по сведениям Г. Ибрагимова, Х.Х. Хасанова, Д.Б. Сеидзаде, Л.М. Айнутдиновой, были приняты. К этому призвали их такие кадетские лидеры, как В.М. Гессен и Л.И. Петражицкий⁶. Дело в том, что, по признанию той же Тырковой, многие кадеты «не разбирались в малоисследованной, пестрой этнографии России, не знали, где все эти народы и племена живут? И чего, соб-

* То есть всех мусульман империи, которых, согласно переписи 1897 г., было, как отмечалось, округленно 13 млн. Так высоко оценивал представитель Казани влияние прежде всего татарской элиты на «верхи» остальных мусульманских народов.

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 57.

² Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Всероссийские мусульманские съезды... С. 27.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 20 января.

⁴ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. 2-е изд. Л., 1990. С. 239.

⁵ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 141.

⁶ Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 165–168; Хасанов Х.Х. Революция 1905–1906 гг. в Татарии. С. 284; Сеидзаде Д.Б. Азербайджанские депутаты... С. 32; Айнутдинова Л.М. Указ. соч. С. 57.

ственно, им не хватает? Путали латышей с литовцами, калмыков с киргизами, не говоря уже о сартах, туркменах, узбеках, о всех живописных, где-то кочующих народах... Самодержавие им в чем-то отказывало, как-то их притесняло. Надо притеснения прекратить и дать как можно больше. Красноречивые кадетские ораторы, ссылаясь на высокий авторитет европейских ученых-юристов, убедительно доказывали, что в правовом государстве все это полагается давать, что право самоопределения народов есть право священное»¹. Именно нелепые притеснения и гонения, по ее выражению, делали русскую власть отвратительной². Каждый член «нашей демократической партии встанет на защиту угнетенной национальности», — выразил уверенность казахский кадет Сайдалин*, выступивший 10 января.

Акчурин, кроме того, заявил, что ввиду того что 15 января начнет работу съезд Союза мусульман России, который определит, в частности, отношение к политическим партиям, следует принять во внимание поправки, выработанные группой казанских мусульман-кадетов, а именно: некоторые религиозные и национальные особенности в правовой жизни мусульман (главное в гражданском праве и отчасти в уголовном) могли привести к противоречию между принципами программы: о равенстве всех без исключения национальностей, религии и пола и между принципом полной свободы совести и вероисповедания, согласно мусульманскому взгляду. Акчурин подчеркнул, что «даже при централизованно-самодержавном режиме мусульмане пользовались в религиозно-гражданском отношении некоторым образом автономией, которую мусульмане всеми силами стараются удержать и по возможности расширить». Причина заключается в том, что религиозный вопрос, объяснял Акчурин, занимал у мусульман такое же важное место среди других вопросов, как и аграрный у крестьян. Поэтому следует добавить в кадетскую программу, что, во-первых, при изменении уголовного и гражданского законодательства нужно учесть эти правовые особенности, основанные на религиозном законе каждого народа, во-вторых, следует установить полную автономию мусульманского «духовенства» во главе с муфтием.

Что касается участия женщин в выборах, то необходимо было, как отмечал Акчурин, выработать способ, позволяющий обеспечить мусульманок в выборах, иначе, подчеркивал он далее, — «мы лишимся большого количества голосов». Эти и другие предложения, высказанные Акчуриным, на взгляд Гессена вполне согласовывались с кадетской программой, и потому съезду следует признать права мусульман и присоединиться к их требованиям. Петражицкий поддержал Гессена, но у них были противни-

¹ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. 2-е изд. С. 255–256.

² Tyrkova-Williams A. Cheeful Giver. The life of Harold Williams. L., 1935. P. 128.

* Точнее: Джаханша (Джанша) Сейдалин (1877–1923) — из султанской семьи, присяжный поверенный, просветитель, демократ.

ки, в частности Миллюков. Тем не менее большинство делегатов проголосовало за то, что заявление мусульман не противоречило программе¹.

При обсуждении женского вопроса на съезде, по свидетельству Тырковой, возникла дискуссия, после того как Акчуриин заявил: «Мы, мусульмане, против женского равноправия. Так не полагается ни по нашему закону, ни по нашему обычаю. Наши женщины не желают равноправия. Если вы вставите в вашу программу, что и женщины должны голосовать, тридцать миллионов мусульман не дадут вам своих голосов», имея в виду предстоявшие выборы в Думу. Как верно отмечала Тыркова, действительность не оправдала мрачного прогноза Акчурина насчет мусульманских голосов. А на съезде в итоге обсуждения кадетские деятели, по ее словам, «вытащили русскую, а вместе с ней и мусульманскую женщину из незаметного примечания мелким шрифтом, под строкой, внизу страницы, и торжественно водворили ее в кадетской программе на заслуженное место»².

То, что кадеты, согласно всем этим источникам, согласились с предложениями мусульман, вызывает, однако, почему-то сомнение у Ямаевой, которая не обращает внимания на данное решение съезда и предпочитает ссылаться на протоколы заседаний ЦК кадетской партии от 5 и 6 февраля 1906 г., в которых в присутствии Акчурина вновь рассматривались требования мусульман и было отмечено, что «возражения эти основаны на недоразумениях, которые могут быть устранены путем простого разъяснения программы»³. Таким образом, нет серьезных оснований сомневаться в сведениях Г. Ибрагимова и других исследователей, исходящих из данного решения партийного съезда; решение же ЦК было принято позднее под давлением Ф.Ф. Кокошкина и П.Н. Миллюкова, но не отражало мнение большинства участников съезда.

Сначала всеобщий съезд мусульман намечалось провести не в Петербурге и не 15-го, как заявил на кадетском съезде Акчуриин, а в Москве 12 января 1906 г., но поскольку разрешение так и не было получено, организаторы перенесли его в Петербург⁴. 13 января петербургским купцом Максудовым было подано заявление на имя градоначальника о намерении мусульман провести с 15 по 25 января собрания для рассмотрения проблем, касающихся, по данным Усмановой, переустройства религиозно-духовного управления, «разъяснения» манифеста 17 октября в отношении духовно-политической и экономической жизни мусульман, «выяснения» отношения мусульман к Государственной думе и обсуждения программ различ-

ных политических партий¹. По данным Тагирова, прошение о проведении съезда, составленное А. Ибрагимовым, было вручено в руки министра внутренних дел П.Н. Дурново. В нем было сказано: «Мы, российские мусульмане, будучи самыми преданными самодержавию людьми, решили вести законную борьбу против надуманных идей панисламизма и разлагающих жизнь народа социализма и анархизма, опасаясь их распространения в народе как противоречащих и враждебных нашему исламу. Мы, российские мусульмане, свободны от идей, проникающих в наше государство из других стран... именно поэтому распространение панисламистских и социалистических идей вынуждает нас просить... разрешения на собрание для принятия следующей программы: 1. О речах и выступлениях в печати против шариата; 2. Об освобождении школ и медресе от мулл и передачи их в руки народа; 3. Проведение реформы в мектебе-медресе и сбор средств для улучшения положения учителей...»².

13, а не с 15 января, как ошибочно указывается в некоторых публикациях, мусульмане неофициально начали в Петербурге свой II Всеобщий (Всероссийский) съезд (присутствовало около 100 делегатов³), который закончился 23 января, что было связано с тем, что у мусульман Европейской России начался большой религиозный праздник — Курбан-байрам⁴. Делегаты собирались на совещания в гостиницах, где останавливались приехавшие со всех концов страны участники, либо выезжали с этой целью в окрестности столицы. Полиция, зная о происходивших собраниях мусульманских представителей, ничего не предпринимала против них, ибо было очевидно, отмечал Г. Ибрагимов, что эта организация не представляла из себя никакой опасности для правительства. Были обсуждены все намеченные вопросы, вошедшие в программу. В политической части (см. приложение 2) решено было придерживаться своей соб-

¹ Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 135. Автор ссылается на Российский государственный исторический архив (ф. 821, оп. 8, д. 1198, л. 6–7).

² Тагиров И. Российские революции и пробуждение татар. С. 103. Автор, ссылаясь на Государственный архив Астраханской области (ф. 286, оп. 2, д. 297, л. 305), пишет, что это прошение передал С. Максудов, чего тот никак не мог сделать, поскольку находился в Париже и в Россию вернулся только летом 1906 г. по окончании учебы в Сорбонне. Иначе говоря, Тагиров, следуя за недостоверной информацией из правоохранительных органов, перепутал его с купцом Максудовым, который, как отмечалось, являлся одним из организаторов предыдущего съезда в Нижнем Новгороде. Калмантаев утверждает, что обращение к Дурново было подписано видными деятелями СРМ Алкиным, Максудовым и Сыртлановым (История Башкортостана с древнейших времен... Т. 2. С. 63), повторяя бытующие в историографии ошибки.

³ От Крыма прибыло 13 делегатов, от Оренбургской губернии — 12, от Казанской губернии — 9, от Уфимской губернии — 5, от Кавказа — 4, от Москвы — 4 и по 2–3 делегата от Астраханской и Симбирской губерний, Сыр-Дарьинской и Самаркандской областей, Архангельска, Иркутска, Коканда, Перми, Самары, Семипалатинска.

⁴ Даты религиозных праздников в разных частях империи, как указывалось, немного отличались. Так, в Туркестане Курбан-байрам мусульмане стали отмечать 21 января, а мусульмане европейской части России — 22 января 1906 г.

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 159–161, 163, 177.

² Эту цифру Акчуриин использовал в своей речи, словно возражая Шершеневичу, упомынувшему данные переписи о численности мусульманского населения империи, которые, как уже отмечалось, представлялись многим намеренно заниженными.

³ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. 2-е изд. С. 239, 241–242.

⁴ Ямаева Л.А. Указ. соч. С. 145.

⁵ Галимуллин Ф.Ф. Указ. соч. С. 105.

ственной платформы, а на выборах в созываемой вскоре Государственной думе примкнуть к кадетской партии¹. На съезде в первый раз совместно обсуждали общие нужды дотоле непримиримые мусульмане-шииты и мусульмане-сунниты². Как писал в конце XIX в. азербайджанский мыслитель М.Ф. Ахундов: «Мусульмане, населяющие Кавказ, расчленены на две секты, половина их шииты, другая — сунниты. Шииты ненавидят суннитов, те терпеть не могут шиитов, и между ними царствует антагонизм. Никто из них друга друга и слушать не хочет...»³. Но время для этого настало гораздо раньше, чем предполагал философ. Сближение мусульман разных толков было крупным успехом, достигнутым усилиями лидеров СРМ. Не случайно избранный председателем съезда суннит Гаспринский после нескольких заседаний демонстративно передал свои обязанности шииту Топчибашеву.

На съезде был принят устав, который и призывал мусульман империи объединиться в одну политическую партию — «Русия мээселманнарын иттифагы» («Союз российских мусульман» — СРМ). В первом пункте принятого Устава СРМ (см. приложение 4, подпункт Е) отмечалось, что все губернии, населенные мусульманами, подразделяются на 16 районов⁴. Выдвигался, в сущности, план культурно-национальной автономии мусульманского населения империи.

Помимо устава, была принята и программа⁵, содержание которой до недавнего времени достоверно не было известно⁶. Существует татарский вариант программы, перевод которого на русский язык сохранился в фонде Департамента полиции под названием «Программа Мусульманской /конституционно-демократической/ партии» (см. приложение 4, подпункт А). Отпечатанная на русском языке в качестве особого дополнения (на газетных 8 страницах) к 29-му номеру газеты «Оренбургский

листок» от 5 февраля 1906 г. «Программа Мусульманской /конституционно-народной/ партии» (см. приложение 4, подпункт Б) состоит из 11 разделов и 79^{*} статей, почти все пункты, по сути совпадая с татарским текстом, стилистически отличаются. Указанные скобки отнюдь не случайно даны, это связано с тем, что авторы программы предпочитали, чтобы способствовать восприятию этой организации среди единомышленников, называть свою организацию «Мусульманская партия», а официальное название — «конституционно-народная» (или -демократическая) ставили в скобки, полагая его менее понятным для массового сознания. Лидеры мусульман шаг за шагом вырабатывали идеологию религиозно-культурного сообщества, в которой в качестве центральной идеи была выдвинута культурно-национальная автономия⁷ как форма этнического самосохранения мусульманских народов в условиях Российского государства. В целом программа СРМ отчетливо преследовала одну главную цель — создание наиболее подходящих условий для сохранения самобытного образа мусульманской жизни. Программа при этом выражала все основные общедемократические требования, которые поддерживались большинством либералов и социалистов, и была обращена ко всем политически настроенным мусульманам, которые искали надежную опору в нестабильной и быстро изменяющейся общественной ситуации, присущей русской революции.

В прессе сообщалось, что на частных совещаниях были разрешены все намеченные вопросы и было решено придерживаться во всем «программы мусульманско-конституционной группы, партии, близкой по программе и конституционно-демократической»⁸. 29 января депутация из семи мусульманских представителей была принята Витте, которому была подана записка с изложением запросов мусульманской общественности⁹, то есть премьер-министру была сообщена принятая съездом программа.

Если раньше ее ошибочно называли кадетской, то недавно появилась точка зрения, что СРМ заложил в свои программные документы религиозные установки «как органическую часть националистической доктрины и программы, как воплощение духовных особенностей (татарской. — С.И.) нации, ее культурной целостности»¹⁰, что также явный перекося, поскольку программа была подготовлена в интересах всего мусульманства империи, а не тех или иных народов, входящих в эту общность. Другой татарский историк утверждает, что именно представители татарской

¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 52. Д. 317. Л. 3 об.; Ф. 9599. Оп. 1. Д. 10. Л. 31; Новое время. 1906. 21, 22 января; Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 152. Иногда в литературе встречается утверждение, что из-за запрета на проведение съезда он не смог обсудить религиозные вопросы и отношение к Думе (Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Указ. соч. С. 72), что не соответствует изложенным фактам.

² Россия. 1906. 30 августа.

³ Ахундов М.Ф. Избранные философские произведения. Баку, 1953. С. 333.

⁴ Брошюра с уставом была на тюркском языке отпечатана 8 марта 1906 г. в Петербурге под названием «Устав Союза российских мусульман» (6 стр.).

⁵ В историографии считалось, что устав и программа были подготовлены Топчибашевым, который опубликовал в Петербурге в 1906 г. брошюру под названием «Русия мээселманнарын иттифагынын программасы» («Программа Союза российских мусульман»). По сведениям современных историков, ее разработчиками являлись также А. Агаев и А. Ибрагимов (Azerbaycan tarixi. S. 194; Галимуллин Ф.Ф. Указ. соч. С. 106). Вопреки фактам, Ганкевич пишет, что вне всякого сомнения Гаспринский якобы оказал наибольшее влияние на процесс разработки проекта программных документов СРМ (Ганкевич В. Указ. соч. С. 61–62), пытаясь так преувеличить исторические заслуги своего персонажа, который между тем примыкал к октябристам и резко возражал против сотрудничества СРМ с кадетами.

⁶ См.: Исхаков С.М. Общероссийская партия мусульман. С. 220.

^{*} Точнее, не 79, а меньше, поскольку в источнике допущены ошибки в нумерации статей.

⁷ На взгляд нижегородских исламоведов, в программе речь шла об религиозной автономии (Идрисов У.Ю., Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Указ. соч. С. 14). Это верно лишь отчасти.

⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 25 января.

⁹ Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 137–138.

¹⁰ Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке. (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). Казань, 2003. С. 49.

буржуазии, духовенства, интеллигенции г. Казани сыграли основополагающую роль в деле создания СРМ¹. Между тем Расул-заде, очевидец тех событий, отмечал, что «во всем общероссийско-мусульманском движении более-менее руководящую роль играли представители азербайджанской общественности»². И татары, и азербайджанцы не могли не считаться с представителями других мусульманских народов и их пожеланиями. Так, в день начала работы съезда, 13 января 1906 г., в ташкентской газете «Русский Туркестан» было опубликовано обращение «К мусульманам», выработанное на мусульманских митингах, состоявшихся в этом городе. В документе упор делался на религиозных нуждах мусульман Туркестана, которые были недовольны притеснениями со стороны власти и миссионерской политикой. В первом пункте, а всего их было 23, требовалось подчинить шариатские дела всех мусульман Туркестана собственному духовному учреждению, избрав для этого из их среды верховного блюстителя — «Валия муслимин» («Правителя мусульман»). Приведенные факты достаточно убедительно свидетельствуют, что формирование СРМ, который уравнивал роль мусульман различных регионов, было результатом общих усилий разных представителей мусульманского сообщества страны. Все это тотчас же вызывало резкое недовольство исламофобов, которое имели в своем арсенале различные средства по дискредитации намерений соотечественников.

15 января 1906 г. в петербургской газете «Новое Время» появился очередной пасквиль под пугающим названием «Панисламизм в России». В статье делалось, по сути, провокационное заявление о том, что мусульмане стремятся отделиться от России. Между тем градоначальник, по указанию министра внутренних дел, уже запретил открытие в столице этого съезда, намеченное на 15 января. Причем вокруг здания, где намечалось его проведение, уже с 14 января были поставлены городовые, никого не пропускавшие внутрь. В последующие дни представители мусульман пытались попасть на прием к министру внутренних дел, который принял их лишь 20 января и ответил, что не разрешил съезд на том основании, что иначе другие народы, прежде всего евреи и поляки, могут также потребовать своих съездов³. Согласно другим источникам, министр все же пообещал разрешить съезд, при условии, что его заседания будут закрытыми⁴, чтобы не будоражить общественное мнение. 21 января делегация съезда решила обратиться к премьер-министру Вит-

те, а в случае его отказа намеревалась направить свое ходатайство Николаю II¹.

Не только в МВД, но и в МИД ломали голову, что делать со съездом мусульман, поскольку он, как оказалось, неожиданно для правительства приобрел большое международное значение, о чем свидетельствует, в частности, секретная телеграмма генерального консула в Бомбее В.О. Клемма в Петербург 18 января 1906 г., в которой он докладывал, что сообщение агентства «Рейтер» о запрещении съезда российских мусульман в Петербурге вызвало неблагоприятное в мусульманских странах впечатление о России и о русском монархе, поэтому «это известие желательно опровергнуть или объяснить...» — предлагал он руководству МИД. 19 января из Петербурга последовал ответ, подписанный директором Первого департамента Гартвигом, что специального воспрещения съезда в столице не было. Дурново в конфиденциальном письме министру иностранных дел графу Ламздорфу от 27 января, отвечая на его письмо от 19 января, объяснял, что основанием для неразрешения этого съезда послужило не только общее распоряжение о недопущении ввиду «тревожного времени» всех вообще собраний и митингов в столице, но и имевшиеся в МВД какие-то сведения, в том числе заявления некоторых мусульман о «вредных» целях съезда², т. е. проще говоря, клеветнические измышления на сей счет. Несмотря на важность такого съезда для будущего мусульманских народов, среди мусульманской элиты, особенно петербургской, были влиятельные в чиновничье-аппаратной среде консервативно настроенные антагонисты его. Среди них, как свидетельствовал Г. Ибрагимов, был, в частности, отставной генерал от кавалерии Г. Чингисхан³. Как вспоминал Исхаки, такие ретрограды смотрели на прогрессивную молодежь как на бунтарей⁴. Чтобы сорвать съезд, один из таких татарских консерваторов 10 января 1906 г. написал из Казани в Петербург донос, в котором назвал Акчурина «анархистом», и что он вместе с Алкиным и Баруди якобы настраивал учащихся медресе и вообще татарскую молодежь против русских, что именно потому в Казани среди татар начинается «смута». Завершался этот поклев казанского татарина на своих земляков призывом к столичным властям, как обычно, принять «надлежащие меры», чтобы не дать разгореться «пожару». Сигнал был быстро воспринят в Петербурге, откуда в конце января известили начальника Казанского губернского жандармского управления, что согласно полученным сведениям «за дело революционной агитации среди

¹ Салихов Р.Р. Указ. соч. С. 32. В другом месте автор пишет только о татарской буржуазии Казани, которая якобы сыграла определяющую роль в деле создания первой общероссийской мусульманской партии (Там же. С. 53).

² Мамед Эмин Расул-Заде. Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 12.

³ Новое время. 1906. 16–21 января; Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 17 января; Национальные движения... С. 222.

⁴ Русь. 1906. 20, 21, 22 января.

¹ Новое время. 1906. 21 января.

² АВПРИ. Ф. 151. Оп. 485. Д. 1256. Л. 66, 67, 69; Национальные движения... С. 223.

³ Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 151. Губайдулла Чингисхан (1840–1909) — сын хана Буевской орды, первый казах, получивший такое воинское звание в русской армии (Подробнее о нем см.: Мукатаев Г.К., Ирхина М.В. Султан Губайдулла Чингисхан — полный генерал от кавалерии. Документы и материалы. СПб., 2003).

⁴ Исхаки А. Указ. соч. Л. 8.

татарского населения гор. Казани взялся кружок интеллигентных татар», в состав которого входили Акчури, Алкин и Баруди. Пропаганда этого кружка, опиравшаяся и на идеи революционного характера, совмещалась якобы «с проповедью национальной обособленности и с возбуждением ненависти к русскому населению»¹. Казанская охранка приняла меры.

В конце января 1906 г. в Казани началось создание мусульманского отдела Союза русского народа. По мнению исследователей, конкретные действия лидеров правых партий Казанской губернии свидетельствуют об активной организаторской деятельности по вовлечению в ряды правого движения местных мусульман². Но назвать новую структуру «Мусульманским союзом русского народа из казанских татар», как хотелось кому-то в Петербурге, казанские черносотенцы все же не решились. Практически все посулы местных черносотенцев в отношении мусульман Казани оказались напрасными. Даже ультраконсервативные татарские деятели открыто не пошли за ними, остро реагируя на любые обвинения в черносотенстве, поскольку правые деятели всегда отличались русификаторством³. Другими словами, было налицо отчуждение местных татар от шовинистических идей монархистов⁴. Кроме того, местные стражи порядка прибегли к устрашению наиболее самостоятельных, а значит, опасных для них татарских активистов. Так, в начале марта 1906 г. именно поэтому Акчури был подвергнут аресту, но вскоре из-за отсутствия доказательств был освобожден. Его арест современными исследователями из Татарстана объясняется лишь тем, что власть пытались таким образом снизить авторитет партии кадетов в губернии и не допустить прохождения их кандидатов, в том числе Акчурина, в состав Государственной думы.

Между тем общемусульманское движение продолжало развиваться относительно самостоятельно, осознанно, организованно и в разных частях империи, учитывая их специфику. В феврале 1906 г. в Семипалатинске состоялся съезд казахов, который одобрил близкую к кадетам программу, но включил в нее требования о прекращении переселения русских крестьян на их земли, признания их собственностью коренного населения, открытия школ и т. д.⁵ При переводе программы на казахский язык была записана статья о том, что в основном законе должно быть указано, что казахские земли «принадлежат на праве вечной собственности» казахскому народу, что законы о признании их земель государственной собственностью и о переселении на них русских крестьян должны

¹ ГАРФ. Ф. ДП-7. 1906 г. Д. 2. Ч. 18. Л. 65.

² См.: Михайлова Е.М. Указ. соч. С. 89; Правые партии и организации в Поволжье: идеологические концепции и организационное устройство (1905–1917). М., 2002. С. 9, 144, 145.

³ Алексеев И.Е. Чёрная сотня в Казанской губернии. С. 149, 150.

⁴ Хабибрахманова А.В. Деятельность политических партий в Казани в годы Первой российской революции. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005. С. 24.

⁵ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. (Очерк). Алматы, 1993. С. 268.

быть отменены, что без позволения самих казахов русские не должны «отбирать землю ни во временное пользование, ни на вечность». Эти требования казахских политиков шли вразрез с программой, которую выдвигали кадеты, хотевшие решить аграрный вопрос в России за счет усиленной колонизации ее окраин. Против казахской программы резко выступил член ЦК кадетской партии А.А. Кауфман, эксперт по колонизации. Он даже назвал эти дополнения подделкой программы¹. Таким образом, кадетская программа использовалась казахскими идеологами, но это отнюдь не было слепым копированием, как часто пишется в научной литературе.

Тесные контакты с кадетской партией, несмотря на подобные разногласия, продолжались довольно интенсивно. Участвуя в работе 3-го съезда кадетской партии (21–25 апреля 1906 г., Петербург), делегат уфимской организации Д. Шейх-Али² на заседании 22 апреля заявил, что является здесь единственным представителем, как сказано в материалах съезда, Всероссийского союза мусульман, от имени которого предложил включить в состав ЦК татарского представителя, поскольку тот окажется очень полезен для освещения многих специальных вопросов, касающихся проблем мусульманских народов. На заседании 23 апреля другой уфимец, Ш. Сыртланов³, констатировал, что мусульмане терпят «еще больше всяких нужд», чем русские, что мусульман «теснят» со всех сторон как чиновники, так и миссионеры. Тем не менее «у нас есть своя Мусульманская партия», — с гордостью констатировал он факт существования СРМ. В итоге в состав ЦК партии кадетов 26 апреля был избран Ю. Акчури как представитель мусульман⁴. В апреле 1906 г. в Петербурге на тюркском языке была отпечатана «Программа народной партии Союз мусульман России» (36 стр.), переведенная Бигиевым с русского языка. Она состоит из 10 разделов, включающих не 79, а 72 пункта (см. приложение 3)⁵. Влияние СРМ на жизнь мусульманского населения

¹ Якунин А.Ф. Революция 1905–1907 гг. в Казахстане // Революция 1905–1907 годов в национальных районах России. Сб. статей. М., 1949. С. 644–645.

² Даут Шейх-Али (1882–?) — потомственный дворянин, выходец из дербентской знати, сын отставного генерал-майора; 7 августа 1912 г. из-за неосторожного обращения с револьвером застрелил в Уфе своего шурина А.-О. Сыртланова, сына Ш. Сыртланова, и 11 августа был арестован.

³ Шахидар Сыртланов (1846 или 1847–?) — дворянин, крупный землевладелец, земский деятель, член ЦК СРМ, депутат I–II Государственных дум от Уфимской губернии.

⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 260, 276, 348, 354. Акчури из рядов кадетского ЦК вышел в конце сентября 1906 г. в связи с вступлением в Мусульманскую конституционную партию (Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 71, 133).

⁵ Проведенный сравнительный анализ текстов программ, опубликованных в книге Н. Хаблемигоглу «Тюркские съезды в царской России» (Анкара, 1997) и в книге А.Ю. Хабутдинова и Д.В. Мухетдинова «Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг.» (Нижний Новгород, 2005), показывает, какие встречаются существенные расхождения при использовании программных документов СРМ.

страны была очевидным и быстро усиливалось по мере ошибок представителей власти, в особенности столичной.

После того как в конце января 1906 г. в Петербурге возобновило работу Особое совещание по вероисповедным делам, один из его членов член Государственного совета В.П. Череванский — автор монографии «Мир ислама и его пробуждение», опубликованной в Петербурге в 1901 г., — в течение нескольких месяцев изучавший проблемы мусульманского населения, представил вниманию членов совещания объемистую «Записку по делам веры мусульман-суннитов», изданную для служебного пользования. На ее основе 20 и 24 апреля произошло обсуждение проблем мусульман в России. «Записка» Череванского была написана на анализе около 500 ходатайств, прошений, докладных записок мусульман европейской части России, поступивших в государственные органы после опубликования указа от 18 февраля 1905 г. Череванский выделил наиболее важные требования мусульман, касавшиеся в первую очередь образовательной и религиозной сфер¹. Они были сильно недовольны тем, что их вопросы были поручены Череванскому, которого считали мусульманофобом: он основывал свои соображения главным образом исходя из стремления расколоть мусульманские народы, мотивируя это «их собственными интересами», ссылаясь на разность стремлений и интересов отдельных этносов. Он утверждал, что народы, исповедующие ислам, тем не менее резко отличаются между собой по религии. В частности, он заявил, что казахи в большинстве своем якобы вовсе не мусульмане, а шаманисты, чем обоснованно вызвал протест среди казахов, особенно обострившийся в Аулиеатинском уезде Сыр-Дарьинской области². Казахи-кочевники Зайсанского уезда Семипалатинской области в своем обращении к Витте потребовали, чтобы, во-первых, мусульманские дела не были доверены Череванскому, во-вторых, заменить его представителем мусульман³. Вот почему 24 марта 1906 г. Совет министров констатировал, что среди казахов Астраханской, Оренбургской и Уральской областей замечается развитие национального и религиозного самосознания⁴. Таким был вполне естественный ответ их на оскорбительные рассуждения Череванского относительно их мусульманской конфессиональности. (В июне 1906 г. он был выведен из состава данного совещания, получив новое назначение). Никакая революционная пропаганда не могла иметь столь ощутимый резонанс в мусульманской общественности, заинтересованной в том, чтобы народное движение было преобразовано из союза в политическую партию с тем, чтобы представлять и защищать их интересы. «Казавшийся сонным, даже неизлечимо парализованным, наш

¹ Фархиятов М.Н. Указ. соч. С. 44–45.

² Каспий. 1906. 6 апреля.

³ Vambery A. Constitutional Tartars. P. 908.

⁴ Совет Министров Российской империи. 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 380.

Восток сразу проявил жизненную энергию и достаточную на первых порах деловитость. Предсказаниями наших “востоковедов” мусульмане были обречены навсегда “косности и невежеству фанатизма”; однако пройденный свободный год, — резюмировал осенью 1906 г. “Терджиман”, — показал нечто совсем другое», ссылаясь в первую очередь на Петербургский съезд¹, показавший, что мусульманское сообщество вовсе не хотело быть периферийно-национальным движением. Съезд стал важным — третьим — этапом на пути становления самой массовой мусульманской партии.

Ее представители участвовали в деятельности различных мусульманских обществ, которые появлялись во время революции и после нее повсеместно. К примеру, Мусульманское благотворительное общество в Баку возникло в октябре 1905 г., Общество распространения грамотности среди мусульманского населения наместничества Кавказского — в 1906 г., с начала 1907 г. действовали Гурьевское, Омское, Самарское, Тобольское мусульманские общества, позже заработали Красноуфимское, Кунгурское, Московское, Нижне-Тагильское, Осинское мусульманские культурно-экономические и благотворительные общества, Тобольское, Томское общества мусульман-прогрессистов, Нухинское общество распространения грамотности среди мусульман, Ставропольское мусульманское благотворительное общество, Просветительное мусульманское общество «Сафа» в г. Баку, Виленское литовско-мусульманское общество вспомоществования бедным мусульманам и др. При открытии 3 декабря 1907 г. Общества мусульман г. Самары царю была направлена телеграмма с выражением верноподданнических чувств. В ответ от Николая II обществу была передана «сердечная благодарность». Оренбургское мусульманское общество, возникшее в 1907 г., содержало три мектеба, в которых обучалось около 150 детей. Общество устраивало бесплатные чтения, помогало малообеспеченным учащимся, выдавало пособия бедным мусульманам и др. В библиотеке-читальне общества имелись газеты на татарском и на русском языках. В 1907 г. в обществе было 129 членов². В Оренбургской губернии успешнее всего, отмечает Сафонов, шло партийное строительство у мусульман. 15 января 1906 г., когда в столице проходил мусульманский съезд, в Уральске (Оренбургская губ.) вышел первый номер «первого в России литературно-политического и общест-

¹ Терджиман. 1906. 20 октября.

² Пояснительная записка к отчету Самарского мусульманского общества за 1907–1908 год. Оренбург, 1909. С. 3–4; Отчет Московского мусульманского благотворительного общества за 1915 год. М., 1916. С. 1; Устав Виленского литовско-мусульманского общества вспомоществования бедным мусульманам. Вильна, 1909; Ростовского-на-Дону Магометанского общества отчет с 26 марта 1905 года по 1 ноября 1909 года. [Ростов-на-Дону], [1909]; Устав Темирского мусульманского благотворительного общества Уральской области. Оренбург; Устав Харьковского мусульманского благотворительного общества. Харьков, 1910; Отчет Оренбургского мусульманского общества за 1912 г. Оренбург, 1913. С. 2, 3, 37; Отчет Оренбургского мусульманского общества за 1913 г. Оренбург, 1914. С. 34; Мусульманская газета. 1913. 11 сентября; и др.

венно-полезного» татарского журнала «Эль-гаср-эль джадид» («Новый век»), который выступил за конституционную монархию, о чем было сказано в программе СРМ. В марте 1906 г. в Оренбурге оформилась местная организация Мусульманской народной партии, во главе ее встал З. Байбурин¹. В ноябре 1906 г. она вошла в общеимперскую Мусульманскую конституционно-народную партию. Мусульманская партия стала единственной из всех легальных партий, групп и организаций этой губернии, выросшей в подлинно массовую партийную организацию².

Различные объединения мусульман (культурно-экономические, распространения грамотности, взаимопомощи, просветительские и др.) создавались не только в городах, но и в крупных селах. Так, к середине 1906 г. в Башкирии повсеместно стали возникать культурные общества, которые организационно входили в СРМ. Ими обычно руководили муллы, дворяне, старшины, старосты, представители местной интеллигенции. Такие общества не имели формального членства и фактически представляли все мусульманское население соответствующего района. Некоторые из этих обществ, существовавшие в башкирских волостях, помимо программы СРМ выдвигали особые требования, в частности прекращения захватов башкирских земель³. По сути дела, шел динамичный процесс создания стройной политической организации со своим особым низовым и центральным аппаратом. Всего же до 1917 г. было организовано по всей империи около 100 культурно-просветительских и благотворительных обществ⁴, которые можно считать одновременно и «партийными ячейками» разветвленной структуры Мусульманской партии.

Миллионы мусульман Российского государства несколько столетий покорно подчинялись повелениям судьбы и вели мирную жизнь, объясняла оренбургская газета «Вакт» в марте 1906 г., и им трудно было представить, что это терпение, воздержанность, повиновение и лояльность были напрасными. Мусульмане были твердо убеждены, что эти их черты должны однажды найти надлежащее признание. Во время революции, когда по всей стране бушевали мятежи, а убийства, взрывы, поджоги и

¹ * Зигангир Байбурин (1859–1915) — уроженец Оренбургской губернии, врач, депутат III Думы. Известный советский журналист, затем главный редактор московского журнала «Свободная мысль» Н.Б. Биккенин полагает, что брат его деда депутат Думы З. Байбурин был якобы расстрелян ВЧК (Биккенин Н.Б. Как писать мемуары, или Двойной автопортрет // Свободная мысль. 2000. № 6. С. 98). В современной башкортостанской историографии З. Байбурина идентифицируют башкиром. Д.М. Усманова пишет, что З. Байбурин являлся основателем Мусульманской народной партии, появившейся в Оренбурге (Государственная дума Российской империи. Т. 1. 1906–1917. С. 37), что показывает непонимание ею процесса партийного строительства Союза российских мусульман.

² Сафонов Д.А. Пробуждение. Революция 1905–1907 гг. и Оренбуржье. С. 47, 48, 50; Он же. Политические партии в Оренбургской губернии в начале XX века // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 430–431.

³ Раимов Р.М. 1905 год в Башкирии... С. 184; Очерки по истории Башкирской АССР. С. 354–355; История Башкортостана с древнейших времен... Т. 2. С. 68.

⁴ Мухамед-Гаяз Исхаки... 2004. № 9. С. 13–14.

грабежи стали будничными явлениями, никакие революционные мысли не проникли в сердца мусульман, они сохраняли хладнокровие, не прислушались к призывам бунтовать, не присоединились к какой-либо партии, переносили все тяготы, лелея надежду, что терпение и законопослушность не закончатся впустую, что правительство поставит их на равное основание с русскими крестьянами, с теми, с которыми они разделяли все тяготы и повинности. Кто-нибудь задался вопросом, как долго мусульмане, испытывая такие чувства, останутся на пути повиновения?¹ С таким настроением мусульмане подошли к выборам в Государственную думу, а СРМ, таким образом, проложил путь к их организованному участию в ее работе.

¹ Vambery A. Constitutional Tartars. P. 908–909.

ГЛАВА 8

УЧАСТИЕ В ВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ МУСУЛЬМАН
И ИХ ДЕПУТАТЫ В I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Объявленные в разгар вооруженного восстания в Москве выборы в Государственную думу, означавшие, что впервые в России учреждалась представительная система законодательной власти, всколыхнули и мусульманские народы. Сбылась и их мечта — иметь своих представителей в законодательных органах государства. Этот социально-психологический момент существенным образом влиял на поведение мусульман, вызвав в их среде позитивные отклики: «Нас зовут управлять Россией, — твердили казахи, представляя себе Государственную думу чем-то вроде съезда волостных выборных». Казахи, главным образом Малого жуза*, отнеслись к выборам их представителей в Думу сознательно, выдвинув людей с высшим образованием и умеренного образа мысли¹. Башкиры направили из Уфы телеграмму царю, подчеркнув, что мусульманская религия должна быть представлена не только в Думе, но и в Государственном совете самими мусульманами². Газета «Асхабад» 14 февраля 1906 г. сообщила, что местные мусульмане очень интересуются ходом работ по составлению избирательных списков, закидывают вопросами тех, кто был занят этим делом. 10 марта 1906 г. в Оренбурге в здании городского театра прошел мусульманский митинг, организованный для разъяснения условий и порядка выборов в Думу. По традиции первое слово было предоставлено мулле, который призвал к единству в таком важном деле, как выборы. Присутствующим, а их было более 4 тысяч, были разъяснены порядок выборов, расстановка политических сил. После этого прошли другие подобные собрания³. СРМ, который поддержал на выборах кадетов, достаточно легко дирижировал политическим поведением значительной части избирателей-мусульман. В воспоминаниях члена ЦК кадетской партии князя В.А. Оболенского, избравшегося в Думу в Алуште, отмечается, что поскольку СРМ распорядился голосовать за него, пришли буквально все домохозяева из всех деревень, причисленных к Алуштинскому району. Причем жители дальних деревень вышли из дому еще накануне и шли пешком целую ночь. Он вспоминал,

* «Жуз» (буквально — «сотня») — родоплеменное объединение у казахов: Младший жуз охватывал территорию Западного Казахстана, Средний — территорию Центрального Казахстана и Старший — территорию Семиречья.

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1907. 6 октября; 1908. 16 декабря.

² Vambéry A. Constitutional Tartars. P. 908.

³ Сафонов Д.А. Пробуждение. Революция 1905–1907 гг. и Оренбуржье. С. 51.

что уже после его избрания к нему подошел пожилой крымский татарин и, похлопывая по плечу, таинственно сказал на ухо: «Знаем, знаем, наша партия...»¹, имея в виду кадетскую партию. Нижегородские кадеты договорились с местными мусульманскими лидерами и включили двух их представителей, муллу М. Сулейманова* и М.-Ф. Соколова**, в свой кандидатский список². Из Троицка (Оренбургская губ.) сообщали в ЦК кадетской партии, что она сильна здесь «главным образом мусульманами, народом настойчивым и упорным в достижении своих целей и к тому же народом, богатым денежными средствами»³. Вамбери вполне резонно считал, что татары склонялись к кадетской партии в надежде, что она, игнорируя все религиозные и национальные различия, и оживленная либеральными взглядами, сможет наиболее эффективно содействовать их интересам⁴.

Что касается социалистов, то они по-прежнему пользовались вниманием очень немногочисленной группы молодых интеллигентов-мусульман. «В установлении связи и контакта с русскими мы, — вспоминал один из них — Исхаки, — предпочли сделать это только через их партию социалистов-революционеров. Ибо лишь они были из тех радикальных представителей этого народа, которые признавали наши национальные права равными к правам русского народа. Основная часть нашего народа занималась сельским хозяйством, а крестьянство России испытывало главную тяжесть от общинных оков при абсолютном недостатке земли. Лозунги социалистов-революционеров об изъятии земли от помещиков и передачи их крестьянам без выкупа соответствовали нашим желаниям, ибо земли нашего народа были конфискованы и переданы [...] русскому помещику бесплатно.

Русские же социал-демократы признавались открыто, что их национальный вопрос в России не интересует... и что крестьянство есть контрреволюционный и реакционный элемент общества... Они носились только с отвлеченным от реализма термином — “рабочий класс”! Поэтому наша организация “Хуррият” заключила [...] союз с эсерами***». Мухамедьяров и Исхаков стали ее представителями, как писал мемуарист, при «междугородском центре» эсеров, под которым, на наш взгляд, следует

¹ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С. 320, 324.

* Сулейманов Мухамет-Халим — нижегородский ахун.

** Соколов Мухамет-Фатех (Мухаммад-Фатих) (1872–1930) — азанчей, затем имам Ямрачной мечети Нижнего Новгорода.

³ Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2001. С. 56.

⁴ Цит. по: Лоскутов С.А. Политические партии торгово-промышленной буржуазии на Урале (1905–1916). Челябинск, 1996. С. 58.

* Vambéry A. Constitutional Tartars. P. 912.

*** В структуре партии эсеров имелось семь национальных организаций, в том числе поволжских мусульман (Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 48). В историографии существует мнение, что руководящий орган Татарской организации эсеров — Городской комитет — был создан в 1906 г. в Казани (Хабибрахманова А.В. Указ. соч. С. 19).

понимать Казанский губернский комитет партии социалистов-революционеров. Мухамедьяров участвовал в работе «междугородского» съезда эсеров в Саратове¹. В связи с избирательной кампанией по выборам в Думу ЦК эсеровской партии в прокламации, датированной мартом 1906 г., характеризовал Думу «фальшивой, обманной», нужной правительству постольку, «поскольку иначе иностранцы не дадут денег»². Этот призыв к бойкоту Думы был подхвачен и татарскими эсерами. Казанский комитет партии эсеров в своей прокламации под названием «Не ходите в Думу», написанной на татарском языке, в частности, отмечал: «Самодержавие восстановило против себя все население России; своим гнетом оно довело государство до крайности и растратило без пользы богатство страны. Не сегодня-завтра государство сделается банкротом, и все бумажные ценности станут ничего не стоящими клочками бумаги... С каждым днем приближается государственное банкротство... Чтобы достать денег, самодержавие обращалось к заграничным капиталистам... обещало неслыханные проценты. Однако европейские капиталисты не поверили самодержавию и не ссудили его деньгами, дав ему понять, что если не будет народного представительства, то денег они не дадут... В настоящее время, чтобы замазать глаза европейским и американским капиталистам и поскорее получить деньги, оно стало спешить с созывом Государственной думы... Устроив такую Думу, получив деньги из-за границы и увеличив таким образом еще более долг, тяготеющий над государством... оно думает нагнать страх на население и совершенно зажать ему рот... Дума не принесет с собой успокоения. Поэтому всякий, кто пойдет в эту Думу, будет врагом народа. Тот, кто пойдет в Думу, явится соучастником правительства в деле угнетения народа... Для нас, татар, эта Дума не имеет смысла ни на грош, поэтому не ходите в Думу...» Это была одна из тех листовок, которые полиция периодически обнаруживала у татарских эсеров. К примеру, 13 марта 1906 г. в Казани на квартире Н. Мамаева полицией было обнаружено при обыске около 500 проэсеровских прокламаций на татарском языке³. Несомненно, что к их написанию был причастен Исхаки. Даже спустя несколько десятилетий он в своих воспоминаниях анализировал сложившуюся в начале XX в. ситуацию в схожем стиле: «[...] международное положение русской империи складывалось против таких событий, которые могли бы угрожать целостности этой империи: ведь революция в России явно означала бы демократизацию этой огромной страны... А демократизация — это и есть расчленение России на ряд национальных и независимых от русских властей республик... А французам нужен был сильный союзник в восточном тылу Германии... И вот, революционная

Франция предоставлением крупного займа спасала монархическую и крайне деспотическую эту империю! Правительство имело валюту. В стране магазины были полны товарами... Выпуск бумажных денежных знаков затруднений не встречал; благодаря всем этим благоприятным случаям полиция устояла на ногах... В дни митингов и свободы брожений она старательно брала на учет все мятежные элементы общества... Правительство [...] могло приступить к восстановлению покоя [...]»¹. Местные власти, опасаясь не только укрепления радикальных позиций, но и развития национального движения в губернии, весьма активно преследовали татарских эсеров², имевших своих сторонников в местных медресе.

23 февраля 1906 г. в Казани первыми из шакирдов выступили учащиеся медресе «Мухаммадия», которое во время революции превратилось в своеобразный очаг распространения радикальных идей среди татарского населения. Поводом послужили постановления правления медресе об исключении четырех шакирдов за участие в революционном движении. В знак протеста против действий начальства 82 шакирда — примерно четверть всего состава учащихся — покинули медресе. Выступление их поддержала молодежь других учебных заведений. 27 февраля объявили забастовку 10 татарских школ Казани. По примеру казанских шакирдов началась борьба шакирдов в ряде других городов, в том числе в оренбургском медресе «Хусаиния», в уфимских медресе «Усмания» и «Галия». В результате в 1906 г. из медресе «Хусаиния» за участие в стачке были исключены 85 шакирдов, из «Усмания» — 50³. Казанские авторы, описывая эти события, уходят от очевидного факта — решение об удалении протестующих шакирдов из «Мухаммадия» не могло быть принято без согласия его руководителя — Баруди, что лишний раз свидетельствует о весьма жесткой позиции последнего в отношении революционно настроенной молодежи, исходя из того, что мусульманам не следует поддерживать социальную смуту.

Но настоящих революционеров-мусульман, судя по данным Министерства юстиции, было очень мало и каждый случай их антиправительственной активности тщательно расследовался правоохранительными органами. К примеру, 7 августа 1906 г. в пассажирском поезде, следовавшем по Петербургско-Варшавской железной дороге ехали трое солдат, к которым на ст. Волковышки (Сувалковская губерния) подсел татарин Х. Ибрагимов (33-летний крестьянин из аула Яндовище Сергаского уезда Нижегородской губернии), который говорил им, что не надо слушаться начальства, охранять помещичьи имения, а наоборот, следует захватывать и сжигать их. Ибрагимов был вскоре арестован и осужден к

¹ Здесь, скорее всего, имеется в виду II съезд Поволжской области (февраль 1906 г.).

² Исхаки А. Указ. соч. Л. 22.

³ Леонов М.И. Указ. соч. С. 262.

⁴ ГАРФ. Ф. ДП-7. 1906 г. Д. 2. Ч. 18. Л. 112, 112 об., 114, 149.

¹ Исхаки А. Указ. соч. Л. 23.

² Хабибрахманова А.В. Указ. соч. С. 22.

³ Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. С. 315–316; Амирханов Р. Медресе «Мухаммадия»: учебные предметы, выпускники и преподаватели // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2004. № 1. С. 191; Мухаметшин Р. Ислам в общественной и политической жизни татар... С. 73.

пятимесячному тюремному заключению¹. В Оренбургской губернии за период с 1905 г. по 1909 г. единственный мусульманин, осужденный к ссылке, являлся членом Оренбургской группы эсеровской партии. Им был Ф. Шамсутдинов*. Хотя он, судя по переписке, контактировал с татарами (членом Уфимской эсеровской организации М. Ямбулатовым** и Г. Ризвановым*** из эсеровского Северного летучего боевого отряда****), но они относились также к общероссийской, а не к мусульманской революционной организации. Оренбургский прокурор далее отмечал, что «освободительное движение» 1905 г. коснулось, конечно, также оренбургских мусульман, что выразилось лишь в том, что преимущественно «прогрессивная татарская молодежь» принимала участие во всероссийских мусульманских съездах, политическая программа которых левее платформы кадетской партии не пошла².

Несмотря на усилия татарских социалистов, мусульмане, по свидетельству «Терджиман», «повсюду обдуманно и энергично провели выборы в Государственную думу, корректно выполнив постановление своего Всероссийского (Петербургского) съезда избирать конституционных демократов»³. То, что в Думе окажется большая группа представителей мусульманского населения, с точки зрения «Терджиман», станет «фактом, который положительным образом объединит мусульман с русскими гораздо вернее и скорее, чем ухищрения à la Ильминский**** или престиж власти à la Скарятин***** или уездный начальник с дискреционной властью.

¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 2792. Л. 1, 4, 9 об.

* Файзрахман Шамсутдинов (1870–?) — уроженец г. Илецкая Защита Оренбургской губернии, мешанин, приказчик, член правления профсоюза приказчиков и конторщиков г. Оренбурга (1907 г.) (ГАРФ. Ф. ДПОО. 1909 г. Д. 9. Ч. 39. Л. 8, 21, 21 об., 30).

** Муса Ямбулатов (1889–?) — уроженец Оренбургской губернии, учитель, в 1909 г. член Уфимской организации РСДРП (ГАРФ. Ф. ДПОО. 1909 г. Д. 5. Ч. 65 А. Л. 30 об.).

*** Ганиатулла Ризванов учился в Казанской татарской учительской школе; был связан с упоминавшимся З. Садыковым и занимался финансированием партийной деятельности эсеров посредством экспроприаций (ГАРФ. Ф. ДП-7. 1908 г. Д. 6524. Л. 49; Ф. ДПОО. 1908 г. Д. 9. Ч. 18 А. Л. 85 об.; Д. 9. Ч. 67 А. Л. 60).

**** Этот отряд организовался летом 1906 г., совершил ряд террористических актов, разрабатывал планы убийства царя, министра юстиции и т. д., в феврале 1908 г. был разгромлен (Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 134).

² ГАРФ. Ф. 124. Оп. 52. Д. 317. Л. 3, 3 об.

³ Терджиман. 1906. 27 июля.

***** Ильминский Николай Иванович (1822–1891) — педагог-миссионер, востоковед, разработал систему мер по усилению миссионерской деятельности среди нерусских народов Среднего Поволжья, Приуралья и других частей империи. Годы глубокого обскурантизма под эгидой Ильминского и его последователей, развивших, по свидетельству Гаспринского, на самом деле среди мусульманского населения отвращение к русской школе, создали «миллионы правоверных-кадетов» (Терджиман. 1906. 27 октября), которые оказали неоценимую поддержку кадетам, поддержав их кандидатов на выборах в Думу.

Скарятин Николай Яковлевич (1821–1894) — казанский губернатор (1867–1880); имел известность большого самодура, пользовался особым доверием и покровительством

Великое право, коим мы начинаем пользоваться рядом и наравне с русским народом; мирный нравственный переход из состояния “покоренного, подчиненного” в положение равноправного гражданина русской жизни будет оценен мусульманским людом во всей его святости и важности»¹. Выборы в Думу показали либеральной общественности, что вообще мусульмане деятельно к ним готовятся. «До сих пор наши татары и башкиры, — отмечал петербургский журнал, — считались довольно-таки вялым, инертным и мало развитым народом, но действительность начинает опровергать это предвзятое и несправедливое мнение»². Нельзя отрицать, отмечалось в связи с избирательной кампанией столичной газетой, за казахским народом «способности к самостоятельному и оригинальному мышлению»³. Обнародовав правила о выборах в Туркестане с большим опозданием, правительство, по сути, лишило многомиллионное население всего края возможности принять участие в работе Думы. Только 3 мая 1906 г. известие об этом было опубликовано в «Туркестанских ведомостях». С этого момента в Туркестане развернулась избирательная кампания. Одним из самых подходящих кандидатов, по мнению туркестанских джадидов, был юрист С.-А. Лапин*, но власти, противясь этому, исключили его из избирательных списков под надуманным предлогом. Проведение же самих выборов отложили до августа 1906 г.⁴ Только 15 июня 1906 г. в Семипалатинске состоялись выборы депутата Думы от казахского населения Семипалатинской области, им стал Букейханов. Во время предвыборной кампании местная кадетская газета называла его «дорогим товарищем» и выражала «горячее пожелание», чтобы именно он был выбран самими казахами, поскольку он был единственным, по мнению редакции, кто «умело и твердо» постоит в Думе за их интересы⁵. Вспоминая об этом эпизоде своей политической карьеры, Букейханов писал, что в Семипалатинск приехали 176 из 184 выборщиков этой области, представлявшие всю степную интеллигенцию, тот слой, который на местах всегда занимался общественными и политическими делами. Вся борьба, сопряженная с выборами, была исчерпана в степи, когда выбирали выборщиков. За Букейханова отдали свои голоса 175 из 176 выборщиков⁶. Крымский в письме, датированном 1 мая 1905 г., одному из кадетских лидеров В.И. Вернадскому просил содействовать опубликованию подготовленной одним из близких ему деятелей статьи, разобла-

Александра III по причине того, что император случайно на охоте застрелил своего камергера — брата Скарятина.

¹ Терджиман. 1906. 3 мая.

² Нива. 1906. № 7. С. 112.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1907. 6 октября.

* Сер-Али Лапин (1870–?) — казах, частный поверенный, переводчик, востоковед, журналист, один из лидеров туркестанских мусульман в 1917–1918 гг.

⁴ Котюкова Т. В. Проблемы Туркестана... С. 33, 48–49.

⁵ Семипалатинский листок. 1906. 8, 16 июня.

⁶ Букейхан А. Указ. соч. С. 403.

чающей полную неосновательность представлений, «будто бы российские мусульмане менее подготовлены к парламентской жизни, чем русские крестьяне»¹. Такое мнение об уровне гражданственности мусульман империи в целом подтвердилось в работе их представителей в I Думе, открывшейся в конце апреля 1906 г. Всего в эту Думу было избрано 25 депутатов-мусульман от разных регионов с мусульманским населением.

В Петербург прибыли 22 депутата-мусульманина². В результате были в основном представлены поволжские, кавказские, уральские и крымские мусульмане. Несколько казахов успели приехать до роспуска Думы, другие опоздали, а из Средней Азии ни один из избранных депутатов не попал в Таврический дворец. На своем первом заседании 21 июня 1906 г. прибывшие депутаты образовали отдельную мусульманскую фракцию под руководством Топчибаева (сначала попытку создания фракции предпринял казанский депутат Алкин³). По свидетельству последнего, разногласий между депутатами данной фракции не замечалось⁴. Сторонние наблюдатели считали, что эта фракция представляет собой особую «народно-мусульманскую партию»⁵. Мусульманская конституционно-демократическая партия к тому времени и в русском обществе считалась уже выразительницей интересов мусульманских масс всей страны.

По численности эта фракция была одной из значительных, ей был выделен отдельный кабинет, но она не могла подавать депутатские запросы, так как требовалось не менее 30 подписей⁶. За короткое время своего существования эта фракция, согласно одной точке зрения, успела только «нарисовать план будущей работы»⁷, что уже можно, однако, расценить как немалый успех. Вамбери удивленно писал, что комментарии, опубликованные в татарских газетах по поводу Думы, дают основания допустить, что «татары, рассматриваемые прежде как прототипы азиатской покорности и рабского повиновения, давно были приучены к конституционной форме правления и что они были воспитаны во всех сложностях и протокольных деталях парламентской жизни»⁸. Этот факт поразил не только европейцев, считавших себя специалистами, вроде Вамбери, в восточоведении, но и остальной мусульманский мир.

Появление большой группы депутатов-мусульман в Думе, отмечал «Терджиман», «явление не только отечественное, но и мировое. Кичли-

¹ Цит. по: Гурницкий К.И. Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980. С. 66.

² Мусульманские депутаты... С. 8.

³ Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 168–169. Р.Р. Фахрутдинов пишет, что в I Думе отдельной мусульманской фракции не существовало (Ислам на европейском Востоке. С. 149), что явный ляпсус, которых, в общем, немало в научной литературе по рассматриваемой теме.

⁴ Каспий. 1907. 5 сентября.

⁵ Деятели России. 1906 г. СПб., 1906. С. 57; Ледницкий А. Национальный вопрос в государственной думе // Первая Государственная Дума. Вып. первый. Политическое значение первой Думы. Сб. статей. СПб., 1907. С. 160.

⁶ Сеидзаде Д.Б. Из истории азербайджанской буржуазии... С. 42–43.

⁷ Алисов Г. Указ. соч. С. 46.

⁸ Vambery A. Constitutional Tartars. P. 906.

вые своей цивилизацией англичане, французы и голландцы, владеющие вместе 120 миллионами мусульман, не имеют в своих парламентах хотя бы одного их представителя. Вот факт, на который обращено внимание всего мусульманского мира, который ожидал от России всего, но только не такого великого культурного подвига»¹. Такой позитивный сдвиг в имидже страны за рубежом оказался не по вкусу мусульманобобствующим кругам в Петербурге. Дума показала большую мусульманскую фракцию, которая, как считал, к примеру, Стоддарт, оказалась такой предприимчивой и так мастерски руководилась, что русское общественное мнение неподдельно встревожилось и побудило правительство к тому, чтобы ослабить татарское влияние в русской парламентской жизни². Современный американский исследователь Стейнвелл уточняет, что успех мусульман на думских выборах вызвал озабоченность со стороны некоторых известных русских политиков. У них возникло впечатление, что мусульмане превратились не просто в религиозную группу, а политическое образование, которое угрожало единству империи³.

Такое раздражение в столичных сферах было вызвано участием части думцев-мусульман в работе образованной в Думе «Парламентской группы Союза автономистов», которая объединяла депутатов от нескольких нерусских народов. Мусульманские представители были среди организаторов этого союза, А.М. Топчибаев, С.-Г. Джантурин, С.-Г. Алкин, Ш. Сыртланов входили в бюро Союза автономистов⁴. 11 мая в Думе состоялось общее собрание Союза автономистов, во время которого некоторые мусульманские депутаты, в том числе казахи, татары и башкиры, сообщили, что много мусульман решили насовсем покинуть Россию и что к этому решению их подтолкнули негативные последствия централизации власти⁵. В период революции происходила эмиграция мусульман не только в Турцию, но и в Великое княжество Финляндское, которое согласно царскому манифесту от 22 октября 1905 г. вновь обрело свои автономные права, что привело к улучшению условий политической жизни, и вскоре, как отмечали Э.П. Федосова и Ш.Ф. Мухамедьяров, княжество стало республиканской страной с однопалатным парламентом, с европейской системой политических партий⁶. Такая автономия притянула к себе и мусульман. Их число, как установил финский исследователь А. Лейтцингер, резко выросло в начале XX в. Если в 1900 г., по официальным сведе-

¹ Терджиман. 1906. 27 июля.

² Stoddard T.L. Pan-Turanism. P. 19; Он же. The new world of Islam. P. 195.

³ Steinwedel Ch. The Revolution in Ufa: Mass Politics, Elections, and nationality // The Russian Review. 2000. Vol. 59. № 4. P. 571, 573, 575.

⁴ Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 247.

⁵ Каспий. 1906. 21 мая.

⁶ Куяла А. Финляндия и русская революция 1905 г. // 1905 год — начало революционных потрясений в России XX века. М., 1996. С. 216; Национальные окраины Российской империи... С. 230.

ниям, к примеру, в Гельсингфорсе насчитывалось 62 мусульманина (из них 52 татароязычных*), то в 1910 г. — 186 (127); в Або соответственно 7 (5) и 54 (27); в Выборге — 20 (19) и 44 (28). Мусульмане появились в этот период и в других населенных пунктах Финляндии¹. Таким образом, за сравнительно короткий срок численность всех мусульман только в Або выросла в 8 раз, в том числе татар — в 5 раз; в Гельсингфорсе соответственно — в 3 и 2,6 раза; в Выборге — в 2 и 1,4 раза.

Свою лепту в то, чтобы вызвать вообще неприятие общественной активности мусульман, внесли и различные публикации, носящие, в сущности, подстрекательский характер. Яркий пример: находясь в Будапеште в мае 1906 г., Вамбери писал, что до сих пор внутренние трудности России состояли в поляках, финнах, армянах и грузинах (умолчав о евреях), но в ближайшем будущем к ним якобы примкнут татары, которые увеличат ряды революционеров, и, зная их рвение и способность, следует ожидать, что беспокойство, которое они могут причинить России, не будет слабым². Однако вопреки распространяемым такими авторами, как Вамбери, прогнозам и представлениям, поведение мусульманских масс не вписывалось ни в революционное движение, ни в панисламистско-пантюркистскую деятельность. Поэтому в мае 1906 г. Будилович констатировал: «Опыт последнего лихолетья доказывает, что массы нашего магометанского населения... не увлекаются панисламскими идеями... По крайней мере, ни на Кавказе, ни на Волге, ни в Туркестане не было в течение истекшего года особых волнений политического характера». Характеризуя же принятые на всероссийских мусульманских съездах решения, Будилович не мог не признать в целом лояльный их характер: «Нельзя отрицать, что вероисповедно-национальная программа наших мусульман заключает в себе гораздо меньше противогосударственных тенденций, чем новейшие политические программы поляков, евреев, армян»³. Поэтому в правительстве не принимали всерьез рассуждения о мусульманской угрозе, которыми пестрели различные воинствующие издания, публикации некоторых авторов и заявления отдельных политиков.

Так, в статье, подписанной псевдонимом «Волгарь»⁴, отмечалось: «Сравнительно малокультурный народ, татары, в злое лихолетье нашего освободительного движения по своему недомыслию казался очень под-

ходящим материалом для революционной агитации, причем кадеты сумели давнишнюю племенную замкнутость татар великолепно использовать для того, чтобы призрачной приманкой торжества панисламизма разбудить сепаративные мечты татар... Это движение было бы во сто раз менее опасно, если бы мусульмане действовали самостоятельно, но истинные враги России и ее государственности — евреи тонко учли возможное значение панисламизма и поспешили присоединиться... И плоды этого сотрудничества уже дают себя знать. В Уфе автором заявлений правительству от имени мусульманского духовенства вдруг оказывается еврей-адвокат... Мечтавшие о самостоятельности татарского царства в итоге набрасывают на шею своему народу цепь плена иудейству и его вожакам...»⁵ Взаимодействие кадетских и татарских политиков встретило резкую критику не только со стороны революционеров, но и монархистов.

Как русские граждане миллионы мусульман страны, подчеркивал русский писатель, публицист и китаевед С.Н. Сыромятников в статье «Россия и мусульманство», пользовались всеми правами наравне с русскими. «У нас есть генералы, судьи, инженеры, чиновники, исповедующие ислам, и я не помню примера, чтобы кто-нибудь из них изменил общей родине». Сыромятников, который до 1905 г. был около десяти лет сотрудником «Нового времени», а с лета 1906 г. стал работать в газете «Россия», правительственного официоза, особо подчеркнул, что для них были «фраскрыты двери» университетов страны⁶. На его взгляд, мусульманам угрожало «полужизнь, разрушающее их религиозный уклад и не дающее взамен никакого прочного нравственного мирозерцания. Прошлое России и их собственное начинает казаться им униженным и недостойным, и они начинают метаться между социалистическими и революционными партиями и в лучшем случае становятся подголосками кадетов»⁷, характеризуя период сотрудничества мусульманских либералов с кадетами с точки зрения одного из организаторов правых сил в России начала XX в.

В конце мая 1906 г. правительство разрешило учредить в Петербурге Комитет по постройке Соборной мечети (ее строительство было разрешено министром внутренних дел графом Д.А. Толстым еще в 1882 г.). Этот организованный Баязитовым, лидером либеральных консерваторов-мусульман, комитет состоял из 20 мусульман, преимущественно столичных государственных, общественных, военных деятелей, купцов и домовладельцев. Комитет получил право сбора добровольных пожертвований мусульман⁸. Такое

* В их число входили не только татары, но башкиры и чуваша, а также представители финно-угорских народов, покинувших Поволжье. Что касается татар, то большинство их составляли мишари из Сергачского уезда Нижегородской губернии (Leitzinger A. Mishaarit. Helsinki, 1996).

¹ Leitzinger A. Suomen tataarit. Helsinki, 2006. P. 85–86.

² Vambery A. Constitutional Tartars. P. 912–913.

³ Цит. по: Алекторов А.Е. Указ. соч. С. 132, 133.

⁴ Под этим псевдонимом, возможно, скрывался Данилов Степан Степанович (1877–1939) — член РСДРП с 1904 г., в 1911–1917 гг. журналист. После Октябрьской революции — на военной работе; с 1921 г. член Реввоенсовета РККА. В 1929–1930 гг. работал в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Исключен из партии за троцкистскую деятельность. Возможно, автором являлся известный русский писатель, драматург, публицист П.А. Оленин (1864–1926).

⁵ Краины России. 1911. 22 октября.

⁶ Указание на этот момент не случайно. В программе СРН отмечалось, что в высших учебных заведениях страны могут обучаться только православные, а иноверцы, кроме мусульман, не допускаются (Программы политических партий России... С. 443).

⁷ Россия. 1911. 25 сентября.

⁸ Отчет Комитета по постройке соборной мечети в С.-Петербурге за первый год его деятельности, по 1 мая 1907 г. СПб., 1907. С. 2; Загидуллин И. Исламские институты в Российской

решение означает, что в МВД были намерены содействовать новой организации, руководить которой поручили именно Баязитову, учитывая, что он был противником СРМ, его программы и особенно практической деятельности таких политиков, как Акчурин.

После того как 8 июля 1906 г. Дума была распущена, кадеты предложили депутатам собраться в Выборге, чтобы выработать меры сопротивления. Туда приехало около трети депутатов Думы. Они приняли обращение к народу, в котором призывали его выступить в защиту Думы, но использовать при этом лишь пассивные средства — отказ от уплаты налогов, уклонение от призыва на военную службу и пр. М.И. Леонов вслед за некоторыми авторами пишет, что в Выборг не явились, в частности, мусульмане¹. Это не так. В момент разгона Думы налицо было 19 депутатов-мусульман, из которых Выборгское воззвание, по одним сведениям, подписали 10, в том числе С.-Г. Алкин, А. Ахтямов, С.-Г. Джантюрин и Ш. Сыртланов², по другим — 6, в том числе А. Букейханов, И. Зиятханов и А.М. Топчибаев³. Согласно воспоминаниям М.М. Винавера, в подготовке проекта воззвания участвовали и депутаты-мусульмане, по предложению которых были изменены первые два слова обращения, которые в первоначальной редакции гласили: «Русские граждане!» А. Ахтямов, выступая перед собравшимися, заявил, что с манифестом обращаются представители всех народов ко всем народам России, и что следовало потому отредактировать обращение так: «Граждане всей России!» Именно эта редакция была принята единогласно и сохранилась в окончательном тексте воззвания⁴. 10 июля в Петербурге произошло последнее заседание членов мусульманской фракции совместно с 40 представителями столичных мусульман. Собрание, на котором председательствовал Топчибаев, обсудило роспуск Думы и приняло решение о созыве очередного съезда мусульман империи⁵.

После проведенного властями расследования, кто именно подписал это воззвание, пятерых думцев-мусульман в декабре 1906 г. осудили на трехмесячное тюремное заключение. Ими оказались: С.-Г. Алкин

ской империи: Мусульманская община в Санкт-Петербурге. XVII — начало XX в. Казань, 2003. С. 112; *Витязева В.А.* Петербургская мечеть (к истории строительства) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. СПб.-Псков, 1997. С. 147–162; *Она же.* Соборная мечеть — памятник петербургского модерна // История Петербурга. 2002. № 1. С. 48–57; *Она же.* Минареты над Невой // Наука в России. 2002. № 3. С. 82–88. За счет добровольных пожертвований мусульман всей империи в начале 1910 г. было начато строительство мечети, а торжественное открытие ее было приурочено к 300-летию дома Романовых в феврале 1913 г.

¹ Леонов М.И. Указ. соч. С. 313.

² Каспий. 1906. 27 октября. По данным МВД, воззвание подписали также Ш. Сыртланов и Ага-хан Эриванский из Эриванской губернии (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 3217. Л. 158 об., 159), но их причастность не была доказана.

³ Багирова И.С. Указ. соч. С. 149; Мусульманские депутаты... С. 15; Усманова Д. Мусульманская фракция... С. 33; *Она же.* Мусульманские представители... С. 157; *Айнутдинова Л.М.* Указ. соч. С. 62; и др.

⁴ Айнутдинова Л.М. Указ. соч. С. 62.

⁵ Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 160.

(потомственный дворянин), А. Букейханов (из ханской семьи), С.-Г. Джантюрин (потомственный дворянин), И. Зиятханов (дворянин) и А.-М. Топчибаев (потомственный дворянин). Алкин, допрошенный 13 октября в Казани, показал: «Виновным себя в распространении известного Выборгского воззвания “Народных представителей к народу” не признаю, ибо ни одного экземпляра не распространил, даже у себя не имею. В Выборге 9 июля 1906 г. ... был и там в каком-то отеле подписал воззвание... При каких обстоятельствах оно было составлено и с какой целью — мне неизвестно. Где и в каком количестве экземпляров оно было напечатано и каким путем получило первоначальное распространение — мне неизвестно». Зиятханов на допросе 17 октября в Елизаветполе, также не признавая себя виновным, объяснил: «Воззвание... действительно подписано мной в г. Выборге, но на вопросы... при каких обстоятельствах было составлено это воззвание, для какой цели оно было составлено и подписано мной... я ответа дать не желаю». Допрошенный 24 октября в Петербурге Джантюрин, не признав, как и другие, себя виновным, показал: «9 июля 1906 г. ... я встретил в Петербурге несколько человек из бывших членов Государственной думы и, узнавши от них, что они отправляются на съезд б[ывших] членов Государственной думы в г. Выборг, поехал и сам туда. Цель моей поездки была та, чтобы посоветоваться с другими членами Думы, что нам всем делать дальше. Мне лично хотелось поддержать дальнейшее существование Государственной думы в России, и я боялся, чтобы роспуском Думы не был сделан со стороны правительства поворот к старому строю, существование какового в дальнейшем государь император признал невозможным... В Выборге... я отправился на заседание б[ывших] членов Думы, которое началось тогда в 9 часов вечера в гостинице “Бельведер”. На этом заседании был составлен акт “Народу от народных представителей”, каковой был подписан мной... 10 июля». 23 декабря 1906 г. министр юстиции И.Г. Щегловитов телеграфировал в Омск с указанием привлечь к уголовной ответственности Букейханова за подписание этого воззвания. Топчибаев на допросе заявил, что не принимал участия в составлении этого воззвания, а также в его распространении, а лишь подписал его в Выборге. На другие вопросы судебного следователя он отказался отвечать¹. Трехмесячное наказание за подписание этого воззвания Топчибаев отбывал в знаменитой петербургской тюрьме — «Крестах»². Вспоминая об этих годах, Топчибаев отмечал, что он не был революционером, но по мере сил служил на пользу мусульманам России, и в особенности Кавказа. «За это, конечно, русское правительство не гладило меня по головке...»³ — констатировал он, ла-

¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 3217. Л. 24, 24 об., 25, 26, 73 об., 74, 84, 132 об., 143–143 об., 145, 273, 273 об., 274 об., 278, 279 об.

² Слово. 1908. 13 мая.

³ Топчибаев А.А. Указ. соч. С. 45.

конично объяснив, каким в действительности было отношение власти к гражданам-мусульманам и политикам, защищавшим их интересы.

Несмотря на все усилия правоохранительных органов, текст воззвания распространялся и другими мусульманами-думцами, разбегавшимися по стране. Так, переводимец Бадамшин, которого власти считали членом «революционной партии», сообщая мусульманам Чистопольского уезда Казанской губернии об этом документе, говорил, что только эта партия желает добра крестьянам, а правительство, напротив, ведет народ к гибели. Этот приверженец эсеровской партии в результате был 13 декабря 1906 г. арестован в Чистополе, в январе 1907 г. был освобожден¹. В листовке, составленной дагестанским социал-демократом М. Дахадаевым на аварском языке 2 августа 1906 г., говорилось, что в манифесте 17 октября и в законе о Государственной думе царь объявил, что не будут взиматься налоги с народа без разрешения Думы. Но после ее разгона, исходя из указанных положений, население имеет право не платить государству, пока новая Дума не определит, сколько именно платить². Получив подобную листовку, житель аварского с. Тилитль Дагестанской области шейх Магома-Магома Хан-оглы в конце сентября 1906 г. отправил письмо жителю другого аварского с. Уриб, в котором были два экземпляра гектографированной прокламации на аварском языке от имени Дагестанского комитета, призывающего население к неплатежу налогов. Шейх просил своего адресата один экземпляр наклеить в мечети этого селения, а другой — отправить в аварское с. Кахиб³. Этим комитетом был возникший в конце 1904 г. Терско-Дагестанский комитет РСДРП, члены которого пытались вести антиправительственную агитацию среди горцев-мусульман, используя Выборгское воззвание.

То, что часть мусульман-перводумцев поддержала данное воззвание, было замечено за рубежом. Вамбери, к примеру, в присущей ему манере предстать убедительным предвестником большого конфликта мусульманского населения с властью сделал из этого эпизода вывод: важно, что, несмотря на якобы сугубо азиатский и консервативный характер, татары присоединились к наиболее развитым христианским товарищам-гражданам, и, следуя этой линии, они, очевидно, примкнули к убежденной оппозиции царю⁴. Но пророка из Вамбери не получилось и на этот раз.

Через несколько дней после воззвания Николай II 16 июля 1906 г. дал разрешение на постройку мечети в центре Петербурга⁵, вблизи церкви Св. Троицы — первого православного храма Петербурга, а 18 июля он

разрешил сбор пожертвований на строительство этой мечети среди населения всей империи (до этого деньги собирались только среди столичных мусульман)¹. Все это было обусловлено стремлением поддержать проправительственную группу либеральных консерваторов во главе с Баязитовым², усилить его влияние на фоне роста популярности в массах перводумцев-мусульман, подписавших воззвание. Проект постройки мечети в центре столицы империи вместе с тем стал, по сути, символом того, что Российская империя — это и мусульманская держава, что вызвало позитивный отклик прежде всего в сопредельном Бухарском эмирате. Большую финансовую и организационную помощь в реализации данного замысла оказал бухарский эмир Сеид Абдул-Ахад, который находился с визитом в Петербурге с 18 ноября 1906 г., и, получив в начале декабря согласие Николая II, энергично взялся за довершение начатого петербургскими мусульманами дела, прежде всего подарив им участок земли под постройку мечети³. Возведение в Петербурге крупнейшей в России мечети получило громкий общественный резонанс, способствовало популярности монарха среди подданных-мусульман.

Народные массы «достаточно разбираются, — подвел итоги в конце 1906 г. «Терджиман», — в окружающем и понимают, что их лояльность и политическая выдержка должны вызывать к себе точно такое же лояльное отношение. Русский государь и русский народ признали их равноправными сынами России... Но не следует слишком пренебрегать лояльностью многомиллионного населения мусульман: они не глухи и не слепы»⁴. В их среде происходили принципиальные сдвиги в отношении к окружающей действительности. Процесс демократизации все больше охватывал мусульман, которые в то же время, несмотря на давление бюрократии, не поддавались явной или скрытой русификации, не принимали и блага, которая сулила в той или иной форме христианизация. Мусульмане, направляя в Думу самых лучших своих представителей, стремились стать настоящими гражданами, участвующими в управлении общего государства. Их правосознание, оставаясь традиционно-мусульманским, уже признавало введение европейско-парламентарного строя, в котором мусульмане находили себе место.

В Думе депутаты-мусульмане образовали отдельную фракцию, которая не только стала служить наряду с ЦК СРМ* еще одним важным цен-

¹ Отчет Комитета по постройке соборной мечети в С.-Петербурге... С. 9.

² См.: Исхаков С.М. Мусульманский либеральный консерватизм в России в начале XX века // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. С. 362–370.

³ Отчет Комитета по постройке соборной мечети в С.-Петербурге... С. 13; Новое время. 1910. 3 февраля.

⁴ Терджиман. 1906. 27 октября.

* Ссылаясь на книгу Усмановой, московский этнолог И.Л. Бабич пишет, что проведенный казанской исследовательницей анализ политической жизни мусульман накануне созыва Государственной думы якобы показал, что практически вся легальная политическая жизнь российских мусульман могла быть сосредоточена исключительно вокруг мусуль-

¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 1678. Л. 1; Ф. ДП-7. 1906 г. Д. 2. Ч. 18. Л. 400; Мусульманские депутаты... С. 282.

² Абдуллаев М.А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. М., 1987. С. 182.

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 40. Л. 1.

⁴ Vambéry A. Constitutional Tartars. P. 912.

⁵ Мукатаев Г.К., Ирхина М.В. Указ. соч. С. 140.

тром общемусульманского движения, но активно выражала и твердо защищала интересы разных мусульманских регионов и народов, входивших в состав Российского государства. В Думе их депутаты продолжали сообщать усваивать политические уроки. У многих из них появился живой интерес к политике, окрепло чувство собственного достоинства, возникла готовность к диалогу с внешней средой. В связи с разгоном Думы несколько мусульманских депутатов подписали Выборгское воззвание, призывавшее к гражданскому неповиновению. Но мусульманские массы практически никак не прореагировали на роспуск кадетской Думы и на призывы даже к пассивному сопротивлению русской власти. На этом завершился четвертый этап общемусульманского движения, главной особенностью которого стало вхождение мусульманских представителей в парламентскую жизнь, которая стала серьезным испытанием для многих из них.

манской депутатской фракции. Других хоть сколько-нибудь развитых форм политической жизни мусульман к этому времени в Российской империи будто не сформировалось (Бабич И.Л. [Рец. на:] Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005 // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 180). Рецензент тем самым продемонстрировала свою полную неосведомленность в истории российских мусульман начала XX в. и, в частности, того факта, что задолго до появления мусульманской фракции, о чем написано достаточно в историографии, существовал СРМ, который как раз руководил мусульманами в избирательной кампании в первую Думу.

Участники собрания, посвященного 10-летнему юбилею газеты «Терджиман». Бахчисарай. Май 1893 г.

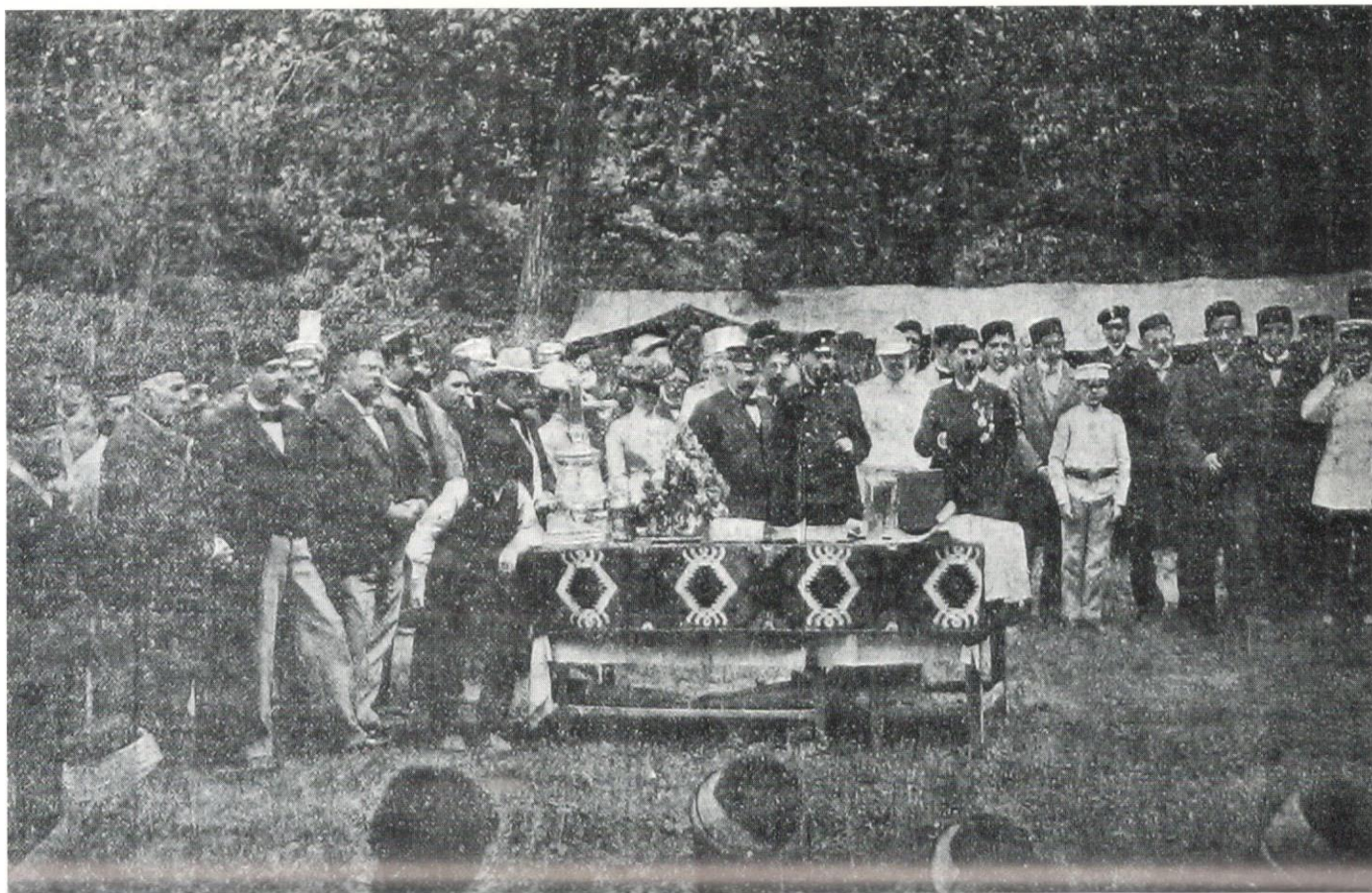
Группа крымских татар, встречающих кортеж Николая II у мечети. Бахчисарай. 1902 г.

Николай II со свитой у «Фонтана слёз» в Ханском дворце. Бахчисарай. 1902 г.

Николай II и свита заходят в Малую ханскую мечеть. Бахчисарай. 1902 г.

Группа участников собрания, посвященного 20-летию юбилею газеты «Терджиман». Балчисарай. 4 мая 1903 г.

Группа участников I Всеобщего (Всероссийского) мусульманского съезда. 15 августа 1905 г.
Пароход «Густав Струве», р. Ока, вблизи Нижнего Новгорода.

Участники II Всеобщего (Всероссийского) мусульманского съезда. Петербург. 13-23 января 1906 г.

На фотографии 59 участников съезда. Всего их было 83:

Закавказье: Асадуллаева, А.-Х. Ахундов, К. Карабеков, А.-М. Топчибашев.

Крым: А. Айвазов, А. Булгаков, И. Гаспринский, А.-Г.-м. Карашайский, Ш. Крымтаев, И. Леманов, А. Махмудов, Р. Медиев, Ах. Муфтизаде, Умер-эфенди, А. Усманов, Э. Хусаин, С. Челеби.

Поволжье: Астраханская губ.: Х. Давликамов, М. Измайлов, А. Кутлумухамедов, В. Таначев; Казанская губ.: С. Аитов, И. Акчурин, Ю. Акчурин, С.-Г. Алкин, Н. Амерханов, Г. Апанаяев, А. Галеев (аль-Баруди), М. Разаков, А. Сайдашев, М. Яманов; Самарская губ.: Ф. Муртазин, М. Фахрутдинов, С. Халфиев; Саратовская губ.: Ю. Дибердеев; Симбирская губ.: Ш. Гафуров, А. Махмутдинов, М. Хабибуллов, И. Шарифутдинов.

Урал: Вятская губ.: Ф. Нигматуллин; Пермская губ.: Х. Абдулатов, М. Абутов, М. Балташев, М. Бапкеев, К. Мансуров, А. Мурзакаев, З. Хибатуллин; Оренбургская губ.: З. Алеев, Ш. Ахмедов, С. Ахмеров, А. Давудов, Загидулла-хазрет, А. Исхаков, Ф. Каримов, З. Рамеев, М. Рамеев, А. Салихов, А. Яушев, М. Яушев; Уфимская губ.: М. Гариф, С.-Г. Джантюрин, Ш. Сыртланов, Ш. Тупоев, Д. Шейх-Али.

Сибирь: М. Хакимов, З. Шафигуллин.

Туркестан: И. Абдуллатыпов, У. Абдулмажидов, Х. Абдулменов, А. Альбетков, И. Габдул, Х. Гафуров, З. Кулаев, Тагиров, М. Уразаев, С. Усманов, М. Шакунов.

Архангельская губ.: Ишмахмедов.

Москва: Х. Байбеков, М. Вагапов, Вагапов, Х. Ширинский.

Пенза и Тамбов: Я. Акчурин.

Участники III Всеобщего (Всероссийского) мусульманского съезда. Нижний Новгород. 16-21 августа 1906 г.

Президиум III Всеобщего (Всероссийского) мусульманского съезда. Нижний Новгород. 16-21 августа 1906 г.

Группа мусульманских депутатов II Думы. Сидят, справа налево: Ф. Хойский, Р. Медиев, Х. Усманов, Б. Султанов, М. Хасанов, С. Максютлов, Г. Мусин. Стоят, справа налево: Ш. Сейфитдинов, К.-М. Тевкелев, М. Тукаев, А. Нежметдинов,

Группа мусульманских депутатов II Думы в Таврическом дворце. Сидят, справа налево: Т. Эльдарханов, Ф. Хойский, Ш. Сыртланов, Р. Медиев. Стоят, справа налево: Х. Атласи, Ш. Сейфитдинов, Х. Хасмамедов.

Исмаил Гаспринский

Ахмед Агаев

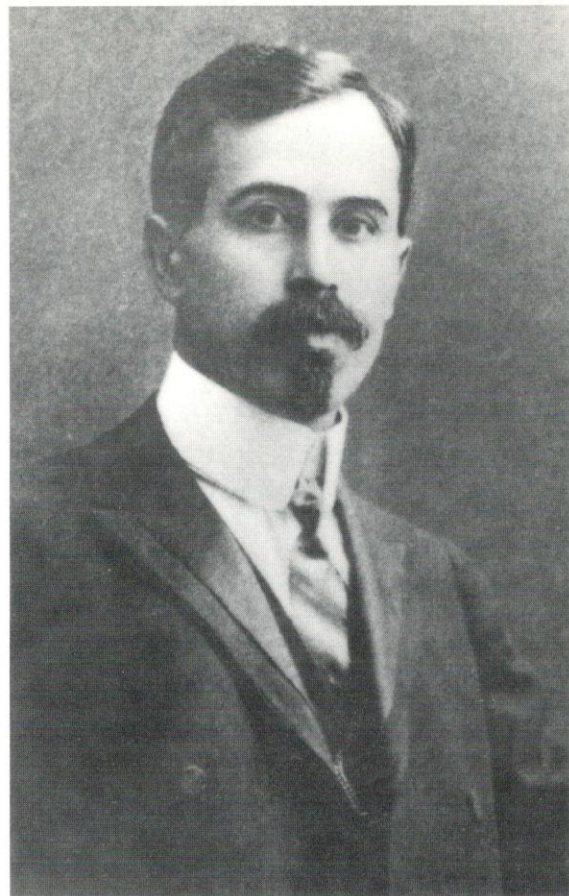
Депутат I-IV Дум Кутлуг-Мухамед Тевкелев

Депутат II-III Дум Садри Максудов

Депутат III Думы Зиганбир Байбурин

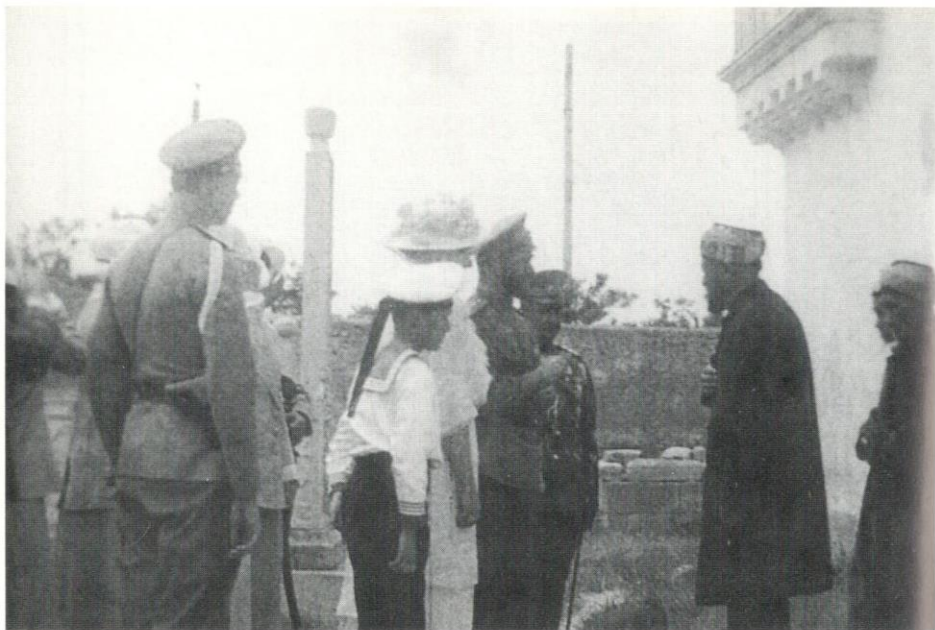
Депутат II-III Дум Халил-бек Хасмамедов

Шакир Мухамедьяров

Депутат III Думы Али-Оскар Сыртланов

Николай II беседует с муллой перед посещением мечети Джума-Джами. Рядом с царем Александра Федоровна, цесаревич Алексей. Евпатория. 1914 г.

Николай II, Александра Федоровна, цесаревич Алексей, великие княжны и свита заходят в мечеть Джума-Джами. Евпатория. 1914 г.

ГЛАВА 9

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ МУСУЛЬМАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1906 ГОДА

К началу лета 1906 г. налицо были признаки приближения нового подъема русской революции, когда значительно усилились выступления, которые определялись в советской историографии как партизанские. В ряде местностей они приняли характер военных действий. «Партизанская» борьба стала распространенной формой крестьянского движения в «национальных районах» страны, особенно в Прибалтике, Польше, на Украине и в Грузии. Среди причин, толкавших массы крестьян на вооруженные выступления против властей, были и действия карателей, и погромы, и ухудшение положения. Формы «партизанской» войны были весьма разнообразны: разгром полицейских участков, захват складов оружия и т. п. По существу, шла не партизанская, а гражданская война. Обратимся к тому, как в этих условиях проявили себя мусульмане в различных регионах страны.

Рабочие-мусульмане приняли участие в забастовке, которая в июне 1906 г. охватила нефтепромыслы Грозного. Бастовало более 10 тыс. человек. В постановлении общего заседания (10–13 июля) представителей компаний и выборных промысловых рабочих, рассмотревшего требования, выдвинутые в ходе этой забастовки, было указано, в частности, что мусульмане потребовали: построить мечеть и пригласить муллу; предоставить семь праздничных дней в году; сделать пятницу нерабочим днем, если в этот священный для мусульман праздничный день их заставят все же работать, то платить вдвойне; вообще относиться к мусульманам без предубеждений. В конечном итоге было решено: до постройки мечети изыскать временное помещение на промыслах и пригласить муллу; вопрос о праздновании мусульманами пятницы вместо воскресенья и других их семи праздников удовлетворить с момента возобновления работ. Что касается отношения к мусульманам, то руководству фирм пришлось оправдываться, что оно не относилось к предубеждением к «инославным», согласно тогдашней официальной терминологии, рабочим и, с своей стороны, указало русским рабочим впредь следовать толерантному стилю отношения¹. Налицо, таким образом, стремление рабочих-мусульман прежде всего добиться нормальных условий для соблюдения основных требований религии, а также бороться с любыми проявлениями дискриминации.

¹ Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Второй период революции. 1906–1907 годы. Ч. 2. Кн. 2. М., 1962. С. 225–229.

На Северном Кавказе наиболее заметным конфликтом стали события в Ингушетии, где 28 мая 1906 г. произошла перестрелка между ингушами с. Яндырка и казаками стц. Троицкой из-за убийства недалеко от станицы одного ингуша из этого селения. На помощь троичским казакам, напавшим на Яндырку, выдвинулись казаки нескольких соседних станиц. В свою очередь против произвола и беззакония объединились ингуши ряда окрестных сел. К месту конфликта по просьбе ингушей прибыли пехотный батальон, три казачьи сотни, пулеметная рота, но вместо того, чтобы прекратить столкновения казаков и ингушей, военные разорили Яндырку, где в результате поджога многие дома сгорели, десятки жителей остались без крова и имущества, некоторые из них были ранены, несколько человек были убиты¹.

Власть стремилась устрашить недовольных, но эффект от применения оружия оказался слабым, тогда было решено переместить накопившийся протест горцев Терской области в другие регионы, используя их в качестве стражников для подавления выступлений крестьян, в частности, в ряде губерний южной России. С весны наем стражников проводили главным образом в Чечне, Ингушетии, Осетии и отчасти в Кабарде. Горцам-стражникам платили большое жалованье — от 40 до 50 руб. в месяц, выдавали обмундирование, оружие, верховую лошадь, обещали награды за эту государственную службу. В докладе царю генерал-губернатор Терской области генерал-лейтенант А.М. Коллюбакин отмечал, что в 1906 г. одних только ингушей было принято в стражники более 2 тысяч. Они несли службу не только на Кавказе, но и в центре России, что вызвало протесты со стороны русского населения.

Когда 16 июня в Грозный из Гудермеса прибыл очередной поезд с горцами для следования в Россию, бастовавшие железнодорожники, решив помешать отправке, поставили поезд на запасной путь и отцепили паровоз. Вызванные на вокзал две роты Дагестанского пехотного полка во главе с командиром полка полковником Полозовым, к которым затем присоединились другие части, сломили сопротивление рабочих, и эшелон был отправлен². Картина этого конфликта существенно дополнена Воронцовым-Дашковым в направленном царю и военному министру отчете, из которого следует, что еще 15 июня 12-я рота этого полка была поставлена между депо и платформой вокзала, чтобы не допустить к следовавшему в центр страны эшелону с чеченцами толпу рабочих, но солдаты не подчинились приказу направить оружие против нее. После расследования этого случая командир роты был отстранен от командования, а солдаты были преданы суду. Вообще этот полк был тогда, по сведениям наместника, «не вполне надежным в подавлении беспорядков»³.

¹ Джанаев А.К. Указ. соч. С. 272–273; Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Указ. соч. С. 98.

² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 926. Л. 3; Джанаев А.К. Указ. соч. С. 276, 277, 279.

³ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 562. Л. 441. В январе 1907 г. Полозов был обвинен в попустительстве революционной пропаганде и отстранен от должности (РГВИА. Ф. 400. Оп. 10.

Что касается чеченской стороны, то 17 июня 18 ее представителей отправили председателю Государственной думы С.А. Муромцеву и наместнику на Кавказе телеграммы, в которых заявлялся протест против использования чеченцев-стражников как вооруженной силы против русских жителей. Указав, что действия горцев-стражников вызовут раздор между русским и чеченским народами, представители последнего требовали прекратить подобную практику, а ранее отправленных чеченцев немедленно возвратить на родину¹. В этих действиях местной администрации СРМ также усмотрел стремление породить распри между кавказцами и русскими и обратился ко всем народам Северного Кавказа с призывом воспрепятствовать вербовке таких стражников и принять меры к возвращению уже завербованных горцев².

Основания для сильного беспокойства мусульманских лидеров уже имелись. Так, на Украине в начале июня на базарной площади м. Тростянец (Брацловский уезд, Подольская губерния) произошла драка крестьян с ингушом из охраны местного завода*. Горцу удалось убежать на завод, откуда он вернулся на площадь с 25 вооруженными земляками, и в результате этого конфликта погибло 12, ранено было свыше 20 человек. В с. Городище (Киевская губерния) в результате стычки между крестьянами и ингушами** было много раненых с обеих сторон. Эти и другие факты приводились в открытом письме депутата Думы от Терской области чеченца Т. Эльдарханова, опубликованном в газете «Каспий» 22 июня 1906 г. Он тоже призвал ингушей, чеченцев и осетин немедленно отозвать всех горцев-стражников на родину, а других не посылать.

Словно в ответ в конце июня 1906 г. по инициативе властей чеченцем Д. Арсанукаевым***, который пользовался авторитетом у местных жителей, было составлено воззвание на арабском языке, распространенное по аулам, с призывом продолжать вербоваться в стражники. В обращении, в частности, указывалось, что эта «служба ведет только к благу мусульман... Нужно подчиняться правовым порядкам и царем установленным начальникам, ибо они утверждены волею всемогущего Аллаха»³, чему с детства, как отмечалось, учили мусульман муллы.

Д. 728. Л. 5, 6, 10–10 об., 12). Выйдя в отставку в 1908 г., Полозов, уроженец Ярославской губернии, остался жить вместе с семьей в Грозном, где скончался в 1914 г.

¹ 1905, 1906, 1907 годы в Грозном. С. 86–87; Джанаев А.К. Указ. соч. С. 280.

² Каспий. 1906. 27 июня.

* Речь идет либо винокуренном и спиртоочистительном, либо о свеклосахарном заводе.

** Скорее всего, они охраняли сахарный завод, расположенный при д. Городище-Пустоваровское (Сквирский уезд).

*** Вероятно, Докка Арсанукаев — житель с. Белгатой Веденского округа; во второй половине XIX в. служил в Чеченском конно-иррегулярном полку. В 1908 г. вместе с несколькими односельчанами был выслан в Оренбургскую губернию на основании обвинения в укрывательстве абреков-односельчан (ГАРФ. Ф. ДП-7. 1908 г. Д. 17. Ч. 8. Л. 1).

³ Джанаев А.К. Указ. соч. С. 280–281.

Настойчивость властей понятна¹. Горцам доверили безопасность больших городов, к примеру, таких как Севастополь. Добровольцы из Нагорного Дагестана помогали властям в осуществлении карательных экспедиций в селах Ставрополя и Поволжья. Отряды конной стражи из горцев охраняли помещичьи усадьбы, помогали собирать налоги и подати в деревне, а при необходимости жестоко усмиряли бунтующих крестьян, подвергая их массовым поркам и избиениям². Осетины, ингуши, чеченцы, появившись на всероссийской арене, «оказались одними из самых надежных оплотов для существующего в государстве порядка. Все знают, какой ужас навели и наводят они на беззащитное крестьянское население... В качестве стражников ингуши и чеченцы сделали уже необходимым элементом общерусской жизни и еще не раз дадут нам себя почувствовать»³, — писал в столичном журнале известный социалист Пешехонов.

На взгляд консервативного публициста, монархиста и воинствующего националиста В.А. Авие, революционное движение горцев Терской области якобы выразилось в форме грабежей и разгромов; за исключением осетин, все остальные горцы, не примыкая к революции, воспользовались беспорядками и паникой. Большинство горцев открыто не восстали, так как, испытав в прежние времена последствия подавления бунтов, будто боялись расплаты. Авие объяснял факт неприсоединения других горцев к осетинам тем, что первые, считая себя правоверными мусульманами, презирали и ненавидели последних за измену религии предков в пользу христианства⁴. Следует при этом уточнить, что около половины осетин все же остались мусульманами, из которых скорее всего и набирались добровольцы в стражники, а осетины-христиане предпочли перейти на сторону революционеров. Что касается криминальности, то эти люди не считали себя преступниками. Дело в том, что за участие в грабежах и разбоях по шариату полагаются тяжкие наказания, но у горцев

¹ Когда в 1906 г. в Крыму на имение «Новый Свет», где находился знаменитый завод шампанских вин, принадлежавший князю Л.С. Голицыну, напал большой отряд восставших рабочих, 16 человек во главе с азербайджанцем по прозвищу Дали-Али (Храбрец Али) разгромили нападавших и спасли жизнь управляющему имением. Затем при поддержке последнего Дали-Али удалось выхлопотать у Николая II помилование для себя и своих людей (Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа... С. 84). Дали-Али (Али Магеррам оглы) — гачаг (беглец — так азербайджанцы называли людей, скрывавшихся от преследования властей), который имел большую популярность и поддержку среди крестьян с 80-х годов XIX в. Его отряд действовал в районе Елизаветополя, нападая на имения землевладельцев, отряды царских войск, полицию и др. (История Азербайджана с древнейших времен... С. 301). В годы первой русской революции он вышел из гачагского движения, перешел со своим отрядом на сторону правительства и стал служить в полиции (Гасанов И.М. Из истории крестьянского движения в Азербайджане в годы первой русской революции // Азербайджан в годы первой русской революции (Сборник статей). Баку, 1966. С. 177).

² Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 293.

³ Пешехонов А. Указ. соч. С. 108.

⁴ Авие В.А. Памятные дни // Исторический вестник. 1911. № 3. С. 976–977.

считалось, что они занимались «военной добычей» и были готовы вступить в «бой» при всяком случае. То есть, верно заключил Пешехонов, то, что было, с европейской точки зрения, вооруженным грабежом, по местным представлениям — это «богоугодное дело»¹. Надо понимать большое значение для горца адата — это «то же, что для культурного человека его убеждения», объяснял чеченец А. Шерипов², обычай чаще сильнее религии, уничтожить адат не удалось ни имаму Шамилю, ни «русскому штыку», ни «полицейскому кулаку». Адат — этот убеждения, совесть горца. Столкновение обычая с русским законом, по его мнению, и создавало самых «страшных абреков»³. Этого не понимали, как правило, те, кто боролся с ними по долгу службы.

«Революция 1905–1907 годов на Кавказе протекала не повсюду одинаково, — вспоминал один из них — Б.Н. Полозов⁴ о годах службы. — Здесь она имела иной характер, нежели в других частях империи... Чечня, Ингушетия, Кабарда, Дагестан и остальные мусульманские области оказались чужды политическим требованиям русских революционных партий. Они на деле доказали свою преданность Белому царю и верность России, охотно вступая в ряды формировавшейся тогда в центральных губерниях конной стражи из добровольцев. Правда, в Терской области... число абреков несколько увеличилось. Политика не политика, а отчего же не поразбойничать и не свести счеты с кровниками, благо полиция и войска заняты... В общем же на Северном Кавказе было сравнительно тихо...»⁵ — с чем были согласны и те, кто информировал монарха о ситуации в крае. В частности, в своем докладе царю о положении в Терской области в 1906 г. Колюбакин отмечал, что «мусульманский фанатизм» был одной из причин, сдерживающих размах народного движения в Чечне⁶. Такого же мнения придерживался Диманштейн, отмечая, что на Северном Кавказе сказывалось «сильное влияние религиозного фанатизма на значительную часть населения»⁷. Объясняя ситуацию в этом регионе, современный кавказовед Матвеев между тем пишет, что будто бы происходило ослабление религиозности мусульманского населения, которое совпало с «революционным брожением», поддерживавшимся противоправительственной агитацией на почве нерешенности социально-экономических проблем⁸. Напротив, высокий уровень конфессионально-

¹ Пешехонов А. Указ. соч. С. 131.

² Асланбек Шерипов (1897–1919) — после Октябрьской революции 1917 г. участник борьбы за установление советской власти на Северном Кавказе.

³ Каспий. 1917. 30 июля.

⁴ Полозов Борис Николаевич — ротмистр (1917 г.), участник гражданской войны, воевал против большевиков в рядах Добровольческой армии; эмигрант. В.О. Бобровников ошибочно считает его генералом, каковым он до 1917 г. не был.

⁵ Цит. по: Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа... С. 81.

⁶ Джанаев А.К. Указ. соч. С. 163.

⁷ Диманштейн С. Указ. соч. № 1. С. 70–71.

⁸ Матвеев В.А. Указ. соч. С. 41.

сти, но вовсе не фанатизм местных мусульман, как, впрочем, и большинства мусульман империи, не позволял им вести революционную борьбу против существовавшего строя как такового.

Джанаев, однако, не использовал другие важные положения из данного доклада Коллюбакина, которые характеризуют отношение горцев к революции. В частности, он писал, что чеченцы, несмотря на «недружелюбное» отношение к русской власти, на «стеснение» в землепользовании, не выказали явного сочувствия революционному движению. Генерал разумно предлагал: незамедлительно решить земельный вопрос, что, по его мнению, «благоотворно повлияет на настроение горцев и на отношение их к русской власти», «приступить к правильной постановке школ с ремесленными отделениями, введению дешевого мелкого кредита, улучшению путей сообщения... и другим мерам, могущим дать населению заработок, поднять его благосостояние и тем отвлечь от занятия грабежами и разбоями». Характеризуя отношение кабардинцев к революции, генерал писал, что они «представляли элемент, мало поддававшийся влиянию революционных агитаторов». Что касается ингушей, то их столкновения с казаками, дошедшие до перестрелок, были вызваны грабежами, но теперь, полагал генерал, «между соседями существуют лучшие мирные отношения». Он предлагал правительству в деле просвещения и культуры прийти на помощь ингушскому народу¹, но ничего существенного в этом контексте так и не было сделано. Итак, на Северном Кавказе среди мусульман, с одной стороны, имелось такое сильное недовольство произволом, беззаконием местных властей, что протест жителей часто переходил в вооруженную фазу мусульманского сопротивления (в форме абречества), с другой — было немало тех, кто на определенных условиях служил русской власти, участвуя в подавлении революционных выступлений немусульман.

У крымских татар наиболее характерной в 1906 г. была ситуация вокруг сформированного из их представителей воинского подразделения. В январе этого года группа помещиков Днепровского уезда Таврической губернии обратилась к военному министру А.Ф. Редигеру с ходатайством развернуть в полк размещавшийся в Симферополе Крымский дивизион. Эта мера, с одной стороны, даст власти, по их оценке, отличную кавалерийскую часть и, с другой стороны, удовлетворит давнишние устремления всего татарского населения Крыма. В данный же момент, настаивали помещики, необходимо было мобилизовать этот дивизион и направить из него в данный уезд три эскадрона к имевшейся там небольшой группе войск, ибо только в этом случае, полагали землевладельцы, можно было решиться не только восстановить разгромленные хозяйства, но даже спокойно жить в имениях². В этом характерном заявлении одних, кто в усло-

виях революции стал нуждаться в защите мусульман от погромов со стороны русских крестьян, отражалась логика других, кто подобным же образом инициировал набор горцев в качестве стражников, но в Крыму, в отличие от Северного Кавказа, в качестве подобных охранников предлагалось иметь специальное воинское подразделение, личный состав которого в основном состоял из крымских татар. Этот замысел был довольно быстро реализован властью. Уже 21 февраля последовало распоряжение царя о переформировании Крымского дивизиона в шестизэскадронный Крымский драгунский полк¹, четыре эскадрона которого размещались в Симферополе, один — в Бахчисарае, один — в Севастополе².

29 августа командующий войсками Одесского военного округа А.В. Казьбарс телеграфировал военному министру Редигеру, что в связи с тем, что в Мелитопольском уезде губернии вспыхнули «беспорядки», туда был направлен эскадрон крымских татар, который по просьбе губернатора временно останется в Мелитополе³. Заслуги крымскотатарского полка, получившего в декабре 1907 г. название Крымский конный полк, перед престолом оказались настолько значимыми, что после революции по указанию монарха в Симферополе была построена полковая мечеть. По сведениям очевидца, для этой цели были использованы средства, взятые с разрешения царя из вакуфного капитала. В честь императрицы Александры Федоровны мечеть была названа «Валиде»* («Мать народа»). Для украшения мечети царь подарил ковры⁴. 23 сентября 1907 г. он проявил еще один знак внимания к полку — повелел увеличить жалованье штатному мулле и муэдзину⁵. Поведение служивших в полку крымскотатарских мусульман, в отличие от горцев-стражников, не вызвало какого-либо недовольства со стороны других народов многонационального Крыма. «Верность татар Крыма и энергичная и самоотверженная служба всех чинов Крымского дивизиона не дали разгореться пожару и спасли богатый и красивый край от разорения. Призывы к бунту не нашли от-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. 1906. Т. 26. СПб., 1909. С. 162–163. Решение монарха, последовавшее 4 августа 1906 г., о формировании при Туркменском конно-иррегулярном дивизионе, в котором служили представители туркменской элиты, учебной команды для того, чтобы в ней проходили подготовку всадники, отобранные из этого подразделения (Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. 1906. Т. 26. СПб., 1909. С. 782), свидетельствует, что император был согласен с теми военными, кто в условиях революции укреплял еще одну мусульманскую воинскую часть, видя в ней надежную опору.

² Бако Г.А. Крымский конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк. Париж, 1934. С. 10.

³ Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Второй период революции. 1906–1907 годы. Ч. 2. Кн. 3. М., 1963. С. 290.

* От турецкого Valide (мать, родительница) — титул матери царствующего турецкого султана.

⁴ Бако Г.А. Указ. соч. С. 16.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. 1907. Т. 27. СПб., 1910. С. 574.

¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 926. Л. 1 об., 2, 2 об., 3.

² Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь–декабрь 1905 г. Ч. 3. Кн. 1. С. 688–689.

клика среди татар Крыма»¹ — так оценил роль здешних мусульман один из русских офицеров этой элитной мусульманской воинской части, несмотря на то, что и у крымских татар были определенные претензии к власти, в том числе в области образования.

В уставе Союза учителей татарских народных школ Крыма было сказано, что он преследует цель, во-первых, содействовать татарскому народному образованию посредством подъема народной школы, во-вторых, улучшить материальное и правовое положение народного учителя. В качестве средств достижения поставленных целей этот союз выбрал: 1) выпуск специального периодического издания на татарском языке; 2) издание книг на татарском языке, имеющих отношение к жизни мусульман и вообще к интересам учителя; 3) устройство различных просветительных учреждений и содействие самообразованию учителей; 4) устройство учительских съездов и курсов совместно с мектебскими учителями и вообще съездов по народному образованию; 5) «справочное бюро», как сказано в источнике, по вопросам татарской школы и жизни мусульман; 6) устройство местных групп союза. Этот устав вошел в приложения к материалам III съезда Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию, который состоялся 7–10 июня 1906 г. вблизи Выборга. В нем приняли участие представители и крымскотатарского союза учителей². Учителя-татары в Таврической губернии с помощью своего союза к осени 1907 г. провели несколько съездов³.

Наиболее важным доказательством развития революционного движения среди мусульманских крестьян и горожан в Туркестане в советской историографии считались массовые «разбойные» нападения, направленные почти исключительно против байско-феодальной верхушки и представителей царской администрации из среды местного коренного населения. К примеру, в Ферганской области в 1904 г. таких «разбойных» нападений было 74, в 1905 г. — 163, в 1906 г. — 125. На взгляд Пяковского, эти акции в своей значительной части вовсе не были простыми уголовными преступлениями, а представляли собой своеобразную форму классовой борьбы, причем некоторые из них носили ярко выраженную политическую окраску, являясь, в сущности, элементами настоящего партизанского движения узбекского крестьянства против своих угнетателей⁴. Данное объяснение — элементарная натяжка. Тот же автор в изданной почти одновременно в Москве монографии написал: «Конечно, не все “разбойничество” было особой, своеобразной формой крестьянского движения. Ясно, что в Туркестане, как и в других районах страны, орудовали и настоящие разбойники и грабители уголовного

типа»¹. Такой же интерпретации придерживается Каррер д'Анкокс, которая пишет, что начиная с 1906 г. разбой стал организованным: настоящие армии (?) разбойников заполонили Туркестан. Они нападали и грабили преимущественно русских поселенцев и местную администрацию. Это движение, которое русская власть считала «организованным разбоем», воспринималась мусульманским населением якобы как выражение их требований и способ защиты их интересов от русских. Этот разбой трансформировался в настоящее крестьянское движение и существовал независимо от реформаторских устремлений интеллигенции². Как и везде, встречались случаи обыкновенной уголовщины, бандитизма и т. п., но ясно, что это не было антиправительственным движением, хотя нападения на представителей русской власти имели, как и на Северном Кавказе и в Закавказье, не столько криминальный, сколько национально-политический характер, отражая недовольство людей не вообще властью, а произволом, беззаконием тех или иных местных управленцев и стражей порядка.

«Вообще я должен сказать, — с негодованием докладывал 15 сентября 1906 г. ташкентский полицмейстер, — что туземцы за последнее время стали вести себя перед администрацией не так почтительно, как было ранее, и среди них замечается распушенность». Немалую роль в этом, по его мнению, сыграла ташкентская газета «Тараккы»³. Местных чиновников возмущало то, что во время «беспорядков» мусульмане в отношении лиц, облеченных властью, стараются подчеркнуть свое равнодушие⁴. Публикации данной газеты, выступавшей за равноправие мусульман как граждан Российского государства, вызывали совсем не адекватную реакцию местных администраторов. Исполнявший обязанности туркестанского генерал-губернатора В.А. Мациевский даже обвинил газету в разжигании национальной и религиозной ненависти⁵. На самом же деле в августе газета специально известила, что «направляет свою борьбу против разжигания всяких межнациональных трений, раздувания чисто национальных признаков, когда указывают пальцем, что ты, мол, русский, ты — казах, ты — татарин, ты — сарт, ты — еврей»⁶. Иначе говоря, эта газета, выражавшая стремления туркестанских мусульман к тому, чтобы

¹ Пяковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. С. 295.

² Каррер д'Анкокс Э. Указ. соч. С. 126, 127.

³ Эта первая джадидская газета в Туркестане стала выходить с 14 июня 1906 г.; ее издателем и редактором являлся татарский эсер И. Габитов. В ноябре 1906 г. он был признан виновным в публикации критической статьи в отношении власти и был наказан крупным денежным штрафом (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 279. Л. 112 об.).

⁴ Революция 1905–1907 гг. в Узбекистане. Документы и материалы. Ташкент, 1984. С. 271.

⁵ Пяковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Узбекистане. С. 221.

⁶ Революция 1905–1907 гг. в Узбекистане. С. 284.

⁷ Турдыев Ш. Среднеазиатские татары: роль и значение в культурной и политической жизни Туркестана первой четверти XX в. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997. С. 173.

¹ Бако Г.А. Указ. соч. С. 8.

² Протоколы III делегатского съезда Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. [СПб.], 1906. С. 146, 147, 155–156.

³ Чехов Н. Указ. соч. С. 52.

⁴ Пяковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Узбекистане. С. 224–225.

выйти из униженного состояния задавленной самобытности, незамедлительно получила у местных чиновников совершенно искаженную характеристику. К такого сорта администраторам мусульмане, естественно, относились без уважения, что и вызывало по понятным причинам тягу чиновников перенести такое непочтительное отношение к ним на власть как таковую, к которой, напротив, местные мусульмане относились лояльно, как и их единоверцы в других частях империи.

Не только у воинствующих и ограниченных бюрократов эта ташкентская газета вызывала резкое недовольство. У части местных мусульманских «иерархов» сложилось схожее отношение, поскольку на ее страницах содержалась серьезная критика в их адрес, основанная на том, что они исказили шариат, что Коран на деле не отрицает науку, а поощряет светские знания, что знание обязательно как для мужчин, так и для женщин, и т. д. В итоге мулльские представители, не раз ставившие вопрос перед властями о закрытии этой газеты, в конце концов этого добились¹.

Джадиды между тем твердо и последовательно выступали против участия туркестанских мусульман в революционном движении. Вот, например, как 9 октября 1906 г. описывала другая ташкентская газета, «Хуршид»* («Солнце»), положение Российского государства: «Расстройство государственного порядка дошло до такой степени, что в России в настоящее время, начиная от министра и кончая носильщиком, никто не гарантирован от бедствий завтрашнего дня, и каждый ежеминутно опасается за свою жизнь и имущество. Это — поистине анархия... Состояние анархии в России дошло до такой степени, что выше этой себе и представить невозможно... В настоящее время Россия дошла до такого состояния, что нет в ней в должной мере ни торговли, ни земледелия и ни ремесла»². Идеи социал-демократической партии «являются иллюзиями, и примыкать к этой партии для наших мусульман весьма вредно», — писал Бехбуди в этой же газете в октябре 1906 г., поскольку раздел социал-демократической программы по финансовым, семейным и другим вопросам «совершенно неприемлемы как с точки зрения шариата, так и в других отношениях». Другие, социалистические, революционные партии «ежечасно» способствовали народным волнениям, неповиновению, смуте и т. д. Вместе с тем Бехбуди критиковал и монархистов, называя их «бюрократической партией», которая «в сущности отстаивает старый правительственный режим». Зато самым благоприятным образом отзы-

вался о кадетях: «Сейчас в России очень много последователей кадетской партии из каждой нации и вероисповедания». Данная партия, по его словам, способствовала внедрению порядка и спокойствия в народе. Он призывал всех туркестанских мусульман присоединиться к кадетской партии³. Бехбуди, таким образом, проводил курс СРМ в отношении данной партии.

12 сентября на заседании Совета министров под председательством П.А. Столыпина на основании полученных от местных руководителей сведений о «непрерывных разбоях, убийствах и преступных посягательствах на должностных лиц» было решено объявить в Ферганской области чрезвычайное положение, 17 сентября царем был подписан соответствующий указ⁴. Вскоре в Туркестан отправился генерал-адъютант К.К. Максимович, специально посланный царем для расследования революционных событий в этой горячей точке. Проанализировав беспристрастно ситуацию, он сообщил в Петербург 10 декабря 1906 г., что революционное движение в крае охватило исключительно часть русского населения, в то же время коренное население сохраняло полное спокойствие⁵. Что характерно, 11 декабря Мациевский, докладывая в Петербург, вынужденно после расследования Максимовича признал, что «туземное» население «остается пока верным государю»⁶. Местные администраторы постоянно запугивали Петербург призраком восстания местных мусульман как против центральной власти, так и против русского населения. Однако в столице, как показал вояж Максимовича, особенно не доверяли таким докладам, на которые постоянно ссылаются многие историки и востоковеды, при этом избегающие оценок, сделанных другими очевидцами, такими как Максимович. Обычные современники также свидетельствовали, что в Средней Азии мусульмане в целом были спокойны и были, как, например, вспоминал кадет Байков, настроены вполне лояльно⁷. Таким образом, никаких массовых антиправительственных выступлений со стороны туркестанских мусульман не наблюдалось и в 1906 г., их протест был направлен против отдельных русских чиновников, упорно не желавших считаться с какими бы то ни было элементарными запросами мусульманского населения.

Для казахского населения степных областей главной проблемой продолжали оставаться напряженные отношения с переселенческим населением. Сущность конфликтной ситуации описана в обращении уполномоченных от казахов, опубликованном 4 февраля 1907 г. в газете

¹ Подробнее см.: Пясковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. С. 557.

* Эту джадидскую газету, имевшую подзаголовок: «Орган мусульманства, выходящий 2–3 раза в неделю на тюркском языке. Научно-литературная и политически-бытовая газета», издавал и редактировал М.К. Абдурашидов, лидер ташкентских джадидов, известный узбекский политик. В передовице первого номера указывалось, что идейное направление газеты определялось активной деятельностью в области дальнейшего укрепления и развития ислама (Пясковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. С. 560).

² Цит. по: Пясковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. С. 554.

³ Пясковский А.В. Революция 1905–1907 гг. в Туркестане. С. 608; Он же. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. С. 559; Раджабов З. Указ. соч. С. 86.

⁴ Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. II. С. 350; Пясковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. С. 578.

⁵ Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Второй период революции. 1906–1907 годы. Ч. 2. Кн. 3. С. 403.

⁶ Революция 1905–1907 гг. в Узбекистане. С. 284.

⁷ Байков Б. Указ. соч. С. 94.

«Оренбургский край»). В нем указывалось, что, стремясь спасти помещичьи земли, власть хотела земельный голод русских крестьян утолить переселением в эти области и потому отобрала все лучшие земли под переселенческие участки, а казахам было велено убираться на другие места. Поэтому между переселенцами и казахами велась «страшная упорная война», сопровождавшаяся не только угоном скота, потравой посева, но убийствами и поджогами. Обосновывая свои требования, казахи ссылались на авторитет Корана. «Признавая, что сказано в Коране, что земля — ничья*, и что право пользования ею принадлежит лишь тому, кто обрабатывает ее своим трудом, мы, киргизы (казахи. — С.И.), присоединяем свой голос к великому голосу всех трудящихся масс России, чтобы все земли были изъяты из обладания отдельных лиц или групп во всей России и были бы обращены в общенародное достояние на общинных уравнилельно-трудовых началах», — указывалось в этом обращении**. Это радикальное, в духе эсеровской аграрной программы, требование было на самом деле результатом того, что и в 1906 г. Петербург никак не реагировал на недовольство казахами проводимой им переселенческой политикой, а попытка передела собственности и ресурсов приводила к противостоянию интересов местных этнических элит уже с имперским центром. Конфликт, таким образом, не имел никакого отношения к революционным выступлениям против существовавшей власти как таковой,

* В классическом исламоведении считалось, что мусульманские законоведы признают на основании Корана («Земля во власти Бога; Он отдает ее в наследие тем из рабов своих, которым хочет» (Коран. Пер. с араб. Г.С.Саблукова. 7:125); или «Земля принадлежит Аллаху, Он дарует ее в наследие тому из Своих рабов, кому пожелает» (Коран. Пер. с араб. М.-Н.О. Османова. М., 1995. 7:128), что все земли во всем мире принадлежат Аллаху, что верховное обладание над землями передано богом тени его на земле: пророку Мухаммеду, а от него оно перешло к наместникам его: имамам, халифам и прочим светским властителям. Поэтому верховное обладание землей отнюдь не исключало, а наоборот, предполагало возможность существования частной земельной собственности. Лица, обладавшие ею, по своему усмотрению могли ее отчуждать, дарить, закладывать, завещать. С точки зрения шариата, покупка земли считалась делом полезным. Земельное право в мусульманской юриспруденции, как позднее стало выясняться, всегда имело, однако, двойственный характер. Законы шариата, с одной стороны, закрепляют частную собственность на землю, а с другой — фиксируют незаконченность процесса установления частной собственности и сохранения верховной собственности государства на землю. Все это позволяло говорить, ссылаясь на ислам, о правомерности национализации земли, с одной стороны, и о сохранении частной собственности на землю — с другой. Те, которые утверждали, что земля принадлежит всем мусульманам, опирались на известный хадис о том, что «земля и небо принадлежат Богу», а их противники ссылаются на законы шариата о неприкосновенности и священности частной собственности (Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция... С. 252).

** Как известно, идеи насчет «божьей», «ничьей» земли были основными составляющими менталитета русского крестьянства, его моральным постулатом, программной установкой, духовным и исходным стимулом общественной активности. Лозунги социального равенства и справедливости, присущие всем крестьянским антифеодальным войнам, как в России, так и в других странах, получили ярчайшее выражение в аграрном движении 1905–1907 гг. и его «теоретическом обосновании» — крестьянских наказах (См., напр.: Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. ... С. 15).

а сводился к борьбе казахов за землю, стремившихся обосновать свое право на использование необходимых для существования земли и других природных ресурсов, зависимость от которых порой чрезвычайно остро чувствовали на себе мусульмане в разных частях империи.

Летом 1906 г. Казанскую губернию, как и целый ряд других местностей страны, постиг голод, от которого здесь особенно пострадали татарские крестьяне. Так, в трех аулах размер бедствия был таков, что там началась паника, и их жители решительно потребовали у властей хлеба. Лишь после того как местный купец-татарин дал голодным людям немного хлеба, они на время успокоились. Но это, разумеется, не решало проблемы, ситуация с продовольствием оставалась тяжелой, в результате возросла смертность татарских детей, стали продаваться мусульманки, что делалось под видом фиктивных браков, количество которых в это время стало большим¹. Крестьяне же татарского аула Байряки (с 3 тыс. жителей и несколькими мечетями) Бугульминского уезда Самарской губернии, нуждаясь в хлебе и топливе, решили рубить лес русского помещика и разгромить его хлебные амбары. 14 июля группа крестьян отправилась в лес, где приступила к порубке, которая продолжалась и на другой день. 17 июля прибывший отряд полиции открыл огонь по крестьянам (убито и ранено 12 человек), затем еще две сотни солдат были направлены в селение, чтобы окончательно подавить восстание, после чего здесь длительное время находился крупный воинский контингент². Вопрос о том, что население Казанской губернии постиг, как сказано в документе, «недород хлебов», пришлось специально обсуждать на заседании Совета министров 1 августа 1906 г.³ Вскоре последовало и решение этой острой социальной проблемы. В сентябре 1906 г. был заключен контракт между возглавившим руководство продовольственной помощью правительства голодающему населению В.И. Гурко, товарищем министра МВД, и малоизвестным торговым домом петербургского купца, шведского подданного Э.Л. Лидваля, который, получив от этого ведомства 1,5 млн руб., обязался в течение октября–декабря поставить 10 млн пудов ржи для местностей, пострадавших от неурожая, прежде всего для Поволжья. Но всего было поставлено лишь 1,2 млн пудов. Скандал получил широкую огласку в прессе, вызвав у голодных мусульман Поволжья резкое недовольство действиями властей.

Голод, затронувший и Уфимскую губернию*, особенно сильно поразили здесь башкирское население, которому приходилось питаться мякиной, желудями и т. п.⁴ В волостях, где он был особенно сильным, населе-

¹ Каспий. 1906. 8 декабря; Речь. 1906. 14 декабря.

² Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. С. 246–249.

³ Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. I. С. 137.

* Уфимская губерния оказалась наиболее пострадавшей от неурожая 1906 г.: здесь было собрано 44% среднегодовой нормы (Особые журналы Совета министров царской России. 1907 год. IV. Часть вторая. М., 1985. С. 593).

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. С. 351.

ние начало разбирать хлеб из хлебозапасных магазинов¹. Пресса отмечала, что страшные сцены происходили не только в глубинах Европейской России, но и в Закавказье, а именно в Елизаветпольской губернии, где доходило до того, что голодные мусульмане также продавали своих детей, чтобы спасти их от гибели². Люди, поставленные на грань выживания, не могли долго оставаться вне политики, вне влияния тех, кто помогал им переносить выпавшие тяготы.

Одним из них являлся 28-летний Г. Ваисов³, вернувшийся по амнистии в августе 1906 г. в Казань. Здесь он возобновил деятельность по распространению своего учения. Прежде всего он восстановил молитвенный дом, автономное (в смысле, независимое от ОМДС) духовное управление — Канцелярию духовного отца (сардара**) ваисовского божьего полка староверческого общества мусульман и основал Мусульманскую академию. В 1907 г. Ваисов издал в Казани брошюру «Джавогири хикмети дервишон» («Драгоценнейшие из мудрых изречений дервишей»)***. Последователей ваисовцев, по данным властей, насчитывалось до 5000 человек в Казанской, Оренбургской и других приволжских губерниях и главным образом в некоторых областях Средней Азии, откуда и стало распространяться накшбандийское братство. Главной задачей ваисовцев являлось создание условий мусульманам для обеспечения возможности жизни по Корану и шариату. По мнению ваисовцев, большинство мечетских мусульман не вполне соблюдали заветы Корана. На этой почве происходили религиозные споры, которые вели к раздорам среди верующих, озлоблению со стороны мулл, которым сильно было не по душе нарастание популярности в народе ваисовцев³. Финансирование ваисовского движения, в частности издание различных воззваний и брошюр, как отмечает Хабут-

динов, осуществлял богатый казанский купец А. Сайдашев¹. Среди литературы по суфизму, издававшейся у татар, определенное место занимают сочинения, в которых излагается история и сущность учения накшбандийского братства². Интерес к данному движению со стороны местных татар имелся. Влияние суфийских шейхов, судя по исторической литературе, было особенно сильным и в Челябинском уезде Оренбургской губернии, где большое влияние на местных башкир и татар оказывал другой накшбандийский представитель — ишан Г. Курбаналиев из башкирского аула Медиака.

Пытаясь парализовать или по крайней мере нейтрализовать действия самостоятельных мусульманских лидеров, в особенности накшбандийских шейхов, правительство демонстрировало совсем иной уровень отношений к ряду мечетских «иерархов», всячески укрепляя их позиции. Так, в Твери, где проживало всего 250 мусульман, 27 октября 1906 г. состоялось торжественное открытие мечети, на которое прибыли: губернатор Н.Г. Бюнтинг, петербургский ахун Баязитов, московский ахун Агеев, отставной генерал от кавалерии Чингисхан, офицеры, командиры расквартированных в городе 8-го Гренадерского и 1-го Драгунского полков (в которых служило около ста мусульман) во главе с начальником Тверского гарнизона генералом Е.П. Голубковым, представители города во главе с городским головой С.С. Немовым. После окончания намаза Голубков зачитал срочную телеграмму от Николая II, в которой было сказано, что в связи с официальным открытием мечети он лично поздравил всех присутствовавших при этом и для окончательного завершения строительства пожертвовал 2 тыс. рублей. Бюнтинг сказал в своей речи, что невозможно вмиг исправить положение народа, который был оставлен без внимания, улучшение не происходит сразу, постепенно исчезнет взаимная неприязнь. Затем состоялся роскошный обед, который дал петербургский купец Ф. Алышев, который в память своего отца, жившего в Твери, решил выстроить здесь эту мечеть. На обеде выступил, в частности, Немов, который выразил надежду, что с открытием мечети дружба между мусульманами города и русским населением укрепитя. Один из представителей тверских татар ответил, что несколько лет назад они не могли представить, что в Твери появится мусульманская община, изумлены тем, что в мечети присутствовал городской голова, который дал разрешение на ее постройку³.

В Петербурге готовились между тем важные реформы в связи с настоятельными требованиями мусульманского населения. 23 августа 1906 г.

¹ История Башкортостана с древнейших времен... Т. 2. С. 61.

² Речь. 1906. 5, 6 декабря; Каспий. 1906. 14 декабря.

³ С 1862 г. его отец Б. Ваисов, житель д. Молвино Свияжского уезда Казанской губернии, поселившись в Казани, начал пропаганду взглядов как дервиш накшбандийского братства. В 1884 г. он был арестован и привлечен к уголовной ответственности, в 1885 г. судом был признан психически ненормальным и был заключен в Казанскую окружную лечебницу, где скончался в 1893 г. Его сын в 1894 г. был сослан за распространение этого учения сначала в Сибирь, а в 1895 г. — на о. Сахалин. По словам Ланды, Б. Ваисов являл собой якобы воинствующего фундаменталиста, мечтавшего о том, чтобы опять наступил «золотой век» ислама, когда умма руководствовалась исключительно Кораном и сунной, и потому он требовал полного отказа от сношений с государственными властями (Ланда Р.Г. Ислам в истории России. С. 147).

** Полководец.

*** По сведениям М. Кемпера, это была поэма Б. Ваисова, написанная на татарском языке и имеющая несколько иную транскрипцию названия — «Джавахир-и хикмати-и дарвишан». В ней автор представал предвестником Судного дня для тех мусульман, которые уклонились от истинного пути (Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 3. М., 2001. С. 29). Судя по названию брошюры, это был сборник, составителем которого являлся Ваисов.

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 47. Д. 952. Л. 1–1 об., 4–5 об., 23 об., 27 об., 28; Оп. 48. Д. 650. Л. 2, 9.

¹ Хабутдинов А. Миллет Оренбургского духовного собрания в конце XVIII–XIX веках. Казань, 2000. С. 82. Позже Хабутдинов заявил, что ваисовское движение было отвергнуто абсолютным большинством татарского общества (Ислам на европейском Востоке. С. 47). На каком основании сделан такой вывод, при этом не сообщается.

² Сафиуллина Р. Арабская книга в духовной культуре татарского народа. Казань, 2003. С. 136.

³ Батыргарей Ф. Татары в Тверском крае. Тверь, 2004. С. 12, 15, 39, 40, 43, 44.

Николай II одобрил предложение военного министра Редигера об учреждении штатного мусульманского духовенства в войсках. Подготовленный проект затем был направлен на согласование в другие ведомства, но процедура затянулась прежде всего из-за министра финансов В.Н. Коковцева, который предлагал урезать на одну треть планируемую смету. После нескольких месяцев споров 19 февраля 1908 г. проект без каких-либо принципиальных изменений был одобрен Советом министров, 19 июня 1908 г. утвержден царем и в 1912 г. включен в Свод законов Российской империи¹.

Одним из важных шагов в сторону нормализации отношений власти с мусульманским населением стал также закон об отдыхе служащих в торговых заведениях, складах и конторах. Рассматривая 3 ноября 1906 г. законопроект, в котором было сказано, что «торговля совершенно воспрещается по воскресеньям, в первый день Рождества Христова и в другие дни, определенные обязательными постановлениями, но правило это не распространяется на местности с резко преобладающим нехристианским населением...», Совет министров после обсуждения предложил: «...торговля в поселениях с резко преобладающим инославным и иноверным населением, вместо прекращения в указанные дни, может быть ограничиваема или прекращаема по иным дням, соответственно местным вероисповедным условиям, если воскресные дни... не чествуются религией преобладающего местного населения». В конечном итоге было постановлено: «В поселениях с резко преобладающим инославным или иноверным населением торговля, а также занятия служащих, связанные с торгово-промышленной деятельностью, вместо прекращения по воскресным дням... могут быть ограничиваемы или прекращаемы по иным дням, соответственно местным вероисповедным условиям, если воскресные дни... не чествуются религией преобладающего местного населения»². Соответствующий закон, изданный 15 ноября 1906 г., по мнению Усмановой, допускал в местностях с преобладающим нерусским населением производство торговли в дни православных праздников и разрешал устанавливать обязательное прекращение торговли в иные дни, соответственно местным вероисповедным условиям. Закон закреплял ту практику, которую фактически осуществляли местные власти, желая сохранить социальное и национальное равновесие в крае, в частности в Бакинской, Казанской и Уфимской губерниях, где были приняты постановления о разрешении мусульманам торговцам вести ограниченную торговлю в воскресные дни и закрывать свои предприятия по пятницам. Правительство, однако, не могло пойти на то, чтобы установить иные праздники, кроме христианских, не разрешая иноверцам торговать в хри-

стианские праздники, создавая им преимущества в конкуренции с русским населением³. Запрещение воскресной торговли явным образом создавало негативное впечатление о том, что правительство дискриминировало интересы мусульман, что, естественно, вызывало протест в их среде. Так, 15 декабря 1906 г. в Уфе в помещении городской управы состоялся съезд мусульман (до 500 участников) этого города, которые, в частности, выступили за то, чтобы установить для служащих-мусульман свободное празднование их праздников и разрешить мусульманам торговлю в христианские праздники⁴. Участники этого собрания направили премьер-министру обращение, опубликованное в уфимской газете «Галями аль-Ислами» («Мусульманский мир»). Они ходатайствовали о приостановлении действия закона от 15 ноября в части, касающейся обязательного установления отдыха в воскресные дни и в христианские праздники. «Применение закона в смысле единообразного установления праздничного отдыха, нарушая интересы мусульман — представителей торговли и промышленности, в то же время является крайне несправедливым, в смысле посягательства на религиозные и семейно-нравственные особенности мусульман»⁵. Но получить еще какие-либо уступки со стороны правительства в этом направлении им не удалось.

Другим важным вопросом, волновавшим их, были правила о мусульманских школах, изданные 31 марта 1906 г. Министерством народного просвещения. В документе требовалось, чтобы в книгах, допускаемых в мусульманских школах, татарские и арабские тексты печатались русскими буквами. Постановление это вызвало, с одной стороны, резкий протест со стороны мулльских кругов, с другой стороны — пассивное сопротивление населения, переставшего посылать своих детей в школы. Среди мусульманского населения поднялся ропот против этих правил; мусульмане указали, что они не соответствуют тем автономным началам, которые были дарованы манифестом 17 октября. 15–18 августа 1906 г. в Баку состоялся 1-й съезд учителей-мусульман Кавказа, на который приехало более 60 делегатов. В резолюции съезда отмечалась, в частности, необходимость сделать не только обязательными изучение в семинариях родного языка и мусульманского вероучения, но и увеличить число их уроков; решено было создать в каждой губернии Каказского региона профессиональный союз из местных педагогов-мусульман, а нужды этих союзов обсуждать на ежегодном общекавказском мусульманском учительском съезде. Съезд мусульман Уфы, состоявшийся 15 декабря 1906 г., рассмотрев эти правила, отметил, что применение их «неизбежно вызовет неудовольствие, возбуждение умов на национально-религиозной почве...», поскольку правила явно направлены «к искоренению нашего

¹ Арапов Д.Ю. Императорская Россия... С. 273, 274, 279.

² Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. III. М., 1982. С. 605, 611, 617.

³ Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 356, 364.

⁴ Национальные движения... С. 231–232.

⁵ Галями аль-Ислами. 1906. 23 декабря.

родного языка и письменности», что «встретит упорное активное сопротивление со стороны враждебно-настроенного населения, несмотря на все... репрессии...». 11 января 1907 г. на страницах этой газеты был опубликован ответ министра народного просвещения П.М. Кауфмана, в котором он заверял, что данные правила являются только рекомендательными, а не обязательными к исполнению¹. В этой ситуации протест мусульман оказался настолько сильным, что правительство пошло на уступку.

«С прошлого года, — писал «Терджиман» в конце июня 1906 г., — русские мусульмане сделали громадный шаг вперед, такой шаг, который никто предвидеть не мог. Никто не мог думать, что под давлением и завесой прежнего режима накалялась и развивалась исторически известная энергия тюркского племени... Ныне, слава Богу, жизнь дала ей свободный выход и энергия эта вливается в мирные культурные формы... Многие... явления нашей жизни говорят, что народная энергия выражается правильно и целесообразно. Печальные эксцессы, бывшие в восточной половине Закавказья, имеют исключительный характер и возникли на особой почве. Они показали, между прочим, что энергии в народе довольно и что она может проявляться различно»². Ситуация в Азербайджане, о чем осторожно упомянул «Терджиман», по-прежнему оставалась чрезвычайной из-за армяно-азербайджанского противостояния.

В советской историографии считалось, что самостоятельные азербайджанские партии появились уже в 1905 г. Такого же мнения придерживается Баберовски, ссылаясь на сведения Департамента полиции³. М.А. Исмаилов пишет, что партия «Гейрат», возникшая в 1905 г., несмотря на отсутствие сформированной программы, слабую организованность, явилась, по существу, первой партией, которая выдвинула национальные требования⁴. По мнению же Багировой, первая политическая партия азербайджанцев — партия «Дифаи» («Оборона») была основана в начале августа 1906 г., когда в Шушу приехал Агаев, организовавший здесь собрание, на котором по его инициативе было принято решение о ее создании⁵. Главная цель этой либерально-демократической партии мусульманской интеллигенции состояла в организации людей для защиты их от действий дашнаков, которые, как отмечалось в ее прокламации, поставили себе главной задачей изгнание мусульман из пределов Кавказского края и захвата их территории, а по достижении этого — построение армянского государства. «...Никогда не допустим, чтобы армяне на развалинах и пепелищах нашей нации устроили собственное благосостояние...» указывалось далее в этом документе «Дифаи». Эта партия, по оценке елизаветпольского губернатора, имела необыкновенный успех

у мусульман. В партию, частности, входили члены Мусульманского благотворительного общества, находившегося в Баку, где также размещался ЦК «Дифаи»¹. «Дифаи» действовала под прикрытием легальных общественных организаций. Это были в основном просветительные общества и благотворительные организации. С их помощью дифаисты печатали прокламации, осуществляли сбор денежных средств и пр.

В ЦК партии входили А. Агаев, И. Ашурбеков, Н. б. Бебутов, М.Г. Гаджинский, Б. Джеванширский и К. Карабеков. Некоторые из них являлись бывшими гумметистами. Первые воззвания на русском и азербайджанском языках извещали об организации «Кавказского всемусульманского комитета обороны — Дифаи». Несмотря на то, что «Дифаи» создавалась как боевая организация, в противовес хорошо организованной и вооруженной «Дашнакцутюн», партия провозгласила в качестве основных целей — достижение «благоденствия» народов Кавказа и установление взаимопонимания между ними, избавление своего народа от отсталости путем, с одной стороны, содействия его образованию и просвещению, с другой — организации отпора враждебным силам, мешающим его процветанию. Здесь имелись в виду те проармянские представители местной администрации, которые, как отмечалось в программе, сделали орудием в руках дашнаков, поставивших себе целью вытеснить мусульман из Кавказского края, овладев их землями. Программа не ставила таких задач, как переустройство или свержение существующего строя, участие в выборах в представительские органы власти и т. п. Комитеты партии были созданы почти во всех городах и уездах Азербайджана и Закавказья и даже во Владикавказе. Общее количество активистов партии составляло, по подсчетам Багировой, 160 человек, а численность всех членов партии составляла более 1000 человек, т. е. «Дифаи» была самой крупной азербайджанской партией того времени как по численности, так и по влиянию среди азербайджанского населения².

Одновременно с появлением «Дифаи» в Тифлисе возникла другая азербайджанская партия — «Мудифе» («Оборона») во главе с отставным подполковником И. Векиловым. Партия была образована главным образом представителями бекского сословия Тифлиса, Борчалинского и Казахского уездов, где имелось компактное азербайджанское население, и сразу заявила о своей солидарности с основными задачами партии «Дифаи»³. По мнению Исмаилова и Багировой, эта партия была образована только в мае 1907 г. в Тифлисе. Помимо Тифлиса, ее деятельность распространялась на западную часть Елизаветпольской губернии, в основном на Казахский уезд и часть уездов Тифлиской губернии, т. е. в те местности, куда не добрались дифаистские пропагандисты. В создании

¹ Каспий. 1906. 7 сентября; Галями аль-Ислами. 1906. 23 декабря; 1907. 11 января.

² Терджиман. 1906. 27 июля.

³ Баберовски Й. Указ. соч. С. 352.

⁴ История Азербайджана с древнейших времен... С. 330.

⁵ Багирова И.С. Указ. соч. С. 168.

¹ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 5419. Л. 7 об.—9.

² История Азербайджана с древнейших времен... С. 331—332; Багирова И.С. Указ. соч. С. 171—172, 175, 176, 179.

³ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 5419. Л. 9 об.

партии активное участие принимали жители Казахстана А. Кыясбеков (из разорившихся беков), Г.К. Саньев (учитель), А. Халилбеков (нотариус) и И. Векилов (военный топограф). Партия состояла в основном из представителей сельской интеллигенции и следовала программе «Дифаи», подчеркнув, что основным направлением ее деятельности является создание общественных объединений среди мусульман и забота об их просвещении и культуре. Подводя итоги, Багирова пишет, что «Дифаи» и «Мудифе» были созданы в основном с целью противодействия дашнакским вооруженным формированиям¹. Таким образом, продолжающийся армяно-азербайджанский конфликт становился реальным феноменом политического процесса с августа 1906 г., когда организационно оформились и приобрели большое влияние «Дифаи» и «Мудифе». Эти азербайджанские партии ставили целью обеспечение жизненных интересов своего народа, не надеясь при этом на власть, которая, с их точки зрения, пассивно вела себя даже тогда, когда прекрасно была осведомлена, кто развязал массовый террор против местных мусульман.

У мусульман всей страны имелись разного рода претензии к власти, но свои протестные действия они, как правило, обосновывали особым образом: не как ответ на социальные тяготы, а как форму защиты своей веры, своего языка и своих обычаев. Самые тяжелейшие условия бытия, даже голод, наблюдавшийся в ряде мусульманских регионов (в Бакинской, Казанской, Оренбургской и Уфимской губерниях), не привели к массовым антисоциальным, антиправительственным волнениям. Усиление напряженности между мусульманским населением и администрацией, несмотря на некоторую специфику тех или иных регионов, происходило главным образом из-за грубого, но, в сущности, бесполезного вторжения чиновников в сакральную сферу, что незамедлительно вызывало эксцессы, но мусульмане в целом продолжали проявлять неприятие революционного насилия, нацеленного на свержение власти, а их лидеры готовились к очередному общеимперскому съезду.

¹ Багирова И.С. Указ. соч. С. 188–191, 325.

ГЛАВА 10

III ВСЕОБЩИЙ (ВСЕРОССИЙСКИЙ) МУСУЛЬМАНСКИЙ СЪЕЗД

III Всеобщий мусульманский съезд состоялся 16–21 августа 1906 г. — вновь в Нижнем Новгороде. На него прибыло около 800 делегатов*, поскольку на этот раз организаторы смогли получить от властей разрешение на проведение съезда** с условием не рассматривать политические вопросы. На обсуждение съезда были вынесены как раз те проблемы, которые, по мнению мусульманской общечины, должны были способствовать сплочению всех мусульман империи. Главнейшими были определены следующие вопросы: «1. О необходимости борьбы с учениями, не отвечающими истинному учению нашего пророка Магомета путем проповеди и печати, единственно для нас доступным... 2. О необходимости полного преобразования начальных мусульманских школ, мектебов и медресе и передачи заведывания таковыми из рук мусульманского духовенства в руки общества. 3. Ввиду печального положения как низшего, так и высшего мусульманского духовенства, ныне же выработать программу реорганизации этого духовенства и способов его образования на свойственных исламу основах культуры, прогресса и терпимости»¹. По свидетельству одного из многочисленных корреспондентов, освещавших работу съезда, при открытии съезда вездесущий и неутомимый А. Ибрагимов заявил, что мотивами прошения, направленного им вместе с петербургским купцом Максutowым и петербургским муллой Л. Исхаковым министру внутренних дел Столыпину, послужили, как сказано в сообщении, «их личные мнения». Журналист «Каспия» подчеркивал в этой связи, что появившиеся в столичных газетах слухи о предстоявшем съезде противоречили действительности². По данным Усановой, прошение о проведении съезда было подписано А. Ибраги-

* В работе съезда, как сообщал позже в Петербург прокурор Саратовской судебной палаты, всего участвовало 1500 мусульман (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 52. Д. 317. Л. 3 об.), в число которых входили и недеlegates. В резолюции съезда подчеркивалось, что в нем участвовали представители 25-миллионного мусульманского населения Российской империи (Каспий. 1906. 3 сентября). Количество делегатов определялось на национально-пропорциональной основе: один делегат, таким образом, представлял примерно 30 тыс. человек.

** Нижегородская газета поэтому писала, что официально это — I Всероссийский мусульманский съезд (Волгарь. 1906. 17 августа).

¹ Национальные движения... С. 228–229; Общественно-политические процессы, партии и движения в Нижегородской губернии в конце XIX — начале XX вв. Т. 1. С. 81; Т. 2. Нижний Новгород, 2001. С. 315–316; Усанова Д.М. Мусульманские представители... С. 139.

² Каспий. 1906. 18 августа.

мовым, Х. Максуди и Г. Исхаки и поступило 3 августа, а уже 5 августа получило официальное разрешение в Петербурге, откуда было послано соответствующее указание нижегородскому губернатору. В прошении подчеркивалась необходимость борьбы с «утопическими идеями панисламизма» и разрушительными идеями социализма и анархизма, противоречащими духу ислама и разлагающе действующими на мусульманские массы¹. Это прошение, осуждающе пишет Сенюткина, представляло собой «лицемерную “челобитную”», поскольку ее авторы вовсе не собирались делать того, в чем уверяли правительственные органы². Понятно, что объяснить, откуда такое глубокое знание мотивов трех активистов, Сенюткина не может, предпочитая, как часто бывает в историографии, выступать в роли обвинителя, а не исследователя.

Вскоре после съезда «Терджиман» сообщил, что Столыпин дал согласие, которое было получено за два дня до начала съезда, чего мусульмане никак не ожидали. Дело в том, что инициативная тройка обратилась к князю Т.* с просьбой выхлопотать такое разрешение. Князь написал прошение, которое подписали члены петербургского трио и затем вручили его Столыпину. Хотя они никем не были уполномочены, при этом они заявили министру, что среди мусульман страны якобы распространились опасные учения — панисламизм и социализм³, а потому мусульмане просят позволить им устроить съезд для обсуждения мер борьбы с этими учениями, а также заняться духовными и образовательными вопросами. В результате съезд был быстро разрешен. Но на съезде, подчеркивал «Терджиман», «не было речи о сепаратизме, коммунизме, социализме,

¹ Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 138. Конечно, ни Х. Максуди, которого Усманова спутала с Максудовым, ни тем более эсер Г. Исхаков, который был ею перепутан с Л. Исхаковым, не могли подписать данного прошения. Усманова в очередной раз продемонстрировала, какой получается серьезный промах, когда плохо изучены источники и биографии ряда известных исторических деятелей татарского происхождения.

² Сенюткина О.Н. Третий съезд мусульман России (к 100-летию проведения). Нижний Новгород, 2006. С. 7.

³ По мнению Усмановой, автором прошения являлся инспектор Петербургского университета по студенческим делам князь Борис Александрович Тенишев (1860–?), представитель древнего татарского рода. Осенью 1906 г. он вышел в отставку (Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 139). Автором прошения мог быть другой представитель этого рода — князь Вячеслав Вячеславович Тенишев (1878–1959) — выпускник юридического факультета Петербургского университета, после которого учился в Берлинском и Гейдельбергском университетах; помощник присяжного поверенного, депутат III Государственной думы, член «Союза 17 октября».

⁴ В опубликованном тексте этого прошения сказано: «Мы, мусульмане, верноподданные Российской державы, обеспокоенные за последние годы попытками проповеди среди нас утопического учения панисламизма и разрушительных идей социализма и анархизма, совершенно противных духу ислама, разлагающе действующих на темные массы народа и подрывающих его религиозность, решили всеми доступными нам законными способами бороться против этого зла» (Национальные движения... С. 227). Насчет того, что подобные идеи разлагали народ и подрывали его религиозность, автор текста намеренно сгустил краски. Очевидно также, что как мулла Л. Исхаков, так и А. Ибрагимов прекрасно знали, что этот диагноз никак не соответствовал самочувствию масс.

панисламизме, интернационализме или другом “изме”. Мусульмане по-сильно обсуждали свои духовные, школьные нужды и необходимость образования самостоятельной политической партии, что и было решено¹. Причины отсталости мусульман в России рассматривались в контексте с общим состоянием государства и в связи с ограничениями их прав в сфере религии и просвещения. В принятой резолюции требовались: скорейший созыв Думы, фактическое осуществление провозглашенных манифестом 17 октября свобод, прекращение миссионерской пропаганды среди мусульман, ведущейся при покровительстве правительства, и пр. Также было принято предложение президиума о необходимости образования мусульманской политической партии и ее ЦК с Постоянным бюро в Петербурге. Избрана была, кроме того, комиссия для пересмотра программы Мусульманской партии, одобренной на Петербургском съезде².

Вопрос о целесообразности создания данной партии вызвал острые споры еще до съезда. Так, в Оренбурге 9 июля 1906 г. состоялось собрание татар, где ораторы говорили о предстоящем мусульманском съезде в Нижнем Новгороде, подчеркивая необходимость подобной партии и призывали всех единоверцев-соотечественников примкнуть к ней. Некие представители местных рабочих, пытаясь этому помешать, опубликовали воззвание, в котором заявляли, что СРМ является партией буржуазии, намеревающейся воспользоваться, как сказано в документе, «религиозным фанатизмом» татарских рабочих, чтобы образовать такую партию, «будто бы отстаивающую интересы всего российского мусульманства, особенно по вопросам вероисповедания». В воззвании утверждалось, что рабочие-татары протестуют против данной партии, что у них есть своя социал-демократическая партия, которая защищает их интересы³. Этот демарш был предпринят местными татарскими социал-демократами. (Они во главе с Ямашевым в январе 1907 г. при поддержке Уральского и Уфимского комитетов РСДРП стали издавать в Оренбурге первую легальную татарскую социал-демократическую газету под названием «Урал», которая в апреле 1907 г. была закрыта властями. На ее страницах регулярно печатались статьи, критикующие деятельность СРМ.)

Выступая на съезде, татарские эсеры Г. Исхаков, Туктаров и другие также заявили, что нелегально объединить фабрикантов, промышленников, купцов с рабочими и крестьянами, допуская, однако, единство мусульман в религиозной и культурной сферах, и поэтому выступали против включения в программу Мусульманского союза политико-экономических требований. А. Ибрагимов тоже считал, что нецелесообразно включать в программу подобные вопросы. Им возражал Ю. Акчу-

¹ Терджиман. 1906. 20 октября.

² Волгарь. 1906. 17, 18, 19, 20 августа; Каспий. 1906. 19 августа.

³ Русский Туркестан. 1906. 1 августа.

рин, который называл съезд звеном объединения и видел для Мусульманского союза единственный путь — борьбу против общих отживших политических форм. Мусульманское население, призывал он, должно добиваться фактического осуществления свобод и равенства перед законом, поскольку данный путь борьбы не противоречит духу Корана. Ш. Сыртланов, выступая за необходимость принятия политической программы, в частности, сказал: «Наша программа не кадетская: она — конституционно-народная». Представитель нижегородских рабочих-татар заявил, что программа не подходит интересам пролетариата; в ней нет, например, требования 8-часового рабочего дня. В ответ Алкин возразил, что рабочий вопрос для мусульманского населения не особенно важный, и вспомнил, что когда он был депутатом Думы, то ему представители народа на вопрос, что для них важнее всего, неизменно отвечали: земля и религия. Когда председатель съезда Топчибаев поставил на голосование вопрос, должна ли партия пересмотреть программу, которую приняли на Петербургском съезде, чтобы в случае надобности внести поправки и добавления, то участники съезда единогласно высказались за необходимость обновления программы Мусульманской конституционно-народной партии¹ (см. приложение 4, подпункт В).

Один из непримиримых противников СРМ, Г. Ибрагимов, в 20-х годах утверждал, что его программа была якобы «составлена для защиты интересов буржуазии, заключившей компромиссный союз с остатками феодализма в лице помещиков»². Аршаруни и Габидуллин также считали, что СРМ оформился как партия мусульманских кадетов, но с более умеренной программой³, то есть организация представляла собой нечто вроде кадетско-октябристского симбиоза. По мнению татарского эсера Г. Исхакова, Мусульманская партия была «с программой кадетов, но национальная по духу»⁴, что «правое течение тюркской общественности своей политической организации или партии дало наименование “Мусульман иттифаки” — “Союз мусульман”»⁵. То есть он полагал, что именно правые элементы основали СРМ. В современной татарстанской историографии, как правило, считается, что это была партия либерального направления⁶. Среди западных ученых эту точку зрения сначала поддерживал и германский специалист по истории татар и башкир Ноак⁷. Затем он стал характеризовать СРМ как политическое движение, охватившее всю империю, причем мусульманское движение, по его мнению, приобрело националистические

качества, несмотря на то, что программа осталась в значительной степени ограниченной вопросами эмансипации и конфессионально-культурной автономии¹. В башкортостанской историографии считается, что СРМ являлся «буржуазно-демократической организацией молодых наций, лишенных права на самоопределение»². На наш взгляд, СРМ представлял собой партию, которую действительно начали создавать такие либерально-консервативные деятели, как Гаспринский, Топчибаев, А. Ибрагимов и др., постепенно и в разной мере в ходе развития общемусульманского движения эволюционировавшие в либерально-демократическом духе. Иначе говоря, СРМ был политическим результатом общемусульманского движения, а не формой движения³. Разумеется, никаких признаков мусульманского национализма, о котором пишет Ноак, не прослеживается ни в программе СРМ, ни в действиях его лидеров⁴.

Комментируя обычные для политической жизни дискуссии участников этого и предыдущих съездов мусульман империи, Ганкевич, вопреки общеизвестным фактам, пишет, что имели место неудачи объединения тюрко-мусульманских народов в легальную организацию — Союз российских мусульман⁵, отрицая, как ни странно, даже факт его существования. По мнению же Сахапова, в целях освобождения живущих в русском окружении татар от исчезновения и чтобы сплотить все тюркские народы империи и был проведен этот съезд, который якобы призвал к построению независимого государства⁶. Червонная, соглашаясь с тем, что съезд принял решение о преобразовании Союза мусульман в политическую партию, тут же добавляет, что ее программа якобы базировалась на идеологии пантюркизма⁷. В современной литературе, как показывают эти примеры, встречаются самые разные причудливые толкования, вплоть до фантазий, смешавшие порой весьма искусно для неподготовленного читателя исторические факты с вымыслом.

На съезде было решено избрать ЦК из 15 членов (с нахождением в Петербурге), выделив из них Постоянное бюро из 3 членов⁸. В ЦК выбрали 11 татар: из Петербурга — М. Бигиев (мулла) и А. Ибрагимов, из

¹ Noack Ch. Retrospectively revolting... P. 121, 132.

² История Башкортостана с древнейших времен... Т. 2. С. 63.

³ На взгляд исламоведов Р. Силантьева, джадиды стали в 1905 году инициаторами создания первой (?) мусульманской политической партии — либерально-демократического движения «Иттифак-аль-муслимин» (Силантьев Р. Указ. соч. С. 21), ошибочно отождествляя партию СРМ и общеимперское мусульманское движение, приведшее к ее возникновению.

⁴ Поддерживая фактически подход Ноака, Калмантаев утверждает, что программа СРМ являлась якобы отражением мусульманского национализма, который «добивался культурно-национальной и конфессиональной автономии тюрко-мусульманских народов российского Востока» (История Башкортостана с древнейших времен... Т. 2. С. 63, 64).

⁵ Ганкевич В. Указ. соч. С. 53.

⁶ Сахапов М.Дж. Исхаки и татарская литература... С. 146–147, 148; Он же. Золотая эпоха... С. 84.

⁷ Червонная С. Указ. соч. С. 159.

⁸ Волгарь. 1906. 22 августа.

¹ Волгарь. 1906. 19, 22 августа.

² См.: Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 153–161.

³ Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч. С. 31.

⁴ Исхаки Г. Указ. соч. С. 44.

⁵ Мухамед-Гаяз Исхаки... 2004. № 9. С. 13.

⁶ Айнутдинова Л.М. Указ. соч. С. 51.

⁷ Noack Ch. State Policy and its Impact on the Formation of a Muslim Identity in the Volga-Urals // Islam in Politics in Russia and Central Asia (early eighteenth to late twentieth centuries). L.; N.Y., 2001. P. 16.

Казанской губернии — Ю. Акчурин, С.-Г. Алкин (перводумец), Г. Апанаев (мулла), Г. Баруди (мулла), Габ. Буби (преподаватель медресе), С. Максудов (юрист) и Х. Максудов (журналист, педагог), из Крыма — И. Гаспринский и М. Давидович (бахчисарайский городской голова); башкир Ш. Сыртланов (перводумец) из Уфимской губернии; азербайджанец А.М.-б. Топчибашев (перводумец) из Баку; казахи С.-Г. Джантюрин* (земский деятель, перводумец) из Уфимской губернии и мулла Ш. Кошегулов из Акмолинской области**. Название партии было вновь изменено — «Бэтен Русия мэселманнары Иттифакы» («Всероссийский союз мусульман»).

Влияние казанских татар на формирующиеся структуры партии было, по словам Р.Р. Салихова, якобы неоспоримо. Недаром из 15 членов ЦК 6 представляли Казань, а городское бюро СРМ считалось самым деятельным и жизнеспособным¹. Следуя этой же логике, Айнутдинова уверяет, что эти выборы показали, что в руководстве СРМ значительную роль играли представители татарских либералов, поскольку из 15 членов ЦК 8 были татарами, в основном казанцами, которые определяли политическую направленность СРМ². Усманова пишет, что лидирующая роль в СРМ в интеллектуальном и организационном плане была за казанскими татарами. Из 15 членов ЦК большая часть являлись представителями волгоуральских татар, а именно: Ю. Акчурин, С.-Г. Алкин, Г. Апанаев, Г. Баруди, М. Бигиев, Губ. Буби, А. Ибрагимов, С. и Х. Максудовы³. На самом деле их было не 9, а 7, поскольку ни Бигиев, ни Ибрагимов не относились к ним. Вообще подобный историографический казаноцентризм, который красной нитью пронизывает многие татарстанские публикации, понятен, но поражает, хотя бы просто потому, что, как известно из историографии, автором принятой на съезде «Программы Мусульманской партии» являлся не кто иной, как Топчибашев. Поэтому в азербайджанской историографии верно отмечается, что он являлся автором программных документов СРМ⁴. Что касается численности членов ЦК, то на съезде было решено кооптировать в его состав еще 5 членов: по одному представителю от Бакинской, Елизаветпольской, Эриванской и Оренбургской губерний, одного от Туркестана, поскольку их представители отсутствовали при выборах членов ЦК⁵. Ими,

* Усманова ошибочно считает его татаринном (Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 558).

** Кошегулов был избран в депутаты I Думы, но его статус был оспорен в избирательной комиссии по статье о незнании русского языка. На выборах во II Думу он вновь прошел в депутаты, на этот раз принимал участие в заседаниях (Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи... С. 259, 342).

¹ Салихов Р.Р. Указ. соч. С. 34.

² Айнутдинова Л.М. Указ. соч. С. 63.

³ Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 141. Членом СРМ являлся не Губайдулла, а Габдулла Буби (Гимазова Р. Просветительская деятельность Нигматуллиных-Буби (конец XIX — начало XX вв.). Казань, 2004. С. 98).

⁴ История Азербайджана с древнейших времен... С. 331.

⁵ Каспий. 1906. 3 сентября.

как следует из последующих материалов, стали, в частности, И. Зиятханов (Елизаветполь), Каримов (Оренбург). Что касается Туркестана, его представителем явился Бехбуди, судя по его публикациям, в которых проводились установки СРМ. Остальных двоих новых членов ЦК установить не удалось. По данным А.-А. Рорлих, к 15 членам ЦК позднее действительно добавились еще пять членов¹. Значит, и удельный вес казанских татар в ЦК понизился и составил 35%, а татар в целом — 40%.

В 1-м параграфе программы (см. приложение 4, подпункт В) декларировалось, что «партия ставит себе задачей объединить в одной общей практической деятельности всех граждан-мусульман России, единомышленников по своим политическим убеждениям, для проведения в жизнь ряда политических, экономических, социальных, религиозных и других реформ, как отмечаемых настоящей программой, так и тех, кои могут быть вызваны и указаны самой жизнью». 2-й параграф программы гласил: «Стремясь к обновлению всего строя гражданской и политической жизни на началах свободы, правды и человечности, партия находит эту главную цель достижимой при наделении всех русских граждан, в том числе и граждан-мусульман, правами человека и гражданина, и при переустройстве формы правления Российской империи на принципе государства конституционного». Согласно 3-му параграфу, «все российские граждане, без различия пола, вероисповедания, расы и национальности, равны перед законом». Последующие положения программы провозглашали свободу слова, печати, союзов, религии. В 7-м параграфе говорилось о сохранении частной собственности, в 17-м — о «конституционной парламентской монархии», как оптимальной форме государственного устройства. По аграрному вопросу было сказано, что для ликвидации крестьянского малоземелья все удельные, государственные и кабинетские земли отчуждаются, а также за счет государства производится отчуждение в пользу крестьян части частновладельческих земель. Этот параграф почти дословно повторяет §36 кадетской программы, но уже в следующем параграфе говорится о том, что земля распределяется между нуждающимся в земле коренным населением, которому следует возвратить все отнятые у него казной земли (§60). Таким образом, вопрос о возвращении мусульманам их земель в Поволжье, Крыму, Сибири, Туркестане, Закавказье выдвинут в качестве одного из важнейших. По рабочему вопросу обычный для социалистов и даже части либералов пункт о 8-часовом рабочем дне отсутствовал, говорилось лишь о необходимости установить максимальную продолжительность рабочего дня (§67).

Религиозные требования мусульман были сформулированы таким образом: «а) право образования религиозных, коллегиальных и единоличных учреждений, б) право свободного выбора всех должностных лиц магометанского духовенства на сроки, определяемые самими обществами,

¹ Rorlich A.-A. The Volga Tatars. A Profile in National Resilience. Stanford, 1986. P. 239.

в) право общественного контроля над действиями религиозных учреждений и лиц духовенства и г) право полного распоряжения всеми вакуфными и другими имуществами, принадлежащими мечетям, учебным и богоугодным заведениям и мусульманским святыням, которые (вакуфы и имущества) должны быть немедленно возвращены соответствующим мусульманским обществам» (§28). В целом программа отчетливо преследовала одну цель — создание наиболее подходящих условий для сохранения самобытного образа мусульманской жизни.

Съезд принял 33 предложения по преобразованию системы мусульманского образования (принято, в частности, решение об учреждении должности представителя мусульман при таком совещательном органе, как совет министра народного просвещения), 13 предложений по реорганизации управления духовными делами мусульман (было решено, в частности, требовать невмешательства правительства в сферу религии, учреждения должности главы всех мусульман империи, увеличения числа муфтиев и др.). Поскольку детальное обсуждение программы, состоящей теперь из 75 (фактически 74) пунктов*, не представлялось возможным на съезде, комиссия предложила принять ее в основном, а ЦК предписывалось к следующему съезду в Нижнем Новгороде (намеченному на 10 августа 1907 г.) доложить о всех изменениях в программе, которые окажутся необходимыми. Кроме того, ЦК поручалось ходатайствовать о легализации (регистрации) партии¹, учитывая Временные правила об обществах и организациях, утвержденные царем 4 марта 1906 г. (Правила эти имели в виду добровольные объединения всякого рода, в том числе партии; для обществ, претендовавших на статус юридического лица, требовалась регистрация устава губернатором или градоначальником.)

* Из предыдущей редакции программы сняты 4 статьи, составлявшие раздел «Военные силы» (об условиях отбывания мусульманами воинской службы). В 80-х годах XIX в. высказывалась точка зрения, что при переводе на русский язык программы Мусульманской конституционной партии кадеты забыли включить в него перечень 15–16 мусульманских центров, которые предполагалось создать в духе теории культурно-национального самоопределения (Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С. 88, 174). Авторы пришли к такому выводу, сопоставив два перевода — официальный (см. приложение 3, подпункт В) и тот, который был сделан для чинов полиции (см. приложение 3, подпункт А). Последний казался более полным, поскольку содержал в себе не только программу, но и устав (см. приложение 3, подпункт А, раздел XII).

¹ См.: III Всероссийский мусульманский съезд. Казань, 1906. С. 2–14. Эти материалы были впервые переизданы в упоминавшемся сборнике «Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции» (С. 30–43.), в котором допущено немало опечаток. Протоколы «Съезда российских мусульман, состоявшегося 16–21 августа 1906 г.», с приложением программы Мусульманской партии опубликованы в октябре 1906 г. в Казани трехтысячным тиражом на тюркском языке. Кроме того, материалы съезда были опубликованы по-тюркски в следующих изданиях: «Программа Всероссийского мусульманского союза» (СПб., 1906); «Третий мусульманский съезд в Нижнем Новгороде» (Казань, 1906; 96 с., 2500 экз.); «Постановления 3-го Всероссийского мусульманского съезда» (Казань, 1906; 27 с., 7 тыс. экз.); «Программа Всеобщего мусульманского съезда» (Казань, 1906; 4 с., 2 тыс. экз.).

В заключительном постановлении было решено обратиться к председателю Совета министров с просьбой не рассматривать духовные дела мусульман без Думы и приступить к фактическому осуществлению свобод, провозглашенных манифестом 17 октября. Съезд закончился в 4 часа утра прочтением намаза при шумном одобрении в адрес председателя Топчибашева и всего президиума¹. Такое завершение работы съезда не просто дань традиции, а связано прежде всего с тем, что было принято предложение Топчибашева о том, что съезд признаёт не имеющими значения в деле объединения мусульман империи различия между шиизмом, суннизмом и прочими течениями в исламе.

По оценке Вамбери, съезд тактичностью участников и их умением держать себя с достоинством, умеренностью и разумностью произвел очень хорошее впечатление и во многом напомнил первый оттоманский парламент, состоявшийся в 1876 г. В своей заключительной речи А. Ибрагимов определил нижегородское собрание как «татарский парламент», поскольку на нем были обсуждены наиболее важные проблемы, которые были необходимы в интересах скорейшего преобразования жизнедеятельности мусульманского сообщества. Вамбери признавал, что от этих резолюций веяло духом вполне современного мировоззрения, но тут же вновь пренебрежительно заметил, что на них сказывалось «удивительное для народа, только что вышедшего из мрака азиатских понятий, понимание свободы»², еще раз показывая свое незнание Корана и психологии российских мусульман. Осенью 1906 г. «Терджиман» писал, что на прошедших съездах мусульманские представители разобрались в партийных программах, достаточно сложных³. Не случайно в отчете ЦК кадетской партии, опубликованном в ноябре 1906 г., отмечалось, что Мусульманская партия «держится очень осторожно»⁴. Вопреки этому, ташкентская социалистическая газета «Туркестан» 2 сентября 1906 г. заявила, что ее программа была якобы «правее кадетской». Появление такой партии вызвало острое недовольство со стороны левых партий, а в историографии со временем получило противоречивую характеристику.

Давая оценку всех прошедших общеимперских мусульманских съездов, Диманштейн утверждал, что они олицетворяли движение, которое преимущественно носило внешне почти религиозный характер, на почве религиозных требований, под их прикрытием, скрывалась политико-экономическая сторона; по существу же это движение, на его взгляд, имело характер якобы «национального революционного освободительного движения, но это не было достаточно ярко выражено ни в формах движения, ни в требованиях»⁵. Движение это, как неоднократно отмеча-

¹ Каспий. 1906. 23 августа.

² Баку. 1910. 4 июня.

³ Терджиман. 1906. 20 октября.

⁴ Цит. по: Айнутдинова Л.М. Указ. соч. С. 66.

⁵ Диманштейн С. Указ. соч. № 1. С. 72.

лось, не было ни национальным, ни революционным, ни освободительным, а имело общемусульманские приоритеты в культурно-автономистском духе.

В постсоветской историографии появились исследователи, верно считающие, что Мусульманская партия взяла на себя функцию представительницы интересов всех мусульман империи¹, что партия оформилась в результате трех всероссийских съездов мусульман и стала самой крупной их политической организацией, поставившей цель — объединение всех мусульман империи независимо от классовых и национальных различий², а также региональных элит. Не случаен потому и выбор местонахождения ЦК партии — Петербург.

Но сначала, 18–26 ноября 1906 г., ЦК СРМ заседал в Москве. За несколько дней была закончена работа над окончательным текстом устава Мусульманской партии, были обсуждены вопросы, как превратить, обратившись к властям, союз в легальную политическую партию, как наладить выпуск газеты на русском языке, как организовать работу Постоянного бюро ЦК в Петербурге и др.³ На заседании 23 ноября было заявлено об отходе СРМ от кадетской партии. В устав были внесены некоторые изменения, обличавшие СРМ с более правой Партией мирного обновления: целью Мусульманской партии провозглашалось «*проведение в жизнь начал конституционного*» (курсив мой. — С.И.) строя⁴. 30 ноября ЦК представил устав партии⁵ для регистрации в Петербурге, но только спустя почти три месяца, 28 февраля 1907 г., столичными инстанциями было вынесено решение отклонить его со ссылкой на некоторые формальности⁶. Стремление руководства Мусульманской партии добиться ее юридического существования именно в столице империи имело не только символическое, но и практическое значение, облегчая во многом деятельность местных партийных функционеров.

Таким образом, центральным вопросом III Всероссийского съезда мусульман был вопрос об отношении мусульман к революции. Съезд дал ясную характеристику целей и задач СРМ, в его решениях отразился тот несомненный факт, что основная тактическая линия мусульманских либералов в революции получила в целом одобрение съезда и стала магистральной вплоть до 1917 г. Борьба между сторонниками создания Му-

¹ См., напр.: Багирова И.С. Указ. соч. С. 324.

² См., напр.: Султанов Ф.М. И. Гаспринский и татарское национальное движение // Исмагиль бек Гаспринский. Казань, 2004. С. 72.

³ Каспий. 1907. 20 апреля; *Hablinitoglu N.* Op. cit. S. 80.

⁴ Багирова И.С. Указ. соч. С. 145. В Уставе общества мирного обновления, зарегистрированного в Петербурге 16 октября 1906 г., было, в частности, записано, что целью партии является «*проведение законным путем в жизнь России начал конституционной монархии*» (Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 72. Курсив мой. — С.И.).

⁵ 8-страничный «Устав общества Мусульманский союз» был отпечатан в Петербурге на двух языках (тюркском и русском).

⁶ Сеидзаде Д.Б. Азербайджанские депутаты... С. 36.

сульманской партии (большинство участников) и ее противниками (меньшинство — татарские эсеры и гаспринцы, которые выступали за союз мусульман только в сферах культуры, образования и религии) являлась, в сущности, отражением столкновения двух групп мусульманской политической элиты: одна стремилась к отдельному развитию того или иного народа на основе его собственного языка, а другая — сгладить противоречия и создать единое мусульманское движение на всей территории империи. Пятый этап общемусульманского движения, таким образом, характеризовался успехами в деле завершения строительства Мусульманской партии, которая становилась важным элементом общественной жизни мусульманского населения империи, в особенности в ходе очередной избирательной кампании в Думу.

ГЛАВА 11

МУСУЛЬМАНСКАЯ ФРАКЦИЯ ВО II ДУМЕ
И IV ВСЕРОССИЙСКИЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ СЪЕЗД

Не ограничиваясь внутрипартийной деятельностью, СРМ проявил себя и при проведении думской избирательной кампании во II Думу. Его тактика, примененная в этот период, оказалась более удачной, чем в предыдущую Думу, поскольку ЦК разослал своим местным организациям директиву, в которой рекомендовал там, где это было возможно, выдвигать свои кандидатуры самостоятельно, а там, где для этого не было условий, вступать в соглашение только с теми партиями, которые защищали равноправие народов¹. Незадолго до этого события газета «Терджиман» писала, что «мусульманское население Крыма, относясь с глубоким доверием и сочувствием к предстоящим выборам, питает также надежду, что из подлежащих избранию шести членов Государственной думы один будет избран из мусульман», которых здесь насчитывалось свыше 200 тыс.² Не случайно выбранный во II Думу крымский татарин Медиев благодарил выборщиков Таврической губернии за избрание его депутатом от татар³.

16 января 1907 г. в Уфе состоялась городская конференция Уфимской организации РСДРП, на которой было решено создать избирательный блок, включив в него двух представителей от мусульман. Такой поворот был связан с тем, что руководство местных социал-демократов, чтобы провести в Думу хотя бы одного своего представителя, осознало решающее значение в избирательной кампании в губернии Мусульманской партии. Этот блок добился успеха на выборах по городу. На губернском избирательном собрании депутатом в Думу прошел большевик-рабочий И.Д. Серебряков, получивший поддержку крестьянских выборщиков-мусульман⁴. Всего же по губернии было избрано 10 депутатов, в том числе 7 мусульман.

¹ Сафонов Д.А. Пробуждение. Революция 1905–1907 гг. и Оренбуржье. С. 52. В январе 1907 г., как пишет Усманова, собравшаяся в Петербурге группа мусульманских деятелей предприняла попытку провести IV съезд. Намерение это было вызвано рядом обстоятельств, в том числе и проходившими в этот период выборами в Думу. Однако разрешение на проведение съезда получено не было, делегаты не провели даже частные совещания и покинули столицу без каких-либо решений (Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 141). Необходимо иметь в виду, что Усманова почему-то не раскрывает источник информации о попытке провести еще один мусульманский съезд в столице, что вынуждает в очередной раз критически отнестись к ее вольному стилю введения в научный оборот нового конкретно-исторического материала.

² Терджиман. 1906. 24 марта.

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 1732. Л. 1, 6 об., 10.

⁴ Уфимский рабочий. 1907. 2 февраля, 4 марта.

Даже уфимские отделы Русского собрания и СРН пошли на то, чтобы вступить в блок с мусульманами. 17 января 1907 г. в Уфе состоялось их совместное предвыборное собрание, на котором обсуждался вопрос о необходимости выставить единых кандидатов от Русского собрания, СРН, октябристов и мусульман. Купец и организатор монархического движения в Уфе Г.А. Бусов, разъясняя на этом собрании отношение монархистов к мусульманам, под общие аплодисменты присутствующих заявил, что СРН «находится в самой тесной связи с мусульманами и считает их своими братьями». А на следующем предвыборном собрании 23 января он развил эту мысль: «Насколько тесна связь мусульман с русскими, я вынес убеждение из жизни. Я замечал, как рабочие русские и татары делят часто между собой последнее. Поэтому все верноподданные близки сердцу нашего государя». Общим голосованием присутствующих на этом предвыборном собрании был принят единый список от правомонархических, октябристских и умеренных мусульманских организаций: из 645 голосов присутствующих на собрании Бусов набрал 120, чиновник А.П. Лобунченко — 110, С. Максютин* — 97, Г. Мустафин** — 92, чиновник А.В. Новиков — 89, горный инженер Н.Т. Евлевский — 79, городской голова П.Ф. Гиневский — 58. От мусульман были Максютин и Мустафин. Активное сотрудничество местных правомонархистов с мусульманами в период предвыборной кампании отличало их от столичных соратников правых партий, как правило, лишь на словах декларировавших толерантность по отношению к нерусскому, в том числе к мусульманскому, населению. Это довольно четко проявилось в момент приезда в Уфу уполномоченного Главного совета СРН Л.А. Тополева для открытия отдела и агитационных целей. Он стал требовать, чтобы на его предвыборное собрание не допускались татары и другие нерусские горожане, чем очень удивил местных правых, которые привыкли к присутствию мусульман на монархических собраниях¹.

Антимусульманские настроения сильно сказывались в ходе избирательной кампании в ряде местностей России. Когда мусульмане, к примеру, Оренбургской губернии выступили в блоке, куда также входили эсеры, социал-демократы и кадеты, то межпартийная коалиция вызвала в исламофобских кругах не просто раздражение, а нескрываемую ненависть. 28 января 1907 г. у городского театра Оренбурга, где происходило избрание выборщиков по городу, главный кандидат от местных октябристов В.И. Муратов*** в споре зашел так далеко, что выхватил револьвер и

* Сахипзада Максютин (Максюдов) (1874–1942) — землевладелец, купец Бирского уезда; депутат I Государственной думы.

** Галлям Мустафин — редактор уфимской газеты «Галлям аль-Ислами» («Мусульманский мир»), которая издавалась с 30 мая 1906 г. до января 1907 г. на татарском языке.

¹ Максимов К.В. Патриотическое общество мастеровых и рабочих... С. 39–40.

*** Муратов Василий Иванович — дворянин, фельдшер, оспопрививатель, один из лидеров оренбургского губернского отдела СРН.

выстрелил в спорящего с ним мусульманина, но не попал в него. Толпа, среди которой были и мусульмане, набросилась на стрелявшего и оставила его¹. Накалившаяся ситуация была связана с победой данного блока, выдвинувшего семь выборщиков, в том числе известного татарского журналиста и члена СРМ Ф. Каримова и муллу Х. Усманова. При этом Каримов получил 4817 голосов, Усманов — 4796, а Муратов — 1197. Когда стало ясно, что октябристы потерпели крупное поражение, Муратов решил спровоцировать серьезный межэтнический конфликт, который не удался. Уже 15 февраля 1907 г. в Оренбурге было рассмотрено дело Муратова. Судья, решив, что выстрел не был вызван состоянием необходимой обороны, приговорил его к 15 руб. штрафа², — смехотворное наказание за угрозу жизни, но на большее местное правосудие не сподвиглось, дав тем самым мусульманам веский повод еще раз убедиться в негласной поддержке властью представителей октябристов и СРН.

Казанские консерваторы, в отличие от своих агрессивно настроенных оренбургских коллег, пытались заручиться поддержкой мусульманских избирателей. В период выборной кампании в Думу воззвание октябристов к мусульманам было издано по-татарски в 1907 г. в Казани 10-тысячным тиражом. Но практически все местные татары, даже разделявшие консервативные взгляды, уже сделали ставку на кадетов³. В целом же мусульманские избиратели не поддержали октябристов. Раздраженный таким недоверием член ЦК «Союза 17 октября» А.В. Бобринцев-Пушкин после революции подвел итог: «... мусульмане не отдадут своих голосов за октябристского кандидата»⁴.

Многие социалисты и кадеты из мусульман, как писал известный крымскотатарский общественный деятель Айвазов в газете «Ватан Хадими», «совершенно незнакомы с программами этих партий, а только сочувствуют как бы по моде»⁵. Но это увлечение проходило по мере понимания тех планов в отношении мусульман, которые строились, в особенности, радикалами. Один из татарских эсеров, имевший псевдоним Касимов, участвовал в работе II (экстренного) съезда эсеровской партии в Таммерсфорсе (12–15 февраля 1907 г.), представляя Татарскую организацию партии социалистов-революционеров. Выступая на съезде, он заявил, что это «организация народа, самого многочисленного в России после русских, самого угнетенного русским правительством и самого бессознательного во всех политико-экономических вопросах...». Его слова о таком количестве татарского народа следует, конечно же, отнести к мусульманскому населению, которое действительно, как отмечалось,

по численности занимало второе место после русских. Касимов не был согласен с теми ораторами, которые утверждали, что народ готов к вооруженному восстанию, лишь стоит его побудить на это путем террористических актов и партизанской войны. На его взгляд, «народ пока еще нас не понимает, и это происходит оттого, что мы до сих пор не были лицом к лицу с широкой массой народа...». Касаясь восстания, он считал, что оно без подготовки немыслимо. «Как для популяризации основных принципов нашей программы среди широких слоев народа, так и для подготовки вооруженного восстания необходимо использовать Думу; игнорируя Думу, мы, кроме вреда, ничего не создадим. В высказанном мной смысле была выработана резолюция Татарской организации партии с.-р.», которую он зачитал: «Принимая во внимание, что Дума в теперешнем ее положении отнюдь не может служить законодательным учреждением страны, что П.С.-Р. принимает ее исключительно как народную трибуну для приготовления более широких масс к активному выступлению, Татарская организ[ация] находит необходимым использовать каждую высказанную с трибуны Думы революционную речь и каждый момент существования Думы в интересах организации и приготовления народа в будущем к более сильному выступлению». Продолжая затем объяснять позицию Татарской организации, Касимов сказал, что она приняла резолюцию о временном прекращении террора во время деятельности Государственной думы. «Но лично я, после выслушания доклада ЦК, пришел к убеждению, что террор, как центральный, так и местный, ввиду важности момента целесообразно передать в ведение ЦК...» Речь Касимова, выступившего не только от татарских эсеров, а фактически от мусульманских эсеров, произвела большое впечатление на делегатов съезда, среди которых возникло предложение созвать конференцию из представителей нерусских партий, близких эсерам, а также других эсеровских организаций (Татарская и др.), чтобы достичь соглашения с ними. Такая резолюция была принята делегатами единогласно¹. Под псевдонимом Касимов скрывался, вспоминал Исхаки, Туктаров и объяснял, что вообще «эсеры помогали нам, как истинные революционеры; в частности, они помогли нам в насаждении наших нелегальных типографий»². Коалиция мусульманских радикалов с эсерами была фактом политической жизни, но имела очень непродолжительный характер.

К примеру, в апреле 1907 г. Оренбургская группа татарских эсеров выпустила первую листовку на татарском языке, озаглавленную «Социалист», в мае — вторую под таким же названием. В сентябрьской листовке говорилось, что напрасно издающаяся в Оренбурге либеральная газета «Вакт» всю вину за закрытие татарской типографии и запрещение губернатором татарам устраивать их собрания возлагала на татарских эсеров,

¹ Сафонов Д.А. Пробуждение. Революция 1905–1907 гг. и Оренбуржье. С. 52, 60.

² Оренбургский край. 1907. 28, 30 января; 17 февраля.

³ Алексеев И.Е. Под сенью царского манифеста... С. 100.

⁴ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. Т. 2. М., 2000. С. 74.

⁵ Каспий. 1907. 22 апреля.

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. М., 1996. С. 496–497.

² Исхаки А. Указ. соч. Л. 22.

распространявших свои листовки, виновником назывался некий А. Кутлубулатов, написавший донос. Одним из местных эсеров был Ф. Шамсутдинов, занимавшийся распространением проэсеровской газеты «Тан юлдузы» («Утренняя звезда»), выходившей при участии Исхаки в Казани в 1906 г.¹ Несмотря на контакты мусульман с эсерами, какого-либо тесного сотрудничества между ними не произошло, о чем свидетельствует то, что когда в апреле 1907 г. состоялась вышеупомянутая конференция национально-социалистических партий, организованная эсерами, то представители «Магометанской Поволжской организации Партии социалистов-революционеров» не явились на нее, хотя и были приглашены. Зато на этой конференции присутствовал Гайдаров*, один из немногочисленных мусульман-социалистов. В своем докладе на тему «Социализм и национальный вопрос» он, в частности, заявил: «...нам, социалистам, не следует забывать, что будущее исчезновение национальностей, если оно вообще мыслимо, мы должны представить себе не как процесс поглощения одной национальностью всех других, а как процесс развития и укрепления общечеловеческих начал внутри каждой национальности»². Татарских эсеров больше привлекала возможность проявить себя в качестве депутатов Думы, а не террористов. По данным полиции, Г. Исхаков вел пропаганду среди татарского населения своей волости, агитируя за избрание его в члены Думы как представителя местной группы партии эсеров. Но он вскоре был арестован и 29 декабря 1906 г. помещен в Чистопольскую уездную тюрьму³. Мусульмане-социалисты, как правило, не были заложниками ни партийных интересов своих политических партнеров, не воспринимали идеи, которые в перспективе вели, в сущности, к стиранию самобытности их народов в угоду каким-то непонятным абстракциям и амбициям разных политиков.

Когда близкий к социал-демократам «Гуммет» стал достаточно самостоятельным, то это вызвало недовольство среди руководящих партийцев, в том числе у И.В. Джугашвили, и он в 1906 г. пытался оказать давление на часть гумметистов с целью вступления их в РСДРП, в противном случае угрожал им ликвидацией их организации. Но это не подействовало, «Гуммет» продолжал самостоятельное существование. По данным Багировой, наиболее активных гумметистов тогда насчитывалось до 60 человек⁴. 24 августа 1907 г. в Баку с участием Джугашвили состоялось собрание пяти районных организаций РСДРП и «Гуммет»⁵.

¹ ГАРФ. Ф. ДПОО. 1909 г. Д. 9. Ч. 39. Л. 10, 20, 26–26 об.

* Скорее всего, Ибрагим-бек Гайдаров (1879–?) — лезгин, дворянин, инженер, депутат III Думы от Северного Кавказа и Дагестана.

² Протоколы конференции российских национально-социалистических партий. 16–20 апреля 1907 г. СПб., 1908. С. 3, 4, 10, 13.

³ ГАРФ. Ф. ДП-7. 1906 г. Д. 2. Ч. 18. Л. 439–439 об.

⁴ Багирова И.С. Указ. соч. С. 31, 32.

⁵ Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб.; М., 2002. С. 261.

Здесь, скорее всего, Джугашвили познакомился с одним из лидеров гумметистов, известным к тому времени бакинским журналистом Расулзаде, который затем помог ему избежать ареста, спрятав у себя. «Вы мой старый товарищ по совместной борьбе с царизмом, — сказал Сталин Расулзаде в Баку в 1920 г., вспомнив об этом эпизоде. — ...Я знаю, сколько вы сделали для борьбы с царизмом и вообще для революционного движения»¹. И гумметисты оказались по-настоящему самостоятельными в процессе сотрудничества с русскими социал-демократами, исходя прежде всего из интересов своего народа, что сильно раздражало особенно большевистских лидеров. Повышенное внимание различных политических партий к Мусульманской партии, татарским эсерам, гумметистам и другим политическим организациям объясняется успехом, которого мусульмане добились на выборах в предыдущую Думу, что побудило тех или иных партийных вождей рассматривать мусульманских избирателей как полезного союзника.

На выборах во II Думу, открывшуюся 20 февраля 1907 г., СРМ достиг еще большего, чем прежде, успеха. В нее были избраны 36 депутатов-мусульман². 24 февраля на ее заседании член ЦК СРМ С. Максудов был выбран одним из пяти товарищей секретаря Думы (за него проголосовали 322 из 422 депутатов*). Видимо, ошеломленная этими успехами Мусульманской партии, столичная бюрократия, ссылаясь на некоторые формальности, 28 февраля, как отмечалось, решила отклонить регистрацию ее устава, дав понять, что не намерена признать эту организацию де-юре. Вначале все мусульманские депутаты объединились, как и в I Думе, в самостоятельную фракцию, и большинство их по своим политическим убеждениям было «прогрессивно-оппозиционного направления». По более или менее принципиальным социальным и политическим вопросам не было существенных расхождений во взглядах преобладающего большинства депутатов, при этом все пришли к соглашению, что интересы мусульман империи во многом почти тождественны³.

¹ Расулзаде М.Э. Воспоминания о И.В. Сталине // Восточный экспресс. 1993. № 1. С. 46. См. также: Султанбеков Б.Ф., Малышева С.Ю. Трагические судьбы. Казань, 1996. С. 119.

² Усманова в своих монографиях иногда ошибочно пишет, что было избрано не 36, а 37 (Усманова Д. Мусульманская фракция... С. 37, 51; Она же. Мусульманские представители... С. 166). Мусульмане выбрали 23 представителя, вполне, как считал «Терджиман», образованных и развитых (Терджиман. 1906. 20 октября), т. е. почти 70% депутатов. Среди 36 депутатов было: 17 башкир и татар, 11 казахов, туркмен и узбеков, 5 азербайджанцев и 3 горца Северного Кавказа.

* Как известно, II Дума оказалась более левой, чем первая: ее левый фланг насчитывал свыше 200 депутатов (социал-демократов, трудовиков, эсеров и народных социалистов), а кадеты имели менее 100 человек. За Максудова в основном проголосовали представители всех данных партий, тем самым социалисты показали, что намерены самым решительным образом поддерживать Мусульманскую партию.

³ Каспий. 1907. 21 августа.

Однако с самого начала несколько депутатов, в частности, Ф.-х. Хойский* и Х. Хасмамедов**, отказались принять целиком программу СРМ, и фракция поручила избранной ею комиссии (председатель Хойский) разработать свою собственную программу. В течение двух недель комиссия выполняла это поручение и составила ее, сократив до 73 пунктов (см. приложение 4, подпункт Г)^{***}, которые были одобрены с небольшими изменениями общим собранием фракции¹, а затем опубликованы отдельной брошюрой². В рядах депутатов уже не было былого единства, имевшиеся расхождения и противоречия стали проявляться заметным образом.

В период работы над программой во фракции произошел раскол: почти совершенно неожиданно шесть человек**** 8 марта 1907 г. вышли из нее, образовали Мусульманскую трудовую группу и присоединились к Трудовой группе, самой многочисленной среди фракций этой Думы. Причину своего поступка они объяснили тем, что не верят в продуктивность работы от совместного пребывания кадетов и депутатов, примыкающих к их программе, с социалистами. Эта группа, возглавляемая Зейналовым (председатель) и Хасановым (секретарь), прежде всего была недовольна тем, что мусульманская фракция оттягивала обсуждение кардинального вопроса — аграрного, а именно: не спешила высказываться за принудительное отчуждение земли, забыла нужды не только крестьян, но и рабочих³. Когда на собрании трудовиков Массажутов заявил о присоединении к ним нескольких мусульман, то это вызвало бурные аплодисменты присутствовавших⁴. По словам Хойского, мусульманская фракция, потеряв из своего состава этих думцев, конечно, лишилась известной доли своего значения среди других фракций, событие это, кроме того, произвело чрезвычайно нежелательное влияние на остальных чле-

* Фатали-хан Хойский (1875–1920) — азербайджанец, товарищ прокурора.

** Халилбек Хасмамедов (1875–1947) — азербайджанец, товарищ прокурора, депутат II и III Дум.

*** Из раздела I были сняты § 1–2 и еще несколько пунктов. Вместе с тем восстановлен частично раздел «Военные силы» и добавлены другие пункты.

¹ Каспий. 1907. 14 марта.

² См.: Программа мусульманской группы во 2-й Государственной думе. СПб., 1907.

**** Лидером группы являлся талыш З. Зейналов, рабочий-механик, затем заведующий небольшого нефтяного промысла в Бакинской губернии; остальные были татарами, в том числе три муллы — Х. Атласов (Самарская губ.), Х. Массажутов (Вятская губ.) и А. Нежметдинов (Симбирская губ.), купец Г. Бадамшин (Казанская губ.; член Трудовой группы I Думы) и учитель К. Хасанов (Уфимская губ.). Умолчав о Зейналове, Калмантаев пишет, что руководителем татаро-башкирской группы (хотя в ней башкир не было) трудовиков якобы являлся Хасанов (История Башкортостана с древнейших времен... Т. 2. С. 69). Весной 1907 г. в Петербурге была отпечатана «Краткая программа мусульманской думской трудовой фракции», с 21 апреля по 30 мая 1907 г. в столице издавался ее печатный орган — газета «Дума» (на татарском и азербайджанском языках).

³ Сеидзаде Д.Б. Из истории азербайджанской буржуазии... С. 59; Колесниченко Д.А. Трудовики в период первой российской революции. М., 1985. С. 195, 307.

⁴ ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 17. Л. 125.

нов фракции в смысле «упадка общей солидарности, которой был нанесен решительный удар». В глазах всего мусульманского сообщества престиж мусульманской фракции был поколеблен¹.

На этом фоне проходивший в том же марте в Елизаветполе в доме городского головы А.-А. Адыгезалова съезд мусульман Закавказья, Северного Кавказа и Крыма, в работе которого принял участие Гаспринский, произвел иное впечатление. Съезд постановил организовать Закавказский (с участием крымских татар) мусульманский союз, выставить весной в Карабахе отряды дифаистов, в противовес армянским отрядам, и др. Главой нового союза был избран первоумец И. Зиятханов². Участие членов ЦК Мусульманской партии Гаспринского и Зиятханова свидетельствует, что руководство СРМ продолжало спланировать мусульманские народы империи в борьбе за свои интересы, обращая, естественно, внимание на то, что происходило в мусульманской фракции.

30 марта в Петербург прибыли члены ЦК СРМ (Акчурун, Алкин, Зиятханов, Топчибашев и др.), чтобы участвовать в совещаниях с членами фракции и обсудить ее деятельность. 2 апреля члены фракции и ЦК, а также представители столичной мусульманской общественности, в том числе Бигиев, провели первое совместное совещание. На нем была сделана попытка объединить мусульманских депутатов в одну фракцию, но этого не получилось³.

6 апреля ЦК СРМ, получив очередной отказ в регистрации своего устава, избрал комиссию, чтобы внести соответствующие исправления в устав, после чего он вновь был направлен на утверждение петербургского градоначальника. В обращении СРМ, опубликованном в конце апреля в мусульманской прессе, его лидеры выражали большую надежду, что теперь получат положительный ответ и их союз станет официальной политической партией. Напечатанный в Петербурге проект устава (см. приложение **, подпункт И) в апреле был разослан по мусульманским регионам с предложением готовиться к образованию местных органов культурно-национальной автономии, представители которых, как намечалось, проведут первый делегатский съезд в середине августа 1907 г. Кроме того, сообщалось, что велась подготовка издания в Петербурге общемусульманской газеты на татарском и русском языках. В середине апреля на заседании ЦК было избрано Постоянное бюро (Акчурун, Алкин, А. Ибрагимов, Каримов, Топчибашев) для ведения практической работы Мусульманского союза и для содействия внедумской работе мусульманской фракции. Тогда же состоялось очередное совместное совещание ЦК с фракцией, на котором было решено организовать комиссию из 23 лиц. Она была разделена на три подкомиссии (политическую, экономическую и ре-

¹ Каспий. 1907. 21 августа.

² Багирова И.С. Указ. соч. С. 172–173; АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 5419. Л. 10 об.

³ Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 174.

визионную), которые приступили к своим занятиям 13 апреля, и после выработки соответствующих проектов, касавшихся наиболее важных вопросов жизни мусульман страны, должны были доложить о них фракции¹.

Как только стало известно, что ходатайство о регистрации устава было направлено от петербургского градоначальника в Правительствующий сенат, группа близких к правительству мулл, внимательно следящих за действиями лидеров этой партии, тут же направила телеграмму Столыпину, прося не утверждать устав, мотивируя тем, что будто эта организация выступает как против законов империи, так и против шариата². Консервативно-клерикальная оппозиция общему мусульманскому движению, стремившаяся сохранить неизменность своих позиций в мусульманском сообществе, была категорически против СРМ, поскольку усматривала в этой партии опасного конкурента своему влиянию на верующих и пользовалась тем, что воздействие как мусульманской «реформации», так и русской «смуты» на различные группы мусульман было неодинаково, поскольку немало еще оставалось патриархальных предрассудков и иных пережитков в их сознании и поведении. В мулльско-клерикальных изданиях традиционалистов, направленных на поддержку самодержавия, утверждалось, что другие формы правления якобы противоречат Корану и шариату. Их оппоненты-реформаторы доказывали иное — следует отказаться от устаревших, архаичных форм бытия и воспользоваться предоставленными русской революцией возможностями, чтобы активнее встать на путь просвещения и прогресса; причем политика не была самоцелью и реформаторов, а лишь средством достижения поставленных на мусульманских съездах задач. Поэтому утверждение Ноака о том, что в условиях революции реформизм очень быстро заменил традиционализм в качестве доминирующего дискурса среди мусульман Европейской России³, касается лишь сравнительно небольшой их части, настроенных достаточно критически к способности мулл соответствовать новым внешним условиям, и не может считаться определяющей тенденцией для народных масс, настроенных консервативным образом.

Общественно-политическая жизнь мусульман страны не ограничивалась только теми или иными действиями членов мусульманской фракции, несмотря на всю их значимость. Происходили и другие немаловажные события, близко касавшиеся жизни мусульман. Так, 24–25 апреля 1907 г. в Петербурге состоялась 2-я конференция делегатов национальных учительских союзов. В ней участвовали делегаты армянского, башкирского, бурятского, грузинского, еврейского, калмыцкого, крымскотатарского, латышского, русского учительских союзов. На конференции было решено создать Федерацию национально-территориальных союзов

русских учителей, была принята резолюция о передаче народного образования в руки местного самоуправления и национальных организаций на демократических началах. Был также принят устав, выбран оргкомитет, которому поручено было отпечатать протоколы заседаний⁴. Представители башкирского и крымскотатарского учительства в ходе таких встреч изучали опыт коллег, втягивались в общую практическую деятельность по преобразованию системы народного образования, поскольку какой-либо надежды на правительство и местные власти у них не было.

Устав Мусульманской партии рассматривался на заседаниях Петербургского особого городского присутствия по делам об обществах 15 и 29 мая 1907 г. На первом заседании вопрос об этой партии был снят с повестки без объяснения причин. На втором заседании от имени учредителей партии присутствовали депутат Думы К.-М. Тевкелев, а также А. Ибрагимов и А.-О. Сыртланов. На этот раз четверо членов присутствия вынесли положительный вердикт. На их взгляд, преследуемая Мусульманской партией цель — установление в России конституционной монархии — не является противозаконной, а потому партия подлежит регистрации. С их мнением, однако, не согласился председатель присутствия, столичный градоначальник Д.В. Драчевский, который и опротестовал решение четырех членов присутствия. Таким образом ходатайство мусульман и было отклонено⁵, несмотря на то, что пункт о проведении в жизнь начал конституционного строя был заимствован из устава легализированной Партии мирного обновления. Причина отказа заключалась в том, что «стоя строго на конституционных началах, мусульманская программа, — разъяснял ее главный разработчик Топчибашев в начале 1907 г., — представляет принцип областной национализации земли, полной автономии в делах религии и широкого автономного управления на местах, с учреждением на всем пространстве империи мелких самоуправляющихся единиц и областных собраний»⁶. Именно эта перспектива вызвала беспокойство у противников партии. Правительство, как постепенно становилось известно общественности, собиралось по-своему решить мусульманский вопрос. В кабинетах чиновников был подготовлен проект, выработанный на основании материалов, унаследованных от игнатьевской комиссии. Проект этот, как отмечалось в прессе, представлял собой весьма характерный документ бюрократической логики, исходившей из того, что мусульмане якобы проводят идеи, противные христианскому учению, и мало того, якобы «противоречащие основам, признанным всем образованным миром»⁷. Антимусульманские настроения в соответствующих инстанциях даже не завуалировались.

¹ Каспий. 1907. 6 мая, 20, 22 апреля; Сеидзаде Д.Б. Азербайджанские депутаты... С. 36–37; Hablmitoglu N. Op. cit. S. 84, 149.

² Каспий. 1907. 11 мая.

³ Noack Ch. State Policy... P. 15.

⁴ ГАРФ. Ф. ДПО. 1905 г. Д. 999. Ч. 1. Т. 4. Л. 85.

⁵ Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 142.

⁶ Сеидзаде Д.Б. Из истории азербайджанской буржуазии... С. 48.

⁷ Оренбургский край. 1907. 7 февраля.

О том, как преломлялись под таким углом зрения на практике административные замыслы и решались реальные проблемы из жизни мусульман страны, свидетельствует следующий эпизод. В конце февраля 1907 г. в Думе начали обсуждать вопрос о помощи голодающим, которые пострадали, как отмечалось, от сильного неурожая 1906 г. Приводимые думцами факты были явно нелицеприятными для власти, фактически бросившей на произвол судьбы население нескольких губерний. Так, мусульманский трудовик Хасанов 7 марта 1907 г. призвал депутатов немедленно приступить к образованию комиссии для оказания помощи голодающим. «Я представитель Уфимской губернии, Бирского уезда, где по дознанию начальства голода нет — есть только острая нужда. Вот, господа, я привез в доказательство кусок земли, нет, господа, это не земля — это кусок хлеба, которым кормят башкир в Уфимской губернии...»¹ Это происходило на фоне того, что Уфимская и Оренбургская губернии являлись одними из самых хлебобродных регионов России, откуда зерно вывозилось и за границу. Скандал получил большой международный резонанс.

Весной 1907 г. в оренбургской газете «Вакт» была опубликована статья под названием «Англичане и голодающие мусульмане», в которой описывалось сочувственное отношение британских граждан к мусульманам голодающих губерний России, в частности Уфимской, и указывалось на помещенное в лондонской газете «Times» 6 апреля 1907 г. письмо Вамбери. По его сведениям, отправленные в Россию в пользу голодающих пожертвования распределялись крайне несправедливо, поскольку мусульмане в большинстве случаев оказывались лишенными этой помощи. Так как англичане жертвовали не каким-либо отдельным группам и не принимали во внимание принадлежности голодающих к той или иной религии, то, писал Вамбери далее, желательно, чтобы граждане Англии письменно потребовали правильного распределения этих пожертвований и об этом сообщили редактору газеты «Вакт» Каримову, которому и можно было, по мнению Вамбери, доверить раздачу этих пожертвований². Сбор средств в пользу голодающих мусульман Уфимской и Оренбургской губерний был устроен также мусульманами Египта и Индии, которые пересылали их Каримову через редактора каирской газеты «аль-Лива» («Знамя»)». Гуманитарная помощь британцев и зарубежных мусульман, которая, в сущности, расхищалась или распределялась только в интересах русского населения, являлась еще одним фактическим подтверждением «второсортности» мусульманского населения, с

¹ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. I. СПб., 1907. С. 213. Этот эпизод врезался в память думцу В.А. Маклакову, написавшему позднее, что Хасанов принес кусок хлеба, которым кормят башкир, «отдающих последние свои гроши на содержание Гурко и Лидваля...» (Маклаков В.А. Вторая Государственная дума (Воспоминания современника). Л., 1991. С. 99).

² Каспий. 1907. 15 апреля.

³ Баку. 1910. 4 июня.

которым, как казалось чиновникам, можно было так безответственно обращаться, но это было чревато протестами, неожиданно для властей вспыхивавшими в мусульманской среде.

После того как Хасанов выступил в Думе с гневной речью о голоде в Уфимской губернии, его уволили из школы в д. Бураево Бирского уезда Уфимской губернии, где он работал земским учителем, что вызвало сильное возмущение местных башкир¹. В феврале 1907 г. толпа до 300 башкир, съехавшихся на базар в этот аул, внезапно, как пишет Сафонов, напала на полицейских стражников. Пятеро из них были избиты, один башкир стражниками был убит. В марте на базаре в д. Ерлыково Белебеевского уезда той же губернии урядник, по его словам, попытался задержать башкира, продававшего не прошедшие цензуру мусульманские книги, торговец же утверждал, что у него были отобраны экземпляры Корана. Так или иначе, действия стража порядка вызвали негодование 200–300 присутствовавших мусульман, толпа осадила дом урядника. Последний убежал, выпрыгнув в окно, при этом тяжело ранил шашкой одного из нападавших². Некоторые важные обстоятельства столкновения в Бураево в описании Сафонова упущены. По сведениям уфимского губернатора, 6 февраля, в базарный день, в Бураево, куда съехались мусульмане из окрестных селений, башкир Т. Валиахметов торговал мусульманскими книгами. Когда стражник потребовал у него разрешение на торговлю, то он требование не выполнил. Эта ситуация привлекла внимание многих людей, недовольных последовавшими агрессивными действиями не только этого, но и других правоохранителей. В результате последним пришлось быстро ретироваться с базара и укрыться в доме. Окруженные толпой башкир, стражи порядка стали стрелять по безоружным людям. Был убит башкир Ш. Мухаметганиев³. Что касается конфликта в Ерлыкове, то урядник в действительности не ранил, а нанес смертельный удар первому подвернувшемуся башкиру⁴. Однако губернатор также умалчивал о важных деталях этого конфликта. Дело в том, что в этих аулах жандармы отобрали, а затем уничтожили экземпляры Корана, что и вызвало взрыв гнева у башкир, и именно потому они напали на жандармов, а те стали стрелять в безоружных людей, а затем шашками рубили разбегавшихся в панике жителей⁵. Это были типичные конфликты, возникшие при откровенном вторжении представителей власти в религиозные чувства верующих, дошедшем до публичного издевательства над их духовной святыней — Кораном. Какие-либо репрессии в таком случае были бесполезными, они лишь усиливали отчуждение народа от такой власти и от такой реальной антимусульманской политики.

¹ Каспий. 1907. 12 сентября.

² Сафонов Д.А. Крестьянское движение на Южном Урале... С. 66–67.

³ Сборник документов и материалов о революционном движении 1905–1907 гг. в Башкирии. Уфа, 1956. С. 248–249.

⁴ История Башкортостана с древнейших времен... Т. 2. С. 66.

⁵ Раилов Р.М. Революция 1905–1907 гг. в Среднем Поволжье и Приуралье. С. 707.

Испытывая горечь от подобных инцидентов, мусульмане продолжали надеяться на своих депутатов, выражали им свои намерения. «Как мусульмане, у которых вся жизнь религиозная, политическая, гражданская и семейная слагается по шариату, мы выставляем... свой наказ: "...Пусть свобода совести и религии для нас, как и для других народов Российского государства, будет законом, никогда ненарушимым". Других мелких требований мы здесь не выставляем, — добейтесь этого», — отмечалось, в частности, в напутствии мусульманского населения г. Петропавловска своему избраннику. В наказе, направленном на имя думца Х. Атласова, от мусульманского населения аула Чапай Мордовско-Ивановской волости Бугульминского уезда Симбирской губернии, было сказано, что свыше тысячи мусульман на своем сходе постановили ходатайствовать о том, чтобы власть не вмешивалась в их веру, предоставив мусульманам, как сказано в источнике, «религиозную автономию». Кроме того, они требовали полного осуществления возведенных манифестом 17 октября свобод, достаточной для проживания земли и др. Особо подчеркивалось: «Считаясь полноправными гражданами России, как и другие народности, неся, как и все, все тяготы отечества, требуем уравнивать в правах нас, мусульман, с остальным населением империи»¹. Тем самым авторы этого документа вновь свидетельствовали, что на деле никаких ощутимых перемен в своей повседневной жизни они не замечали. Главным приоритетом для мусульманских думцев была защита интересов своих избирателей, постоянно подвергавшихся дискриминации.

Как справедливо полагает Усманова, чтобы понять и полнее оценить деятельность депутатов-мусульман, безусловно, нужно познакомиться с их законодательской деятельностью и работой в думских комиссиях. От работы этих комиссий зависела во многом продуктивность деятельности Думы. И хотя эта работа часто была скрыта от взора общественности, о ней мало сообщалось в прессе, она очень важна, так как в ней заключается вся суть Думы. Именно она превращала Думу из «трибуны демократии» в законодательный орган². Итак, о том, насколько активными были мусульманские депутаты, свидетельствует, в частности, таблица 1.

Анализируя приведенные Немановым сведения, Усманова пишет, что в этой Думе процентное соотношение членов мусульманской фракции (30) к общей численности депутатов составляло 5,8%. Приблизительно равным было соотношение мусульманских депутатов в думских комиссиях по сравнению с представителями других фракций³. Если же определенным образом, как сделано в табл. 1, преобразовать данные Неманова, то получим возможность сделать дополнительные выводы: по предпоследнему и последнему показателям, наиболее важным критериям активности депута-

тов, мусульмане-думцы почти сравнялись с социал-демократами, обгоняя трудовиков и правых и отставая (немного в одном случае) от эсеров, кадетов, октябристов и народных социалистов.

ТАБЛИЦА 1. Участие депутатов-мусульман в работе комиссий II Государственной думы¹

Партийная принадлежность	Число членов партии	% от общего состава депутатов Думы (517)	Общее число членов комиссий	% от общего состава комиссий	Число депутатов в комиссиях	% от численности депутатов-однопартийцев	Процентное отношение депутатов — членов комиссий к численности фракции
Социал-демократы	66	12,8	70	11,7	42	63,6	106
Эсеры	37	7,2	47	8	27	73	127
Народные социалисты	16	3,1	33	5,8	14	87,5	206
Трудовики	103	20	87	14,2	58	56	84
Мусульмане *	30	5,8	33	5,8	18	60	110
Кадеты	96	18,6	149	24,6	70	73	155
Октябристы	43	8,4	58	9,8	34	79	135
Правые	12	2,4	2	0,4	2	17	17

На своем последнем заседании фракция постановила организовать в середине мая 1907 г. съезд мулл, чтобы обсудить отношение мусульманского населения к законопроекту о свободе совести. Этот съезд приурочивался к открытию заседаний созываемого Столыпиным съезда муфтиев и других официальных представителей мусульманского «духовенства» по разработке вопросов о нуждах мусульман. В обращении к Столыпину, напечатанному 12 мая 1907 г. в петербургской газете «Ульфят», в частности, было сказано, что мусульмане, не зная о содержании готовящихся в правительственных кабинетах законопроектов о свободе совести, не могли давать соответствующих наказов своим депутатам. Поскольку эти законопроекты касались всех мусульман империи, то их представители просили Столыпина разрешить съезд, который подготовят депутаты-мусульмане. Были

¹ Каспий. 1907. 12, 18 апреля.

² Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 274, 275.

³ Там же. С. 276, 277.

¹ Составлено по: Неманов Л.М. Состав и работы думских комиссий // Право. 1907. 24 июня.

* Члены Мусульманской партии. Всего в мусульманской фракции, как отмечалось, насчитывалось первоначально 36 думцев (7% от всех думцев), из которых шесть трудовиков затем вышли.

даже избраны делегаты и собраны необходимые средства для их поездки. Участвовать в работе съезда намеревались, к примеру, такие крупные религиозные авторитеты, как Закавказский муфтий Г. Гаибов и Закавказский шейх-уль-ислам А.А. Ахунд-заде¹, представлявшие закавказских суннитов и шиитов, между которыми не было единства, что не могло не отразиться на общемусульманском движении и репутации СРМ.

Таким образом, вывод Ямаевой о том, что мусульманские депутаты II Думы не сумели ни решить, ни даже поставить многие из наболевших проблем национальной глубинки², слишком категоричен и в большей своей части ошибочен. Приведенная таблица показывает совсем другую тенденцию. Мусульманская фракция, несмотря на раскол в своих рядах, сделала в целом немало до роспуска II Думы 3 июня 1907 г. и изменения закона о выборах, что означало, как считается в историографии, конец первой русской революции.

Поздно вечером 3 июня около 20 членов мусульманской фракции собрались на квартире А. Ибрагимова, чтобы обсудить роспуск и последствия нового избирательного закона для мусульман. Приблизительно через час на эту квартиру прибыли пристав с городскими. На вопрос о причинах собрания бывшие депутаты заявили, что пришли побеседовать друг с другом и попрощаться с хозяином квартиры перед отъездом из столицы. Тем не менее пристав велел всем собравшимся немедленно разойтись, а хозяину квартиры заявил, что доложит градоначальнику о проведении им на квартире незаконного собрания. 9 июня вышел последний номер газеты «Ульфят», издаваемой А. Ибрагимовым³. А через несколько дней, 13 июня, в Петербурге состоялся суд над ним как редактором этой газеты. Дело в том, что Санкт-Петербургский комитет по делам печати, рассмотрев статью в его газете, опубликованную еще 6 сентября 1906 г. и посвященную Туркестану, решил спустя почти год возбудить уголовное преследование против Ибрагимова. Он, как утверждалось обвинением, написал, что цель русского правительства в Туркестане состоит в скорейшей русификации или даже порабощении мусульман с использованием при этом таких методов, как тотальное запугивание и притеснение их; что поскольку при генерал-лейтенанте Д.И. Суботиче, который был туркестанским генерал-губернатором в 1906 г., они почувствовали неболь-

шое успокоение, правительство решило заменить его генералом от инфантерии Н.И. Гродековым*, уже причинившим много зла местным мусульманам. Далее автор статьи призвал их помнить о своих национальных правах, которые они имеют право защищать, и рекомендовал не исполнять распоряжения Гродекова. Ибрагимов обвинялся в том, что его статья содержала, независимо от критических суждений о политике в Туркестане русского правительства, призыв не исполнять распоряжений власти. Адвокат обвиняемого А.-О. Сыртланов обратил внимание прежде всего на то, что данная статья переведена на русский язык Главным управлением по делам печати совершенно неправильно. Переходя к анализу такого искаженного перевода, адвокат указал, что и в нем не содержится признаков данного преступления, поскольку Ибрагимов призывал не к неповиновению закону и законным распоряжениям властей, а к тому, что не следует исполнять только незаконные распоряжения власти. Суд согласился с доводами Сыртланова и вынес Ибрагимову оправдательный вердикт¹.

Летом 1907 г. в Петербурге Ибрагимов переиздал тиражом 1500 экземпляров свою книгу «Планета Венера», словно демонстрируя глубокое разочарование действиями столичных властей. Понятно, что такая книга незамедлительно была запрещена, о чем сообщила, в частности, бакинская газета «Каспий» 10 августа 1907 г., но неприятности для Ибрагимова на этом не закончились. Оказалось, что некоторые из ибрагимовских толкований носили, как показалось мстительным чиновникам, антиправительственный характер. К примеру, согласно новому официальному обвинению в его адрес, в одном из комментариев Ибрагимова к сочинению турецкого политика М. Ариф-бея «Разъяснение тысячи одного святого хадиса» было сказано: «Мы, повинясь государству Российскому, истребили корни туркестанских ханств... Падение всех ханств в России, падение Хивы, Бухары и Кавказа объясняется разногласием и отсутствием объединения мусульман, которые не пожелали объединиться с Турцией для отражения общего врага мусульман — России»². За издание данного труда «преступного содержания» Ибрагимова вскоре привлекли к судебной ответственности и осудили к году тюрьмы³, но ему удалось бе-

гионов, которые в какой-то мере проводили практическое воплощение в жизнь манифеста 17 октября, но именно это вызвало яростное сопротивление со стороны бюрократов-консерваторов. После отставки Суботич стал одним из кандидатов кадетской партии на выборах в III Думу.

* Этот военный востоковед, историк, этнограф был генерал-губернатором Туркестанского края с декабря 1906 г. по 1908 г.

¹ Право. 1907. 15 июля.

² ГАРФ. Ф. 124. Оп. 51. Д. 811. Л. 8–8 об. В этом фрагменте Ибрагимовым на самом деле дана объективная оценка роли мусульман Российской империи, не помышлявших о создании панисламистского или пантюркистского государства.

³ ГАРФ. ДПОО. 1916 г. Д. 335. Т. 1. Л. 167 об. Хабутдинов вслед за многими авторами полагает, что эта книга была запрещена только за то, что в ней утверждалось, что «все мусульмане составляют одну нацию» (Ислам на европейском Востоке. С. 110).

¹ Каспий. 1907. 4, 6 мая.

² Мусульманские депутаты... С. 46.

³ Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 178–179.

* Прибыв в Ташкент в январе 1906 г., Суботич в своей речи перед местным обществом, в частности, заявил: «Я признаю право каждого на пропаганду своих взглядов с целью сделать их руководящими во внутренней политике государства. Из этого права вытекает нормальность борьбы за свои убеждения... Я думаю, что такая мирная борьба более действительна, а результаты ее более прочны» (Туркестанские ведомости. 1906. 24 января). В начале июля он сказал, что «мы накануне кадетского министерства», за что был вскоре снят с поста генерал-губернатора (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1233. Л. 4–5 об.). Суботич наряду с Цехановецким и Бюнтингом относился к небольшому числу руководителей ре-

жать из России. Ясно, что в Петербурге было решено во что бы то ни стало наказать некоторых мусульманских лидеров, прежних фаворитов, ставших неудобными столичным бюрократам, что отчетливо прослеживается на примере А. Ибрагимова, которого они сначала использовали в своих целях, а когда надобность в нем исчезла, решили избавиться от него, сделав ставку на иных деятелей.

Вскоре опальный мулла, который, как признавал Департамент полиции, сыграл крупную роль в деле пробуждения русских мусульман¹, оказался в Туркестане и Бухаре, откуда отправился в Китай, Японию, Индию, Мекку и в 1910 г. прибыл в Стамбул, где в 1904 г. началась его столь головокружительная политическая карьера в России. Оказавшись вне ее, Ибрагимов, впрочем, не остался в долгу у своих бывших петербургских покровителей, развернув за рубежом острую критику политики русской власти в отношении сограждан-мусульман, чем нанес большой ущерб ее имиджу в мусульманских странах.

Оставшись без энергичного и опытного Ибрагимова, ЦК СРМ продолжал свою практическую работу, активно апеллировал к мусульманской общественности. Со всех концов империи от мусульман поступали телеграммы в ЦК с просьбой добиваться в Петербурге разрешения очередного партийного съезда, чему пытались противодействовать некоторые мусульманские деятели. В качестве их рупора выступил член мусульманской фракции М. Шахтахтинский*, который привлек большое внимание к себе после того, как в статье «Мусульмане в Государственной думе», опубликованной в правительственной газете «Россия» 31 июля 1907 г., написал, что «в обеих Думах мусульманская фракция состояла в открытой оппозиции против правительства; между тем поведение мусульманского населения империи продолжало неизменно оставаться по отношению к правительству безукоризненно корректным и лояльным». По мнению Шахтахтинского, манифест 17 октября «даровал, в числе других граждан, и мусульманам равноправие гражданское и все необходимые для нормального развития цивилизованного человека гражданские свободы». В результате правовое положение российских мусульман стало самым лучшим по сравнению с их единоверцами в других странах, где у них не было ни политических, ни гражданских прав, подчеркивал Шахтахтинский. Депутаты-мусульмане в I и II Думах, по его мнению, сделали фатальную ошибку. «Им показалось, будто правящая государст-

венная сила перешла теперь к Государственной думе, если не *de jure*, то *de facto*. А потому... они предпочли идти на буксире левых парламентских групп, составлявших большинство... В обеих Думах мусульманские депутаты фактически были не выразителями политических стремлений и верований мусульманского населения, а самозванными делегатами...» Эта и другие его статьи, как отмечалось в передовице «России» 3 августа 1907 г., вызвали сильную критику со стороны социалистов и кадетов. Последние, в частности, заверяли, что в противовес Шахтахтинскому найдут другого бывшего депутата-мусульманина, который засвидетельствует верность мусульманского населения кадетским устремлениям и обвинит Шахтахтинского в неверном освещении вопроса. Кадеты же старались представить мусульманских депутатов в качестве группы со своей национальной программой, в которой даже есть требование автономии. Тем самым, как отмечалось, в передовице «мусульман рядили в багровые плащи». Эта, по словам Шахтахтинского, фатальная ошибка мусульманских депутатов стоила мусульманам империи «сильного умаления» избирательных прав по закону от 3 июня 1907 г.¹ Тем самым он фактически подтвердил со страницы правительственной газеты, что слишком большая активность мусульманских депутатов, несмотря на то, что их было всего 7% от общего числа думцев, послужила одной из причин недовольства такой Думой в «верхах».

Продолжая дискредитировать членов мусульманской фракции, Шахтахтинский в другой столичной газете, «Новое время», писал, что больше половины мусульманских депутатов I и II Думы были людьми якобы «без всякого умственного развития», плохо знавшие или вовсе не знавшие русский язык, не умевшие составить собственное мнение об обсуждаемых в Думе вопросах, и потому они голосовали по подсказкам сравнительно более развитых, чем они, но оказавшихся недостаточно подготовленными для того, чтобы в «головокружительной неразберихе» русской революции, парламентской жизни занять и отстаивать позицию, соответствующую тому положению «традиционных приверженцев порядка и законности, которое занимают мусульмане в русском государстве». Эти депутаты принимали за чистую монету заверения думских деятелей, будто дни «ненавистного строя» сочтены и скоро судьба России перейдет в руки кадетов и их сторонников. И мусульманские депутаты, позабыв о настроении своих избирателей, поспешили распределиться, по своим личным вкусам, между разными левыми партиями в надежде приобрести таким путем право на особое к себе внимание со стороны «будущих распределителей казенного пирога в будущей республике или в будущем к ней ближайшем этапе», которым должна была стать ожидавшаяся во время I Думы «кадетская *soi-disant** монархия». В итоге «у лояльного русского мусульманства»

¹ ГАРФ. ДПОО. 1916 г. Д. 74. Л. 233.

* Мамед Шахтахтинский (1846–1931) — азербайджанец, выпускник Лейпцигского университета, публицист, востоковед, педагог; во II Думе сначала был членом кадетской фракции, затем стал «истинно-русским» мусульманином, придерживаясь крайне правых воззрений. Выступал за сохранение в «чистоте религиозных учений» и традиций предков. Такую «истинно-независимую и неподдельную религию нам, — указывал он далее в петербургской газете, — дает только конституционный строй», защищающий свободу совести (Слово. 1907. 22 июня).

¹ Россия. 1907. 26 августа.

* Так называемая (фр.).

в I–II Думах «было крамольное представительство»¹, — резко критиковал Шахтахтинский парламентариев-единоверцев, одновременно пытаясь заручиться поддержкой в мусульманской интеллектуальной среде. «В переживаемое нами время, — писал он в августе 1907 г., — все русское общество занято мыслью о переустройстве общественного строя... Этот реформаторский дух распространился и на нас, мусульман. Судьбой общества заняты теперь и правоверные... В чем же заключается этот вопрос жизни или смерти для мусульман? Он заключается в переходе от азиатского уклада жизни к европейскому, короче — в европеизации мусульман». На его взгляд, только среди российских мусульман имелось достаточное количество мужчин и женщин, «сознательно живущих европейской жизнью и могущих взять на себя проповедь европеизма среди мусульманского мира»². Шахтахтинскому удалось нанести ощутимый удар по репутации СРМ, мусульманских депутатов прежних Дум, но не удалось стать в ряды мусульманских лидеров, несмотря на мощную пропагандистскую поддержку со стороны официозных газет, которая, очевидно, была инициирована в правительственных кабинетах.

К лету 1907 г., по свидетельству перводумца С.-Г. Алкина, одного из организаторов Мусульманской партии, внутри нее наблюдалась «политическая расслоенность», что, по его мнению, объяснялось тем, что при выработке ее программы некоторые из основателей, как уже отмечалось, отнеслись отрицательно к необходимости вставить определенные политические требования, указывая на «разнородность социальных элементов мусульманства и вытекающую отсюда невозможность объединить всех в одну политическую партию», и предлагали главной задачей нарождавшегося союза-партии поставить борьбу за равноправие, как требование общенациональное. Сторонники такого подхода остались в меньшинстве, и в программу партии был внесен «политический элемент», причем в основу легли положения кадетской партии³. Все основные проблемы жизни мусульман империи были обозначены в данном программном документе, исходявшем из того, что мусульмане на местах прежде всего и главным образом требовали практического воплощения в жизнь провозглашенных манифестом 17 октября прав и свобод, которые, как им представлялось, давали возможность подготовки и создания со временем при поддержке власти культурно-национальной автономии.

Мусульмане тем временем продолжали со всех концов империи обращаться к Столыпину с просьбой разрешить очередной их съезд, подчеркивая, что главной его целью является детальное обсуждение исключительно религиозных вопросов. В связи с этим директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий В.В. Владимиров одному из

устроителей в частной беседе заявил: «Не просите разрешение на устройство съезда, мне трудно пришлось в прошлом году из-за вас, мусульман, я этого не забуду, и отныне мусульманам съезд не будет разрешен»¹. Телеграмма Столыпина нижегородскому губернатору М.Н. Шрамченко наложила, по мнению Ганкевича, окончательный запрет на созыв съезда, и в результате 60 мусульманских представителей, прибывшие в Нижний Новгород, 20 августа были вынуждены покинуть его². Это не совсем так. По другим данным, 19–20 августа в Нижнем Новгороде состоялось совещание членов ЦК СРМ, на котором обсуждались отношение к новому избирательному закону, предвыборная тактика, состав Постоянного бюро ЦК. По сведениям Усмановой, в бюро вошли Г. Апанаев, А. Ибрагимов и Топчибашев³. Что касается персонального состава, то Ибрагимов не мог быть избран членом Постоянного бюро, поскольку он недавно подвергся уголовному преследованию со стороны столичных властей и не мог оставаться в Петербурге. Апанаев же являлся имамом-хатыбом одной из мечетей в Казани и вряд ли мог уехать надолго в Петербург.

Только 22 августа организаторы съезда получили из Петербурга отказ, и потому они смогли провести даже несколько собраний, в которых участвовало около 30 делегатов, где было решено избрать в Постоянное бюро Акчурина, Баруди и Топчибашева⁴. Эти факты дают основания считать, что IV съезд состоялся, он, в сущности, подтвердил неизменность выбранного курса. Никаких существенных корректив в партийные документы при этом не было внесено.

В начале сентября ЦК СРМ выпустил воззвание «К избирателям мусульманам», в котором, обращаясь к «прогрессивным» мусульманам, призывал их «дружными усилиями помочь делу спасения свободы и просвещения народа»; или им придется «отказаться от идеи прогресса, свободы и просвещения народы и обречь себя на гибель и продолжать оставаться той бесправной инертной массой, с интересами и желаниями которой не принято считаться!..» ЦК призывал действовать энергично, сплоченно, всеми дозволенными средствами, чтобы провести в Думу «прогрессивных» депутатов, мотивируя тем, что чем больше таких депутатов будет в Думе, тем скорее будет предоставлено и мусульманам одинаковое избирательное право и вообще религиозное, гражданское и политическое равноправие. Причем там, где мусульмане не могут провести своих кандидатов, следует вступить в блоки и вообще действовать так, чтобы результатом солидарных действий всех «прогрессивных элементов» из мусульман и немусульман было избрание соответствующего депутата. ЦК в заключение призывал оставить на время выборов партий-

¹ Новое время. 1907. 23 октября.

² Россия. 1907. 16, 17 августа.

³ Каспий. 1907. 5 сентября.

¹ Каспий. 1907. 24 мая.

² Ганкевич В. Указ. соч. С. 31.

³ Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 180–181.

⁴ Русь. 1907. 9, 23, 26 августа; Русские ведомости. 1907. 4 сентября; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 52. Д. 317. Л. 3 об.; Национальная политика России... С. 132.

ные и программные разногласия, личные счеты и образовать «один могучий союз прогрессивных мусульман; в этом союзе духовном» действовать на выборах солидарно и выбрать «прогрессивных» депутатов¹. Хотя в этом документе не сказано из соображений корректности о мусульманах-«регрессантах» в лице клерикально-консервативных представителей мулльских кругов (этих «чиновников правительства»), но именно они, как часто отмечали либералы, представляли серьезную угрозу реформаторам в их стремлении к тому, чтобы претворить в жизнь намеченные цели по улучшению условий мусульманской жизни.²

Не забывали либералы при этом критиковать и социалистов. Так, 21 сентября 1907 г. в казанской газете «Казан мухбире», печатном органе СРМ, появилась статья под названием «Концепция партии “Мусульманский союз”». В ней было сказано, что постепенное развитие гораздо легче и вернее, чем шараханье из стороны в сторону. Какими бы прекрасными и притягательными ни показались райские картины будущей жизни, заключающиеся в современных социалистических учениях, но народ еще не созрел до самостоятельного освоения таких идей, и потому нельзя насильственно за короткий срок навязывать ему то, что достигается годами и является итогом собственного осознания³. Судя по этому послы, СРМ исходил из того, что в достижении своих целей мусульманам страны нужно придерживаться умеренности и эволюционности. Выбрав такие принципы, руководство партии продолжало в практической деятельности стремиться к тому, чтобы получить официальное признание со стороны столичных властей.

Член ЦК СРМ Гаспринский пытался подготовить и провести всемирный конгресс мусульман, и с этой целью в середине октября 1907 г. он прибыл в Каир. Здесь он выступил, в частности, с лекцией (присутствовало около 500 мусульманских ученых, публицистов, шейхов и др.), в которой охарактеризовал отношение русского правительства и общества к мусульманскому населению империи как благожелательное и беспристрастное. Это громкое заявление вызвало, по данным русских дипломатов, «самую дружественную манифестацию по адресу России», восторженные рукоплескания собравшихся⁴. (Такой форум тогда не удалось провести, но замысел Гаспринского осуществился спустя почти 20 лет, в 1926 г., в Мекке.) Эта беспрецедентная акция ЦК СРМ вызвала огромный резонанс во всем мусульманском мире и на международной арене.

В конце октября 1907 г. в прессе промелькнуло сообщение о том, что в скором времени в Петербурге состоится очередной съезд Мусульманской партии, целью которого является выработка директив для мусульманской фракции Думы⁵. Хотя устроителям съезда не удалось добиться разрешения на его проведение, но этот и другие факты свидетельствуют

о продолжающихся контактах ЦК партии с представителями правительства.

В сентябре 1907 г. при Министерстве народного просвещения была образована комиссия для пересмотра правил 31 марта 1906 г. с участием представителей и мусульманского населения (скорее всего, ими были представители от СРМ). В жалобах мусульман указывалось, что эти правила стесняют их религиозную свободу и стремятся вытеснить арабский алфавит. Сменивший на посту министра народного просвещения графа И.И. Толстого Кауфман признал, что включение в правила указания о вероисповедных школах было преждевременно, так как в МВД вырабатывалось общее положение о мусульманском «духовенстве», в связи с которым находился и вопрос о порядке открытия мусульманской конфессиональной школы. Относительно транскрипции учебников Министерство народного просвещения указало, что оно не имело в виду обязательно вводить во все инородческие училища книги, печатаемые в русской или двойной транскрипции, а лишь предлагало употреблять двойную транскрипцию для облегчения изучения русского языка, причем это правило к мусульманским книгам религиозного содержания не относилось. Но указанными разъяснениями мусульмане не удовлетворились и продолжали требовать пересмотра правил*. В результате работы комиссии и был составлен проект новых правил о начальных училищах для инородцев, с которым согласились и мусульманские представители, поскольку в нем уже не было указаний о русской транскрипции мусульманских книг, не касались правила и конфессиональных мусульманских школ. 27 октября 1907 г. данный проект был утвержден царем¹. 1 ноября 1907 г. им были утверждены новые Правила о начальных училищах для инородцев Казанского, Оренбургского, Одесского, Кавказского, Туркестанского, Иркутского и Приамурского округов. Теперь эти школы должны были, с одной стороны, содействовать нравственному и умственному развитию инородцев, а с другой — распространять среди них русский язык. Родной язык допускался в первые два года обучения и рассматривался как орудие первоначального обучения². Эти указы были большим успехом мусульманской общественности. Характер чувств и настроения мусульман в «смутное время» ясно показывали, отмечал Шахтахтинский, «очевидные всем факты». В то время как революционеры истребляли самых разных представителей государственной власти, «вызывая сочувствие у

¹ Каспий. 1907. 8 сентября.

² Сахапов М.Дж. Ислахи и татарская литература... С. 147.

³ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 485. Д. 1256. Л. 79 об.

⁴ Каспий. 1907. 24 октября; Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 181.

* Предложение преподавать на татарском языке по книжке с русской транскрипцией вместо арабской воспринималось мусульманским населением как выражение глубокого и явного презрения к нему, поскольку игнорировался тот факт, что турки до ислама имели свою письменность, а с принятием ислама фактически национализировали арабский алфавит (Терджиман. 1906. 27 октября).

¹ Малиновский Н.П. Законодательство об инородческих школах // Инородческая школа. Сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы. Пг., 1916. С. 145–146.

² Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 412.

своих сородичей и единомышленников», верность мусульманского населения государству пресекала всякое проникновение в мусульманскую среду каких бы то ни было преступлений на политической почве¹.

Таким образом, программа Мусульманской партии, несмотря на внесенные в нее изменения, по-прежнему представляла собой компромисс между мусульманами всех частей империи, различных слоев и групп. Хотя эта партия так и не была зарегистрирована, но неоднократные контакты ее представителей с членами правительства означали, что некоторые из министров де-факто признали ее в качестве наиболее влиятельного представителя мусульманского населения империи. Лидеры партии находили разные методы воздействия на них, чтобы достичь уступок с их стороны, когда в Петербурге принимались решения, которые вызвали всплеск недовольства среди мусульман. Их политики искали возможные пути разрешения конфликтных ситуаций, пытаясь найти союзников в лице тех или иных политических партий. Неудача сотрудничества с кадетами стала разочарованием для мусульманского сообщества, некоторые из его лидеров намеревались заручиться поддержкой со стороны других партий. Определяющим фактором, усилившим отчуждение мусульман от власти, было по-прежнему вмешательство ее представителей в их религиозно-культурную сферу. Несмотря на роспуск Думы, конец русской революции и начавшиеся преследования неугодных мусульманских лидеров, таких как А. Ибрагимов, общеимперское мусульманское движение продолжалось. Завершением его шестого этапа стал состоявшийся во второй половине августа 1907 г. IV общеимперский мусульманский съезд.

ГЛАВА 12

МУСУЛЬМАНСКАЯ ФРАКЦИЯ В III ДУМЕ И ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ СОЮЗА РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН

Мусульманских депутатов в III Думе, которая открылась 1 ноября 1907 г., стало 10, то есть их число уменьшилось в несколько раз. Средняя Азия оказалась совсем лишенной представителей-мусульман в Думе. По мнению Пяковского, причина такого демарша власти заключалась в том, что выборы во II Думу в Туркестане, где царизм особенно заботился о своем престиже среди якобы «беспокойного туземного населения», настолько напугали (?) его, что после разгона Думы этот край был совсем лишен представительства в Думе¹. По мнению Каррер д'Анкосс, встревоженный поступающими докладами, царь решил наказать Туркестан политически, и регион оказался вовсе лишенным представительства в Думе². В статье, посвященной тому, как Туркестан был представлен в Думе, Котюкова, выходя далеко за рамки своей темы, резюмирует, что в 1906 г. во внутренней национальной политике, оказывается, появился «принципиально новый, по сути, революционный момент — вовлечение различных народов, обладавших по российским законам ограниченными гражданскими правами, в систему реального законотворчества»³.

В Туркестане при Столыпине проводилась настоящая политика земельного ограбления коренных народов. Главным лозунгом колонизации этого края стала доктрина «Туркестан для русских», сформулированная в правительстве накануне созыва I Думы. Межевскими экспедициями определялись «научные» нормы потребности местного населения в земле, а вся площадь, превышающая эти «нормы», переходила в фонд Переселенческого управления и в собственность казны. В переселенческий фонд ушло только в Казахстане 21,4 млн дес., в том числе до 1906 г. — 4 млн, и за 1906–1912 гг. — 17,4. В собственность же казны было забраковано 230 тыс. дес. в Тургайской области, 552 тыс. — в Ферганской, 798 тыс. — в Семиреченской, а всего по Туркестану — более полутора миллионов десятин земли⁴. Такая тактика правительства означала, что началось наступление на мусульман Туркестана. Поэтому в Думе не нужны

¹ Пяковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. С. 537.

² Каррер д'Анкосс Э. Указ. соч. С. 127.

³ Котюкова Т. Из истории борьбы за представительство Туркестана в Государственной думе... С. 47.

⁴ История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1957. С. 519; Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 239.

¹ Новое время. 1907. 23 октября.

были его представители, резко критиковавшие с ее трибуны проводимую здесь центром переселенческую политику.

Сокращение числа думцев-мусульман, согласно распространенной точке зрения, нанесло ощутимый удар по мусульманскому движению в целом. Мусульманская фракция в III Думе стала малочисленной, а потому не могла взять на себя функции руководящего центра движения. Однако не только численность депутатов имела значение. Дело в том, что существенным образом изменился состав депутатов. Большинство их принадлежало к людям с умеренными политическими взглядами и никогда не выступавшим против существовавшего строя, и хотя некоторые из них примыкали к кадетам, но их «кадетизм», по Шахтахтинскому, носил «искренне монархический, а не противомонархический» характер¹.

Не удивительно, что такая мусульманская фракция первым делом взялась за корректировку программы своей предшественницы. По данным турецкого исследователя Н. Хаблемитоглу, 17 ноября 1907 г. была подготовлена программа, сокращенная до 68 статей², и в том же месяце она была в Петербурге отпечатана под названием «Программа Мусульманской парламентской фракции. Во 2-й Государственной думе» (см. приложение 4, подпункт Д). Главные отличия данной программы от всех предыдущих редакций заключались в том, что были сняты: статья о том, что министры несут ответственность за свои действия перед депутатами Думы, статья о праве мусульман применять шариат в брачных, семейных и наследственных делах и статья о прекращении переселения на мусульманские земли. Исключение двух последних статей не могло не снизить в народных массах, особенно туркестанцев-мусульман, доверия к Думе и своим избранникам, которым пришлось сделать это под давлением правительства, усиленно проводившего заселение Туркестана переселенцами.

В то же время в МВД пытались усилить свои позиции в самой Мусульманской партии посредством благонадежных мулльских представителей. В докладной записке мулл разных волостей Казанского уезда на имя Столыпина было сказано, что в феврале-марте 1907 г. их ознакомили с циркуляром³ о том, что «мы как должностные лица не можем входить в противоправительственные партии или создавать из самих себя само-

¹ Новое время. 1907. 23 октября.

² *Hablimitoglu N.* Op. cit. S. 149. Вновь из программы снят раздел «Военные силы», а также ряд других статей, вместе с тем восстановлены 1–2 параграфы из I раздела, но при этом слово «партия» заменено словом «фракция».

³ При издании была допущена опечатка: вместо 3-й напечатана 2-й. Поэтому исследователи ошибочно относят эту программу к периоду II Думы, не обращая внимания на тот факт, что у мусульманской фракции II Думы имелась своя программа.

⁴ Речь идет о циркуляре Совета министров от 14 сентября 1906 г., согласно которому государственная служба объявлялась несовместимой с принадлежностью к политической партии. 16 декабря 1906 г. МВД направило в ОМДС распоряжение о распространении данного циркуляра и на мусульманских духовных лиц, подчиненных ОМДС (*Усманова Д.М.* Мусульманские представители... С. 498).

стоятельные партии. Но представители каждой народности защищают прежде всего свои интересы. Мусульмане — вторые по численности в России после русских. Раз магометане-миряне образуют общую Мусульманскую партию, каким же образом мы, духовные служители магометан, можем не примыкать к своей национальной партии? Наши прихожане-кормильцы тогда от нас отвернутся». Руководство МВД сообщило 22 декабря 1907 г. Оренбургскому муфтию, что поскольку Мусульманская партия не относится к антиправительственным партиям, то муллам как «должностным лицам» не запрещается участие в ней¹. Таким образом запрет на участие мулл был отменен через год, поскольку правительству понадобилось иметь свою опору внутри этой партии. Такой резкий поворот означал, в сущности, неофициальное признание СРМ в качестве Мусульманской партии, которая, несмотря на трудности, обусловленные подавлением русской революции, продолжала оказывать сильное влияние на людей. Поэтому вывод Усмановой о том, что с 1907 г. практически вся легальная политическая жизнь российских мусульман была сосредоточена вокруг мусульманской фракции Думы, которая вскоре превратилась в своего рода национальный политический центр², отражает, с одной стороны, стремление этого исследователя сильно преувеличить значимость выбранного предмета изучения, с другой — одновременно принизить роль СРМ. При этом мнение В.А. Думина, написавшего на основе публикаций Усмановой специальную статью для энциклопедического издания о мусульманской фракции, что в целом она была мало подготовлена к законодательной деятельности³, противоречит как изложенным самой же Усмановой фактам, в особенности относительно активности депутатов II Думы, так и другим материалам, которые приводятся в данной книге.

В конце 1907 г. была сделана еще одна важная уступка монарха в отношении мусульманского населения, связанная с предложением Воронцова-Дашкова о привлечении закавказских мусульман к обязательной службе в армии, которое, по мнению Баберовски, премьер-министром Столыпиным было отклонено⁴. Это не так. На заседаниях правительства 10 и 17 июля 1907 г. рассматривалась эта записка Воронцова-Дашкова и было отмечено, что поскольку пребывание мусульман «в рядах русской армии может только содействовать развитию в них чувства преданности царю и отечеству», то следует привлекать закавказских мусульман к отбыванию воинской повинности, сначала формируя из них «особые полки», а затем, на чем настаивало военное ведомство, привлекать их в ряды русской армии на общих основаниях. 14 декабря 1907 г. Николай II ука-

¹ *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). С. 824.

² *Усманова Д.М.* Мусульманские представители... С. 145.

³ Государственная дума Российской империи. Т. 1. 1906–1917. С. 401.

⁴ *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 350–351.

зал, чтобы данное предложение, в числе других, получило «скорое разрешение»¹. Именно поэтому в 1907 г. Николай II подписал указ о снятии с абхазского народа «виновности» за то, что во второй половине XIX в. он неоднократно восставал². Реализация замысла создания новых мусульманских воинских формирований затянулась. Несколько добровольческих полков из мусульман Северного Кавказа и Закавказья, включая азербайджанцев и абхазцев, были сформированы только в начале первой мировой войны.

В тот же декабрьский день в далеком от Петербурге Ташкенте местная газета «Туджор» («Купец»)* совершенно верно констатировала: «В тех местах, где живут мусульмане, всегда было спокойно, не наблюдалось никаких беспорядков и не утрачивалась дисциплина... Мы решительно заявляем, что авторитет России — наш авторитет. Если в России и в дальнейшем произойдут беспорядки, то мы будем гордиться тем, что всегда охраняли спокойствие России»³. Это были вовсе не казенно-патриотические заявления, как считалось в советской историографии, а выражение чувств граждан, переносящих тяжелые социальные потрясения, которые охватили общее государство. В современной западной историографии утверждается, что якобы революция стояла у истоков антирусских настроений в Туркестане. Местные мусульмане, осознавая

свой колониальный статус, включились также в панисламистское движение¹.

Туркестанские мусульмане в политическом смысле совершенно благонадежны и даже в только что пережитые годы «всеобщей тревоги» не проявили каких-либо колебаний в преданности престолу и своему новому отечеству, как о том неоднократно свидетельствовало само местное начальство², отмечал 2 ноября 1909 г. казах Лапин в прошении председателю Совета министров. Нижегородские мусульмане, как отмечают современные авторы, не были втянутыми в революцию, оказавшись сторонниками таких преобразований, которые диктовались самой жизнью, ее условиями и возможностями, а не теми или иными разрушительными идеями. Нижегородские мусульмане олицетворяли собой самоуправляющуюся и законопослушную религиозную общину³, которая являлась частью общеимперского мусульманского сообщества.

Но позиция мусульманской части населения страны была практически неизвестна в русском обществе, которое под влиянием прежде всего воинствующих публицистов, журналистов и историков все сильнее настраивалось в антимусульманском духе. В результате обычно считалось, что мусульмане остаются фанатиками. А между тем, отмечал, к примеру, оренбургский публицист П. Зет, среди них началось сильное культурное движение. «Не отрицаясь от своей народности, не разрушая устоев своей веры, наши мусульмане — я, — писал Зет, — привожу факты только из знакомого мне Оренбуржья — хотят сделаться обладателями сокровищ человеческих познаний». На самом деле, писал он, можно говорить о фанатизме мулл, «видевших в изучении русского языка, языка общего для нашего отечества, и в культурном слиянии мусульман с остальным населением империи гибель религиозных традиций». В Оренбурге, по его свидетельству, зал для чтения был битком набит самой разнообразной мусульманской публикой⁴.

С точки зрения же мусульман, сближение их с русскими должно было происходить на почве взаимного уважения, доверия и благожелательного отношения друг к другу. Само слияние заключалось в «уважении к государственным законам, преданности интересам общего отечества, в дружной и солидарной работе на его благо, а не в том... чтобы подавить отдельные народности, заглушить в каждой из них проявление самостоятельности, свободы, уничтожать язык, веру, обычаи и другие национальные черты»⁵. Не признавая проведение закона о свободе совести неотложным делом, церковное руководство между тем упорно отстаивало

¹ Особые журналы Совета министров царской России. 1907 год. II. Часть вторая. М., 1985. С. 242, 269.

² Лакоба С. Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв. Очерки. М., 2004. С. 13.

* Эту джадидскую газету, которая стала выходить 21 августа 1907 г., финансировал крупный ташкентский предприниматель-узбек и гласный Ташкентской городской думы С. Азимбаев. В программной передовице первого номера было, в частности, сказано, что газета намерена стать «могучим средством в деле защиты национальных и финансовых прав». В передовой статье второго номера указывалось, что мусульмане «невежественно» относятся к вопросу обеспечения учебы подрастающего поколения и, в сущности, способствуют тому, что «дорогое время наших детей проходит бесполезно и напрасно». Поэтому, сказано было далее в статье, «надо пользоваться временем», напрасная же трата его «есть полное невежество». Такое положение сложилось, по мнению газеты, потому, что мусульмане не знали способов улучшения своей жизни (Пяковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. С. 557, 558). Кроме того, Азимбаев являлся официальным представителем МВД по руководству паломничеством местных мусульман. Осенью 1907 г. он взялся за устройство в Одессе специальной гостиницы для паломников-мусульман (Усманова Д.М. Мусульманские представители... С. 431).

³ Цит. по: Пяковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. С. 554. В этом же номере «Туджор» отмечалось: «Мусульмане не должны устраивать против России революцию и стать предателями в ее глазах» (Ланда Л.М. Указ. соч. С. 178; Пяковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. С. 556). Позднее появился иной перевод этого же фрагмента: «Мусульмане не будут устраивать против России революцию и не будут предателями в ее глазах» [Ланда Р.Г. Мусульмане в истории России (до 1917 г.) // Ислам в СНГ. М., 1998. С. 120. Ланда ссылается на перевод этой фразы из книги советского исламоведа Н. Аширова «Ислам и нации» (М., 1975. С. 17)]. В подобных переводах допускались такие искажения, которые могли вызвать ошибочное впечатление, что мусульмане действительно готовились включиться в революционные действия против власти или были готовы выйти из состава империи.

¹ Карпер д'Анкокс Э. Указ. соч. С. 128.

² АВГРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1266. Л. 87, 89.

³ Общественно-политические процессы, партии и движения в Нижегородской губернии в конце XIX — начале XX вв. Т. 1. С. 82.

⁴ Окраины России. 1910. 1 мая.

⁵ Каспий. 1906. 5 января.

привилегии православной религии, всеми способами стремясь помешать проведению в стране начал веротерпимости¹, чему содействовали ретивые бюрократы, занимавшиеся административным произволом, игнорировавшие и просто не выполнявшие того, что полагалось для достижения реального равноправия мусульман с православными, другими словами, для их сближения как сограждан и соотечественников. Поэтому лидеры СРМ так настойчиво продолжали стремиться зарегистрировать в столице свою организацию, которая, как отмечалось, уже неофициально признавалась МВД. В марте 1908 г. в Петербурге был отпечатан 16-страничный «Устав Союза российских мусульман». Но на пути юридической регистрации возникли новые непредвиденные препятствия.

После того как младотурецкой партии «Иттихад ве Теракки» («Единение и прогресс») удалось в июле 1908 г. совершить бескровную революцию, в ходе которой правитель Османской империи, султан Абдул-Хамид II, вынужден был объявить о созыве парламента и восстановлении конституции 1876 г., — все это вызвало тревогу в Петербурге, в частности и потому, что этот пример, осуществленный в условиях мусульманской страны, мог, как показалось кому-то в правящих кругах, «заразить» мусульманских подданных русского царя. Дело в том, что в начале XX в. для того, чтобы развалить Османскую империю, Лондон негласно поддерживал ваххабитов («пуритан»), для которых характерна крайняя нетерпимость в вопросах веры и практической борьбы со своими врагами, что очень умело было использовано англичанами, чтобы внести раскол между турками и арабами, вместе составлявшими большинство населения этого многонационального и поликонфессионального государства. Стремясь к созданию государства арабов, ваххабиты фактически содействовали распаду Османской империи, внося тем самым рознь в мусульманский мир и убедительно доказав полную несостоятельность концепции панисламизма как политической доктрины, о которой так много безосновательно писалось и пишется и в отношении мусульман Российской империи.

В этой обстановке Петербург прибег даже к устрашению — инициировал кампанию по борьбе с мифическим панисламизмом среди подданных-мусульман: начались обыски, аресты, ссылки, закрывались учебные заведения, просветительные учреждения, газеты, журналы и пр. В 1908 г. власти даже запретили продажу изданного в Оренбурге двухтомного сочинения М. Рамзи² под названием «Собрание известий и опубликование памятников касательно событий Казани и Булгар и царей казанских», написанного на арабском языке³. Причина проста. Слишком резко, вспоминал Валидов, написал автор о притеснении русской властью мусульман³.

¹ Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 191.

² Мурад Рамзи (1855–1934) — уроженец Мензелинского уезда Уфимской губернии, нахшбандийский шейх, историк, богослов.

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 47. Д. 1071. Л. 1.

³ Тоған З.В. Указ. соч. С. 57.

Против Рамзи было возбуждено судебное преследование¹. Вот как, например, оценивал в 1910 г. изменения во внутренней ситуации в связи с младотурецким фактором директор особого отдела Департамента полиции: «В последние три-четыре года среди мусульманского населения империи... замечается явное брожение, возникшее на почве идей так называемого панисламизма. Это фанатическое движение, всемерно поддерживаемое младотурецкими и младоперсидскими комитетами, начинает получать в России особо сильное развитие. Оно замечается в сильной степени на Кавказе, в Крыму, в Волжско-Камском районе и других городах империи»². При этом русской общественности идеологами русского национализма, различными «государственниками» и «патриотами» усиленно внушалось, что Российская империя — это государство русских и для русских, а мусульмане страны, жившие на своей земле испокон веков до их появления, якобы противостояли ему, не были ни согражданами, ни соотечественниками, ни патриотами.

Антимусульманская кампания, естественно, вызывала недовольство у верующих, особенно среди туркестанских мусульман, полностью, как отмечалось, лишенных своих представителей в III Думе. К примеру, в Ташкенте была обнаружена в 1909 г. прокламация, обращенная, как сказано в ней, к «смирным мусульманам». Ее, как считали представители власти, написал депутат II Думы ташкентский мулла А. Кариев³. В листовке было указано, что мусульмане попали в смуту, при которой их вера и жизнь, что ни день, то подвергается ударам, но настанет время, на голову русских обрушится беда, вот тогда и мусульмане поднимутся и станут сражаться, и если Бог даст, освободят Туркестан от русских, и поставят правителя из своей среды³. Здесь, если вдуматься, нет никакого призыва к свержению самодержавия, но ясно сказано, что в кризисный момент мусульмане откажут в поддержке власти, проводящей политику угнетения их религиозных чувств и ведущей курс на дискриминацию их как граждан. Такие прокламации производили паническое впечатление на местных администраторов. «В строго правоверном мирозерцании мусульман произошел, — сообщал в марте 1909 г. в секретном докладе на имя военного министра туркестанский генерал-губернатор, — крупнейший переворот, и мы стоим накануне реальных последствий этого переворота, загадочных своей неизвестностью и, судя по некоторым признакам, возможно даже грозных для нашего теперешнего положения в

¹ Подробнее см.: Сафиуллина Р. Указ. соч. С. 163–164.

² ГАРФ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

³ Абдувахит-кары Кариев (Карьев) (1859–1937) — уроженец Ташкента, учитель. В 1909 г. арестован и сослан на пять лет по обвинению в подготовке «вооруженного восстания туземцев-мусульман в целях отделения Туркестана от империи». В 1917 г. один из лидеров туркестанских мусульман (Котюкова Т.В. О деятельности туркестанских депутатов во второй Государственной Думе // Общественные науки в Узбекистане. 2001. № 3. С. 46).

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 47. Д. 954. Л. 1–1 об.

крае»¹. Разумеется, никакой особой тайны не было в том, что уровень стабильности в крае зависел от эффективного управления, когда чиновниками учитывались и своевременно решались запросы мусульманских жителей, чего обычно не происходило.

Ростом подозрительности в отношении мусульман пытались также воспользоваться консервативно-мудельские круги, чтобы побороть неугодных им духовных лиц. К примеру, когда мулла Н. Ахмеджанов, специально приглашенный из Казани мусульманами Красноводска, приехал туда в сентябре 1907 г., то прежний мулла, недовольный потерей своей обеспеченной позиции, задумал обвинить коллегу в противоправительственной агитации, подговорив для этого несколько лжесвидетелей. По их доносу полиция произвела обыск у Ахмеджанова, но ничего незаконного не обнаружила. Позднее последовал еще один донос о том, что новый мулла говорил в конце 1908 г. в мечети после молитвы: мусульмане перестали слушать муллу, выше которых ставят чиновников, за что Аллах пошлет им плохих правителей, которые будут бить и казнить их, и время это настало. На этот раз мулла был властями наказан². Такой способ избавления от тех или иных лиц, которые становились популярными среди населения, быстро распространялся во время революции. Властям доносили, что реформаторы будто бы являются панисламистами, желающие отделить мусульманские территории и присоединить их к Турции, что вызывало в правоохранительных структурах все возрастающее подозрение реформаторов в государственной измене.

В таких сложных условиях Мусульманская партия провела в августе 1908 г. в Нижнем Новгороде, во время очередной ярмарки, свой V съезд, с участием около 25 делегатов³. Собрания политического характера имели место там же в августе 1909 и 1910 гг., в которых принимали участие члены Думы Тевкелев и М. Тукаев (Уфимская губерния). 21 августа 1909 г. состоялось первое и единственное заседание шестого съезда Мусульманской партии, поскольку полиция нагрянула в номер ярмарочной гостиницы «Московское подворье», где находилось 26 делегатов, в том числе Тевкелев, Топчибаев, Тукаев, нижегородский ахун Соколов, потомственный дворянин М.М. Девлет-Кильдеев⁴. Но никто не был арестован, поскольку ничего запрещенного при них не оказалось. На заседании делегаты успели заслушать отчет о деятельности мусульманской фракции. По данным охранки, партия имела к 1909 г. большое количество членов в разных частях империи⁵. В мае 1909 г. епи-

скоп Андрей заявил, что состоялись «девять магометанских съездов»¹, суммируя все наиболее значимые общественно-политические мероприятия, включая в их число не только съезды, но и совещания. Партия, таким образом, продолжала существовать полулегально.

С точкой зрения советских авторов о самоликвидации СРМ с подавлением революции, так как его лидеры не желали давать властям повода думать о их нелояльности², в сущности, согласны многие западные исследователи. Так, в работах А. Беннигсена, Ш. Лемерсье-Кельеже, С.Е. Уимбуш отмечалось, что в 1908 г. ЦК Мусульманской партии решил самораспуститься; к 1914 г. она больше не существовала³. Рорлих считает, что эта организация так и не стала партией из-за отказа в регистрации⁴, подойдя сугубо с формальной точки зрения. Такое объяснение, которое продолжает сохраняться в постсоветской историографии⁵, вполне вписывается в общую схему «наступления реакции», последовавшей с подавлением революции. Однако приведенные факты позволяют не согласиться с тезисом о самороспуске Мусульманской партии по причине отказа в регистрации.

С одной стороны, отношение в правительстве к этой партии было к тому времени вполне толерантным, что объясняется тем, что несмотря на появившуюся подозрительность по отношению к такого рода съездам, власти, как верно отмечала Воробьева (Кэмпбелл), не были склонны обвинять все мусульманское население в антигосударственной деятельности и возбуждать в данный момент мусульманский вопрос. В правительственных кругах преобладало мнение, что в основной своей массе мусульманские подданные «преданы престолу и отечеству». Вероятно, делает предположение она, такому взгляду способствовало то обстоятельство, что непосредственно в революционных событиях участие мусульман было весьма скромным. Кроме того, по мнению властей, «пробуждение» мусульман было локальным явлением и не имело серьезного влияния на все мусульманское население, которое, как оказалось, больше интересовалось вопросами религии, нежели политики⁶. И это было бесспорным фактом. Поэтому Мусульманская партия, с чем согласен и современный турецкий историк, продолжала существовать до падения царского режима, хотя и не получила легального разрешения. Неоднократные попытки регистрации были встречены постоянными отказами под различными предлогами⁷.

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1909. 20, 23 мая.

² См., напр.: Раимов Р.М. 1905 год в Башкирии... С. 207.

³ Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay. Islam in the Soviet Union. L., 1967. P. 44; Bennigsen A.A., Wimbush S.E. Muslim National Communism in the Soviet Union. Chicago, 1979. P. 217–218.

⁴ Rorlich A.-A. Op. cit. P. 122.

⁵ Так, с точки зрения Б.Х. Юлдашбаева, СРМ существовал только до 1914 г. (Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т. 1. Уфа, 2002. С. 38).

⁶ Кэмпбелл Е.И. Мусульманский вопрос в России: история обсуждения проблемы // Исторические записки. 2001. № 4. С. 142.

⁷ Kirimli H. National movements and national identity among the Crimean Tatars (1905–1916). Leiden, 1996. P. 71.

¹ Цит. по: Пясковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Узбекистане. С. 251.

² ГАРФ. Ф. ДП-7. 1909 г. Д. 3214. Л. 5–5 об.; Ф. 124. Оп. 47. Д. 953. Л. 1, 2 об.

³ Аманжолова Д.А. Мусульманское движение в России в начале XX в. // Религия, церковь в России и за рубежом. 1995. № 6. С. 40; Национальная политика России... С. 132.

⁴ Возможно, Мухамет-Галим Мухаметжанович Девлеткильдеев — владелец конного завода в Татарской волости Касимовского уезда Рязанской губернии.

⁵ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 47. Д. 251. Л. 2; Ф. ДПО. 1909 г. Д. 291. Л. 6; Багирова И.С. Указ. соч. С. 146; Сенюткин С.Б. Указ. соч. С. 314–315.

На очередном съезде мусульман империи, который состоялся 25 июня 1914 г. в Петербурге, Топчибашев от имени ЦК Мусульманской партии заявил, что IV съезд из-за недостаточного количества участников не может быть признан легитимным, и потому Петербургский съезд был обозначен как четвертый¹. Исходя из такого пересмотра статуса партийного мероприятия, IV Нижегородский съезд (1907 г.) можно считать партийным совещанием, так же как V (1908 г.) и VI (1909 г.) съезды. Такого рода мероприятия Мусульманской партии, таким образом, приобрели регулярный характер, к ним власти относились без особого напряжения, хотя некоторые чины из правоохранительных органов усердствовали в раздувании мыльного пузыря под названием «панисламистская угроза», который при ближайшем рассмотрении того или иного эпизода из мусульманской жизни тут же лопался, поскольку было очевидно, что мусульмане посредством религии и культуры распространяли свое влияние на другие народы, создавая на самом деле только такую конкуренцию русскому господству.

Чтобы дискредитировать в общественном мнении общемусульманское движение, с 1908 г. исламофобами стал усиленно распространяться миф о панисламизме, который был заимствован политиканствующими миссионерами из работ германских, австрийских и иных европейских авторов. Концепция панисламизма, следует повторить, была изобретена и использовалась в интересах западных держав, чтобы испугать «исламской угрозой» Россию, Индию и Средний Восток, хотя в действительности мусульманский мир, напротив, был встревожен европейской экспансией. Как отмечал, выступая в Думе, С. Максудов, если до 1908 г. нигде в миссионерской литературе не встречалось понятие панисламизма, то с 1908 г. российским мусульманам стали приписывать сепаратистский панисламизм, который, в интерпретации европейских исламофобов, есть движение, нацеленное на разрушение европейской цивилизации, всего христианского мира². На самом деле те, кто в Российской империи подхватили этот жупел, исходили из религиозной и национальной нетерпимости, стремясь даже уничтожить не только какое-либо присутствие религии ислама, но и этническую самобытность мусульман страны, и поэтому под разными предлогами старались выставить в неприглядном свете мусульман якобы воодушевленными враждебными русскому государству стремлениями, чтобы в конечном счете объяснить репрессивные меры в отношении мусульманских народов соображениями государственной безопасности. Все эти домыслы противоречат тому, что происходило не только во время русской революции, но и при ее подавлении.

Достаточно указать на то, что в 1908 г. началось усиленное сближение части мусульман с монархистами и русскими националистами. СРН вы-

¹ А. Топчибашев: «Нас не только игнорируют, но и не доверяют нам вовсе» // Гасырлар авазы — Эхо веков. 1997. № 1/2. С. 72.

² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908. Сессия вторая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 2667; Там же. Сессия пятая. Ч. 3. СПб., 1912. Стб. 984.

ражал, по словам С.В. Тютюкина, особое «благорасположение» к мусульманам¹. К примеру, когда весной 1908 г. в Казани была устроена процессия сторонников СРН, то ее организаторы предложили участвовать в ней 25 муллам, большинство из которых согласилось, но трое уклонились. В результате через месяц трое несогласных мулл были арестованы по обвинению в пресловутой панисламистской пропаганде. Группа татарских монархистов, пытаясь получить поддержку общественности, стала собирать подписи против арестованных мулл. Получив всего 25 подписей, они явились к местным властям с просьбой отправить этих мулл «на край света». В то же время другая группа смогла собрать более тысячи подписей в защиту тех же мулл, но это обращение к местным чиновникам не возымело действия, и мулл отправили в ссылку в Вологду². Среди них был известный и авторитетный среди населения мулла Баруди, член ЦК Мусульманской партии, которого казанский губернатор еще в феврале 1908 г. предложил Петербургу выслать из пределов губернии, что в мае было поддержано министром внутренних дел³.

Казанский историк М. Юсупов, цитируя фрагмент моей статьи об этом мулле⁴, заявил: «Согласно конфиденциальной информации Департамента полиции, — пишет Исхаков С., ученый секретарь Научного совета РАН «История революций в России», — он (Баруди. — М.Ю.) являлся руководителем Казанского комитета партии «Иттихад-и Мухаммеди», созданной в Османской империи после младотурецкой революции 1908 года муллой Вахдети-эфенди. Эта партия выступала против младотурок, обвиняла их в неверии, призывала мусульман объединиться «вокруг ислама и халифа». Поскольку после 1908 года власти России стали подозревать своих мусульман уже в сепаратистском панисламизме, причастность Баруди к «Иттихад-и Мухаммеди», видимо, толковалась как стремление к отделению от России».

Юсупову моя ссылка на Департамент полиции почему-то показалась непонятной, и он рассуждает на этот счет так: «Информация, как бы она ни была конфиденциальна, должна быть названа. Поэтому судить о том, имел ли Баруди какое-либо отношение к этому комитету, невозможно. Если даже представить гипотетически, что Баруди по каким-либо соображениям дорожил причастностью к этому комитету, то желание оста-

¹ Первая революция в России: взгляд через столетие. С. 528.

² [Цаликов А. Среди мусульман. С. 80.

³ ГАРФ. Ф. ДП-4. 1908 г. Д. 24. Ч. 9. Л. 13–13 об., 21.

⁴ Исхаков С. Галимджан Баруди: политик и просветитель // Татарстан. 1997. № 8. С. 86–90. Следует указать, что первая статья об этом неординарном мулле, носящая энциклопедический характер, была опубликована отнюдь не в Казани, а в Москве (См.: Исхаков С.М. Баруди // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 28–29); данное издание было подготовлено еще в конце 80-х годов, во время «перестройки», и поэтому эта статья является первой в отечественной историографии научной публикацией, что намеренно игнорируется нынешними татарстанскими биографами Баруди.

* Ныне — Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций.

ваться лояльным к существующему строю наверняка превалировало бы над всем вышеназванным. В любом случае выбор был бы сделан им в пользу последнего. Мы полагаем, что к этой организации он не имел никакого отношения¹. Но никаких фактов, кроме собственных предположений, Юсуповым при этом не приводится. Если бы он обратил внимание на публикации, которые вышли в той же Казани, то мог узнать, что главными аргументами таких реформаторов, как Баруди, действительно было возвращение к прямой интерпретации Корана и сунны и отказ от традиционных подражаний комментаторам. Баруди был среди тех, кто начал практику иджитхада как одного из основных принципов мусульманского реформизма. То, что Баруди при этом придерживался правых взглядов, не вызывает сомнения, и потому он и его многочисленные сторонники никак не могли представлять какую-либо угрозу государственному строю. В начале 1906 г. в своем журнале «Ад-дин ва аль-адаб» («Религия и нравственность») Баруди писал: «В последние времена многие люди изменились и отделились от благодатного времени, они забыли историю жизни пророка Мухаммеда...» Как и другие мусульманские реформаторы, он поддерживал лозунг: «Назад к Корану, к первоисточникам». А в 1913 г. Баруди писал, что Николай II, справедливый царь, даровал мусульманскому народу невиданную свободу². Баруди, как верно полагает московский исламовед З.И. Левин, упадок мусульманского мира объяснял отходом мусульман от чистой веры, подчеркивая прогрессивный и динамичный характер ислама, признавая за верующим право на свободу мысли, стремился богословски обосновать необходимость обновления шариата, опираясь на разум человеческий, и пытался соединить ислам и современную науку, хотел привнести в жизнь уммы ценности европейской культуры, преломленные сквозь призму морально-этических основ исламской доктрины³. Ясно, что из-за таких взглядов и их практического воплощения у Баруди были немало врагов прежде всего среди мулльских консерваторов, которые обвиняли его в чем угодно, давали «конфиденциальную информацию» в правоохранительные структуры, чтобы с их помощью устранить опасного конкурента, отправив в конце концов его «на край света». Напомним, что именно Баруди возглавлял «патриотическую» манифестацию казанских татар в октябре 1905 г., но в 1908 г., будучи членом ЦК СРМ, уже не контактировал с СРН, который, однако, рассчитывал вновь на публичную поддержку этим авторитетным муллой местных правых.

В этом направлении предпринимались и другие меры. Царско-народным русским обществом (ЦНРО), организованным еще в декабре 1905 г. в Казани профессором Казанского университета В.Ф. Залесским, был

разработан проект устава мусульманского общества, представленный на Всероссийский съезд председателей губернских и областных отделов СРН и других монархических организаций, проходивший 15–19 июня 1907 г. В проекте предусматривалось предоставить мусульманскому филиалу СРН право строить мечети, а членам мусульманских отделов при СРН обещались все гражданские права наравне с православными. Съезд принял решение выработать особый нагрудной значок для членов СРН из мусульман* и ходатайствовать о легализации «Устава СРН для мусульман». 9 августа 1907 г. газета «Уфимский край» сообщила, что в СРН решено образовать мусульманский отдел. Возникшее в Казани «Общество мусульман» (зарегистрировано 11 августа 1908 г.; председатель А. Апаев⁴), надо полагать, было попыткой создания татарского филиала СРН в Казани.

Кроме того, правые монархисты стали действовать в сельской местности. Внимание царско-народников к татарам-земледелцам вскоре принесло свои первые результаты. Желавшие создать черносотенную мусульманскую организацию нашлись в Чистопольском уезде — одном из самых насыщенных членами СРН⁵. В зарегистрированном в декабре 1908 г. уставе Царско-народного мусульманского общества (ЦНМО) было сказано, что его целью является сохранение среди татарского населения верности принесенной на Коране присяге царю и «крепкое единение с русскими патриотическими обществами». Районом действия общества была вся Казанская губерния, включая г. Казань⁶. Главный совет ЦНМО размещался в ауле Карамышево, где имелось свыше 800 жителей-мусульман. Руководителем его стал местный крестьянин Х. Файзуллин. С конца 1908 г. до июля 1909 г. в этом уезде было открыто 18 отделов ЦНМО, общей численностью более 240 человек, главным образом — крестьяне.

В соседнем Лаишевском уезде в аулах Сауши (свыше 900 татар-мусульман), Балыклы (свыше 600 жителей — отатарившихся чувашей, принявших ислам) и Малые Нырсы (около 400 жителей, большинство мусульмане) действовали три татарских отдела ЦНРО — Саушинский (З. Хисамутдинов), Балыклинский (Я. Халиков), Мало-Нырсынский (М. Галязитдинов) общей численностью около 30 человек. Следуя информации охраны, И.Е. Алексеев, как, впрочем, и ряд других исследователей, уве-

* На значке предлагалось изобразить полумесяц (вместо Георгия Победоносца), государственный герб, строки из Корана о том, что долг правоверных повиноваться Аллаху и царю, а также надпись: «Союз русского народа с мусульманами».

⁴ Скорее всего, Абдулла Апаев (1873–1937) — купец 1-й гильдии, владелец конезавода, нескольких домов и поместий.

⁵ Михайлова Е.М. Указ. соч. С. 89, 251; Стеценко А.И. Черносотенцы Поволжья в 1905–1907 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2002. С. 105, 106; Максимов К.В. Монархическое движение в России... С. 101.

⁶ Алексеев И.Е. Чёрная сотня в Казанской губернии. С. 149.

⁷ Устав Царско-Народного Мусульманского общества. Чистополь, 1908. С. 1.

¹ Юсупов М. Указ. соч. С. 57.

² Хисамутдинова Л.С. Общественно-политические взгляды татарского просветителя Галимджана Баруди. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. С. 135, 139, 144.

³ Левин З.И. Указ. соч. С. 45.

рен в том, что под прикрытием монархической «вывески» в одном из отделов ЦНМО велась «панисламистская» пропаганда, и потому местные власти в конце 1909 г. закрыли всю эту организацию¹. Это был, следует возразить, лишь предлог, которым в правоохранительных структурах пользовались всякий раз, когда необходимо было отчитаться в связи с проводимой в империи кампанией борьбы с панисламистской «угрозой». Факты свидетельствуют, чего на самом деле опасались власти. К примеру, зимой 1908 г. в д. Новое Узеево (Чистопольский уезд), где имелся отдел ЦНМО², мулла С. Курамшин, уроженец этого аула, несколько раз, согласно доносам, убеждал своих односельчан (здесь жили не только татары, но и чуваша) в случае войны России с Турцией не отдавать своих сыновей в солдаты к русскому царю, призывал их не воевать с турками, поскольку, по Корану, запрещено убивать своих единоверцев³.

Мотивы участия татар-мусульман в монархических организациях Казанской губернии в большинстве случаев сильно отличаются, как верно полагает Алексеев, от мотивов участия в них русских. Идеи монархистов в среде первых были считанные единицы. Подавляющее большинство же становились членами подобных обществ, партий и союзов прежде всего из-за стремления защитить свои имущественные интересы, присоединившись к тем, кто составлял опору правящему режиму⁴. Дело, однако, не только в материальной заинтересованности. После революции в мусульманской печати отмечалось, что СРН в обмен на поддержку мусульман на выборах в Думу обещал обеспечить невмешательство власти в их религиозно-духовную жизнь⁵. В ряде случаев в местные правые организации, по данным Ю.И. Кирьянова, записывали татар, сохранявших при этом приверженность своей религии. Много крымских татар было в Ялтинском отделе СРН⁶.

Черносотенцы Среднего Поволжья, в отличие от петербургских, выступали за такую форму государственного устройства, в которой сочеталась власть самодержавия и местных органов самоуправления, за введение областной формы самоуправления и др.⁷, что и послужило главной причиной поддержки частью татарского населения местных правых мо-

¹ Алексеев И.Е. «Царско-Народное Мусульманское Общество» в Казанской губернии // Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность. Тезисы докладов Республиканской научной конференции 14–15 июня 1995 года. Казань, 1995. С. 76–78; Алексеев И.Е. Участие татар в монархических организациях Казанской губернии в начале XX века. С. 44–45; Михайлова Е.М. Указ. соч. С. 249; Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их. Лаишевский уезд. Казань, 1893. С. 64, 103, 104.

² Алексеев И.Е. Чёрная сотня в Казанской губернии. С. 285.

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 50. Д. 322. Л. 4–4 об.; Ф. ДП-7. 1911 г. Д. 1853. Л. 3, 4, 9–9 об., 13.

⁴ Алексеев И.Е. Участие татар в монархических организациях Казанской губернии в начале XX века. С. 45.

⁵ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1991. Л. 1.

⁶ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 89.

⁷ Михайлова Е.М. Указ. соч. С. 62.

нархистов. Если в Казанской и Таврической губерниях среди мусульман имелись приверженцы правых партий, то в Оренбургской и Уфимской губерниях, как отмечалось в МВД, оренбургское «мусульманство в большинстве развращено левыми», а уфимские «мусульмане — левые...»¹. Обнаружившаяся идейно-политическая дифференциация среди мусульманской элиты лишь отчасти была отражением противоборства между традиционалистами и реформаторами. В действительности наблюдалось три отчетливо сформировавшихся направления: 1) из джадидов («народников») во время революции выделились либералы-реформаторы — Агаев, Акчури, Баруди, Бигиев, Гаспринский, С. Максудов, Топчибашев и др.; 2) из джадидов появились также немногочисленные приверженцы социалистических партий — эсеры (Г. Исхаков, Мухамедьяров, Туктаров), меньшевики (Ибр. Ахтямов, Гайдаров, Цаликов), большевики (Садыковы, Ямашев). Группа мусульманских социалистов во время первой русской революции была маловлиятельная — вообще революционеров-мусульман вплоть до 1917 г. было очень мало. Поэтому утверждение Хабутдинова о том, что социалистическое движение тогда становится основным идеологическим направлением среди молодой светской интеллигенции и во многом заменяет единое либеральное движение российских мусульман², лишено каких-либо серьезных оснований; 3) из традиционалистов (консерваторов, «почвенников») стали сплываться в организации, по выражению Цаликова, «истинно-мусульманские люди»³ — Баязитов, Шахтахтинский и др.

Приведенные факты из общественно-политической жизни мусульман страны показывают, что власть, как отмечал Г. Исхаки, повела «контратуку» и принялась, где возможно, насаждать «особое консервативно-фанатичное татарское черносотенство», создавая соответствующую организацию, по его словам, «из подонков татарского общества»⁴, имея в виду филиал СРН в Казани, который иногда назывался «Мусульманским союзом русского народа из казанских татар». Об этом союзе мало что известно, так как данный факт остается не привлекательным для изучения в татарской историографии. Сближение правых монархистов с частью татарского населения происходило за счет общего сдвига вправо, происходившего в общественном умонастроении в период подавления революции. Царистские иллюзии и социальная демагогия на какое-то время обеспечили прилив в отделы подобных организаций некоторого количества мусульман, в том числе казанских татар. Как справедливо отметил Шагиахметов, последовавшая после 3 июня 1907 г. «яркая националистическая политика чувствительнее всего должна была отразиться на

¹ Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998. С. 677.

² Хабутдинов А.Ю. Общественное движение молодежи у татар-мусульман в начале XX века. Нижний Новгород, 2005. С. 60.

³ [Цаликов] А. Среди мусульман. С. 80.

⁴ Мухамед-Гаяз Исхаки... 2004. № 9. С. 5, 13.

психологии мусульман, больно затрагивая их религиозно-национальные чувства»¹. Одной из метаморфоз этого разочарования было появление на данном — седьмом — этапе общемусульманского движения как собственно правых мусульманских организаций, так и самих мусульман в рядах монархических организаций.

Таким образом, внутренние расхождения между традиционалистами и реформистами, имевшиеся до 1905 г., начали, как верно отмечает современный турецкий исследователь, давать дорогу более сложным социально-политическим разногласиям как между либералами и социалистами, так и консерваторами и радикалами². Идейно-политическая структура мусульманской элиты, как показали события первых послереволюционных лет, была куда более сложной и противоречивой, чем это пытаются представить многие современные обществоведы, сводя, как правило, все к дихотомии: традиционалисты и джадиды или традиционалисты и модернисты. Наиболее влиятельной политической силой мусульманского населения империи оставался СРМ*, который действовал полулегально вплоть до Февральской революции 1917 г.

ГЛАВА 13

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ НА МУСУЛЬМАН

Революция 1905–1907 гг., считалось в советской историографии, пробудила к борьбе угнетенные царизмом нерусские народы. Впервые национально-освободительное движение охватило все окраины империи — Польшу, Украину, Финляндию, Прибалтику, Закавказье, Среднюю Азию. И хотя уступки царизма угнетенным народам были более чем скромными, огромное значение имел тот факт, что они стали лучше понимать, кто их действительно друг и кто враг. Революция способствовала усилению интернациональных связей трудящихся нерусских этносов с русским пролетариатом¹. В условиях революции мусульманские народы действительно стали лучше представлять русское общество, центральную власть, правительственную политику и многое другое. Вместе с тем несомненно, что влияние революции на мусульман было гораздо многообразнее: сложный комплекс экономических, социальных, политических и идеологических факторов влиял на их психологию, определяя специфику социальной активности.

В массах, как верно объяснял Шагиахметов, «долго удерживалось убеждение, что обеспечение национальной и религиозной свободы находится в зависимости от возможно полного политического самоустранения». Но действительность революционного времени привела к другим соображениям². Наблюдались случаи открытого протеста отдельных лиц и различных групп, издавалась подпольная литература, смело бичующая пороки власти, несправедливые действия чиновников любого ранга, образовывались разные кружки, выросшие затем в политические партии и группы, наконец, локальные межэтнические конфликты — все эти явления, знаменующие собой начало революционного движения, имели место в жизни мусульманских народов в течение революции. Но большинство мусульман под влиянием прежде всего своей религии, консерваторов и либералов осталось на верноподданнических позициях, не поддержало социальную смуту. Вопреки всем распространенным предвзятым публикациям различных экспертов по мусульманским проблемам, поведение людей не вписывалось и в панисламистскую угрозу.

В течение двух лет после манифеста 17 октября 1905 г. мусульмане ждали очень многого. Однако за это время крайне мало было сделано для

¹ Шагиахметов И. Указ. соч. С. 252.

² Kirişli H. Op. cit. P. 72.

* По мнению Силантьева, роль СРМ в жизни исламского сообщества страны не выглядела сколько-нибудь заметной (Силантьев Р. Новейшая история исламского сообщества России. М., 2006. С. 17), что противоречит изложенным фактам.

¹ Исторический опыт трех российских революций... С. 450–451.

² Шагиахметов И. Указ. соч. С. 254.

развития их просвещения и подъема культуры, для того, чтобы они ощутили реальное претворение манифеста. Вместо этого их постоянно и необоснованно обвиняли в панисламизме и пантюркизме. Те внутренние перемены, которые за годы революции произошли в сознании, психологии людей, выразились в том, что впервые проявил себя активный интерес к общегосударственным вопросам, что ярко обнаружилось в ходе выборов в Думу, в том, что произошло сближение с революционными, либеральными и правыми элементами русского общества. В общем и целом революция стала важным этапом в дальнейшей консолидации мусульманства как крупной социальной силы российского общества: окрепла мусульманская солидарность, представители разных этносов сообща усваивали политические уроки, у многих мусульман появился живой интерес к политике, окрепло чувство собственного достоинства, возникла жажда знаний и др. Конечно, влияние революции на различные группы мусульманства было неодинаково, немало оставалось патриархальных предрассудков и иных пережитков в их сознании и поведении. Это видела и понимала политическая элита мусульманства.

В одном из писем А.М. Горькому Г. Исаков объяснял, что его главная цель состояла в том, чтобы втянуть народ «в европейскую мысль и жизнь»¹. Этот лейтмотив является основополагающим для понимания причин участия мусульманских интеллектуалов-реформаторов в политической жизни российского общества во время первой русской революции. О масштабах этого втягивания, процесса европеизации, можно судить, в частности, по таким показателям. С 1905 г. до 1917 г. мусульмане Поволжья, Урала, Крыма, по словам Исакова, «не щадя ни сил, ни средств, создали большое национальное богатство, которое является залогом осуществления национальных идеалов, получивших окончательную формулировку уже в революции 1917 г.» За эти 12 лет было открыто около 4000 реформированных в духе времени начальных школ (мектебов), 10 модернизированных средних учебных заведений (медресе), много татар обучалось в русских средних и высших учебных заведениях; действовало около 30 типографий и столько же книгоиздательств, которые напечатали свыше 5000 названий новой литературы; издавалось несколько десятков мусульманских газет и журналов; работало около 100 библиотек и около 100 культурно-просветительных и благотворительных обществ; создан татарский театр и пр.² К 1915 г. во всей империи, по данным М.-С. Баязитова*, насчитывалось свыше 15 тыс. мектебов и более 2 тыс. медресе, 47 мусульманских благотворительных и 35 просвети-

тельных обществ, 23 типографии, 194 книжных магазина¹. В частности, в Азербайджане в 1905–1907 гг. публиковалось свыше 63 периодических изданий, за несколькими исключениями, все — в Баку, опередившем в этом смысле Казань². В декабре 1906 г. — марте 1907 г. в Баку Расул-заде издавал мусульманскую газету под характерным названием «Текаямил» («Эволюция»). Общая направленность этой и других газет, издаваемых гумметистами, не отличалась тем революционным, большевистским напором, который было принято им приписывать³.

Важны не только приведенные количественные показатели, — важнее отражаемые ими процессы и тенденции. Выступая в Думе, А.-О. Сыртланов подчеркнул, что во всем революционном движении, как «смутном», мусульмане «участия не принимали, идя путем эволюционным». В тех местах, где они жили, шла «тихая созидательная, спокойная жизнь; там нет волнений, нет беспорядков... там мир и спокойствие». Мусульмане добивались «всего только права на религиозное и национальное самоопределение...»⁴. Здесь обнаруживается, что у мусульман происходило глубокое переосмысление своего мировидения. Так, в 1908 г. известным азербайджанским ученым и публицистом А. Гусейн-заде* были написаны две картины, являвшиеся первыми образцами мусульманской живописи в империи. До этого никто из мусульман страны не брался за кисть, так как занятие таким творчеством считалось «богопротивным»⁵. В Коране, как полагают современные исламоведы, не существуют запретов на изображение живых существ. Все, что говорится по этому поводу в популярной литературе, — грубейшая ошибка, основанная на незнании текста Корана и культуры ислама⁶. Полный отказ от создания образов живых существ на мусульманском Востоке так и не был осуществлен. Одной из вершин исламского искусства являются миниатюры в рукописях с изображением персонажей литературных произведений. В начале XX в. египетский реформатор ислама знаменитый шейх М. Абдо даже издал фетву, где говорилось, что мусульмане могут заниматься изобразительным искусством и скульптурой⁷. Между тем мусульмане в Российской империи не только фотографировались, но даже позировали известным фотографам, о чем свидетельствует множество фотоснимков, сохранившихся до настоящего времени как в частных коллекциях, так и в различных музеях.

¹ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4323. Л. 4 об., 5.

² Светоховский Т. Русский Азербайджан... С. 106–107.

³ Багирова И.С. Указ. соч. С. 35–36.

⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. С. 472, 474.

⁵ Алибек Гусейн-заде (1864–1940) — азербайджанец, выпускник Петербургского университета, журналист, переводчик, поэт, художник.

⁶ Окраины России. 1910. 1 мая.

⁷ Шукров Ш.М. Образ человека в исламе. М., 2004. С. 26.

⁸ Керимов Г.М. Шариат. Закон жизни мусульман. М., 1999. С. 129–130.

¹ Цит. по: Ганиев В.Х. Две эмиграции Гаяза Исаки. С. 235.

² Мухамед-Гаяз Исаки... 2004. № 9. С. 14.

* Мухаммед-Сафа Баязитов (1877–1937) — сын А. Баязитова, имам 2-го магометанского прихода в Петербурге и ахун Петербургского военного округа, преподаватель ислама в петербургских военно-учебных заведениях и Ксенинском институте, переводчик Министерством иностранных дел.

1905 год, вспоминал Расул-заде, «служил очень важной исторической датой и в жизни тюрко-мусульманских народов России. Им же создались новые условия и для Азербайджана, которые повлияли на дальнейшее развитие азербайджанской общественности... Пользуясь относительной свободой, гарантированной революцией, национально-общественные силы Азербайджана начинают быстро развертываться. Отмечаются большие сдвиги в области беллетристики, поэзии, театра, музыки, повременной печати и народного образования»¹. Вообще азербайджанским интеллектуалам принадлежит пальма первенства среди мусульман империи и в других сферах творчества: в конце XIX в. — начале XX в. первым драматургом, первым композитором, первым издателем газеты стали именно азербайджанцы². В Тифлисе в 1906 г. их представители стали публиковать сатирический журнал «Молла Насреддин», который содержал карикатуры на типичных персонажей мусульманской повседневности, вызывая большой интерес у читателей. Событием в мусульманской общественной жизни также стало появление специальных детских журналов — первым стал иллюстрированный литературно-научный журнал «Тарбия-атфаль» («Воспитание детей»), который выходил в январе-марте 1907 г. в Москве. Этот журнал, выходивший на татарском языке, имел такие изящные иллюстрации, которые, как отмечал современник, сделали бы честь любому европейскому журналу³. Редактором-издателем этого журнала являлся З. Шамиль, который, получив должность в Главном управлении по делам печати, в конце 1906 г. переехал из Москвы в Петербург⁴.

Число мусульман, преимущественно татар, обучавшихся в высших и средних учебных заведениях Москвы, к 1913 г. составляло почти 100 человек. Автор статьи, московский учитель А.-З. Галеев, отмечал, что это количество, конечно, невелико, но по сравнению с прошлыми годами виден заметный рост и, по его прогнозам, их число увеличится, ибо многие его соотечественники считали, что без знания русского языка они не сумеют послужить ни своей религии, ни своей мирской жизни⁵. Мусульмане, отмечал в 1913 г. Шагиахметов, теперь уже сотнями насчитывали

своих студентов в русских высших учебных заведениях страны, в которых уже часто встречались и мусульманки. Консерваторки-мусульманки в Саратове работали над возрождением национальной музыки, мусульманки выступали в качестве артисток в татарских спектаклях, начинали посещать различные курсы и т. д. Развитие народных университетов благоприятно было воспринято среди мусульманок в Астрахане, Казани, Уфе¹. Как отмечал Цаликов, «даже женское образование начинает находить горячих защитников» среди мусульман, а знающие их среду понимали, «какая революция должна была произойти в головах российских мусульман, чтобы женское образование могло найти для себя право гражданства». По его наблюдениям, «идеи женского равноправия все сильней и сильней начинают прививаться мусульманскому населению»². Так, в конце 1907 г. в Уфе было зарегистрировано первое в империи «Уфимское мусульманское дамское общество», преследующее культурно-просветительные, нравственно-воспитательные и трудо-вспомогательные цели³. Стали организовываться союзы женщин-мусульманок, выдвигающих лозунг «Долой чадру!»⁴. Подобное тяготение к русской и европейской культуре оставалось без научного анализа, вместо которого принято было считать, что эти подданные, большинство которых составляли тюркские народы, были подвержены идеям панисламизма и пантюркизма. Приведенные факты свидетельствуют о том, что у мусульман имелась готовность к диалогу с внешней средой в условиях собственной этнокультурной мобилизации. Вопреки этим и многим другим фактам, Хабутдинов, как и некоторые другие современные историки, уверяет, что итоги развития мусульман России в целом и татарского общества к 1917 г. были якобы малоутешительными⁵. Другая «инновация»: по словам Матвеева, с 1905 г. происходило ослабление религиозности якобы и в наиболее сложных мусульманских регионах, что было вызвано «более мощным и привлекательным для масс идеологическим воздействием, какое в том период могли оказать, безусловно, только революционные учения»⁶. Напротив, для мусульман роль религии усилилась в эти переломные годы, а различные идеологии никакого значения для народа не имели.

«Русские мусульмане перестали быть... массой... Они стали явлением, с которым нужно, — писал в 1912 г. некий эксперт, — считаться, которое нужно принимать во внимание при разрешении вопросов внутренней и внешней политики. В среде народов, «скипетру российскому подвластных», появилась новая нация (курсив мой. — С.И.) дисциплинированных людей, с определенными задачами. Эти задачи нашли выражение в про-

¹ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 1. Д. 329. Л. 17–18. Успехи в азербайджанской культуре происходили на фоне того, что в Баку, где азербайджанцы к 1905 г. составляли около половины горожан, их численность к 1913 г. сократилась почти вдвое, а доля русских и армян увеличилась в два раза (Балаев А. Динамика изменения численности населения Баку во второй половине XIX — начале XX века // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Материалы международной конференции. Баку, 2005. С. 204). Столь значительное сокращение численности горожан-азербайджанцев в результате конфликтов с армянами является примером того, каким сложным феноменом являлось воздействие революции на мусульманскую жизнь в целом.

² Азербайджанцы. Историко-этнографический очерк. Баку, 1998. С. 23.

³ Русова Н. Указ. соч. С. 34.

⁴ Каспий. 1907. 5 сентября.

⁵ Подробнее см.: Инородческое обозрение. 1913. Кн. 4. С. 243, 314–315.

¹ Шагиахметов И. Указ. соч. С. 251–252.

² [Цаликов А. Среди мусульман. С. 76.

³ Каспий. 1907. 29 декабря.

⁴ Окраины России. 1910. 1 мая.

⁵ Хабутдинов А.Ю. Общественное движение... С. 60.

⁶ Матвеев В.А. Указ. соч. С. 41.

грамме мусульманской думской группы. В ней намечены желательные, основные изменения во всех областях государственно-общественной жизни. Достаточно отметить самые главные из них. Наиболее соответствующей формой правления мусульмане считают конституционную монархию. На местах должно быть организовано широкое самоуправление, в основе которого должна лежать мелкая земская единица... В тех местностях государства, где этого пожелает население, должна быть введена национально-областная автономия с предоставлением областным представительным учреждениям, организованным на широких демократических началах, законодательных прав по местным делам, и с обеспечением в областных представительных учреждениях представителей меньшинства... Нужно признать, что мусульманская интеллигенция встала на верный путь, по которому ее народ может прийти к возрождению и обновлению. Разумно поставленная школа и широкое самоуправление — это единственный верный путь для создания дисциплинированных и политически воспитанных граждан¹. По словам историка А.И. Добросмыслова, «1905 год для мусульманства был годом пробуждения. Появились попытки направить мысли мусульманских народов, населяющих Россию, в особое русло, и поставить на видном месте вопрос о годности мусульманской культуры для дальнейшего развития народов, исповедывающих религию Магомета»². Даже тем, кто не испытывал никаких симпатий к мусульманским гражданам, становилось ясно, что те силы, которые агитировали во время революции за свержение государственного строя, не могли быть популярными среди мусульманских масс, оставшихся в целом верноподданными и лояльными гражданами. Вот почему у мусульман, по словам Шагиахметова, «политический инстинкт самосохранения не поглощается инстинктом экономического приспособления»³.

Главная задача общемусульманского движения, как отмечалось, заключалась в приобщении мусульманских народов к мировой культуре. Как подчеркивал в 1909 г. Цаликов, «свою отсталость мусульмане начинают сознавать очень хорошо...»⁴. Это движение — и мусульманское, и национальное, но прежде всего оно — культурное. В России оно было направлено к духовному, культурному развитию русских граждан-мусульман. Это означало усиление и культурное обогащение большей части населения империи не за счет других, а для совместной с ними работы⁵. По наблюдениям востоковеда Рыбакова, «начиная с эпохи 1905–1906 гг., многие мусульманские народности России стремятся к национальному самоопределению, культурному подъему...»⁶. Но этот процесс

протекал весьма специфично: не через этносоциальный эгоизм, а напротив, через ощущение духовной связи и поиска достойного места среди других народов империи. В 1905 г. мусульмане, писал, к примеру, татарский писатель Дж. Валидов в опубликованной в 1914 г. в Оренбурге книге «Миллет ве миллиэт» («Нация и национализм»), усвоили много нового, у них родились новые мысли, возникли разные движения: «1905 год есть начало всех идейных и культурных движений, которые продолжают и поныне»¹. В направленной Миллюкову в 1910 г. телеграмме от оренбургских мусульман было сказано: «... мы, мусульмане... стремимся и желаем приобщаться постепенно к русской гражданственности, но мы думаем, что для приобщения нас к русской культуре не требуются такие жертвы, как забвение и отречение от родного языка в школе и т. д. Мы твердо уверены, что сохранение нашей национальной особенности, религии и языка вполне совместно с русской гражданственностью, чему доказательством служит наше многовековое мирное сожительство с русским народом в пределах Российской империи»².

Однако этот настрой вызвал неожиданную реакцию со стороны власти. Поэтому в феврале 1911 г. С. Максудов заявил в Думе о произошедшем повороте политического курса правительства, искусственно создающего в стране новый вопрос — мусульманский³. «Реакция принесла с собой новые веяния, и воинствующий национализм вновь стал поднимать голову, пытаясь снова превратить народную школу в орудие насильственного обрусения»⁴. После революции самодержавие, по выражению современных авторов, «организовало настоящий “крестовый поход” против мусульманских народов Российской империи»⁵. Наступление реакции, возбудившее обостренное чувство национального самосознания, в том числе у татар, привело к появлению у них тяги «совершенно обособить свою школу от русской, национализируя ее всецело по восточному типу, сниз у доверху подчиняя ее арабскому влиянию», вместо прежнего течения, нацеленного на «национализацию татарской школы по западно-европейским педагогическим требованиям и организацию прежде всего вполне татарской начальной школы»⁶.

Во время революции «политическое движение среди мусульман очень быстро заглохло, — писал, в частности, саратовский прокурор в 1913 г., — не приняв при этом революционного характера, но оно имело большое практическое значение в том отношении, что произвело эволюцию во взглядах мусульман на внутренний строй мусульманской жизни и осо-

¹ Милица. Указ. соч. С. 368–369.

² Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912. С. 251.

³ Шагиахметов И. Указ. соч. С. 257.

⁴ [Цаликов] А. Среди мусульман. С. 79.

⁵ Алисов Г. Указ. соч. С. 37.

⁶ Рыбаков С. Статистика мусульман в России // Мир Ислама. Т. 2. Вып. 11. 1913. С. 759.

¹ Цит. по: Самойлович А. Татарин о татарах // Восточный сборник. Кн. 2. Пг., 1916. С. 77.

² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1967. Л. 12.

³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Ч. 2. СПб., 1911. Стб. 2936.

⁴ Малиновский Н.П. Указ. соч. С. 147.

⁵ История Башкортостана с древнейших времен... Т. 2. С. 21.

⁶ Русова Н. Указ. соч. С. 34–35.

бенно по вопросу об образовании и воспитании... Среди молодежи началось движение, требующее реформы конфессиональной мусульманской школы, и на этой почве произошел разлад между старым и молодым поколением мусульманского населения... Представителей старого поколения... конечно, заботит не столько возможность политической пропаганды, сколько то обстоятельство, что они с муллами во главе теряют свой авторитет у народа, а вместе с тем утрачивают свою власть и лишаются многих материальных выгод. Все это заставляет их прибегать к содействию правительства и придавать вредному для них движению среди мусульман политическую, противоправительственную окраску в надежде скорее привлечь внимание и обеспечить себе содействие органов правительственной власти»¹. Таким способом традиционалисты и их преемники — консерваторы и правые — оказывали сильное торможение общемусульманскому движению, пытаясь если не остановить его, то по крайней мере направить в удобное для себе русло, дискредитируя одновременно его лидеров в глазах правительства.

Через несколько лет борьбы с мифическим панисламизмом в империи казанский прокурор сообщал в Петербург, что «точной программы панисламизма... не выработано», признавая тем самым в том, что государственные органы в Казанской губернии не представляли, с чем же они, собственно, боролись. В отличие от поволжских аналитиков, из Баку в 1911 г. докладывали в столицу, что «движение панисламизма представляется... преследующим чисто культурные задачи просвещения мусульман»². Многократные обращения мусульман Крыма к правительству о предоставлении им права свободного избрания духовных лиц всеми условиями (прежде это было привилегией исключительно духовного сословия) привели к тому, что министр внутренних дел в октябре 1911 г. представил соответствующий законопроект, который был принят Думой, Государственным советом и утвержден царем. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов 11 мая 1913 г. сообщал начальнику Главного штаба российской армии Н.П. Михневичу, что «идеи ныне модного в Европе "панисламизма"... отнюдь» не свойственны «широким массам мусульман Средней Азии». Самсонов считал, что говорить о «явно враждебном нам настроении среди всех туземцев наших Средне-Азиатских владений... нет никаких веских оснований»³. В конфиденциальном

¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 52. Д. 317. Л. 4–4 об.

² Там же. Оп. 51. Д. 811. Л. 6 об.–7, 27 об.

³ Дело в том, что сведения о пропаганде панисламизма, в частности в Ферганской области, поступали, как сообщал в Петербург в 1915 г. ташкентский прокурор, в охранку от евреев и армян (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 53. Д. 313. Л. 2 об.), которые были настроены антимусульмански, стараясь при этом постоянно и разными методами внушать русской общественности и представителям власти, что угроза государству якобы исходит от мусульманских масс, поскольку они будто настроены в панисламистском духе. Такая дезинформация была в свою очередь небезынтересна чинам охранки, в отличие от которых прокурорские

письме Михневичу от 20 мая 1913 г. Самсонов сделал еще более откровенное признание: «Ни для кого не тайна, что не сомнительные идеи панисламизма, а наша окраинная политика последнего времени... является... одной из главнейших причин того недовольства киргиз*, о котором ныне столь много говорят»¹. Туркменское население, как докладывал в ноябре 1914 г. ташкентский прокурор в Петербург, в массе своей настроено весьма благожелательно к России и к русским². Этому сближению способствовали такие представители русской армии, как начальник Памирского отряда (эта пограничная часть состояла из около 200 солдат и офицеров) подполковник К. Кивекэс**, который стал его командиром в январе 1905 г. и поднял его уровень, как сказано в служебной характеристике, на должную высоту, а в 1907 г. был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени «за отличия мирного времени, выходящие из круга обыкновенной служебной деятельности». Этот офицер проявил по отношению к населению Памира «рыцарское бескорыстие, широкую материальную поддержку бедняков», а «доступностью для всех... снискал себе любовь и уважение всего населения». Он оказывал «массу благодеяний таджикскому населению: проводит арыки и орошает поля, увеличивая тем самым площадь посевов; выдает заимообразно зерно на обсеменение полей, ознакомил жителей с разведением и использованием картофеля, капусты, бураками и пр. ...Вообще оказывает большое внимание на распространение культуры среди населения»³. Речь, разумеется, шла не только о стремлении продвинуть современные методы ведения сельского хозяйства, но об очень эффективной политике, вызывавшей доверие со стороны местных мусульман, столь необходимое русским военным для выполнения своих задач в этом регионе.

В Министерстве иностранных дел также самым внимательным образом изучали взаимоотношения российских мусульман с зарубежными единоверцами. Панисламизм, ненавидимый Европой, писал в 1914 г. российский посол в Турции М.Н. Гирс в своем сообщении в Петербург, «является объединяющей идейной силой мусульман, и России нет никакого основания считать его враждебным себе. Напротив, панисламизм может быть подчинен русским интересам, если мусульмане... будут видеть сочувствие себе со стороны России»⁴, имея в виду не только зарубежных

работники оказались гораздо более беспристрастны и сообщали, как правило, достоверные сведения в отношении мусульманского населения.

* Казаров.

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 5067. Л. 17 об., 18 об., 19 об., 31.

² ГАРФ. Ф. 124. Оп. 52. Д. 316. Л. 6–6 об.

** Кивекэс Карл (1866–1940) — швед, уроженец Финляндии; служил в Туркестане с 1890 г., военный востоковед. После Февральской революции уехал на Украину, в 1918 г. вернулся на родину.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 24334. Л. 3, 4.

⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 796. Л. 8.

мусульман. Однако в условиях первой мировой войны исламофобия в общественном мнении еще более усилилась, поскольку Османская империя стала одним из врагов России. В октябре 1916 г. осведомительное бюро МИД сделал перевод статьи из сентябрьского номера французского журнала «Revue de Paris», в которой признавалось, что слово «панисламизм» было создано европейскими публицистами¹.

Правительство в результате очередного совещания по мусульманскому вопросу, проведенного весной 1914 г., сделало вывод, что панисламизм и пантюркизм среди подданных-мусульман не пользовались успехом, не охватили массы². В частности, для администрации Казанской губернии «стало ясно, что увлечь массы панисламистским учением совершенно невозможно». Старания татарских просветителей были направлены к тому, чтобы укрепить стремление к подъему тюркских народностей, созданию самостоятельной мусульманской культуры³. Такие оценки, надо полагать, сделанные на основании осмысления различной информации о поведении мусульман в период революционных потрясений в стране, в сущности, перечеркивают многочисленные «исследования», в которых до сих пор самым серьезным образом обсуждается не соответствующая реалиям российской истории начала XX в. панисламистско/пантюркистская «угроза». Этот жупел очень прочно закрепился в научной литературе, превратившись в идеологему, весьма удобную для поверхностного описания, но не пригодную для анализа социальной психологии мусульманских масс в Российской империи. Так, Котюкова пишет, поскольку их подавляющее большинство проживало в недавно завоеванных, а потому не вполне благонадежных ее колониальных окраинах, руководство МИД и МВД с большой долей вероятности полагали, что в случае военного столкновения с Турцией приверженцы ислама в России встанут якобы на сторону «братьев-мусульман»⁴. Однако, как верно подметил Алексеев, именно усилиями черносотенцев в пропагандистский оборот были запущены рассуждения о непомерно усилившейся панисламистской и пантюркистской угрозе, о сепаратистских планах, о подрывной деятельности и пр.⁵ Еще определеннее выразился Ноак: рассказ властей о «татарской революции 1905 г.» в гротесковой манере преувеличил мусульманское участие в революции. Во время нее мусульмане все более и

более учились различать имперское государство и русское общество¹. Последнее, таким образом, фактически было введено в заблуждение относительно настроения, интересов, устремлений мусульманского сообщества, входящих в него этносов, отдельных граждан-мусульман.

На самом же деле разногласия в мусульманской среде и после революции продолжали вращаться «главным образом вокруг вопроса о том, в каком направлении должно идти русское мусульманство: в духе ли старых добрых традиций и социально-государственного консерватизма, или в сторону некоторого общественного радикализма»², — отмечалось в 1915 г. группой мусульманских религиозных и общественных деятелей из традиционалистско-консервативного стана. Их лидер М.-С. Баязитов, обращаясь к мусульманам 21 февраля 1913 г. (в этот день, когда отмечалось 300-летие династии Романовых, в Петербурге была открыта соборная мечеть, разрешение на строительство которой было дано во время революции), сказал, что «по прямой заповеди Корана мы верой и правдой, не за страх, а за совесть, чтим власть и законы того государства, к гражданам которого принадлежим»³. И это несмотря на то, что, как писал в 1912 г. находившийся в отставке Витте, только старообрядцы пользовались тем, что им было дано указом 17 апреля 1905 г., в отношении остальных религий, в том числе ислама, не только не были изданы законы, которые были обещаны, но, напротив, «все, что можно было отнять из того, что было дано» этим и указом 12 декабря 1904 г., «в порядке административного произвола... со времени Столыпина отнято и теперь различными толкованиями игнорируется, а из того, что нельзя было произвольно разъяснить, просто не исполняется»⁴. Религиозная дискриминация, попытки МВД отыскать панисламизм послужили причинами для критического анализа деятельности этого министерства мусульманами-депутатами IV Думы⁵. Чиновники, конечно, не признавали своих грубых просчетов и ошибок в мусульманской политике, зачастую сильно искажали ситуацию в своих докладах.

Мусульманам в России якобы «живется гораздо лучше, чем подданным Англии, Франции и мусульманам-эмигрантам в единоверной Турции», — писал, к примеру, в 1911 г. в своем рапорте сотрудник МВД востоковед П.В. Антаки после командировки в Турцию и Египет⁶, не объяснив при этом, в чем именно он видит преимущества российских мусульман и каким образом ими были достигнуты успехи. С точки зрения Вамбери, отличие заключалось в следующем: «Мы, — обращаясь к

¹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1258. Л. 504, 505.

² Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.). С. 48–50; Он же. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). С. 140.

³ Великая Отечественная война. Казанская губерния. Краткий очерк за первый год. 1914–19 / VII 1915. На правах рукописи. С. 129–130.

⁴ Турецкие эмиссары в России: Документы ЦГА РУз. 1910–1914 гг. // Исторический архив. 2004. № 4. С. 85.

⁵ Алексеев И.Е. Чёрная сотня в Казанской губернии. С. 158.

¹ Noack Ch. Retrospectively revolting... P. 133; Он же. From ancestry to territory: spatial dimensions of Muslim identity in imperial Russia // Ab Imperio. 2006. № 2. С. 92.

² Биржевые ведомости. 1915. 30 августа.

³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1981. Л. 1.

⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. СПб., 2003. С. 482.

⁵ Вельможко И.Н. Указ. соч. С. 160.

⁶ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 485. Д. 1258. Л. 237.

европейцам, писал он, — должны будем признать, что результаты эволюции» у мусульман Российской империи «гораздо значительнее и действительнее тех, которые мы видим в Турции, Индии и Персии. Прежде всего мы должны отметить участие... женщин в культурных стремлениях своего народа, что является совершенно необычным в мусульманском мире. В первых же газетах раздались голоса женщин, с редким воодушевлением и горячностью ратовавших за эмансипацию...» Действительно, в этой части российские мусульмане существенным образом опередили многие мусульманские страны, отношение которых к Российской империи во многом определялось тем реальным статусом, который имели в нем их единоверцы. Создание Мусульманской конституционно-народной партии как защитницы их интересов поэтому имело и международное значение, благоприятно отражаясь на имидже Российского государства в мусульманском мире. Не случайно в Австро-Венгрии в декабре 1906 г. на встрече мусульманских лидеров этой империи было заявлено о создании политической партии под схожим названием — Мусульманская народная организация², что безусловно, как и в России, было сделано с ведома властей. Однако Антаки и тем более Вамбери, который родился и жил в Венгрии, намеренно упустили из виду положение мусульманского населения в Австро-Венгрии, на что местные власти обратили самое серьезное внимание. И в результате после того как в этой империи была создана Мусульманская народная организация, мусульмане Боснии добились очередных успехов в борьбе за религиозную автономию, сначала, когда 1 мая 1909 г. ее статус вступил в силу, затем, когда указом императора от 17 февраля 1910 г. Боснии был предоставлен статус земли и наконец, когда 15 июля 1912 г. последовало признание местных приверженцев ислама в качестве религиозной общины³. О чем-либо подобном мусульмане в Российской империи могли только мечтать, а их реальное положение в постреволюционный период намеренно и значительно приукрашивалось.

Мусульмане в России, ввухала в 1911 г., в частности, Чичерина европейскому читателю, совершенно свободны в отношении их религии и школ, все мусульмане Европейской России и Кавказа пользовались равными правами с христианским населением страны: несли воинскую службу, участвовали в гражданской жизни и думских выборах, поступали на государственную службу на равных условиях с православным населением и др. Некоторые ограничения для мусульман касались только сферы преподавания: они, к примеру не могли стать учителями гуманитарных наук в русских школах или классными руководителями в началь-

¹ Баку. 1910. 11 июня.

² Donia R.J. Op. cit. P. 170–171.

³ Хойбергер В. Вена и Сараево: Австро-венгерская политика по отношению к боснийским мусульманам // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995. С. 86.

ных школах для православных детей. В азиатской части империи мусульмане пользовались такими же свободами, как и европейские мусульмане, за исключением того, что они не имели судов с присяжными и лишались права посылать своих депутатов в Думу¹.

В действительности наблюдался отъезд многих мусульманских лидеров из империи, а по сути, налицо было принудительное изгнание их, что нанесло чувствительные удары по общему мусульманскому движению, так как остались в основном те, кто не смел по-настоящему критиковать ошибки русской власти. Эмиграция, которая являлась традиционным приемом мусульманского политического протеста против дискриминации, в условиях постреволюционной реакции была поддержана и в массах. Хотя до настоящего времени в научной литературе нет никакой статистики, но фрагментарные сведения указывают, что много мусульман вновь покидали Россию. Очевидным было также, что урезание мусульманского присутствия в III Государственной думе выглядело неприглядно на фоне того, что в Австро-Венгерской империи Мусульманская народная организация в 1910 г. получила все предназначенные для мусульман места во вновь созданном парламенте Боснии и Герцеговины.

Нараставшая в постреволюционной России исламофобия приводила к сильному расколу общества по конфессиональному признаку, а это грозило самыми серьезными последствиями для внутренней стабильности государства, что наконец стали понимать некоторые высокопоставленные чиновники. «Необходимо всеми способами напоминать о том, что мусульмане не являются отщепенцами России и не находятся вне закона, а пользуются всеми правами наравне с христианами», — писал исполняющий обязанности заместителя министра внутренних дел П.Н. Морозов 28 мая 1913 г. военному министру В.А. Сухомлинову. — Это возможно достигнуть только путем печати на различных местных языках... По нашему глубокому убеждению и многолетнему опыту исключительно только печать может помочь делу, но с непременным условием продолжать такую работу непрерывно до видимых результатов. Надо иметь в виду мировоззрение мусульман и помнить: чтобы заслужить их доверие и привлечь на свою сторону, необходимо упорно работать долгое время»². Здесь, обратим внимание, подчеркнута важная разъяснительная роль не только русской, но и мусульманской прессы. Особенно важны при этом были оценки самих мусульманских духовных лиц, в своих официальных заявлениях порой терявших всякое чувство меры в характеристике истинного положения мусульманской общины.

Мусульмане России якобы пользуются «полными правами», а среди иноверцев находятся в лучшем положении, чем другие. Как по гражданскому, так и военному ведомству мусульмане «имеют полный доступ», —

¹ Bobrovnikoff S. Op. cit. P. 19, 28.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 5067. Л. 26–26 об.

уверял, к примеру, в 1915 г. европейских дипломатов, обратившихся в МИД, чтобы получить ответ о положении мусульман в России, М.-С. Баязитов, восторженно подчеркивая: «Мы здесь с гордостью говорим, что мы мусульмане. Слово “мусульманин” в России завоевало право гражданства». В то же время он обращал внимание на то, что мусульмане «еще не воспользовались и малой частью тех прав, которые... предоставлены нашим правительством». По его оценке, на мусульман в России смотрят как на честных людей¹. Старания Баязитова понятны: в 1914 г. ему позволили в Петербурге организовать — в противовес Союзу российских мусульман — и возглавить Всероссийский союз мусульман «Сыратель-Мустахим» («Прямой путь», или «Правый путь»), устав которого, в отличие от устава СРМ, без проволочек был юридически оформлен; в 1915 г. его назначили Оренбургским муфтием. Откровенная идеализация им весьма сложной и противоречивой картины положения мусульман, сложившейся накануне первой мировой войны, не вызывала доверия со стороны зарубежных аналитиков в правительственных кабинетах, у которых имелась совсем иная информация, поступавшая, в частности, от А. Ибрагимова, Ю. Акчурина, тоже вынужденного уехать из России, и от других мусульман-эмигрантов². Поэтому как только в Туркестане летом 1916 г. была допущена грубейшая управленческая ошибка (указ о принудительном привлечении около полумиллиона местных мусульман на тыловые работы в прифронтовой полосе стал реализовываться во время священного для мусульман месяца рамазан), то здесь мгновенно вспыхнуло крупное восстание местных мусульман, которое жестоко было подавлено военными, что вызвало сильное неприятие русской власти не только в Туркестане, но и у мусульман в других частях Российской империи. За участие в этом восстании около полумиллиона туркестанских кочевников подверглись избиению, и около миллиона спаслись, скрывшись на китайской территории. Резня туркестанских мусульман, как далее отмечалось в английской газете «Manchester Guardian» 28 ноября 1917 г., старательно скрывалась царскими представителями³. Во время Февральской революции 1917 г. у такой власти уже не было сколько-нибудь прочной опоры среди подавляющего большинства подданных-мусульман.

Таким образом, первая русская революция не могла не коснуться мусульман Российской империи. Даже в самых глухих ее углах, населенных

¹ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4323. Л. 5 об., 6, 6 об. Пытаясь дискредитировать отношение мусульманского сообщества к власти во время первой мировой войны, Ланда пишет, что лояльность мусульман во время нее была якобы поставлена под вопрос, особенно после поражений на фронте в 1915 г., а с 1916 г. начались волнения и открытое недовольство, распространение национализма и сепаратизма (Ланда Р.Г. Мусульманский мир и Первая мировая война // Восток. 2004. № 1. С. 65).

² См.: Исхаков С. Европа и мусульмане из России: первый опыт сотрудничества в начале XX века // Европа. 2003. № 3. С. 107–123.

³ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция... С. 269.

ими, впервые возник интерес к общегосударственным вопросам, впервые наступило некоторое сближение с различными политическими течениями русского общества. В то же время слиться с русским освободительным движением мусульмане не могли полностью, так как многого в нем не могли принять, и, кроме того, оно противоречило народным традициям и основным устоям жизни мусульман. Тем более они не могли повернуть на революционный путь или присоединиться к национально-освободительной борьбе. Поэтому в целом мусульмане империи, за небольшим исключением, почти не участвовали в непосредственных революционных событиях 1905–1907 гг., не сыграли заметной роли в них, вели себя весьма скромно, несмотря на известные преувеличения советской и постсоветской историографии, — все это, однако, не означает, что в их сознании не происходили существенные сдвиги. Дело в том, что свои протестные действия мусульмане обосновывали особым образом: не как ответ на социальные тяготы, а как форму защиты своей веры и обычаев. И это было вполне естественно. Имея когда-то свою блестящую историю, литературу и культуру, они вынужденно подчинялись, но внутренне противились тому, как дискриминировалась их религия, которая в течение веков помогла им сохранить свою этническую самобытность. Мусульмане видели единственный путь к осуществлению своих целей в достижении реформ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже XIX–XX веков населявшие Российскую империю народы мусульманской веры не смирились с теми порядками самодержавной монархии, которые подавляли их религиозные чувства. Недовольство народных масс против такой власти и таких ее представителей всегда было, но по создавшимся условиям жизни не проявлялось или редко выплескивалось наружу. Волны массового недовольства середины 90-х годов XIX в. показали, что власть совершила очередной серьезный просчет в управлении мусульманскими подданными, полагая, что они не смогут протестовать.

Когда схожая ситуация возникла в Австро-Венгерской империи, где также резко обострились христианско-мусульманские отношения, то там стала внедряться идея культурно-национальной автономии, как средство стабилизации и реформирования габсбургского государства. В 1895 г. здесь началось движение за культурно-религиозную автономию боснийских мусульман.

Мусульманское движение в Российской империи не было работой каких-либо революционеров, борцов с властью, тех, кто годами испытывал незатухающую враждебность к русскому управлению. Роль мусульманских активистов была совсем иной, так как большинство мусульман империи не выходили за рамки интересов локальных общин, где велась внутригрупповая борьба, которая происходила в течение многих лет в разных регионах и городах. Мусульманские подданные были против социального радикализма, но их политизация представляла собой достаточно закономерный процесс, начавшийся после крупных волнений в середине 90-х годов XIX в. в разных местах Европейской России, а также после восстания в Андижане в 1898 г.

1905 г. имел огромное значение для мусульман, отмечал в 1917 г. И. Алкин, сын С.-Г. Алкина. Этот год «вернул мусульманским народам их интеллигенцию. Последняя, старавшаяся прежде скрывать свое происхождение, национальность, теперь стала гордиться своей нацией»¹. У мусульман религиозно-реформаторское, по существу, обновленческое движение достигло в период революции ощутимых результатов, и в результате, с одной стороны, религиозность мусульман еще более укрепилась, а соответственно усилилось неприятие смуты — социального омута — в госу-

дарстве, с другой — они встали на путь духовно-культурного диалога с окружающим миром, несмотря на яростное противодействие русской бюрократии и православной церкви, стремившихся к стиранию мусульманской идентичности у части населения. Церковь между тем была, как писал Сорокин, перед революцией 1905 г. дискредитирована в глазах многих, а среди русской интеллигенции считалось, что быть верующим значит быть суеверным и отсталым, это угасание религиозных рефлексов пошло особенно быстро с момента революции¹.

1905 г. впервые положил реальную основу для политического единения мусульманских народностей России. На общеимперских мусульманских съездах были выработаны основы этого единения — программа Мусульманской партии. По мнению И.В. Нам, эта программа предложила религиозно-национальный вариант экстерриториальной (культурной, персональной) национальной автономии, основывающийся на представлении о единстве всех мусульманских народов империи как особой национально-социальной общности². Эту программу обоснованнее определять как проект религиозно-культурной, а не религиозно-национальной автономии, приспособленной к российским условиям. Об этом свидетельствует то, что программа Мусульманской партии в ходе революции подвергалась определенной корректировке в нескольких редакциях, которые дают возможность показать развитие правотворческой мысли мусульманских интеллектуалов в политической, аграрной, образовательной и других областях, полнее раскрыть те или иные стороны мусульманской идеологии, вырабатывавшейся в те годы. Партия, сохраняя приверженность конституционной монархии, выступала прежде всего за автономию в делах религии, за самоуправление на местах. Вместе с тем в программе есть немало сходного с программами национальных и социалистических партий (эсеров и энесов). Появление в программе ряда пунктов, заимствованных у социалистических партий (8-часовой рабочий день и др.), обусловлено тягой выработать такую собственную концепцию, которая соответствует специфике жизни всех основных групп мусульманства империи, их идеалам и практическим нуждам. Налицо было, с одной стороны, стремление партийных идеологов к сплочению всех сил, выступавших за модернизацию жизни мусульманских народов, с другой — их явное разочарование в различных общероссийских партиях, что объясняется декларативным характером их лозунгов в отношении мусульманского населения. В ходе революции мусульмане уже вполне осознавали себя сообществом, а их лидеры выработали и свою собственную идеологию мусульманства империи. Программа и устав представляли собой компромисс между мусульманами всех частей империи, между

¹ Известия Всероссийского мусульманского военного шуро. 1918. 28 января. Шурó — совет. Характерный пример: балкарец Борис Шаханов, выпускник военно-юридической академии в Петербурге, затем служил помощником заместителя прокурора в Тифлисе, подполковник в отставке с 1908 г.; в 1909 г., когда ему было 29 лет, принял ислам, взяв себе имя Басият (*Биттирова Т.Ш.* Басият Абаевич (Борис Александрович) Шаханов. Жизнь и деятельность // Шаханов Б. Избранная публицистика. Нальчик, 1991. С. 12)

¹ Сорокин П. Указ. соч. С. 160.

² Нам И.В. Культурно-автономистское движение мусульман России в начале XX века // Ислам в культурном ландшафте России: история и современность. Материалы конференции 16–17 мая 2002 года. Тюмень, 2002. С. 58.

разными группами, между религией, культурой и образованием, что было необходимо для длительной поддержки этой партии всех основных социальных слоев и групп мусульманского общества*.

Развитие общеимперского мусульманского народного движения, а его признаки засвидетельствованы всеми беспристрастными наблюдателями, происходило достаточно организованно, но вместе с тем оно было противоречивым, ибо единое по отношению к остальному обществу мусульманство было социально и этнически неоднородно. Но к национальной идее мусульмане империи, как, впрочем, и их единоверцы в других странах**, относились с полным равнодушием, поскольку мусульманин считает своим законным государством то, в котором он живет¹. Общеимперское мусульманское движение стало развиваться в культурно-автономистском направлении, стремясь приобщить народы к мировой культуре, к духовному и культурному развитию подданных-мусульман как граждан Российского государства. Общемусульманское движение вскоре превратилось в не менее серьезный фактор развития общества, чем, скажем, крестьянское или пролетарское движение. Без лояльности сплоченных мусульман, составлявших десятки миллионов человек, невозможна была устойчивость государства, что стало осознаться, с одной стороны, как в правительстве, так и в революционной среде — с другой.

Социальный нейтралитет мусульман в период первой русской революции явился мощным противовесом революционной стихии. Если до революции их можно характеризовать как относительно обособленный от российского общества социум, то поведение масс в условиях глубокого общественно-политического кризиса свидетельствует, что они, несмотря на отношение к себе как «второсортной» части населения, проявили, исходя из своего мировоззрения, осознание того, что они являются действительными гражданами, показали свою ответственность за сохранение общего государства, нуждавшегося, на их взгляд, в модернизации, но никак не в «смуте»/«омуте» или революции. Конфессио-

* Бабич, рассмотрев основные пункты программ мусульманских съездов, сделала неверный вывод, что среди их целей не было места для общероссийских политических задач, что съезды якобы решали «исключительно узкие, религиозные задачи, не стремясь включить мусульман России в общероссийские политические процессы», что существовали какие-то «ключевые противоречия» целей и задач мусульманских и иных российских политиков (Бабич И.Л. Указ. соч. С. 180, 181).

** В книге одного из иерархов англиканской церкви под броским названием «Мусульманский мир в революции», опубликованной в 1925 г., утверждалось, что последние 15 лет показали длительную борьбу за свободу сознания в мусульманских землях. По причине роста западного влияния мусульмане медленно пробуждались от долгого сна и изоляция исламского мира исчезала (Wilson C.W. The Moslem World in Revolution. L., 1925. P. 120). Как и многие тогда на Западе, этот религиозный деятель считал, что секуляризация их мировоззрения происходила на европейский манер. На самом же деле европеизация касалась лишь некоторых сторон жизни и не затрагивала духовно-религиозных основ психологии мусульманских масс.

¹ Россия. 1907. 31 июля.

нальное самосознание и гражданская ответственность мусульман создавали их имперскую идентичность — принадлежность к державе, которая отчасти была мусульманской.

Воплощением новой идентичности стал Союз российских мусульман, который сыграл определяющую роль в том, что мусульмане организовывались по пути эволюционного, а не радикального преобразования российского общества.

Русская революция 1905–1907 гг. принесла для мусульман империи важные позитивные перемены в общественно-политической, культурной и духовной жизни. Мусульмане в 1905–1907 гг. встали на путь культурной эволюции, а не социальной революции. В революционной борьбе мусульмане не участвовали, за редким исключением. Антиправительственный характер революции был для народных масс неприемлем, поскольку по исламу верующим следует подчиняться прежде всего Аллаху и обладателям власти. Ислам в политику властей не вмешивался, поскольку согласно данной религии мусульманин, являющийся подданным немусульманского государства, такой же правоверный, как и тот, который являлся гражданином мусульманского государства. Но когда государство вторгалось в религиозную сферу, то это вызывало сильный массовый протест, временами выплескивавшийся наружу. Власть тем самым шаг за шагом подрывала свою собственную устойчивость. Мусульмане, несмотря на то, что манифест 17 октября 1905 г., гарантировавший свободу совести и обращенный среди прочих и к мусульманам, фактически не воплотился в практику, продолжали самостоятельно продвигаться по избранному пути без какой-либо поддержки русского общества и государства и, не являясь для них ни согражданами, ни соотечественниками, сумев достигнуть значительных успехов.

Если постреволюционная реакция угнетающе повлияла на русскую общественную мысль, то среди мусульман она лишь заложила прочные начала развития национальной и политической мысли. Иначе говоря, поражение революции отнюдь не деморализовало мусульман, поскольку они не были ее приверженцами, хотя сильно ослабило их общее движение и отчасти вызвало пессимистические настроения как в элитных слоях, так и в массах относительно своего равноправного статуса. Но снижение активности, впрочем, было непродолжительным. «Реакционная правительственная политика, попадая на почву национального пробуждения, несомненно ускорит, — пронзительно писал в 1913 г. Шагиахметов, став в 1917–1918 гг. одним из лидеров российских мусульман, — процесс вступления мусульман в те ряды, которые стремятся к свободе и равноправию всех народов, населяющих Россию»¹. Социально-политическое мировоззрение мусульман не учитывалось ею, «и в этом была роковая ошибка русских, делавшая нас, — говорил Топчибаев бывшему

¹ Шагиахметов И. Указ. соч. С. 251, 258.

царскому министру иностранных дел С.Д. Сазонову в 1919 г. — несчастным отсталым народом, в то время как Аллах не обидел нас ни способностями природными, ни любовью к труду»¹.

Мусульманское восстание в Туркестане летом 1916 г., которое также можно отнести к ряду мусульманских революций, показало, что власть допустила непоправимую ошибку в своей политике не только в отношении местных жителей-мусульман. Мусульмане во всех частях Российской империи убедились, что в русском обществе и государстве по-прежнему не допускалась мысль о возможности реального равноправия мусульман с православными, что, несомненно, еще сильнее раскалывало их между собой, усиливало отторжение народных масс от самой власти и в конечном итоге сказалось на той легкости, с которой пал самодержавный строй в феврале-марте 1917 г. на территориях с мусульманским населением, которое равнодушно отшатнулось от него.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Резолюция I Всероссийского мусульманского съезда

А

В 1905 году, августа 15-го дня, на реке Оке, на пароходе «Густав Струве», мусульмане, собравшиеся в Нижнем Новгороде, устроили собрание. Здесь было подвергнуто обсуждению современное положение Русского государства, а также мусульманские вопросы. После обмена мыслей вынесли следующее постановление:

1. Мусульманам России во всех вопросах: политических, культурных, а также в вопросах, возникающих в зависимости от настоящего положения России, необходимо быть солидарными.

2. Для приведения в исполнение этих вопросов мыслящие мусульмане, будучи единомышленными³ с передовыми русскими людьми, принимают участие в деле установления такого порядка, по которому законы составлялись бы при участии избранных народом пред-

Б

Собрание мусульман всех сословий из разных губерний и областей империи, обсудив общие вопросы, а также вопросы, касающиеся специально нужд и пользы мусульман с точки зрения текущих событий, на съезде в Нижнем Новгороде (на пароходе «Густав Струве» на реке Оке) 15 августа 1905 года нашло:

1. Необходимо и современно² сближение мусульман всех областей России на почве общественно-культурных и политических запросов и задач современной русской жизни.

2. В достижении и осуществлении этих задач прогрессивная часть мусульман, разделяя идеалы передового русского общества, действует в смысле установления в стране правового порядка на началах участия свободно избранных народных представителей в законодатель-

В

Собрание мусульман всех сословий из разных губерний и областей империи, обсудив вопросы, выдвинутые современной общегосударственной жизнью в России, а также вопросы, касающиеся специально нужд и пользы мусульман с точки зрения текущих событий, на съезде в Нижнем Новгороде (на пароходе «Густав Струве» на реке Оке) 15 августа 1905 года нашло:

1. Необходимо и современно сближение мусульман всех областей России на почве общественно-культурных, политических запросов и задач современной русской жизни.

2. В достижении и осуществлении этих задач прогрессивная часть мусульман, разделяя идеалы передового русского общества, действует в смысле установления в стране правового порядка на началах участия свободно избранных народных представителей в законодатель-

¹ Так выделены отличия между подпунктами Б и В.

² Своевременно (Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года. Казань, 1926. С. 148.).

³ Единомышленниками (Национальные движения в период первой революции в России. Чебоксары, 1935. С. 221.).

тавителей его.

3. Принимая во внимание, что для достижения этих пожеланий необходимо уравнивание в правах мусульман с русскими, мусульмане законными способами приложат все усилия к тому, чтобы были уничтожены существующие по отношению к мусульманам притеснения¹ и бесправие и чтобы мусульмане были уравнены с русскими в политических, религиозных и имущественных правах.

4. Мусульмане, в деле устройства своих нужд, будут применяться к настоящему и будущему положению России. Для того, чтобы подготовить мусульман к понятию о возможных в будущем новых законах новых основ, мусульмане особенно приложат свои усилия к всестороннему своему развитию. Для этого мусульмане во всех губерниях, сообразно своим нуждам, будут стремиться к открытию школ; путем издания книг, газет и журналов будут стараться дать народу основное понятие о современном положении.

стве и управлении государством.

3. Сознывая, что достижение указанных целей возможно при пользовании мусульманами одинаково равными с русским населением правами, прогрессивная часть мусульман всеми законными средствами действует в смысле отмены всех изъятий и ограничений, которые установлены в отношении мусульман действующими узаконениями, правительственными распоряжениями и административной практикой, и полного уравнивания мусульман с населением Русского государства во всех правах, политических, гражданских и религиозных.

4. Деятельность свою мусульмане направляют сообразно с действительными и могущими народиться потребностями и запросами общегосударственной жизни в России; и в видах подготовки мусульманских масс к восприятию новых начал, могущих быть выставленными общегосударственной русской жизнью, особое внимание должно быть обращено на культурное развитие мусульман, в обширном смысле слова. Для этого мусульмане во всех областях всеми силами должны стараться открывать всякого рода школы, соответствующие потребно-

стве и управлении государством.

3. Сознывая, что достижение указанных целей возможно при пользовании² мусульманами одинаково равными с русским населением правами, прогрессивная часть мусульман всеми законными средствами действует в смысле отмены всех изъятий и ограничений, которые установлены в отношении мусульман действующими узаконениями, правительственными распоряжениями и административной практикой, и полного уравнивания мусульман с населением Русского государства во всех правах, политических, гражданских и религиозных.

4. Деятельность свою мусульмане направляют сообразно с действительными и могущими народиться потребностями и запросами общегосударственной жизни, должны стараться открывать всякого рода школы, соответствующие потребностям мусульман, распространять и популяризировать идейные начала современной жизни, при помощи книг, газет, журналов, народных курсов, библиотек-читален и подобного рода учреждений просветительного характера.

ствам мусульман, распространять и популяризировать идейные начала современной жизни, при помощи книг, газет, журналов, народных курсов, библиотек-читален и подобного рода учреждений просветительного характера.

5. Для достижения в упомянутых в 4-х пунктах пожеланий учреждаются местные собрания, которые будут собираться периодически.

Источник: ГАРФ. Ф. 9599. Оп. 1. Д. 10. Л. 30 об.

5. Для успешного достижения всех намеченных целей на местах образуются медресы, руководимые периодическими съездами мусульман.

Источник: Право. 1905. 18 декабря.

5. Для успешного достижения всех намеченных целей на местах образуются свои медресы, руководимые периодическими съездами мусульман.

Источник: Бигиев М. Ислахат асаслары. Пг., 1915. С. 175-176.

¹ Притеснения (Национальные движения в период первой революции в России. 1935. С. 221).

² Использовании (Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерение. Казань, 2004. С. 205).

³ Равных (Там же).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Резолюция II Всероссийского мусульманского съезда

С 13 и по 23 января мусульмане, съехавшиеся со всех концов России, на 2-м своем съезде в Петербурге постановили:

На основании Манифеста 17 октября прошлого года и Указа от 12 декабря мусульмане, собравшиеся в Петербурге, в столице государя, постановили было обсудить свои нужды, в особенности религиозные; также предполагалось было обсудить о взглядах мусульман на Государственную думу.

Ввиду того, что каждой народности правительство разрешало съезжаться и обсуждать свои интересы, и мусульмане обратились было за разрешением, но получили решительный отказ.

Считая этот отказ правительства несправедливым, мусульмане постановили принять устав, обработанный в собрании от 13 по 23 января 1906 года. Устав этот предлагает мусульманам образовать одну политическую партию и действовать теперь, а также в будущем как одна организация.

Съезд, принимая во внимание желание съехавшихся представителей и имея в виду близость выборов, находит наилучшим для мусульман присоединиться к конституционно-демократической партии.

Вместе с этим мусульманские представители постановили приложить усилие к тому, чтобы в Думе число членов из мусульман соответствовало бы количеству вообще.

Источник: ГАРФ. Ф. 9599. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

Мусульмане разных городов и областей России, съехавшись в город Петербург на второй съезд мусульман, 15-23 января, постановили:

В виду Высочайшего манифеста 17 октября и Указа 12 декабря прошлого года мусульмане решили в столице Российской империи, перед лицом Его Императорского Величества, на виду высшего правительства, всего русского общества и прессы обсудить назревшие вопросы, касающиеся насущных нужд мусульман, главным образом в области религиозных своих дел, а также значения высочайшего манифеста 17 октября для мусульман и отношения их к Государственной думе ввиду предстоящих выборов.

Принимая во внимание, что различные общественные группы высказались на своих съездах, разрешенных правительством, что мы не могли не рассчитывать на получение разрешения на свой съезд, уверенные, что на это мусульмане имеют законное право, собравшиеся мусульмане обратились к правительству за разрешением съезда, к удивлению их ходатайство и разрешение съезда категорически отклонено. Считая такое к себе отношение правительства не заслуженным, мусульмане решили принять составленный меджлисом съезда и одобренный собранием делегатов в совещаниях своих с 13 по 22 января 1906 года устав, призывающий мусульман Российской империи объединиться в одну политическую партию в интересах общегосударственных и как таковая действовать в настоящей и будущей жизни России, а в нынешней избирательной кампании ввиду краткости срока выборов в Государственную думу ввиду заявления делегатов мусульман внутренних губерний считать более целесообразным действовать солидарно с конституционно-демократической партией.

При этом мусульмане постановили домогаться допущения представителей мусульман в Государственную думу пропорционально количеству мусульманского населения.

Источник: Бигиев М. Ислахат асаслары. Пг., 1915. С. 237.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Сравнительная таблица переводов программы Союза российских мусульман из 72 пунктов

А	Б	В
Rusya Müslümanlarının İttifak Halk Partisi Programı	Программа Союза («Иттифак») мусульман России	Программа народной партии Союз мусульман России
I. Siyasî Asıl Matlaplar	I. Основные политические требования	I. Основные политические требования
1. "İttifak"ın Matlabı: Zamanın ahvalin iktizalarına hem de şu programın maddelerine muvafık surette siyasî, iktisadî, içtimai, dini işleri işlah etmek için hemfikir Rusya Müslümanlarının emeli içtihatla birleştirmektir.	1. Требование Иттифака: объединение практической деятельности всех политически мыслящих мусульман России в соответствии с требованиями времени, обстоятельств, а также для решения политических, экономических, социальных, религиозных проблем соответственно пунктам этой программы.	1. Требование Иттифака: объединение практической деятельности всех мусульман России, <i>которые едины в желании исправить политические, экономические, социальные и религиозные обстоятельства</i> в соответствии с требованиями времени, а также соответственно пунктам этой программы.
2. Siyasî medeni hayatların nizamlarını hürriyet, hakaniyet ve insanîyet esaslarına göre tesis etmek için halkın hemmesine, müslümanlara da, medenîlik insanlık hukuklarını vermek, hem de devletin idare usullerini kanun esatı üzerine bina etmek, yani teşrii, idare, hüküm vazifeleri (mahkeme) ve halk vekilleri elinde olmak lazımdır.	2. Для установления прав политической, культурной жизни на основах свободы, законности, гуманности всем гражданам России, в том числе и мусульманам, предоставить гражданские, культурные и другие права человека, выстроить систему управления государством на основе конституции. Законодательство, управление государством, суд должны быть в руках граждан.	2. Для установления прав политической, <i>гражданской</i> жизни на основах свободы, законности, гуманности, всем гражданам России, в том числе и мусульманам, предоставить гражданские права, выстроить систему управления государством на основе конституции. Законодательство, управление государством, суд должны быть в руках <i>народных представителей</i> .
II. Ahâlî Hukuku	II. Права граждан	II. Права граждан
3. Hemme ahali erlik (erkeklik) hatunluk, din, kabile kavmiyet farkı kılınmayıp, kanun kaşında (karşısında) beraberdir.	3. Все граждане, без различия пола, вероисповедания, народности и национальности, равны перед законом.	3. Все граждане, без различия пола, вероисповедания, народности и национальности, равны перед законом.

* Здесь дан перевод только тех фрагментов из колонки А, в которых встречаются те или иные отличия (выделены курсивом) от текста в колонке Б.

** В данном тексте есть отличия от приведенного в колонке А перевода с тюркского языка на современный турецкий язык, которые выделены жирным шрифтом.

4. Sınıf imtiyazları, dinlere cinsiyetlere nisbetle kanun tahditleri, istisnaları hemmesi fesh kılınur.

5. Her bir adamın şahsı masumdur, kanun hududunda, hürdür. Hâkimin devlet kanunlarına muvafık hükmi bulunmadıkça hiç adam hapis kılınmaz, tevkif kılınmaz, mahkûm olmaz, cezalanmaz. Bir farz bir adam hapis kılınsa, şehirlerde mahkemesi var yerlerde yirmi dört saat içinde, amma başka yerlerde iki tavlet (gün) içinde elbette azad kılınur, yahud mahkeme ihtiyarına teslim kılınur. Nizamda mukadder müddetden ziyade, yahud aslı yok şüphe töhmeti ile hapis kılınmış adam hapis etücüləri mes'ul etmek hem de bu hapis yüzünden vukua gelen zararların bedellerini devlet hazinesinden talep etmek haklarına malik olur.

6. Her bir adamın meskeni emindir. Hususî meskenlere izinsiz girmek, eşyaları teftiş edip aramak, mektupları açmak yalnız kanunda tayin kılınmış suretlerde, yalnız mahkeme kararıyla caiz olur.

7. Her adamın mülkü mukaddestir. Umumi ihtiyaç yahud umumi hayır bulunmadıkça, hem de adilane değeri önceden verilmedikçe, hiçbir adamın hiçbir cemaatin meşru mülkü elinden alınmaz.

4. Все сословные привилегии, ограничения либо исключения для некоторых граждан в личных, имущественных, политических, социальных правах навсегда отменяются.

5. Личность каждого человека неприкосновенна, свободна в рамках закона. Без приговора судьи, соответствующего законам государства, ни один человек не может арестовываться, преследоваться, задерживаться, обыскиваться, обвиняться, осуждаться и наказываться. Всякий задержанный человек в городах и других местностях пребывания органов судебной власти в течение 24 часов, в других местностях в течение 2 суток должен быть либо освобожден, либо предстать перед судом. Человек, арестованный по необоснованному подозрению или задержанный больше определенного времени, имеет право привлечь к ответу задержавших его, потребовать от государства компенсацию за ущерб, причиненный арестом.

6. Жилище каждого человека неприкосновенно. Вход в частные жилища без разрешения, обыск, вскрытие писем допустимо только в порядке, определенном законом, по решению суда.

7. Собственность каждого человека неприкосновенна. Законное имущество ни одного человека, ни одной общины не может отбираться без веской на то причины (ради общей потребности или

4. Все сословные привилегии, ограничения либо исключения, установленные в связи с религиозными и половыми различиями, отменяются.

5. Личность каждого человека неприкосновенна, свободна в рамках закона. Без приговора судьи, соответствующего законам государства, ни один человек не может арестовываться, преследоваться, задерживаться, обвиняться, осуждаться и наказываться.

<...>

11. Her bir insanın vicdanı, dini ibadetleri hürdür, muhteremdir, kanun himayesiyle temin kılınur.

12. Dinin vicdanın hürriyeti muhterem olduğu kadar, her bir insanın fikride, sözünde lisanda yazıda başında hür olur. Matbuata nezaret usullerinin her nevi kökünden feshedilir. Sözde, yazıda, başında kanun hudutlarından çıkmış adamlar yalnız mahkeme huzurunda mes'ul olabilir.

13. Her yerde, açık meydanlarda, evlerde toplanmak içtima davet ihtiyarına her bir adam maliktir.

14. Her bir adam, izin almadan, ittifak şirket akteder.

общего блага) и без предварительной выплаты справедливой цены.

8. Каждый человек свободен в выборе места проживания, вопросах передвижения внутри и вне страны. Паспортная система упраздняется.

9. В рамках закона каждый имеет право свободно заниматься торговлей, производством.

10. Для каждого человека без исключения и без различия, в зависимости от дееспособности, открыты гражданские, военные должности, государственная или общественная деятельность.

11. Каждому человеку гарантируется законом свобода совести, вероисповедания, отправления обрядов.

12. Подобно свободе религии, совести, каждый человек имеет право свободно выражать свои мысли — устно, письменно, печатно. Все виды контроля над печатью навсегда отменяются. Люди, нарушившие границы закона в своих словах, письме, печати, ответственны только перед судом.

13. Каждый человек имеет право собираться, устраивать собрания как под открытым небом, так и в помещениях для обсуждения всякого рода проблем.

14. Каждый человек, не испрашивая на то разрешения, имеет право организовывать союзы и общества.

8. Каждый человек свободен в выборе места проживания, вопросах передвижения внутри и вне страны. Паспортная система и обязательное подписание упраздняются.

9. В рамках закона каждый имеет право свободно заниматься любым видом занятий, торговли, ремесла.

12. Подобно свободе религии, совести, каждый человек имеет право свободно выражать свои мысли — устно, письменно, печатно. Все виды контроля над печатью отменяются.

13. Каждый человек имеет право собираться, устраивать собрания как под открытым небом, так и в помещениях.

15. Her bir cemaat, her bir şirket, her bir adam her bir hususda dilekçe vermek, arize takdim etmek hukukuna malik olur.

16. Şu fasılda mezkur hukuku mülkiye devletin "Esas Kanun"larında tesbit kılınmış mahkeme himayesiyle temin olunur.

III. Devlet Şekli

17. Rusya'da şu günkü ahval iktisasına en münasip şekli (Devlet) "İttifak"ın reyine göre kanun hem parlamento esaslarına temin kılınacak monarşidir. Böyle monarşide monarhın hem hukukî hem iktidar "Kanun Esası" ile tahdit kılınıp en büyük kuvvet, Devlet Duması'nın koyduğu kanun esas etrafında döner ve onunla amel olunur. Monarh kendisi de hem vekiller elinde olur.

18. Halk vekilleri Rusya'da var olan bütün halkın olmak şartıyla devlet duması yahud Rusya Parlamenti isminde olacak, yalnız bir meclis olmak üzere teşkil kılınacak, vekiller umumî, gizli, müsavî ve bilavasita usul ile seçilecektir. Müslümanların vekilleri (genel nüfus) sayılarına münasip olur.

Kayıt: Hatunlarında iştirakleri mümkün olmak için seçim kanunları bu hususu göz önünde tutarak hazırlanacaktır.

19. Vekiller kanunları korurlar, devletin gelir ve

15. Каждая община, каждый союз, каждый человек имеет право подавать петиции, прошения по любому вопросу.

16. Вышеупомянутые гражданские права (3–15) закреплены в основном законе государства, обеспечиваются защитой суда.

III. Государственный строй

17. Самая приемлемая форма государства в России, в соответствии с сегодняшними обстоятельствами, с точки зрения «Иттифака», — монархия, построенная на основах закона и парламентаризма. В такой монархии права и могущество монарха ограничены основным законом, верховная власть принадлежит народным представителям и монарху, действующим в соответствии с основным законом, установленным Государственной думой.

18. Народные представители — представители всех народов России, образуют Государственную думу или Парламент России, состоящий из меджлиса (одной палаты). Они избираются всеобщим, равным, тайным, прямым голосованием; мусульмане имеют представительство пропорционально их численности.

Примечание: для возможности участия женщин избирательное законодательство должно соответствовать обычаям мусульман.

19. Представители издаваемых законов, составляют

18. Народные представители с условием, что они — представители всех народов России, образуют Государственную думу или Парламент России, состоящий из меджлиса (одной палаты). Они избираются всеобщим, равным, тайным, прямым голосованием; мусульмане имеют представительство пропорционально их численности.

Примечание: для возможности участия женщин избирательное законодательство должно учитывать это обстоятельство.

19. Представители принимают законы, составляют

гидерlerini tertib ederler, büyük küçük idarelerin hizmetlerinin kanunlarına, maslahatlara uygunluklarına neza-ret ederler.

20. Vekiller kanun vazet-tirmek hukukuna maliktirler.

21. Karar, tasarruf, emir, ferman gibi işlerin hiç biri, kimden sadır olursa olsun, her ne ad konursa konsun, vekiller heyetince kabul kılınmadıkça, kanun kuvvetinde olmaz.

22. Vergiler, gümrükler, devlet ihtiyaçları için alınacak istikrazlar nâzırlar heyeti rızası olmadıkça alınamaz.

23. Devletin bütçe hesapları, bir yıldan ziyade olmamak şartıyla, nâzırlar heyeti rızası bile tayin olunur. Her gelir ve her gider, istisnasız, divânî muhasebede kaydolunur.

24. Vekiller heyeti arastıran seçilerek monarh tarafından kabul ve tasdik kılınacak nazırların her biri uhdelere düşen işler için vekiller heyeti huzurunda mes'uldür. Vekiller gerekirse ministrilerinden izahat ve açıklama isteyebilirler.

IV. Dinî Nizamlar

25. Hemme dinler, hemme mezhepler hür kanun kaşında müsavi, hükümet nezaretinden azad olunur. Her din muhteremdir. Dinler itikatları içinde, dinleri mezhepleri tebdil veya terk içinde hiçbir surette takibat yapılmaz.

роспись доходов и расходов (бюджет), контролируют деятельность высшей и низшей администрации с точки зрения соответствия законам и общему благу.

20. Представители обла-дают правом разрабаты-вать законы.

21. Ни одно постановле-ние, распоряжение, указ, приказ, от кого бы они ни исходили, как бы ни называ-лись, не имеют силы закона, пока не приняты народным представительством.

22. Нельзя устанавливать сборы, пошлины, налоги в пользу государства, госу-дарственные займы без разрешения народного пред-ставительства.

23. Государственная бюд-жетная роспись определя-ется не более чем на один год с согласия народного представительства. Все до-ходы и все расходы без ис-ключения заносятся в го-сударственный бюджет.

24. Министры, избран-ные народным представи-тельством и утвержденные монархом, ответственные перед собранием предста-вителей. Представители мо-гут потребовать у минист-ров разъяснений путем зап-росом или интерpellацией.

IV. Религиозные правила

25. Все религии, все кон-фессии, мазхабы свобод-ны, равны перед законом, независимы от контроля государства. Каждая рели-гия уважаема. За веру и убеждения, а также за пе-ремену религии, мазхаба

роспись доходов и расходов (бюджет), контролируют деятельность высшей и низшей администрации с точки зрения соответствия законам и общему благу.

22. Нельзя устанавливать сборы, пошлины, налоги в пользу государства, госу-дарственные займы без разрешения *Совета мини-стров*¹.

23. Государственная бюд-жетная роспись определя-ется не более чем на один год с согласия *Совета ми-нистров*². Все доходы и все расходы без исключе-ния *записываются* в госу-дарственный бюджет.

24. Министры, избран-ные народным представи-тельством и утвержденные монархом, ответственные перед собранием предста-вителей. Представители *при надобности* могут потре-бовать у министров раз-ъяснений.

25. Все религии, все кон-фессии, мазхабы свобод-ны, равны перед законом, независимы от контроля государства. Каждая рели-гия уважаема. За веру и убеждения, а также за пе-ремену религии, мазхаба

Ceza kanunlarına muhalif değilse, ibadetleri eda etmek vazifelerinde, hem mezhep talimlerini, neşir hususlarında her insan hür olur.

26. Her bir dini cemaatin dinlerine münasip dahili nizamları, özlerinin ihtiyarında olup, hükümet müdahale etmez.

27. Rusya Müslümanlarının özlerinin ihtiyarlarında bulunan hak ve hukukları:

- 1) Bir kişiden veya had bir heyetten ibaret tesisat-ı ruhaniye inşa etmek,
- 2) Bütün ruhanileri cemaat arzusu ile ya muvakkat veya had kaydı hayat şartıyla seçebilmek,
- 3) Ruhanilerin, dinî müesseselerin, hemme işlerine nezaret hakkı cemaatin kendi elinde olmak,
- 4) Meşcitlerin, mekteb ve medreselerin, hayrat yurtlarının, türbelerin, vakıfların, mülkleri müslümanların elinde bulunması.

V. Mahalli Muhtariyet

28. Devletin hemme yerinde, erlik (erkeklik) hatunluk din, cinsiyet, kavmiyet fark kılınmayıp, umumî müsavî gizli ve vasıtasız seçime küçük muhtariyetler tesis olunur.

29. Birkaç ufak muhtariyetler toplanıp, nüfusun sayısına, yerlerinin genişliğine

или за отказ от них не следует наказание. Каждый человек свободен в от-правлении культа и рас-пространении учения, если это не противоречит уго-ловным законам.

26. У каждой религиоз-ной общины существуют внутренние правила, уста-новленные в соответствии с их религией; они нахо-дятся в ведении самой об-щины и государство в них не вмешивается.

27. Права, находящиеся в ведении мусульман Рос-сии:

- 1) основывать духовные учреждения, состоящие из одного человека или группы,
- 2) избрание всех духов-ных лиц решением общины временно на определенный срок или пожизненно,
- 3) община имеет право контроля над всеми делами духовенства, религиозных организаций,
- 4) вакфы, имущество ме-четей, медресов и медресе, богоугодных заведений, мест особого почитания (дюрбе), вакуфов находятся в ведении мусульман.

V. Местное самоуправление

28. На всей территории государства, на основе всеобщего, равного, пря-мого, тайного голосования, без различия пола, вероис-поведания, национальнос-ти учреждаются мелкие самоуправления.

29. Несколько мелких са-моуправлений объединяют-ся и, в зависимости от чис-

или за отказ от них не сле-дует наказание. Каждый человек свободен в от-правлении культа и печатании религиозных правил, если это не противоречит уголовным законам.

30. Mahalli muhtariyetin hemme işleri, hatta emniyet asayış zabıtası da, muhtariyet idarelerinin elinde olur. Meğer şu günkü ahvalin iktizası olarak merkez elinde toplanması gereken işler istisna kılınır. Devletin umumî gelirlerinden bir kısmı mahalli muhtariyet idarelerinin faidesine teslim kılınır.

- 3) община имеет право контроля над всеми делами религиозных деятелей и организаций,
- 4) имущество мечетей, медресов и медресе, богоугодных заведений, мест особого почитания (дюрбе), вакуфов находятся в ведении мусульман.

göre orta muhtariyetler teşkil ederler. Orta muhtariyet üyelerinden vilayet meclisi kurulur. Vilayet meclisleri ya muvakkat ya da daimi ittifak yapabilirler.

30. Mahalli muhtariyetin hemme işleri, hatta emniyet asayış zabıtası da, muhtariyet idarelerinin elinde olur. Meğer şu günkü ahvalin iktizası olarak merkez elinde toplanması gereken işler istisna kılınır. Devletin umumî gelirlerinden bir kısmı mahalli muhtariyet idarelerinin faidesine teslim kılınır.

31. Fakirlere iane etmek, kimsesiz çocuklara, âcizlere, onalmaz hastalara bakmak, zayıf ihtiyarları gözetmek, hususî hayatlara nezaret etmek işi mahalli muhtariyet uhdesinde olur.

32. Hükümet-i Merkeziye tarafından tayin kılınan mahalli memurların vazifeleri: Mahalli muhtariyet hizmetlerinin devlet kanunları- na muvakkatleri cihetlerine nezaret etmekten ibaret olup, şu hususta iki taraf arasında çıkabilecek ihtilaflar adli mahkemeler tarafından hal ile fesholunur.

33. Vilayet meclisi azaları vilayet mahalli maslahatlarına ait meselelerde kanun koymak hakkına malik olur.

34. Bir vilayete ait meselelerin hemmesi, umuru maliyesi de mahalli muhtariyet idarelerinin selahiyetler-

la людей, площади земель, образуют среднее самоуп-равление. Из членов сред-него самоуправления фор-мируются губернские управ-ления. Губернские управ-ления могут заключать между собой временные либо постоянные союзы.

30. Все вопросы местного управления, включая поли-цию безопасности, находятся в ведении местного само-управления. Исключением являются только те вопросы, которые по необходимости сегодняшних обстоятельств сосредотачиваются в центре. Часть средств, собираемых в государственный бюджет, предоставляется в пользу ор-ганов местного самоуправ-ления.

31. Помощь неимущим, сиротам, немощным, неиз-лечимо больным, стари-кам, наблюдение за част-ной благотворительностью находятся в ведении мест-ного самоуправления.

32. Функции чиновников на местах, назначаемых центральным правительст-вом, заключаются в надзо-ре за соответствием дея-тельности органов местно-го самоуправления госуда-рственным законам. Возни-кающие между ними спо-ры и сомнения решаются в судах.

33. Члены губернского управления обладают правом участия в законодательстве по проблемам, касающимся местных интересов.

34. Все проблемы, касаю-щиеся губернии, в том числе и экономические вопросы, обсуждаются, решаются в

го управления, включая охрану порядка, находятся в ведении местного само-управления. Исключением являются только те вопро-сы, которые по необходи-мости сегодняшних об-стоятельств должны быть в ведении центра. Часть государственного дохода предоставляется в пользу органов местного само-управления.

31. Помощь неимущим, сиротам, немощным, неиз-лечимо больным, стари-кам, наблюдение за част-ной жизнью находятся в ведении местного само-управления.

32. Функции чиновников на местах, назначаемых центральным правительст-вом, заключаются в надзо-ре за соответствием дея-тельности органов мест-ного самоуправления госуда-рственным законам. Воз-никающие по этому пово-ду разногласия между сто-ронами решаются судами.

33. Члены губернского управления обладают пра-вом принимать решения по проблемам, касающимся местных интересов.

34. Все проблемы, касаю-щиеся губернии, в том числе и финансовые во-просы, обсуждаются, ре-

ine, iktidarlarına göre, vilayet meclislerinde müzakere kılınıp, hem hal kılınıp, devletin kuvve-i icraiyesiyle infaz olunur.

35. Bir vilayette nüfusça çoğunlukta olan (etnik) kavmin lisanı, devlet lisanı, gibi, şu vilayetin hemme idarelerinde umumî lisan olur. Rus lisanı, umumî devlet lisanı olmak sıfatıyla, İdare-i Merkeziye'lerin, deniz ve kara kuvvetleri askeri idarenin lisanı olur.

36. Hemme halkın, medeni siyasi hukuklarda her cihetle beraberlikleri üstüne, devletin esas kanunları halkın hemmesine kültürel hukukları da temin eder. Yani her dili ve her mahalli ağzı kullanmak, mekteb medreseleri inşa edip çocukları terbiye etmek, dil ve edebiyat cemiyetleri, müesseseleri kurmak hususlarında milletlerin herbirine kâmil hürriyetleri verilir.

VI. Mahkeme

37. Şimdiye kadar mevcut olan ve halkı sınıflara ayırarak imtiyazlı şahıslara göre kurulmuş olan bütün umumî ve olağanüstü mahkemeler fesholunur ve kaldırılır. Memleketin her yerinde 1864 Noyabr 20 tarihli kanunlara göre sulh ve adliye mahkemeleri kurulur.

губернских управлениях, в соответствии с полномочиями органов местного самоуправления, осуществляются исполнительной властью государства.

35. Язык народа, преобладающего в какой-либо губернии, подобно государственному языку, является общим во всех учреждениях этой губернии. Русский язык, в качестве общегосударственного языка, является языком центральных учреждений, армии и флота.

36. Вместе с равенством гражданских, политических прав всего народа основные законы государства обеспечивают всем право культурного и национального самоопределения. То есть каждому народу предоставляются полная свобода в вопросах употребления всех языков и наречий, основания и содержания мектебов и медресе, обществ и учреждений для распространения языка и литературы.

VI. Суд

37. Все виды чрезвычайных судов (волостной суд, институт земских начальников), сословные суды, административные суды, обладающие и судебной властью, суды с сословными представителями упраздняются. Во всех областях государства, в соответствии с Судебными уставами 20 ноября 1864 г., учреждаются мировые и арбитражные суды.

шаются в губернских управлениях, в соответствии с полномочиями органов местного самоуправления, и осуществляются исполнительной властью государства.

35. Язык народа, преобладающего в какой-либо губернии, подобно государственному языку, имеет общее употребление во всех учреждениях этой губернии. Русский язык, в качестве общегосударственного языка, является языком учреждений центрального управления, управления армии и флота.

36. Наряду с равенством всех народов в области гражданских, политических прав, основные законы государства обеспечивают всем народам также культурные права. То есть каждому народу предоставляется полная свобода в употреблении всех языков и наречий, в основании мектебов и медресе, языковых и литературных обществ и учреждений.

37. Все общие и чрезвычайные суды, существующие поныне, разделяющие народ на сословия и устроенные служить интересам привилегированных лиц, упраздняются. Во всех областях государства учреждаются суды и мировые суды в соответствии с законами, принятыми 20 ноября 1864 г.

38. Mahkemelerin her birinde şu esaslara riayet olunması gerekir:

1) Hüküm infaz edilmekle tamamlanur,

2) Kanun karşısında bütün halk beraber olur,

3) Ehliyetli hakimın kanunlarına göre uygun hükmü bulunmadıkça hiçbir adam cezalanmaz,

4) Hakim azl olunmazsa, müstakil olur, her bir müdahalede azad olur, adliye nezareti de hiçbir suretle müdahale etmez. Hatur göre hareket etmek mecburiyetinden azad olmak için hediye almak, rütbe kabul etmek hakimlere yasak olur. Hakimlerin çoğunluk tarafından seçilmedikçe hiç kimse hakimlik vazifesine tayin edilemez,

5) Mahkemelerde hüküm açık olur,

6) Ceza tayin etmek yetkisi yalnız hakimlere ait olur. İdare (administratsiye) tarafından nakdi ceza vermek hapis ve sürmek gibi yetkiler kaldırılır ve fesholunur,

7) Kazai vazife görenlerin hepsi genel esaslara uyacakları meselesinde birbirlerine kefil olurlar.

39. Seçilmiş sulh hakimleri, seçilmiş adliye encümeni müesseseleri memleketin hemme vilayetlerinde kurulur. Mahkemede hakimlik ve adliye encümeninde üyelik için mali duruma bakılmaz (zenginlik aranmaz).

38. В каждом суде необходимо соблюдать следующие принципы:

1) судебная власть полностью отделяется от исполнительной власти,

2) перед законом все люди равны,

3) ни один человек не может быть подвергнут наказанию без приговора правоспособного судьи в соответствии с судебными законами,

4) судьи не могут смещаться, судьи независимы, никому не подчиняются, суды свободны от всякого вида вмешательства, министерство юстиции также не может никаким образом вмешиваться в деятельность судов. Для того чтобы освободить судей от обязательств действовать, боясь кого-либо обидеть, им запрещено получать подарки, чины. Ни один человек не может быть назначен на должность судьи, не будучи избран обществом судей,

5) судебные заседания являются открытыми,

6) право вынесения наказания принадлежит только судьям, отменяется административный порядок применения таких мер пресечения как денежный штраф, арест, ссылка,

7) обеспечивается соблюдение общих законов лицами, занимающими ответственные должности.

39. Во всех губерниях государства избираются мировые суды, с избираемыми присяжными заседателями. Имущественный ценз не является условием для избрания присяжным заседателем и судьей.

38. В каждом суде необходимо соблюдать следующие принципы:

1) приговор обязательно приводится к исполнению,

2) перед законом все люди равны,

3) ни один человек не может быть подвергнут наказанию без приговора правоспособного судьи в соответствии с судебными законами,

4) судью никто не может сместить, он независим, свободен от всякого рода вмешательства, министерство юстиции также не может никоим образом вмешиваться. Для того чтобы освободить судей от необходимости потакать чьим-либо желаниям, им запрещено получать подарки и чины. Никто не может быть назначен на должность судьи, не будучи избран большинством судей,

5) судебные заседания являются открытыми,

6) право вынесения наказания принадлежит только судьям, отменяется административный порядок применения таких мер пресечения как денежный штраф, арест, ссылка,

7) обеспечивается соблюдение общих законов лицами, занимающими ответственные должности.

39. Во всех губерниях государства избираются мировые суды, с избираемыми присяжными заседателями. Имущественный ценз не является условием для избрания присяжным заседателем и судьей.

40. Adliye encümeninin iktidarı ve nüfuzu genişletilir, suçların cinsi ile değil, belki cezaların miktarı itibarıyla her iş adliye encümeni mahkemesine (bölgesi) teslim kılınır. Umum devlete ait yahud basına ait suçların hepsi adli mahkemelerin yetkisine tabidir.

41. Mahkemelere mahsus zabıta teşkilatı kurulur.

42. Lüzumen icra kılınacak nizamlar:

1) Birinci derecede himaye müdahalesi,
2) Heyet-i İttihamiye'de müdafaa esası,

3) İbret olsun için tecilli hükümler,

4) Mahkûmiyet müddeti bitmeden eyi ahlak dolayısıyla salıverme,

5) Cezalarını çekmiş ve bitirmiş olan kimselere tahliyeden sonra şerefli ve hür yaşayabilmeleri için iş imkânları yaratma,

6) Ceza evlerini islah ederek, terbiye ve ahlâki yön doğrultusunda islah usûlünü yenileme,

7) Hür ve müstakil barolar teşkili,

8) Temyiz mahkemesinin birlik kaidesi.

43. Medeni ve siyasî hürriyet esaslarını temin etmek maksadıyla hukukî bütün kanunları ve bu arada ceza kanunlarının ivedilikle gözden geçirilerek yeniden tanzimi lazımdır.

40. Полномочия суда присяжных заседателей расширяются; каждое дело предстает перед присяжными заседателями, исходя из тяжести наказания, а не из рода преступления. Все преступления государственных и против законов о печати всегда лучше относятся к суду присяжных заседателей.

41. У судов есть специальная судебная полиция.

42. Меры, которые обязательно нужно осуществить:

1) участие защиты на предварительном следствии,

2) состязательность во время судебного процесса,

3) лучшее толкование в пользу дела подсудимого,

4) меры по досрочному освобождению,

5) порядок патроната, то есть меры, помогающие людям по окончании наказания жить достойно и свободно,

6) реформирование тюремной системы в целях исправления морали,

7) организация советов адвокатов на основах свободы и автономии,

8) принцип единства кассационного суда.

43. Без промедления необходим пересмотр и упорядочение уголовного законодательства и гражданского законодательства, касательно и материального права, и процессуального права, с целью обеспечения основ гражд-

40. Полномочия суда присяжных заседателей расширяются; каждое дело предстает перед присяжными заседателями, исходя из тяжести наказания, а не из рода преступления. Все преступления государственных и против законов о печати всегда лучше относятся к суду присяжных заседателей.

41. При судах создается специальная полиция.

42. Меры, которые обязательно нужно осуществить:

1) участие защиты на предварительном следствии,

2) состязательность во время судебного процесса,

3) лучшее толкование в пользу дела подсудимого,

4) досрочные освобождения ввиду примерного поведения,

5) создание таких условий, чтобы отбывшие наказание смогли в дальнейшем вести достойную и свободную жизнь,

6) реформирование тюремной системы с тем, чтобы она основывалась на принципах воспитания и исправления морали,

7) создание свободных и независимых коллегий адвокатов,

8) принцип единства кассационного суда.

43. Без промедления необходим пересмотр и упорядочение всего законодательства, в том числе уголовного права, с целью создания основ гражданской и политической свободы.

данской и политической свободы.

44. Все семейные вопросы мусульман, такие как брак, развод, наследство, алименты и другие, решаются в шариатских судах на основе установлений шариата.

45. Языком самых близких к народу судов — мировых судов — является язык преобладающего народа. Поэтому их судьи избираются из людей, знающих языки.

VII. Maarif

46. Mutlaka ve geciktirmeden memleketin her yerinde ana dilinde ilkokullar öğrenimi balalanır (çocukların) hepsine mecburi olub ve parasız yapılır.

47. İlkokul öğrenim işlerinin hemmesi şu saat (hemen) mahalli muhtariyet idaresine teslim kulunur. Her yerde ilkokul terbiyesi ana dilinde ve millî harflerle olur.

48. Sınıf geçme işlerini kolaylaştırmak için bütün okulların sınıfları arasında özüne uygun irtibat kurulur.

49. Mektebler medreseler tesis etmek, talim ile istigal etmek herhalde her yerde umumiyetle hür olur.

50. Sanayi mekteblerini her yerde mümkün olduğu kadar

VII. Образование

46. Безусловно, без промедления, во всех землях государства начальное образование на родном языке для каждого ребенка является обязательным и бесплатным.

47. Все вопросы начального образования передаются в ведение органов местного самоуправления. Везде начальное образование осуществляется на родном языке, на национальном алфавите.

48. Для облегчения перехода со ступени на ступени в школах всех разрядов на всех уровнях должна быть установлена прямая связь для облегчения перехода от ступени к ступени.

49. Открытие школ, преподавание везде во всех случаях является свободным.

50. Необходимо особое внимание уделять как мож-

44. Все семейные вопросы мусульман, такие как брак, развод, наследство, алименты и другие, решаются в шариатских судах на основе установлений шариата.

45. Языком самых близких к народу судов — мировых судов — является язык преобладающего народа. Поэтому судьи судов первой инстанции избираются из людей, знающих эти языки.

46. Безусловно, без промедления, во всех местностях ввести обязательное и бесплатное начальное образование каждого ребенка на родном языке.

47. Все дела, связанные с начальным образованием немедленно передаются в ведение органов местного самоуправления. Везде начальное образование осуществляется на родном языке и с применением национального алфавита.

48. Для облегчения перехода из класса в класс, между классами всех школ должна быть установлена связь.

49. Открытие мектебов и медресе, занятия преподаванием везде и во всех случаях является свободным.

50. Необходимо особое внимание уделять как мож-

arttırmak vazifelerine özellikle dikkat etmek elbette zaruridir. Sanayi de elbette meccanen talim kılınur. Orta derece mektepleri de gereği kadar her yerde arttırmak, mümkün kadar az ücretle talim etmek lazımdır. Talim terbiye işlerinin tertiplerine, yollarına mahalli idareler her cihetle müdahale edebilir.

51. Külliye, yüksek mektepler dahili nizamlarında tedris işlerinde tamamen hür olur. Sayıları gereği kadar çoğaltılarak, ders ücretleri mümkün olduğu kadar azaltılır. Haikun çoğunluğu yüksek okullardan faydalansın için bu okulların binaları geniş tutulur. Studentlerin (öğrencilerin) cemiyetleri hür olur.

52. Yaşlılar mektebi, ilkokullar, il okuma odaları, il kütüphaneleri, il üniversiteleri gibi ilmi müesseseler kurmak binaları inşa etmek hususlarında mahalli muhtariyet idaresi mutlaka hür olur.

53. Yaşlılar için sanayi mektebi ve din mekteplerinin bütün derecelerinde, hemde yukardaki maddede sayıldığı gibi ilmi müesseseler kurmak, ister ana dilinde, ister şark dillerinde talim ve tedrisat yapmak, yabancı devlet tebalarından muallimlik ve

но большему увеличению числа ремесленных училищ. Профессия, несомненно, преподается бесплатно. Количество средних учебных заведений тоже, по необходимости, везде увеличивается, по возможности вводится минимальная плата. Органы местного самоуправления могут всесторонне вмешиваться в порядок, методы преподавания, воспитания.

51. Университеты, институты, высшие школы совершенно свободны во внутренних порядках, во вопросах преподавания. Их количество должно увеличиться в соответствии с потребностями, плата за обучение по возможности уменьшается. Необходимо расширить сферу распространения высшей школы знаний, для того чтобы позволить большему числу народа пользоваться ими. Организации, общества студентов свободны, независимы.

52. Органы местного самоуправления обладают полной свободой в организации школ для взрослых, начальных школ, народных читален, народных библиотек, народных университетов, научных обществ.

53. Мусульмане России совершенно свободны в следующем: учреждение для взрослых научных, профессиональных, религиозных школ всех ступеней и научных обществ высшего уровня, обучение по желанию — на родном

можно большему увеличению числа ремесленных училищ. Обучение ремеслу, несомненно, также бесплатно. Количество средних учебных заведений тоже, по необходимости, везде увеличивается и вводится минимальная плата. Органы местного самоуправления могут всесторонне вмешиваться в порядок, методы преподавания, воспитания.

51. Высшие школы совершенно свободны во внутренних порядках и во вопросах преподавания. Их количество должно увеличиться в соответствии с потребностями, плата за обучение уменьшается насколько возможно. Для того чтобы позволить большему числу людей пользоваться ими, их здания должны быть просторными. Организации, общества студентов свободны, независимы.

52. Органы местного самоуправления обладают полной свободой в организации таких образовательных учреждений, как школы для взрослых, начальные школы, народные читальни, народные библиотеки, народные университеты и в строительстве зданий для них.

53. Мусульмане России признаются совершенно свободными в следующем: учреждение для взрослых профессиональных и религиозных школ всех ступеней и образовательных организаций, перечисленных в предыдущей статье, орга-

müderislik vazifelerine ehliyetli olanları davet edebilmek, millî hurufat ile hür bir dilde gazeteler, dergiler yayınlatabilmek tercüme edilen veya telif kılınan kitaplar ve risaleler neşretmek, kezalik bunların ticaretini yapmak işlerinde Rusya Müslümanları tamamen hür olur.

VIII. Mali İşler

54. Devletin iktisadi ve mali siyaseti temelinden değiştirilecek. Lüzumsuz israfı kaldırıp, halk ihtiyacına özellikle ilim ve maarif yollarına devlet hazineleri önemli tahsisat ayırarak devlet bütçesinde köklü inceleme ve değişiklik yapılacak.

55. Umumî hazine emlakinde tasarruf hakkı, bir merkezde bırakılmayıp, mahalli muhtariyet idareleri arasında tevzi olunacak.

56. Genellikle vergileri indirmek, halkın zararı ihtiyacı olan mallardan vergi almayı en az dereceye indirmek, ticarete himaye nizamlarını kaldırmak ve feshetmek lazımdır.

57. Doğru vergi nizamları ıslah olunur, gelir arttıkça vergi arttırılır usulü yüksek kazançlar ve miras vergisine kaydırılır.

IX. Toprak Meseleleri

58. Öz emeği ile toprak hizmetlerini işlevci köylülerin hemmesine, hayvan

языке или на восточных языках, приглашение иностранцев на должности преподавателей, издание и распространение газет, журналов, оригинальных, переводных книг на всех языках арабским алфавитом, а также торговля ими.

VIII. Финансовые / экономические вопросы

54. Экономическая и финансовая политика изменяется полностью в своей основе. Необходимы уточнение и пересмотр государственного бюджета, необходимо направить средства на нужды страны, особенно на образование; и устранить бесполезные, ненужные траты.

55. Распоряжение всеми средствами страны не концентрируется в одном центре, а распределяется между органами местного самоуправления.

56. Необходимо общее понижение сборов, налоги с предметов первой необходимости постепенно отменяются, правила надзора над торговлей необходимо отменить.

57. Реформа прямых налогов, введение прогрессивного налога на прибыль и наследство.

IX. Аграрный вопрос

58. Необходимо всем людям, обрабатывающим землю личным трудом, за-

низация обучения и на родном языке, и на восточных языках, приглашение иностранных подданных на должности преподавателей, издание газет и журналов на национальном алфавите, издание переводных и оригинальных книг и брошюр, а также торговля всем этим.

VIII. Финансовые вопросы

54. Экономическая и финансовая политика государства изменяется полностью. Необходимо основательно изучить и пересмотреть государственный бюджет с тем, чтобы устранили бесполезные, ненужные траты и направить средства на нужды страны, особенно на образование.

55. Распоряжение казенными средствами не должно быть в руках одного центра, а распределено между органами местного самоуправления.

56. Необходимо общее понижение сборов, налоги с предметов первой необходимости сделать минимальными, меры надзора над торговлей отменить.

57. Необходимо реформировать систему прямого налогообложения, использовать прогрессивный налог и в случае высоких прибылей и получении наследства.

58. Необходимо всем деревенским людям, обрабатывающим землю личным

yardımıyla günlük işini gören çiftçilere kesilme yerlerden, saray yerlerinden, miri yerlerden ihtiyacı kadarınca toprak verilmesi, hemde kıymet-i adilesi devlet hazinesinden ödenmek suretiyle özel mülk olan toprakların alınarak ihtiyacı olan köylülere paylaştırılması lazımdır. Ancak özel mülkler idare amirleri ve memurlara hediye yolu ile veya bir meşru sebep olmadan verilmişse bedelsiz alınarak tevzi edilir.

59. Toprakla uğraşanları her cihetçe temin etmek, her bir vilayetin topraklarını o vilayetin muhtaç çiftçileri arasında paylaştırmak esası kabul olunur. Toprakla uğraşan çiftçilerin ürün verme güçlerini artırmak için ve her türlü işlerini intizamla görmek için mahalli muhtar idareler her türlü tedbiri alır. Bu esasların gereği gibi tatbik edilebilmesi için (Rus) göçürme işi durdurulur ve eski sahiplerinden gasbedilerek alınan topraklar sahiplerine geri verilir.

60. Devlet hemde mahalli muhtariyet idareleri, bütün imkânları ile toprak meselesi ve hayvan yetiştiriciliğini teşvik ve himaye eder. Tarım okulları açmak, Tarım Kredi bankaları kurmak, çiftçilere kredi vermek, tarım şirketlerine, birliklerine müsaade eder nizamnameler çıkarmak, bütün tedbirleri almak ve tarım işlerine nezaret etmek için gereken kurulları yapmaları lazımdır.

нимающимся выращиванием скота, дать необходимую долю из уделных, дворцовых, государственных земель, а также в необходимых размерах из частновладельческих земель путем выплаты владельцам справедливой (не рыночной) цены за счет государства. Однако частные владения, подаренные начальникам и чиновникам или приобретенные ими незаконным способом, возвращаются без компенсации.

59. Принимается за основу обеспечения крестьян землей раздел земли каждой губернии между нуждающимися постоянными жителями этой губернии. Органы местного самоуправления всесторонне содействуют должному обустройству крестьян в границах губернии и приведению земельных вопросов в порядок. Переселение окончательно отменяется, отобранные земли возвращаются владельцам.

60. Органы государственной власти и местного самоуправления всеми возможными способами содействуют всемерному развитию земледелия и животноводства: открытие сельхозшкол, открытие аграрных банков и выдача ими кредитов на сельхознужды, принятие мер, правил для помощи сельхозсоюзам, артелям, учреждение органов контроля по вопросам сельского хозяйства.

трудом, и земледельцам, обрабатывающим землю с помощью скота, дать сколько надо земли из дворцовых, государственных земель, а также из частновладельческих путем выплаты владельцам справедливой цены за счет государственной казны. Однако частные владения, подаренные начальникам и чиновникам или приобретенные ими другими незаконными способами, изымаются у них без компенсации.

59. Всестороннее обеспечение земледельцев и распределение губернских земель прежде всего между нуждающимися крестьянами этой губернии принимается за основной принцип. Органы местного самоуправления принимают все меры, чтобы увеличить производительность крестьян и привести их дела в порядок. Для того, чтобы эти меры могли быть должным образом осуществлены, необходимо прекратить переселение русских крестьян и вернуть прежним владельцам отнятые у них земли.

60. Органы государственной власти и местного самоуправления должны всеми возможными способами содействовать развитию земледелия и животноводства. Необходимо открыть сельскохозяйственные школы, учредить аграрные банки, выдавать крестьянам кредиты, установить правила, разрешающие создание земледельческих организаций и союзов, создать комиссии по принятию надлежащих мер и надзору за земледелием.

61. Çiftçiler toprakla olan münasebetleri yönünden toprak ağalığının tahakkümünden kurtarılır. Toprak işçilerini himaye etmek için bugünkü nizamlar değiştirilir, amele kanunları, snai işçi hakları, tarım işçilerini de teşmil edilir.

62. Çiftçilere tevzi edilen topraklara sınır tayin edilir ve miktarı belirlenir. Göçmez (taşınmaz) mallar için rehin edilerek kredi alma işi bir nizama salınır. Toprağın icar bedeli belirlenerek tayin edilir. Borç için yani borç karşılığında köylülere iş gördürmek usulü tamamiyle feshedilir.

63. Sulama işleri ıslah olunur ve tefişe tabi tutulur.

X. Amele Meseleri

64. Amelelerin ittifaklarına, cemiyetlerine, grevlerine tam hüriyet verilir.

65. Olağan iş gününün haddini tayin etmek.

66. Müddetten fazla çalışmayı, zarûret olmadıkça gece çalışmasını yasak etmek.

67. Kadınların ve çocukların işgücünü korumak vazifesine dikkat etmek, sağlığa

61. Крестьяне не зависят от помещиков ни землей, ни имуществом. Действующие правила о найме сельских рабочих полностью изменяются, рабочее законодательство распространяется и на крестьян, соответственно промышленным особенностям сельского хозяйства.

62. Размежевание (межевое дело) полностью реформируется, определяются границы для всех размежеванных земель. Устанавливается порядок займов, обеспеченных залогом недвижимости. Для упорядочения аренды земли сумма аренды изменяется, определяется размер арендной платы, взимаемой с крестьян. Принудительная отработка долгов и подобные дела полностью отменяются.

63. Водное законодательство полностью реформируется.

X. Рабочий вопрос

64. Полная свобода союзов, обществ, стачек рабочих.

65. Определение максимума часов обычного рабочего дня.

66. Запрещение сверхурочных работ, ночных работ при отсутствии необходимости.

67. Развитие охраны труда женщин и детей, установление правил охраны

61. Крестьяне в своих отношениях с землей освобождаются от власти помещиков. Для того, чтобы защитить сельскохозяйственных рабочих, нужно изменить существующее законодательство и распространить трудовые законы и права промышленных рабочих на сельскохозяйственных рабочих.

62. Нужно определить границы и величину земельных участков, распределяемых между крестьянами, установить порядок выдачи кредитов под залог недвижимого имущества, определить сумму земельной аренды. Принудительная отработка долгов отменяется.

63. Необходимо улучшить ирригационные работы и поставить их под контроль.

64. Рабочим предоставляется полная свобода в учреждении союзов, обществ, проведении стачек.

65. Необходимо определить максимум обычного рабочего дня.

66. Необходимо запретить сверхурочную и ночную работу при отсутствии необходимости.

67. Уделять внимание охране труда женщин и детей, также принимать не-

зарарlı işlerde erkeklerin de işgücünü himâye eder tedbirler almak.

68. Amelenin her birinin hastaltığı, kazalardan doğan tedavileri ve hizmet ettiği işten ileri gelen hastalıkların tedavisi, devlet kuvvetiyle işverenler tarafından temin edilir.

69. Öz gücüyle hayatını temin eden her bir adamın yaşlılık, âcizlik halleri devlet hesabına temin kılınır.

70. İşgücünü himâye etmek için cezaî müeyyideler tayin kılınır.

71. Amele kanunları ile gözetilmeyen işlemlerde işçilerle işverenler arasında çıkacak ihtilâflar için adilâne halledilebilecek yarıstı işçi temsilcilerinden yarıstı sermaye sahiplerinden olmak üzere kurulacak sulh mahkemeleri lâzımdır.

72. Amele kanunlarını tatbik ve işçilerin güçlerini himâye etmek için müstakil müfettişler görevlendirilir. İşçi menfaatlerini himâye edecek müfettişler heyetine işli mümessilleri de dahil olur.

Источник: *Hablimitogly N. Çarlık Rusyası'nda Türk Kongreleri (1905–1917). Ankara, 1997. S. 62–68. N. Хаблемитоглу в данной книге «Тюркские съезды в царской России» (Анкара, 1997) ссылается на свой личный архив. Перевод программы на современном турецкий язык сделан*

труда мужчин на вредных работах.

68. Государственное страхование каждого рабочего за счет владельцев от болезней, несчастных случаев, профессиональных заболеваний.

69. Государственное страхование на случай старости и неспособности к труду для всех живущих лишь личным трудом.

70. Установление уголовной ответственности за нарушение законов об охране труда.

71. Для нормирования отношений, не урегулированных рабочим законодательством, и урегулирования возможных споров и конфликтов между предпринимателями и рабочими, учреждаются примирительные камеры, состоящие из равного числа рабочих и владельцев капитала.

72. Рабочее законодательство, независимая инспекция по охране труда рабочих распространяются на все виды наемного труда. В состав инспекции, охраняющей интересы рабочих, включаются представители, выбранные от рабочих.

Источник: *Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. Нижний Новгород, 2005. С. 52–59. Авторы не указывают источник данного текста, который может быть русским вариантом*

обходимые меры по охране труда мужчин на вредных производствах.

68. Государственное страхование рабочих за счет работодателей в случае болезней, лечения последствий несчастных случаев, профессиональных заболеваний.

70. Установление мер наказания за нарушение правил охраны труда.

71. Для справедливого разрешения разногласий между рабочими и работодателями по вопросам, не урегулированным рабочим законодательством, необходимо создать примирительные камеры, состоящие из равного числа представителей рабочих и владельцев капитала.

72. Контроль за осуществлением рабочего законодательства и обеспечением охраны труда рабочих осуществляется независимыми инспекторами. В комиссию инспекторов входят также представители от рабочих.

им с какого-то издания начала XX в., опубликованного на тюркском языке арабской графикой.

программы или их собственным переводом с тюркского или турецкого языка. Так или иначе, сравнительный анализ показывает большую степень схожести текста из колонки Б с турецким переводом в колонке А, в то же время между ними есть и существенные отличия.

¹ В других вариантах в соответствующем пункте указано, что в таких случаях требуется разрешение народного представительства, т.е. Государственной думы. Возможно, в турецком тексте допущена ошибка при переводе оригинала.

² В других вариантах в соответствующем пункте указано, что в таких случаях требуется разрешение народного представительства, т.е. Государственной думы. Возможно, здесь также допущена ошибка.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Сравнительная таблица программ Мусульманской партии и мусульманской фракции Государственной думы

Программа Мусульманской конституционно- демократической партии	Программа Мусульманской (конституционно- народной) партии	Программа Мусульманской партии	Программа Мусульманской группы во II Государственной думе	Программа Мусульманской парламентской фракции в III Государственной думе
А	Б	В	Г	Д
<i>И. Основные задачи партии</i>	<i>И. Основные политические цели и задачи партии</i>	<i>И. Основные политические цели и задачи партии</i>		<i>И. Основные политические цели и задачи фракции</i>
<p>§ 1. Цель этой партии — устройство страны в политическом, финансовом, правовом и религиозном отношениях, а также объединение всех дел, касающихся мусульман, живущих в России.</p>	<p>§ 1. Партия¹ ставит себе задачей объединить в одной общей практической деятельности всех граждан-мусульман России, единомышленных по своим политическим убеждениям, для проведения в жизнь ряда политических, экономических, социальных, религиозных и других реформ, как отмечаемых настоящей программой, так и тех, кои могут быть вызваны и указаны самой жизнью.</p>	<p>§ 1. Партия ставит себе задачей объединить в одной общей практической деятельности всех граждан-мусульман России, единомышленных по своим политическим убеждениям, для проведения в жизнь ряда политических, экономических, социальных, религиозных и других реформ, как отмечаемых настоящей программой, так и тех, кои могут быть вызваны и указаны самой жизнью.</p>		<p>§ 1. Фракция ставит себе задачей объединить в одной деятельности всех граждан-мусульман России, единомышленных по своим политическим убеждениям, для проведения в жизнь ряда политических, экономических, социальных, религиозных и других реформ, как отмечаемых настоящей программой, так и тех, кои могут быть вызваны и указаны самой жизнью.</p>
<p>§ 2. Улучшение положения народа посредством передачи управления</p>	<p>§ 2. Стремясь к обновлению всего строя гражданской и политической</p>	<p>§ 2. Стремясь к обновлению всего строя гражданской и политической</p>		<p>§ 2. Стремясь к обновлению всего строя гражданской и политической</p>
<p>самому народу и введение конституционного строя в стране.</p>	<p>жизни на началах свободы, правды и человечности, партия находит эту главную цель достижимой при наделении всех русских граждан, в том числе и граждан-мусульман, правами человека и гражданина, и при переустройстве формы правления Российской империи на принципе государства конституционного, заключающегося в действительном участии народа, в лице представителей его, в отправлении всех функций государственной власти — законодательстве, управлении и суде.</p>	<p>жизни на началах свободы, правды и человечности, партия находит эту главную цель достижимой при наделении всех русских граждан, в том числе и граждан-мусульман, правами человека и гражданина, и при переустройстве формы правления Российской империи на принципе государства конституционного, заключающегося в действительном участии народа, в лице представителей его, в отправлении всех функций государственной власти — законодательстве, управлении и суде.</p>		<p>жизни на началах свободы, правды и человечности, фракция находит эту главнейшую цель достижимой при наделении всех русских граждан, в том числе и граждан-мусульман, правами человека и гражданина, и при переустройстве формы правления Российской империи на принципе государства конституционного, заключающегося в действительном участии народа, в лице представителей его, в отправлении всех функций государственной власти — законодательстве, управлении и суде.</p>
<i>II. Права граждан</i>	<i>II. Права граждан</i>	<i>II. Права граждан</i>	<i>I. Права граждан</i>	<i>II. Права граждан</i>
<p>§ 3. Все российские граждане, без различия пола, вероисповедания и национальности, равны перед законом.</p>	<p>§ 3. Все российские граждане, без различия пола, вероисповедания, расы и национальности, равны перед законом.</p>	<p>§ 3. Все российские граждане, без различия пола, вероисповедания, расы и национальности, равны перед законом.</p>	<p>§ 1. Все российские граждане, без различия пола, вероисповедания, расы и национальности, равны перед законом (см. § 41 и примечание к § 15).</p>	<p>§ 3. Все российские граждане без различия пола, вероисповедания, расы и национальности равны перед законом.</p>
<p>§ 4. Всякие сословные различия и всякие ограничения личных и имущественных прав мусульман и других нацио-</p>	<p>§ 4. Все сословные привилегии и различия, а также всякого рода изъятия и ограничения личных, имущественных и</p>	<p>§ 4. Все сословные привилегии и различия, а также всякого рода изъятия и ограничения личных, имущественных и</p>	<p>§ 2. Все сословные привилегии и различия, а также всякого рода изъятия и ограничения личных, имущественных и</p>	<p>§ 4. Все сословные привилегии и различия, а также всякого рода изъятия и ограничения личных, имущественных и</p>

нальностей должны быть отменены.

§ 5. Никто не может быть подвергнут преследованию и наказанию иначе, как по постановлению суда. Всякое задержанное лицо в городах и других местах пребывания судебной власти в течение 24 часов, а в прочих местах империи не позднее 20 дней со времени задержания, должно быть или освобождено, или представлено судебной власти. Всякое задержание, произведенное без достаточного основания или продолженное сверх законного срока, дает право пострадавшему на возмещение государством понесенных им убытков.

§ 6. Вход в частное жилище, обыск, выемка в нем и вскрытие частной переписки допускается лишь по постановлению суда.

§ 7. Имущество каждого должно быть неприкосновенно.

§ 8. Каждый гражданин пользуется свободой передвижения и выезда за границу. Паспортная система упраздняется.

политическо-общественных прав, установленные для мусульман или для какой-нибудь другой части населения, уничтожаются.

§ 5. Личность каждого должна быть неприкосновенна и свободна, в пределах закона. Никто не может быть задержан, отдан под стражу и подвергнут преследованию, судим и наказан иначе, как на основании закона, судебной властью и установленным законом судом. Всякое задержанное лицо в городах и других местах пребывания судебной власти в течение 24 часов, а в прочих местностях империи не позднее двух суток со времени задержания, должно быть или освобождено, или представлено судебной власти. Всякое задержание, произведенное без достаточного основания или продолженное сверх законного срока, налагает ответственность на виновных и дает право пострадавшему на

возмещение государством понесенных им убытков.

§ 6. Жилище каждого неприкосновенно. Вход в частное жилище, обыск, выемка в нем и вскрытие частной переписки допускается только в случаях, установленных законом, и не иначе, как по постановлению суда.

§ 7. Собственность каждого неприкосновенна. Отчуждение частной и общественной собственности может иметь место лишь по соображениям общественного блага и при условии предварительного и справедливого вознаграждения.

§ 8. Каждому гражданину предоставляется право свободного выбора местожительства, передвижения внутри страны и выезда за границу. Паспортная система вовсе упраздняется. Каждому предоставляется право

политическо-общественных прав, установленные для мусульман или для какой-нибудь другой части населения, уничтожаются.

§ 5. Личность каждого должна быть неприкосновенна и свободна, в пределах закона. Никто не может быть задержан, отдан под стражу и подвергнут преследованию, судим и наказан иначе, как на основании закона, судебной властью и установленным законом судом. Всякое задержанное лицо в городах и других местах пребывания судебной власти в течение 24 часов, а в прочих местностях империи не позднее двух суток со времени задержания, должно быть или освобождено, или представлено судебной власти. Всякое задержание, произведенное без достаточного основания или продолженное сверх законного срока, налагает ответственность на виновных и дает право пострадавшему на

возмещение государством понесенных им убытков.

§ 6. Жилище каждого неприкосновенно. Вход в частное жилище, обыск, выемка в нем и вскрытие частной переписки допускается только в случаях, установленных законом, и не иначе, как по постановлению суда.

§ 7. Собственность каждого неприкосновенна. Отчуждение частной и общественной собственности может иметь место лишь по соображениям общественного блага и при условии предварительного и справедливого вознаграждения.

§ 8. Каждому гражданину предоставляется право свободного выбора местожительства, передвижения внутри страны и выезда за границу. Паспортная система вовсе упраздняется. Каждому предоставляется право

политическо-общественных прав, установленных для мусульман или для какой-нибудь другой части населения, уничтожаются.

§ 3. Личность каждого должна быть неприкосновенна и свободна в пределах закона. Никто не может быть задержан, отдан под стражу и подвергнут преследованию, судим и наказан иначе, как на основании закона, судебной властью и установленным законом судом, — **причем никакие чрезвычайные суды не допускаются.** Всякое задержанное лицо в городах и других местах пребывания судебной власти в течение 24 часов, а в прочих местностях государства не позднее двух суток со времени задержания должно быть или освобождено, или предоставлено судебной власти.

Всякое задержание, произведенное без достаточного основания или продолженное сверх законного срока, налагает ответ-

ственность на виновных и дает право пострадавшему на возмещение государством понесенных им убытков.

§ 4. Жилище каждого неприкосновенно. Вход в частное жилище, обыск, выемка в нем и вскрытие частной переписки допускается только в случаях, установленных законом, и не иначе, как по постановлению суда.

§ 5. Каждому гражданину предоставляется право свободного выбора местожительства, передвижения внутри страны и выезда за границу. Паспортная система вовсе упраздняется. Каждому предоставляется право

политическо-общественных прав, установленные для мусульман или для какой-нибудь другой части населения, уничтожаются.

§ 5. Личность каждого должна быть неприкосновенна и свободна в пределах закона. Никто не может быть задержан, отдан под стражу и подвергнут преследованию, судим и наказан иначе, как на основании закона, судебной властью и установленным законом судом, **причем никакие чрезвычайные суды не допускаются.** Всякое задержанное лицо в городах и других местах пребывания судебной власти в течение 24 часов, а в прочих местностях государства не позднее двух суток со времени задержания должно быть или освобождено, или представлено судебной власти.

Всякое задержание, произведенное без достаточного основания или продолженное сверх законного срока, налагает ответственность на винов-

ных и дает право пострадавшему на возмещение государством понесенных им убытков.

§ 6. Жилище каждого неприкосновенно. Вход в частное жилище, обыск, выемка в нем и вскрытие частной переписки допускается только в случаях, установленных законом, и не иначе, как по постановлению суда.

§ 7. Каждому гражданину предоставляется право свободного выбора местожительства, передвижения внутри страны и выезда за границу. Паспортная система вовсе упраздняется. Каждому предоставляется право

отказаться от русского подданства.

§ 9. Каждому гражданину предоставляется полная свобода торговли.

§ 10. Все граждане должны пользоваться одинаковыми правами как при поступлении на военную службу, так и на гражданскую и общественную службу.

§ 11. Каждому гражданину обеспечивается свобода вероисповедания и свободное отправление всех богослужбных обрядов.

§ 12. Каждый волен высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно обнародовать их и распространять путем печати среди народа. За преступления и проступки, совершенные путем устного и печатного слова, виновные отвечают только перед судом.

§ 9. Занятия всеми видами труда, торговли и промышленности свободны в пределах закона.

§ 10. Всем гражданам, поскольку ими выполнены законные условия, в равной степени открыты все без исключения гражданские, военные и прочие государственные и общественные должности.

§ 11. Каждому гражданину обеспечивается свобода совести и вероисповедания, свободное отправление религиозных обрядов.

§ 12. В такой же мере обеспечивается всем гражданам свобода мысли и слова — устного, письменного и печатного, с уничтожением навсегда всех видов общей и специальной цензуры, причем за преступления и проступки, совершенные путем устного, письменного и печатного слова, виновные отвечают толь-

ко перед судом.

§ 13. Всем предоставляется полная свобода устраивать публичные собрания как в домах, так и под открытым небом для обсуждения нужных вопросов.

§ 14. Все граждане имеют право составлять союзы и общества, не испрашивая на то разрешения.

§ 15. Право подавать просьбы предоставляется как отдельным гражданам, так и всякого рода группам.

§ 16. Все вышеозначенные §§ 3-10² прав граждан должны быть введены в основной закон Российской империи и обеспечены судебной защитой.

III. Государственный строй

§ 17. По требованию времени необходимо конституционное устройство Российского государства; на-

отказаться от русского подданства.

§ 9. Занятия всеми видами труда, торговли и промышленности свободны в пределах закона.

§ 10. Всем гражданам, поскольку ими выполнены законные условия, в равной степени открыты все без исключения гражданские, военные и прочие государственные и общественные должности.

§ 11. Каждому гражданину обеспечивается свобода совести и вероисповедания, свободное отправление религиозных обрядов.

§ 12. В такой же мере обеспечивается всем гражданам свобода мысли и слова — устного, письменного и печатного, с уничтожением навсегда всех видов общей и специальной цензуры, причем за преступления и проступки, совершенные путем устного, письменного и печатного слова, виновные отвечают толь-

ко перед судом.

§ 13. Всем гражданам предоставляется право устраивать публичные собрания и сходки, как в закрытых помещениях, так и под открытым небом, для обсуждения всякого рода вопросов.

§ 14. Все граждане имеют право составлять союзы и общества, не испрашивая на то разрешения.

§ 15. Право петиций предоставляется как отдельным гражданам, так и всякого рода группам, союзам и обществам и т. п.

§ 16. Все вышеозначенные права граждан (§§ 3-15) должны быть введены в основной закон Российской империи и обеспечены судебной защитой.

III. Государственный строй

§ 17. Наиболее соответствующей формой государственного устройства России, при нынешних

отказаться от русского подданства.

§ 6. Занятия всеми видами труда, торговли и промышленности свободны в пределах закона.

§ 7. Всем гражданам, поскольку ими выполнены законные условия, в равной степени открыты все без исключения гражданские, военные и прочие государственные и общественные должности.

§ 8. Каждому гражданину обеспечивается свобода совести и вероисповедания, свободное отправление религиозных обрядов.

§ 9. В такой же мере обеспечивается всем гражданам свобода мысли и слова — устного, письменного и печатного, с уничтожением навсегда всех видов общей и специальной цензуры, причем за преступления и проступки, совершенные путем устного, письменного и печатного слова, виновные отвечают

только перед судом.

§ 10. Всем гражданам предоставляется право устраивать публичные собрания и сходки, как в закрытых помещениях, так и под открытым небом, для обсуждения всякого рода вопросов.

§ 11. Все граждане имеют право составлять союзы и общества, не испрашивая на то разрешения.

§ 12. Право петиций предоставляется, как отдельным гражданам, так и всякого рода группам, союзам и обществам и т. д.

§ 13. Все вышеозначенные права граждан (§§ 1-12) должны быть введены в основные законы Российской империи и обеспечены судебной защитой.

II. Государственный строй

§ 14. Наиболее соответствующей формой государственного устройства России, при нынешних

отказаться от русского подданства.

§ 8. Занятия всеми видами труда, торговли и промышленности свободны в пределах закона.

§ 9. Всем гражданам, поскольку ими выполнены законные условия, в равной степени открыты все без исключения гражданские, военные и прочие государственные и общественные должности.

§ 10. Каждому гражданину обеспечивается свобода совести и вероисповедания, свободное отправление религиозных обрядов.

§ 11. В такой же мере обеспечивается всем гражданам свобода мысли и слова — устного, письменного и печатного, с уничтожением навсегда всех видов общей и специальной цензуры, причем за преступления и проступки, совершенные путем устного, письменного и печатного слова, виновные отвечают толь-

ко перед судом.

§ 12. Всем гражданам предоставляется право устраивать публичные собрания и сходки, как в закрытых помещениях, так и под открытым небом, для обсуждения всякого рода вопросов.

§ 13. Все граждане имеют право составлять союзы и общества, не испрашивая на то разрешения.

§ 14. Право петиций предоставляется как отдельным гражданам, так и всякого рода группам, союзам и обществам и т. п.

§ 15. Все вышеозначенные права граждан (§§ 3-15) должны быть введены в основной закон Российской империи и обеспечены судебной защитой.

III. Государственный строй

§ 16. Наиболее соответствующей формой государственного устройства России, при нынешних

родные представители составленные проекты законов представляют государю.

§ 18. Собрание представителей народа именуется «Всероссийской Государственной думой» или «Всероссийским парламентом». Народные представители избираются всеобщей, тайной, прямой и равной подачей голосов. Число мусульманских представителей должно находиться в прямой зависимости от числа мусульманского населения. Необходимо выяснить положение мусульманских женщин по шариату, дабы дать им возможность участвовать в выборах.

§ 19. Народное представительство участвует в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий высшей и низшей администрации.

§ 20. Народным представителям принадлежит право законодательной инициативы и проведения ее в жизнь.

§ 21. Ни одно постановление, распоряжение, указ, приказ и пр., не основанный на постановлении народного представительства, как бы он ни назывался и от кого бы ни исходил, не может иметь силы закона.

§ 22. Налоги, пошлины

условиях, партия признает конституционную парламентскую монархию, в которой высшая государственная власть принадлежит монарху, ограниченному в своих правах конституцией, и народу, в лице его представителей, действующих на основании конституции, устанавливаемой в первой же сессии Государственной думы.

§ 18. Народное представительство организуется в виде одной палаты, имеющей значение всероссийской Государственной думы или всероссийского парламента, в который народные представители избираются всеобщей равной, прямой и тайной подачей голосов. Число представителей от мусульман определяется пропорционально количеству населения.

Примечание. Избирательный закон должен предоставить все необходимые, с точки зрения мусульманского адата и шариата, условия, кото-

рые давали бы мусульманке-гражданке полную возможность к осуществлению активного избирательного права.

§ 19. Народные представители должны участвовать в осуществлении власти законодательной, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью и целесообразностью действий высшей и низшей администрации.

§ 20. Народным представителям принадлежит право законодательной инициативы.

§ 21. Ни одно постановление, распоряжение, указ, приказ и тому подобный акт, не основанный на постановлении народного представительства, как бы он ни назывался и от кого бы ни исходил, не может иметь силы закона.

§ 22. Никакие налоги,

условиях, партия признает конституционную парламентскую монархию, в которой высшая государственная власть принадлежит монарху, ограниченному в своих правах конституцией, и народу, в лице его представителей, действующих на основании конституции, устанавливаемой Государственной думой.

§ 18. Народное представительство организуется в виде одной палаты, имеющей значение всероссийской Государственной думы или всероссийского парламента, в который народные представители избираются всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов. Число представителей от мусульман определяется пропорционально количеству населения.

Примечание. Избирательный закон должен предоставить все необходимые, с точки зрения мусульманского адата и шариата, условия, кото-

рые давали бы мусульманке-гражданке полную возможность к осуществлению активного избирательного права.

§ 19. Народные представители должны участвовать в осуществлении власти законодательной, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью и целесообразностью действий высшей и низшей администрации.

§ 20. Народным представителям принадлежит право законодательной инициативы.

§ 21. Ни одно постановление, распоряжение, указ, приказ и тому подобный акт, не основанный на постановлении народного представительства, как бы он ни назывался и от кого бы ни исходил, не может иметь силы закона.

§ 22. Никакие налоги,

условиях, группа признает конституционную парламентскую монархию, в которой высшая государственная власть принадлежит монарху, ограниченному в своих правах конституцией, и народу, в лице его представителей, действующих на основании той же конституции.

§ 15. Народное представительство организуется в виде одной палаты, имеющей значение всероссийской Государственной думы или всероссийского парламента, в который народные представители избираются всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов. Число представителей от мусульман определяется пропорционально количеству мусульманского населения всего государства.

Примечание. Избирательный закон должен предоставить все необходимые, с точки зрения мусульманского шариата и адата условия, которые

давали бы мусульманке-гражданке полную возможность к осуществлению ее избирательного права.

§ 16. Народные представители должны участвовать в осуществлении власти законодательной, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью и целесообразностью действий высшей и низшей администрации.

§ 17. Народным представителям принадлежит право законодательной инициативы, не исключая сферы основных законов.

§ 18. Ни одно постановление, распоряжение, указ, приказ и тому подобный акт, не основанный на постановлении народного представительства, как бы он ни назывался и от кого бы ни исходил, не может иметь силы закона.

§ 19. Никакие налоги,

условиях, фракция признает конституционную парламентскую монархию, в которой высшая государственная власть принадлежит монарху, ограниченному в своих правах конституцией, и народу, в лице его представителей, действующих на основании той же конституции.

§ 17. Народное представительство организуется в виде одной палаты, имеющей значение всероссийской Государственной думы или всероссийского парламента, в который народные представители избираются всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов. Число представителей от мусульман определяется пропорционально количеству мусульманского населения всего государства.

Примечание. Избирательный закон должен предоставить все необходимые, с точки зрения мусульманского шариата и адата, условия, которые

давали бы мусульманке-гражданке полную возможность к осуществлению ее избирательного права.

§ 18. Народные представители должны участвовать в осуществлении власти законодательной, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью и целесообразностью действий высшей и низшей администрации.

§ 19. Народным представителям принадлежит право законодательной инициативы, не исключая сферы и основных законов.

§ 20. Ни одно постановление, распоряжение, указ, приказ и тому подобный акт, не основанный на постановлении народного представительства, как бы он ни назывался и от кого бы ни исходил, не может иметь силы закона.

§ 21. Никакие налоги,

и сборы в пользу государства, а равно государственные займы могут быть устанавливаемы только в законодательном порядке.

§ 23. Государственная роспись, в которую должны быть вносимы все доходы и расходы государства, устанавливается не более как на один год законодательным путем.

§ 24. Министры со стороны государя ответственны перед собранием народных представителей, членам которого принадлежит право запроса.

IV. Вероисповедание

§ 25. Всякая религия должна быть равна перед законом и освобождена от государственной опеки.

§ 26. Ни одна религия в России не должна считаться государственной, поэтому преследования за переход из одной религии в другую и за убеждения не должны допускаться. Отправление религиозных и богослужебных обрядов и распространение вероучения свободно, если только совершаемые при этом действия не заключают в себе проступков, предусмотренных уголовными законами.

§ 27. Управление делами, касающимися религии, должно быть передано самим народам и освобождено от государственной опеки.

§ 28. Мусульманам должно быть разрешено: а) свобода собраний по вероис-

пошлины и сборы в пользу государства, а равно и государственные займы не могут быть устанавливаемы иначе, как в законодательном порядке.

§ 23. Этим же порядком устанавливается, не более как на один год, и государственная роспись, в которую должны быть вносимы все доходы и расходы государства, без исключения.

§ 24. Министры, назначенные монархом, ответственны за свои действия перед собранием народных представителей, которые имеют право делать министрам запросы и интерpellации.

IV. Религиозный строй

§ 25. Все существующие религии и вероучения свободны и равны перед законом и должны быть освобождены от государственной опеки.

§ 26. Ни одна из существующих в империи религий не может иметь значения религии господствующей или государственной, и поэтому никакие преследования за исповедуемые верования и убеждения, за перемену или отказ от вероучения не допускаются, равно как отправление религиозных и богослужебных обрядов и распространение вероучений свободно, если только совершаемые при этом действия не заключают в себе каких-либо общих проступков, предусмотренных уголовными законами.

§ 27. Вся организация внутреннего строя каждой религиозной общины, предоставляемой самой же общине, без всякого вмешательства государственной власти и в соответствии с требованиями каждой религии.

§ 28. Русским гражданам-мусульманам, в частности, предоставляется:

пошлины и сборы в пользу государства, а равно и государственные займы не могут быть устанавливаемы иначе, как в законодательном порядке.

§ 23. Этим же порядком устанавливается, не более как на один год, и государственная роспись, в которую должны быть вносимы все доходы и расходы государства, без исключения.

§ 24. Министры, назначаемые монархом, ответственны за свои действия перед собранием народных представителей, которые имеют право делать министрам запросы и интерpellации.

IV. Религиозный строй

§ 25. Все существующие религии и вероучения свободны и равны перед законом и должны быть освобождены от государственной опеки.

§ 26. Ни одна из существующих в империи религий не может иметь значения религии господствующей или государственной, и поэтому никакие преследования за исповедуемые верования и убеждения, за перемену или отказ от вероучения не допускаются, равно как отправление религиозных и богослужебных обрядов и распространение вероучений свободно, если только совершаемые при этом действия не заключают в себе каких-либо общих проступков, предусмотренных уголовными законами.

§ 27. Вся организация внутреннего строя каждой религиозной общины предоставляется самой же общине, без всякого вмешательства государственной власти и в соответствии с требованиями каждой религии.

§ 28. Русским гражданам-мусульманам, в частности, предоставляется:

пошлины и сборы в пользу государства, а равно и государственные займы не могут быть устанавливаемы иначе, как в законодательном порядке.

§ 20. Этим же порядком устанавливается, не более как на один год, и государственная роспись, в которую должны быть вносимы все доходы и расходы государства, без исключения.

§ 21. Министры, назначаемые монархом, ответственны за свои действия перед собранием народных представителей, которые имеют право делать министрам запросы и интерpellации. Министрами могут быть только лица, пользующиеся доверием большинства Думы.

III. Религиозный строй

§ 22. Все существующие религии и вероучения свободны и равны перед законом и должны быть освобождены от государственной опеки.

§ 23. Ни одна из существующих в государстве религий не может иметь значения религии господствующей и государственной, и поэтому никакие преследования за исповедуемые верования и убеждения, за перемену или отказ от вероучения не допускаются, равно как отправление религиозных и богослужебных обрядов и распространение вероучений свободно, если только совершаемые при этом действия не заключают в себе каких-либо общих проступков, предусмотренных уголовными законами.

§ 24. Вся организация внутреннего строя каждой религиозной общины предоставляется самой же общине, без всякого вмешательства государственной власти и в соответствии с требованиями каждой религии.

§ 25. Русским гражданам-мусульманам, в частности, предоставляется:

пошлины и сборы в пользу государства, а равно и государственные займы не могут быть устанавливаемы иначе, как в законодательном порядке.

§ 22. Этим же порядком устанавливается, не более как на один год, и государственная роспись, в которую должны быть вносимы все доходы и расходы государства, без исключения.

§ 21. Министры, назначаемые монархом, ответственны за свои действия перед собранием народных представителей, которые имеют право делать министрам запросы и интерpellации. Министрами могут быть только лица, пользующиеся доверием большинства Думы.

IV. Религиозный строй

§ 23. Все существующие религии и вероучения свободны и равны перед законом и должны быть освобождены от государственной опеки.

§ 24. Ни одна из существующих в государстве религий не может иметь значения религии господствующей и государственной, и поэтому никакие преследования за исповедуемые верования и убеждения, за перемену или отказ от вероучения не допускаются, равно как отправление религиозных и богослужебных обрядов и распространение вероучений свободно, если только совершаемые при этом действия не заключают в себе каких-либо общих проступков, предусмотренных уголовными законами.

§ 25. Вся организация внутреннего строя каждой религиозной общины предоставляется самой же общине, без всякого вмешательства государственной власти и в соответствии с требованиями каждой религии.

§ 26. Русским гражданам-мусульманам, в частности, предоставляется:

поведным вопросам, б) свободное избрание лиц для заведывания духовными делами из своей среды на известные сроки, в) право собрания мусульман проверять действия этих избранных лиц и г) все вакуфные имущества и деньги, пожертвованные для мечетей, медресе и для других богоугодных заведений, должны быть переданы в руки мусульман, а также все отобранные от мусульман вакуфы возвращены им обратно.

III. Местное самоуправление

§ 29. Местное самоуправление должно быть распространено на все народности Российского государства, без различия вероисповедания. Пред-

ставительство местного самоуправления должно быть основано на всеобщем, равном, прямом и закрытом голосовании.

§ 30. Местные самоуправления, вступив во временные и постоянные союзы между собой, образуют «областные».

§ 31. Круг ведомства органов местного самоуправления должен простирается на всю область местного управления, включая полицию безопасности и благочиния и за исключением лишь тех отраслей управления, которые в условиях современной жизни необходимо должны быть сосредоточены в руках центральной власти, с предоставлением в пользу

а) право образования религиозных коллегиальных и **одноличных** учреждений, б) право свободного выбора всех должностных лиц магометанского духовенства на сроки, определяемые самими обществами, в) право общественного контроля над действиями религиозных учреждений и лиц духовенства и г) право полного распоряжения всеми вакуфными и другими имуществами, принадлежащими мечетям, учебным и богоугодным заведениям и мусульманским святыням, **которые** (вакуфы и имущества) должны быть немедленно возвращены соответствующим мусульманским обществам.

III. Местное самоуправление

§ 29. На всем пространстве Российского государства учреждаются мелкие самоуправляющиеся единицы на основах всеобщего, равного, тайного и прямого голо-

сования, без различия вероисповедания, расы и национальности.

§ 30. Несколько мелких самоуправляющихся единиц, по количеству населения или территории, образуют средние самоуправляющиеся единицы, представители которых составляют областное собрание в качестве высшей самоуправляющейся единицы данной области. Областные собрания могут вступать во временные и постоянные союзы между собою.

§ 31. Круг ведомства органов местного самоуправления должен простирается на всю область местного управления, включая полицию безопасности и благочиния и за исключением лишь тех отраслей управления, которые в условиях современной жизни необходимо должны быть сосредоточены в руках центральной власти, с предоставлением в

а) право образования религиозных коллегиальных и **единоличных** учреждений, б) право свободного выбора всех должностных лиц магометанского духовенства на сроки, определяемые самими обществами, в) право общественного контроля над действиями религиозных учреждений и лиц духовенства и г) право полного распоряжения всеми вакуфными и другими имуществами, принадлежащими мечетям, учебным и богоугодным заведениям и мусульманским святыням, **которые** (вакуфы и имущества) должны быть немедленно возвращены соответствующим мусульманским обществам.

III. Местное самоуправление

§ 29. На всем пространстве Российского государства учреждаются мелкие самоуправляющиеся единицы на основах всеобщего, равного, тайного и прямого голо-

сования, без различия вероисповедания, расы и национальности.

§ 30. Несколько мелких самоуправляющихся единиц, по количеству населения или территории, образуют средние самоуправляющиеся единицы, представители которых составляют областное собрание в качестве высшей самоуправляющейся единицы данной области. Областные собрания могут вступать во временные и постоянные союзы между собою.

§ 31. Круг ведомства органов местного самоуправления должен простирается на всю область местного управления, включая полицию безопасности и благочиния и за исключением лишь тех отраслей управления, которые в условиях современной жизни необходимо должны быть сосредоточены в руках центральной власти, с предоставлением в

а) право образования религиозных коллегиальных и **единоличных** учреждений, б) право свободного выбора всех должностных лиц магометанского духовенства на сроки, определяемые самими обществами, в) право общественного контроля над действиями религиозных учреждений и лиц духовенства и г) право полного распоряжения всеми вакуфными и другими имуществами, принадлежащими мечетям, учебным и **богослужебным** заведениям и мусульманским святыням, **причем** вакуфы и имущества должны быть немедленно возвращены соответствующим мусульманским обществам.

IV. Местное самоуправление

§ 26. На всем пространстве Российского государства учреждаются мелкие самоуправляющиеся единицы на основах всеобщего, равного, тайного и прямого голо-

сования, без различия вероисповедания, пола, расы и национальности.

§ 27. Несколько мелких самоуправляющихся единиц по количеству населения или территории образуют средние самоуправляющиеся единицы, представители которых составляют областное собрание в качестве высшей самоуправляющейся единицы данной области. Областные собрания могут вступать во временные и постоянные союзы между собой.

§ 28. Круг ведомства органов местного самоуправления должен простирается на всю область местного управления, включая полицию безопасности и благочиния, и за исключением лишь тех отраслей управления, которые в условиях современной жизни необходимо должны быть сосредоточены в руках центральной власти, с предоставлением в пользу орга-

нов: а) право образования религиозных коллегиальных и **единоличных** учреждений, б) право свободного выбора всех должностных лиц магометанского духовенства на сроки, определяемые самими обществами, в) право общественного контроля над действиями религиозных учреждений и лиц духовенства и г) право полного распоряжения всеми вакуфными и другими имуществами, принадлежащими мечетям, учебным и **богослужебным** заведениям и мусульманским святыням, **причем** вакуфы и имущества должны быть немедленно возвращены соответствующим мусульманским обществам.

V. Местное самоуправление

§ 27. На всем пространстве Российского государства учреждаются мелкие самоуправляющиеся единицы на основах всеобщего, равного, тайного и прямого голо-

сования, без различия вероисповедания, расы и национальности.

§ 28. Несколько мелких самоуправляющихся единиц, по количеству населения или территории, образуют средние самоуправляющиеся единицы, представители которых составляют областное собрание в качестве высшей самоуправляющейся единицы данной области. Областные собрания могут вступать во временные и постоянные союзы между собою.

§ 29. Круг ведомства органов местного самоуправления должен простирается на всю область местного управления, включая полицию безопасности и благочиния и за исключением лишь тех отраслей управления, которые в условиях современной жизни необходимо должны быть сосредоточены в руках центральной власти, с предоставлением в пользу

органов местного самоуправления части средств, поступающих в настоящее время в государственный бюджет.

§ 32. На обязанности местного самоуправления лежит также организация призрения сирот, бедных, калек, стариков и др.

§ 33. Деятельность местных представителей центральной власти должна сводиться к надзору за законностью деятельности местного самоуправления, причем окончательное решение по возникающим в этом отношении спорам должно принадлежать судебным учреждениям.

§ 34. Предоставляется право областным самоуправлениям издавать необходимые законы для местного населения.

пользу органов местного самоуправления части средств, поступающих в настоящее время в государственный бюджет.

§ 32. На обязанности местного самоуправления лежит также организация призрения бедных, призрения разнообразных категорий детей, немощных, неизлечимо больных и престарелых, а также надзор за деятельностью частной благотворительности.

§ 33. Деятельность местных представителей центральной власти должна сводиться к надзору за законностью деятельности органов местного самоуправления, причем окончательное решение по возникающим в этом отношении спорам и сомнениям должно принадлежать судебным учреждениям.

§ 34. Члены областных собраний имеют право законодательной инициативы по всем вопросам, касающимся исключительно

пользу органов местного самоуправления части средств, поступающих в настоящее время в государственный бюджет.

§ 32. На обязанности местного самоуправления лежит также организация призрения бедных, призрения разнообразных категорий детей, немощных, неизлечимо больных и престарелых, а также надзор за деятельностью частной благотворительности.

§ 33. Деятельность местных представителей центральной власти должна сводиться к надзору за законностью деятельности органов местного самоуправления, причем окончательное решение по возникающим в этом отношении спорам и сомнениям должно принадлежать судебным учреждениям.

§ 34. Члены областных собраний имеют право законодательной инициативы по всем вопросам, касающимся исключительно

нов местного самоуправления части средств, поступающих в настоящее время в государственный бюджет.

§ 29. Деятельность местных представителей центральной власти должна сводиться к надзору за законностью деятельности органов местного самоуправления, причем окончательное решение по возникающим в этом отношении спорам и сомнениям должно принадлежать судебным учреждениям.

§ 30. Члены областных собраний имеют право законодательной инициативы по всем вопросам, касающимся

органов местного самоуправления части средств, поступающих в настоящее время в государственный бюджет.

§ 30. Деятельность местных представителей центральной власти должна сводиться к надзору за законностью деятельности органов местного самоуправления, причем окончательное решение по возникающим в этом отношении спорам и сомнениям должно принадлежать судебным учреждениям.

§ 31. Члены областных собраний имеют право законодательной инициативы по всем вопросам, касающимся исключительно

но местных интересов данной области.

§ 35. Все вопросы, касающиеся исключительно данной области, не исключая и вопросов финансовых, поскольку такие вопросы входят в компетенцию органов местного самоуправления, обсуждаются и разрешаются в областном собрании и вводятся в действие местным представителем государственной исполнительной власти.

§ 36³. Допускается употребление наряду с общегосударственным местными языками в государственных и общественных установлениях. Русский язык должен быть языком центральных учреждений, армии и флота.

§ 37. Основной закон Российской империи должен гарантировать всем населяющим империю народностям, помимо пол-

но местных интересов данной области.

§ 35. Все вопросы, касающиеся исключительно данной области, не исключая и вопросов финансовых, поскольку такие вопросы входят в компетенцию органов местного самоуправления, обсуждаются и разрешаются в областном собрании и вводятся в действие местным представителем государственной исполнительной власти.

§ 36. Язык преобладающий в данной области народности, наряду с государственным языком, должен быть языком всех органов местного представительства этой области. Русский язык сохраняет значение языка общегосударственного в центральных учреждениях, армии и флоте.

§ 37. Помимо полной гражданской и политической равноправности всех граждан, основной закон Российской империи дол-

исключительно местных интересов данной области.

§ 31. Все вопросы, касающиеся исключительно данной области, не исключая и вопросов финансовых, поскольку такие вопросы входят в компетенцию органов местного самоуправления, обсуждаются и разрешаются в областном собрании и вводятся в действие местным представителем государственной исполнительной власти.

§ 32. Язык народности, преобладающей в данной области, наряду с государственным языком, должен быть языком всех органов местного представительства этой области. Русский язык сохраняет значение языка общегосударственного в центральных учреждениях, армии и флота.

§ 33. Помимо полной гражданской и политической равноправности всех граждан, основной закон Российской империи дол-

но местных интересов данной области.

§ 32. Все вопросы, касающиеся исключительно данной области, не исключая и вопросов финансовых, поскольку такие вопросы входят в компетенцию органов местного самоуправления, обсуждаются и разрешаются в областном собрании и вводятся в действие местным представителем государственной исполнительной власти.

§ 33. Язык преобладающий в данной области народности, наряду с государственным языком, должен быть языком всех органов местного представительства этой области. Русский язык сохраняет значение языка общегосударственного в центральных учреждениях, армии и флоте.

§ 34. Помимо полной гражданской и политической равноправности всех граждан, основной закон Российской империи дол-

ной гражданской и политической равноправности всех граждан, право свободного культурного самоопределения, как-то: полную свободу употребления различных языков и наречий, в публичной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности.

жен гарантировать всем населяющим империю народностям, в том числе и мусульманам, право свободного культурного самоопределения, как-то: полную свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов, обществ и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие национального языка, литературы и культуры каждой народности и т.п.

жен гарантировать всем населяющим империю народностям, в том числе и мусульманам, право свободного культурного самоопределения, как-то: полную свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов, обществ и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие национального языка, литературы и культуры каждой народности и т.п.

жен гарантировать всем населяющим империю народностям, в том числе и мусульманам, право свободного культурного самоопределения, как-то: полную свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов, обществ и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие национального языка, литературы и культуры каждой народности и т.п.

жен гарантировать всем населяющим империю народностям, в том числе и мусульманам, право свободного культурного самоопределения, как-то: полную свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов, обществ и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие национального языка, литературы и культуры каждой народности и т.п.

§ 34. Ввести в тех местностях государства, где этого пожелает население, национально-областную и областную автономию с представлением областным представительным учреждениям, организованным на широких демократических началах, законодательных прав по местным делам, причем должны быть гарантированы в областных представительных учреждениях права представительства меньшинства.

§ 35. Ввести в тех местностях государства, где этого пожелает население, национально-областную и областную автономию, с предоставлением областным представительным учреждениям, организованным на широких демократических началах, законодательных прав по местным делам, причем должны быть гарантированы в областных представительных учреждениях права представительства меньшинства.

VI. Суд

§ 38. Мировые, волостные и земские суды, учрежденные Судебным уставом 20 ноября 1864 г., упраздняются.

§ 38. Все существующие виды чрезвычайных судов, суды сословные (волостной суд, институт земских начальников), органы судебно-административной власти и суд с сословными представителями упраздняются, и на всем пространстве империи остаются и вводятся, где их нет, судебные учреждения мировой и общей юстиции, созданные Судебными уставами 20 ноября 1864 г.

§ 39. Устройство суда должно быть таково: а) установления, приводящие в исполнение приговор суда, должны быть независимы от последнего; б) равенства всех народов перед судом; в) никто не должен быть подвергнут наказанию до вступления в законную силу приговора подлежащего суда; г) всякое вмешательство министра юстиции в назначение на судейские должности или перемещение судей, а тем более

§ 39. Судебные учреждения должны быть построены и действовать на началах: а) полного отделения судебной власти от исполнительной; б) равенства всех граждан перед судом; в) правила о том, что никто не может быть подвергнут наказанию без вошедшего в силу приговора компетентного суда; г) несменяемости и независимости судей и тем самым устранение всякого вмешательства администрации и, в

§ 38. Все существующие виды чрезвычайных судов, суды сословные (волостной суд, институт земских начальников), органы судебно-административной власти и суд с сословными представителями упраздняются, и на всем пространстве империи остаются и вводятся, где их нет, судебные учреждения мировой и общей юстиции, созданные Судебными уставами 20 ноября 1864 г.

§ 39. Судебные учреждения должны быть построены и действовать на началах: а) полного отделения судебной власти от исполнительной; б) равенства всех граждан перед судом; в) правила о том, что никто не может быть подвергнут наказанию без вошедшего в силу приговора компетентного суда; г) несменяемости и независимости судей и тем самым устранение всякого вмешательства администрации и, в

§ 35. Все существующие виды чрезвычайных судов, суды сословные (волостной суд, институт земских начальников, крестьянские начальники), органы судебно-административной власти и суд с сословными представителями упраздняются, и на всем пространстве государства вводятся институт выборных судей и суд с присяжными заседателями.

§ 36. Судебные учреждения должны быть построены и действовать на началах: а) полного отделения судебной власти от исполнительной; б) равенства всех граждан перед судом; в) правила о том, что никто не может быть подвергнут наказанию без вошедшего в силу приговора компетентного суда; г) несменяемости и независимости суда и тем самым устранение всякого вмешательства администра-

§ 36. Все существующие виды чрезвычайных судов, суды сословные (волостной суд, институт земских начальников, крестьянские начальники), органы судебно-административной власти и суд с сословными представителями упраздняются, и на всем пространстве государства вводятся институт выборных судей и суд с присяжными заседателями.

§ 37. Судебные учреждения должны быть построены и действовать на началах: а) полного отделения судебной власти от исполнительной; б) равенства всех граждан перед судом; в) правила о том, что никто не может быть подвергнут наказанию без вошедшего в силу приговора компетентного суда; г) несменяемости и независимости судей и тем самым устранение всякого вмешательства администрации и, в

в производство судебных дел устраняется; выдача наград и производство в чины упраздняются; д) суд не должен быть закрытый и е) ответственность должностных лиц определяется на общем основании.

частности, министра юстиции, в назначении на судейские должности или перемещение судей, а тем более в производстве судебных дел; кроме того, независимость судей должна быть обеспечена и упразднением для них всяких наград, чинов и проведением порядка назначения на судейские должности не иначе, как по избранию судейских коллегий; д) гласности суда; е) требования, чтобы карательная власть принадлежала исключительно судебным органам: наложение каких-либо взысканий или принятие мер пресечения в административном порядке должно быть устранено и ж) ответственности всех должностных лиц на общем основании.

частности, министра юстиции, в назначении на судейские должности или перемещение судей, а тем более в производстве судебных дел; кроме того, независимость судей должна быть обеспечена и упразднением для них всяких наград, чинов и проведением порядка назначения на судейские должности не иначе, как по избранию судейских коллегий; д) гласности суда; е) требования, чтобы карательная власть принадлежала исключительно судебным органам: наложение каких-либо взысканий или принятие мер пресечения в административном порядке должно быть устранено и ж) ответственности всех должностных лиц на общем основании.

ции и в частности министра юстиции в назначении на судейские должности или перемещение судей, а тем более в производстве судебных дел; кроме того, независимость судей должна быть обеспечена и упразднением для них всяких наград, чинов и проведением порядка назначений на судейские должности не иначе, как по избранию судейских коллегий; д) гласности суда; е) требования, чтобы карательная власть принадлежала исключительно судебным органам; наложение каких-либо взысканий или принятие мер пресечения в административном порядке должно быть устранено; ж) ответственности всех должностных лиц на общем основании; з) отмены требования имущественных цензов, как для замещения должности судей, так и для отправления обязанностей присяжных заседателей и и) единство кассационного суда.

частности, министра юстиции, в назначении на судейские должности не иначе, как по избранию судейских коллегий; д) гласности суда; е) требования, чтобы карательная власть принадлежала исключительно судебным органам: наложение каких-либо взысканий или принятие мер пресечения в административном порядке должно быть устранено; ж) ответственности всех должностных лиц на общем основании; з) отмены требования имущественных цензов, как для замещения должности судей, так и для отправления обязанностей присяжных заседателей и и) единство кассационного суда.

§ 40. Требование имущественного ценза как для замещения должности мирового судьи, так и для отправления обязанностей присяжного заседателя отменяется.

§ 40. Институты выборного мирового суда и присяжных заседателей должны быть введены во всех областях империи, причем должно быть отменено требование имущественного ценза, как для замещения должности мирового судьи, так и для отправления обязанностей присяжного заседателя.

§ 40. Институты выборного мирового суда и присяжных заседателей должны быть введены во всех областях империи, причем должно быть отменено требование имущественного ценза, как для замещения должности мирового судьи, так и для отправления обязанностей присяжного заседателя.

* § 41. К компетенции суда присяжных относятся также все государственные преступления.

§ 41. Компетенция присяжных заседателей должна быть расширена и зависеть исключительно от размеров наказания, причем суду присяжных заседателей, во всяком случае, должны быть подведомственны все дела о государственных преступлениях и о преступлениях, совершаемых путем печати.

§ 41. Компетенция присяжных заседателей должна быть расширена и зависеть исключительно от размеров наказания, причем суду присяжных заседателей, во всяком случае, должны быть подведомственны все дела о государственных преступлениях и о преступлениях, совершаемых путем печати.

§ 43⁴. Открытие курсов для подготовки лиц на разные должности.

§ 43⁵. Состав судебных учреждений дополняется введением института судебной полиции.

§ 43⁶. Состав судебных учреждений дополняется введением института судебной полиции.

§ 44. Вводится условное осуждение, устанавливается защита на предвари-

§ 44. Должны быть также введены: а) участие защиты в предваритель-

§ 44. Должны быть также введены: а) участие защиты в предваритель-

§ 37. Компетенция суда с присяжными заседателями должна быть расширена и зависеть исключительно от размеров наказания, причем суду присяжных заседателей, во всяком случае, должны быть подведомственны все дела о государственных преступлениях.

§ 38. Должны быть также введены: а) участие защиты в предваритель-

§ 38. Компетенция суда с присяжными заседателями должна быть расширена и зависеть исключительно от размеров наказания, причем суду присяжных заседателей, во всяком случае, должны быть подведомственны все дела о государственных преступлениях.

§ 39. Должны быть также введены: а) участие защиты в предваритель-

тельном следствии, освобождение до вступления в законную силу приговора подлежащего суду, реформа тюрем, вводится сословие адвокатов.

§ 45. Ставить ближайшей задачей полный пересмотр уголовного уложения, отмена постановлений, противоречащих началам политической свободы и переработка проекта гражданского уложения.

§ 46. Передача всех брачных и наследственных дел самим мусульманам для рассмотрения их согласно шариату.

§ 47. Производство судебных дел на местном языке и назначение лиц на судебные должности при условии знания ими местного туземного языка.

VII. По вопросам просвещения

§ 48. Безотлагательно введение всеобщего обучения в начальной школе и притом бесплатного.

ном следствии, б) составительное начало в обряде предания суду; в) условное осуждение; г) досрочное освобождение; д) патронат; е) переустройство места заключения в видах наилучшего достижения целей исправления; ж) организация адвокатуры на началах истинного самоуправления и з) восстановление принципа единства кассационного суда.

§ 45. Немедленно должны быть пересмотрены действующие нормы гражданского и уголовного материального и процессуального права и переработаны для проведения в жизнь начал гражданской и политической свободы.

§ 46. Всем гражданам-мусульманам должно быть предоставлено право судиться по их брачным, семейным и наследственным делам по правилам мусульманского шариата.

§ 47. Языком ближайшего к населению суда — мирового судьи должен быть язык, преобладающей в данной местности части населения.

В тех же видах в судебных учреждениях первой инстанции судьями выбираются лица, владеющие языком преобладающей части местного населения.

VII. Народное просвещение

§ 48. Безусловно и немедленно должно быть введено во всех областях империи обязательное, всеобщее и бесплатное обучение в начальной школе.

ном следствии, б) составительное начало в обряде предания суду; в) условное осуждение; г) досрочное освобождение; д) патронат; е) переустройство места заключения в видах наилучшего достижения целей исправления; ж) организация адвокатуры на началах истинного самоуправления и з) восстановление принципа единства кассационного суда.

§ 45. Немедленно должны быть пересмотрены действующие нормы гражданского и уголовного материального и процессуального права и переработаны для проведения в жизнь начал гражданской и политической свободы.

§ 46. Всем гражданам-мусульманам должно быть предоставлено право судиться по их брачным, семейным и наследственным делам в их духовных судах по правилам мусульманского шариата.

§ 47. Языком ближайшего к населению суда — мирового судьи — должен быть язык преобладающей в данной местности части населения. В тех же видах в судебные учреждения первой инстанции судьями выбираются лица, владеющие языком преобладающей части местного населения.

VII. Народное просвещение

§ 48. Безусловно и немедленно должно быть введено во всех областях империи обязательное, всеобщее и бесплатное обучение в начальной школе.

ном следствии, б) составительное начало в обряде предания суду; в) условное осуждение; г) досрочное освобождение; д) патронат; е) переустройство мест заключения в видах наилучшего достижения целей исправления и ж) организация адвокатуры на началах истинного самоуправления.

§ 39. Немедленно должны быть пересмотрены и переработаны для проведения в жизнь начал политической и гражданской свободы, действующие нормы гражданского, уголовного, материального и процессуального права.

Примечание. В тех местностях, где ныне действуют народные суды и применяются шариат и нормы обычного права (адаты и пр.) таковые при наличии желания населения должны быть сохранены.

§ 40. Смертная казнь отменяется безусловно и навсегда.

§ 41. Всем гражданам-мусульманам должно быть предоставлено право судиться по их брачным, семейным и наследственным делам по правилам мусульманского шариата.

§ 42. Языком, ближайшего к населению суда, выборного судьи, должен быть язык преобладающей в данной местности части населения. Тот же язык должен быть допущен наряду с государственным языком и в общих судах. В этих видах судьями должны быть лица, владеющие языком преобладающей части местного населения.

VI. Народное просвещение

§ 43. Безусловно и немедленно должно быть введено во всех областях империи обязательное, всеобщее и бесплатное обучение в начальной школе.

ном следствии, б) составительное начало в обряде предания суду; в) условное осуждение; г) досрочное освобождение; д) патронат; е) переустройство мест заключения в видах наилучшего достижения целей исправления и ж) организация адвокатуры на началах истинного самоуправления.

§ 40. Немедленно должны быть пересмотрены и переработаны для проведения в жизнь начал политической и гражданской свободы, действующие нормы гражданского и уголовно-материального и процессуального права; в тех же местностях, где ныне применяются нормы обычного права (адаты и т. п.), таковые, при наличии желания населения, должны быть сохранены, поскольку они не противостоят принципам культуры и гуманности.

§ 40. Смертная казнь отменяется безусловно и навсегда.

§ 41. Всем гражданам-мусульманам должно быть предоставлено право судиться по их брачным, семейным и наследственным делам по правилам мусульманского шариата.

§ 41. Языком ближайшего к населению суда, выборного судьи должен быть язык преобладающей в данной местности части населения. Тот же язык должен быть допущен наряду с государственным языком и в общих судах. В этих видах судьями должны быть лица, владеющие языком преобладающей части местного населения.

VII. Народное просвещение

§ 42. Безусловно и немедленно должно быть введено во всех областях империи обязательное, всеобщее и бесплатное обучение в начальной школе.

§ 49. Передача дел начального образования в руки местного самоуправления для получения первоначального образования на родном языке.

§ 50. Между различными степенями всех разрядов школ должна быть установлена прямая связь для облегчения перехода от нижней ступени к высшей.

§ 51. Свобода частной и общественной инициативы в открытии и организации учебных заведений всех типов; свобода преподавания.

§ 52. Количество учебных заведений, как-то: гимназий, городских училищ и др. должно быть увеличено соответственно общественной потребности; плата в них должна быть понижена. Местным общественным учреждениям должно быть пре-

доставлено широкое участие в постановке учебно-воспитательного дела.

§ 53. Полная автономия и свобода преподавания в университетах и других высших учебных заведениях. Увеличение их числа. Уменьшение платы за слушание лекций. Организация просветительной работы высшей школы для широких слоев населения. Свободная организация студенчества.

§ 54. Свободное устройство органами местного самоуправления образовательных учреждений для взрослого населения, народных библиотек и народных университетов.

§ 49. Все дело начального образования передается теперь же в заведывание органов местного самоуправления, причем населению каждой местности должно быть обеспечено получение образования на родном языке.

§ 50. Между различными степенями школ всех разрядов должна быть установлена прямая связь для облегчения перехода от нижней ступени к высшей.

§ 51. В деле открытия и организации учебных заведений всех типов должна быть предоставлена свобода частной и общественной инициативе при свободе преподавания.

§ 52. Особое внимание должно быть обращено на развитие профессионального образования, которое должно быть бесплатным. Равным образом должно быть увеличено число средних учебных заведений, с минимальной платой за обучение и с предоставле-

нием местным общественным учреждениям возможно широкого участия в постановке учебно-воспитательного дела.

§ 53. Университетам и другим высшим школам должна быть предоставлена полная свобода внутренней жизни и преподавания. Число их должно быть увеличено в соответствии с потребностями и уменьшена плата за слушание лекций. Необходима широкая организация просветительной работы высшей школы для широких кругов населения, а также свободная организация студенчества.

§ 54. Органам местного самоуправления должно быть предоставлено свободное и неограниченное открытие образовательных учреждений для взрослого населения, элементарных школ для взрослых, народных библиотек-читален, народных университетов и других просветительных учреждений.

§ 49. Все дело начального образования передается теперь же в заведывание органов местного самоуправления, причем населению каждой местности должно быть обеспечено получение образования на родном языке.

§ 50. Между различными степенями школ всех разрядов должна быть установлена прямая связь для облегчения перехода от нижней ступени к высшей.

§ 51. В деле открытия и организации учебных заведений всех типов должна быть предоставлена свобода частной и общественной инициативе при свободе преподавания.

§ 52. Особое внимание должно быть обращено на развитие профессионального образования, которое должно быть бесплатным. Равным образом должно быть увеличено число средних учебных заведений, с минимальной платой за обучение и с предоставле-

нием местным общественным учреждениям возможно широкого участия в постановке учебно-воспитательного дела.

§ 53. Университетам и другим высшим школам должна быть предоставлена полная свобода внутренней жизни и преподавания. Число их должно быть увеличено в соответствии с потребностями и уменьшена плата за слушание лекций. Необходима широкая организация просветительной работы высшей школы для широких кругов населения, а также свободная организация студенчества.

§ 54. Органам местного самоуправления должно быть предоставлено свободное и неограниченное открытие образовательных учреждений для взрослого населения, элементарных школ для взрослых, народных библиотек-читален, народных университетов и других просветительных учреждений.

§ 44. Все дело начального образования передается теперь же в заведывание органов местного самоуправления, причем населению каждой местности должно быть обеспечено получение образования на родном языке.

§ 45. Между различными степенями школ всех разрядов должна быть установлена прямая связь для облегчения перехода от нижней ступени к высшей (единая школа).

§ 46. В деле открытия и организации учебных заведений всех типов должна быть предоставлена свобода частной и общественной инициативе при свободе преподавания.

§ 47. Особое внимание должно быть обращено на развитие профессионального образования, которое должно быть бесплатным. Равным образом, должно быть увеличено число средних учебных заведений, с минимальной платой за обучение с предоставле-

нием местным общественным учреждениям возможно широкого участия в постановке учебно-воспитательного дела.

§ 48. Университетам и другим высшим школам должна быть предоставлена полная свобода внутренней жизни и преподавания. Число их должно быть увеличено в соответствии с потребностями и уменьшена плата за слушание лекций. Необходима широкая организация просветительной работы высшей школы для широких кругов населения, а также свободная организация студенчества.

§ 49. Органам местного самоуправления должно быть предоставлено право на свободное и неограниченное открытие образовательных учреждений для взрослого населения, элементарных школ для взрослых, народных библиотек-читален, народных университетов и других просветительных учреждений.

§ 43. Все дело начального образования передается теперь же в заведывание органов местного самоуправления, причем населению каждой местности должно быть обеспечено получение образования на родном языке.

§ 44. Между различными степенями школ всех разрядов должна быть установлена прямая связь для облегчения перехода от нижней ступени к высшей.

§ 45. В деле открытия и организации учебных заведений всех типов должна быть предоставлена свобода частной и общественной инициативе при свободе преподавания.

§ 46. Особое внимание должно быть обращено на развитие профессионального образования, которое должно быть бесплатным. Равным образом должно быть увеличено число средних учебных заведений с минимальной платой за обучение и с предоставле-

нием местным общественным учреждениям возможно широкого участия в постановке учебно-воспитательного дела.

§ 47. Университетам и другим высшим школам должна быть предоставлена полная свобода внутренней жизни и преподавания. Число их должно быть увеличено в соответствии с потребностями и уменьшена плата за слушание лекций. Необходима широкая организация просветительной работы высшей школы для широких кругов населения, а также свободная организация студенчества.

§ 48. Органам местного самоуправления должно быть предоставлено свободное и неограниченное открытие образовательных учреждений для взрослого населения, элементарных школ для взрослых, народных библиотек-читален, народных университетов и других просветительных учреждений.

§ 55. Свобода открытия на каком угодно языке мектебов, медресе и других типов школ по программам, составленным самими мусульманами. Свобода приглашения мугаллимов⁷ из других государств, печатание газет и журналов арабской транскрипцией, свобода перевода разных книг на родной язык и свободная торговля разными книгами на каком угодно языке.

§ 55. В частности, мусульманам должна быть предоставлена свобода открытия общеобразовательных, профессиональных и духовных школ всех разрядов и перечисленных в предыдущем параграфе просветительных учреждений для взрослого населения по программам, устанавливаемым самими мусульманами, и со свободой преподавания, как на их родном языке, так и на других восточных языках, с правом приглашения в качестве преподавателей и не русско-подданных. Им же должно быть предоставлено свободное право издания на арабском шрифте, на началах свободы печати, газет, журналов и книг, оригинальных и переводных, как на родном, так и на других языках, с правом свободной ими торговли.

§ 55. В частности, мусульманам должна быть предоставлена свобода открытия общеобразовательных, профессиональных и духовных школ всех разрядов и перечисленных в предыдущем параграфе просветительных учреждений для взрослого населения по программам, устанавливаемым самими мусульманами, и со свободой преподавания, как на их родном языке, так и на других восточных языках, с правом приглашения в качестве преподавателей и не русско-подданных. Духовные школы состоят под надзором мусульманского духовенства. Мусульманам же должно быть предоставлено свободное право издания на арабском шрифте, на началах свободы печати, газет, журналов и книг, оригинальных и переводных, как на родном, так и на других языках, с правом свободной ими торговли.

§ 50. В частности, мусульманам должна быть предоставлена свобода открытия общеобразовательных, профессиональных и духовных школ всех разрядов и перечисленных в предыдущем параграфе просветительных учреждений для взрослого населения по программам, установленным самими мусульманами, и со свободой преподавания, как на их родном языке, так и на других восточных языках, с правом приглашения в качестве преподавателей и не русско-подданных. Мусульманам же должно быть предоставлено свободное право издания арабским шрифтом, на началах свободы печати, газет, журналов и книг, оригинальных и переводных, как на родном, так и на других языках, с правом свободной ими торговли.

§ 49. В частности, мусульманам должна быть предоставлена свобода открытия общеобразовательных, профессиональных и духовных школ всех разрядов и перечисленных в предыдущем параграфе просветительных учреждений для взрослого населения по программам, установленным самими мусульманами, и со свободой преподавания, как на их родном языке, так и на других восточных языках, с правом приглашения в качестве преподавателей и не русско-подданных. Мусульманам же должно быть предоставлено свободное право издания на арабском шрифте, на началах свободы печати, газет, журналов и книг, оригинальных и переводных, как на родном, так и на других языках, с правом свободной ими торговли.

VIII. Финансовые и экономические вопросы

VIII. Финансы и государственная экономия

VIII. Финансы и государственная экономия

VII. Финансы и государственная экономия

VIII. Финансы и государственная экономия

§ 56. Пересмотр государственного расходного бюджета в целях уничтожения непроизводительных по своему назначению или размерам расходов и соответственного увеличения затрат государства на действительные нужды народа.

§ 56. Вся экономическая и финансовая политика государства должна быть радикально изменена, для чего необходим коренной пересмотр расходного бюджета страны в целях уничтожения непроизводительных по своему назначению или размерам расходов и соответственного увеличения затрат государства на действительные нужды народа, во главе коих должны быть поставлены нужды народного просвещения.

§ 57. Финансовая власть должна быть децентрализована и распределена между инстанциями местного самоуправления.

§ 58⁸. Уменьшение налогов и пошлин на предметы потребления народа.

§ 58. Необходимо стремиться к общему понижению косвенного обложения и к постепенной отмене косвенных налогов на предметы потребления народных масс, а также покровительственной системы в торговле.

§ 59. Обложение налогом отдельных граждан

§ 59. Прямые налоги должны быть реформиро-

§ 56. Вся экономическая и финансовая политика государства должна быть радикально изменена, для чего необходим коренной пересмотр расходного бюджета страны в целях уничтожения непроизводительных по своему назначению или размерам расходов и соответственного увеличения затрат государства на действительные нужды народа, во главе коих должны быть поставлены нужды народного просвещения.

§ 57. Финансовая власть должна быть децентрализована и распределена между инстанциями местного самоуправления.

§ 58. Необходимо стремиться к общему понижению косвенного обложения и к постепенной отмене косвенных налогов на предметы потребления народных масс, а также покровительственной системы в торговле.

§ 59. Прямые налоги должны быть реформиро-

§ 51. Вся экономическая и финансовая политика государства должна быть радикально изменена, для чего необходим коренной пересмотр расходного бюджета страны в целях уничтожения непроизводительных по своему назначению или размерам расходов и соответственного увеличения затрат государства на действительные нужды народа, во главе коих должны быть поставлены нужды народного просвещения.

§ 52. Финансовая власть должна быть децентрализована и распределена между инстанциями местного самоуправления.

§ 53. Необходимо стремиться к общему понижению косвенного обложения и к постепенной отмене косвенных налогов на предметы потребления народных масс, а также покровительственной системы в торговле.

§ 54. Прямые налоги должны быть реформиро-

§ 50. Вся экономическая и финансовая политика государства должна быть радикально изменена, для чего необходим коренной пересмотр расходного бюджета страны в целях уничтожения непроизводительных по своему назначению или размерам расходов и соответственного увеличения затрат государства на действительные нужды народа, во главе коих должны быть поставлены нужды народного просвещения.

§ 51. Финансовая власть должна быть децентрализована и распределена между инстанциями местного самоуправления.

§ 52. Необходимо стремиться к общему понижению косвенного обложения и к постепенной отмене косвенных налогов на предметы потребления народных масс, а также покровительственной системы в торговле.

§ 53. Прямые налоги должны быть реформиро-

соответственно имуществу и получаемого с него дохода.

IX. Вопросы, касающиеся хлебопашцев

§ 60. Увеличение площади землепользования, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: для безземельных и малоземельных крестьян, а также других разрядов мелких хозяев-земледельцев, государственных, удельными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путем отчуждения, для той же цели, за счет государства, в потребных размерах частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке.

§ 61. Земли должны отчуждаться нуждающемуся населению.

§ 62. Для поднятия благосостояния земледельцев нужна помощь от правительства и местного самоуправления и именно: открытие сельскохозяйственных школ, выдача ссуд на обсеменение полей и др.

ваны в смысле установления прогрессивного налога на доходы и наследство.

IX. Крестьянский вопрос

§ 60. Для всего населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: для безземельных и малоземельных крестьян, а также других разрядов мелких хозяев-землевладельцев должна быть увеличена площадь землепользования за счет всех удельных, государственных, кабинетских и монастырских земель, а также путем отчуждения, для той же цели, за счет государства, в потребных размерах, частновладельческих земель, с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке.

§ 61. В порядке обеспечения крестьян землей должно быть применено начало, в силу которого земля данной области распределяется между нуждающимися в земле постоянными жителями этой области. Делу правильного расселения крестьян в пределах этой области и устройству их хозяйственного быта должна быть оказана широкая помощь со стороны органов местного самоуправления. В связи с приведенным началом должно быть реорганизовано все переселенческое дело, с возвращением коренному населению всех отнятых от него казной земель.

§ 62. Подъему сельского хозяйства должно быть оказано всемерное содействие со стороны государства и органов местного самоуправления: открытием сельскохозяйственных школ, расширением сельскохозяйственного кредита и установлением условий, благоприятных для разви-

ваны в смысле установления прогрессивного налога на доходы и наследство.

IX. Крестьянский вопрос

§ 60. Для всего населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: для безземельных и малоземельных крестьян, а также других разрядов мелких хозяев-землевладельцев должна быть увеличена площадь землепользования за счет всех удельных, государственных и кабинетских земель, а также путем отчуждения, для той же цели, за счет государства, в потребных размерах, частновладельческих земель, с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке.

§ 61. В порядке обеспечения крестьян землей должно быть применено начало, в силу которого земля данной области распределяется между нуждающимися в земле постоянными жителями этой области. Делу правильного расселения крестьян в пределах этой области и устройству их хозяйственного быта должна быть оказана широкая помощь со стороны органов местного самоуправления. В связи с приведенным началом должно быть реорганизовано все переселенческое дело, с возвращением коренному населению всех отнятых от него казной земель.

§ 62. Подъему сельского хозяйства должно быть оказано всемерное содействие со стороны государства и органов местного самоуправления: открытием сельскохозяйственных школ, расширением сельскохозяйственного кредита и установлением условий, благоприятных для разви-

ваны в смысле установления прогрессивного налога на доходы и наследства.

VIII. Крестьянский вопрос

§ 55. Для всякого населения, обрабатывающего землю личным трудом как-то: для безземельных и малоземельных крестьян, а также других разрядов мелких хозяев-землевладельцев должна быть увеличена площадь землепользования за счет всех удельных, государственных, кабинетных, также путем отчуждения, для той же цели, за счет государства, в потребных размерах, частновладельческих земель и монастырских земель, с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке. Площадь землепользования должна быть увеличена и для занимающегося, по местным условиям, скотоводством населения. Земли, подаренные правительством бывшим служащим, отчуждаются без вознаграждения.

§ 56. Заведывание земельным фондом в данной местности, за исключением земель имеющей общегосударственное значение, должно принадлежать органам местного самоуправления. За местным и земледельческим населением должно быть сохранено право на наделение в первую очередь. Переселение вовсе приостанавливается до разрешения Государственной думой аграрного вопроса.

§ 57. Подъему сельского хозяйства должно быть оказано всемерное содействие со стороны государства и органов местного самоуправления: открытием сельскохозяйственных школ, расширением сельскохозяйственного кредита и установлением условий, благоприятных для разви-

ваны в смысле установления прогрессивного налога на доходы и наследства.

IX. Крестьянский вопрос

§ 54. Для всякого населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: для безземельных и малоземельных крестьян, а также других разрядов мелких хозяев-землевладельцев должна быть увеличена площадь землепользования за счет всех удельных, государственных, кабинетных, а также путем отчуждения, для той же цели, за счет государства, в потребных размерах, частновладельческих земель и монастырских земель, с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке. Площадь землепользования должна быть увеличена и для занимающегося, по местным условиям, скотоводством населения.

§ 55. Подъему сельского хозяйства должно быть оказано всемерное содействие со стороны государства и органов местного самоуправления: открытием сельскохозяйственных школ, расширением сельскохозяйственного кредита и установлением условий, благоприятных для развития кооперации, обществ, союзов, артелей и вообще всякого рода объединений, направленных к улучшению земледелия и скотоводства.

тия коопераций, обществ, союзов, артелей и вообще всякого рода единений, направленных к улучшению земледелия, а также учреждение сельскохозяйственной инспекции.

тия коопераций обществ, союзов, артелей и вообще всякого рода единений, направленных к улучшению земледелия, а также учреждение сельскохозяйственной инспекции.

тия кооперации, обществ, союзов, артелей и вообще всякого рода единений, направленных к улучшению земледелия и скотоводства.

§ 63. Отмена действующих правил о найме сельских рабочих и распространение рабочего законодательства на земледельческих рабочих применительно к техническим особенностям земледелия.

§ 63. Отменяются все виды прежней имущественной зависимости крестьян от бывших помещиков, а также действующие правила о найме сельских рабочих, с распространением рабочего законодательства на земледельческих рабочих, применительно к техническим особенностям земледелия.

§ 63. Отменяются все виды прежней имущественной зависимости крестьян от бывших помещиков, а также действующие правила о найме сельских рабочих, с распространением рабочего законодательства на земледельческих рабочих, применительно к техническим особенностям земледелия.

§ 58. Отменяются все виды прежней имущественной зависимости крестьян от бывших помещиков и владельцев, а также действующие правила о найме сельских рабочих, с распространением рабочего законодательства на земледельческих рабочих, применительно к [к] техническим особенностям земледелия.

§ 56. Отменяются все виды прежней имущественной зависимости крестьян от бывших помещиков, а также действующие правила о найме сельских рабочих, с распространением рабочего законодательства на земледельческих рабочих, применительно [к] техническим особенностям земледелия.

§ 64. Реорганизация межевого дела, окончание размежевания. Упорядочение законов арендных отношений и урегулирование арендных плат.

§ 64. Необходима полная реорганизация межевого дела и размежевание наделных земель, введение ипотеки, а также упорядочение арендных отношений в смысле урегулирования арендных цен и определения размера арендной суммы, уплачиваемой крестьянами, с признанием недействительными сделок, имеющих кабальный характер.

§ 64. Необходима полная реорганизация межевого дела и размежевание наделных земель, введение ипотеки, а также упорядочение арендных отношений в смысле урегулирования арендных цен и определения размера арендной суммы, уплачиваемой крестьянами, с признанием недействительными сделок, имеющих кабальный характер.

§ 59. Необходима полная реорганизация межевого дела и размежевание наделных земель, введение ипотеки, а также упорядочение арендных отношений в смысле урегулирования арендных цен и определение размера арендной суммы, уплачиваемой крестьянами, с признанием недействительными сделок, имеющих кабальный характер.

§ 57. Необходима полная реорганизация межевого дела и размежевание наделных земель, введение ипотеки, а также упорядочение арендных отношений в смысле урегулирования арендных цен и определение размера арендной суммы, уплачиваемой крестьянами, с признанием недействительными сделок, имеющих кабальный характер.

§ 65. Пересмотр и изменение законов, касающихся водных бассейнов.

X. Рабочий вопрос

§ 66. Свобода рабочих союзов и собраний.

§ 67. Определение нормы рабочих дней.

§ 68. Запрещение ночных и сверхурочных работ, кроме технических или общественно необходимых.

§ 69. Развитие охраны труда женщин и детей и установление особых мер охраны труда мужчин во вредных производствах.

§ 70. Обязательное при посредстве государства страхование от болезни, несчастных случаев и профессиональных заболеваний, с отнесением издержек на счет предпринимателей.

§ 65. Подлежит пересмотру и переработке водное законодательство.

X. Рабочий вопрос

§ 66. Свобода рабочих союзов, собраний и стачек.

§ 67. Введение максимума часов нормально-го рабочего дня.

§ 68. Воспрещение сверхурочных работ и ночного труда, кроме тех отраслей хозяйства, где он необходим по техническим или общественным соображениям.

§ 69. Развитие охраны труда женщин и детей и установление особых мер охраны труда мужчин во вредных производствах.

§ 70. Обязательное, при посредстве государства, страхование от болезни (в течение определенного срока), несчастных случаев и профессиональных заболеваний, с отнесением издержек на счет предпринимателей.

§ 65. Подлежит пересмотру и переработке водное законодательство.

X. Рабочий вопрос

§ 66. Свобода рабочих союзов, собраний и стачек.

§ 67. Введение максимума часов нормально-го рабочего дня.

§ 68. Воспрещение сверхурочных работ и ночного труда, кроме тех отраслей хозяйства, где он необходим по техническим или общественным соображениям.

§ 69. Развитие охраны труда женщин и детей и установление особых мер охраны труда мужчин во вредных производствах.

§ 70. Обязательное, при посредстве государства, страхование от болезни (в течение определенного срока), несчастных случаев и профессиональных заболеваний, с отнесением издержек на счет предпринимателей.

§ 60. Подлежит пересмотру и переработке водное законодательство.

IX. Рабочий вопрос

§ 61. Свобода рабочих союзов, собраний и право стачек.

§ 62. Введение 8-часового рабочего дня.

§ 63. Воспрещение сверхурочных работ и ночного труда, кроме тех отраслей хозяйства, где он необходим по техническим или общественным соображениям.

§ 64. Развитие охраны труда женщин и детей и установление особых мер охраны труда во вредных производствах.

§ 65. Обязательное, при посредстве государства, страхование от болезни (в течение определенного срока), несчастных случаев и профессиональных заболеваний, с отнесением издержек на счет предпринимателей.

§ 58. Подлежит пересмотру и переработке водное законодательство.

X. Рабочий вопрос

§ 60⁹. Свобода рабочих союзов, собраний и право стачек.

§ 61. Введение 8-часового рабочего дня.

§ 62. Воспрещение сверхурочных работ и ночного труда, кроме тех отраслей хозяйства, где он необходим по техническим или общественным соображениям.

§ 63. Развитие охраны труда женщин и детей и установление особых мер охраны труда во вредных производствах.

§ 63. Обязательное, при посредстве государства, страхование от болезни (в течение определенного срока), несчастных случаев и профессиональных заболеваний, с отнесением издержек на счет предпринимателей.

§ 71. Государственное страхование на случай старости и неспособности к труду для всех лиц, живущих личным трудом.

§ 72. Установление уголовной ответственности за нарушение законов об охране труда.

§ 73. Учреждение примирительных камер из равного числа представителей труда и капитала для нормировки всех отношений найма, не урегулированных рабочим законодательством, и разбора споров и несогласий, возникающих между рабочими и предпринимателями.

§ 74. Распространение рабочего законодательства и независимой инспекции труда на все виды наемного труда; участие выборных от рабочих в надзоре инспекции за исполнением законов, охраняющих интересы трудящихся.

§ 75. Установление законодательным путем

§ 71. Государственное страхование на случай старости и неспособности к труду для всех лиц, живущих личным трудом.

§ 72. Установление уголовной ответственности за нарушение законов об охране труда.

§ 73. Учреждение примирительных камер из равного числа представителей труда и капитала для нормировки всех отношений найма, не урегулированных рабочим законодательством, и разбора споров и несогласий, возникающих между рабочими и предпринимателями.

§ 74. Распространение рабочего законодательства и независимой инспекции труда на все виды наемного труда; участие выборных от рабочих в надзоре инспекции за исполнением законов, охраняющих интересы трудящихся.

§ 75. Установление законодательным по-

§ 71. Государственное страхование на случай старости и неспособности к труду для всех лиц, живущих личным трудом.

§ 72. Установление уголовной ответственности за нарушение законов об охране труда.

§ 73. Учреждение примирительных камер из равного числа представителей труда и капитала для нормировки всех отношений найма, не урегулированных рабочим законодательством, и разбора споров и несогласий, возникающих между рабочими и предпринимателями.

§ 74. Распространение рабочего законодательства и независимой инспекции труда на все виды наемного труда; участие выборных от рабочих в надзоре инспекции за исполнением законов, охраняющих интересы трудящихся.

§ 75. Установление законодательным по-

§ 66. Государственное страхование на случай старости и неспособности к труду для всех лиц, живущих личным трудом.

§ 67. Установление уголовной ответственности за нарушение законов об охране труда.

§ 68. Учреждение примирительных камер из равного числа представителей труда и капитала для нормировки всех отношений от найма неурегулированных рабочим законодательством, и разбора споров и несогласий, возникающих между рабочими и предпринимателями.

§ 69. Распространение рабочего законодательства и независимой инспекции труда на все виды наемного труда; участие выборных от рабочих в надзоре инспекции за исполнением законов, охраняющих интересы трудящихся.

§ 70. Установление законодательными по-

§ 64. Государственное страхование на случай старости и неспособности к труду для всех лиц, живущих личным трудом.

§ 65. Установление уголовной ответственности за нарушение законов об охране труда.

§ 66. Учреждение примирительных камер из равного числа представителей труда и капитала для нормировки всех отношений найма, не урегулированных рабочим законодательством, и разбора споров и несогласий, возникающих между рабочими и предпринимателями.

§ 67. Распространение рабочего законодательства и независимой инспекции труда на все виды наемного труда; участие выборных от рабочих в надзоре инспекции за исполнением законов, охраняющих интересы трудящихся.

§ 68. Установление законодательными по-

празднования мусульманскими рабочими пятницы.

XI. О войске

§ 76. Распространение отбывания натуральной воинской повинности на всех граждан России, без различия нации и вероисповедания.

§ 77. Изменение Устава о воинской повинности и сокращение срока службы до 2-х лет.

§ 78. Полная свобода отправления религиозных и богослужебных обрядов лицами, отбывающими воинскую повинность, без различия вероисповедания.

рядком для мусульман-рабочих праздничного отдыха в дни пятниц.

XI. Военные силы

§ 76. Отмена воинского налога, взимаемого с части мусульман, и распространение воинской повинности на все население, без различия вероисповедания, национальности и расы, на одинаковых условиях.

§ 77. Широкие реформы существующих условий военного строя и военной службы, с сокращением срока отбывания последней в течение двух лет.

§ 78. Обязательное соблюдение в воинских частях требований религиозного характера для входящих в воинские части лиц магометанского и других исповеданий.

рядком для мусульман-рабочих праздничного отдыха в дни пятниц.

рядками для мусульман-рабочих праздничного отдыха в дни пятниц и в другие мусульманские праздники. Освобождение мусульман от обязанности праздновать христианские праздники.

X. Военные силы

§ 71. Широкие реформы существующих условий военного строя и военной службы, с сокращением срока отбывания последней до возможного minimum'a.

§ 72. Обязательное соблюдение в воинских частях требований религиозного характера для входящих в воинские части лиц магометанского и других исповеданий.

рядками для мусульман-рабочих праздничного отдыха в дни пятниц. Освобождение мусульман от обязанности праздновать христианские праздники.

§ 79. Отбывшие воинской повинности каждым у себя на родине.

§ 79. Набранные в войска части отбывают военную службу на местах.

§ 73. Набранные в войска части отбывают военную службу на местах.

Источник: Программа Мусульманской группы во 2-й Государственной думе. СПб., 1907.

Источник: Программа Мусульманской парламентской фракции. Во 2-й Государственной думе. СПб., 1907.

XII. Об управлении мусульманами

Е Устав Мусульманской (конституционно-народной) партии

Ж Устав Всероссийского союза мусульман

З Устав Всероссийского мусульманского союза

И Проект Устава общества Мусульманской партии

Название общества, район, цель и способы его деятельности

1. Для управления мусульманами они должны быть подразделены на 16 отделов. Названия отделов и города, в которых они должны функционировать, следующие:

- а) Кавказский отдел, место учреждение гор. Баку;
- б) Крымский — гор. Симферополь;
- в) Петербургско-Московский — гор. С.-Петербург;
- г) Литовский — гор. Минск;
- д) Нижне-Волжский — гор. Астрахань;
- е) Верхне-Волжский —

1. Все области с мусульманским населением составляют 15¹⁰ районов. Районы и их центры следующие:

- 1) Кавказский — гор. Баку;
- 2) Крымский — гор. Симферополь;
- 3) Петербургско-Московский — гор. Петербург;
- 4) Литовский — гор. Минск;
- 5) Нижне-Волжский — гор. Астрахань;
- 6) Верхне-Волжский — гор. Казань;

1. Губернии России, населенные мусульманами, подразделяются на шестнадцать районов. Районы и их центры суть следующие:

- 1) В районе Кавказа — Баку;
- 2) Крыма — Симферополь;
- 3) в районе Москвы и Петербурга — Петербург;
- 4) в Литовском районе — Минск;
- 5) в Нижнем Поволжье — Астрахань;
- 6) в Верхнем Поволжье — Казань;

1. Губернии России, населенные мусульманами, подразделяются на шестнадцать районов. Районы и их центры суть следующие:

- 1) В районе Кавказа — Баку;
- 2) Крыма — Симферополь;
- 3) в районе Москвы и Петербурга — Петербург;
- 4) в Литовском районе — Минск;
- 5) в Нижнем Поволжье — Астрахань;
- 6) в Верхнем Поволжье — Казань;

§ 1. Общество называется "Обществом Мусульманской партии" и действует в пределах Российской империи.

§ 2. Общество Мусульманской партии имеет целью объединение политической и общественной деятельности мусульман России, признающих необходимость упорочения и развития начал манифеста 17 октября 1905 года, в целях установления в России законным путем конституционной монархии.

§ 3. Для достижения этой цели Общество

- гор. Казань;
- ж) Уфимский — гор. Уфа;
- з) Оренбургский — гор. Оренбург;
- и) Туркестанский — гор. Ташкент;
- й) Сибирский — гор. Петропавловский;
- к) Степной отдел — гор. Уральск;
- л) Омский — гор. Омск;
- м) Семипалатинский — гор. Семипалатинск;
- н) Семиреченский — гор. Верный;
- о) Акмолинский — гор. Петропавловск и п) Закаспийский отдел — гор. Верный. В этих городах будут происходить заседания указанных выше отделов. Устройство заседаний будет поручено лицам, избранным на первом и втором съездах уполномоченных от всех мусульман.

2. Каждому из избранных членов надлежит срочно организовать совещания отделов из способных лиц, дабы при знании правил о собраниях принести пользу.

3. Устройство частных

- 7) Уфимский — гор. Уфа;
- 8) Оренбургский — гор. Оренбург;
- 9) Туркестанский — гор. Ташкент;
- 10) Сибирский — гор. Петропавловск;
- 11) Степной — гор. Уральск;
- 12) Омский — гор. Омск;
- 13) Семипалатинский — гор. Семипалатинск;
- 14) Семиреченский — гор. Верный;
- 15) Акмолинский — гор. Петропавловск и 16) Закаспийский — гор. Асхабад, в каждом из которых образуется районные меджлисы. Образование меджлисов поручается лицам, избранным на первом и втором съездах мусульман.

2. Каждое из этих лиц обязано немедленно организовать порайонный меджлис из лиц, сочувствующих делу организации и способных оказать пользу.

3. Внутренняя организа-

- 7) в Уфимском — Уфа;
- 8) в Оренбургском — Оренбург;
- 9) Туркестанском — Ташкент;
- 10) в Сибири — Иркутск;
- 11) в Степном крае — Уральск;
- 12) в Омском — Омск;
- 13) в Семипалатинском — Семипалатинск;
- 14) в Семиреченском — Верный;
- 15) в Акмолинском — Петропавловск и 16) в Закаспийском — Асхабад. Во всех этих пунктах учреждаются лица, избранные всеобщим собранием.

2. Лица, избранные для учреждения порайонных собраний, немедленно приступают к набору способных и надежных членов.

3. Собрание членов по-

- 7) в Уфимском — Уфа;
- 8) в Оренбургском — Оренбург;
- 9) Туркестанском — Ташкент;
- 10) в Сибири — Иркутск;
- 11) в Степном крае — Уральск;
- 12) в Омском — Омск;
- 13) в Семипалатинском — Семипалатинск;
- 14) в Семиреченском — Верный;
- 15) в Акмолинском — Петропавловск и 16) в Закаспийском — Асхабад. Во всех этих пунктах учреждаются лица, избранные всеобщим собранием.

2. Лица, избранные для учреждения порайонных собраний, немедленно приступают к набору способных и надежных членов.

3. Собрание членов по-

- 1) Обсуждает вопросы текущей государственной, общественной и хозяйственной жизни России;
- 2) составляет и распространяет руководящие программы по означенным вопросам, а также проекты необходимых в области этих вопросов и законодательных, и иных правительственных мероприятий;
- 3) издает и распространяет периодические и всякого рода печатные произведения, способствующие достижению цели Общества.
- 4) устраивает иного рода собрания, а равно и чтения в видах споспешествования распространения воззрений Общества.

Вступление и выбытие членов

§ 4. Желающие вступить в состав Общества принимаются Центральным или местными комитетами. Членами Общества не могут быть лица, коим сие воспрещено законом.

§ 5. Члены Общества выбывают из него в случае их о том заявлении и в

собраний совета отдела, организация правления для заведывания делами, порядок ведения этих дел и все прочее необходимое должны быть поручены тому же совету.

4. Каждый совет отдела должен учредить в надлежащих местах, т.е. в больших деревнях и некоторых городах «особое местное совещание» с подчинением его себе.

5. Каждый совет отдела, согласно указанию съезда уполномоченных всероссийских мусульман, должен все постановления, принятые в очередном заседании отдела, рассылать во все стороны.

6. Совет каждого отдела, в случае необходимости, может сам разрешать касающиеся его дела, если от этого не пострадают интересы мусульман.

7. В случае если один из

советов отдела не согласится со съездом уполномоченных всех мусульман по некоторым делам, то должен сообщить «центральному комитету».

8. По программе,работанной председателем совета, в случае надобности должны происходить собрания. Если на собрании голоса разделяются, то при равенстве голосов должна быть принята резолюция той стороны, где находится председатель.

9. Каждый из участников совещания должен приводить в исполнение постановления, принятые съездом уполномоченных всех мусульман и советом отделов.

10. Прошения, касающиеся устройства местных совещаний и дел последних, должны быть представляемы первоначально в совет отделов, а за сим в «центральный комитет».

11. При каждом совете

ция районных меджлисов, образование постоянных бюро, порядок их деятельности и проч. предоставляются самим меджлисам.

4. Каждый из районных меджлисов обязан заботиться об образовании во всех более или менее важных пунктах своих районов местных меджлисов, действующих под руководством районных меджлисов.

5. По назначению съезда мусульман один из районных меджлисов отправляет функции очередного главного районного меджлиса.

6. Районные меджлисы в делах, касающихся своих районов, действуют самостоятельно, сообразуясь с местными особенностями, соблюдая однако во всем интересы общей организации.

7. Всякого рода отступле-

ния от общих инструкций районным меджлисом могут быть сделаны лишь с ведома главного меджлиса.

8. Заседания меджлиса происходят по программе, составленной председателем меджлиса, и считаются состоявшимися, если явилось не менее половины членов, включая сюда и председателя. Все вопросы решаются большинством голосов, а при равенстве голосов голос председателя дает перевес.

9. Все члены меджлисов обязаны исполнять постановления съездов и своего районного меджлиса.

10. Жалобы на постановления и действия местных меджлисов приносятся районному меджлису, на районных меджлисов — в съезд мусульман.

11. Каждый меджлис

районных собраний, учреждение канцелярии и т.п. предоставляется на усмотрение этого собрания.

4. Районное собрание в необходимых местностях устраивает местные собрания; последние действуют согласно указанию районного собрания.

5. По назначению всеобщего съезда, одно из порайонных собраний по очереди исполняет обязанности главного собрания.

6. В делах своего района порайонные собрания самостоятельны при условии соблюдения местных особенностей и общих интересов.

7. Если порайонное соб-

рание не пожелает переступить установления общего собрания, то оно такое имеет сделать лишь с ведома общего собрания.

8. Члены собираются по мере необходимости. Председатель составляет программу заседания. Собрание считается состоявшимся, если налицо половина всех членов. Вопросы решаются большинством голосов. Если мнения разделяются пополам, то вопрос решает голос председателя.

9. Исполнение постановлений всеобщего съезда, а также порайонных собраний обязательно для всех членов.

10. Жалобы на постановления и действия местных собраний подаются в порайонные собрания, а последние — во всеобщий съезд.

11. Каждое собрание

районных собраний, учреждение канцелярии и т.п. предоставляется на усмотрение этого собрания.

5. По назначению всеобщего съезда, одно из порайонных собраний по очереди исполняет обязанности главного собрания.

6. В делах своего района порайонные собрания самостоятельны при условии соблюдения местных особенностей и общих интересов.

7. Если порайонное соб-

рание не пожелает переступить установления общего собрания, то оно такое имеет сделать лишь с ведома общего собрания.

9. Исполнение постановлений общего съезда, а также порайонных собраний обязательно для всех членов.

10. Жалобы на постановления и действия местных собраний подаются в районные собрания, а последние — во всеобщий съезд.

11. Каждое собрание

случае неуплаты в течение двух лет установленных членских взносов.

§ 6. Члены Общества, оказывающие своими действиями прямо или косвенно вред Обществу, исключаются из его состава по постановлению Центрального Комитета. При желании исключаемый член может обжаловать постановление Центрального Комитета в Общий съезд делегатов.

§ 7. Каждый член Общества вносит в кассу Центрального Комитета в год не менее 50 коп.

Взносы производятся или непосредственно в кассу Центрального Комитета, или через посредство местного комитета, или уполномоченных от него лиц под надлежащие квитанции.

Общий съезд делегатов устанавливает известный % со всех денежных поступлений на расходы Центрального и местных комитетов сообразно их нуждам.

Органы Общества

§ 8. Органами Общества являются общие и мест-

ные съезды делегатов, общие собрания членов отделов, Центральный и местные комитеты.

Общие съезды делегатов

§ 9. Общие съезды делегатов Общества созываются не менее одного раза в год и образуются из делегатов местных отделов, причем делегаты избираются на общих собраниях отделов по одному на каждые 50 членов и во всяком случае каждый из местных отделов присылает на общий съезд делегатов по одному представителю. Участвуют на общих делегатских съездах с правом решающего голоса: все члены Центрального Комитета и все члены комитета того места, где происходит съезд.

§ 10. Общие съезды делегатов созываются Центральным Комитетом по собственной инициативе или по желанию не менее пяти местных комитетов.

§ 11. На общих съездах делегатов разрешаются всякого рода вопросы, касающиеся деятельности

отдела должна быть касса, каждый член совета должен вносить в нее ежегодно от 50 коп. до 5 рублей.

12. Избранный казначей должен выдавать каждому в получении денег квитанцию.

13. Кроме указанного членского взноса, могут быть принимаемы пожертвования от богатых лиц.

14. Деньги должны быть расходуются куда следует с разрешения членов собрания.

15. Каждый из советов отдела относительно собранных им денег должен давать отчет перед всероссийским съездом мусульман и деньги, остающиеся после необходимых затрат, должны быть сдаваемы в кассу «центрального комитета союза российских мусульман» с назначением на нужды мусульман.

16. 15 августа ежегодно в определенном заранее месте должен происходить съезд российских мусульман. Программа этого съезда должна быть предъявлена, а дела, сопряженные с открытием этого съезда, поручены совету того отдела, где должен происходить съезд.

17. Совет каждого отдела относительно своих дел и собранных им денег должен давать отчет «центральному комитету». Съезд всероссийских мусульман проект задуманного им решения по делам советов отдела, относительно совместной работы, а равно по всем неотложным делам и по делам, касающимся жизни мусульман, должен сообщать всему народу.

имеет свою кассу, в которую каждый участник организации вносит от 50 коп. до 5 рублей в год.

12. В получении этого обязательного взноса казначей меджлиса, выбираемый из среды его членов самими же членами меджлиса, выдает особую квитанцию.

13. Сверх обязательных взносов, меджлисы собирают пожертвования с состоятельных мусульман.

14. Расходование денег производится по постановлениям меджлиса.

15. Каждый районный меджлис по кассе своей дает ежегодно отчет съезду мусульман, по утверждению которого наличный остаток районных касс отчисляется в виде запасных в общую кассу организации для удовлетворения общих нужд.

16. Ежегодно, 15 августа, устраивается общий съезд мусульман в заранее назначенных местах. Программа съезда и вообще организация его представляется очередному главному меджлису.

17. Все порайонные меджлисы предоставляют съезду отчеты о своей деятельности и о состоянии районных касс, главный очередной меджлис представляет свои предложения и заключение о ходе всей организации, общем плане действий, ближайших задачах, особо выдающихся событиях общему мусульманской жизни и т. п.

18. На съезде допускаются к чтению доклады научного, исторического, литературного и иного характера из жизни общему мусульманской с тем однако условием, чтобы все такого рода доклады до

имеет свой основной фонд; каждый член вносит свой взнос от 50 копеек до 5 рублей.

12. Избранный из среды членов же казначей собрания выдает квитанцию в получении взноса.

13. Помимо членских взносов, принимаются всякие пожертвования, сделанные в угоду Богу.

14. Суммы расходуются соответственно постановлению собрания.

15. Каждое порайонное собрание ежегодно дает отчет всеобщему съезду. Суммы, оставшиеся от расходов, переносятся в общую кассу.

16. Ежегодно, 15 августа, созывается, в заранее определенной местности, всеобщий съезд. Главное собрание вырабатывает для съезда программу и ведет все дело его.

17. На этих съездах порайонные собрания дают отчет о своих операциях. Главное собрание дает инструкции для действия порайонных собраний.

18. На съездах допускается прочитать научные, исторические и т.п. доклады; однако Главному совету должно быть известно, что именно будет докладываться.

имеет свой основной фонд; каждый член вносит взнос от 50 копеек до 5 рублей.

13. Помимо членских взносов, принимаются всякие пожертвования, сделанные в угоду Богу.

Общества и его отделов, производятся выборы Центрального Комитета, утверждаются его отчеты, сметы доходов и расходов, а также устанавливается ближайший порядок деятельности Общества и в частности Центрального Комитета, утверждаются инструкции органам Общества, принимаются меры обеспечения Общества денежными средствами, намечаются вопросы для ежегодного съезда делегатов и т.п.

Центральный Комитет

§ 12. Правлением Общества является Центральный Комитет, пребывающий в Петербурге. Члены Центрального Комитета выбираются на ежегодном общем съезде делегатов из числа членов Общества сроком на один год в количестве, определенном самим съездом, но не менее 15 лиц. Выборы происходят по закрытой баллотировке и избранными считаются получившие наибольшее число голосов. Кандидатами к ним в числе, равном

числу членов комитета, считаются получившие наибольшее после избранных членов число голосов. Кандидаты пополняют собой в порядке последовательного числа полученных голосов состав комитета, в случае выбытия кого-либо из его членов. Временно, до созыва первого Общего съезда делегатов, Центральный Комитет избирается учредителями Общества.

§ 13. Сверх избранных членов состав Центрального Комитета может быть пополнен лицами, приглашенными самим Центральным Комитетом из числа членов Общества в количестве, не превышающем 1/3 всех членов Центрального Комитета.

§ 14. Источники: Председатели местных комитетов во время пребывания их в С.-Петербурге участвуют в заседаниях Центрального Комитета.

§ 15. Центральному Комитету принадлежит общее руководство деятельности Общества, созыв

19¹¹. На съезде должно быть назначено место собрания, которое должно произойти в следующем году.

20. В случае возникновения неотложных дел, кроме съезда уполномоченных всех мусульман, в течение года могут быть и другие чрезвычайные съезды по распоряжению Мусульманской партии или по просьбе не менее трех советов отдела. Время и место созыва этих съездов должны быть указаны очередными отделами.

21. На съезд, который должен происходить ежегодно 15 августа и на другие чрезвычайные съезды, должны быть командированы по два уполномоченных от отдела и по одному уполномоченному от «особого местного совещания». На этих съездах исполнения по делам

должны быть поручаемы уполномоченным, а все прочие явившиеся мусульмане могут только принимать участие в совещании.

22. Очередное совещание отдела должно рассылать для руководства постановления по неотложным делам и письма во все совещания отделов и

23. Участники съезда должны взять на себя исполнение принятых съездом решений, а равно по возможности исполнять и все постановления бывших съездов уполномоченных мусульман в С.-Петербурге и Нижнем Новгороде.

съезда были представлены в главный очередной меджлис, а при невозможности были сообщены основные тезисы доклада.

19. Общий съезд сам назначает место следующего съезда.

20. Кроме общего съезда в течение года могут быть съезды представителей меджлисов, назначаемые, в случаях надобности, по инициативе очередного главного меджлиса или же по постановлениям не менее трех районных меджлисов. Время и место таких съездов определяется очередным главным меджлисом.

21. Как на ежегодный съезд 15 августа, так и на все другие съезды каждый из районных меджлисов присылает двух представителей, а каждый из местных меджлисов — по одному представителю. Правом решающего голоса пользуются на съездах лишь уполномоченные

представители меджлисов, а прочие участники съездов имеют совещательный голос.

22. Во всех необходимых случаях главный очередной меджлис рассылает в районный меджлис экземпляры постановлений, оповещений, писем и проч. для руководства и ознакомления с ними всех местных меджлисов.

23. Каждый участник, вступая в настоящую организацию, тем самым обязуется подчиняться всем ее требованиям и в то же время берет обязательство добиваться всеми силами о достижении целей организации, выраженных в резолюции общего съезда 15 августа 1905 года и могущих быть выраженными в других резолюциях в дальнейшей деятельности организации, — а также в программе Мусульманской партии, принятой на втором съезде мусульман (в январе 1906 года в Петербурге).

19. Всеобщий съезд сам определяет место следующего съезда.

20. При встретившейся необходимости, по приглашению главного собрания или же, по крайней мере, постановлением трех порайонных собраний, созывается съезд. Таким частным съездом время и место определяется главным собранием.

21. Ежегодно, 15 августа, на всеобщий съезд, а также на частные съезды порайонные собрания командировуют по два, а местные — по одному представителю. Хотя все присутствующие на съезде лица имеют совещательный голос, но решающий голос предоставляется

лишь председателю.

22. Главное собрание, во всех необходимых случаях, рассылает в порайонные собрания свои постановления и письма, дабы эти собрания со своей стороны известили об этих постановлениях местные собрания.

23. Всякое лицо, вступившее в число этой организации, обязано подчиниться требованиям и постановлениям ее. Равным образом, оно принимает на себя труд в приведении к исполнению тех пожеланий, которые выставляются в программах и уставах этой организации.

19. Всеобщий съезд сам определяет место следующего съезда.

20. При встретившейся необходимости, по приглашению главного собрания или же, по крайней мере, постановлением трех порайонных собраний, созывается съезд. Таким частным съездом время и место определяется главным собранием.

21. Ежегодно, 15 августа, на всеобщий съезд, а также на частные съезды порайонные собрания командировуют по два, а местные — по одному представителю. Хотя все присутствующие на съезде лица имеют совещательный голос, но решающий голос предоставляется

22. Главное собрание, во всех необходимых случаях, рассылает в порайонные собрания свои постановления и письма, дабы эти собрания со своей стороны известили об этих постановлениях местные собрания.

23. Всякое лицо, вступившее в число этой организации, обязано подчиниться требованиям и постановлениям ее. Равным образом, они принимают на себя труд в приведении к исполнению тех пожеланий, которые выставляются в программах и уставах этой организации.

общих съездов делегатов, исполнение и надзор за исполнением постановлений съездов делегатов местными органами, распоряжение принадлежащим Обществу имуществом заведывание кассой Общества, сношение со всеми местными органами, составление инструкций и регламентов, опубликование от имени Общества всякого рода актов, распоряжений по периодическим и другим изданиям Общества, организация выборной агитации и вообще стремление всеми мирными и легальными способами к осуществлению задач Общества.

Центральный Комитет является представителем Общества перед правительством, общественными организациями и другими обществами.

§ 16. Подробности внутренней организации Центрального Комитета как-то: образование Постоянного бюро, выделение комиссий по разным вопросам, распределение занятий между членами Центрального Ко-

митета, поскольку они не предусматриваются настоящим уставом и постановлениями общих съездов делегатов, определяются им самим.

§ 17. Председатель и секретарь Центрального Комитета выбирают из числа членов самим комитетом.

§ 18. Акты, документы, договоры имеют обязательную силу для Общества в том только случае, если подписаны не менее пятью членами Центрального Комитета.

Местные отделы

§ 19. В каждой губернии или области и каждом городе, столичном, губернском и уездном, при наличии не менее 10 членов Общества образуются местные отделы Общества, действующие на основании этого Устава. Об образовании местного отдела уведомляется Центральный Комитет.

§ 20. Местные отделы, руководясь настоящим Уставом, в делах внут-

Источник: ГАРФ.
ДПОО. 1910 г. Д. 27. Л. 9-
14 а.

Источник: Оренбургский
листок. 1906. 5 февраля.

Источники: Программа
Мусульманской партии //
ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д.
1329. Л. 2-9 об. Типограф-
ский экземпляр. Б.г., б.м.;
Ф. 9599. Оп. 1. Д. 10. Л.
31-32 об.

Источники: Аришаруни А.,
Габидуллин Х. Очерки
панисламизма и пантюри-
зма в России. М., 1931.
С. 131-132; Национальные
движения в период первой
революции в России. Че-
боксары, 1935. С. 224-225;
Политическая жизнь рус-
ских мусульман до Фев-
ральской революции. Окс-
форд, 1987. С. 26-29.

ренной организации дей-
ствуют по инструкциям
ими самими вырабаты-
ваемым, не противореча-
щим однако требованиям
сего Устава, а также по-
становлениям общих
съездов делегатов и Цен-
трального Комитета.

§ 21. Центральный Ко-
митет имеет право приос-
тановить и даже вовсе за-
крыть местный отдел,
который своими дейст-
виями вредит интересам
Общества. Такое действие
может быть обжаловано в
общий съезд делегатов.

*Общие собрания членов
местных отделов
и местных комитеты*

§ 22. Общие собрания
членов Общества в губер-
нии, области или городе,
созываемые не менее од-
ного раза в год, руководят
и распоряжаются делами
соответствующего местно-
го отдела в качестве рас-
порядительного органа.

§ 23. На этих общих со-
браниях выбираются чле-
ны местного (губернского,
областного или городс-
кого) комитета, исполни-

тельного органа местного
отдела; члены избираются
на один год и в количе-
стве, определенном общим
собранием, но не менее
трех закрытой баллотир-
ровкой из числа членов
Общества.

§ 24. Губернские, обла-
стные и городские коми-
теты в отношении мест-
ных отделов действуют
применительно к §§ 12-17
настоящего Устава, а
также по указаниям Цен-
трального Комитета.

§ 25. Для объединения
деятельности местных
комитетов данного округа
(губернии, области или
города) образуется осо-
бый комитет избиратель-
ного округа из представи-
телей, избираемых всеми
местными комитетами.

§ 26. Местные комитеты
сообщают раз в месяц ко-
митетам центральному и
округа сведения о своей
деятельности и о положе-
нии дел на местах, а так-
же и о всех переменах в
своем составе.

*Местные съезды
делегатов*

§ 27. Местные съезды делегатов созываются: областные, охватывающие несколько губерний, по соглашению подлежащих комитетов избирательных округов и губернские — комитетами избирательных округов.

§ 28. На областных и губернских съездах обсуждаются вопросы, касающиеся деятельности Общества в соответствующих районах.

О порядке отчетности

§ 29. Местные комитеты о поступивших доходах, произведенных расходах и вообще о распоряжениях по вверенному им имуществу представляют отчеты общим собраниям членов местного отдела, а Центральный Комитет — Общему съезду делегатов.

О порядке изменения сего Устава

§ 30. Изменения сего Устава по предварительном рассмотрении их в Постоянном бюро и Центральном Комитете постановляются на общих

съездах делегатов большинством 2/3 присутствующих.

Источник: Устав общества "Мусульманской партии". СПб., [1907].

¹ Так выделены отличия в подпунктах Б, В, Г, Д.

² Опечатка. Очевидно — 15.

³ Ошибка в нумерации. Очевидно — § 35.

⁴ Ошибка в нумерации. Очевидно — § 41.

⁵ Ошибка в нумерации. Очевидно — § 42.

⁶ Ошибка в нумерации. Очевидно — § 42.

⁷ Преподавателей.

⁸ Ошибка в нумерации. Очевидно — § 55.

⁹ § 59 в тексте отсутствует. Прим. Л.А. Ямаевой. См.: Мусульманские депутаты... С. 57.

¹⁰ Опечатка — 16.

¹¹ Ошибка в нумерации. Очевидно — 18.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

б.	— бек
губ.	— губерния
м.	— мурза
ОМДС	— Оренбургское магометанское духовное собрание
П.С.-Р.	— Партия социалистов-революционеров
СРМ	— Союз российских мусульман
СРН	— Союз русского народа
ст.	— статья
ст.	— станция
стц.	— станица
с.-р.	— социалисты-революционеры
ТМДП	— Таврическое магометанское духовное правление
х.	— хан
ЦНМО	— Царско-народное мусульманское общество
ЦНРО	— Царско-народное русское общество

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Абашидзе Мамед-бек 137, 147
Абашин С.Н. 54
Абдо Мухаммед 305
Абдул-Хамид II 292
Абызгильдин Гиниатулла 91
Авалов (Авалишвили) З.Д. 24
Авие В.А. 236
Авторханов А. 39
Агаев Ахмед 5, 103, 111, 112, 122, 126–128, 155, 188, 196, 250, 251, 301
Агарза 106
Агеев Хайритдин 200, 247
Аджи Сулейман 124
Аджи Эмир 85, 124
Адыгезалов Аскер-Ага 271
Аитов Сулейман 195
Айвазов Асан Сабри 193, 266
Айнутдинова Л.М. 179, 204, 258
Акбулатов Кинзябуз 91
Акбулатов Хабибулла 88
Акпаев Якуб 190
Акчурин Ибрагим 129
Акчурин Юсуф 84, 105, 129, 168, 187, 194, 204–206, 211–213, 228, 255, 258, 271, 283, 301, 316
Александр III 66
Александра Федоровна, императрица 239
Александров-Дольник К.К. 152
Александрович Джемиль 14, 19
Алексеев И.Е. 299, 300, 312
Алексий, епископ 8
Алекторов А.Е. 111
Али ибн Аби Талиб 99
Алимов Бедретдин 88, 115
Алисов Г. 22, 46
Алиханов Максуд 110, 148
Алкин Ильяс 318
Алкин Саид-Гирей 47, 104, 105, 129, 187, 211, 212, 224, 225, 228, 229, 256, 258, 271, 282, 318

* В указатель не включены персоналии из сносок и приложений.

Алмай Махмуд 78
 Алышев Фатих 247
 Аминов (Аминофф) М. 22, 47
 Андрей, епископ 24, 295
 Анисин Ю.В. 40
 Антаки П.В. 313, 314
 Антоний, митрополит 113, 125
 Апаанаев Абдулла 299
 Апаанаев Габдулла 105, 258, 283
 Арапов Д.Ю. 50, 52, 53, 55, 116, 133, 141
 Аристов М. 191
 Ариф-бей Мехмед 17, 279
 Арсанукаев Дока 235
 Аршаруни А. 32, 33, 256
 Асадуллаев Шамси 122
 Атласов Хади 276
 аль-Афгани Джамалетдин 64
 Ахмаров Габдрахман 168
 Ахмеджанов Нурмухамед 294
 Ахтямов Абуссугуд 47, 129, 164, 228
 Ахтямов Ибниамин 47, 81, 82, 121, 126
 Ахтямов Ибрагим 47, 81–83, 301
 Ахунд-заде Ахунд Абдуссалам 109, 278
 Ахундов М.Ф. 208
 Ахундов Рустем 193
 Ашер А. 60
 Ашурбеков Исабек 251
 Ашурупов Гаджи-Аслан 185
 Бабаджанов Б.М. 72
 Бабаев А.-Р. 106
 Баберовски Й. 101, 250, 289
 Багирова И.С. 99, 145, 250–252, 268
 Бадамшин Гариф 116, 230
 де Бай Ж. 13, 29
 Байбеков Хусаин 115
 Байбури Зигангир 47, 216
 Байков Б.Л. 107, 243
 Баймухамедов Губейдулла 91
 Бакиров С. 88
 Балгимбаев Ахмет 93
 Бартольд В.В. 71, 87
 аль-Баруди (Галеев) Галимджан 99, 185, 211, 212, 221, 258, 283, 297, 298, 301
 Баязитов Атаулла 174, 182, 227, 228, 231, 247, 301

Баязитов Мухаммед-Сафа 304, 313, 316
 Бебутов Нефтали 251
 Бекиров Мемед 124
 Беннигсен А. 38, 295
 Беркимбаев Дербисоли 136
 Бехбуди Махмуд 35, 242, 243, 259
 Бигиев Мусса 27, 28, 30, 98, 164, 213, 257, 258, 271, 301
 Билялов Масагут 200
 Бобрищев-Пушкин А.В. 266
 Бобровников В.О. 161
 Бобровников Н.А. 7, 9, 10, 71
 Бобровникофф см. Чичерина
 Бодуэн де Куртенэ И.А. 178, 180
 Бройдо Г.И. 32
 Буби (Бобинский) Габдулла 98, 258
 Буби (Бобинский) Губайдулла 98, 258
 Будилович А.С. 111, 138, 226
 Букейханов Алихан 189–192, 223, 228, 229
 Булгаков Али 193
 Булыгин А.Г. 109, 116, 124, 136, 173
 Бурмистрова Т.Ю. 36
 Бусов Г.А. 265
 Бюнтинг Н.Г. 247
 Вагапов М. 89
 Ваисов Гинанутдин (Гайнан) 246
 Валеев Ф.Т. 179
 Валиахметов Тимирхан 275
 Валидов Ахмет-Заки 8, 292
 Валидов Джамал 309
 Вамбери А. 12, 13, 15, 24, 28, 29, 43, 85, 86, 129, 163, 186, 201, 224, 226, 230, 261, 274, 313, 314
 Вахдети-эфенди 297
 Везиров Н. 155
 Векилов Ибрагим 251, 252
 Векилов М.Р. 122, 137
 Вельможко И.Н. 181
 Вернадский В.И. 223
 Вешапели Г.Г. 146
 Вильямс Г. 20, 28, 29
 Винавер М.М. 228
 Витте С.Ю. 105, 116, 121, 123, 124, 129, 173, 174, 209, 210, 313
 Владимиров В.В. 282
 Волхонский М.А. 202

- Воробьева Е.И. 49, 50, 295
 Воронцов-Дашков И.И. 110, 137, 145, 150, 151, 234, 289
 Гаджибеков Уз. 155
 Гаджинский Мамед Гасан 251
 Габдулгафаров Хисамутдин 200
 Габидуллин Х. 32, 33, 256
 Гаиров Гусейн-эфенди 278
 Гайдаров 268, 301
 Галлеев А.-З. 306
 Галязитдинов М. 299
 Ганиев В.Х. 16, 42
 Ганкевич В. 51, 257, 283
 Гапон 97, 98
 Гартвиг Н.Г. 14, 211
 Гаспринский Исмаил 11, 14, 47, 51, 52, 64–66, 84, 85, 102, 124, 125, 167–169, 181, 183–185, 192–194, 201, 208, 257, 258, 271, 284, 301
 Генри Дж. 14
 Гессен В.М. 169, 204, 205
 Гётч (Хетч) О. 20
 Гиневский П.Ф. 265
 Гирс М.Н. 311
 Глазов В.Г. 125
 Голубков Е.П. 247
 Гольдциер И. 13
 Гончарова Н.С. 51
 Гордлевский В.А. 37
 Горошков Н. 53
 Горький А.М. 304
 Гродеков Н.И. 279
 Губайдуллин Газис 16
 Губогло М.Н. 52
 Гурко В.И. 245
 Гусейн-заде Алибек 305
 Гушмазукаев Зелимхан 161
 Давидович Мустафа 85, 86, 124, 258
 Давликамов Мухамедгалий 200
 Дахадаев Махач 230
 Девлет-Кильдеев 63, 65, 74, 182
 Девлет-Кильдеев М.М. 294
 Джабагиев Вассан-Гирей 201
 Джанаев А.К. 161
 Джантюрин Салим-Гирей 225, 228, 229, 258

- Джапаридзе П.А. 156
 Джафар-заде Мир-Мамед Керим 108, 137
 Джеванширский Бейбут 251
 Джуварлинский М. 187
 Джугашвили (Сталин) И.В. 32, 268, 269
 Дибердеев Юсуф 129
 Диманштейн С.М. 32, 184, 237, 261
 Добросмыслов А.И. 308
 Достанов Габдулла-махзум 135
 Драчевский Д.В. 273
 Дукчи-ишан 72
 Думин В.А. 289
 Дурново П.Н. 207, 211
 Духовский С.М. 71
 Дякин В.Я. 43, 133
 Евг[ений] Никол[аевич] 82
 Евглевский Н.Т. 265
 Екатерина II 23
 Елпатьевский С.Я. 25
 Емельянова Г.М. 59, 60
 Ерзин Салих 88
 Залевский К. 24
 Залесский В.Ф. 298
 Зардаби Г. 155
 Зарубин В.Г. 86
 Зарубин И.И. 9
 Зейналов Зейнал 270
 Зеньковский С. 38, 59
 Зет П. 291
 Зиятханов А. 122, 137
 Зиятханов Измаил 228, 229, 259, 271
 Зиновьев И.А. 51
 Зубатов С.В. 97
 Зюльгадаров Г. 122
 Ибрагимов Абдрашад 17, 18, 23, 81, 82, 85, 95–99, 102, 103, 129, 163, 165, 166, 174, 179, 194, 199, 207, 253, 255, 257, 258, 261, 271, 273, 278–280, 283, 286
 Ибрагимов Галимджан 31, 36, 72, 91, 99, 204, 206, 207, 211, 256
 Ибрагимов Хамидулла 221
 Ибраим Гурзуф 193
 Иванов С.М. 51
 Иванова Н.А. 36

- Игнатъев А.П. 125, 133, 136
 Иголкин А.А. 108, 149
 Ильминский Н.И. 222
 Ирбатыров Джумагалий 135
 Исаков Мухамедлатиф 200
 Ислямов Исхак 92
 Исмаил оглы Хаджи Мемед 147
 Исмаилов М.А. 250, 251
 Исхаки Лутфи 121, 165, 253
 Исхаки (Исхаков) Мухамед-Гаяз (Гаяз, Аяз) 16, 34, 62, 75, 76, 78–80, 86–88, 94, 100, 104, 116, 121, 122, 165, 166, 168–170, 176, 197, 198, 200, 202, 211, 219, 220, 254–256, 267, 268, 301, 304, 316
 Исхаков Д.М. 44
 Кадио Ж. 67
 Кадыри Закир 26
 Калмыков А.Д. 14, 148
 Камалов Ибрагим 116
 Капкаев Ганиятулла-мирза (Инаятулла) 200
 Каппелер А. 56–59
 Карабеков Карабек 251
 Каратаев Бахитджан 136
 Карашайский Адиль-Гирей 124, 135
 Кариев Абдувахит 293
 Каримов Фатих 194, 198, 259, 266, 271, 274
 Каррер д'Анкокс Э. 150, 241, 287
 Касимов см. Туктаров
 Касимов С.Ф. 49
 Каульбарс А.В. 239
 Кауфман А.А. 213
 Кауфман П.М. 250, 285
 Кемаль Гали-Асгар 78
 Кивекэс К. 311
 Кийкин Сабыр 136
 Кипчакский Мустафа 124, 193
 Кирьянов Ю.И. 300
 Киселев А.Ф. 119
 Киясбеков Агабек 252
 Клемм В.О. 211
 Климович Л.И. 33
 Кобеко Д.Ф. 105, 116, 125
 Коблов Я.Д. 8, 67
 Коковцев В.Н. 248
 Кокошкин Ф.Ф. 206

- Колюбакин А.М. 234, 237, 238
 Корбек Аббас 193
 Королев В.И. 86
 Корольков Н.И. 70
 Котюкова Т.В. 51–53, 287, 312
 Кочарлинский Фиридун 129, 155, 187
 Кошегулов Шаймардан 258
 Крестовниковы 83
 Кричинский Л.К. 30
 Крымский А.Е. 9, 86, 87, 223
 Крымтаев Сулейман 193
 Круз Р.Д. 60, 61
 Куватов Кумышбай 90
 Кузьминский А.М. 150, 176
 Кулиев А. 178
 Курамшин Серазетдин 300
 Курбангалиев Габидулла 247
 Курсави Абу-Наср 10
 Кутлубаев Муртаза 83
 Кутлубулатов Ахмед 266
 Кэмпбелл Е. 49, 295
 Лакоба С. 40
 Ламздорф В.Н. 73, 211
 Ланда Л.М. 35
 Ланда Р.Г. 42
 Лапин Сер-Али 223, 291
 Ларина Е.И. 53
 Левин З.И. 298
 Лейтцингер А. 225
 Леманов Исмаил 127, 128
 Лемерсье-Кельеже Ш. 38, 295
 Ленин В.И. 20, 21, 34
 Леонов М.И. 228
 Ле Шателье А. 12
 Лидваль Э.Л. 245
 Литвин А.А. 45
 Литвинов П.П. 120
 Лобунченко А.П. 265
 Лопухин А.А. 108
 Лукман 18
 Лютш Я.Я. 159, 184, 190
 Мадали 69, 70

Майков В.А. 96, 97
 Максимович К.К. 243
 Максудов (Максуди) Садри 84, 258, 269, 296, 301, 309
 Максудов (Максуди) Хади 254, 258
 Максудов Мухаммед 165, 206, 253
 Максудов (Максудов) Сахипзад 265
 Мамаев Нургали 220
 Марджани Шигабуддин 10
 Маркс К. 63
 Масагутов Хабибрахман 270
 Матвеев В.А. 130, 237, 307
 Мациевский В.А. 241, 243
 Медиев Решид 21, 124, 193, 264
 Меликов Рахим 187
 Мемет оглу Абдурахман 193
 Мендикулов Мухаммед-казы 135
 Милуков П.Н. 168, 203, 206, 309
 Минцлов С.Г. 50
 Митник Я.Е. 136
 Мирианишвили П.Г. 146
 Михаил Александрович, великий князь 91
 Михайлова Е.М. 185, 186
 Михневич Н.П. 310, 311
 Мовсумов Мир Гасан 198
 Морозов П.Н. 315
 Мултангалиев Исмагил 91
 Муравьев Н.Л. 192
 Муратов В.И. 265, 266
 Мурзакаев Абдул-Вахаб 17
 Муромцев С.А. 235
 Мустафин Галям 265
 Муфтизаде Амет 192, 193
 Муфтизаде Исмаил 124, 193
 Мухамедиева Фатанат 120
 Мухамедьяров Шакир 197, 198, 219, 220, 301
 Мухамедьяров Ш.Ф. 225
 Мухаметганиев Шамсултан 275
 Мухаммадов Шакир 89, 103
 Мухаммед (Магомет), пророк 5, 17, 63, 65, 69, 72, 99, 175, 253, 298, 308
 Мухетдинов Д.В. 55, 124

Наливкин В.П. 71
 Нам И.В. 319
 Нарский И.В. 43

Насыри Каюм 10, 11
 Нелидов А.И. 51
 Неманов Л.М. 276
 Немов С.С. 247
 Нератовы 82
 Николай II 85, 89, 91, 113, 114, 141, 150, 152, 163, 175, 182, 200, 211, 215, 230, 231, 247, 248, 289, 290, 298
 Ноак К. 58–60, 65, 256, 257, 272, 312
 Новиков А.В. 265
 Новицкий В.В. 193
 Оболенский В.А. 218
 Остроумов Н.П. 7, 65, 176
 Пайпс Р. 38
 Панафидин П.Е. 96
 Петражицкий Л.И. 204, 205
 Пешехонов А.В. 72, 237
 Плеханов Г.В. 84
 Поздnev П. 72
 Позднеев Д.М. 26
 Погорелов А. 160
 Покотило В.И. 158
 Половцов А.А. 201
 Полозов А.А. 160, 161, 234
 Полозов Б.Н. 237
 Потеев Шарафутдин 200
 Прайс М. 29
 Пушкарева И.М. 151, 155, 156
 Пясковский А.В. 35, 36, 158, 240, 287
 Раецкий С.Ш. 187, 197
 Разгонов А.К. 9
 Раймов Р.М. 33
 Ракиби Ракиб 17
 Рамеев Закир 129
 Рамзи Мурад 292, 293
 Расул-заде Мамед Эммин 79, 99, 210, 269, 305
 Расюлев (Расулов) Гайса 91, 92
 Рауль Исмагилевич 82
 Рафибеков Алекпербек 178
 Рахманкулов Ахметхажий 200
 Рахматуллин Гирфан 91
 Рашид-эфенди, Рашид-кади см. Ибрагимов А.

Редигер А.Ф. 238, 239, 248
 Ризванов Ганиатулла 222
 Ризель В.В. 187
 Родичев Ф.И. 203
 Романов 12
 Романовы 88
 Рорлих А.-А. 259, 295
 Рыбаков С.Г. 30, 308
 Садыков Зариф 193, 194, 301
 Садыков Мухамет 157, 301
 Сазонов С.Д. 322
 Сайдалиев 205
 Сайдашев Ахмаджан 104, 105, 115, 195, 247
 Салихов Р.Р. 258
 Сами Мирза Абдалазим 89, 93, 103
 Самсонов А.В. 310, 311
 Саниев Гаджи Керим 252
 Сафаров Гинаатулла 92
 Сафикюрдский Аслан-бек 179
 Сафонов Д.А. 33, 89, 90, 215, 275
 Сахапов М.Ж. 164, 257
 Сахаров В.В. 124
 Свиехоховский Т. 57, 150
 Святополк-Мирский П.Д. 96, 97, 114
 Сеид Абдул-Ахад 231
 Сеидзаде Д.Б. 40, 46, 204
 Сеитов И. 67
 Селимханов А. 137
 Сементовский-Курило Д.К. 159
 Сенюткин С.Б. 164, 165
 Сенюткина О.Н. 54, 163, 169, 254
 Серебряков И.Д. 264
 Сергей Александрович, великий князь 89
 Силантьев Р. 55
 Симонич Н.Н. 111, 140, 141
 Сипягин Д.С. 73
 Скарятин Н.Я. 222
 Смирнов В.Д. 79
 Снесарев А.Е. 9
 Соколов А.К. 56
 Соколов Мухамет-Фатех 219
 Соколовский И.Н. 90
 Сорокин П. 72, 319

Стахович 97
 Стейнведер Ч. 183, 225
 Стоддарт Л. 29, 31, 67, 84, 225
 Столыпин П.А. 243, 253, 254, 277, 282, 283, 287
 Струве П.Б. 203
 Суботич Д.И. 278
 Сулейманов Мухамет-Халим 219
 Султан-Галиев Мирсайд 31, 68
 Султангалиев Исмаил 92
 Султанов Мухамедьяр 124, 134, 135, 174, 186
 Сухомлинов В.А. 315
 Сыромятников С.Н. 227
 Сыртланов Али-Оскар 112, 186, 273, 279, 305
 Сыртланов Шахайдар 213, 225, 228, 256, 258
 Тагиров И.Р. 48, 207
 Тарпиев Асан 193
 Тевкелев Кутлуг-Мухамед 273, 294
 Тевяшов Н.Н. 131
 Терегулов Ахмет-Султан 175
 Терегулов Гумер 197
 Термен А.И. 70, 72
 Толстой Д.А. 227
 Толстой И.И. 285
 Толстой Л.Н. 161
 Томсен В. 42
 Тополев Л.А. 265
 Топчибашев Али-Мардан 14, 100, 122, 129, 137, 163, 168–171, 177, 188, 194, 195, 208, 224, 225, 228, 229, 256, 257, 258, 261, 271, 273, 283, 294, 296, 301, 321
 Трубецкой Е.Н. 178
 Туган-Барановский М.И. 84
 Туган Мирза Барановский А.Д. 92
 Тугушев Тазильислам 91
 Тукаев Мухамедшакир 294
 Туктаров Фуад 27, 168, 197, 198, 255, 266, 267, 301
 Тынышпаев Мухамеджан 179
 Тыркова А.В. 20, 84, 204, 206
 Тютюкин С.В. 56, 297
 Уимбуш С.Е. 295
 Унтербергер П.Ф. 163, 171
 Усманов Хайрулла 266
 Усманова Д.М. 45–48, 53, 54, 100, 119, 138, 165, 189, 206, 248, 253, 258, 276, 283, 289

Файзуллин Халеулла 299
 Фарвазетдинов Хасан 66
 Фархшатов М.Н. 134
 Фахретдинов Ризаитдин 175, 200
 Федосова Э.П. 225
 Фейзуллин М. 93
 Филиппов С. 64
 Фридолин В.Ю. 156

Хаблемитоглу Н. 288
 Хабутдинов А.Ю. 55, 124, 246, 301, 307
 Хаким Р. 119
 Халиков Я. 299
 Халилбеков Алибек 252
 Хан-оглы Магома-Магома 230
 Хартман М. 19, 20
 Хасанов Калимулла 270, 274, 275
 Хасанов Х.Х. 36, 158, 204
 Хасмамедов Алескербек 178
 Хасмамедов Халилбек 270
 Хисамутдинов З. 299
 Хойский Фатали-хан 270
 Хосроев 153
 Хурамшин Ямалетдин 48
 Хусаинов Ахмад 104
 Хусаинов Махмуд 129
 Хусейн-бек 13

Цаликов Ахмед 20, 21, 46, 83, 144, 159, 301, 307, 308
 Цехановецкий Б.П. 143, 144, 173
 Циунчук Р.А. 42

Чеботарев Тая 62
 Чемерисская М.И. 39
 Червонная С.М. 50, 53, 257
 Череванский В.П. 214
 Чингисхан Губайдулла 211, 247
 Чичерин Г.В. 10
 Чичерина С.В. 10, 11, 15, 22, 23, 132, 314

Шагиахметов Ислам 25, 133, 301, 303, 308, 321
 Шамиль, имам 121, 201, 237
 Шамиль Захид (Загид) 115, 121, 122, 306
 Шамсутдинов Файзрахман 222, 268

Шарифзаде Р. 187
 Шаховской Д.И. 204
 Шахтактинский Мамед 280–282, 285, 288, 301
 Шейх-Али Даут 213
 Шервашидзе Саад-бей 137
 Шерипов Асланбек 237
 Шершеневич Г.Ф. 203
 Ширванский Рашид 122, 137
 Шпицбарт Р.К. 160
 Шрамченко М.Н. 283
 Шукуров Р. 52

Шагин Э.М. 119
 Щегловитов И.Г. 229

Эбубекиров С. 51
 Эльдарханов Таштемир 235
 Энгельс Ф. 63

Юлдашбаев А.М. 49
 Юлдашбаев Б.Х. 58
 Юнусова А.Б. 44
 Юсупов М. 297, 298
 Юсупов Шагидулла 69

Якунин А.Ф. 35
 Ямаева Л.А. 43, 48, 206, 278
 Ямашев Хусаин 156, 197, 255, 301
 Ямбулатов Мусса 222
 Якупов Р.И. 43

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Салават Мидхатович ИСХАКОВ

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МУСУЛЬМАНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым*
Корректор *Е.В. Феоктистова*

Сдано в набор 04.06.2007. Подписано в печать 18.06.2007. Формат 60х88/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 25,0. Уч.-изд. л. 27,3.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 78.

Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ». 7720376@mail.ru
141200, Московская область, г. Пушкино, Московский проспект, дом 55. Тел. 772-03-76

Отпечатано в ООО Фирма «Пандора-1». 107143, г. Москва, Открытое шоссе, д. 15.

ISBN 978-5-91579-001-7

9 785915 790017